

ИСТОРИЯ ТАТАР ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Том I
Кочевники Великой степи в Приуралье.
Татарские средневековые государства

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исем. Тарих институты
Институт истории имени Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

ИСТОРИЯ ТАТАР ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Том I

Кочевники Великой степи в Приуралье.
Татарские средневековые государства

УДК 94(470.5)
ББК 63.3(235.55)
И 90

Серия «Tartaria Magna»

*Издание подготовлено при финансовой помощи
ОАО «АК Востокнефтезаводмонтаж» и ООО НПФ «Пакер»*

Научный руководитель
доктор исторических наук *Р.С. Хакимов*

Редакционная коллегия:

*Р.С. Хакимов, А.Г. Ситдиков, А.А. Максюттов, В.А. Иванов, Иштван Вашари,
В.В. Трепавлов, Д.М. Исхаков, Юлай Шамильоглу, М.И. Ахметзянов,
И.В. Зайцев, Т.М. Калинина, Н.Н. Крадин, И.М. Миргалеев, А.В. Аксанов*

Рецензенты:

Иштван Фодор, А.А. Бурханов, С.Ф. Татауров

История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 464 с. + 4 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-225-9

В монографии представлены материалы, связанные с формированием и развитием татарского населения Западного Приуралья. В ней аккумулированы основные новейшие исследования ведущих ученых из научных центров России и зарубежья. Хронология охвата – с древнейших времен до позднего средневековья.

Книга может быть полезна исследователям, преподавателям вузов, представителям органов власти и управления и всем тем, кто интересуется историей и культурой народов России.

ISBN 978-5-94981-225-9

УДК 94(470.5)
ББК 63.3(235.55)

Предисловие

Рафаэль Хакимов

Западное Приуралье представляло из себя одну из важнейших этнических контактных зон, прежде всего тюркоязычных кочевников из степи: гуннов, тюрков, болгар, кимаков, печенегов, кыпчак и татар, полукочевых угров и лесных финских племен. Угро-мадьяры маркируются такими археологическими культурами, как кушнаренковская, караякуповская и чияликская. Эти археологические культуры имеют высокий процент типологического сходства, что указывает на этническое родство их носителей. При этом их разделение по особенностям показывает не только определенный этап их миграции на запад, но и включение в их состав новых угров из Зауралья и, возможно, некоторых тюркских элементов. В культурном плане влияние тюрков было определяющим, особенно было сильное влияние волжских болгар, что прослеживается и в погребальных традициях, где становится заметно влияние ислама. К сожалению, как указал известный уфимский археолог В.А. Иванов, археологические исследования в Приуралье в последние годы уже не проводятся, многие работы археологов остаются дискуссионными и не принятыми научным сообществом. Остатки так называемых восточных венгров (чияликцы), зафиксированные письменными источниками, еще ждут своих исследователей.

Археологические материалы Приуралья периода Золотой Орды и татарских ханств также мало изучены и нуждаются в типологизации. Безусловно, хочется надеяться, что в будущем эти исследования будут опираться именно на научные, проверенные данные, а не на сомнительные «реконструкции», что мы, к сожалению, наблюдаем нередко в последние годы.

Восточные венгры, с которыми общались их собратья из Венгрии перед западным походом Чингизидов, в наказание за упорное сопротивление были расселены по всей монгольской империи. Их остатки – чияликцы – в последующем представляли из себя мусульманизированные локальные группы и за короткое время вошли в состав золотоордынских татар Беловолжского (Акидель) улуса. В составе золотоордынских татар этого улуса были выходцы и из Хорезма, что также усиливало исламизацию местного населения (например в период Золотой Орды для мусульманских проповедников из Хорезма были построены мавзолеи, которые расположены около татарских деревень Чишминского района РБ).

Татары Беловолжского улуса формировались в тесной связи со Средним Поволжьем. Сама Беловолжская земля входила в состав Булгарского улуса Золотой Орды. Границы Беловолжского улуса определяли в том числе и этническую границу региона. А к северу от этого улуса уже шло формирование новых этнических групп. Смешанное финно-угорское население верховья Камы и Западной Сибири в золотоордынский период разделилось на две группы. Наиболее отдаленная группа оформилась в финские народы: удмурты и коми. В контактной зоне начали формироваться иштяки. Южных финно-угров татары называли «иштяк». На протяжении всего золотоордынского периода и в период татарских ханств иштяки татаризировались и в дальнейшем вошли в состав татар и современных башкир. Этот процесс был долгим, он хорошо зафиксирован как в народной памяти, так и в исторических

документах. Более того, именно иштяки и стали основой формирующегося этно-сословного образования башкир в XVI–XVIII веках¹.

Татары Беловолжского улуса в дальнейшем вошли в состав Казанского ханства. Последний хан единой Золотой Орды, основатель Казанского ханства Улуг Мухаммад и его сын хан Махмуд, каждый из которых продолжал считать себя ханом всей Золотой Орды и именовался в документах «Татарским царем», активно укрепляли границы своего ханства и вытесняли из Волго-Уральского региона Шибанидов. Поэтому было важно, особенно на востоке государства, основать новые укрепленные поселения, которые к тому же служили административными и ясачными центрами. Были укреплены город Уфа (археологическая Уфа–2) и другие населенные пункты. В дальнейшем часть этих новопоселенных татар, скорее всего, выходцев из Сарая и Крыма, вошла в состав беловолжских татар. Согласно местным преданиям, часть татар Приуралья, именуемых «Томэн», как раз связана с татарами из орды Улуг Мухаммада.

К казанским ханам поступали на службу и татары улуса Шибанидов, например племя табын расселилось не только на Урале, но и дошло до Заказанья, где известны их эпитафии. К беловолжским татарам примыкали и татары из Западной Сибири и Среднего Поволжья. Переселение происходило и после падения Казани, когда началась активная миграция двух групп татар, а именно мишарей и казанских татар, которые составили основной компонент современной татарской нации. Таким образом, и татары Беловолжского улуса, вовлеченные в эти процессы, стали важной составляющей современной татарской нации. В силу сословности всего общества в дальнейшем на территории Западного Приуралья сформировались четыре татарских сословия: служилые татары (татары), мишари (мещеряки), томэн (темниковские) и тептяри. Автохтонное татарское население вошло во все эти группы татар, однако основная их часть все же вошла в сословие служилых татар и мишар. В приграничных районах Зауралья и Южного Урала русская администрация сформировала еще одно сословие – башкирское (на основе населения башкирского улуса Казанского ханства, но уже включая в их состав новые группы), которое должно было помогать охранять границы государства. Даже после укрепления границы русскими формированиями, а именно Яицкими (уральскими) казаками, им в помощь в виде иррегулярных воинских подразделений оставили башкирско-мещеряцкие формирования, в состав которых вошли как собственные башкиры, так и татары.

Археографы, исследовавшие северо-западные районы современной Башкирии, обратили внимание на то, что местное татарское население не знало о былом проживании здесь башкир. Науке не известны ни кладбища башкир, ни башкирские топонимы, ни какие-то другие памятники, свидетельствующие о том, что здесь когда-либо проживали башкиры. На этом фоне бесосновательным выглядит историко-

---

¹ Как отмечает В.В. Трепавлов, в некоторых случаях понятия «башкиры» и «иштяки» используются синонимами, но иногда в глазах ногаев «иштяки» не были равнозначны башкирам. Объяснение этому, на наш взгляд, кроется в том, что первые башкиры в этническом плане происходили именно из иштяков, но уже изначально понятие «башкир» было сугубо социальным, сословным, уходящим корнями в золотоордынско-казанский период. Когда русская администрация начала использовать для охраны уральских границ башкир из иштяков, не нарушая сложившуюся военную структуру в своих целях, но потом включая в их состав уже и сибирско-татарские группы, и остатки ногайцев (см.: Глава IV, § 3. Южное Приуралье в составе Ногайской Орды).

графический миф о том, что татары заселили эти территории только во второй половине XVI–XVII вв., вытеснив отсюда башкир.

Как видим, в юго-западном Приуралье издревле шло формирование татарского народа. Булгары, татары Кимакского каганата, золотоордынские татары проживали на этой территории постоянно. Когда в XVII–XVIII веках на территорию Западного Приуралья начали массово переселяться татары из других регионов (Среднего Поволжья, Сибири, Темникова и Алатыра), они в силу общности татарского самосознания быстро и незаметно слились в один народ. В то же время, когда началась насильственная христианизация, многие татары бежали к «башкирам», которых царские власти не крестили.

В силу выгодного положения башкирского сословия многие татары старались перейти в сословие башкир, но основная часть этих «башкир» в XIX веке вышла из башкирского сословия. Хотя еще даже в начале XX века татары и собственно башкиры отличий между собой не видели. Только с установившимися нормами башкирского литературного языка, созданного на основе кувьканского говора, который наиболее сильно отличался от татарского, да и то больше в фонетическом плане, нежели в лингвистическом, началось разделение народа и формирование «чистого» татарского и башкирского самосознания. Там, где было сплошное татарское население, а именно в северо-западном Приуралье, где разговорный язык так называемых уфимских татар практически не отличался от языка казанских татар, население не приняло башкирскую идентичность. А к башкирам стали относиться этнические группы, у которых благодаря особенностям социального положения (военное привилегированное сословие) сформировалось свое самосознание, отличавшееся от татарского и татарско-башкирского (например учалинские тептяри, имеющие казанско-татарское происхождение, считают себя как татарами, так и башкирами). В дальнейшем эти социально-политические процессы и привели к серьезным искажениям при освещении ранней этнической истории Приуралья. Советская историография при написании истории народов СССР опиралась на советские административные границы, в рамках которых необходимо было писать историю народов. Именно на этих установках и была написана работа С.И. Руденко, который сделал большой вклад в конструирование башкирской идентичности, описывая этнически пестрое башкирское сословие как некий единый народ. Р.Г. Кузеев же по заданию советского руководства БАССР пытался показать исконность проживания башкирского народа на территории современной Башкирии.

Безусловно, такие идеологические установки привели к большим искажениям и к политизации трактовок истории народов Волго-Уралья. Но эти не менее интересные процессы и этапы в истории приуральских татар будут рассмотрены в следующих томах.

Сегодня, когда краеведы активизировались в написании истории родов и деревень, так называемой микроистории, становится известно много нового, вводятся в научный оборот новые материалы. Поэтому, несомненно, в ближайшем будущем история татар, проживающих в Приуралье, еще не раз станет предметом объективных исследований.

Хотелось бы выразить благодарность лично А.А. Максютову, представительству Татарстана в Республике Башкортостан, за поддержку этого проекта.

Надеемся, что настоящий том будет полезен не только специалистам, но и всем, кто интересуется историей этой части татар. А таких заинтересованных лиц, судя по обращениям с просьбами написать их историю, огромное количество.

Введение

Ильнур Миргалеев, Анвар Аксанов

Стержнем большой татарской нации являются так называемые волгоуральские татары. Хотя все татары называют себя просто татарами, в историографии за разными группами татар закрепились такие географические эпитеты, как казанские, астраханские, крымские, сибирские. Несмотря на то, что история татар Приуралья практически не изучалась, были попытки выделить и уфимских татар, однако это наименование не прижилось. Еще в 1770 году известный немецкий ученый П.С. Паллас описывал их так: «На западной, южной и северо-западной сторонах *Уфы* жительствоуют так нарицаемые *Уфимские* Татара, свойственники Казанских, но давно уже в сих странах поселившиеся. Они составляют, особливо в околотках между реками *Белую* и *Иком*, многочисленные жилища. Сии Татара из всех Уфимских селенников бесспорно самые прилежнейшие земледельцы, и по большей части люди неубогие. Да и как можно им не иметь довольствуя и счастливого успеху при порядочном хозяйстве, кое между их видно...».

Далее немецкий академик указал на существование здесь древней оседлой мусульманской культуры: «...В окружности *Уфы* многие монументы, доказывающие жительство здесь некоего от башкирцев со всем особливого народа. Ибо две по ту сторону реки *Диомы* при отстоящих в 40 почти верстах от города *Уфы* Татарских деревнях *Тирме* и *Калмаше* находящиеся из кирпичу строенные мечети, и многия при них надгробные камни от части с Арабскими, а отчасти с коптическими надписями не Башкирского суть происхождения. Также и находящиеся между *Уфою* и *Бирским* по обеим сторонам реки *Белой* укрепленные места доказывают, что они построены не Башкирцами. Такое же укрепленное место находится еще от города *Уфы* по прямой линии к восточной стороне, почти в четырех верстах, и лежит на правом горном берегу реки сего названия».

В дополнение к вышесказанному следует сказать, что эпиграфические памятники, обнаруженные на данной территории, как две капли воды похожи на монументы Булгарского улуса [12]. О близости материальной культуры Среднего Поволжья и Приуралья в золотоордынское время свидетельствуют данные археологии [10, с. 88–100]. О том, что земли по р. Белой со времен Золотой Орды были населены мусульманами из Булгарского улуса, говорят и письменные источники¹. Следовательно, термин «уфимские татары» не прижился из-за того, что на территории от Волги до Белой издревле проживали татары, поселения которых тянулись по этим землям непрерывной полосой. Неспроста П.С. Паллас писал, что «ни в языке, ни в обыкновениях, между Уфимскими и Казанскими Татарами, которых в Уфимской провинции великое множество живут перемешавшись, приметить не можно»².

«Уфимские татары», описанные П.С. Палласом, – это потомки татар Акидель улуса (XIII–XVI вв.), а «Казанские Татары» – татары, мигрировавшие в Приуралье

¹ См. прил.: Гильом де Рубрук о реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране; Письмо брата Иоганки венгра...; Казанская история о Приуралье.

² См. прил.: Из сочинения П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи».

в XVII–XVIII вв. Единственное незначительное отличие между ними П.С. Паллас видел в «платье», то есть одежде, что могло являться рудиментом их исторической принадлежности к разным территориально-культурным ареалам. То есть татары, живущие между Казанью и Уфой, существенно не отличаются друг от друга, это во всех отношениях единый этнический организм. Конечно, он состоит из так называемых «казанских» татар (в Приуралье они входили в сословие тептяр) и мишарей (мишар и томэн), но эти составные части татарского народа сформировались в условиях общего процесса и из одних и тех же племен. Попытки выделить особую группу «уфимских» или «приуральских» татар не привели к успеху. Сегодня при изучении истории приуральских татар необходимо отбросить советские установки на болгаристские и диаспоральные трактовки.

Тюркские племена издревле проникли в Волго-Уральский регион, где, взаимодействуя с кочевыми угорскими племенами, создавали политические объединения. По словам А.В. Головнева, «многообразные урало-алтайские перекрестные заимствования свидетельствуют о долговременном соседстве и взаимодействии, особенно между самодийцами и тунгусами, уграми и тюрками» [3, с. 144]. При этом угорский компонент, весьма близкий в этноязыковом плане к раннетюркскому, а также финскому, и отделившийся от него в исторической ретроспективе относительно недавно, играл в этих объединениях не последнюю роль. Это касается гуннов, болгар, печенегов, огузов, кыпчаков, кимаков и других племенных союзов, в разное время вступавших в контакты с приуральскими уграми. При этом есть основания полагать, что в раннем средневековье в Южном Приуралье кочевые угры все же доминировали.

Движение угров из Зауралья на запад началось в VI веке. В VIII в. в лесостепное Приуралье переселилась новая волна угров, которых исследователи ассоциируют с населением Великой Венгрии (Magna Hungaria)³. В историографии их называют восточными мадьярами, имея в виду, что существовали еще и западные мадьяры или венгры, которые в IX в. переехали на берега Дона и Кубани и попали в зависимость от Хазарского каганата, а потом переселились в Паннонию. В арабских источниках IX–XI вв. приуральские (восточные) венгры известны под этнонимами «башджард», «баджгард», «башгирд»⁴, «басджирт», а в латинских источниках XIII–XIV вв. – «баскарт», «паскатири». В Приуралье они вступили во взаимодействие с волгокамскими булгарами, также недавно переселившимися в эти пределы⁵.

Вследствие миграционного давления со стороны народов Сибири и/или из-за изменения природно-климатических условий (например, повышение увлажненности лесов Северной Евразии) часть мадьяр-венгров переселилась на запад. Согласно хронике Венгерского Анонима, семь мадьярских племен «в 884 году... перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому...»⁶, впоследствии они добрались до Паннонии и создали там Венгерское королевство. В составе переселившихся венгров были и тюркские племена, которые в новой Венгрии играли важную роль, что зафиксировано у ал-Гарнати. Венгры тесно контактировали с волжско-камскими булгарами, о чем свидетельствуют и археологические памятники, среди ко-

³ См.: Глава I, § 5. Финно-угры в Приуралье.

⁴ По заключению В.А. Иванова и А.М. Белавина, «встреченные Ибн Фадланом «башкиры» были кочевые угры» (см.: Глава II, § 6. Население Западного Приуралья в X–XIV вв.).

⁵ См.: Глава I, § 3. Волго-Уральский регион в эпоху Тюркских каганатов.

⁶ См.: Глава I, § 5. Финно-угры в Приуралье.

торых можно назвать Больше-Тиганский, Тетюшский, Танкеевский, XII Измерский, Больше-Тарханский могильники с мадьярскими чертами.

Многочисленные клады арабских монет, в которых часто присутствуют и монеты болгарского чекана, указывают на то, что в IX–XI веках Приуралье включается в зону арабо-болгарской торговли, а также экономического и политического влияния Волжской Булгарии⁷. А в слоях XII–XIV вв. найдены болгарские подвески, разделители четок, предметы вооружения и другие находки, которые наряду с мусульманскими захоронениями свидетельствуют о значительной исламизации населения Верхнего Прикамья. Проанализировав комплекс письменных и археологических данных, А.М. Белавин пришел к выводу, что «Волжская Булгария к XI–XII вв. фактически присоединила земли Предуралья», что позволило болгарскому эмиру «собирать в Прикамье налоги: джизью и харадж»⁸. В сочинениях арабских авторов верхнекамская территория, находившаяся в зависимости от болгар, обозначалась как область «Вису-Чулман», которая, вероятнее всего, соответствовала «Камской земле», зафиксированной в русских летописях XV века⁹.

В меньшей степени в домонгольское время болгарское влияние ощущается в землях к югу и востоку от Вису-Чулман. Часть мадьяр осталась на своей исторической родине, известной по латинским источникам как страна «Паскатир», «Баскарт» или Великая Венгрия, занимавшая значительную часть территории Южного и Среднего Приуралья. Более точные ориентиры расположения «басджирт» приведены на карте Идриси, где они помещены между р. Камой и Уральскими горами¹⁰. До XIII в. население этой страны продолжало сохранять свой язык (близкий к венгерскому), верования и память о том, что их сородичи ушли на запад. Безусловно, говоря о тюркизации приуральских угров, необходимо учитывать и влияние их восточных соседей – мощного тюркского государства кимаков, где одним из основных государствообразующих племен были древние татары, язык которых Махмуд ал-Кашгари определяет как тюркский. После падения Кимаковского каганата из среды кимаков вышли кыпчаки, которые и определили в будущем языковую ситуацию в Волго-Уральском регионе. Как известно, «кыпчакский» язык идентичен средневековому татарскому языку, в «Кодексе куманикусе» он так и назван: «татар теле».

В результате Западного похода татаро-монгол большая часть Великой Венгрии в Приуралье была заселена тюрко-татарскими племенами из Центральной Азии и выходцами из Булгара, а сами восточные венгры в основной своей массе подверглись насильственному переселению в различные районы империи. В составе войск Золотой Орды Рашид ад-дин упоминает «маджар», но так как Венгерское королевство не подчинялось Улусу Джучи, то здесь, безусловно, речь идет именно о восточных венграх. Это также подтверждает мнение известного финского исследователя Р. Хаутала о том, что после покорения восточные венгры были расселены по всем улусам, где они позже и фиксируются¹¹. Как показывают письменные источники, часть этих восточных венгров оказалась и в Чагатайском улусе, а другая часть, по археологическим данным, была переселена в Среднее Поволжье, скорее

⁷ См.: Глава I, § 5. Финно-угры в Приуралье; Глава II, § 1. Западное Приуралье в составе Булгарского государства.

⁸ См.: Глава II, § 1. Западное Приуралье в составе Булгарского государства.

⁹ См.: Глава IV, § 1. Восточные улусы Казанского ханства.

¹⁰ См.: Глава II, § 3. Кыпчаки в Приуралье.

¹¹ См.: Глава III, § 3. Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XIV веков.

всего, все это было связано с постройкой на месте поселения Волжской Булгарии большого золотоордынского города Болгар в качестве первой столицы Золотой Орды. Вполне возможно, именно из этих переселенных маджар-паскатир происходит племя *мажар* в Кашкадарьинской области Узбекистана, а также и казахское племя *мадияр* (более подробно см.: [13]). Хотя генетиками и были раскритикованы некоторые выводы венгерских ученых (более подробно см. [8, с. 336]), но тут, на наш взгляд, все же важно наличие такого племени, и мы их связываем не с западными венграми из Паннонии, а с восточными венграми из Западного Приуралья, к XIII веку они уже в генетическом плане могли отличаться от своих западных сородичей. Да и в Чагатайском улусе они, вполне возможно, были перемешаны с другими племенами, но при этом сохранили этноним маджар.

Как известно, оказывавшие сопротивление племена распределялись между новообразованными кланами, как это произошло с некоторыми племенами, такими как татары-алчыны, меркиты и киргизы [6, с. 132–136]. А восточные венгры вместе с булгарами в течение 14 лет оказывали сопротивление джучидам¹². Таким образом, в результате Западного похода и расселения они, как и многие другие завоеванные народы, оказались в рамках золотоордынских цивилизационных процессов и к середине XIV века утратили свой язык, религию и растворились среди тюрко-татар.

Однако память о «Баскардии», судя по источникам, продолжала существовать до позднего средневековья. Это наименование использовалось для обозначения определенной области в Приуралье, включенной в состав Золотой Орды. В письме монаха Иоганки от 1320 г. находим интересные факты: «С двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии, большого народа, подчиняющегося татарам». Согласно ему же, «Государь всей Баскардии» отказался принять христианство, так как исповедовал ислам¹³. В этом сообщении нет конкретных географических ориентиров, единственным топонимом выступает Сибирь, упоминаемая как соседняя область. Следовательно, после Западного похода под «Баскардией» понимали земли, находившиеся в верховьях Камы на Среднем Урале и граничившие с Сибирью, что подтверждается и рядом более поздних сообщений XIV–XVI веков¹⁴.

В период Золотой Орды тюрко-татарские племена выступили цементирующей этнической силой. Благодаря распространению ислама начал складываться единый койне и литературный язык (известный в литературе как старотатарский), который стал языком проповеди для простого народа, в результате население Волго-Уралья стало более однородным. Культурное влияние мусульманской Волжской Булгарии и Золотой Орды привело к тому, что древнее население Приуралья – угры и тюркские племена – к середине XIV века на всем протяжении Волго-Уральского региона влилось в состав татарского народа.

В золотоордынский период на территории Приуралья существовало несколько улусов: Акидель, Иштякский, Камский, Сылвенский и Башкирский. Все они находились в сфере влияния города Болгара, а во второй половине XV в. вошли в состав Казанского ханства. Очевидно, что эти золотоордынские улусы и одноименные

---

¹² Возможно, булгары использовали восточных венгров как военных федератов для охраны восточных границ.

¹³ См. прил.: Письмо брата Иоганки венгра.

¹⁴ См.: Глава IV, § 1. Восточные улусы Казанского ханства.

улусы Казанского ханства территориально совпадали, так как Казанское ханство продолжало традиции золотоордынской государственности, что выражалось и в использовании той же административно-правовой системы¹⁵. Документально зафиксировано, что в 1469 г. «Беловоложская» (Акидель), «Камская», «Вотятъцкая», «Костяцкая» (Иштяк-олысы), «Циплиньская» (Сылвенская) и «Башкирская» земли входили в состав Казанского ханства. Три из них, обозначенные по названиям рек, необходимо соотнести с территорией занимаемой бассейном рек Камы¹⁶ («Камская»), Сылвы («Циплиньская») и Белой («Беловоложская»). Другие три, указанные по этнической принадлежности, можно связать с территориально-племенными объединениями остяков/иштяков («Костяцкая»), удмуртов («Вотятъцкая») и башкир («Башкирская»).

Какие же народы проживали на территории «Камской», «Циплиньской» и «Беловоложской» земель? Судя по всему, для современников событий этот вопрос не требовал специального пояснения. Широкая география расселения была характерна только для основной доминирующей этнической общности Казанского ханства – татар. Речь явно не идет об иштяках, удмуртах и башкирах, поскольку летописец их упоминает отдельно. Таким образом, на территории «Камской», «Циплиньской» и «Беловоложской» земель, то есть в бассейне рек Камы, Сылвы и Белой проживали именно татары. Административная власть Казани в Приуралье опиралась не только на военный и экономический потенциал, но и на широкий слой местного татарского населения. Это подтверждается и сохранившимися документами второй половины XVI–XVII вв. Причем по писцовым книгам этого периода видно, что татары были хорошо представлены и в обширных иштяжских улусах, где они совместно с иштяками «исстари» владели вотчинами¹⁷.

Сами иштяки вели свое происхождение от северных угорских, а также от тюркских племен, которые вступили в активное взаимодействие в золотордынский период¹⁸. Иштяки были одной из самых заметных этнических групп Приуралья в позднем средневековье, но в XVII–XVIII веках в официальных государственных документах они начинают фиксироваться как «татары» и «башкирцы», хотя при межэтнических и внутренних контактах представители этой общности еще долгое время продолжали использовать этноним «иштяк»¹⁹.

Таким образом, иштяки являются предками значительной части современных пермских татар и башкир. О том, что башкиры связывали свое происхождение с «финнами», свидетельствует Евгений Шуйлер (1840–1890), американский дипломат, который во время своего путешествия останавливался у башкир. Он пишет, что хотя башкиры и являются по происхождению «финнами», однако они уже пе-

---

¹⁵ Следует отметить, что в ходе смутного позднезолотоордынского периода перечисленные улусы на некоторое время попали под власть сибирских Шибанидов: Мухаммад-Хаджи, Абульхайр и, возможно, Ибрагим-хан (Ивак/Айбак). См.: Глава IV, § 5. Правовое развитие тюрко-татарских государств XV–XVII вв.: основные тенденции.

¹⁶ Выше р. Белой, поскольку в представлении татар того времени не Белая впадала в Каму, а Кама (Чулман) в Белую (Акидел).

¹⁷ См.: Глава IV, § 1. Восточные улусы Казанского ханства.

¹⁸ См.: Глава IV, § 4. Иштяжская общность Приуралья в средневековье.

¹⁹ По данным П.-Ш. Левека, «татары, покоря Сибирь под свое иго, называли природных тамошних жителей ругательным словом уштяки, сиречь «дикари». Название сие превратили русские в слово отяк» (см. прил.: Из сочинения П.-Ш. Левека «История народов, подвластных России» (1783 г.)).

решили на татарский язык: «Как рассказывают, башкиры имеют финские корни, однако разговаривают на одной из групп турецкого или татарского языка», «раньше они жили грабежом и были кочевниками как казахи и их использовали как военную силу на границе» [14, с. 5]. Даже в XIX в. часть башкир помнила о своем угорском происхождении. В то же время южные башкирские рода свое происхождение связывали с ногайцами, а зауральские – с Сибирью. История башкир не является основным предметом нашего исследования. Отметим только, что восточные мадьяры и древние тюрки – гунны, печенеги, кыпчаки и золотоордынские татары (табын, мин, тамьян, кыпчак и др.) – также участвовали в этногенезе современных башкир.

Нет однозначного ответа и на вопрос об этимологии этнонима «башкорт». Хотя с точки зрения развития исторических событий более логичным выглядит выведение названия «башкорт» из этнонима восточных венгров – от «баскарт\бажгарт». Что касается альтернативных версий этимологии слова «башкорт» более распространенных в народе (от огузов-печенежского «башкорт\башкурт» – главный волк; кыпчакского – «баш» в смысле голова, «корт» в смысле насекомое, пчела; «баш угор» – беш, т.е. пять угорских племен и т.п.), то еще Н.А. Баскаков показал несоответствие их тюркской этнонимии и обосновал историко-лингвистическую правомерность развития этнонима «башкир» и «мадьяр» от общего тюркского экзоэтнонима «баджа огур» – свояк огур, свояк угров²⁰.

Важно, что эти лингвистические данные коррелируются с историей Башкирского улуса в составе Золотой Орды и Казанского ханства. Здесь необходимо учитывать, что предшествующая историография в основном опиралась на работы С.И. Руденко [7] и Р.Г. Кузеева [5]. И хотя в дальнейшем некоторые авторы обращали внимание на «северное» происхождение башкир [4, с. 150; 11, с. 11], в целом историки до сих пор оставались на позициях, заложенных Р.Г. Кузеевым, который опирался на поздний и весьма специфический фольклорный материал – генеалогии и эпосы²¹. Однако весь корпус аутентичных синхронных источников показывает совершенно иную картину: Башкирский улус Казанского ханства располагался на Среднем Урале, от верховьев Камы и ее уральских притоков до истоков таких сибирских рек, как Тура и Исеть²². Именно на этой территории сохранились остатки восточно-венгерского населения, которое у М. Меховского (1517 г.) и А. Кампензе (1524 г.) обозначается как «baschirdi», в сочинении А. Курбского и грамоте Ивана Грозного от 1572 г. – «башкирды», а в более поздних русских летописях и документах – «башкирцы»²³.

Башкирский улус Казанского ханства находился на малозаселенной, но стратегически важной территории, через него проходили пути, соединявшие Казанское ханство с Великой Пермью и Сибирью. С одной стороны, это была зона, через которую устанавливалась связь с важнейшими районами пушного промысла, с другой стороны, через эту территорию шли нередкие набеги русских и угорских ушкуйников. Следовательно, «башкирды» должны были выполнять военно-охранную функ-

²⁰ «badža oγur (сваяк огур, свояк угров) > badž(a) oγur > badžγar получил форму madž(a) oγur > madžγur > madžγar > madjar, т.е., иначе говоря, этнонимы башкиры и мадьяры имели общее происхождение» [1].

²¹ Более подробно см. прил.: Марсель Ахметзянов. К вопросу о «башкирских шеджере».

²² См. карту «Казанское ханство в 1445–1552 гг.» на цв. вкл.

²³ См.: Глава IV, § 1. Восточные улусы Казанского ханства.

цию и занимать особый статус в этносоциальной иерархии, подобно тарханам, служившим на юго-востоке Казанского ханства.

Пришедшая на смену Казанскому ханству Московская Русь долгое время существенно не меняла механизмы управления покоренными территориями, поэтому при новой власти «башкирды» продолжали играть ту же роль. Однако с 1570-х годов разгорелся конфликт с Сибирским ханством, в ходе которого зона противостояния постепенно смещалась с северо-восточных и восточных границ Казанского уезда к юго-восточным. Вместе с этим перемещались и боеспособные «башкирды», сохранившие верность Москве. При этом благоприятные условия для миграции в Южное Приуралье возникли уже в 1550–1560 гг. после того, как поразившие Ногайскую Орду бедствия (многолетняя кровопролитная смута, голод и страшный мор) привели к изрядному запустению этой территории. Но ногайцы не забывали о своем былом могуществе и часто напоминали русским о своих правах на южно-уральские земли, что, впрочем, не могло остановить процесс расширения ареала московского владычества.

О переселении части среднеуральского населения на юг свидетельствуют как официальные документы, так и этнографические и лингвистические данные. Причем эта миграция была обусловлена и глобальным похолоданием, пик которого пришелся на вторую половину XVI – начало XVII века. В условиях резкого изменения климата население, проживавшее по обе стороны Урала, стало искать более благоприятные условия жизни. В Среднем и Южном Приуралье это наложило на глобальные политические изменения, вызванные падением Казанского ханства, ослаблением позиций ногайцев и укреплением власти Москвы, успешно воспользовавшейся сложившейся ситуацией для подчинения этих земель²⁴.

В конце XVI в. усиливается противостояние с Ногайской Ордой, а в XVII в. главным противником России на Южном Урале и в других сопредельных районах становятся калмыки и казахи. Именно в этот период в регионе резко увеличивается число так называемых «башкирцев», пополнявшихся за счет татарского населения, то есть «башкирды» Казанского ханства (этнически близкие к иштякам) после переселения на юго-восточные окраины сыграли роль своеобразной этносоциальной матрицы для формирования башкир-вотчинников («асаба башкорт»). Возможно, структурообразующей единицей были средневековые башкиры-гайнинцы, считающиеся легендарными предками-прародителями многих современных башкирских племен²⁵.

Еще в начале 1570-х гг. в результате конфликта Москвы с сибирскими Шибанидами в Западное Приуралье стали проникать новые группы татарского населения из Сибири. После присоединения Сибирского ханства и в ходе последовавших конфликтов с Ногайской Ордой и калмыками сибирско-татарские племена (прежде

---

²⁴ См.: Глава IV, § 1. Восточные улусы Казанского ханства.

²⁵ Однако среди современных башкирских племен ыру гайнэ отсутствует, а гайнинцы, ныне живущие в Пермском крае, родным языком считают татарский и в основном обладают татарским самосознанием. Среди современных гайнинцев много поздних татарских вкраплений, например группы «казанць», «мишари» и т.д., то есть прямого этнического отношения современные гайнинцы к средневековым гайнинцам не имеют – это уже более позднее и немногочисленное формирование, сложившееся на основе взаимодействия различных татарских групп. При этом именно древние гайнинцы-угры, судя по исторической памяти башкир, скорее всего, сыграли роль материнской этноплеменной общности для нового башкирского сословия в русский период и вошли в состав многих башкирских племен.

всего это табыны), подобно иштякам (эйле, юматы, тангаур) и ногайцам (кыпчак, бурзян, тамьян, усерган), стали записываться русской администрацией в военное-служилое сословие «особых башкирцев» (отсюда «асаба башкорт»). Схожая судьба постигла племя мин (так называемые бельские башкиры у П.И. Рычкова), которое кочевало и по левобережью Белой. После постройки русского города Уфа на реке Сутолоке (близ разрушенной Уфы Казанского ханства) кочевание было затруднено и бельские башкиры обосновались южнее Уфы, на Южном Урале (немногочисленная группа – ыру мин – известна также и как давлекановские башкиры, димские башкиры, бельские башкиры). Они являются остатками ногайских татар, состоявшими на службе у казанских ханов. Но в отличие от переселившихся в конце XVI – начале XVII века ногайцев племен кыпчак, усерган, бурзян и тамьян, минцы кочевали в Приуралье по крайней мере с начала XVI века, а после падения Казанского ханства минцы поддерживали шибанидов и вместе с сибирско-татарскими группами в XVII веке вошли в состав башкир. Племя мин распространилось и в Среднем Поволжье, оставив свой след в топонимике.

Вначале новое название «башкиры» применялось ко всему населению Южного Урала и части Зауралья. По наблюдениям Г.Х. Самигулова, «татары» и «башкирцы» «как обобщающая терминология в рассматриваемый период скорее отражала позицию русских администраторов, причем татарами чаще оказывались племена, отнесенные к ведению Тюмени, Тобольска или Верхотурья, а оказавшиеся в ведении Уфы упоминались как башкиры» [9, с. 128]. Однако из-за этнических процессов, тесно связанных со Средним Поволжьем, термин «башкиры» не закрепился за тюркским населением значительной части Приуралья. Наличие общих золотоордынских татарских родов привело к тому, что этноним «татар» стал самоназванием населения Приуралья еще в золотоордынский период. Эти процессы происходили во взаимосвязи со Средним Поволжьем, и поэтому их нужно рассмотреть в рамках становления татарской нации XVIII века.

Этническая основа приуральских татар мало чем отличается от «волжских» татар. Чтобы понять этническую историю татар Волго-Уралья, необходимо эту территорию рассмотреть в общем контексте, так как и тюрки, и угры «варились» в этом котле уже с раннего средневековья. Их памятники зафиксированы и на Средней Волге, и в Приуралье.

Раннюю этническую историю татар Приуралья нужно начинать с гуннов, восточных мадьяр и древних тюрков. Свою лепту, безусловно, внесли печенеги, болгары, кимаки-татары, кыпчаки, золотоордынские татары и татары периода татарских ханств. Сибирские, ногайские, большеордынские и крымские татары вошли в родоплеменные структуры раннего тюрко-угорского населения Приуралья. Этот процесс в общих чертах был завершен к середине XIV века, но вливание татарских племен и родов постепенно продолжалось вплоть до образования современных наций.

В русский период, который для Приуралья начинается после падения Казанского ханства, в состав татар Приуралья вливаются казанские татары, однако характерное для советской историографии утверждение о том, что татары в Приуралье появились только после падения Казани, не выдерживает критики. После того как Казань пала, татары продолжали в течение нескольких лет воевать за восстановление своей государственности. Безусловно, какая-то часть была вынуждена переселиться в другие земли, в том числе и в Приуралье, однако после таких колоссальных людских потерь только лишь казанские татары не могли заселить Приура-

лье, то есть многие татары, как на это указал П.С. Паллас, были местного происхождения – проживали здесь с XIII века и раньше. В русский период в Приуралье переселились в основном казанские татары, которые здесь по сословному принципу назывались тептярами и татарами из Мещеры – мишарями (собственно сами мишари и томэн, т.е. татары из Темникова). Большая часть местных татар вошла в сословие приуральских мишарей²⁶, а сибирские татары, как уже было отмечено, в XVII веке вошли в состав татар и башкир.

Татарское население северо-западных районов современной Башкирии долгое время хранило память о существовании на этой территории древних «черемисских» кладбищ. Г.В. Юсупов относил их к захоронениям, связанным с остатками восточных венгров [12, с. 134]. В то же время с потомками восточных венгров была связана и часть местных мишар. Еще в XIX в. зафиксировано, что среди татар этих районов были татары из переселенцев томэн, мещеряков и типтэр. При этом часть татар, входившая в эти сословные группы, считалась автохтонным населением, то есть проживающим здесь издревле – «с незапамятных времен». Очевидно, новые переселенцы-татары и новое сословное деление вобрали в свои структуры татар беловолжского улуса Казанского ханства.

Если же говорить о социально-экономическом развитии приуральских улусов, то необходимо отметить, что они практически не имели городов и располагались вне зоны основных торговых магистралей, но нашли свою нишу в торгово-хозяйственной жизни Булгарского улуса Золотой Орды в качестве поставщика пушнины и скота. Однако каковы были масштабы этой торговли, сказать сложно, отсутствие кладов и тезаврации серебра дает основание предполагать, что основной сбыт товара все же происходил в Болгаре и в Казани. А в Приуралье местная торговля вплоть до русского времени оставалась меновой.

Существуют зафиксированные уже в русский период предания местного населения о том, что в древности на Урале добывали железо. Возможно, производство железа было прекращено с падением золотоордынского государства. Впрочем, эта тема нуждается в дополнительном исследовании.

На территории современной Уфы имеются два средневековых городища, которые мы отнесли к приграничным городам Казанского и Сибирского ханств (одним из них до сибирских Шибанидов владела Ногайская Орда). Но отсутствие информации в письменных источниках, скудость археологических находок и прежде всего отсутствие монет говорит о том, что эти «города» были небольшими поселениями (скорее всего, похожими на города Сибирского ханства) и выполняли функции пограничных крепостей и места сбора ясака, мало влияя на жизнь населения Приуралья и Южного Урала.

---

²⁶ Приуральские мишари также несли военную службу и были включены в иррегулярные воинские подразделения наподобие башкирских и имели такие же привелегии, как и башкиры. Но в отличие от башкирского сословия, в мишарское сословие входили не приграничные башкиры, а татары из «внутренних» земель, прежде всего из бывшего Акидель улуса. Мишари заменили приуральских тархан Казанского ханства. Основу мишарского сословия в Приуралье составляли переселенные мишари из Алатырского уезда, а основу башкирского сословия – башкиры Башкирского улуса Казанского ханства.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13–18.
2. Башкирские шежере / Составление, комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.
3. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
4. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998.
5. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
6. Миргалеев И.М. К вопросу о клановой системе в золотоордынском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып.1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 132–136.
7. Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
8. Сабитов Ж.М. Популяционно-генетические исследования тюркских народов на современном этапе // Золотоордынская цивилизация. 2016. №. 9. С. 334–350.
9. Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация / разделение – к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2011. С. 127–131.
10. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. 58. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–113.
11. Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана, №2. Уфа. 1997.
12. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
13. Bíró A., Zalán A., Völgyi A. Pamjav H. Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary) //American Journal of Physical Anthropology. 2009. Т. 139. Vol. 3. P. 305–310.
14. Schuyler Eugene. Turkistan. Bati Turkistan, Hokand, Buhara ve Kulca Seyahat Notlari. Cevirenler: Firdevs Cetin, Halil Cetin. Istanbul: Paradigma, 2007.

Глава I

Древние кочевники и Приуралье

§ 1. Кочевники Евразии

Николай Крадин

Кочевники (или иначе *номады*) всегда являлись чем-то загадочным и пугающим для жителей оседло-земледельческих государств. Неслучайно древние греки создали образ кентавра – получеловека-полулошади, олицетворявшего население степных пространств. Позднее повидавший многое на своем веку бывший крестоносец Гильом Рубрук писал в своих записках о путешествии к правителю монгольской империи: «Когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир». И действительно: и хозяйство, и культура, и быт, и даже социально-политическая организация степняков отличались от привычного для земледельцев и горожан образа жизни.

В обыденном сознании превалирует точка зрения, что кочевники были только источником агрессии и грабежей. В реальности существовал широкий спектр различных форм контактов между оседлым и степным миром от военного противостояния и завоеваний до мирных торговых контактов. Кочевники сыграли важную роль в истории человечества. Они способствовали освоению малопригодных для жилья территорий. Благодаря их посреднической деятельности устанавливались торговые связи между цивилизациями, распространялись технологические, культурные и другие инновации. Многие общества номадов внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры, этническую историю мира. При этом, обладая огромным военным потенциалом, номады также оказали существенное деструктивное влияние на исторический процесс, в результате их разрушительных нашествий были уничтожены многие культурные ценности, народы и цивилизации.

Номады обитали в засушливых степях и полупустынях, где почти невозможно было заниматься земледелием. Однако они разводили животных, которые питались травой, и это было эффективным способом существования в данных природных зонах. Главной пищей номадов были различные виды молочных продуктов, реже – мясо забитых или умерших животных, охотничья добыча и только в меньшей степени продукты собирательства и земледелия. Не удивительно, что при таком способе существования сосредоточением всех интересов кочевников являлся скот – источник их жизни и показатель благосостояния.

Несомненно, такая экономическая система была хрупкой и зависела от природной среды. Засуха, снежный буран (джут), эпидемии животных (эпизоотии) могли за одну ночь лишить номада всех средств существования. Для противодействия природным напастям скотоводы разработали эффективную систему взаимопомощи. В случае гибели животных соплеменники снабжали своего пострадавшего сородича одной-двумя головами скота, и, таким образом, он вновь получал средств-

ва к существованию. Но и он был обязан в случае необходимости оказать такую же услугу своим пострадавшим соплеменникам.

Поскольку животным постоянно были необходимы новые пастбища, скотоводы были вынуждены несколько раз в год перемещаться с одного места на другое. В силу подвижного образа жизни наиболее распространенным типом жилищ у кочевников были различные варианты разборных, легкопереносимых конструкций, покрываемых, как правило, шерстью или кожей (юрта, палатка или шатер). По этой же причине домашняя утварь у кочевников была немногочисленна, а посуда чаще всего делалась из небьющихся материалов (дерево, кожа). Одежда и обувь шились, как правило, из кожи, шерсти и меха. Явление «всадничества» (т.е. наличие большого количества лошадей или верблюдов) давало кочевникам значительные преимущества в военном деле.

Для кочевников характерна особая ментальность, которая предполагает специфическое восприятие пространства и времени, обычаи гостеприимства, неприхотливость и выносливость, наличие у древних и средневековых кочевников культов войны, воина-всадника, героизированных предков, нашедших, в свою очередь, отражение как в устном творчестве (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль), культовое отношение к скоту – главному источнику существования кочевников. При этом необходимо иметь в виду, что так называемых «чистых» кочевников (кочующих постоянно) немного (часть кочевников Аравии и Сахары, монголов и некоторых других народов евразийских степей).

Вопрос о происхождении кочевничества до настоящего времени не имеет однозначного толкования. Еще в новое время была выдвинута концепция происхождения скотоводства в обществах охотников. Согласно другой, более популярной сейчас точке зрения, кочевничество сформировалось как альтернатива земледелию в неблагоприятных зонах Старого Света, куда была вытеснена часть населения с производящим хозяйством. Последние были вынуждены адаптироваться к новым условиям и специализироваться на скотоводстве. Существуют и другие точки зрения. Не менее дискуссионен вопрос времени сложения кочевничества. Часть исследователей склонны считать, что кочевничество сложилось на Ближнем Востоке на периферии первых цивилизаций еще в IV–III тыс. до н.э. Некоторые даже склонны отмечать следы кочевничества в Леванте на рубеже IX–VIII тыс. до н.э. Другие полагают, что здесь еще рано говорить о настоящем кочевничестве. Даже domestикация лошади (Украина, IV тыс. до н.э.) и появление колесниц (II тыс. до н.э.) еще не говорят о переходе от комплексной земледельческо-скотоводческой экономики к настоящему кочевничеству. По мнению этой группы ученых, переход к кочевничеству произошел не ранее рубежа II–I тыс. до н.э. в евразийских степях.

Какого уровня достигали в своем историческом развитии кочевые общества? По этому поводу в отечественной науке было высказано много различных точек зрения. Среди историков прошла даже целая дискуссия о «кочевом феодализме». Одни исследователи считали, что кочевники развиваются по тем же законам, что и земледельческие народы и основой феодализма у кочевников была собственность на землю. Их оппоненты отстаивали самобытность кочевников-скотоводов и доказывали, что пастбища у кочевников всегда оставались в коллективном пользовании, а основой феодализма составляла собственность на скот.

В настоящее время существует несколько наиболее популярных точек зрения относительно характера общественных отношений у кочевников. Одни ученые считают, что кочевники самостоятельно могли достигать только предгосударствен-

ного уровня развития, другие полагают, что наиболее крупные объединения степняков имели вполне раннегосударственный характер, по мнению третьих, развитие кочевников затормаживалось только после достижения ими государственности (ранее писали – феодальной стадии развития), а четвертые отстаивают тезис о самостоятельном пути эволюции номадов.

Вне всякого сомнения, самый интригующий вопрос истории Евразии: как и почему возникали гигантские «степные империи» и что толкало номадов на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций? В научной литературе высказывалось много различных суждений относительно причин возникновения степных держав. Вкратце их можно свести к следующим мнениям: 1) разнообразные глобальные климатические изменения (усыхание – по А. Тойнби и Г. Грумм-Гржимайло, увлажнение – по Л.Н. Гумилеву); 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых обществ торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы (пассионарность – по Л.Н. Гумилеву).

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников. Не совсем ясна роль демографии, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения и, как правило, раньше приводил к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, вне всякого сомнения, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически более комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Так или иначе, прослеживается закономерность, согласно которой степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода, кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Именно поэтому кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вожества, номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государственноподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя». Поэтому империяльная и «квазиимперская» организация у номадов Евразии развивалась только после завершения «осевого времени» (с середины I тыс. до н.э.), когда создаются могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя Западе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством

(Причерноморье, Поволжские степи, Халха-Монголия и т.д.), и, во-вторых, номады были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская Империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

Расцвет кочевничества связан с периодом возникновения «кочевых империй» или «имперских конфедераций» (середина I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Эти империи возникали по соседству со сложившимися земледельческими цивилизациями и зависели от поступаемой оттуда продукции. В одних случаях кочевники вымогали подарки и дань на расстоянии (скифы, хунну, тюрки и др.). В других они подчиняли земледельцев и взимали дань (Золотая Орда). В третьих, они завоевывали земледельцев и переселялись на их территорию, сливаясь с местным населением (авары, болгары и др.). Забайкалье входило в состав кочевых империй хунну, сяньби, тюркских каганатов, уйгуров, монголов.

Можно выделить четыре возможных варианта образования степных держав. Первый вариант представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного кочевнического этноса в централизованную империю. Как правило, данный процесс был связан с появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами» в единое государство (Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Абаоци у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель должен был организовать поступление прибавочного извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась.

Второй вариант был связан с образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центроостремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергало своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона. Данный путь можно проследить на взаимоотношениях тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков, полукочевников чжурчжэней и киданей.

Третий вариант был связан с миграцией номадов и с последующим подчинением ими земледельцев. В литературе сложилось мнение, что это был типичный путь возникновения кочевых империй. Однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями (кидани, чжурчжэни, монголы). Классическим примером такого варианта становления кочевых (точнее, теперь «полукочевых» или даже земледельческо-скотоводческих) империй было образование государства Тоба Вэй в Северном Китае, когда группа племен вторглась на территорию Северного Китая и создала там мощное кочевническо-земледельческое государство с правящей династией из номадов. Однако чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» государственных образований кочевников (аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV–VI вв. в Северной Китае («эпоха 16 государств пяти варварских племен»), каракидани в Восточном Туркестане).

Наконец, последний четвертый вариант был характерен для тех кочевых империй, которые являлись сегментами более крупных «мировых», трансконтинентальных империй номадов. Последних империй было две: тюркская и монгольская. В первом случае империя разделилась на восточно-тюркский и западно-тюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли Хазарский каганат и другие «квазиимперские» образования номадов). Во втором случае империя Чингиз-хана

была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай).

Кочевые империи снаружи выглядели как деспотические завоевательные государства, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Но изнутри «кочевые империи» оставались основанными на родо-племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества основывалась на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны.

Механизмом, соединявшим правителя степной империи и племенных вождей, были институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен, правитель кочевой державы увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого правителя» и одновременно как бы связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, с одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а с другой, могли повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, реципиент как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа. Можно предположить, что помимо символического обмена связи между вождями различных рангов и правителями степных империй осуществлялись, по всей видимости, через включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, через широкий круг коллективных мероприятий и церемоний (сезонные съезды и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и пр.).

Для реализации своих замыслов кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменять одна другую: 1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению к России и др.); 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком; 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране); 4) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (хунну, тюрки, уйгуры и пр.). Как правило, на протяжении длительного периода кочевники могли использовать несколько разных стратегий, которые менялись в силу тех или иных обстоятельств.

Все империи рано или поздно приходят к своему концу. Различными исследователями неоднократно выделялось много факторов, которые приводили к упадку и распаду империй номадов. Среди них: 1) природные явления (усыхание степи, кратковременные климатические стрессы и эпидемии); 2) внешнеполитические факторы (нашествия врагов, затяжные войны, прекращение внешних доходов, кризисы соседних земледельческих цивилизаций); 3) внутренние причины (демографический взрыв, потеря внутреннего единства и сепаратизм, гигантские размеры и слабость административной инфраструктуры, классовая борьба, усобицы ханов и гражданская война, бездарные политические правители).

Значение некоторых факторов оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников. Не совсем ясна роль демографии, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения и, как правило, раньше приводил к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы.

Однако большинство вышеперечисленных факторов оказало реальное воздействие на судьбы тех или иных степных держав. Правда, сравнительно-исторический анализ показывает, что чаще влияние на гибель кочевых империй оказывала не одна, а сразу несколько причин. Внутренние усобицы могли, например, сопровождаться экологическими катастрофами (хунну, уйгуры) или нашествиями врага (жужани, уйгуры) и т.д.

В то же время имелись причины, которые потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй: 1) внешние источники поступления прибавочного продукта, которые объединяли экономически независимые племена в единую имперскую конфедерацию; 2) мобильность и вооруженность кочевников, вынуждавшая верховную власть империй балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами; 3) специфическая (так называемая «удельно-лествичная») система наследования власти, согласно которой каждый из представителей правящего линиджа от главных жен имел право в соответствии с очередью по возрасту право на повышение административного статуса и в том числе право на престол; 4) полигамия в среде высшей элиты кочевников, которая в геометрической прогрессии приводила к переизбытку потенциальных наследников, усилению конкуренции между ними за наследство и, в конечном счете, к гражданским войнам в степи (у Чингиз-хана, например, было около 500 жен и наложниц, у Джучи – 114 сыновей, у Хубилая – около 50 сыновей и т.д.). В конечном счете судьба кочевого общества зависела от того, насколько правитель степной державы был способен решить эти проблемы, направить их вовне своего собственного социума. Если это не удавалось, империя номадов, как писал Ибн-Хальдун, редко переживала три-четыре поколения и оставалась обреченной на забвение «подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

§ 2. «Ранние государства» и их аналоги Урало-Казахстанских степей в эпоху великого переселения народов

Илья Любчанский

Эпоха поздней древности для территории Южного Урала начинается с первых веков н.э. и заканчивается началом второй половины I тысячелетия. Внутри этого хронологического интервала выделяются несколько временных отрезков, которые включают в себя важнейшие события, отражающие этнические и культурные процессы в среде степного и лесостепного населения Южного Урала: вторая половина II – III в. н.э. (возможно, начало IV в. н.э.); IV – середина V в. н.э.; V – начало VI в. н.э.

Южное Зауралье представляет собой территорию, которая включает несколько ландшафтных зон: степная, лесостепная и горно-таежная. Такое районирование и предопределило способы хозяйствования населения на этих территориях. Наиболее

освоенными в этом отношении в эпоху поздней древности оказались степные и лесостепные районы Южного Зауралья, где население занималось кочевым скотоводством, в то время как племена Южного Приуралья в это же время освоили оседло-скотоводческий тип хозяйства в лесостепной зоне региона.

В общеисторическом понимании эпоха поздней древности совпадает с начальным этапом эпохи «великого переселения народов» из районов Центральной Азии в Европу. Многочисленные импульсы этого процесса повлияли на культурную и этническую ситуацию в степном и лесостепном Зауралье, на характер взаимодействий и взаимоотношений племен двух ландшафтных зон. В той или иной степени племена Южного Урала были втянуты, можно сказать, интегрированы в процессы, связанные с изменением общественно-политического устройства в степном и лесостепном пространстве региона.

Отдельные сюжеты столь глобального процесса нашли свое отражение в формировании контактных зон взаимодействий, которые возникали именно в то время, когда происходили серьезные события в степных районах Центральной Азии, на просторах казахстанских степей в пределах очерченных границ кочевых и полукочевых «раннегосударственных» образований, упоминаемых в древних китайских имперских хрониках.

Такими событиями периода поздней древности можно считать окончательный распад Хуннской державы в 93 г. н.э. и рост гегемонистских устремлений имперского Китая эпохи династии Младшая Хань.

Именно противостояние и борьба за гегемонию в Центральной Азии становится краеугольным камнем этнополитической истории азиатской степи на рубеже нашей эры и той силой, которая сдвинула народы с места и стремительно выбросила их на Запад.

Потерпев очередное поражение от Китая в 80 г. до н.э., хунну «уходят далеко на северо-запад, больше не смея искать для скота траву и воду на юге». В следующем году хунну построили мост через реку Юйю на случай бегства. Имея серьезные проблемы в борьбе с Поднебесной, хунну все же продолжали хотя и тяжелую, но успешную борьбу против кочевых и полукочевых племен, которые их окружали. Известно, что в 70 г. до н.э. хунну численностью в 10 000 всадников напали на усуней и, разгромив их, проникли в бассейн р. Или. Однако в этом же году они потерпели поражение от динлинов и Хань.

Значительная часть хуннских племен вторгается в Восточный Туркестан, где разворачивается почти трехвековая борьба за торговые караванные пути и рыночные центры, расположенные в бассейне р. Тарим. С переменным успехом борьба длилась до 202 г. н.э. Итогом этого соперничества стало окончательное сведение политического и военного влияния потомков Модэ к нулю. Бассейн Тарима прочно вошел в сферу экономического, политического и культурного влияния Младшей Хань.

Бесконечная борьба внутри распавшегося хуннского общества заставляла искать помощи на стороне. Китайская империя приняла под свой протекторат южных хуннов шаньюя Хуханье. Наиболее активной шаньюей Чжичжи, понимая, что противостоять силам южных хуннов и Китая невозможно, уводит свою орду на земли, которые прилегали к землям усуней. Усуни, будучи союзниками Китая, напали на хуннов в 49 г. до н.э., но потерпели поражение и попали в зависимость от последних (имеются в виду отряды Чжичжи). Это позволило Чжичжи расширить новые владения хуннов за счет усуней, покорения динлинов на севере и цзяньгуней на западе. Таким образом, в результате длительной борьбы хунну постепенно продвину-

лись на запад и оказались в районах предгорий Тарбагатайского хребта и верховьев р. Или на востоке. Западные рубежи этого влияния достигали пределов Кангюя, политический центр которого располагался в среднем течении р. Сырдарьи (Джетыясарская культура). Возникновение очередной «хуннской державы» привело к новым обострениям внутри этого образования. В 36 г. до н.э. Чжичжи погиб и держава распалась. К 85 году хунны настолько ослабли, что были больше не в состоянии сдерживать натиск племен сяньби с востока, динлинов с севера, южных хуннов и Китая с юга и юго-востока. Не способные к сопротивлению 5 000 хуннов вместе с кибитками уходят на территорию Кангюя. Остальные племена подчиняются новым хозяевам Центральной Азии – Сяньби.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление от политической истории миграции племенных групп и остановиться на вопросах исторической географии всего региона, в частности на вопросе локализации Кангюя.

Сферу взаимодействия и определенные преимущества получает восточный сосед – небольшое в тот период кочевое государство Кангюй. Кангюй можно охарактеризовать как аморфное географическое и политическое образование, поскольку его фактические границы определить достаточно сложно. В литературе указываются совершенно разные территории.

Большинство исследователей склонны локализовать территорию Кангюй в пределах современного Казахстана, где-то между оз. Балхаш и средним течением Сырдарьи.

Так, Г.Е. Грумм-Гржимайло воздержался от жесткого выделения Кангюя как территории, на которую ушли хуннские племена после 93 г. н.э. Он считает, что хунну в течение I в. н.э. овладели большой территорией от Джунгарии и до Каспийского моря. Утверждая это, он автоматически включает территории Яньцай-Аланья в сферу влияния гуннов. По мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, гуннов можно расселить в пределах Тургайской котловины [7, с. 138–140].

По сообщению Л.Н. Гумилева, на китайских картах Западного края границы Кангюя представляются так: «восточная – у оз. Алаколь, южная – у хребтов Киргизского (причем, по историческим сведениям Таласская долина была окраиной Кангюя), западная – у реки Сарысу, а северо-западная – у оз. Тенгиз» [8, с. 166].

Л.А. Боровкова, отталкиваясь от данных «Ханьшу», где приводится описание ставки правителя Кангюя («Зимняя ставка правителя в земле Лэюени, в городе Битянь, от Чаньянь 12 300 ли, до земли Лэюени семь дней конной езды, до летнего местопребывания правителя в Фаньнэй – 9104 ли») [2, с. 184], локализует столицу Кангюя г. Битянь в районе современного города Джамбул на реке Талас. И далее на Запад земли Кангюй распространялись по караванному пути на Бишкек (Фрунзе), Джамбул, Чимкент и, возможно, до Ташкента [3, с. 60].

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что во второй половине II в. до н.э. Кангюй расширяет свои владения за счет малых царств оазисного типа. Его границы простираются от озера Иссык-Куль на востоке до Ташкента на западе; на юге оно контактирует с землями Больших Юэчжей по реке Гуйшуй (Сыр-Дарья); северные же земли достигают южных очертаний Арала, соседствуя здесь с Яньцай.

Заметную роль в политической жизни Кангюя на протяжении ряда веков играла конфедерация племен, известная в источниках как аланы-асии. В первые века нашей эры источники отмечают переименование Яньцай в Аланью и включение ее территории в сферу непосредственного влияния Кангюй. А.С. Скрипкин связывает

факт переименования с событиями именно в этом государстве. Не исключено, что аланы, входившие в состав Кангюй, являлись военно-политическим ядром, диктовали общую политическую ориентацию и определяли основной геополитический вектор расширения территорий этого государственного образования.

Как ведущая военная группировка «восточных скифов» они отмечены в землях Бактрианы, контроль над которой, по-видимому, держали вплоть до прихода и обоснования здесь Больших юэчжей. Последние смогли консолидировать разрозненные княжества и создать мощное государство Кушанская Бактрия в северных районах современных Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана (в пределах долины реки Зеравшан, Кашка-Дарьинского оазиса, Ферганской котловины).

Здесь они вступали в непосредственный контакт с многочисленными племенами Кангюя и, в частности, с племенами асиев. Усилившись настолько, чтобы распространять влияние за очерченными пределами, Большие юэчжи, вероятно, вытесняют асиев на север, где они формируют политический центр в среднем течении Сыр-Дарьи и до начала I в. н.э. являются самостоятельной военно-политической группировкой.

Изменение этнополитической ситуации происходит начиная с I в. н.э. и связано, как нам кажется, с инфильтрацией в сформировавшуюся на этих территориях сако-массагетскую общность новых кочевых групп. Отличия в этнокультурных уровнях, а также амбиции с обеих сторон определили форму отношений. Происходит перегруппировка сил, ведущим политическим ядром которой становятся хунну, прибывшие из Китая, элитарная часть которых либо завоевывает позиции, либо инкорпорируется в местную «государственную» структуру.

Миграционный путь хунну в степи Кангюя происходит в три этапа и занимает около века (80-е гг. I в. до н.э. – 90-е гг. I в. н.э.). Но наверняка их проникновение непосредственно в Казахстанский регион можно связать с двумя последними волнами: переселением отрядов Чжичжи и собственно уходом кочевий «северных» хунну.

Желая обосноваться в западных землях, Чжичжи освоил территории в районах озер Балхаш и Алаколь, откуда он часто, как говорят источники, совершал набеги на усунь. Отсюда по приглашению Кангюя, который фактически завербовал их как профессиональную военную корпорацию, Чжичжи с отрядами отправился в восточные их земли – в район реки Талас, где и был достигнут карательными отрядами Хань в 36 г. до н.э.

Население хунну волны 90-х гг. I в. н.э. окончательно располагается на землях Кангюй и, вероятно, включается в хозяйственно-культурный цикл местных кочевников.

С проникновением и укреплением позиций групп хуннского населения связаны и новые, скорее всего, вынужденные устремления асиано-аланской конфедерации. Они вынуждены активизировать свои вторжения через Каспийские ворота на Кавказ. Процесс вторжений алан приходится на вторую половину I в. до н.э. и синхронен с деятельностью военных отрядов Чжичжи, которые пытаются закрепиться в Семиречье. Для хуннов Чжичжи это направление на период I в. до н.э. – I в. н.э. оказалось явно бесперспективным, так как на гегемонию в среднеазиатском регионе претендует кушано-юэчжийская Бактрия. Усиление Бактрийского государства вынудило военно-политическое ядро Кангюя изменить вектор политической экспансии с южной (Бактрии, Парфии, Гиркании) на северную и северо-западную. Они завоевывают Яньцай, о чем свидетельствует факт переименования Яньцай в

«Аланья». Таким образом, данное государство, занимающее территорию северо-восточного Приаралья, включается в область, подконтрольную Кангюй.

После прихода суннских кочевий аланы открывают миграционный путь за Волгу, в Европейскую часть Евразийского континента. Их передовые отряды были зафиксированы на территории Кавказа и в Приазовье еще в первой половине I в. н.э. [25, с. 83].

С окончательной сменой политических сил на некоторое время обстановка стабилизируется и входит в обычный ритм кочевой жизни. Кочевой хозяйственный цикл кочевников основан на использовании определенных ландшафтных зон по сезонам с учетом вегетационных циклов растений. Это, в свою очередь, предполагает широкие пространственные рамки.

В работе А.Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» имеется сноска на французского историка Дегиня, который еще в XVIII веке утверждал, что «гунны с берегов Яика завоевали соседей на западе, называемых «яньцай». Этой же точки зрения придерживается и Альхейм в «Истории гуннов». У них впервые встречается топоним «Яик» (Урал). Это упоминание дает возможность предполагать, что южно-уральские степи входили в сферу влияния центральноазиатского кочевого мира. Этот тезис подтверждается сообщениями позднеантичных авторов (Птолемей, Дионисий, Иордан, Иероним, Олимпиодор, Аммиан Марцеллин). Особого внимания заслуживает фрагмент из «Комментария к «Землеописанию» Дионисия», сделанного Евстафием. Он пишет, что «унны, или гунны... – каспийский народ из племени скифов». Это упоминание, так же как и сведения Птолемея, относятся к 150–160 гг. н.э. [14, с. 367; 17].

Иордан в своей «Гетике», обращаясь к истории готов в I–II вв. н.э., очерчивает границы Скифии, причем восточная граница ее представляется так: «Скифия загибает в левую сторону за Каспийским морем, а это последнее возникает на крайних границах Азии от северо-восточного океана в виде гриба, сначала тонкого, потом широчайшей круглой формы, склоняясь к области гуннов...» (Иордан. Гетика). Этот отрывок из Иордана однозначно располагает гуннов за Каспийским морем, причем Аральское море рассматривается как залив Гирканского моря [6, с. 20–21].

Применение перекрестного сравнительного анализа источников позволяет установить, что племена, пришедшие из районов Центральной Азии, оказались разбросанными на большой территории – от Иртыша и Урала, до Средней Азии.

Во II–IV вв. н.э., с учетом последних археологических данных с территории Центрального Казахстана, Кангюй представляется государством с оседлым центром в районе Джетыясарских городищ и мощной кочевой периферией, достигающей южных отрогов Уральского хребта и Мугоджар [15].

Часть хуннских племен, стремясь обрести новую «родину», к началу – середине II века н.э. достигают степных районов северного Приаралья, вступая в контакт с аланскими племенами на территории Кангюя. Непосредственно оказавшись на границе Урало-Ишимских степей, возникший симбиоз аланского и хуннского населения мог проникнуть и далеко на север и северо-восток, в пределы Южного Зауралья, оставив там разнообразные комплексы, свидетельствующие о синкретичном характере их материальной культуры (могильники Большекараганский, Друженский, Каратал, Солёный Дол и др.).

По мере продвижения хунно-аланских племен на запад в их материальной культуре возрастает сарматский компонент, что хорошо прослеживается в погребальных памятниках Южного Зауралья II–IV вв. н.э. Таким образом, уместно пред-

положение о том, что южноуральские племена, оставившие памятники этого времени, пришли в степи Урала из глубинных районов Центральной Азии и Южного Казахстана, тем самым открыв алано-гуннский этап в истории Южного Зауралья [11, с. 85; 16, с. 50]. Именно в это время происходит сложение гунно-аланской конфедерации племен. Именно здесь происходит концентрация населения, которое в III в. н.э. достигает своей «критической массы» и большей своей частью выплескивается на запад, в более благоприятные степи Южного Приуралья и дальше Нижнего Поволжья. В силу того, что основная масса поздних сарматов в это время кочевала в степях Волго-Донского междуречья, вполне логично предположить, что распространение гунно-аланских племен в степях Урала не было затруднительным.

После ухода хуннов (гуннов) за Волгу пальма первенства на контроль в Средней Азии переходит к эфталитам, создавшим свою империю на осколках Кушанской Бактрии, период жизни которой охватывал полтора столетия.

Об эфталитах мы впервые узнаем в 384 г. н.э., когда при осаде Эдессы в персидском войске появились эфталиты, восточные соседи персов. После этого они еще больше полувека оставались в тени и не играли значительной роли.

В первой половине V в. н.э. они выступают в Азии в роли завоевателей, которые быстро объединяют под своей властью огромную территорию между Алтаем на востоке, верховьями Инда на юге и Арало-Каспийским регионом на севере.

История эфталитов известна благодаря их столкновениям с Сасанидским Ираном, что нашло отражение в различных источниках: в трудах армянских и византийских авторов, китайских хрониках, у арабских историков.

Выступая в роли завоевателей, в качестве силы, направленной против Сасанидского Ирана, само эфталитское государство гибнет под ударами тюрков в середине VI в. н.э.

Об эфталитах, а также хионитах, кидаритах, кушанах имеются немногочисленные, но интересные данные в трудах армянских историков IV–VII вв. Армянские авторы (Фавстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци, Себеос) являлись современниками описываемых событий и поэтому их работы в некоторых случаях более надежный источник, чем труды арабских историков. Некоторые сведения о народе «еда», отождествляемого с эфталитами, имеются в китайских летописях «Вэйшу» и в истории династии «Лян» (502–556 гг. н.э.).

Применительно к территории Кушанской Бактрии упоминается ряд этнонимов и названий племен (кушаны, кидариты, хиониты, эфталиты), которые то отождествляются между собой, то выступают как самостоятельные силы. Здесь мы придерживаемся мнения К.В. Тревер, которая считает, что данные племена являются родственными и лишь последовательно сменяют друг друга, становясь ведущей политической силой [23, с. 133].

Наряду с эфталитами у одного и того же автора могут упоминаться и хиониты, и кушаны, либо как соседствующие племена, либо как различные этнонимы для одного и того же народа.

Кушанское царство к середине IV в. н.э. приходит в упадок и распадается на среднеазиатское и индийское царства. Однако на 70-е годы этого же века приходятся и блестящие победы кушан, чей Дом располагается в Балхе (Бактре), над Персией, которая находилась в ту пору в состоянии могущества. Такая напористость связана, по мнению К.В. Тревер, с новым политическим объединением хионитов (у армянских историков – хоны), о которых позднее и идет речь. Но и в дальнейшем наряду с употреблением этнонима «хоны» называется также кушанский народ.

Вероятно, современники не очень различали кушан и хионитов, что можно объяснить незначительными политическими изменениями. Остаются прежними территории (среднеазиатская часть Кушанской Бактрии с центром в Балхе), местные племена сохраняют свои земли, происходит лишь смена правящей верхушки: во главе государства утверждается племенной союз хионитов.

С аналогичным явлением встречаемся относительно этнонима эфталиты, когда наряду с ними называются также кушаны и хиониты. У Егише (V в. н.э.), непосредственного участника военных походов персов под предводительством Иездегерда против стран Востока, рассказывается о том, как сасанидский царь «внезапно напал на земли хонов, которые называются также кушанами», а в 450 г. «Иездегерд собрал много войска и, выступив, достиг земли эфталитов. Царь кушан, видя это, не решился принять бой. Он бежал с войском в самые крепкие части пустыни и так спасся со всем своим войском» [9, с. 51]. Затем Иездегерд опустошил страну кушанов, захватил много замков и городов. Как видно, Егише отождествляет хонов с кушанами. В повествовании о последующих событиях имя хионитов уже не встречается, но впервые говорится о землях эфталитов. То, в каком порядке упоминаются эфталиты и кушаны, на наш взгляд, свидетельствует об утверждении первых в землях Кушанской Бактрии.

По мнению К.В. Тревер, реальный захват верховной власти эфталитами происходит после похода Иездегерда 450 г., когда общее плачевное положение страны способствовало этому. Но при этом эфталиты не являются пришлыми, а относятся к родственным с кушанами сакским племенам [23, с. 137].

По армянским источникам видно, что современники тех событий часто не различают кушанов, хионитов, эфталитов. Отсюда встает вопрос об этнокультурной принадлежности хионитов-эфталитов.

В отношении образа жизни эфталитов сведения китайских хроник и западных авторов различные. В «Бэйши» говорится о традиционном кочевом образе жизни: «Городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают прохладные места, а зимою теплые» [2, с. 268]. Здесь можно даже усмотреть сформировавшийся тип меридионального кочевания (север–юг). Однако западные авторы: Прокопий Кесарийский, Менандр Протектор – говорят об обратном. Прокопий пишет: «они не кочевники подобно другим унским племенам, но издревле населяют плодоносную страну» [18, с. 10]. В этом же ключе сведения Менандра, который со слов тюркских послов, побывавших для заключения торгового договора в Византии 568 г., пишет, что эфталиты – «городской народ».

Такое же различие наблюдается и в описании общественного устройства. Прокопий характеризует общество эфталитов как «благоустроенное гражданство», пишет, что они «состоят под управлением одного царя, наблюдая между собой и соседями справедливость не хуже римлян или кого другого» [18, с. 10]. Столь высокое и значимое для римлян слово, как «гражданство», Прокопий употреблял явно не просто так. Однако информацию Бэйши можно интерпретировать иначе: «престол не передается наследственно, а получает его способнейший из родственников. Наказания чрезмерно строги. За кражу без определения количества положено отсечение головы, за украденное взыскивают в десять крат». «Столица – есть лишь дворец царя, около 10 ли в окружности, это роскошный замок». Столь жесткие законы напоминают судебную политику более поздних кочевых орд, в том числе и монголов (Яса Чингиз-хана). Также столица, если верить описаниям источника, состоит из одного Дворца царя, что, в общем, слабо напоминает город в традиционном представлении.

Тем не менее, за основу нельзя брать сообщения только одного какого-либо источника. Проецируя эту информацию на другого рода данные (этнические корни, география расселения и др.), можно восполнить некоторые пробелы и попытаться представить цельную картину. Пока, наверное, можно сказать, что многие черты указывают на сходство эфталитов с кочевым народом. Указание, что эфталиты – жители городов, вероятно, связано с овладением ими городами Средней Азии и установлением в них своих политических центров власти.

Дискуссионным является вопрос об этнокультурной принадлежности эфталитов. Вероятной их прародиной исследователи, следуя китайской традиции, склонны считать Алтайские горы. Однако Л.Н. Гумилев воспринимает данную территорию как мифическую родину, которую они покинули уже в конце VII в. до н.э., и дальнейшее их вызревание происходило в горных областях Памира (ок. 800 лет), а в Кушанское время (I–II вв.) в долине Ефталъ, откуда они и стали фигурировать в китайских источниках под именем «Йеда». Именно здесь, по Л.Н. Гумилеву, происходит их усиление и отсюда берут начало их экспансионистские устремления [8, с. 139–140]. Нужно заметить, что в данной версии не учитываются те данные китайских источников, где сообщается, что «владетельный дом Йеда происходит от одного рода с Большими Юэчжи, другие сказывают, что Йеда есть отрасль гаогюйского племени» [2, с. 177]. Отсюда становится непонятным, почему китайцы связывают происхождение эфталитов, практически уже автохтонное припамирское население, с племенными союзами, чье формирование происходило позже переселения праэфталитов.

В другом временном отрезке рассматривает историю племен эфталитов Г.Е. Грумм-Гржимайло. Если следовать его версии, получается, что во II в. до н.э. часть юэчжийских племен переходит реку Иртыш и проникает в Алтайские горы, смешиваясь с динлинскими родами. Здесь они пребывают, судя по всему, до V в. н.э., так как Г.Е. Грумм-Гржимайло считает, что под их давлением прекращает свою жизнедеятельность государство Юебань. Таким образом, их продвижение на Запад начинается не ранее V в. н.э. [7, с. 198]. Однако это противоречит данным армянских и византийских источников, на страницах которых племена эфталитов начинают фигурировать со времен царя Аршакида (368–374 гг.) [23, с. 133]. И, действительно, к середине V в. они уже владеют значительными территориями в Средней Азии и ведут успешные войны с персами [18, с. 10]. Также достаточно сложно было бы представить, что, проделав большой завоевательный путь и будучи в основной своей массе кочевниками по образу мыслей, они столь органично впишутся в культуру среднеазиатских городов. И, кроме того, у западных авторов они фигурируют как городское население. Поэтому более вероятным будет предположить, что государство Юебань теряет свои позиции не в результате переселенческого движения эфталитов на Запад, а в ходе их восточной экспансионистской политики.

В данном случае интересным представляется информация о юэчжийских корнях эфталитов (гаогюйская версия тут же ставится под сомнение самими авторами, которые говорят, что «язык совершенно отличен от языков и жужаньского, и гаогюйского»). Отсюда можно объяснить алтайское происхождение «Йеда». Исходя из этих данных, представляется следующая картина. Исторические корни юэчжийских эфталитов берут начало в горных районах Алтая, откуда они продвигаются в южном направлении и к III–II вв. до н.э. занимают последовательно территорию При Тяньшанья и район Семиречья. Отсюда под напором сюнну и усунь они вынуждены мигрировать на запад, где овладевают Греко-Бактрийским царством. Данные пле-

мена удерживают гегемонию в азиатском регионе вплоть до IV в. н.э. В этот период Бактрия ведет перманентные войны с Персией, включает в контактную зону оазисные государства Ферганской долины, Самарканда, Ташкента. Но севернее этих территорий влияние ее не распространяется. Новый импульс в жизнь Кушанской Бактрии вносят племена хионитов-эфталитов, которые создают на ее осколках свою империю. Интересна интерпретация истории эфталитов в этнокультурном аспекте. Большие разногласия вызывает их принадлежность или отношение к известному хуннскому/гуннскому племенному союзу. Как уже отмечалось, о ранней истории (происхождении) эфталитов сведения весьма неоднозначные и малочисленные.

Первые вопросы смутно прозвучали еще у Прокопия Кесарийского, который, во-первых, называя их «уннским» народом, тут же подчеркивает внешние антропологические отличия от собственно «гуннов». И, во-вторых, в качестве одного из основных отличительных признаков называет принадлежность их к городской культуре, то есть однозначно свидетельствует об оседлости, что выглядит несколько странным, исходя из определения «уннское племя».

Как заметил А.Н. Бернштам, дальнейшее повествование о военных столкновениях эфталитов с персами говорит больше в пользу их кочевнических традиций [1, с. 185].

Таким образом, возникает естественный вопрос: были ли в этнокультурном отношении эфталиты гуннским народом или насколько их можно считать носителями тех или иных культурно-исторических традиций (сако-массагетских / алано-юэчжийских и, собственно, хуннских).

Возможно, это связано с событиями I–II вв. н.э. Сохранение хуннской основы, зафиксированное Прокопием, произошло в результате инфильтрации сюннуских кочевий на территорию государства Кангюй с оседло-земледельческим центром в междуречье рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья в I в. до н.э. – I в. н.э. Безусловно, в прежнем виде держава кочевников не сохранилась. Основная масса ассимилировалась с автохтонным населением и постепенно восприняла и заимствовала местные традиции. Ядро же хуннской империи сохраняет культурное наследие и генетическую память, продолжая хранить верность собственным этнокультурным обычаям. Внутренняя устойчивость головного состава хунну способствовала тому, что он был инкорпорирован в местную элиту и тем самым, несмотря на определенную трансформацию, сохранился в позднейших источниках как гуннское племя.

Однако такой вариант развития событий вызывает некоторые сомнения и нестыковки с данными более поздних китайских источников, где эфталиты отнесены к Дому Юэчжей. Это дает основание предполагать более раннее проникновение протоэфталитского населения на территорию Средней Азии. Их некая целостность обусловлена тем, что они, как нам представляется, составляли отдельный род Дома Больших Юэчжей, – «когда Дом Юэчжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дася и разделился на пять княжеских домов», которые занимали земли Бактрии [2, с. 118–119]. На тот момент их владения не распространялись дальше верховий Сыр-Дарья и Аму-Дарья на севере, и их власть не выходила за пределы контроля среднеазиатских оазисных государств. Здесь они контактировали с государством Кангюй, чьи владения охватывали территорию от среднего течения Окса и Яксарта на юге и на севере доходили до прилежащих к Аралу земель.

Такое положение сохранялось, вероятно, до инфильтрации в кочевническую среду центрального Казахстана хуннского населения, сначала передовых его отрядов в лице Чжичжи-шаньюя, а затем и откочевывания северной орды в 90-е гг. I в. н.э.

За время пребывания их на данной территории происходят этнокультурные взаимопроникновения пришлых групп населения с местным сако-массагетским этническим компонентом. В письменной традиции это зафиксировалось появлением этнонима «хоны» – «хиониты» для части населения Кушанской Бактрии, где усматривается вливание хуннского компонента [23, с. 134], а также в упоминании Прокопием об эфталитах как о белых гуннах. То, что Прокопий называл их гуннами, с одной стороны, подчеркивает их культурное отличие и в то же время дает некоторые основания предположить, что политическое ядро эфталитского государства включало хуннскую элиту, тогда как основная масса была ассимилирована местным населением. Отсюда и сохранение оседло-земледельческих традиций, а с другой стороны, получают объяснение кочевнические методы ведения войны.

С распадом Бактрии и отходом гуннской орды за Волгу хиониты-эфталиты начинают быстро возвышаться. В первую очередь это выразилось в успешных войнах с Персией и территориально-географических изменениях. И к середине VI в. н.э. границы их государства охватывают огромную территорию. На какое-то время они занимают господствующее положение в Средней Азии и степях Казахстана. Прокопий говорит, что «белые гунны соседствуют с персами у северных их пределов, там, где у самой окраины Персии есть город по имени Горго» (расположен у юго-восточной окраины Каспийского моря) [18, с. 10, 460].

Крайней восточной территорией, возможно, являлся район Семиречья, где к V в. н.э. приходит в упадок государство Юебань (осколок северных хунну).

Если верить «Вэйшу», то на северо-востоке эфталиты могли достигать пределов реки Иртыш, где ими были разбиты роды гаогюй, которые переселились сюда с берегов реки Селенги [2, с. 217]. Это стало возможным благодаря тому, что были значительно укреплены южные позиции победою над Ираном в 484 г., и их устремление на север было естественным.

Процесс присоединения новых земель продолжился. Уже к V в. н.э. (435–479 гг.) они достигают юго-восточного побережья Аральского моря. И именно в это время, по данным «Вэй шу», древнее царство Яньцай-Аланья превращается в Сутэ. Таким образом, можно утверждать, что государства Чжэшэ (бывш. Кангюй) и Усунь прекращают свое существование со второй половины V века, в то время, когда в Восточном Туркестане и Средней Азии появились племена гаоче (протоуйгурь) и яда (эфталиты) [3, с. 312].

Северные границы империи эфталитов могли достигать северо-восточных и северных областей Аральского моря. В этой связи надо вспомнить сообщение китайских источников о том, что приехали купцы из страны «Судэ», где правит «Хуни» [2, с. 260].

С.П. Толстов отождествляет «Судэ» с более ранними Яньцай и Аланья, которые известны китайцам как области, расположенные в северном и восточном Приаралье. «Судэ находится от Луковых гор на запад, в древности называлось Яньцай и Выньнаоша, лежит при большом озере, от Кангюя на северо-запад...» [2, с. 166]. Данная локализация эфталитов становится возможной, так как к этому времени гунны откочевали за Волгу, где стали известны благодаря процветанию державы Аттилы.

Таким образом, новый событийный ряд разворачивается в пределах Кангюй, Аланья, Бактрии и географически охватывает территорию Средней Азии, степного Казахстана и доходит до лесостепной кромки на севере. Эфталиты действуют аналогичным образом, то есть как азиатские хунны. В результате они владели терри-

торией междуречья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, что археологически закреплено в памятниках Джеты-Асарских городищ, исследованных Л.М. Левиной, или «Болотных городищ» С.П. Толстова.

Достигнув наивысшего могущества, царство эфталитов гибнет под ударами хакана западных тюрков Истеми.

Первые столкновения между западными тюрками и эфталитами произошли еще в 555 г., когда тюрки достигли берегов «Западного моря».

Активные военные действия начались после 562–633 гг., когда был заключен союзнический договор между иранским шахом Хосроем Ануширваном и тюркским каганом Истеми.

В 563 г. Хосрой нанес тяжелый удар эфталитам, а в 565 г. начались решительные наступления западных тюркютов, закончившиеся захватом Чача (Ташкента).

И в конце 60-х гг. VI в. созданное эфталитами на рубеже V–VI вв. громадное государственное образование распалось.

Население, оставившее памятники турбаслинского круга, находилось на стадии формирования нового этноса, который возник в степях Южного Зауралья и был генетически связан с гунно-аланским миром Урало-Казахстанских степей. Процесс появления «турбаслинцев» в лесостепной зоне Южного Приуралья связан с оттоком населения постгуннского времени из районов Восточного Приаралья и Южного Зауралья. Этот процесс был вызван усилением эфталитского государства Центрального Казахстана, усилением давления Сасанидского Ирана на Хорезм и постепенным проникновением раннетюркских племенных групп в степные пространства Восточного Казахстана. Результатом этого трехвекторного «наступления» и явился частичный отток потомков гунно-аланских племен Урало-Казахстанских степей в лесостепные, более спокойные районы Южного Приуралья. При этом складывается впечатление, что в бассейны рр. Белой и Демы (основная территория распространения погребальных памятников турбаслинского круга) пришел уже практически сформировавшийся этнос с устойчивой «этнической памятью», что подтверждают захоронения в склепах, исследованные на территории г. Уфы в районе мединститута и Сафроновской соляной пристани. Материалы этих погребений находят прямые аналогии в склепах Алтынасарского могильного комплекса более раннего времени (III – начало IV в. н.э.).

Единство признаков, выявленных в ходе проделанной работы, проявляются только в отношении того круга памятников урало-казахстанских степей, которые нами названы алано-юэчжийскими и гунно-аланскими историко-культурными ареалами [16, с. 35].

Сложнее обстоит дело с племенами, которые оказались в Поволжье и которых связывают с племенами «гуннской эпохи». Оставленные ими памятники, рассматриваемые как гуннские, с одной стороны, несут в себе яркие черты предшествующей позднесарматской культуры, а с другой, по мнению С.Г. Боталова, – последующие тюркские [5, с. 254]. Поражает малочисленность памятников тех самых «легендарных гуннов». В Поволжье (в основном Саратовская область, чуть меньше Волгоградская и Самарская) их насчитывается всего 15 комплексов, которые, по мнению И.П. Засецкой, различны по погребальному обряду и набору инвентаря [10, с. 19–21]. Сложно судить и о дальнейшей судьбе носителей таких смешанных традиций. Однако с учетом накопленных знаний можно попытаться реконструировать этнокультурную ситуацию в Волго-Уральском регионе. Во II в. н.э. в степи Южного Зауралья приходят племена, которые были вытеснены из районов Нижней и

Средней Сырдарьи последним переселением хуннов северной орды. Именно на этих территориях происходит формирование «пассионарного суперэтноса» на основе местных ираноязычных и пришлых тюркоязычных скотоводческих племен, когда на смену родственным союзам племен приходит симбиоз народов [22, с. 78]. Исходя из такой логики рассуждения, можно признать, что гунны представляли собой смешанные тюрко-угорские и ираноязычные племена [24, с. 20]. При этом, как считают Е.А. Смагулов и Ю.В. Павленко, этот «суперэтнос» осознавал свою культурную и историческую преемственность с северными хунну [21, с. 146–148].

Список литературы

1. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ, 1951. 256 с.
2. Бичурин Н.Я. (Иоакимф) Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена в Средней Азии. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 3. 382 с.
3. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. М.: «Наука», 1989. 181 с.
4. Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II – I веках до н.э. М.: ИВ РАН – Крафт+, 2001. 383 с.
5. Боталов С.Г. Гунны и тюрки. – Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. – 672 с.: илл., табл.
6. Боталов С.Г., Любчанский И.Э. О локализации Гуннии в II–IV вв. // Научная конференция по проблемам краеведения северных районов Казахстана. Кустанай, 1992. С. 20–21
7. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: б/и, 1926. Т. 2. 896 с.
8. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во Восточная литература, 1960. 292 с.
9. Егишэ. О Вардане и войне армянской // Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. М.: Изд-во «Наука», 1979. – 98 с., карта. – С. 50–51
10. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.) СПб.: АО «Эллипс Лтд», 1994. – 224 с., илл., табл.
11. Иванов В.А., Любчанский И.Э. Этнокультурная ситуация на Южном Урале в первой половине I тысячелетия нашей эры // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 81–87.
12. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
13. Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Восточная литература, 1961. 351 с.
14. Латышев В.В. Сведения древних авторов о народах, населявших Скифию и Кавказ // ВДИ. 1948. № 1. С. 349–441.
15. Левина Л.М. Джетысарская культура. Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. М.: УОП ИЭиА РАН, 1994. 312 с.
16. Любчанский И.Э. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в первой половине I тысячелетия н.э. в Урало-Ишимском междуречье // Культура древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Челябинск, 1995. Часть V. Кн. 2. С. 44–50.
17. Птоломей Клавдий. География // Архив ИА РАН. Научный архив. Д № 508.
18. Прокопий Кессарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Изд-во «Наука», 1993. 576 с.

19. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 1990. 300 с.
20. Скрипкин А.С. Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // НАВ. 2014. № 14. С. 7–20.
21. Смагулов Е.А., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы, М., 1998. С. 142–149.
22. Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Аркаимская долина в раннем железном веке // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 63–79.
23. Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армятским источникам IV–VII вв. (К истории народ Средней Азии) // СА. 1954. Т. XXI. С. 131–147.
24. Черниенко Д.А. Гунны в Европе (историко-этнографический очерк). Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003. 117 с.
25. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в сер. I – сер. IV вв. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. № 6. С. 83–88.

§ 3. Волго-Уральский регион в эпоху Тюркских каганатов

Владимир Иванов

В конце VI–VII в. Великая Евразийская степь бурлила на всем своем протяжении от Монголии до Карпат. В 558 г. преследуемые тюрками авары достигают рубежей Северного Кавказа и вступают в контакт с аланами, а через них – и с Византией. Не встретив серьезного сопротивления со стороны слабых и разрозненных позднегуннских племен, в 560 г. они захватывают восточное побережье Азовского моря, а затем продвигаются и далее на запад, за Дон и Днепр. Одновременно основные силы тюрков вторгаются в Туркестан и ввязываются в бесконечную ирано-византийскую войну в качестве союзников Византии (568 г.). Вялотекущая война с Ираном закончилась для тюрков в 571 г. заключением мира с персами, после чего Сасаниды начинают новую войну с Византией (572 г.).

В середине VI в. на этнополитической карте степей Восточной Европы происходят очередные изменения, вызванные появлением здесь новых азиатских племен – аваров и тюрков. Генератором и движущей силой этих изменений явились события, происходившие в это время на востоке Евразийских степей. Вследствие длительных междоусобиц, разрывавших Жуан-жуанский каганат изнутри, к середине VI в. мощь жуан-жуаней была ослаблена, чем не преминули воспользоваться подвластные им древнетюркские племена ашина и теле. В 551 г. один из тюркских вождей Бумын поднял восстание против жуан-жуанского кагана Анахуаня, принял титул каган и таким образом создал свое государство – Первый Тюркский каганат (551–603 гг.). Тюрки стремились к расширению своих границ, и при Муган-кагане (553–572 гг.) западные границы Тюркского каганата уже достигли Западного (Аральского) моря. В их пределы была включена вся степная зона бассейна Сырдарьи и Приаралья, установлен сюзеренитет над Хорезмом. По мнению ведущих современных исследователей древнетюркской истории С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова, «движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с

аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар» [8, с. 93].

Правда, территория расселения собственно древних тюрков – теле, ашина – как она маркируется соответствующими археологическими памятниками, не простиралась далее степей современного Центрального Казахстана [10, с. 119, рис. 16]. Да и ставка тюркского кагана располагалась в степях Алтая (именно туда в 568 г. прибыло византийское посольство во главе с Земархом, посланное императором Юстином I для заключения союза с каганом Истеми) [7, с. 11]. Но в сферу их военно-политического влияния так или иначе попадали племена, оказывавшиеся в непосредственной близости от границ Тюркского государства. Одни из них принимали власть тюркского кагана и становились его вассалами, что, естественно, предполагало и их участие в военных акциях правителя. Таких, как например походы тюркских воинских отрядов на Северный Кавказ и в Крым (выход на Боспор в 571 г.).

Очевидно, именно в силу этих обстоятельств в зоне зауральской лесостепи, между реками Урал и Тобол, появляются археологические памятники (курганы) т.н. «селенташского типа», выделенные и исследованные челябинским археологом С.Г. Боталовым. Внешне они представляют собой каменные насыпи, под которыми скрываются следы ритуальных костров или обожженные деревянные плахи. Иногда встречаются и прямоугольные могилы, стенки которых обложены каменными плитками. В них совершались захоронения по обряду трупоположения или кремации. «Характерной особенностью данного типа памятников является наличие почти во всех центральных, реже – в боковых насыпях погребений лошади или ее макета и костей овцы на погребенной поверхности. На погребенной же поверхности в основном содержался и вещевой материал, основную массу которого составляла керамическая посуда, реже встречались колчаны с наконечниками стрел, луки, предметы конской узды и поясная гарнитура». Прямые аналогии памятникам подобного типа исследователь находит в курганах древних тюрков на территории современных Тувы и Хакасии, которые участвовали в походах Истеми-кагана – правителя западными территориями I Тюркского каганата – на запад в 558 году [5, с. 295, 350–356].

Столь дальние походы тюрков преследовали одну важную геополитическую цель – окончательный разгром авар, крупного союза тюркоязычных племен, не принявших власть тюркских каганов. Тем более, что именно в том же 558 г. император Юстиниан I заключил договор с аварским каганом Баяном – основателем Аварского каганата на территории Среднего Подунавья и Паннонии. Согласно этому договору, авары должны были охранять византийские границы на Дунае от вторжений «варваров». Этими варварами являлись, в первую очередь, болгары, к тому времени фактически взявшие под свой контроль византийское Подунавье.

Кочуя вдоль северных границ византийских провинций в Причерноморье и на Дунае, болгары выступали то в роли союзников Византии в их войнах с Персией, то в роли ее противников. В последнем случае «камнем преткновения» являлся Боспор Киммерийский – центральный пункт византийской торговли с племенами Приазовья и Северного Кавказа. Контроль над городом и его окрестностями стремились удержать в своих руках обе стороны, используя для этого все доступные методы и средства. Император Юстин I (518–527 гг.) захватывает Боспор силой. В ответ на это болгары, когда началась очередная византийско-персидская война, отказали византийцам в военной поддержке. Тогда император Юстиниан I (527–565 гг.) попытался привлечь на свою сторону одного из болгарских вождей, Грода: самолично крестил его, богато одарил и поставил своим наместником на Боспоре. Бол-

гары, подстрекаемые языческими жрецами, Грода убили, присланный вместе с ним византийский гарнизон перебили, а сам город разорили дотла [11, с. 37].

Болгарские племена, кочевавшие между Доном и Днепром (Д. Димитров и Р. Рашев называют их кутригурами или котрагами), в это же время совершают бесконечные грабительские набеги на Дунайские (Фракийские) провинции Византии, вмешиваются в византийские междоусобицы (513 г.), а к середине VI в. фактически устанавливают свой контроль над северо-западными, придунайскими провинциями империи – Восточной Фракией, Иллирией, Малой Скифией [11, с. 38].

В начале 30-х годов VII в. Тюркский каганат вступает в период глубокого политического кризиса, закончившегося его распадом. Сфера военно-политического влияния тюрков на западе резко сокращается и основной военно-политической силой на юге Восточной Европы вновь становятся болгары. Тем более, у них в это время появляется свой яркий лидер – хан Кубрат, прошедший византийскую школу политики и военного дела (в молодости он, как племянник болгарского хана Органы, был почетным заложником при дворе императора Ираклия I, с которым дружил). После смерти императора Ираклия и гибели в тюркской междоусобице своего дяди Кубрат объявляет суверенитет болгарских племен и становится во главе нового государства Великой Болгарии.

Границы государства Кубрата включали в себя северное побережье Черного моря до Южного Буга на западе, предгорья Кавказа, Волго-Донское междуречье на востоке, до границ степи и лесостепи на севере [1, с. 154]. Под властью болгарского хана объединялись не только болгарские, но и хазарские и аланские племена, которые после смерти Кубрата (между 641 и 650 годами) восстали против болгарского господства. Великая Болгария распалась и болгарские племена стали уходить из нее: часть в главе с ханом Аспарухом ушла на запад, в низовья Дуная, где затем возникло Болгарское царство, другая часть двинулась на север вверх по Волге. Археологические памятники ранних болгар в Среднем Поволжье представлены курганами «новинковского типа» (по с. Новинки в центре Самарской Луки), исследованными самарскими археологами Г.И. Матвеевой, А.В. Богачевым, Р.С. Багаутдиновым и С.Э. Зубовым на Самарской Луке, в северных районах современной Самарской и на юге Ульяновской областей [9; 3].

В течение последующего столетия болгары успешно вытесняли с территории Среднего Поволжья носителей именьковской археологической культуры, появившихся здесь на рубеже IV–V вв. Но и сами болгары на новой территории столкнулись с встречной экспансией прикамских угров, носителей полемской и ломоватовской (а точнее полемско-ломоватовской) археологических культур. Смешиваясь с болгарскими и, очевидно, подчиняясь им в военно-политическом отношении, угры вошли в качестве одного из основополагающих субстратов в формирующийся в регионе раннеболгарский этнос. Наглядное тому свидетельство – синкретичный (смешанный) характер Больше-Тарханского могильника в Восточном Татарстане, самого раннего по времени могильника волго-камских болгар, в котором, наряду с типично болгарскими, количественно преобладают погребения полемско-ломоватовского типа.

Одновременно с востока над территорией будущего Раннеболгарского государства в Волго-Камье «нависали» племена приуральских угров, пришедших из-за Уральских гор на рубеже VI–VII вв. В Приуралье они представлены памятниками кушнарниковской археологической культуры. Сейчас археологические памятники этой культуры известны достаточно широко: на территории современного Башкортостана

тостана, в Южной Удмуртии, в Восточном Татарстане и на территории Челябинской области.

Ни типы вещей, сопровождавших погребенных в могилах, ни сам погребальный обряд кушнаренковских могильников не имеют прототипов в местных предуральских культурах. И вместе с тем в глаза бросается явное внешнее сходство кушнаренковских глиняных сосудов с посудой средневековых памятников западносибирской лесостепи, относящихся к бакальской археологической культуре (по Большому Бакальскому городищу на р. Исети, исследованному Т.М. Потемкиной в 1962 г.). На многих бакальских памятниках лесостепного Обь-Иртышского междуречья сейчас известны комплексы керамической посуды кушнаренковского типа. Впрочем, если относительно данного региона еще можно сомневаться, поскольку найденная там керамика только отдаленно похожа на «кушнаренковскую», то лесостепное Зауралье и в частности Притоболье, безусловно, входило в ареал первоначального обитания носителей «кушнаренковской» культуры. Дело в том, что буквально в 1990-е годы в Зауралье стали выявляться памятники, содержащие типично «кушнаренковскую» глиняную посуду: могильник Гра-Ултры в Челябинской области, Усть-Терсюкское городище в Шатровском районе Курганской области, могильник в устье р. Суерь той же области.

Но и это еще не все. Сравнительно-статистический анализ погребального обряда кушнаренковских могильников в Предуралье и синхронных им могильников в лесостепном Зауралье и Западной Сибири (VI–IX вв. н.э.) показывает, что эти группы памятников обнаруживают между собой практически полное типологическое сходство (90% общих признаков), из чего можно заключить, что они оставлены близкородственным населением. Проще говоря – двумя группами зауральско-западносибирских угров, поскольку зауральские археологические памятники, типа перечисленных выше, исследователи Западной Сибири связывают с предками современных хантов и манси.

Причин массового переселения зауральско-западносибирских угров в Предуралье могло быть несколько. Во-первых, очередное ухудшение природно-климатических условий в лесной полосе Евразии (зафиксированная почвоведомы повышенная гумидизация/увлажнение, пик которой приходится как раз на последнюю четверть I тыс. н.э.) [13; 6].

Не меньшую роль в процессе переселения зауральско-западносибирских угров в Приуралье мог играть и этнополитический фактор: в это время распадается Тюркский каганат – на Западный и Восточный – и границы тюркского военно-политического влияния на соседние племена заметно сокращаются. Этим и могли воспользоваться угры Западной Сибири, бывшие, вероятнее всего, вассалами первых тюркских каганов. Начинается «великий угорский поход» на запад...

Переселение угров в Приуралье шло широким фронтом и осуществлялось перманентно. В лесном Прикамье вследствие их прихода меняется облик местных культур – в них начинает доминировать угорский этнокультурный компонент [4]. Одновременно в лесостепном Приуралье появляется новая волна угорских мигрантов из Зауралья, представленных здесь памятниками караякуповской археологической культуры.

В северо-западных районах современного Башкортостана «караякуповцы» столкнулись со встречной экспансией молодого Болгарского государства. Трудно сказать, как складывались взаимоотношения приуральских угров с волжскими болгарами, но есть основания полагать, что они были отнюдь не безмятежными. В

противном случае трудно объяснить тот факт, что все караякуповские городища-крепости вынесены на западную окраину караякуповской территории, в сторону Волжской Болгарии, тогда как все наиболее крупные и богатые караякуповские могильники скрыты в предгорных районах и горных долинах Южного Урала.

Территория расселения носителей караякуповской культуры простиралась от лесостепного Зауралья до низовьев р. Камы (Больше-Тиганский могильник в Татарстане). То есть «караякуповцы» буквально «след в след» двигались за своими предшественниками «кушнаренковцами», что лишний раз подчеркивает этногенетическое и этнокультурное родство этих племен.

Итак, в широком смысле этническая принадлежность «караякуповцев» определяется как угорская. В более узком – известные советские археологи Е.А. и А.Х. Халиковы еще в 1970-е годы установили типологическую близость караякуповских могильников Приуралья и могильников древних мадьяр-венгров эпохи Заоевания родины на Дунае (в современной венгерской историографии – Эпохи Арпадов, конец IX – X вв.). То есть древние венгры-мадьяры, предки современных венгров, и угры-караякуповцы – суть родственные народы, а легендарная страна «Древняя, или Великая Венгрия» (Magna Hungaria), на поиски которой в XIII веке отправился венгерский монах-доминиканец Юлиан, это и есть территория распространения памятников караякуповской культуры на Южном Урале и в Приуралье. Известный венгерский археолог И. Фодор, разделяющий точку зрения о древневенгерской принадлежности памятников караякуповской культуры, историю появления венгров из Западной Сибири рассматривает так: «...судя по данным археологии, древние венгры переселились из Западной Сибири к западу от Урала, где заняли достаточно широкие территории между Волгой и Уралом, примерно около 550 г. Природные условия на новом месте значительно не отличались от прежних: люди жили на северной окраине степей и в лесостепях, где могли продолжать свой привычный образ жизни, занимаясь кочевым скотоводством. На это указывают и открытые археологами поселения, служившие временными стоянками. При раскопках были обнаружены следы жилищ легкой конструкции, сооруженные из дерева, камыша, в которых имелся открытый очаг. Очевидно, широко были распространены войлочные юрты и кибитки» [12, с. 38]. Здесь они начинают соседствовать с финно-уграми и булгарами-оногурами. Следствием этого соседства явились венгерские и болгаро-тюркские языковые связи, до сих пор остающиеся предметом дискуссий среди лингвистов [2, р. 44].

По логике вещей, мадьяры и болгары должны были бы вступить в борьбу за гегемонию в регионе. Однако имеющийся археологический материал не дает оснований говорить о вооруженных столкновениях между двумя народами.

Косвенным подтверждением натянутых отношений между волжскими болгарями и приуральскими уграми-мадьярами является отсутствие археологических свидетельств о торговых контактах между этими народами, в конце I тыс. н.э. являвшимися двумя основными этнополитическими силами в Волго-Камье.

Но кочевникам мадьярам (точнее – полукочевникам, поскольку стационарные поселения-городища у них имелись) нужны были пастбища. Лесостепное Предуралье в этом отношении обладало ограниченным потенциалом, поскольку ни смешанные леса Бельско-Уфимского междуречья, ни холмы и овраги Бугульминско-Белебеевской возвышенности, отделяющей бассейн р. Белой от плодородных долин Волго-Камья, не позволяли уграм-мадьярам расширять свою территорию в Предуралье. Тем более, что Волго-Камье в это же время активно осваивалось ранними болга-

рами (тоже кочевниками), к которым к тому же не менее активно «подселялись» лесные угры Прикамья, вынужденные искать новые территории в условиях гумидизации (повышенной увлажненности) лесов Северной Евразии в конце I тыс. н.э.

Резонно также предположить, что причиной ухода древних мадьяр из Приуралья мог явиться и этнополитический фактор: распад Первого Тюркского каганата на Западный и Восточный; участие тюрков в борьбе Сасанидского Ирана и Византии за гегемонию на Великом шелковом пути; беспримерные по протяженности военные походы тюрков на Кавказ и Боспор, маршруты которых проходили через степи Урало-Поволжья. Наконец, начавшаяся именно в это время аридизация (усыхание) Евразийских степей, пик которой приходится на конец I тыс. н.э. Последнее обстоятельство вызвало переселение части центральноазиатских кочевников – древних хакасов – на запад. В рассматриваемое время на южной границе Зауральской лесостепи, в непосредственной близости от территории обитания угорских племен, появляется новое население, представленное здесь упомянутыми выше курганами селенташского типа, ареал распространения которых очерчивается Урало-Тобольским междуречьем [5, с. 293].

Время ухода древних угров-мадьяр («караякуповцев») из Приуралья можно установить с точностью до десятилетия, благодаря «Хронике» (Gesta) Венгерского Анонима – автора XII в. В ней определенно сказано, что «в 884 году от воплощения Господа (Рождества Христова – *В.И.*)» семь мадьярских племен, объединенных в общий союз под названием Хетумогер, форсировали Итиль (Волгу) («...перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому...»). Ясно, что форсировали они ее с левого берега на правый, а не наоборот. Следовательно, ближе к середине 80-х годов IX в. большая часть древних мадьяр оставила Приуралье. Эта дата очень хорошо согласуется с хронологией археологических культур Прикамья и Приуралья, не выходящей за рамки IX в. Испытывая одновременный нажим двух равновеликих сил с востока и запада и не имея возможности борьбы на два фронта, во второй половине IX в. угры-мадьяры в обход южных границ Волжской Болгарии, через западные районы современного Оренбуржья, Самарскую и Саратовскую области (что прослеживается по находкам отдельных древневенгерских погребений на этих территориях) двинулись за Волгу, в сторону Дона и Днепра.

Список литературы

1. *Bulgarica*. Время и пространство Болгарской цивилизации: Атлас. М.: Феория; Казань, 2012. – 472 с.
2. Fodor I. *Őstörténet és Nonfoglalás*. – Magyarország története 1. Budapest, 2009.
3. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
4. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. 283 с.
5. Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 207–430.
6. Демкин В.А., Демкина Т.А. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград, 1997. С. 343–368.

7. Жданович О.П. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). С. 6–20.
8. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
9. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 225 с.
10. Могильников В.А. Сибирские древности VI–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. 300 с.
11. Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. София: Орбел, 2005. 348 с.
12. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины: научно-популярное издание: Пермь, 2014. 132 с.
13. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.: Наука, 1977.

§ 4. Кимакский каганат

Булат Кумеков

После распада Тюркского каганата образовались тюркские государства, продолжившие древнетюркские традиции, среди которых был и Кимакский каганат. Ранний этап истории кимаков был связан с племенем яньмо, отмеченным в китайских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде. Синологи отождествляют яньмо с племенем йемек (имек), которое, как считает большинство исследователей, является фонетической разновидностью имени кимака. Яньмо, одно из телеских племен, в начале VII в. обитало в бассейне Кобдо, в северо-западной Монголии. На востоке от них находились огузы, а на юге расселялись тюргеши и карлуки. К середине VII в. имеки (кимаки) откочевали в районы севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Обособление этого племени происходит после падения Западнотюркского каганата в 656 г. Скорее всего, именно в это время возникает ядро кимакского племенного союза. Глава племени кимаков носил титул «шад-тутук». Титулы «шад» и «тутук» были широко известны в тюркской среде и неоднократно упоминаются в древнетюркских рунических надписях VII–IX вв.

Во второй половине VIII – начале IX в. происходит движение кимакских племен в трех направлениях: на северо-запад к Южному Уралу (в основном кипчаков), на юго-запад к бассейну Сырдарьи, на юг в пределы Северо-Восточного Семиречья. Между 766 и 840 гг. кимаки заняли территорию Западного Алтая, Тарбагатая и Алакольской котловины, дойдя до северных пределов токуз-гузов, обитавших в Восточном Туркестане. Граница между ними проходила по Джунгарскому хребту.

После распада в 840 г. Уйгурского каганата в Центральной Монголии часть входивших в него племен (татар, эймур, баяндур) присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время складывается кимакская федерация в составе семи племен. Теперь глава кимакских племен стал носить титул байгу (ябгу). Титул ябгу по степени своего достоинства был выше шادا. Известно, что титул ябгу носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов – карлуков, огузов, уйгуров и др.

Таким образом, в конфедерацию кимакских племен вошли и татары, объединение которых (токуз-татар) в предшествующее время входило в состав токуз-гузов

Центральной Азии и было связано с ними тесными политическими и культурными узами. Союз кимакских племен не стал образованием, основанным на кровнородственных связях, а базировался на принципах территориально-административных отношений. В социальном плане объединение кимаков стояло над родоплеменными структурами, ибо племена в нем были связаны между собой иерархическими и вассальными отношениями, строго регламентированными устоями общества.

В начале IX в. кимаки продвинулись к Сырдарье, затем в союзе с карлуками помогли огузам нанести поражение и вытеснить кангаро-печенежские племена из Сырдарьи и Приаралья.

Образование кимакского каганата. Бурные события второй половины VIII – IX вв., в ходе которых кимакские племена прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот и продвинулись на запад вплоть до Южного Урала и бассейна Сырдарьи, дали толчок развитию государственных организаций кимаков. Первое упоминание о государственном образовании у кимаков появляется в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX – начала X в. Так, историк и географ IX в. ал-Якуби, отличающийся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью своих сообщений, упоминает о государственности кимаков и других тюркоязычных народов: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и государств (мамалик), в том числе: карлуки, токузгузы, кимаки и огузы. У каждого племени тюрков отдельное государство, и одни из них воюют с другими». Любопытные сведения о кимаках имеются у Ибн ал-Факиха (X в.), который пишет, что огузы, токузгузы и кимаки – самые сильные из всех тюрков – имеют царей. А классические арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукаль сообщают о том, что «в пределах тюрков (их) цари отличаются сообразно их государствам».

Могущество кимакского правителя было значительным. Со времени сложения у кимаков каганата в конце IX – начале X в. их царь стал носить высший тюркский титул – каган (хакан). «Хакан – главный царь тюрков. Хакан – это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шаханшах», – констатирует среднеазиатский ученый X в. ал-Хорезми. Титул каган стоял на две ступени выше, чем титул ябгу.

Таким образом, по мере социального и политического развития кимакского общества от племени до государственного образования шел последовательный переход в титулатуре их глав, от низшей ступени к высшей, от шад-татука и ябгу до кагана. В сравнительном плане для знати древних тюрков была характерна следующая градация: шад, ябгу (улуг шад), кичиг каган, улуг каган. Как видно, связь между кимакской и древнетюркской титулатурами бесспорна, и она указывает на преемственность между кимакской средой и древнетюркской прародиной.

Каган кимаков обладал реальной властью, в пределах своего государства он назначал правителей, которые были представителями племенной знати. Институт наследственной передачи власти имел место не только внутри каганской семьи и ханского рода, но и наблюдался у племенной знати. Так, уделы одиннадцати управителей кимакского кагана передавались по наследству детям этих управителей.

В процессе образования кимакского каганата, так же как и при создании племенных объединений, большую роль играли военные институты. Управители были в то же время и военными вождями, которые за службу получали от хакана уделы. Удельные владения выставляли кагану определенное количество войска. Этническая среда в этих уделах, скорее всего, состояла в основном из представителей одного и того же племени. Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных

перемен в общественном строе. Владельцы уделов, как обычно, находились в подчинении кимацкого кагана. Вследствие единения военного и административного начал управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились укрепить индивидуальные кочевые хозяйства и упрочить свой политический вес. Некоторые из них превращались в полузависимых ханов, стремившихся при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве. Арабский географ ал-Идриси (XII в.), использовавший при описании страны кимаков книгу, созданную сыном кимацкого кагана Джанахом ибн Хакан ал-Кимеки (X или XI в.), пишет о наличии у кимаков ряда самостоятельных владений во главе с правителями. Их резиденциями служили города, окруженные стеной, и надежно укрепленные замки-крепости, часто располагавшиеся на возвышенных местах. Здесь правители содержали многочисленное войско. Богатство и склады их хранились в городах и крепостях, расположенных в неприступных горных областях, тщательно охраняемых по указанию хана (малик). Ставка кагана кимаков, его орда, располагалась в г. Имекия (или Кимекия), который был окружен укрепленной стеной с железными воротами. В городе находилось его многочисленное войско и его казна. По существу, различий между каганской властью и властью государственной не было.

Сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» (X в.) об одиннадцати управителях, а также сообщение ал-Идриси о том, что «у хакана кимеков хаджиб, везиры, справедливое и благополучное государство», позволяют думать о наличии аппарата управления. Как бы примитивна ни была государственная власть, она, однако, есть прежде всего результат социального расслоения общества. Косвенные данные средневековых источников недвусмысленно свидетельствуют о социальной дифференциации в кимацкой структуре. Персидский историк Гардизи (XI в.) указывает на то, что кочевники в кимацкой среде «пасли табуны своих господ», а также отмечает: «на зиму они (т.е. кимаки) заготавливают сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств». Согласно аль-Идриси, только знатные могли носить одежду из красного и желтого шелка, подчеркивая тем самым свое привилегированное положение по отношению к рядовому кочевнику. По сведениям этого же автора, в городах кимаков наряду с конными имелись и пешие войска. Несомненно, контингент пеших войск, как обычно, был представлен двумя категориями людей: разорившимися кочевниками и пленными. Археологический материал из захоронений кимацких племен также ясно свидетельствует о различиях в ценности и объеме инвентаря, положенного вместе с погребенными.

Глубокое имущественное неравенство в кимацком обществе, с одной стороны, вело к образованию кочевой аристократии, а с другой – к разорению значительной массы рядовых кочевников. Очевидно, часть лишившихся скота кочевников вынужденно переходила, как об этом свидетельствует знаток тюркской среды Махмуд ал-Кашгари (XI в.), к оседлости (ятуки). Ятуки занимались ремеслами, рыболовством, оседали на зимовках, жили в небольших поселениях вокруг кочевнических ставок, постепенно перераставших в города. Средневековые города вскоре становились не только военно-административными центрами, но и местом средоточия торговли, ремесла и земледелия.

О существовании в кимацком государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии кимацкого моря, их царь брал обязательную долю, а остатком довольствовался владелец.

Кимаки знали письменность, об этом свидетельствует арабский путешественник Абу Дулафа (X в.): «У них растет тростник, которым они едят». По всей вероятности, кимаки писали тростниковыми перьями и пользовались древнетюркским алфавитом. Об этом же говорят находки из Прииртышья и из Тарбагатайских гор – бронзовые зеркала с древнетюркской надписью, датированные IX–X вв.

В IX – начале XI в. у кимаков бытовали древние тюркские религиозные верования, значительное место среди которых занимали культ Тенгри и культ предков. Отдельные группировки поклонялись огню, солнцу, звездам, реке и горам. Распространенной формой религии был шаманизм. Вместе с тем, некоторые группы кимаков исповедовали манихейство – религию христианского толка. Быть может, ислам получил определенное распространение среди кимакской знати; по крайней мере, само имя Джанах ибн Хакан ал-Кимеки как будто свидетельствует об этом, как и написанная им по-арабски книга. В этом отношении немаловажно и то, что отдельные особенности кимакских погребений относят за счет мусульманских погребений. Как известно, приобщение к одной из мировых религий (исламу, христианству) является определенным показателем уровня социально-экономического развития.

И в социальном, и в культурном отношении кимаки во многом унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI–IX вв., а с конца IX до начала XI в. у них существовало сложившееся государство.

В средневековых источниках сообщается о политических взаимоотношениях кимаков с сопредельными народами. Во внешнеполитическом курсе кимакский каган был довольно предприимчив. Так, ал-Идриси о нем сообщает следующее: «Царь кимеков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана кимеков, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [2, с. 119].

О военной экспансии кимакских правителей на юг, завершившейся захватом части земель токуз-гузов, свидетельствует сообщение о том, что кимакский город Карантия, расположенный на юго-восточном берегу озера Гаган (совр. Алаколь), некогда принадлежал токуз-гузам. Кимаки совершили набеги на Джамлекес в Восточном Туркестане, пограничный город токуз-гузов, сохранивших в X в. лишь северо-западную часть своих владений.

Вместе с тем, и это очень важно, источники отмечают, что в мирные времена кимаки перекочевывали в земли огузов, а огузы – к кимакам. Войны не были определяющими в отношениях между ними. Не случайно поэтому, что тесные связи между кимако-кыпчакскими и огузскими племенами наложили печать на их язык, быт и культуру.

Основываясь на косвенных данных ал-Идриси, можно предположить, что каган кимаков вторгся и в страну енисейских кыргызов. «Все города страны кыргызов, – сообщает ал-Идриси, – расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами, и обитаемые трудолюбивыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимеков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями». Но, с другой стороны, только тесными этнокультурными связями между кыргызскими и кимакскими племенами объясняется наличие у них многих сходных черт в быту. Так, район кимаков, называемый Кыркырман, был известен своим населением, обычаи которого были похожи на обычаи кыргызов.

В свою очередь, сопредельные династии и народы совершали нападения на становища кимаков. Предпринимались военные походы караханидов вглубь кимакских земель, порой они доходили до Иртыша.

В начале X в. рубежи кимакского каганата стабилизировались. Взаимные военные набеги кимаков и их соседей все чаще сменялись мирным общением с соседями. Об этом могут, в частности, свидетельствовать многочисленные торговые пути к кимакам, пролежавшие из Волжско-Камской Булгарии в Поволжье, Саманидов из Средней Азии, от огузов, карлуков, токуз-гузов и кыргызов. От тракта Великого Шелкового пути ответвлялась сеть караванных дорог, ведущих к ставке кагана на Иртыше.

Падение кимакского каганата. В конце X – начале XI в. распадается кимакское государство. Его падение было вызвано двумя причинами: внутреннего характера, связанного, главным образом, с центробежными тенденциями кыпчакских ханов, стремившихся к самоопределению и созданию собственной государственности, и внешними событиями, скорее всего, под действием миграции кочевых племен Центральной Азии, переселение которых относится к началу XI в. Основной причиной миграции ученые считают образование в Северном Китае в 916 г. государства Ляо, основанного кочевыми племенами киданями. Расширение земель этой державы на запад привело в дальнейшем к передвижению кочевых племен. Отзвуки грандиозной миграции племен отразились во многих средневековых источниках: арабо-персидских, русских, армянских, венгерских, византийских, сирийских. Из этого круга следует отметить прежде всего сведения арабского ученого ал-Марвази (XII в.), в сочинении которого сохранена наибольшая информация относительно данного передвижения: «Среди них (тюрок) есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хакана. Они – христиане несторианского толка. Свой округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их (кунов) преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Тогда куны переселились на землю шары, а шары переселялись на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского моря». Под Армянским морем имеется в виду Черное море. Следовательно, эта миграция затронула народы от Китая до Черного моря.

Анализ этих сведений рядом ученых позволяет воссоздать в кратком виде следующую картину: племена каи и кун, потеснив группировки кимако-кыпчакских племен в Северо-Восточном Семиречье и Прииртышье, нанесли удар кимакскому государству. Тем самым каи привели в движение кыпчаков, вытеснивших огузов из бассейна р. Сырдарья, Западного Приаралья и Северного Прикаспия и вынудивших их переселиться в причерноморские степи.

После захвата огузских земель кыпчакские ханы значительно усилились и сделались первенствующими по силе и мощи на основной территории прежнего расселения кимако-кыпчакских и куманских племен, кимаки же в ходе этих событий не только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков. Одна часть кимаков удержалась на Иртыше, вторая оказалась в области Туркестана и Средней Азии, а третья группировка в составе кыпчакских племен двинулась на запад, в Южнорусские степи. Кыпчаки стали преемниками кимакской государственности.

Этнический и племенной состав. В источниках нет никаких прямых указаний, ставящих под сомнение тюркскую этническую и языковую принадлежность кимаков. Напротив, все писавшие о них единодушно относили кимаков к числу основных тюркских племен. Первое по времени упоминание этнонима кимак в письменных источниках относится к событиям VIII в. и связано со списком политически и социально значимых тюркских народов по данным арабского географа Ибн Хордадбега (IX в.), в сочинении которого перечисляются кимаки наряду с токузгузами, огузами, печенегами, карлуками, кыпчаками, азкишами, тюргешами.

Первоначальный состав кимакской федерации приведен в сочинении Гардизи. В этот союз входили семь племен: татары, кыпчаки, имеки, эймюры, баяндуры, ланиказы, аджлары. Никаких данных ни об одном из племен Гардизи не приводит, все они выступают у него как издавна существующие и известные. Не указывает он также, откуда происходят эти племена. Рассмотрение истории племен, входящих в кимакский союз, дает основание предполагать, что они выходцы из Центральной Азии.

Кимакское племя эймюр известно также среди огузов. Оно упоминается в VIII в. и среди двенадцати уйгурских племен. Появление эймюров в племенном составе кимаков и среди сырдарьинских огузов говорит о движении эймюров в западном и северо-западном направлениях. Эймюры не ассимилировались ни в кимакской, ни в огузской среде, а входили в их состав как племя.

Упомянутый у Гардизи этноним имек отождествляется с тюркским племенем яньмо китайских летописей VII в. В мусульманских источниках имя племени впервые зарегистрировано в «Худуд ал-алам» в названии столицы кимаков Имекия, впрочем, по другим источникам та же резиденция кагана называется Кимекия. Титул главы кимакской конфедерации племен был известен, согласно Гардизи, как имек-байгу, а по сведениям ал-Масуди – кимак байгу. Махмуд ал-Кашгари кимаков называет йемеками.

Третье племя кимаков – татары – впервые упоминается в древнетюркских надписях VIII в. в связи с событиями VI в. под именем отуз-татары. В других тюркских надписях они известны как тогуз-татары. Постоянное политическое взаимодействие тогуз-татар с основными огузскими племенами позволяет считать, что в VIII в. эта группа татарских племен населяла северо-восточную часть Монголии. В 740–840 гг. татары входили в Уйгурский каганат. После крушения Уйгурского каганата татары вместе с огузо-уйгурскими племенами мигрировали в Восточный Туркестан. Аноним «Худуд ал-алам» прямо причисляет татар к токуз-гузам. Среди племен, говоривших на тюркских языках, упоминает татар и Махмуд ал-Кашгари.

Упоминание о родственных кимакам кыпчаках содержится в тексте рунической надписи середины VIII в. В мусульманских источниках этноним кыпчак впервые упомянут Ибн Хордадбехом в списке тюркских племен, относящемся также к VIII в.

Ибн Хордадбех называет кыпчаков уже отдельно от кимаков. По «Худуд ал-алам», кыпчаки – народ, отделившийся от кимаков и более примитивный по образу жизни. Заняв территорию западнее кимаков, кыпчаки все же сохраняли политическую зависимость от них. Правитель кыпчаков назначался каганом кимаков. Махмуд ал-Кашгари, отмечая близость имеков и кыпчаков, подчеркивал, что сами кыпчаки не отождествляли себя с имеками, а лишь считали себя связанными с ними происхождением.

Таким образом, все древнейшие сведения о кыпчаках хотя и позволяют считать их в VIII–XI вв. политически связанными с кимакским племенным союзом

(позднее государством), однако отмечают слабость этих связей, различие этнических территорий, а также отличия экономического и бытового характера. Мнение о полном тождестве кимаков и кыпчаков ошибочно, так как согласно сведениям, имеющимся в мусульманской средневековой историографии, они являлись лишь двумя родственными племенами.

Формирование кыпчакской этнической общности в VIII–X вв. было сложным и длительным процессом, в развитии которого прослеживаются два этапа.

Первый этап связан с продвижением в Прииртышье значительных групп кыпчакских племен из Внутренней Азии в итоге поражения, которое они понесли вместе с тюрками в 742 г. от токуз-гузов, захвативших древнетюркский домен в Северной Монголии. В области среднего Иртыша и Алтая кыпчаки вошли в ядро кимакской федерации. Стремление основных кыпчакских племен к самоопределению привело их в конце VIII в. к отделению от кимаков.

Второй этап датируется временем с конца VIII в. до начала XI в. Взаимодействие и интеграция основных этнических общностей проходили при консолидирующей роли кимакских племен. В этот период кыпчаки находились в тесных этнокультурных взаимосвязях и взаимодействиях с конфедерациями печенежских, карлукских и в особенности огузских племен. Вместе с тем, линия внутреннего этнического развития кыпчакских племен была направлена на ассимиляцию древних насельников, местных огузских, угро-финских, сармато-аланских этнических групп.

Впервые этноним баяндур в нарративных источниках встречается у Гардизи как племя кимаков. О них пишут Махмуд ал-Кашгари и Рашид ад-дин, упоминающие баяндуров в качестве огузского племени. Очевидно, часть баяндуров входила в состав кимаков, а другая – в состав огузов. Шестым и седьмым племенем упоминаются ланиказ (В. Минорский читает как нилказ) и аджлар [3, с. 132; 1, с. 184].

Как показывает анализ племенного состава, большое влияние на историю кимаков оказал разгром енисейскими кыргызами Уйгурского каганата в 840 г. По всей вероятности, к этому времени относится появление эймюров и баяндуров как в кимакском племенном союзе, так и в огузском на Сырдарье, а татар – среди кимаков.

В ходе становления кимакского государства изменяется количественный состав кимакских племен. По данным «Худуд ал-алам» и ал-Идриси, ядром кимакского государства стали двенадцать племен. На территории, подвластной кимакам, помимо кыпчакского объединения упоминаются и куманы, отдельные группировки которых в XI–XII вв. вошли в родоплеменной состав кыпчаков. Средневековые арабские географы упоминают куманов как самостоятельный этноним, что представляет собой весьма примечательный факт, ибо в отечественной и зарубежной историографии широко распространено мнение о тождестве кыпчаков и куман. По сведениям письменных источников, в IX–X вв. куманы составляли западную ветвь трехсоставного объединения племен кимаков, кыпчаков и куманов. Исходным ареалом обитания куманов следует считать Южную Сибирь, область Северного Алтая. После падения Западнотюркского каганата в середине VII в. происходит обособление ряда тюркоязычных племен и одновременно идет сложный процесс их консолидации. На территории северо-западного Алтая возникает этнокультурная общность кимаков и кыпчаков. В конце VIII в. значительные группировки кыпчаков, по всей видимости, вместе с куманами отделяются от кимаков и занимают земли к западу от Иртыша вплоть до Южного Приуралья. Кыпчакские и куманские племена до конца X в. находились в политической зависимости от кимакского ка-

ганата и входили в государство на обширной территории от Иртыша до Волги. Когда оно перешло в руки кыпчакских ханов, кимаки и куманы наряду с другими племенами вошли в орбиту политического влияния кыпчаков.

Расселение кимаков, кыпчаков и куманов. До середины VIII в. кимаки, кыпчаки и куманы обитали в степном Алтае, Горном Алтае и Прииртышье. Соседями кимаков на юге были карлуки, жившие на Иртыше между Южным Алтаем и Тарбагатаем, на востоке кыргызы с центром в Минусинской котловине. Со второй половины VIII в. кимаки стали двигаться в южном направлении и расселяться на землях карлуков. В начале IX в. отдельные группы кимаков перешли на территорию Северо-Восточного Семиречья, став соседями токуз-гузов, а граница между ними проходила по Джунгарскому хребту. К югу от Джунгарского хребта располагалось государство токуз-гузов.

Вместе с движением кимаков на юг во второй половине VIII в. происходило перемещение кыпчаков от Иртыша на запад. Данные текста сочинения ал-Идриси и картографического материала, заключенного в нем, позволяют локализовать отдельные группировки кыпчакских племен в междуречье Иртыша и Тобола. На рубеже VIII–IX вв. западная часть кыпчаков расселяется к северу от печенегов. Печенеги, как известно, в VIII – первой половине IX в. жили в бассейне Сырдарьи и в Приаральских степях. Следовательно, в пределах между юго-восточной частью Южного Урала и северной областью Приаральских степей проходила непосредственная граница кыпчаков и печенегов. В начале IX в. племена кимаков подступают к районам средней Сырдарьи. В середине IX в. печенежская конфедерация потерпела поражение от союза огузов, кимаков и карлуков. В результате этих событий огузы овладели землями союза печенежских племен по Сырдарье и в Приаральских степях. Племена печенежской конфедерации в этой сложившейся обстановке переселились и заняли пастбища между Яиком (Урал) и Итилем (Волгой). Однако в конце IX в. огузы в союзе с хазарами нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Яика и Итиля. Основная масса печенежских племен вынуждена была мигрировать в Юго-Восточную Европу, а их оставшаяся часть вошла в состав огузов и кимако-кыпчакского племенного объединения.

К этому времени (конец IX – начало X в.) относятся сведения ал-Идриси относительно расселения куманов. На карте ал-Идриси «Сурат ал-ард» к северу от Каспийского (Бахр ал-хазар) и Аральского (Бухайрат ал-Хваризм) морей расположены горы Аскасия. Они описываются протянувшимися в меридиональном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекают несколько рек, в том числе, что особенно важно для целей идентификации топографических объектов, река Итиль, впадающая в Каспий.

Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уральскими горами. Арабские географы Ибн Сайд и Абу-л-Фида указывают, что в предгорьях Аскасия, к югу от них, обитали куманы. На незначительном удалении к юго-востоку от Аскасия на карте показаны горы Тагура, где находилась цитадель страны куманов со столицей Куманией. Тагура, в соответствии с реальной географической схемой, сопоставима с Мугоджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, Мугоджары являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных письменных источников, куманы расселялись в пространстве между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно «Малой» с ал-Идриси) и кимаки, на западе – печенеги, на северо-западе – болгары, на северо-востоке – кып-

чаки. Анализ текстологического и картографического материалов дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах IX–X вв. Куманы составляли западную ветвь кимако-кыпчакского объединения.

В начале X в. кимаки и кыпчаки вместе с огузами кочевали в бассейне Урала, в Приаральских и Прикаспийских степях. Расселение этих племен нашло отражение и на средневековых картах арабских географов. Так, на «Карте мира» ал-Истахри кимаки занимают земли к северу и северо-западу от Аральского моря.

В пределах Южного Урала кыпчаки граничили с племенами «башгурд». Арабский путешественник Ибн Фадлан (X в.) свидетельствует об обитании «башгурт» в этом районе и отмечает их расселение у реки Багнады, вероятно, соответствующей нынешней Явынды. Непосредственные контакты кыпчаков с племенами «башгурт» привели со временем к взаимопроникновению в культуре и языке.

Зимовки и летовки кимакских и огузских племен, как отмечает историк ал-Масуди (X в.), были расположены по рекам Эмбе и Уралу. Кочевание группы кимакских племен на Эмбе и Урале отмечается сведениями ал-Масуди. О Белом и Черном Иртыше, впадающем в Каспийское море, ал-Масуди сообщает: «Между их устьями около десяти дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов». Эти реки идентифицируются с Эмбой и Уралом. До сих пор не получило удовлетворительного объяснения возникновение топонимов Белый и Черный Иртыш на столь значительном отдалении от собственно Иртыша. По нашему мнению, в этой уникальной информации проявилась закономерность, характерная для эпохи раннего средневековья, заключающаяся в отражении географической среды в этническом самосознании. Так, ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населявших ее людей в виде обожествленных представлений о «родной земле». Этнос, переселившийся на другую территорию, переносит туда названия обожествленных гор, озер, рек с прежних мест своего обитания. В этой связи вспомним сообщение Гардизи: «Река Иртыш – бог кимаков». Лишь кимаки могли назвать Эмбу и Урал по месту своего прежнего расселения Белым и Черным Иртышом. Очевидно, источником данной информации для ал-Масуди послужили выходцы из кимакской среды.

Свидетельство кочевания кимаков на Урале подтверждается также сведениями автора «Худуд ал-алам». Согласно этому источнику, «река Артуш течет между землями кимаков и огузов». Артуш, по мнению В. Минорского, соответствует Уралу. Далеко не ясное представление о гидрографии отдаленных от мусульманского мира областей «неверных» нашло отражение в анонимном сочинении автора X в. Наличие непосредственной границы и теснейших этнокультурных связей между кимаками и кыпчаками, с одной стороны, и огузами – с другой, наложило отпечаток на этнические и социальные процессы, на материальную и духовную культуру. Согласно показаниям персидского источника, некоторая часть кимаков походила на огузов своими обычаями.

Полагаясь на данные «Круглой карты мира» неизвестного арабского географа, можно вполне определенно говорить о западных границах расселения кимаков: это северо-восточная часть Прикаспийских степей, бассейн рек Урала и Эмбы, районы к северу от Аральского моря до Южного Урала. Карта отражает расселение кимаков в X в.

Значительные сведения, относящиеся к этому времени, содержатся в «Худуд ал-алам» в разделе о кимаках, где сообщается о трех территориальных единицах в пределах кимаков. Первая – Андак ал-хифчак, область некоторой части кыпчаков,

примыкавшей на западе к кимакской территории и похожей на огузов некоторыми своими обычаями. Андак ал-хифчак, по всей вероятности, занимала северо-западную и западную часть современного Центрального Казахстана и северную окраину Приаральских степей, т.е. области, находящиеся на непосредственных подступах к пределам огузов. Многовековые теснейшие связи между кыпчакскими и огузскими племенами наложили отпечаток на их язык, быт и культуру. Диалект кыпчакского языка, по словам Махмуда ал-Кашгари, имел ту же самую фонетическую особенность, что и диалект огузов – элемент «жекания».

«Йагсун-йасу» – другой район кимаков, расположенный между реками Волга и Яик и имеющий более благоприятные и более умеренные климатические условия. По мере движения на запад кимакские племена переносили на новые места названия топонимов, которым поклонялись.

«Кыркырхан» – третий район кимаков, чьи обычаи немного похожи на обычаи кыргызов. Очевидно, эта область находилась гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим соседним тюркским племенам. Сравнительно-сопоставительный анализ этого историко-географического термина с сообщениями других письменных источников позволяет локализовать Кыркырхан в районе от Тарбагатая до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау.

Отдельные группы кимакских племен доходили и до Каспийского побережья. Почти каждый город, река или пустыня за определенный исторический период имели по нескольку названий. Эти названия связаны с общеизвестными топонимическими закономерностями: море называется по именам стран, окружавших его, по именам городов, расположенных на его берегах, по именам впадающих рек, по именам народов, живших на побережье. На проникновение кимаков в Прикаспийские степи указывает недолго существовавшее в топонимике название Каспийского моря – Кимакское море, упоминаемое в «Шахнаме».

Во второй половине X в. отдельные группы кимаков и кыпчаков находились у границы мусульманских областей Туркестана. Город Сауран, согласно ал-Макдиси (X в.), был пограничным с огузами и кимаками укреплением. Этот автор называет еще большой, богатый город Шагльджан, находящийся в 26 км к северу от Туркестана, как пограничную крепость против кимаков, большой укрепленный пункт.

На юге оз. Балхаш было естественной границей между кимаками и карлуками в Семиречье.

На севере кочевья кимакских племен доходили до лесостепной полосы. Северо-восточные границы страны кимаков охватывали области Западного и Северного Алтая и прилегающие районы юга Западной Сибири в пределах распространения сроткинской культуры кимаков. Крайние восточные памятники сроткинской культуры находились в западных отрогах Кузнецкого Алатау. К рассматриваемому времени, видимо, относится путешествие Абу Дулафа, которому пришлось ехать по земле кимаков 35 дней.

Таким образом, под политической гегемонией кимаков находилась обширная территория: от Алтая и Иртыша на востоке до Итиля и Южного Урала на западе, от Кулундинской степи на севере до оз. Балхаш и Джангарского Алатау на юге. Древние земли кимаков были расположены на Иртыше, где находились две столицы кимакского хакана – старая и новая. В начале XI в. наследниками этих обширных земель стали кыпчаки.

Хозяйство кимаков. Главным занятием кимаков было кочевое скотоводство. Кочевники регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам.

Пути кочевков, вырабатывавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических или политических обстоятельств.

Некоторые группы кимаков на зимовку прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой, а летовку проводили в Прииртышье. Средневековые авторы отмечают, что кимаки разводили лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов.

Важнейшую роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир употребляли вместо растительного масла, сало – для освещения». В кочевом хозяйстве исключительно важное место занимало коневодство. Именно благодаря подвижности и выносливости лошадей могли осваиваться отдаленные пастбища. Кони использовались на войне и в облавной охоте. Говоря словами ал-Джахиза, «тюрок сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». Ибн Фадлан и Гардизи сообщают о громадных табунах лошадей, разводившихся кимаками в X в. Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию на пастбище, они давали много молока и мяса. Кочевые тюркские племена предпочитали конину говядине и баранине, а из кобыльего молока изготавливали напиток – кумыс.

Разводились две породы лошадей – невысокие, с массивной головой, с толстой и короткой шеей, и рослые верховые кони, с небольшой головой и тонкими ногами. Тамим ибн Бахр, отметивший у царя кимаков и его войска лошадей «с тонкими копытами», по всей вероятности, имел в виду скаковых лошадей.

В некоторых источниках сообщается о разведении кимаками коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот, в основном, содержали полуоседлые группы, хотя и быки использовались кочевниками для упряжек. Разводились и козы, но они не играли большой роли в скотоводческом хозяйстве.

Мясо и молоко употребляли в пищу, шерсть – для изготовления войлока, шерстяной одежды, ковров и других изделий. Животноводческая продукция шла не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на продажу в соседние земледельческие области.

Охотничий промысел. Одним из источников существования у кимаков служила охота. В IX в. ал-Йакуби писал, что кочевые тюрки «больше всего едят дичь». Интересное описание способов охоты тюрок имеется у Джахиза. По его словам, они любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь, охотятся верхом; они необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов.

Наряду с индивидуальной охотой организовывались и облавные; они, кроме хозяйственных целей, имели и военное значение, являясь своеобразными маневрами, военным учением.

Среди кимаков имелись охотники на пушных зверей – лисиц, куниц, бобров, соболей, горностаев и крупных хищных зверей: тигров, барсов. В Прииртышье найдена бронзовая бляха, на которой изображен кимацкий всадник в характерной короткополой одежде, поражающий копьём тигра. Пушнина для этих племен была одним из предметов сбыта в другие страны.

Отдельные группы кимаков, главным образом малоимущие, занимались рыбной ловлей на Иртыше и других реках. В «Диван лугат ат-турк» и арабо-кыпчакских глоссариях приведена кимако-кыпчакская терминология рыболовных ору-

дий труда: аргак – крючок, аг – сеть, ужан (улук) – маленькая лодка, кеми (караб) – большая лодка. Сведения нарративных источников подтверждаются археологическими материалами из Прииртышья. В могильниках VIII–IX вв. найдены скульптурные изображения рыб.

Оседлые и полуседлые группы. Среди кимаков имелись компактные группы полуседлого и оседлого населения. Характеризуя тюркские племена, ал-Идриси пишет: «Люди кочевые... Однако они обрабатывают землю, сеют и жнут».

Оседлые поселения у кимаков отмечены многими арабо-персидскими авторами. Тамим ибн Бахр, видевший хакана кимаков с войском, рассказывает, что около его ставки имеются селения и возделанные земли. В «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов «рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются Имекия (по другим источникам Кимекия) – летняя резиденция хакана и селение Жубин. В противоположность основному типу передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни – юрте, Исхак ибн ал-Хусейн и ал-Марвази сообщают о кимакских землянках.

Наибольшую информацию о городской жизни кимаков содержат сочинения ал-Идриси. Ссылаясь на книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки, он говорит о шестнадцати городах кимаков по берегам озер, рек, в неприступных горных районах и в местах разработок полезных ископаемых. Многие из них находились на торговых трассах. Кимакские города были хорошо укреплены. Упоминаются в источниках замки-крепости, расположенные в горах, у основания которых рылись рвы, заполнявшиеся водой.

Полуседлые и оседлые группы кимаков занимались земледелием, сеяли главным образом просо. Абу Дулаф свидетельствует, что кимаки употребляли в пищу горох, бобы и ячмень. Ал-Идриси сообщает, что у кимаков есть районы с плодородными землями, где сеют пшеницу и ячмень, говорит о выращивании ими такой трудоемкой земледельческой культуры как рис, что возможно лишь на поливных землях.

О традиционном возделывании этих культур позволяют судить термины, употреблявшиеся кимако-кыпчакскими племенами для их обозначения и сохранившиеся в толковых словарях. Все они тюркского происхождения: экин – посев, бугдай – пшеница, тару (тарыг) – просо, арпа – ячмень, тутарган – рис, мерджамак – чечевица, ирдан – гумно. Земледельческое хозяйство кимаков было натуральным и едва обеспечивало нужды собственного потребления. Сведений о продаже или обмене ими своей земледельческой продукции нет. Таким образом, у кимаков существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве.

Домашние промыслы и ремесла. Самой развитой формой домашних промыслов и ремесла у кимаков была обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Кожа шла на изготовление различных видов обуви, посуды, колчанов, налучников, конской сбруи, мешков; войлоком покрывали юрты, из него делали одежду. Ал-Йакуби отмечает, что «тюрки – самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда». Для одежды использовались также шкуры диких животных и меха пушных зверей.

Рядовые общинники обычно сами изготавливали для себя различные предметы вооружения, хозяйственного и бытового назначения. В этом отношении интересно свидетельство ал-Джахиза: «Тюрк делает все процессы ремесла сам, не просит по-

мощи у товарищей и не обращается за советом к другу: они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья».

В быту широко применялись деревянные изделия – седла, посуда, лодки, части юрты, упоминаются также лыжи.

В принадлежавших кимакам поселениях было налажено гончарное производство. Кроме того, на территории их обитания добывалось железо, серебро, золото, медь и драгоценные камни. «Из железа тамошние мастера, – писал ал-Идриси об кимаках, – делают изделия необычайной красоты». Из золота и серебра изготавливали предметы роскоши и украшения. По сведениям ал-Идриси, царь кимаков носил одежду, шитую золотом, и золотую корону. Он описал технологию плавки золота у кимаков: «По обычаю (кимаки) золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупы золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота» [2, с. 96].

Существование ремесленного производства у кимаков подтверждается археологическими материалами. При раскопках их поселений и курганных захоронений найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошмы и кожи, деревянной посуды, оружие и различная гончарная керамика.

Список литературы

1. Зуев Ю. А. «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина как источник по ранней истории джалаириков // Письменные памятники Востока – 1969. М.: Наука, 1972. С. 178–185.
2. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 158 с.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 1. М.-Л.: АН СССР, 1952.

§ 5. Финно-угры в Приуралье

Андрей Белавин, Наталья Крыласова

Обширные территории Приуралья в глубокой древности стали регионом, в котором формировались предки целого ряда современных финно-угорских народов: удмурты, коми, коми-пермяки, венгры, манси, ханты. Берега главной водной артерии региона – реки Камы, да и сама река, всегда были магистралью, игравшей важную роль в торговых и этнокультурных контактах населения Европы и Азии. Разнообразные ландшафты региона, от тайги до степей, природные богатства были экономической основой развития финно-угорских племен, залогом их процветания в разные исторические эпохи.

В первой половине I тыс. н.э. (Эпоха Великого переселения народов) территория Приуралья попадает в орбиту глобальных процессов миграций и переселений и становится довольно оживленным местом. Этот период знаменуется появлением на археологической карте региона новых археологических культур, не имевших генетической связи с предшествующими культурами рубежа эр.

В конце IV в. н.э. на левобережье среднего течения р. Белой возникают памятники *турбаслинской культуры*, занимавшей компактную территорию в центре современного Башкортостана, в основном по северной кромке приуральской лесостепи.

пи. Культура «турбаслинских племен» представляет собой совершенно новое явление для Приуральского региона, не имеющее каких-либо существенных преемственных связей с культурой предшествующего населения. В лесостепном Приуралье получает распространение новый обряд захоронения умерших: под земляными курганами, по несколько могил под одной насыпью, в насыпи остатки поминальной тризны в виде костей животных, чаще конских. Покойных клали в узкие могилы со специальными нишами в изголовье, куда ставили большой глиняный сосуд, а сверху на него клали часть конской туши (плечо или ноги). Погребенного ориентировали головой на северо-запад, вместе с ним в могилу помещали преимущественно принадлежности и украшения костюма, чаще всего – детали поясных наборов т.н. «гуннского типа», состоящие из позолоченных пряжек и накладок, украшенных зернью и стеклянными вставками, тисненные из золотой фольги накладки-лунницы», серьги.

Турбаслинские племена жили в открытых поселениях, расположенных по берегам озер и рек. По материалам раскопок Ново-Турбаслинского поселения удалось установить, что обитали «турбаслинцы» в небольших квадратных полуземлянках, в центре которых находился очаг. Занимались скотоводством и земледелием. О занятиях земледелием свидетельствуют многочисленные находки земледельческих орудий (серпы, каменные ручные жернова) и специально оборудованных ям для хранения зерна.

Этническая принадлежность носителей турбаслинской культуры долгое время была дискуссионной. Их корни искали среди археологических культур Северного Кавказа, Западной Сибири, Средней Азии, связывая с аланами, уграми, тюрками. Однако Ф.А. Сунгатову удалось убедительно обосновать типологическую близость турбаслинских памятников Приуралья с позднесарматскими (или сармато-аланскими) памятниками Днепровских степей.

Вверх по Каме появляются курганы и курганные могильники *тураевского типа*, содержащие в основном воинские захоронения, резко отличающиеся от предшествующих мазунинских. Судя по материалам этих могильников, пришельцы были в основном воинами. Под земляными курганами Тураевского и Старо-Муштинского могильников найдены мужские захоронения, содержащие совершенно неизвестные в Прикамье типы вооружения – длинные тяжелые мечи, полусферические шлемы, склепанные из железных полос, наконечники копий с шипами, принадлежности конской узды и поясные наборы южных кавказско-причерноморских типов. Р.Д. Голдина считает, что типы вооружения и характер захоронений указывают на генетическую связь населения, оставившего указанные могильники, с гото-славянскими племенами державы короля Германариха, распавшейся под ударами гуннских орд. На новой территории пришельцы брали себе жены местных женщин: рядом с курганами Тураевского и Старо-Муштинского могильников, содержащими погребения мужчин-воинов, находятся женские могилы типично мазунинского облика.

Многие современные исследователи считают, что могильники тураевского типа оставлены поздними сарматами.

Под давлением пришельцев меняется география расселения племен мазунинской культуры, и в V в. н.э. складывается новая культура, по первым исследованным памятникам у д. Бахмутино получившая название «бахмутинской».

Для могильников *бахмутинской культуры* характерно трупоположение в вытянутой позе, на спине, головой к северу, с некоторыми отклонениями на восток

или запад. Преобладающее большинство могил содержит индивидуальные захоронения. И в мужских, и в женских могилах украшения (ожерелья, серьги, подвески, браслеты) часто располагаются кучкой сбоку или, чаще, в изголовье костяков. Иногда удается проследить, что они ставились в берестяных коробках – так называемых «жертвенных комплексах». Специфической чертой погребального обряда бахмутинских племен является обычай класть в могилу расстегнутый пояс вдоль или поперек погребенного. Пояс зачастую имел две длинные подвески, спускавшихся спереди на бедра. Для мужских захоронений характерно наличие оружия (наконечники копий, железные и костяные наконечники стрел, топоры, изредка – мечи) и разнообразных орудий труда. Керамика бахмутинских памятников, украшенная ямочным орнаментом, имеет аналогии в Южной Сибири, что позволило В.Ф. Генингу сделать предположение о приходе в Западное Приуралье части южносибирского населения и участия его в формировании финно-пермской бахмутинской культуры [5, с. 265–266].

Археологические памятники VI–IX веков южной части Камско-Вятского междуречья Р.Д. Голдина и Т.К. Ютина объединяют в *верхнеутчанскую культуру* [6, с. 283–285; 17, с. 15–16], по их мнению, финно-пермскую в своей основе. Однако материалы памятников, включенных в ареал этой культуры, позволяют усомниться в некоем этнокультурном единстве населения, оставившего их. Большинство исследованных поселений содержит этнокультурно смешанный материал, что четко наблюдается по выявленной керамике, это заставляет сомневаться в правомерности объединения этой группы памятников в отдельную археологическую культуру. Так, наряду с постмазунинскими комплексами (собственно верхнеутчанский тип) представлены, причем иногда в значительной доле, именьковские, кушнарниковские, ломовско-ломоватовские комплексы. Например, на Кузубаевском городище именьковская керамика составляет около 68%. Скорее всего, берега рек Иж и Тойма были некоей контактной зоной между различными по своему происхождению и этничности группами Приуральского населения.

В бассейне р. Белой в Башкирии около 550 г. появляются угорские этнические группы, оставившие после себя захоронения так называемого *кушнарниковского* типа (название дано по поселению и кургану, исследованным В.Ф. Генингом на окраине современного с. Кушнарниково в 1957 и 1959 гг.).

Своих умерших сородичей «кушнарниковцы» хоронили под небольшими земляными курганами, где размещали по одной, но иногда по две-три и даже более могил (вероятно, такие курганы являлись своеобразными склепами-усыпальницами для одной семьи). Могильные ямы были, как правило, простые, узкие и неглубокие. Покойных укладывали на дно могилы вытянуто на спине, головой на север или запад. В могилы вместе с человеком помещали набор вещей, свидетельствующих об образе жизни, занятиях и социальном статусе индивида. В мужских погребениях это оружие, детали конской сбруи, кожаные пояса с бронзовыми или серебряными накладками; в женских – украшения: бусы из стекла, янтаря или полудрагоценных камней, перстни, браслеты. В изголовье могилы ставили глиняный сосуд с жидкой пищей и клали кусок конского или овечьего мяса (кости соответствующих животных в могиле). В насыпь кургана, над могилами зарывали одну или несколько конских голов, а тушу, очевидно, съедали во время поминальной трапезы.

Для кушнарниковской культуры характерны кувшинообразные сосуды (лепные тонкостенные круглодонные горшки яйцевидной или шаровидной формы, украшенные изящным резным орнаментом, состоящим из горизонтальных линий, се-

точки, зигзагов, лунниц), по своей форме более всего напоминающие такого типа сосуды саргатской культуры, а орнаментация на них в основном не саргатская, а наиболее близкая орнаментальному комплексу потчевашской культуры, а также посуде средневековых памятников западносибирской лесостепи, относящихся к бакальской археологической культуре. Большинство исследователей считают носителей кушнаренковской культуры выходцами из лесостепного Обь-Иртышского междуречья. Вероятнее всего, это переселение было следствием степных войн, сопровождавших образование Тюркского каганата.

В VIII в. в лесостепном Приуралье появляется новая волна угорских мигрантов из Зауралья. Следы их пребывания в регионе представлены памятниками *караякуповской археологической культуры*, названной так по городищу, исследованному Г.И. Матвеевой в 1962 и 1967 гг. у с. Кара-Якупово в Чишминском районе Башкортостана. Принадлежность ее носителей к этнокультурному ареалу западносибирских угров подтверждается, прежде всего, погребальным обрядом, характерными признаками которого являются одно или несколько (иногда – более двадцати) захоронений под земляным курганом, в простых неглубоких могилах, наличие ритуальных захоронений конских голов в насыпи кургана, преобладание западной или северной ориентировки погребенных, наличие в изголовье могилы глиняного сосуда и костей животных (овцы или лошади); иногда в могиле встречаются остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног, лежащих у ступней человека, и обилие серебряных и бронзовых украшений (пояса, украшенные накладками, серьги, подвески, браслеты, перстни, а также ожерелья из стеклянных и каменных бус). Как в мужских, так и в женских (а иногда и в детских) погребениях встречается конская сбруя, богато украшенная серебряными бляшками-накладками в виде гроздьев, трилистников, фигурок коней или других животных.

Глиняная посуда караякуповской культуры представляет собой лепные круглодонные горшки приплюснутой реповидной или округлой формы. Горловина сосудов украшена орнаментом, состоящим из горизонтальных поясов круглых ямок, «елочек», зигзагов и выпуклостей – «жемчужин». По венчику горшка наносились частые мелкие насечки. Посуду караякуповского типа Г.И. Матвеева сравнивает с посудой бакальской культуры [12, с. 21]. Черты сходства между бакальской и саргатской керамикой свидетельствуют о генетической связи оставившего ее населения.

Территория расселения носителей караякуповской культуры простиралась от лесостепного Зауралья (Бекешевские I и II курганы, курганы на оз. Синеглазово под Челябинском) до низовьев р. Камы (Больше-Тиганский могильник в Татарстане). Таким образом, «караякуповцы» буквально «след в след» двигались за своими предшественниками «кушнаренковцами», подтверждая этим генетическую близость с ними, кроме того, сравнительно-типологический анализ кушнаренковских и караякуповских могильников совершенно очевидно подтверждает родство этих племен, а, с другой стороны, караякуповские памятники оказываются типологически близки с древнеугорскими памятниками лесных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири.

Этническая принадлежность носителей кушнаренковской и караякуповской культур долгое время вызывала споры среди исследователей приуральских древностей. В.Ф. Генинг считал их самодийскими, Г.И. Матвеева, В.А. Могильников, В.А. Иванов – угорскими, Н.А. Мажитов придерживается мнения об их тюркской (древнебашкирской) принадлежности. Е.А. Халикова в 1975 г. выдвинула гипотезу об этногенетическом родстве носителей караякуповской культуры и древних мадь-

яр, а территорию караякуповской культуры отождествляла с древней страной *Magna Hungaria*. Этот вывод был сделан на основе исследований Больше-Тиганского могильника [18], который, относясь к кругу караякуповских памятников, в то же время обнаруживает много общих черт с обрядом древневенгерских могильников «периода обретения венграми Родины на Дунае» (конец IX – X вв.). Весьма близким представляется также ассортимент и состав погребального инвентаря (одинаковые типы вооружения, конской сбруи, украшений).

Яркими событиями наполнена в это время и жизнь в Среднем Приуралье. На берега р. Сылвы из зауральской лесостепи переселяются *потомки зауральско-западносибирских угров*, известных там по саргатской археологической культуре. Угры-саргатцы первоначально проникли в северную часть Среднего Приуралья. Связанные с ними курганные могильники конца IV–V вв. концентрируются в среднем и нижнем течении р. Сылва и в бассейне р. Шаквы (Броды, Плеханово, Заборье, Калашниково, Кляпово, Верх-Сая), в бассейне р. Мулянки на Камском левобережье в районе современного г. Пермь (Качка, Салтанаиха) и на правом берегу Камы севернее г. Пермь (Бурково, Полуденка и пр.). Переселенцы были коневодами. В погребениях найдены бронзовые подвески-коньки, в мужских захоронения собраны остатки наборных уздечек, кости лошади присутствуют в погребениях, в курганных насыпях и канавках, окружавших курганы. Эти материалы указывают на культ коня, развитый у переселенцев.

Поздние саргатцы после переселения в Предуралье вступили в конфликт с местным финно-угорским населением – потомками населения гляденовской культуры и сарматскими переселенцами, оставившими могильники типа Мокинского. О напряженном характере взаимоотношений свидетельствуют погребения мужчин, убитых стрелами (например братская могила под одним из курганов Бродовского могильника). Но потребность в женах и постепенный переход к оседлости заставили пришельцев искать мирного сосуществования с местными жителями. Так в бассейне Сылвы начинает формироваться угорское население, оставившее памятники неволинской археологической культуры (конец IV – первая четверть IX в.).

В середине V в. по Сылвенско-Чусовскому коридору на северной окраине Кунгурско-Мясигутовской лесостепи в Среднее Приуралье из-за Урала прибывает еще одна волна угров-переселенцев. Этот массив мигрантов и часть ассимилирующегося населения севера Среднего Прикамья совершают еще более дальнюю миграцию, осваивая уже лесные районы, в которых, однако, существовали и участки лесостепного типа (судя по сохранившимся реликтовым степным растениям). Их движение могло осуществляться не только по лесостепным рукавам и останцам, но и по берегам и широким поймам Камы. Таким образом, по мнению В.Ф. Генинга, возникли две группы так называемого харинского населения, оставившие курганные могильники на севере современного Коми-Пермяцкого округа: на притоках р. Косы (Митино, Пеклаыб, Чазево и пр.) и на Каме (Харино, Пыштайн, Агафоново и др.). В.Ф. Генинг считал носителей *харинской культуры* тюркизированными уграми. Р.Д. Голдина называла прародиной носителей этой культуры Западную Сибирь.

В конце V – начале VI в. харинское население, продолжая миграцию, проникает в верховья Камы (Аверино), на Чепцу (Варни) и на берега Выми, Нившеры и Сысолы на территорию республики Коми (Борганель, Веслянский могильник, Шойна-Яг). Расселение носителей харинской культуры (культурного типа, этапа) привело к формированию в V–VI вв. полемской (в Удмуртском Предуралье), в VI–

VII вв. – ломоватовской (в Пермском Предуралье) и ванвиздинской (в Северном Предуралье) археологических культур.

270 памятников *неволинской археологической культуры* (конец IV– начало IX в.) занимают северную окраину Кунгурско-Мясигутовской лесостепи. Основные памятники этой культуры сосредоточены в Приуралье, хотя имеются поселения «неволинцев» и в среднеуральских и северобашкирских территориях. Свое название культура получила от с. Неволино, находящегося на правом берегу р. Ирень в современном Кунгурском районе Пермского края, где в 1926–1927 гг. А.В. Шмидтом был исследован курганный могильник. Р.Д. Голдина происхождение неволинской культуры рассматривает как результат синтеза в Кунгурской лесостепи пришедшего из Западной Сибири саргатского населения и местных гляденовских племен [8, с. 17], хотя гляденовское население в бассейне рек Сылвы и Ирени (основной район распространения неволинских памятников) было, видимо, крайне мало (Ломотинское костыще, селище Якшевитово). Население неволинской культуры вело комплексное хозяйство, основанное на мотыжном земледелии и пастушеском скотоводстве, занималось бортничеством, рыболовством, охотой.

Ранние могильники – курганные. После VII в. установилась традиция бескурганых погребений. Сочетание курганных и бескурганых частей свидетельствует о длительности функционирования могильников. Способ погребения – индивидуальные и групповые (чаще всего парные) труположения. Погребения содержат богатый инвентарь, для мужских захоронений типичны конское снаряжение (удила, стремена, детали узды), серебряные и золотые погребальные маски, оружие (боевые топоры, палаши, сабли). В засыпях могил и в междумогильном пространстве присутствуют кости и зубы (фрагменты челюстей) лошади.

На ранних этапах посуда неволинской культуры была представлена в основном невысокими керамическими чашами небольших размеров и блюдами. Позже распространяются профилированные сосуды более высоких пропорций: миски, округлобокие горшки, чаши с прямой или отогнутой шейкой. Интересно, что в погребениях встречаются миниатюрные сосудики, отличающиеся тщательностью изготовления – черта характерная и для ломоватовских могильников. В орнаментации посуды преобладают резные приемы, но встречены также гребенчатый штамп и оттиски шнура (последние достаточно часто встречаются в орнаментации погребальной посуды Бродовского и Неволинского могильников), ямки [9, с. 88–90].

Для неволинской культуры характерны наборные пояса т.н. «тюркского» типа, гарнитура которых состоит из овальнорамчатых пряжек с подвижным язычком и цельнолитым щитком прямоугольной или полуовальной формы, прямоугольных, сегментовидных, фигурных накладок с прорезьями, накладок круглой или сердцевидной формы, наконечников ремней полуовальной формы или с заостренными концами, гладких и украшенных орнаментом. Наборные пояса одинаково присущи как мужскому, так и женскому костюму. У женщин они встречаются даже чаще. Женские украшения представлены бронзовыми браслетами (пластинчатые и граненые), перстнями, височными подвесками с дополнительными привесками (т.н. подвески «салтовского» типа), шумящими арочными и коньковыми подвесками-наконечниками, ажурными подвесками трапецевидной формы. Сравнивая облик и составляющие компоненты материальной культуры «неволинцев» и «караякуповцев», особенно в таких категориях, как убранство костюма, оружие и конское снаряжение, можно убедиться в их близости. По мнению ряда исследователей, неволинская культура представляла собой этнографический вариант кушнаренковско-караякуповской куль-

туры [10, с. 411]. Различные авторы этническую принадлежность неволинцев определяют как финно-угорскую, угорскую или финно-пермскую.

Ломоватовская культура (известно более 400 памятников этой культуры VI–XI вв.) занимает правобережье и левобережье среднего и верхнего течения Камы от реки Чусовой и почти до верховий. Ее памятники расположены на таких крупных притоках Камы как Обва, Инвья, Яйва, Вишера, Коса, в зоне смешанных южно-таежных лесов с небольшими участками реликтовых степей (южные группы памятников) и в таежной темнохвойной зоне с большим количеством болот разного типа (северные группы памятников). Свое название культура получила по речке Ломоватовке, в бассейне которой еще в XIX в. было найдено множество типичных для нее вещей и памятников. Наиболее полно ломоватовские материалы опубликованы Р.Д. Голдиной [7].

Памятники **поломской культуры** (известно более восьмидесяти таких объектов V–X вв.) расположены в верхнем и среднем течении реки Чепца. Название культура получила по раскопкам двух могильников у д. Полом. Ломоватовская и поломская культуры характеризуются весьма близкими чертами. По мнению ряда исследователей, ломоватовская и поломская культуры составляли две части единой культурной общности. По форме, тесту и технике орнаментации поломская чашевидная посуда с округлым дном обнаруживает значительное сходство с ломоватовской. На раннебулгарском Танкеевском могильнике в ряде случаев в одном погребении помещались одновременно поломский и ломоватовский сосуды – свидетельство близости «ломоватовцев» и «поломцев» на уровне фундаментальных идеологических представлений. Наиболее схожи общие для этих культур сосуды, украшенные оттисками в виде ряда подковок, располагавшихся ниже пояса шнуровых оттисков, а неорнаментированные сосуды и вовсе неотличимы. Поломская культура испытала приток зауральского угорского населения дважды, первый в конце V – начале VI в., когда возникают курганные захоронения, положившие начало формированию Варнинского могильника, второй – в VIII – начале IX в. [15, с. 28–30]. Эта вторая волна дала весьма мощный культурный импульс, под ее влиянием возникает традиция украшать сосуды решетчатым фигурным штампом, что придало поломским материалам этнографическое своеобразие по сравнению с соседями – «ломоватовцами», а также традиции косторезного производства, основанные, по мнению удмуртского археолога М.Г. Ивановой, на угорских или угро-самодийских традициях. Многочисленные предметы вооружения в могилах, включая сабли и предметы конского снаряжения, «комплекс коня» и подвески-всадники, указывают на существенную роль воинов и культ всадника в ломоватовско-поломском обществе.

В основе хозяйства ломоватовско-поломских племен было мотыжное земледелие с выраженными элементами охотничьего хозяйства. Охота к X в. приобретает промысловый характер и ориентирована на добычу пушнины. Последнее обстоятельство связано с включением населения Приуралья в торгово-экономическую орбиту Волжской Булгарии. Племена Приуралья, а с XII в. и Зауралья, играли роль основных поставщиков меха пушных зверей в международной Восточной торговле. Селились «поломцы» и «ломоватовцы» так же как их родственники «неволинцы», родовыми группами, археологические следы которых выражены группами поселений с центральным большим по площади городищем, подступы к которому иногда были защищены несколькими сторожевыми сооружениями, вокруг располагались селища и могильники. Картографирование памятников ломоватовской культуры показывает, что чаще всего они располагаются территориальными «гнездами», со-

стоящими, как правило, из 1–2 городищ, 2–4 селищ, 1–3 могильников. Наличие между ними территорий, где ломоватовских памятников не известно вообще, позволяет видеть в этих «гнездах» территории отдельных родов с прилегающими к ним охотничьими угодьями. Некоторые городища других территорий Приуралья не были заселены – они играли роль запасных убежищ, однако к IX в. на территории «ломоватовцев» таких убежищ практически не осталось, все городища были заселены и имеют культурный слой.

Ломоватовские и полемские могильники представлены курганными и бескурганными кладбищами, расположенными на небольших всхолмлениях по берегам рек. Многие курганные могильники имеют более поздние бескурганные части. В курганах прослеживаются внутримогильные сооружения в виде одноенцовых срубов или гробовищ из досок. Бескурганные могильники наиболее характерны с VII в. Почти все могильники ломоватовской культуры дают представления об особой роли лошади в погребальной обрядности. В ногах отдельных погребенных лежат остатки лошади – череп (или только челюсти) и кости ног или копыта, в засыпи погребений также встречаются кости лошади (чаще зубы). Отметим, что, по данным венгерских археологов, захоронение с костями лошади и оружием являлось привилегией высших слоев венгерского общества в Паннонии в IX–X вв. и представлено примерно в 3% всех изученных погребений «периода Арпадов». Характерной чертой погребальной обрядности «ломоватовцев» является распространение серебряных и, реже, золотых погребальных масок, как правило, нашивавшихся на куски шелка, иной ткани или кожи, покрывавшей лицо погребенного. Маски встречены в основном в мужских воинских погребениях, хотя известны и в женских захоронениях. Многие из этих масок представляют собой художественные произведения, передающие, возможно, реальные черты лица покойного. Такие маски встречены в погребениях VIII – начала XI в. на Рождественском, Огурдинском, Баяновском, Редикарском, Запосельском, Плесинском, Деменковском и ряде других ломоватовских могильниках. Следует подчеркнуть, что маски, вероятно, применялись при захоронении социальной элиты, о чем свидетельствует богатый комплекс погребального инвентаря в подобных погребениях. С «элитарными» захоронениями связаны и некоторые отступления от общего погребального обряда: биообрядность, противоположная ориентировка захороненных и пр., что однако говорит не об иноэтничности верхушки общества, а об особом к ней отношении. Использование погребальных металлических масок зафиксировано в венгерских могильниках «периода Арпадов», вплоть до этнографической современности в погребениях угров Западной Сибири, и является одной из наиболее характерных угорских черт погребального обряда.

Облик материальной и духовной культуры «ломоватовцев» и «поломцев» имеет много схожих черт и весьма близок неволинскому. Широко использовались такие элементы костюма, как наконечники в виде шумящих арочных и биконьковых подвесок; пояса, одинаково распространенные как в мужском, так и в женском костюме; схожи типы браслетов, височных подвесок, разнообразных украшений т.н. «салтовского типа», в женском костюме одинаково представлен такой элемент, как декоративные ножны, и пр. В ломоватовско-поломских древностях существенное место занимают наборные пояса разных типов – как привозные (геральдические, тюркские и др., в т.ч. венгерские), так и местного производства. Наиболее известным и широко распространившимся за пределы Предуралья (в результате дальней транзитной торговли по торговым путям средневековья) местным типом пояса был

пояс «неволинского типа» с ж-образными бляшками, оригинальными кожаными привесками, украшенными накладками-тройчатками. Такие пояса, представленные в материалах родственных неволинской, ломоватовской и полемской культур, известны на Вычегде, в Большеземельской тундре, в Сибири – результат миграций и разнообразных связей.

В качестве основных видов наконных украшений у финно-угорского населения Приуралья использовались арочные, биконьковые, колесовидные, умбонovidные шумящие подвески. Большинство украшений-наконников были связаны с идеей родов, а также обладали функцией защиты этого важнейшего женского качества. Арочные подвески с простой пластинчатой основой в харинское время, литые ажурные с изображением ростка (арочные подвески «прикамского типа») или медведя, характерные для ломоватовского периода, высокохудожественные ювелирные изделия, украшенные зернью и сканью, с позолоченным фоном и вставками из полудрагоценных камней, известные в X–XII вв., довольно часто встречаются на большинстве средневековых могильников не только Пермского, но и Южного Предуралья.

Биконьковые подвески (шумящие украшения, в основе которых лежит изображение двух голов коней на длинных шеях, развернутые в разные стороны). Образ двух противопоставленных голов коней встречался еще на ранних подвесках и пронизках харинского этапа IV–VI вв. н.э. Данные наконники входили в женские костюмные комплексы, типичные для кушнареновско-караякуповских памятников на территории современной Башкирии, которые интерпретируются как протомадярские. Характерны они и для неволинской культуры в бассейне р. Сылвы. Аналогичные подвески достаточно широко встречаются и в угорских могильниках Западной Сибири. Причем арочные наконники сохранились у сибирских женщин и в более позднее время.

Арочные и биконьковые подвески-наконники широко представлены и на мадярских могильниках с территории Волжской Болгарии. Таким образом, можно считать, что наконники с арочными и коньковыми подвесками «прикамских типов» являются элементом костюма, характерным для угров.

Этнокультурная принадлежность ломоватовских и полемских племен разными исследователями определялась по-разному. Так, Ф.А. Теплоухов, А.В. Шмидт, Е.П. Казаков характеризовали древности ломоватовского времени как угорские, А.Х. Халиков и Е.А. Халикова считали ломоватовско-полемские племена тюркизированными уграми, А.П. Смирнов, В.А. Оборин, М.Г. Иванова, Р.Д. Голдина считают население этих культур финно-пермяками, испытывшими некоторое влияние со стороны угров Западной Сибири. Сравнительно-типологический анализ погребальных памятников ломоватовской и полемской культур с погребальными памятниками угров Западной Сибири и Зауралья указывает на эногенетическую близость «ломоватовцев» и «полемцев» между собой (показатель более 0,85) и на их общую близость к уграм Западной Сибири. В эту же группу «ближайших родственников» входят и племена, оставившие неволинскую археологическую культуру. На наш взгляд, этот анализ и общий облик материальной и духовной культуры «ломоватовцев» и «полемцев» свидетельствует об их принадлежности к угорскому Урало-Сибирскому этнокультурному ареалу [2], что, однако, не исключает чересполосного обитания в ареале ломоватовской культуры и предков финно-пермяков. Последние достаточно ярко представлены на северных и северо-западных памятниках ломоватовского времени, в отличие от более южных и юго-восточных частей ареала, где более выразительны материалы угорского облика. Черты финской (финно-

пермской) культуры могут быть обозначены следующими моментами: слабо орнаментированная чашевидная посуда низких пропорций с округлым дном, северная ориентировка погребений, отсутствие в костюмных комплексах шумящих наконечных украшений и пр. Но культурное своеобразие ломоватовско-поломским племенам по сравнению с другими финно-уграми Восточной Европы придавали именно выраженные угорские черты культуры, что сближает их, в том числе, и с венграми «периода Арпадов» (коэффициент сходства от 0,7 до 0,8).

На территории ломоватовской, ломоской и неволинской археологических культур найдено большое число «кладов», содержащих посуду, изготовленную из драгоценных металлов. Среди находок серебряной посуды в Прикамье имеются сосуды из Согда, Хорезма, Хоросана (таких предметов около двух третей от всех находок серебряной торовитики), Византии, Западной Европы. Но самую интересную и художественно выразительную, хотя и не самую массовую часть находок (около 15–20%) представляют серебряные сосуды, изготовленные в Сасанидском Иране или по Сасанидским мотивам в Согде. При этом сасанидские сосуды, найденные на Урале, составляют 75% от числа произведений сасанидской торовитики, хранящейся в музеях мира.

Основное место находок – Пермская губерния, где найдено более 200 сосудов. Всего в Прикамье, по сводке В.П. Даркевича, на середину XX в. учтено более 100 кладов, в каждом из которых найдено не по одному сосуду. Примером массовых находок импортного серебра могут быть т.н. «Бартымские клады» в окрестностях Бартымского I селища неволинской культуры: византийская чаша, иранская ладьевидная чаша, четыре хорезмийские чаши, а также серебряная чаша с 264 византийскими монетами Ираклия. Находки датируются VII – началом VIII в. Серебряная посуда только часть потока серебра, устремившегося в VI в. в Уральские леса. Значительную часть этого потока составили серебряные монеты. Их диапазон весьма разнообразен: от сасанидской драхмы VI–VII вв. до золотоордынских монет XIV в. Среди монет есть западноевропейские денарии, византийские миллиаресии, арабские и болгарские дирхемы. Больше всего арабских дирхемов. На их распространение через болгарских торговцев указывают находки вместе с монетами складных весов, аналогичных найденным в Волжской Булгарии, и монеты болгарского чекана, находимые вместе с арабскими. Максимальный приток арабской монеты в Предуралье приходится на X – первую половину XI в. К наиболее крупнымкладам арабских дирхемов относится Чердынский 1860 г. с шестью тысячами дирхемов, Майкарский, содержащий несколько больше тысячи монет, Ягошурский (Удмуртия) – с полутора тысячами монет. Зачастую монеты, сосуды и украшения встречаются вместе в виде т.н. «кладов». Клады серебра, по мнению большинства исследователей, маркируют угорские семейные и родовые святилища эпохи средневековья.

Духовная культура ломоватовских, ломоских и неволинских племен характеризуется распространением в VII–X вв. так называемого «пермского звериного стиля» – своеобразного искусства мелкой художественной металлопластики. Следует выделять художественно-прикладные изделия в зверином стиле, имеющие утилитарное значение (украшения и детали костюма, предметы быта и т.п.), и культовые предметы, имевшие лишь религиозное значение и использовавшиеся во время обрядов и религиозных церемоний – культовые плакетки. Особо хотелось бы подчеркнуть, что многие сюжеты распространенной в Приуралье металлопластики (биконьковые шумящие подвески, пронизки с изображением крылатого пса – сенмурва, распространенные на могильниках ломоватовской и неволинской культур, в

курганах Южного Урала и в Зауралье, образы на рукоятях биметаллических кресал – лев, сенмурв, дракон, горный козел и др., подвески со всадником и бляхи с «сокольничим», которые многими исследователями ассоциируются как изображения Мир-сусне-хума, во многих чертах находящего параллели с индоиранским Митрой и т.п.) находят истоки в индоиранской мифологии.

Кроме названных культур предметы пермского звериного стиля имеются и в кушнареновско-караякуповских материалах.

Таким образом, в результате сложных этногенетических процессов, межэтнических взаимодействий и миграций к VII–VIII вв. в Приуралье возник ряд полиэтничных объединений, в составе которых в качестве основного компонента присутствовали угры. Эти объединения занимали территории Южного и Среднего Приуралья. В первой половине IX в. носители неволинской, ломоватовской и полумской культур вкуче с угорским населением Среднего Урала и Зауралья (петрогромская и др.) частично переселяются на Волгу к болгарам, участвуя здесь в формировании этноса и культуры волжских болгар. Это переселение было настолько массовым, что в будущей центральной части Волжской Болгарии приуральское население какое-то время преобладало. Между болгарским государством и жителями Среднего Приуралья (в особенности носителями ломоватовской культуры) сложились устойчивые экономические и политические взаимоотношения.

В конце IX в. многие из описанных выше элементов культуры (погребальные маски, изделия с постсасанидским влиянием, своеобразное почитание шкуры лошади и прочее), характерных для угров Предуралья, мадьяры привнесли в Паннонию. Можно предположить, что инициаторами миграции мадьяр и угров Предуралья могли быть «караякуповцы», как наиболее мобильное и воинственное племя, при активной поддержке племен неволинской и ломоватовско-полумской культур. Полностью исчезают памятники караякуповской культуры, поселения неволинцев в первой трети IX в. Исчезают не только в Прикамье, но и в среднеуральских и северо-башкирских территориях [1, с. 120]. В результате этих миграций этнокультурная доминанта угров в Приуралье была подорвана, однако угорское население в Предуралье еще сохранялось. Наглядное тому свидетельство – Мрясимовский, Муракаевский, Каранаевский могильники X–XI вв., обнаруживающие высокий коэффициент типологического сходства с такими зауральскими могильниками как Синеглазовский и Уелгинский [3, с. 24]. Погребальный обряд перечисленных могильников характеризуется признаками, которые, с одной стороны, сближают их с предшествующими кушнареновскими и караякуповскими (древнемадьярскими), а с другой – находят истоки в обряде древнехантыйских и древнемансийских могильников конца I – начала II тыс. н.э. в Зауралье и Западной Сибири. С угро-мадьярами связаны грунтовые могильники Больше-Тиганский (середина VIII – первая треть X в.) в Татарстане [18] и Баяновский (конец VIII – XI в.) в Пермском крае [1, с. 126–129]. При этом угры Предуралья имели прямые связи с Венгрией периода Арпадов, о чем свидетельствуют многочисленные находки серебряных лицевых пластин от сумочек, поясных наборов и предметов венгерской торевики в могильниках и кладках Предуралья [1, с. 123–127]. В XII столетии в Приуралье приходит последняя волна угров из-за Урала. Следы этого переселения несут в себе могильники бассейна р. Сылвы – Селянино Озеро и Кишертский. Это были кочевые или полукочевые угры, покинувшие лесостепи Зауралья из-за очередного изменения природного и политического климата.

Начало «малого ледникового периода», повлекшее ухудшение экологической ситуации на Европейском Северо-Востоке (Кольский полуостров, Архангелогородчина, Вологодчина), а также перенаселение территории (к XI–XII вв. на Северо-Востоке оказались практически полностью освоены даже водораздельные территории), привели в движение финноязычное и древнерусское население этих территорий, вынужденное идти в более восточные и южные области. С конца X–XI вв., постепенно нарастая, в Среднее Приуралье идет волна миграций финноязычного населения из Северо-Восточных областей Восточной Европы, постепенно в эту волну вливается смешанное славяно-финское население северорусских областей, что радикально меняет этническую карту региона.

Окончательное исчезновение угорского населения в Предуралье связано как с последствиями татаро-монгольского нашествия в виде тюркизации предуральской лесостепи, так и со смещением ареала расселения финноязычного населения русского Севера в лесное Приуралье в результате древнерусской колонизации. Лесное приуральское угорское население сыграло свою роль в этногенезе манси, а остатки угров приуральской лесостепи – в этногенезе башкир.

Список литературы

1. Белавин А.М., Данич А.В., Иванов В.А. Древние мадьяры в Предуралье. С.101–128 // Фодор И. 2015. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: ООО «Типография Зебра», 2015. 132 с.
2. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.
3. Гарустович, Г.Н., Иванов, В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс.н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск: УдГУ, 1992. С.17–31.
4. Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961. С. 329–336
5. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221–295.
6. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 1999. 463 с.
7. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет, 1985. 280 с.
8. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 6–36.
9. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский университет, 1990. 176 с.
10. Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: изд-во «РухИЛ», 2006. С. 408–417.
11. Матвеева Г.И. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа: Акад. наук СССР, Башк. фил., Ин-т истории, яз. и лит., 1968. С. 113–124.
12. Матвеева Г.И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. 5. Куйбышев: КГПИ им. В. Куйбышева, 1975. С.13–22.

13. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. 336 с.
14. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование М.: Языки славянской культуры, 2002. 145 с.
15. Семенов В.А. Этно-культурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 20–34.
16. Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань, 1988.
17. Ютина Т.К. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии. Автореферат кандидатской диссертации. Ижевск, 1994.
18. Chalikova E.A. and A.H. Chalikov. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolshie Tigani) // Régészeti Füzetek Ser. II. No. 21. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. P. 5–132.

§ 6. Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр

Александр Расторопов

Вопросы ранней этнической истории венгров до «обретения Родины» в Подунавье на рубеже IX–X вв. решаются гипотетически из-за недостаточности, малой информативности и неопределенности письменных источников, по которым существует разнообразный спектр мнений. В среде лингвистов по-прежнему являются дискуссионными даты распада финно-угорского и угорского языков [31, с. 194]. Не оспаривается мнение о более раннем выделении венгерского языка из общеугорского и о наличии в нем многочисленных иранизмов, связанных, прежде всего, с коневодческой терминологией. Археологи соотносят с ранними венграми некоторые группы археологических памятников, локализуемые преимущественно в лесостепи Волго-Уралья и Зауралья. По ранней этнической истории венгров до обретения ими «родины» в Паннонии больше вопросов, чем ответов.

Формирование этнического ядра венгров, видимо, происходило в недрах саргатской а.о. [17, с. 81; 12, с. 169]. Консолидация ее произошла под сильным воздействием степного кочевого ираноязычного населения на основе местного лесостепного населения Тоболо-Иртышья в конце V – IV в. до н.э. [11, с. 89–95]. Распад саргатской а.о., вероятно, приходится на вторую четверть I тысячелетия н.э. В Прикамье, в бассейн р. Сылвы, мигрировала часть населения саргатской общности, в сходную природно-географическую среду – в Кунгурскую лесостепь. Р.Д. Голдина предполагает путь миграции этого населения через Уральские горы. Как она считает, туда мигрировал в конце IV в. н.э. западный вариант саргатской а.о., занимавший бассейн Тобола, расположенный недалеко от Уральского хребта.

Истоки левобережных притоков Тобола Исети и Пышмы очень близко подходят к истокам Чусовой и Сылвы, которые пересекают Уральские горы в широтном направлении. Они всегда являлись наиболее легким путем из Сибири в Приуралье. С распадом саргатской а.о., вероятно, связано проникновение в конце IV – начале V в. н.э. в пределы Южного Урала позднесаргатского населения, как отмечает И.Э. Любчанский. По его мнению, оно инфильтрировало в культуру степного мира свои элементы материальной культуры (появление культа огня на древнем горизонте, погребение лошадей). Процессы ассимиляции населения и унификации материальной культуры проходили достаточно быстро, о чем свидетельствует появ-

ление в степных районах Северного Казахстана памятников с ярко выраженными саргатскими элементами. Археологические памятники, сходные с саргатскими, обнаружены и западнее Урала. На территории лесостепной Башкирии была выявлена группа поселений с керамикой позднесаргатского облика. Она была выделена В.Ф. Генингом как керамика чермосанского типа. Ближайшие аналогии ей находились в памятниках лесостепи Зауралья, в Притоболье и Поишимье [7, с. 51, 53].

Эта цепочка памятников с керамикой позднесаргатского облика находит продолжение у левого притока Волги – р. Большой Черамшан, где на Пролетарском городище обнаружена керамика подобного типа. По находке бронзовой пряжки время бытования данного комплекса определяется концом IV – первой половиной V в. [24, с. 210–211; 25, с. 21–22]. После распада гуннской державы в середине V в. исторические хроники запестрели названиями ранее неизвестных народов. Тогда же становятся известны и савиры. После возвышения хазар и установления их политического господства в середине – второй половине VII в. на территории Юго-Восточной Европы название этого народа исчезает из письменных источников. А.П. Новосельцев отводит им главную роль в этногенезе хазар, которых тюрки называли сабирами. По его мнению, сабиры появились в Европе в составе гуннов или позднее под давлением каких-то врагов из Сибири. От них и произошло название хазар «белые сабиры» [18, с. 80–82]. Наиболее ранние достоверные письменные сведения о венграх в Восточной Европе содержатся в сочинении арабо-персидского географа Ибн Русте и относятся к 70-м годам IX в. Сам он почерпнул сведения из не дошедшего до нас произведения другого арабского автора – ал-Джайхани. Самоназвание венгров «мадьяр» было известно арабам. В сочинении Ибн Русте они обозначены в арабской графике как «м.дж.г.р.». В.Г. Шушарин вслед за венгерским ученым Д. Дьерффи озвучивает его как «моджгери» [32, с. 106].

Существование самоназвания у венгров – свидетельство сложившейся этносоциальной общности у них не позднее 70-х годов IX в. Время ее возникновения из-за отсутствия письменных свидетельств неопределенно. Вполне возможно, что в основе своей она сложилась в рамках саргатской а.о. за более чем пятисотлетний период ее существования. У Константина Багрянородного есть сообщение об изгнании венгров-мадьяр со своих земель печенегами, которые вскоре сами были вытеснены со своих кочевий гузами, вошедшими в союз с хазарами [3, с. 155]. После поражения от печенегов они разделились. Как сообщает Константин Багрянородный, одна часть поселилась к востоку, в краях Персии (область крайне неопределенная), они и ныне, по древнему их прозвищу, называются савартами – асфалами; а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией в местах, именуемых Ателькузу [3, с. 160–161].

Распад саргатской а.о. связан, прежде всего, с сокращением числа ее археологических памятников в лесостепи и проникновением в нее на более свободную территорию лесного населения, что приводит к этнокультурным контактам и появлению новых этнокультурных групп в Тоболо-Иртыше. В их формировании с разной долей участия принимало лесостепное и таежное население. Это происходит, видимо, не позднее начала IV в. н.э. На период IV–V вв. приходится смешение лесного населения карымского этапа обь-иртышской а.о. с лесостепной саргатской а.о. Это фиксируется материалами Козловского могильника IV–V вв., расположенного в низовьях Туры, и Ипкульского могильника конца IV–V вв. в бассейне нижней Тавды.

В меньшей степени этот процесс, видимо, затронул лесостепь в бассейне р. Исеть, где в большей степени сохранились остатки населения саргатской а.о. Много лет проблемой является вопрос культурно-хронологического соотнесения археологических комплексов саргатской а.о. и бакальской а.к. Полученные по бакальским комплексам радиоуглеродные даты удревяют их до I–II вв. н.э. Они синхронизируются с позднесаргатскими комплексами [5, с. 35; 8, с. 42–43; 10, с. 227]. Бакальская а.к. в большей степени наследует саргатские традиции. На основе смещения лесного и лесостепного населения в Зауралье во второй четверти I тысячелетия происходит формирование археологических памятников батырского, кушнареновского и караякуповского археологических типов и потчевашской а.к. Лесной компонент прежде всего определяется по посуде, более богато украшенной орнаментом по сравнению с лесостепной. Ее визитной карточкой является украшение фигурными штампами. Посуда памятников кушнареновского типа по своей форме наследует традиции саргатской а.о., а по орнаменту – традиции карымского этапа обь-иртышской а.о. Она зафиксирована на ряде памятников лесостепного Зауралья и Прииртышья, в том числе в Козловском могильнике IV–VI вв. на Андреевском озере.

Отличительной чертой кушнареновской керамики Зауралья считается наличие своеобразного воротничка [22, с. 113]. Ее нет в материалах Перейминского могильника VII–IX вв., расположенного там же. По мнению Н.П. Матвеевой, в формировании кушнареновцев принимало участие и среднеазиатское население джетыясарской культуры. От него воспринята традиция использования в качестве отощителя жженой кости при изготовлении посуды. Данное наблюдение может указывать на традиционный для региона южный источник заимствований, связанный с движением товаров по караванным путям из Средней Азии [16, с. 72]. На составленной Н.П. Матвеевой карте кушнареновских памятников Зауралья последние преимущественно расположены по Исети и Миассу, в бассейне Тобола, в значительной мере занимая территорию Южного Урала. Они единичны в Поишимье и Прииртышье. Время существования кушнареновских комплексов в Западной Сибири Н.П. Матвеева определяет VI–VII вв., их формирование она относит к подтаежной зоне, а формирование караякуповского населения – к лесостепной зоне [15, с. 70–75].

В Козловском могильнике кроме кушнареновских сосудов обнаружена посуда караякуповского типа памятников. В формировании его населения большую роль сыграло лесостепное население, нежели лесное, передав ему, кроме форм сосудов, минимализм в декоре. В Перейминском могильнике в двух погребениях присутствует посуда, отражающая смешение традиций населения караякуповского типа памятников с носителями формирующейся юдинской а.к., о чем свидетельствуют шнуровые налепы по горловине [22, с. 115–117]. В научной литературе за памятниками, отражающими такое смешение традиций во второй половине VII – первой половине VIII в., закрепилось название «батырский тип». Эти памятники тяготеют к восточным склонам Урала и располагаются по левобережным притокам Тобола Туре и Тавде. Приток населения с традицией орнаментации шнуром с лесного Урала по Туре и Тавде продолжался и позднее. Его смешение с лесным населением в IX–X вв. приводит к появлению памятников молчановского археологического типа и впоследствии юдинской а.к. Видимо, большая часть населения кушнареновского типа в конце VI в. и караякуповского типа памятников в середине VIII в. мигрировала с территории лесостепного Приоболья.

Вероятно, население потчевашской а.к. в процессе формирования испытало меньшее воздействие саргатской а.о. в лесной зоне и большее – в лесостепи. Само

выделение ее памятников имеет проблематичный характер, так как трудно провести грань между ними и обь-иртышской а.о. в лесной зоне и кушнаренковскими памятниками – в лесостепи. Население же бакальской а.к., которое не мигрировало и не испытало воздействия лесного населения, видимо, почти полностью наследовало традиции саргатской а.о. Оно в основном было сосредоточено в южной лесостепи Притоболья, в бассейне Исети и Пышмы, и продолжало проживать там до монгольского нашествия. В конце I тысячелетия в этот район проникают тюрки. Окончательная тюркизация населения бакальской а.к. просходит в XIV–XV вв., когда оно входит в состав сибирских татар [21].

Р.Г. Кузеев обосновывал мнение о том, что территория, откуда мадьярские племена, объединенные в союз, начали свое продвижение на запад, располагалась между Волгой и Бугульминской возвышенностью, на юго-восточной периферии Волжской Булгарии. Он размещает их в бассейне рек Большой Черемшан, Кондурча, Сок, Кинель. По его мнению, в пользу этого свидетельствует заимствование более 200 болгарских слов венграми (из области скотоводства, земледелия и домашнего быта). Они могли иметь место в зоне контактов болгар и венгров в районе р. Большой Черемшан и на сопредельных территориях. Эти контакты он относит к VIII – началу IX в., т.е. к периоду освоения булгарами Среднего Поволжья. Зону контактов этих народов, по его мнению, невозможно распространить дальше на восток, на территорию современного Башкортостана или в лесное Прикамье. Эти территории находились в то время за пределами болгарского влияния. Родоплеменные группы, этнонимы которых имеют параллели у венгров (юрматы, еней, кесе, нагман, юламан, билар, юрми), в XII–XIII вв. кочевали западнее р. Большой Ик, в долинах Шешмы и Степного Зая – там, где берут начало левые притоки Волги Большой Черемшан, Кондурча и Сок, т.е. на восточной и юго-восточной периферии Волжской Булгарии. До XII в. юрматыно-юрмийские племена могли кочевать и западнее, в долинах левых притоков Волги, но не восточнее и не севернее. Это доказывается не только общим направлением движения юрматыно-юрмийских и других племен на восток и север, но и поразительным совпадением сведений территориально разбросанных в настоящее время племен «о приходе предков из Булгар» [13, с. 7–9].

Сведения о населении этой территории оставил проезжавший через нее в 922 г. в Волжскую Булгарию секретарь посольства багдадского халифа Ибн Фадлан. На пути в Булгарию посольство пересекло реки Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кинджюлю (Кондурча) и, переплыв Джарамсан (Б. Черемшан), попало в страну болгар. Как раз на ее южном пограничье оно побывало у «башгурд». Переводчик и комментатор текста А.П. Ковалевский отметил, что при характеристике религиозных верований «башгурд» Ибн Фадлан обратил внимание на существование у них как бы двух отличных друг от друга систем религиозных представлений, которые, видимо, соответствуют различным этническим группам, входившим в союз племен, объединяемый этнонимом «башгурд». Одни «башгурды» считали, что миром управлял верховный бог неба в согласии с двенадцатью другими божествами, которые ведали отдельными явлениями природы, другие поклонялись животным. Причем каждая их группа (клан) имела тотемом свое отдельное животное. «Башгурды», поклонников верховного неба, А.П. Ковалевский отождествлял с тюркоязычным населением. Зато других «башгурд», поклонников различных видов животных, он склонен был считать угорскими племенами, родственными по языку венграм.

Тюрколог-лингвист Н.А. Баскаков полагал, что этнонимы «башкорт» и «мадьяр» тождественны по происхождению от этнонима «badza ovug» – свояк угров. В соседних диалектах и наречиях звук «b» мог быть заменен на «m» при известном в тюркских и монгольских языках соответствии этих начальных букв. Изучение угорских и тюркских этнонимов раннего средневековья привело его к выводу о наличии брачных связей между разноэтничными образованиями и возникающем при этом родстве между ними [4, с. 13–17]. В историко-географических сочинениях с X по XIV вв. арабо-персидские авторы упорно отождествляли «башкир»¹ с мадьярами.

Путь движения мадьяр к Волге представлен захоронениями вблизи и вдоль русла р. Самара: Ромашинское и Палимовское (Оренбургская область), два погребения на дюне у разъезда Немчанка (Самарская область), погребение на 116-м км (в черте г. Самара) у слияния с Волгой, Лебяжинское – в низовье р. Сок, левого притока Волги, впадающего в нее севернее г. Самары [27, с. 289–299]. А также, что немаловажно, на правом берегу Волги в глубине Самарской Луки – II Шелехметским могильником. При его исследовании Н.А. Лифановым выявлены три захоронения, которые он соотнес с населением караякуповского типа памятников [14, с. 73–74], которое жило рядом. На площади селища имениковской культуры, на территории которого возник некрополь, выявлен котлован жилища с фрагментами посуды караякуповского типа памятников [20, с. 115–116]. Кроме того, она обнаружена в комплексе к. 37 п. 1 Брусянского II могильника – населения памятников новинковского типа, а также на Самарской Луке [2, с. 268].

Приведенные факты могут лишь свидетельствовать в пользу возможной переправы венгров через Волгу вблизи Самарской Луки. Захоронения, обнаруженные вдоль русла Самары, возможно, частично помогают проследить путь венгров с территории Зауралья в Европу. Поселения памятников караякуповского типа на Самарской Луке являются свидетельством того, что эта излучина Волги являлась для них не просто «проходным двором». Д.А. Сташенков собрал материалы по Самарской области, указав их близость материалам памятников мадьярского круга, определил их бытование в пределах IX в. и сделал вывод о том, что территория Самарского Поволжья во второй половине IX – начале X в. входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен или родственных им угорских групп [26, с. 83–85].

В лесостепной зоне Южного Урала обнаружены погребальные комплексы конца IX в., по которым прослеживаются параллели с мадьярскими материалами Карпатской котловины времен «обретения Родины» [6, с. 9–10]. Они в какой-то мере смыкаются в широтном направлении с захоронениями, обнаруженными вдоль русла р. Самара. Население кушнаренковского типа памятников, по своему происхождению близкородственное населению караякуповского типа памятников, вряд ли может рассматриваться как этнокультурный компонент венгров, оказавшихся на Дунае. После переселения из-за Урала в Южное Приуралье во второй половине VI в., оно оттуда достаточно широким фронтом продвигалось в северо-западном направлении, достигая к IX в. берегов Волги и Камы, дисперсно расселяясь среди других этнокультурных групп и перемешиваясь с ними. Это положение, скорее всего, относится и к населению Больше-Тиганского могильника, признаваемого большинством исследователей древневенгерским.

В начале 30-х годов XIII в. была организована экспедиция монахов-католиков из Венгрии с целью поиска восточных мадьяр-язычников для обращения их в хри-

¹ В источниках обозначается как народ «башгурд», «башгард», «басджирд» и т.д.

стианство. Ее участник священник Отто нашел «в некоем царстве людей своего языка». Благодаря им он узнал, в каких областях живут мадьяры, но до них не дошел. Следующая экспедиция венгерских монахов оказалась более успешной. Мадьяры были найдены вблизи большой реки Итиль. Монах Юлиан сообщал, что после долгих странствий он попал в крупный город Волжской Булгарии, где встретил мадьярку, которая указала ему путь в тот край, где живут венгры-язычники. Через два дня он их нашел и общался с ними на их родном языке. По описаниям Юлиана, волжские мадьяры не занимались земледелием. Их основным занятием было коневодство. По преданиям, им было известно, что есть другие мадьяры, которые произошли от них, но они не знали их местонахождение. На этой земле мадьяр Юлиан встретил татарского посла. Татарское войско было уже рядом и готовилось к нападению на Волжскую Булгарию. Это, скорее всего, было южное «подбрюшье» Волжской Булгарии. В Венгрию, из-за монгольской угрозы, он был вынужден возвращаться уже не южным, а иным путем. Ему пришлось плыть пятнадцать дней по большой мордовской реке, прежде чем попасть в русские земли [1, с. 81–82].

Вероятно, часть восточных мадьяр сохранилась и после монгольского нашествия. Позднее мадьяры были зафиксированы в составе Ногайской Орды [28, с. 125]. Остатки населения бакальской а.к., видимо, участвовали в формировании отдельных родоплеменных групп сибирских татар [21, с. 99–108]. Даже в середине XIX в. в казахском племени «аргын» был род «мадьяр». В 1965 г. в Тургайской области (Северный Казахстан) обнаружена этническая группа казахов численностью 900–950 человек, называвшая себя мадьярами [32, с. 166].

В связи с ранней этнической историей венгров бесспорный интерес вызывает бытование этникона «савар(т)» в разных вариантах и в разных регионах на протяжении длительного периода истории. Первоначально этникон «савыр-савир-савар(т)» принадлежал, видимо, протомадьярам – населению саргатской а.о. Позднее он мог переходить и на новые родоплеменные объединения, которые возникали в результате происходивших этнополитических событий. Вероятно, значительная часть предков «мадьяр-савар(т)-савир» в составе гуннского межплеменного объединения оказалась в Приазовье («Меотиде») и Северо-Западном Прикаспии (савиры V–VII вв.).

Не позднее IX в. наряду с болгарами савиры («с-в-р» арабских авторов) мигрировали в Среднее Поволжье. Смена этнонима «саварт» на «мадьяр», видимо, произошла у той группы венгров, которая мигрировала на запад. Этноним «сувар» имело племенное объединение, которое участвовало в формировании населения Волжской Булгарии. Чувашские ученые связывают с ним происхождение своего народа и его самоназвание. Три четверти тюркских заимствований венгерского языка сходны с чувашским языком по фонетике. Всего мадьяры заимствовали около 300 тюркских слов, когда уже существовали в качестве отдельной языковой общности [32, с. 205]. Б.А. Серебренников отмечал удивительную близость объектных спряжений мордовского и угорских языков в финно-угорской языковой группе, что нельзя объяснить общими корнями раннего этногенеза. Он пришел к выводу о проникновении на территорию расселения мордвы языка какой-то угорской группы, который оказал сильное воздействие на мордовский язык, и считает, что им мог быть только венгерский язык [23, с. 169].

Этнокультурная история Западной Сибири зафиксировала в легендах и преданиях сибирских татар этноним «сибыр, сипыр, сабир». Это было то население, с которым столкнулись тюрки при заселении лесной зоны Тоболо-Иртышья. Известно,

что последние вступили с ними в этнические контакты и что некоторые группы сибирских татар в значительной мере связаны с ними своим происхождением. Народ «сюпар-ех» упоминается и в хантыйском фольклоре и мифологии как древняя этническая общность, имеющая значения: народ, род, фамилия. Существование у хантов этого этникона для обозначения народа, с которым они себя не смешивают, не позволяет отождествлять его с ними [29, с. 117–118]. То есть они, вероятно, родственные, но не являются одним и тем же народом. В.Н. Чернецов в свое время связывал с этим населением (угры-савыры) памятники, которые оставлены носителями саргатской а.о. Он указывает на связь этого названия с «савартами» Константина Багрянородного. Этот этноним выступает как имя прародительницы одной из двух сестер обских угров (хантов и манси) – «мось», а также как синоним имени манси у хантов. В эвенкийском фольклоре земля «савыр» населена конным народом [30, с. 238–240]. К названию этого народа, видимо, восходит и наименование «Сибирь», которое первоначально относилось только к Тоболо-Иртышскому региону.

Вероятно, этноним «мадьяр» был эндоэтнонимом, т.е. самоназванием этносоциальной общности, а «савир» (савар, савыр, сибир) – аллоэтнонимом – именем, которым называли мадьяр другие народы. Не исключено, что первоначально, на раннем этапе возникновения мадьярской общности, он мог быть и ее самоназванием. Из достаточно противоречивых и неясных исторических сведений о ранних венграх до периода обретения ими родины в Подунавье можно определенно сказать, что их корни находятся в лесостепи Тоболо-Иртышья. Формирование этносоциальной общности мадьяр-венгров происходило в рамках саргатской а.о., которая сложилась к середине I тысячелетия до н.э. на местной основе, но под сильным влиянием ираноязычных степных кочевников. Вероятно, ее этнонимом – самоназванием являлся «савир» (савыр, саварт, сибир, сибыр, сипыр). После ее распада во второй четверти I тысячелетия образуются новые близкородственные группы. Этот этноним мог переходить и на них, если во главе их вставали наследники саргатской а.о. Первые группы этого населения, вероятно, попали в Восточную Европу в составе гуннской орды и локализовались, скорее всего, в Волго-Донском междуречье. К IX в. этноним «савир» перестает быть у них самоназванием в связи с созданием нового этнополитического союза племен во главе с «мадьярами».

Список литературы

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров о татарах и Восточной Европе в XIII–XIV вв. // Исторический архив III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
2. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге / Отв. редактор В.Б. Ковалевская. Самара: Самарский региональный фонд «Полдень XXII век», 1998. 286 с.
3. Багрянородный Константин. Об управлении империей / Редакторы: Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М: Наука, 1991. 494 с.
4. Баскаков Н.А. О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика / Отв. редакторы: Р. Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. М.: Наука, 1984. С. 13–18.
5. Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры / Науч. редактор С.Г. Боталов. Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей». Челябинск – Шадринск, 2008. С. 6–40.

6. Боталов С.Г. Некоторые предварительные наблюдения по вопросам культурогенеза средневекового населения Среднего и Южного Зауралья / Отв. редактор Д.А. Сташенков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. Самара: АНО СНЦ РАН, 2013. С. 8–10.

7. Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // Археология и этнография Башкирии: материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. Том. 4 / Отв. ред.: Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Академия наук СССР, Отделение истории, Башкирский филиал, 1971. С. 44–54.

8. Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) // Проблемы бакальской культуры / Науч. редактор С.Г. Боталов. Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008. С. 41–44.

9. Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №11 / Главный редактор А.Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. С. 67–80.

10. Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №4 / Главный редактор А.Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. С. 219- 233.

11. Зах В.А., Цембалюк С.И. К вопросу о происхождении саргатской культуры в Притоболье // Вопросы истории Сибири. Выпуск № 9 / Отв. ред. Е.М. Данченко. Омск: ОмГПУ, 2014. С. 89–95.

12. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) / Научный редактор М.Г. Мошкова. Свердловск: Уральский университет, 1988. 239 с.

13. Кузеев Р.Г. Об историческом соотношении территорий «Великой Венгрии» и древней Башкирии // Этнография Башкирии. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1976. С. 5–11.

14. Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 г. // Краеведческие записки. Вып. XII / Главный редактор П.С. Кабытов. Самара: ООО «Глагол», 2005. С. 67–75.

15. Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Ab origine. Проблемы генезиса культур Сибири / Редактор Н.П. Матвеева. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. С. 63–76.

16. Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22) / Главный редактор А.Н. Багашев. Тюмень, 2013. С. 68–78.

17. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири эпохи раннего железа // Этнокультурные процессы. Томск: Томский государственный университет, 1983. С. 77–90.

18. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М: Наука, 1990. 264 с.

19. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на р. Итиль и принятие в Булгарии ислама / Ред. Р. Абдулин. М.: «Мифи-Сервис», 1992. 92 с.

20. Расторопов А.В. Комплекс памятников эпохи раннего средневековья у села Шелехметь на территории Волжского района Самарской области // Материалы по истории и археологии России. Том 2 / Отв. редакторы: Иванов Д.А., Судаков В.В., Фатюнина О.А., Цепков А.И. Рязань: «Александрия», 2012. С. 110–120.

21. Рафикова Т.Н. История исследования и историография бакальской культуры // *Ab origine. Проблемы генезиса культур Сибири* / Редактор Н.П. Матвеева. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. С. 99–108.

22. Рафикова Т.Н. Кушнаренковские и караякуповские комплексы лесостепного Зауралья // *Вопросы истории Сибири. Выпуск № 9* / Отв. редактор Е.М. Данченко. Омск: ОМГПУ, 2014. С. 111–118.

23. Серебренников Б.А. Исторические загадки // *Советское финноугроведение. 1984. №3* / Отв. редактор П.Аристэ. М.: Наука, 1984. С. 69–72.

24. Сташенков Д.А. Раскопки памятников эпохи раннего средневековья на севере Самарской области // *Археологические открытия. М.: Наука, 1999. С. 210–211.*

25. Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н.э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2007. 25 с.

26. Сташенков Д.А. Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья Хазарской эпохи // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г.* / Отв. редактор Д.А. Сташенков. Самара: АНО СНИЦ РАН, 2013. С. 78–91.

27. Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (К вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // *Вопросы археологии Поволжья. Выпуск № 1. Самара: СамГПУ, 1999. С. 289–305.*

28. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // *Труды института этнографии. Новая серия. Том 7. М.-Л.: Академия наук СССР, 1949. 264 с.*

29. Успенская С.С. Этническая идентификация народа ханты в фольклоре // *Вестник Томского государственного университета. №3 (66). Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 155–161.*

30. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // *МИА. №35* / Под редакцией А.В. Збруевой. М.: Наука, 1953. С. 221–241.

31. Шарафутдинова А.Г. Включенность иранского, тюркского факторов в палеолингвистическое изучение этноязыковой ситуации Волго-Камья и прилегающих к нему территорий // *Вестник Удмуртского университета. №5* / Главный редактор Н.С. Ладыжец. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. С. 191–198.

32. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров / Отв. редактор М.Т. Асламов. М.: Наука, 1997. 512 с.

Глава II

Волжско-Камская Булгария и политические объединения тюрков-кочевников

§ 1. Западное Приуралье в составе Булгарского государства

Андрей Белавин

Еще в период расселения по Среднему Поволжью и Нижнему Прикамью болгары впервые познакомились с предуральско-прикамскими племенами. Начиная с VIII в. носители угорских неволинской, ломоватовской и полумской археологических культур Прикамья, находившихся на территории современных Пермского края и республики Удмуртия, частично переселяются на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму, *в определенной мере предшествуя здесь волжским болгарам*, а в дальнейшем участвуя в формировании этноса, экономики и культуры государства волжских болгар. Свидетельством миграций предуральского населения в Среднее Поволжье является Игимский могильник, оставленный небольшим, но чистым в этнокультурном отношении коллективом мигрантов из Предуралья [10].

Возможно, эти племена описаны в письменных источниках как «эсегелы болгарские» (Аш.к.л., Ас.к.л.) – «старые племена». Впервые это имя появляется у Ибн-Русте (первое десятилетие X в.) при перечислении трех разрядов болгар: берсула, эсегел (ас.к.л.) и болгары [6, с. 28]. По замечанию анонимного автора знаменитого труда «Худуд ал-алам» («Книга о пределах мира от востока к западу») 982/983 гг., эсегелы, болгары и берсула живут вместе – «...средства существования каждого из них в одном месте», но отношения у них весьма напряженные, однако в войне с внешним врагом они союзники: «...их три группы: б.р.аула, аш.к.л. и б.лгар – все они находятся в войне друг с другом, когда же появляется враг, то они становятся друг другу друзьями».

Что касается этнокультурной принадлежности эсегел, высказывались разные мнения. А.Х. Халиков считал, что болгарские эсегелы – это носители тюрко-угорских полумской и ломоватовской культур Приуралья [13, с. 21]. Д.М. Исхаков считает эсегел потомками центральноазиатских чигилей. По мнению Бернхарда Калгрена, эскелы (эсегелы) входили в состав венгров (мадьяр) и их потомки этнографическая группа секей (письм. секель) – одна из самых многочисленных субэтнических групп в составе современных венгров [15]. А.М. Белавин считает их уграми Приуралья – племенами неволинской, ломоватовской и полумской культур [1].

На особое положение приуральских племен и их особую роль на ранних этапах формирования Булгарии указывает и такая награда для их предводителя, как дочь царя болгар. Когда хазарский каган потребовал от царя болгар его вторую дочь, взамен умершей в Хазарии первой, то царь болгар «выдал ее замуж за князя племени эскел, который находился у него под властью» [8, с. 139]. Археологическими свидетелями этого династического брака князя эсегел с дочерью болгарского царя являются два трехбусинных кольца с уточкой и с яйцевидными привесками из

золота, украшенные сканью и зренью, которые были найдены на Майкарском (Туманском) городище X–XIII вв., расположенном в центре села Майкар в устье р. Иньва в современном Юсьвенском районе Пермского края. Эти кольца великолепной ювелирной работы были переделаны в украшения для дочерей графа Всеволожского (брошь и две серьги). В 1895 г. они были переданы Всеволожским в археологическую комиссию и в результате осели в особой кладовой Эрмитажа (коллекционный № 544).

В 2012 г. еще одна пара таких колец, найденных в окрестностях поселка Верхние Чусовские городки на р. Чусовой, была куплена частным коллекционером из Перми. Драгоценные подвески с уточкой в силу своего высокого семантического значения обоснованно считаются этномаркирующими украшениями булгар. В силу цены материала и тонкости работы, выдающей в них изделия городских, может быть даже царских, ремесленных ювелирных мастерских, они могли быть исключительно принадлежностью булгарской знати. В пользу такого предположения говорит и очень ограниченная территория их распространения, в основном Биляр – домонгольская столица Булгарии и его окрестности. Подвески, встреченные за пределами Булгарии, могут указывать на непосредственное нахождение знатных булгарок на этих территориях. Вероятно, описанные находки можно рассматривать как иллюстрацию к династическим бракам булгарской знати (царского рода) с высшими представителями родоплеменной знати приуральских финно-угорских территорий.

В IX – начале X в. переселение прикамских племен стало настолько массовым, что в будущей центральной части Волжской Булгарии угорское приуральское население не только предшествовало болгарам, но и какое-то время преобладало. Об этом говорят крупнейшие языческие могильники последней трети IX – первой половины X в.: Танкеевский, Тетюшский, Большеитиганский, XII Измерский, Больше-тарханский, где в погребениях фиксируются типичные угорские элементы помоской, ломоватовской и неволинской культур [16; 7, с. 41].

Вероятно, не позже начала X в. болгары познакомились и с собственно Приуральем (Прикамьем). Во всяком случае, уже в первой трети X столетия на прикамских землях появились торговые фактории болгарских купцов – опорные пункты транзитной международной торговой системы, послужившей основой для многовекового экономического, культурного и политического сотрудничества народов Поволжья и Прикамья. Булгары не только появились в Прикамье с торговыми целями, но и вошли в состав населения региона. Исключение составили земли Южного Приуралья, где никаких заметных следов пребывания булгар не отмечено.

На взгляд многих исследователей, прикамские (предуральские) территории известны в болгаро-арабских письменных источниках как «область (страна) Вису» и «область Ару», а с XIII в. – как «страна Чулманская». Чулманом (Чулыманом) болгары и арабы именовали реку Каму выше устья р. Белой (Ак Итиль), ниже устья Белой Кама именовалась «Черным Итилем» (Кара Итиль). Первые сведения о северных соседях Болгарии есть у Ибн Фадлана, лично побывавшего в Болгарии в X в. Им названа в том числе страна Вису, которая размещается в двадцати днях сухопутного пути или в трех месяцах пути по Каме (Итилю), которую многие арабские средневековые географы считали истинным продолжением Волги. Весьма подробно описывает народ Вису и его соседей известный путешественник из арабской Андалузии Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в Булгарии в середине XII в. и, по мнению исследователей, бывший не только в Булгаре, но, возможно, и в северных землях. Он писал: «...и выше этой страны обитают люди, которым нет чис-

ла, они платят джизью царю болгар. А у него (Булгара) есть область, (жители которой) платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок... А за Вису, на море Мраков, есть область, известная под названием Йура» [5, с. 30–31].

Болгары стремились закрепить торговый путь по Каме за собой, препятствуя проникновению иноземных купцов в эти районы, распуская слухи о диких краях и ужасных нравах местного населения на севере, пугали их холодом. Они осуществляли посредническую транзитную торговлю между Средней Азией, Кавказом, Русью и Прикамьем, в которую все больше вливались изделия болгарского ремесла. В Верхнем Прикамье выявлено более 250 средневековых археологических объектов (памятников), где обнаружены предметы болгарского производства.

Красноглиняная гончарная посуда, а также серая, желтая и коричневая, изредка имеющая лощение и орнаментированная волнистыми и прочерченными линиями, «елочкой», «решеткой», рядами короткого зубчатого штампа и остроугольных ямок, характерная для домонгольских слоев болгарских городов, встречена более чем на сорока раннесредневековых памятниках Верхнего Прикамья.

Булгарская керамическая посуда попадала в Прикамье прежде всего как тара для сыпучих и жидких товаров. В корчагах – средневековых амфорах ввозили пшеницу и другие зерновые крупы, засахаренные фрукты и орехи, вина, растительное масло. Вместе с товарами, но в более малых объемах, далеко на север Прикамья могли попадать крупные узкогорлые кувшины.

Однако на многих поселениях Прикамья кроме тарной посуды встречены обломки столовой посуды (миски, блюда, кружки, кринки, относительно небольшие кувшинчики). Столовая посуда также могла быть товаром – красивая лощеная посуда яркого красного и оранжевого цвета, иногда с орнаментом в виде волны или оттисков короткого зубчатого штампа, выделялась на фоне несколько непропорциональных, вылепленных вручную чаш – сосудов местного производства. Хозяева гордились ею точно так же, как и сейчас гордятся фарфором тонкой работы или хрустальными гранеными бокалами. Товаром могли быть и светильники – масляно-жировые лампочки. Правда, все это – весьма хрупкий товар и вряд ли его везли из самой Волжской Булгарии далеко на север, на расстояние в несколько десятков дневных караванных переходов. Но его могли везти из гончарных мастерских, расположенных в факториях болгар. Такие мастерские обнаружены, например, на Рождественском городище на р. Обва в Карагайском районе Пермского края. Здесь пермскими археологами Ю.А. Поляковым и А.М. Белавиным исследованы остатки трех болгарских гончарных горнов. В одном из горнов была обнаружена частично обожженная посуда. Вероятно, горн разрушился во время обжига очередной партии продукции. Позже яма, в которой находился горн, была засыпана землей, и на этом месте возвели постройку хозяйственного назначения, горн при этом не разобрали, поэтому он сохранился вместе с остатками продукции. Горны, исследованные на Рождественском городище, однотипные и датируются домонгольским временем (X – начало XIII в.).

Наряду со столовой посудой на ряде памятников Прикамья (Рождественское городище, Анюшкар, Городищенское городище и др.) встречена болгарская кухонная посуда (горшки, кринки, сковороды и крышки от них). Вся эта посуда использовалась для приготовления и хранения пищи, сковороды и горшки имеют следы нагара с наружной нижней стороны, что указывает на их использование в кулинарном процессе. Кухонная посуда вряд ли могла использоваться как тарная керамика

и, вероятно, в меньшей степени, чем парадная посуда и кувшины, могла быть предметом торговли. Большое количество болгарской посуды, в особенности кухонной, заставляет считать ее местной продукцией и свидетельствует о непосредственном проживании болгар на тех поселениях, где она найдена.

Интерес представляют и находки такого специфического типа керамических изделий как тувак – сосуд используемый в качестве ночного детского горшка у тюркских и некоторых иных народов. Такая находка, сделанная на Рождественском городище, указывает на проживание здесь болгарских семей с детьми.

Среди болгарской керамики, находимой на прикамских поселениях, встречены фрагменты и почти целые экземпляры так называемых «сфероконусов» – глиняных сосудов с толстыми стенками, у которых нижняя часть коническая вытянутая, а верхняя круглая, с очень узким отверстием в вертикальной ручке-шишечке. Версий о назначении сфероконусов множество. На болгарских памятниках они концентрируются в ремесленных комплексах. Например их находили в мастерской стеклодува. По мнению казанской исследовательницы С.И. Валиуллиной, сфероконусы использовались в алхимии. Кроме того, на двух экземплярах в Булгарии были найдены частички ртути. Но это не значит, что во всех подобных сосудах была ртуть.

Сфероконусы встречаются также в бронзолитейных и ювелирных мастерских. Вероятно, их содержимое использовалось для каких-либо процессов в ювелирном производстве. Так, с помощью ртути и металлов, в том числе благородных – серебра и золота, получали амальгаму – сплав ртути с металлами, при смачивании ртутью поверхности металла при обычных температурах или подогреве. Амальгаму использовали при золочении и серебрении изделий, при производстве стеклянных бус и зеркал, и в медицине. По мнению ряда специалистов, сфероконусы использовали в качестве зажигательных гранат. В Прикамье в сфероконусах, вероятно, привозили какие-либо химические жидкости (нефть и ее производные), либо ртуть, либо жидкие благовония или мази. Сфероконусы найдены на Рождественском, Городищенском и Анюшкарском городищах, на месте поселка металлургов, бронзолитейщиков и ювелиров – селище Чашкинское 2.

В целом в Уральском Прикамье собрано большое количество украшений, предметов быта и вооружения, относящихся к болгарской материальной культуре. От болгар в Верхнее Прикамье в IX–XII вв. поступала металлическая посуда и предметы роскоши, изготовленные болгарскими ювелирами (височные кольца, бляхи, лунницы, гривны, браслеты, перстни и др.) из серебра, иногда с позолотой, украшенные зернью, сканью, инкрустацией и чеканкой, изделия косторезного (гребни, застежки, рукояти), камнерезного, стеклодельного (бусы) и кузнечного ремесла (оружие, фигурные и цилиндрические замки, некоторые орудия и т.д.). Булгарские литейщики изготавливали некоторые медные украшения по заказам угоро-финнского населения, о чем говорят формы для их отливки, найденные в городах Волжской Булгарии. Хотя, скорее всего, эти предметы распространялись среди финно-угорского населения самой Булгарии, а в Приуралье не вывозились.

Булгарские ювелирные изделия и украшения представлены в Уральском Прикамье многочисленными находками на поселениях, в могильниках и кладках. Нередки клады, целиком состоящие из болгарских украшений (Вильгортский, Пыскорский, Аннинский). География распространения болгарских украшений в целом совпадает с распространением других изделий болгарского ремесла и наглядно иллюстрирует пути проникновения болгарского серебра и других изделий в Западную Сибирь и в Северное Предуралье (Пермь Вычегодская). По существующей типоло-

гии болгарские украшения, находимые в Предуралье, могут быть разделены на следующие виды: головные и шейные украшения, привески, булавки, браслеты, перстни, поясной набор, различные детали костюма.

Головные украшения булгар из находок в Уральском Прикамье представлены многочисленными находками височных колец и подвесок. В Пермском Предуралье найдены 24 экземпляра однобусинных, пять экземпляров двухбусинных, девятнадцать экземпляров трехбусинных и четыре экземпляра многобусинных височных колец болгарского производства. Большее число колец изготовлены из серебра, но есть из золота (четыре экземпляра) и бронзы (три экземпляра). Некоторые кольца имеют чернение, встречены также серебряные позолоченные кольца. Судя по расположению колец в погребении №20 могильника Телячий Брод (р. Усьва), височные кольца носились на головной повязке по 2–4 штуки у висков.

Наибольший интерес представляют упомянутые выше золотые височные трехбусинные кольца с уточкой, найденные в 1895 г. на Майкарском (Туманском) городище на р. Иньва. Кольца имеют подвески в виде желудеобразных бусин, богато украшены зернью и сканью. Данные кольца абсолютно идентичны кольцам, найденным в Биляре и хранящимся в ГИМе. Очевидно, майкарские кольца изготовлены в тех же ювелирных мастерских.

По мнению исследователей булгарского ювелирного дела, такие кольца не просто являлись украшением, а служили очень важными амулетами (отражающими космогонические, генеалогические и языческие представления) и социально престижной вещью [4, с. 43–44]. На важность этих предметов указывают их относительная редкость, такой дорогой материал, как золото, и их нахождение в составе драгоценных кладов [12]. Трехбусинные серебряные кольца без уточки также могли играть роль амулета.

На городище Анюшкар трехбусинные серебряные кольца были найдены в берестяной коробочке вместе с другими серебряными украшениями, что указывает на их особую социальную значимость (престижный предмет) или на их значение в качестве семейного сокровища. Находки височных бусинных колец на Антыбарском селище (р. Чусовая) и на могильниках Селянино Озеро и Кишертский (бассейн р. Сылва) маркируют пути проникновения этого типа украшений в Зауралье, а находки таких колец в бассейне р. Вишера указывают на пути распространения подобных украшений на Вычегду.

То же значение, что и височные кольца, имеют серебряные височные подвески с грушевидным (булавообразным) окончанием. На территории Пермского Предуралья на могильниках, поселениях и в кладах их собрано сейчас более семидесяти экземпляров, в Удмуртском Предуралье такие подвески найдены в погребениях могильников Мало-Венижского, Чемшай, Варнинского. Находки этих подвесок в погребении в пещере Малый Вашкур на р. Чусовой маркируют торговый путь булгар или их торговых партнеров из страны Вису (Чулыман) в Западную Сибирь, где такие подвески известны в Сайгатинских и других могильниках.

Однако, возможно, что подобные подвески, как и многобусинные кольца, действительно являются продукцией какого-либо Прикамского ювелирного центра, развивающегося под булгарским влиянием или созданного переселившимися сюда булгарскими ювелирами-ремесленниками.

Одним из интереснейших и типично булгарских головных украшений были накосники: чулпы и тезмэ. Чулпы вплетались или крепились в самом низу косы, тезмэ располагались несколько выше. И те, и другие виды накосников зачастую со-

четались с коробочками-амулетницами (коранницами), соединялись с ними и между собой цепочками. Отметим, что этот элемент головных украшений характерен для болгарок и древних венгров еще с VIII–IX вв. и использовался болгарскими и татарскими женщинами вплоть до XVIII в. Накосник как обязательная часть женского болгарского костюма не мог быть массовым предметом обмена. Редкие образцы таких накосников в Пермском Предуралье попали сюда с болгарками, проживающими на торговых факториях. Всего в Пермском Предуралье найдено пять накосников типа чулпе и тезмэ. Части серебряных накосников-тезмэ найдены на Редикарском и Рождественском городищах.

К другому типу болгарских головных украшений относится головной убор типа такьи, богато украшенный серебряными накладками. В Предуралье повсеместно встречаются круглые, квадратные, крестообразные и многолепестковые бляшки с зернью, сканью и вставками от таких шапочек. География распространения их очень широка – от Удмуртского Предуралья до вымских могильников. Наибольшее их количество найдено в Пермском Предуралье. Прекрасным образцом находок такого рода представляется один из редикарских кладов, где найдено семь многолепестковых и круглых накладок от такьи, а также Вильгортский клад, где представлены многолепестковые, квадратные и круглые накладки от такьи.

Выразительной частью импорта из Волжской Булгарии в Предуралье были бляхи-подвески с «охотничьим» сюжетом в виде изображений всадника с ловчей птицей (соколом) в руках в окружении солярных знаков (солнце, луна), птиц и животных. Таких блях в Уральском Прикамье найдено почти два десятка. Традиционно бляхи с «сокольников» оценивались как предметы, связанные с охотничьей магией, шаманизмом, также их признавали отличительными знаками шаманов. Культурное значение блях обычно обосновывали солярными знаками. Однако они могли иметь не культовое, а геральдическое значение, придающее данному предмету особый юридический характер. Вполне допустимо оценивать данные предметы как символ высокого социального положения их владельца и как знаки вождя или старейшины. Функционирование блях с «сокольников» на фоне экономического и политического сотрудничества с феодальной Волжской Булгарией заставляет оценивать бляхи как определенные верительные знаки, удостоверяющие особые права и полномочия их носителей. Помимо изображения сокольника и солярных знаков на бляхах присутствуют изображения нескольких животных. По меньшей мере в шести случаях на бляхах даны изображения медведей, в трех – лосей или оленей, в одном случае изображен бобр. Практически на всех бляхах изображены пушные звери. Возможно, это тотемные символы родов, которые находились в административном подчинении владельца бляхи.

Вероятно, учитывая сведения о том, что «народ Вису» платил харадж и джизью царю болгар, то есть находился в определенной политической и экономической зависимости от последнего, следует видеть в этих бляхах именно знаки вассальной принадлежности и знаки официальных лиц (верительные знаки), имевших право представлять интересы болгарской администрации в отдельных местностях Предуралья и Приобья.

В своем сочинении о путешествии на Волгу в 921–922 г. г. Ахмад ибн Фадлан упоминает факт переписки царя болгар с «народом Вису» по поводу великана, однажды прибывшего к болгарам: «Я перевез его в свое местопребывание и *написал* к людям Вису, – а они от нас на (расстоянии) трех месяцев, – спрашивая их о нем. Они же *написали* ко мне, извещая меня, что этот человек (муж) из (числа) Яджудж

и Маджудж...». Переписка возможна, если корреспондент грамотен, в данном случае сложно предполагать, что приуральские финно-угры Вису умели писать по-арабски или с помощью рун, но вот то, что среди них жили грамотные болгары, которые могли служить толмачами-переводчиками при официальных лицах из числа Вису, факт переписки только подтверждает. Неудивительно, что на Рождественском городище найдены фрагменты керамических чернильниц.

Товарами из Булгарии были высокотехнологичные боевые бронебойные граненые наконечники стрел, которые вытеснили из боевой практики болгар в XI–XIII вв. почти все остальные типы наконечников. Также встречаются болгарские наконечниками типа срезней, которые использовались как в военных целях, так и на охоте. Другие предметы болгарского вооружения, находимого в Прикамье, представлены саблями, булавами, топорами. Интересна находка парадного, инкрустированного серебром, топорика в с. Пянтег Чердынского района. Особого внимания заслуживают достаточно многочисленные находки бронзовых, железных и костяных рукоятей нагаек в виде головок лошадей, верблюдов, грифонов. Последние имеют аналогии в материалах Биляра, где найдена литейная форма для таких рукоятей.

Из числа бытовых предметов наиболее многочисленной находкой являются замки, их части и ключи. Многие замки имеют инкрустации из меди и сходны с замками, находимыми в Биляре и на других болгарских поселениях.

Безусловно, к числу болгарских предметов можно отнести круглые костяные пуговицы с циркульным орнаментом, а также амулеты квадратной формы с циркульным орнаментом по периметру и резной головкой, найденные на Кудымкарском, Рождественском, Анюшкарском и Иднакарском городищах в слоях и сооружениях XII–XIV вв. По мнению И.А. Закиевой, специально исследовавшей косторезное дело Болгара, такие подвески-амулеты распространились у болгар в связи с исламизацией общества, они имели арабские прототипы и служили разделителями четок. Их наличие на поселениях в Уральском Прикамье указывает, вероятно, на проживание здесь болгар-мусульман, как и описанные ниже мусульманские могильники.

Местное косторезное производство, позаимствовав у болгар технологические приемы и часть инструментария, уже к XI–XII вв. фактически превратилось в ремесло.

Под влиянием болгар развивается местное бронзолитейное производство, более того, прикамские бронзолитейщики и металлурги стали поставщиком меди и бронзы для болгар, на ряде памятников найдены формы-изложницы для отливки товарных бронзовых слитков.

Многочисленность и выраженное своеобразие скано-зереневых и черненых ювелирных изделий из Уральского Прикамья, описанных выше, связано не только с импортом из болгарских ювелирных центров, но и с возможным возникновением под болгарским влиянием и при участии болгарских мастеров собственного ювелирного сереброкузнечного центра (центров) в Предуралье. Многие детали бусиных колец, декор перстней из Прикамья имеют определенные отличия от аналогичных изделий, находимых в Волжской Булгарии, тем не менее их общий облик выдает в них болгарские изделия. Месторасположение такого центра (центров) остается загадкой. Однако мы вправе предположить его расположение на каком-либо из крупных поселений Прикамья, в том числе на упомянутых выше Рождественском, Городищенском или Кыласовом (Анюшкар) городищах.

На наличие в Прикамье болгарского ювелирного центра указывают и находки здесь болгарского ювелирного инструментария. В Прикамье найдены различные бул-

гарские матрицы для тиснения, в д. Ручиб Чердынского уезда в 1911 г. найден медный штамп для поясных бляшек с изображением двух львов в восточном стиле XI–XIII вв. Заимствуются ювелирные пинцеты сложных форм, аналогичные билярским. На Рождественском и Кыласовом городищах найдены формы для отливки псевдозерневых блоков в виде треугольников. Также на Кыласовом городище в культурном слое найдены капли серебра, а на Рождественском городище – серебряные слиточки (в том числе остатки заполнения литников). Кроме производства серебряных и бронзовых (более дешевых и распространенных) ювелирных изделий в Прикамье под болгарским влиянием могло быть налажено и собственное бусинное производство. Следы такого производства, в том числе в виде неиспользованной стеклянной массы (стеклянная палочка-заготовка), найдены на Рождественском городище.

Прикамье привлекало болгар прежде всего своими природными богатствами. В X в. ал-Мукадасси составил список товаров, которые болгары привозят на Восток по Камскому торговому пути: «...меха: соболя, беличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые; заячьи и козьи шкуры; воск, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи...» В некоторых источниках упоминается еще «слоновая кость» – вероятно, мамонтовые бивни и моржовые клыки. В своем труде ал-Гарнати называет также невольников и невольниц. Помимо этого вывозили медь в слитках, соль, но все же главным товаром были меха.

Камский торговый путь, который некоторые исследователи именуют еще и «меховым» путем – часть международной системы Восточной торговли – активно функционировал в X–XIII вв. В Прикамье в изобилии водились куница, белка, бобр, черная и красная лисица, горностаи, соболь. Практически все источники, описывающие прикамские земли Ару и Вису, указывают прежде всего на пушные богатства: «...охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок». Эти меха крайне высоко ценились и в умеренном климате Европы, и на жарком Востоке.

Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази, арабский ученый, придворный врач сельджукского султана, в XII в. писал в своей работе о торговле волжских болгар с Предуральем: «...вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха, ведь они охотятся на этих зверей, питаются их мясом, одеваются в их шкуры». Меха использовались на Востоке и в Византии как важнейшая часть парадных, служебных и церемониальных одежд, как знак отличия или с гигиеническими целями. В силу именно этого северные меха стали одним из важнейших видов товара, который шел по системе международной транзитной Восточной торговли. Меха приносили болгарским и арабским купцам огромную прибыль, поэтому торговать ими было крайне выгодно.

Количество этого ценного пушного зверья, казалось, было безграничным, и добыча меха велась в гигантском масштабе. К сожалению, для раннего средневековья цифровых оценок меховой охоты в источниках нет, но хорошо известно, например, что в 1586 г. на Западную Сибирь был наложен ясак в двести тысяч соболей. С Северного и Приполярного Урала, возможно, вывозили также охотничьих птиц, в частности кречетов-соколов.

Эквивалент, за который болгары получали природные богатства Прикамья и Урала, также весьма разнообразен. Привозили в Предуралье и Зауралье одежду, ткани, предметы роскоши, бусы из камня и стекла, замки, различные изделия из железа, в том числе и оружие, например сабли, «одни клинки, в том виде, в котором они выходят из рук кузнецов». Безусловно, что список товаров, ввозимых на Север, следует дополнить деликатесными продуктами питания, сладостями, вином,

зерном, маслом. Но главной статьей ввоза на северные рынки, во всяком случае, по количеству сохранившихся вещей, были серебряные сосуды, украшения и серебряные принадлежности костюма.

Таким образом, можно говорить о периоде X–XIII веков, как о времени активного взаимодействия Волжской Булгарии и народов Верхнего Прикамья. Волжская Булгария к XI–XII вв. фактически присоединила земли Предуралья. Это дало право царю болгар собирать в Прикамье налоги: джизью и харадж. Роль торгово-политических представителей государства на этих землях стала играть местная элита, члены которой, уполномоченные охранять интересы купцов, а значит, и болгарского государства, получали особого рода верительные знаки. Эти знаки – круглые бляхи с изображением сокольника, описанные выше, в достаточно большом количестве найдены на археологических памятниках Предуралья, особо интересна в этом плане уникальная для Предуралья «печать для ношения» из Рождественского могильника. В погребении № 37 этого могильника обнаружена уникальная в Предуралье находка – трапециевидная серебряная подвеска, на лицевой стороне которой изображена тамга Владимира Святославовича, а с оборотной стороны – знак его современника Олава Трюггвасона. По обоснованному мнению автора находки, профессора Н.Б. Крыласовой, подвеска со знаками является верительным купеческим знаком, «печатью для ношения», которые выдавались болгарским купцам в соответствии с торговым договором между булгарами и Владимиром Святославовичем от 1006 г. [9].

Своими действиями Булгария способствовала и процессам оформления у предуральских народов основ нового общества, отходящего от принципов первобытного устройства. О непосредственном проживании болгар в Прикамье, кроме находок болгарских гончарных горнов на Рождественском и Кыласовом городище, находок болгарской кухонной посуды и многочисленных бытовых вещей и этнических украшений, свидетельствуют и захоронения, совершенные в домонгольское время по мусульманскому обряду, носителем которого в Прикамье этого времени могли быть только переселенцы болгары. Подобные захоронения изучены у трех крупнейших городищ Приуралья, которые, вероятно, были средневековыми торговыми и ремесленными городами – опорными пунктами болгарского экономического и политического влияния в регионе – Рождественское, Анюшкар и Иднакар [3, с. 106–124].

Эти города были крупными узловыми торговыми станциями на Камском торговом пути, в них, безусловно, наряду с финно-угорским населением Прикамья жили и болгары, и выходцы из иных территорий: Западной Сибири, Севера (вымская археологическая культура с территории республики Коми), представители западных и волжских финнов. Камский путь использовался во все природные сезоны. Летом по Каме и ее притокам на Север и на Юг шли судовые караваны. Вел на Север к народу Вису-Чулман и сухопутный караванный путь – недаром на многих памятниках Прикамья собраны детали конской упряжи и снаряжения всадника так называемого «аскизского типа». Аскизы (носители аскизской археологической культуры средневекового Алтая) – древние хакасы, вероятно, служили охранниками торговых караванов болгар. О караванах свидетельствуют и кости верблюда, найденные на городище Анюшкар. Зимой, как повествуют письменные источники, купцы путешествовали на лыжах и на собачьих упряжках. Вероятно, использовались и олени упряжки, на многих прикамских городищах найдены детали не только собачьей, но и оленьей упряжи.

Наиболее основательно изучено Рождественское мусульманское кладбище, расположенное у внешней стороны оборонительных укреплений городища. Здесь исследовано почти три десятка захоронений. По наблюдениям антрополога Н.Г. Брюховой, люди, погребенные здесь, по своему типу похожи на жителей столицы Булгарии – Биляра. Часть лежащих в этих захоронениях мужчин явные ремесленники, их костяки носят следы тяжелого труда. Есть среди них и воины-охранники караванов – один из погребенных мужчин умер от раны, причиненной наконечником стрелы, который застрял в костях скелета.

Все захоронения, исследованные в Рождественском мусульманском могильнике, совершены с соблюдением основных погребальных традиций ислама. Костяки ориентированы головой на запад или запад-юго-запад, черепа были развернуты лицевой частью к югу. Костяки расположены в соответствии с позой погребенного «лежащие на спине с поворотом на правый бок», ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза. Такая поза погребенного соответствует кыбле, характерной для домонгольских погребений болгар-мусульман.

Судя по выводам Е.А. Халиковой, для Волжской Булгарии домонгольского времени наиболее выраженными (археологически) чертами мусульманского погребального ритуала были следующие: во-первых, положение покойного лицом к кыбле (к Мекке), что в широтных характеристиках Волго-Камья и Предуралья выражается в ориентации погребенного головой на запад с отклонениями на С или Ю, положением туловища с легким поворотом на правый бок и разворотом головы лицом вправо к югу. Отклонения от такой ориентации могут достигать 20–30 градусов, что вызывалось несовершенством географических измерений или погрешностями астрономического инструментария. Поворот туловища, по наблюдению Е.А. Халиковой, может быть явным или весьма легким [14, с. 45–46], при этом он определяется общим положением костяка «на спине», слегка согнутыми ногами (иногда согнута одна левая), стопы, как правило, в разной степени повернуты вправо; правая рука вытянута вдоль тела, ее кисть может лежать на тазовой области или рука может быть согнута в локте и лежать на груди; левая рука смещена вправо, ее предплечье может лежать на ребрах грудины, а кисть на тазовой области, в области живота, либо на кисти правой руки; рука может быть согнута в локте, руки могут быть перекрещены на груди или в области таза. Положение рук не зависит от пола, возраста и принадлежности погребенного к какому-либо течению ислама. Разнообразие их положений особенно характерно для мусульманских кладбищ Волжской Булгарии первой половины и середины домонгольского периода (X–XII вв.). Именно легкий поворот на правый бок стал обычной позой в мусульманских некрополях Булгарии домонгольского времени [14, с. 58].

В целом погребения и устройство Рождественского некрополя имеют аналогии с домонгольскими мусульманскими кладбищами Волжской Булгарии; наиболее полные аналогии, в том числе по деталям обряда, топографии, характеру погребений, просматриваются с IV и II Билярскими некрополями.

Вероятно, что мусульмане, проживающие на Рождественском городище, должны были иметь молитвенный дом-мечеть. Об этом говорит факт находки здесь детали от бронзового мечетного светильника – хороса, в виде симметричного предмета, верхние концы которого оформлены в виде расцветающего бутона, а в

центре – сквозное отверстие. Наш хорос имеет точные аналогии в материалах ряда болгарских и ордынских (более поздних) городов Поволжья.

Колонии болгар находились не только на Рождественском городище, Анюшкаре и Иднакаре. Вероятно, болгары жили и на Городищенском городище под современным Соликамском, в непосредственной близости от источников соли, и на Саламатовском городище неподалеку от современного города Чусовой, контролируя дорогу по р. Чусовой за Урал, в Сибирь.

О торговых операциях болгар в Прикамье свидетельствуют серебряные монеты-дирхемы арабского и болгарского чекана. Среди арабских монет IX–XI вв., найденных в Предуралье, в целом преобладают саманидские дирхемы. Обращают на себя внимание и находки медных монет саманидского времени, которые шли в общем потоке и, вероятно, служили прообразом для бронзовых монетовидных привесок. На распространение арабских монет через болгарских торговцев указывают находки вместе с монетами складных весов, аналогичных найденным в Волжской Булгарии, и монеты болгарского чекана, находимые вместе с арабскими монетами. Максимальный приток арабской монеты в Предуралье приходится на X – первую половину XI в. К наиболее крупным кладам арабских дирхемов относится Чердынский 1860 г. с шестью тысячами дирхемов, Майкарский, содержащий несколько больше тысячи монет, Ягошурский (Удмуртия) – с полутора тысячами монет. Большинство т.н. монетных кладов были смешанными – монетно-вещевыми. Например в тот же Ягошурский клад входили еще слиток серебра и серебряный кувшин. Таким образом, большая часть т.н. монетных кладов маркируют какие-либо святилища или жертвенные места. Но есть и явно клады купцов, к таким может быть отнесен монетно-вещевой клад из д. Коча Губинской волости, где найдены складные походные купеческие весы и несколько десятков целых и обломанных монет X в.

Таким образом, в результате торговой деятельности и переселений болгар на Север в пределы старны Вису-Чулыман – Прикамье – эта территория оказалась в определенном подчинении Булгарскому государству.

Здесь возник ряд городов (ранних городов), выполняющих функции опорной сети поселений Булгарского царства на северных землях. Среди этих населенных пунктов особую роль играл город Афкула (Аваколь, Афикул, Афилун, Афаткун), неоднократно упоминаемый в письменных источниках. Вероятно, достаточно обоснованно можно локализовать кассабу Афкула («Поворотную крепость») на берегах р.Обва и считать его материальными остатками Рождественский археологический комплекс – крупнейший средневековый памятник Пермского Предуралья [2]. «Кассаба» – по-персидски «маленький город». Кассаба Афкула, судя по письменным источникам, – столица страны Чулыманской, т.е. Камской. Последнее упоминание «кассабы Афкула» относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедиста ал-Калкашанди: «Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город – небольшой Афтакун». В это же время (рубеж XIV–XV вв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает магрибец Ибн-Халдун. Рождественский комплекс – древняя Афкула – точка наиболее раннего (домонгольское время) вхождения на территорию Пермского края ислама, самый северный в Европе исламский населенный пункт. Последнее обстоятельство и вызвало включение сведений о средневековой кассабе Афкула во многие географические справочники исламского средневекового мира XIII–XV вв. Поскольку соотношение светлого и темного времени суток здесь, в северных землях, значительно отличается не только от территории арабского халифата, но и от территории Волжской Булгарии, то в местную мусуль-

манскую общину регулярно приезжали исламские астрономы и математики для расчета времени молитв. Ал-Омари приводит рассказ странствующего купца Хасана Эрруми (ар-Руми): «...потом я расспросил об этом Масуда, определителя времени [молитв] в Булгаре. Мы исчислили ее, сказал он, посредством астрономических инструментов и нашли, что она (длится) 4 и 1/2 часа с небольшим. Это крайняя убыль ночного времени там. Что касается касабы Афикула, то мы [и там] делали наблюдения над ними и нашли, что самая короткая ночь там [длится] 3 и 1/2 часа, [следовательно] короче болгарской ночи на один час» [11, с. 237–238].

Топоним Афикула можно понимать из тюркских (в персидском переложении) Афу, Ашу – «поворот» и Кула, Кала – «башня, крепость» как «Поворотная крепость». Такое название соответствует характеру торговли болгар, которые ездили с товарами до этого места, а дальше торговали местные купцы. Об этом писал, например, Ал-Омари: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [11, с. 237–238].

Рождественский археологический комплекс – остатки самого крупного населенного пункта Приуралья периода средневековья. Комплекс включает в себя Филипповское (малое) и Рождественское (большое с неукрепленным посадом) средневековые городища, мусульманский домонгольский болгарский могильник, примыкающий к восточной части оборонительных сооружений большого городища, и обособленный от него средневековый языческий финно-угорский некрополь. Общая площадь комплекса составляет более 10 гектаров. Площадь жилой части комплекса – более 6 гектаров. Вероятно, в состав комплекса следует включить и финно-угорское языческое святилище, остатки которого известны в археологической литературе как Рождественский (Волгинский) клад.

Центр комплекса составляет Рождественское городище. Размеры его площадки – 256 м по краю обрыва, 141 м от края обрыва до вала. Площадка имеет перегиб, который делит ее на восточный и западный склоны, и горизонт обзора с любого края площадки ограничен этим перегибом, полностью площадку можно обозреть лишь с центральной, наивысшей точки вала. Ширина вала от 6 до 12 м в основании, высота в центральной, наиболее хорошо сохранившейся части, 3,7 м с напольной стороны и 1,8 м со стороны площадки. Рва вдоль большей части вала не наблюдается, заметен он только у западной оконечности вала.

Филипповское городище расположено непосредственно за «Шиловским логом». Высота площадки над уровнем Обвы 32–35 м, с севера и юга площадка ограничена логами, с запада укреплена рвом и валом, южный конец которого срезан для прохода на городище сельскохозяйственной техники и животных. Длина сохранившейся части вала около 35 м, в центре имеется древний проход шириной до 2,5 м – «ворота», которые описывали все, кто осматривал это городище в XVIII–XIX вв. На северной оконечности вала имеется земляная насыпь в виде кургана высотой до 2 м, возможно, это основание некой смотровой башни. Еще капитан Н.П. Рычков, осматривавший эти места в 1770 г., считал, что это малое городище «без сомнения был замок древнего селения».

За восточным «Постаноговским» логом Рождественского городища уступ коренного берега плавно изгибается к северу, образуя три мыса, разделенных небольшими логами. На примыкающем к городищу мысу находится мусульманский могильник, на третьем – языческий некрополь комплекса.

Таким образом, Рождественский комплекс – сложная раннегородская структура, состоящая из цитадели, укрепленного внутреннего города и неукрепленного внешнего города (посада), с возможным числом населения до 2,5 тыс. человек. Материальная культура комплекса отличается большим разнообразием и более высоким уровнем организации быта, производственной и хозяйственной деятельности, выразительно отличаясь от материальной культуры большинства других укрепленных и неукрепленных финно-угорских поселений Приуралья.

Монгольское нашествие, вероятно, коснулось и северных территорий Булгарии, во всяком случае, XIII век в археологии Приуралья совершенно особый рубеж, количество поселений в это время резко и значительно сокращается. Волжская Булгария, вошедшая в состав Орды, постепенно перенесла основную часть меховой торговли восточнее – главными партнерами этой торговли становятся угорские племена Западной Сибири (Приобье). Приходят в запустение и гибнут и булгарские торговые города-фактории в Прикамье. Дольше всех продержались Афкула (Рождественский комплекс) и Анюшкар, который, возможно, фигурировал в письменных источниках как город Чулыман (Джолман). Но память о булгарах сохранилась надолго.

Судьба булгарского населения Приуралья не ясна. В Пермском, Очерском и Оханском районах Пермского края три современные деревни носят название Болгары. В бассейне Иньвы и Обвы, где расположены городища Анюшкар и Рождественское, исследователи прикамской топонимики отмечают много названий волжско-тюркского происхождения, образованных, в том числе, и от тюркских антропонимов. Память о булгарской колонизации сохранили предания пермских татар: «Люди пришли сюда из Булгар, называли себя булгары». «Они родные братья были. Они были болгар татарлар (булгарские татары), они земли искали. Мы – остатки булгар. Нас называют камскими булгарами, потому что Кама рядом, так мне дедушка рассказывал», – рассказывают в селе Усть-Тунтор Бардымского района. Однако эти предания, возможно, касаются и более поздних процессов, когда предки пермских татар переселились из-под Казани после ее взятия войсками Ивана Грозного.

Список литературы

1. Белавин А.М. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: из-во «Мастер Лайн», 1999. С. 73–84
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань: ИИ АНТ, 2002. С. 106–124
4. Валева Д.К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 196 с.
5. Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 134 с.
6. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М.: Наука. 1967. 213 с.
7. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

8. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: из-во ХГУ, 1956. 347 с.
9. Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // Российская археология. 1995. №2. С. 192–197.
10. Старостин П.Н., Казаков Е.П., Габяшев Р.С. Игимский могильник // Советская археология. 1973. №1. С. 260–264.
11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 350 с.
12. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1981. С. 5–20.
13. Халиков А.Х. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа: ИИЯЛ УНЦ АН СССР, 1987. С. 19–25.
14. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
15. Karlgren B. Grammata Serica Recensa. Stockholm, 1957. 353 p.
16. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. P. 21–222.

§ 2. Огузы и печенеги в степях Заволжья и Приуралья

Владимир Иванов

Если исходить из известных ныне письменных источников и общепринятой среди исследователей идентификации этнонима «кангар» – «кенгерес» – «печенег», то самые ранние сведения о локализации и, отчасти, образе жизни древних печенегов принадлежат перу китайских хронистов и датируются рубежом I–II вв. до н.э. Это написанные до 99 г. до н.э. «Исторические записки» (Шы-Цзи) Сыма Цяня, в которых идет речь о кочевом владении Кангюй, расположенном к северо-западу от Давани (Фергана) и к юго-востоку от кочевого же владения Яньцай или Аланья, лежащем «при большом озере, которое не имеет высоких берегов (т.е. на Северном или Каспийском море)» [4, т. 2, с. 150 и сл.; 260 и сл.]. Судя по предлагаемой исследователями идентификации географических ориентиров, границы «владения Кангюй» включали в себя территории бассейна Сырдарьи, от Ташкента в сторону Хорезма.

Из «Истории Северных Дворов», сочинения Ли Янь-шеу, охватывающего период с 386 по 618 гг., мы узнаем, что какое-то время Кангюй находился в зависимости от правителей «владельческого Дома Йеда» (эфталитов), а в 641 г. был завоеван войсками Дуло-хана, правителя Западнотюркского каганата [4, т. 1, с. 287].

По сообщениям китайских хроник первой половины I тыс. н.э., излагающих по существу одни и те же сведения, кангюйцы – это кочевники («...следуя за скотом, перекочевывают с места на место»), придерживающиеся обычаев и образа жизни, сходных с хуннами, аланами и эфталитами.

Из китайских же хроник известно, что в середине VII в. вожьд токуз-огузов эльтебер Тумиду создал свое государство в бассейне рек Тола и Орхон. Государст-

во это успешно противостояло натиску Танской империи и пало только в начале 80-х годов под ударами Второго Восточнотюркского каганата [11, с. 112].

Следующую группу сведений по интересующим нас народам, касающихся в основном огузов, составляют древнетюркские рунические памятники первой половины VIII в. (надписи в честь Кюль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука). В этих текстах огузы и печенеги (кенгересы) представлены как два отдельных народа – ближайšie соседи и политические противники «голубых тюрков», с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет. Так, из надписи в честь Кюль-Тегина (умер в 732 г.) мы узнаем, что его отец Ильтериш-каган несколько раз ходил походами на живший к северу от тюрков «народ токуз-огузов под начальством Баз-кагана» и в итоге покорил его [17, с. 38]. Затем сам Кюль-Тегин совершает поход на запад, за реку Йенчу (Сырдарья), где силами подвластных ему тюргешей воюет с кенгересами (печенегами). Судя по изложению дальнейших событий, поход этот для тюрков не был удачным и им пришлось отступить. Тем более что в тылу у тюрков восстали покоренные ими ранее огузы. Последние годы жизни Кюль-Тегина были посвящены в общем-то безуспешным попыткам вновь подчинить себе огузов [17, с. 42].

Более точные сведения о территории расселения огузов в VII–VIII вв. содержатся в надписях в честь Тоньюкука, хана Могиляна (умер в 735 г.) и уйгурского хана Моюн-Чура (умер в 757 г.). Первый из перечисленных правителей сражался с огузами у р. Тоглы (в современной Монголии правый приток Орхона – р. Тола) [17, с. 66]. Хан Могилян, разгромив объединенное огузо-табгачское войско, преследовал отступающего противника, двигаясь вниз по р. Селенге, а хан Моюн-Чур, очевидно, властвовал над «народом девяти огузов», жившем у р. Орхон, и в 747 г. во главе их сражался против тюрков (и части отколовшихся огузов и татар) на берегах той же Селенги [16, с. 12, 22].

Таким образом, из сведений древнетюркских письменных памятников следует, что в VII–VIII вв. огузы и печенеги (кенгересы) – два отдельных самостоятельных народа – жили на востоке Великого пояса евразийских степей, на значительном удалении друг от друга, будучи разделенными территорией Тюркских каганатов.

Однако подобная же ситуация была известна и арабским географам середины IX в. Так, в «Книге картины земли» Мухаммада ал-Харизми (написанной на основании географических данных Птолемея между 836 и 847 гг.) о кенгересах-печенегах речь вообще не идет, а что касается огузов, то они выступают в данном труде под собирательным именем «земля ат-тугузгуз» с координатами значительно восточнее Хорезма, Бухары и Самарканда [9, с. 12, 48, 97].

Арабские авторы второй половины IX в. (Ибн-Хордадбех, аль-Йакуби) называют огузов и печенегов среди других кочевых тюркских племен Средней Азии (кимаков, карлуков, токузгузов, киргизов и кипчаков), правда, без обозначения конкретных границ их расселения [18, с. 149 и сл.; 8]. Но зато два других автора: аль-Балазури (умер в 892 г.) и ат-Табари (умер в 923 г.) в своих трудах повествуют о том, что в 820–821 гг. токуз-огузы совершили набег на Усрушану (район современных Ташкента, Ферганы и Самарканда), а правитель Хорасана Абдаллах Ибн-Тахир, вероятно, в ответ на это в 824 г. отправил свое войско в поход на «страну Гуззия» [1, р. 55]. Как бы то ни было, но сам факт появления огузов за 3000 км к западу от Орхона и Селенги, в верховьях Сырдарьи, свидетельствует о том, что к началу IX в. локализация этих племен на территории евразийских степей существенным образом изменилась, и с этого времени они становятся ближайшими соседями печенегов.

Соседство это в итоге вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения ал-Масуди (середина X в.). И хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их явилось вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приуралья сначала в степи Волго-Уральского региона, а затем и далее на запад.

В первой четверти X в. средневековые авторы одновременно фиксируют печенегов к востоку и западу от Волги и отчасти даже объясняют причину такого разделения печенежского племенного союза. Особенно интересной в этом отношении представляется книга византийского императора Константина Багрянородного (умер в 959 г.) «Об управлении империей», представляющая собой наиболее емкий источник по истории европейских печенегов первой половины X века. Отсюда, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточноевропейской политике X в., что выражалось, например, в необходимости поддерживать союзнические отношения с печенегами с тем, чтобы через это пресекать попытки русов, болгар и «турков» нападать на Византию (под «турками» в данном случае подразумеваются древние мадьяры-венгры).

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях восточной Европы: от низовьев Дуная («...печенеги близки к булгарам») и северных пределов «турков» (мадьяр), живших в то время в бассейнах рек Тимиссий, Тутис, Морисий, Крис и Тица (соответственно Темеш, Бегу, Марош, Кереш и Тисса в восточной Венгрии), до хазарской крепости Саркела по берегам рек Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днепр), Врут (Прут) и Серет [14, с. 18–20]. Причем на этой территории печенеги жили восемью «округами», четыре из которых располагались по правобережью Днепра (Гиазихопон, Ги́ла, Харовой и Явдиертим), а остальные – по левобережью (Кварципур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацоспон).

Византийский император указывает первоначальную территорию обитания печенегов – на Волге и Урале (реки Атил и Гейх) и называет причины их ухода на запад: «Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле, а также на реке Гейхе, имея соседями Хазаров и так называемых Узов. Пятьдесят лет тому назад Узы, войдя в соглашение с Хазарами и вступив в войну с Печенегами, одержали верх, изгнали из их собственной страны, и ее заняли так называемые Узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут Турки, они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране и владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет» [14, с. 15].

Интересно приводимое в рассматриваемой книге подтверждение аутентичности этнонима «печенег-кангар», как бы перекликающееся со сведениями восточных письменных источников: «...Между тем Печенеги, раньше называвшиеся Кангар, (ибо это наименование применялось у них в отношении к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Печенегами, тогда называвшимися Кангар, войско Турков было разбито...» («тогда» – это, по тексту Константина Багрянородного, в конце IX в.). Причем чуть выше автор подчеркивает, что «...Печенеги именуется Кангар, но не все, а только народ трех округов: Явдиертим, Кварципура и Хавуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание Кангар». Следует полагать, что

к таким «храбрейшим и благороднейшим» племенам принадлежали племена, живущие в центральной части европейской Печенегии, т.е. по берегам Днепра (округ Явдииртим соседствует с областями, подвластными русам).

Сообщает Константин Багрянородный и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: «...Должно знать, что в то время, когда Печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с т.н. Узами и доселе остаются у них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих: верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечий; этим они показывают, что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников» [14, с. 16].

Мысль о войнах между печенегами и огузами как о причине переселения первых к западу от Волги проводит в своем сочинении и ал-Масуди: «...Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда – они же суть три рода из Турка – есть то же, что море Нейтас (Черное)»; «...Они завоевали многочисленные из пяти «бунуд» (обозначение византийских провинций). После 932 г. они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантиния в Румию... В книге «Фунун ал-ма 'ариф ва маджра фи ад-духур ас-савалиф» («Сорта знания и что случилось в прошлом») мы отмечали причину появления этих четырех тюркских племен с востока, это войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан» [5, с. 427].

Сведения о двух группах печенегов («тюркских» и «хазарских») содержатся в «Худуд ал-Алам» («Границы мира»), написанной в 982–983 гг. на основе более ранних сочинений ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хурдабеха, ал-Джейхани и Ибн Хаукаля (В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский). Причем, если исходить из координат расселения печенегов, приведенных в указанном сочинении, то получается, что «хазарские печенеги» – это племена Заволжской Печенегии, а «тюркские печенеги» – описанные Константином Багрянородным печенежские племена восточноевропейских степей.

Факт пребывания печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, зафиксированный в сочинениях средневековых авторов X в., давно уже не вызывает сомнения у исследователей. Кроме сведений средневековых авторов (Ибн Фадлан, Масуди, Константин Багрянородный), он подтверждается наличием здесь довольно многочисленных курганов огузского и печенежского типов [6].

Причиной миграции огузов и печенегов с востока евразийских степей в Восточную Европу, по всей видимости, явились бесконечные войны, которые велись в середине VIII в. между огузами и карлуками за господство в Семиречье. В этих войнах в качестве противника огузов выступали и печенеги-кенгересы. Отступая перед карлуками, огузы вначале вытесняют печенегов в Приаралье, а затем и далее – в Заволжье и Приуралье.

Однако едва ли низовья Сырдарьи, удаленные и отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, выглядели в глазах печенегов и огузов «землей обетованной», за которую следовало бы драться до последней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, до поволжских границ Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и огузы.

С целью очистить заволжские степи от печенегов огузы вступают в соглашение с хазарами (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар, очевидно, не было принципиальной разницы в том, кто будет тревожить их восточные рубежи – печенеги или огузы), поставив печенегов «между молотом и наковальней». Для последних из этой ситуации оставался единственный выход – идти далее в поисках более спокойного места. Таковыми, на наш взгляд, были этнополитические предпосылки образования вдоль южной кромки Волго-Уральской лесостепи «Заволжской Печенегии», территории, которая одновременно была и промежуточным пунктом на пути движения печенегов на запад, и их глубоким тылом.

Итак, оттеснив (может быть – и с помощью хазар) печенегов на северную окраину Волго-Уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь обильную экологическим потенциалом, но чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономического взаимодействия кочевого и оседлого миров. Прежде всего, из нижневожских степей открывались прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы и Средней Азии. Вполне вероятно, что незначительное распространение огузских погребений к западу от Волги объясняется и тем, что оседло-земледельческая Хазария с ее неразвитой, находящейся на «эмбриональном» уровне протогородской структурой [22, с. 218–221] не являлась для огузов столь уж привлекательным объектом экспансии.

Конечно, они совершали на нее какие-то спонтанные набеги (ал-Масуди), но, вероятно, гораздо более привлекательным для них было южное направление и для торговли, и для грабительских набегов («Худуд ал-Алам»: «Они представляют множество людей, живущих в палатках, и это – люди вооруженные, храбрые и решительные в сражении. **Они постоянно приходят воевать в области ислама** (выделено нами – *В.И.*). На какую бы местность они ни напали, они топчут ее и грабят и затем быстро возвращаются назад»). Тем более, что от южных пределов огузских кочевий, у подножия Северного Чинка, шел через Устюрт древний караванный путь, снабженный колодцами, следуя которым можно было беспрепятственно достигнуть северных границ Хорезма и города Кят – основного центра огузо-хорезмийской торговли.

Наконец в середине – второй половине X века недалеко от северных границ «Дешт-и-Огуз» появляется еще один крупный торгово-ремесленный центр – городище на Самарской Луке, в археологической литературе известное как «Муромский городок» – самый южный город домонгольской Волжской Булгарии.

И, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в рассматриваемое время именно современные пустыни Южного Приаралья находились в стадии гумидизации (увлажнения), пик которой пришелся на предмонгольское время, и представляли собой сухую степь [7].

Основная же масса печенегов, очевидно, на рубеже 80-х – 90-х годов IX в. уходит из Заволжья на запад. По имеющимся сейчас данным можно предположить, что произошло это незадолго до 895 г. – года нападения печенегов на древнемадырскую территорию Леветию (Лебедию).

Вытеснив мадьяр («тюрков») из степного угла между Северским Донцом, Днепром и Азовским морем, печенеги становятся полными хозяевами степей между Доном и Дунайским устьем. Здесь известны многочисленные памятники, позволяющие довольно точно очертить границы Европейской Печенегии X в.: с востока – это Северский Донец, по правому берегу которого, кроме поселений, тянется цепь городищ салтово-маяцкой культуры, образующих западную линию обороны Хазар-

ского каганата (Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Богородичное, Сидоровское, Маяки, Каменск-Шахтинское). На севере – курганы по Орели и Ворскле, севернее которых, по Суле, шла первая оборонительная линия Киевской Руси. Далее на западе выделяется группа печенежских курганов в низовьях Буга, Днестра и Когильника, рек, по верховьям которых также шла система укреплений раннего периода Киевской Руси. На востоке границы кочевий европейских печенегов хотя и доходили до Волги (отдельные печенежские погребения выявлены на Медведице и по правобережью Нижней Волги), но вряд ли смыкались с Заволжской Печенегией: левобережье Нижней Волги было плотно занято огузами, многочисленные курганы которых густо представлены на этой территории.

Судя по наличию печенежских погребений на Маныче и в районе Кубанского устья, печенеги в X в. проникают и на территорию Хазарского каганата. По-видимому, произошло это после похода князя Святослава на Волжскую Болгарию и Хазарию, в котором его союзниками выступали огузы-торки.

Появление печенегов к западу от Волги и Дона изменило содержание этнокультурной карты Восточноевропейских степей: степные аланы уходят на север, в лесостепь и лес (по материалам Маяцкого и сопутствующих ему поселений – А.З. Винников, С.А. Плетнева). Степь становится печенежской. Перекочевав к южным границам Киевской Руси, печенеги очень быстро становятся существенной силой восточноевропейской политики. Прежде всего, на протяжении столетия, с 920 по 1034 гг., русские летописи тринадцать раз фиксируют участие печенегов в политических событиях Киевской Руси, причем только единожды (944 г.) – как союзников киевского князя (Ипатьевская летопись). Все остальные летописные рассказы – это, по сути, своеобразный реестр печенежских набегов на Киев (968, 988, 993, 1015, 1034 гг.), Василев и Белгород (996, 997 гг.) и свидетельства участия печенегов в междоусобицах киевских князей, ставшего наиболее активным в начале XI в. (980, 1016, 1019 гг.).

Если политическая история европейских печенегов освещена достаточно подробно благодаря сведениям русских летописей, то история Заволжской Печенегии в этом плане абсолютно неизвестна. Это дало основание считать, что оставшиеся в Заволжских степях печенеги «подчинились узам (огузам), вошли в их союз и более уже самостоятельного значения не имели и в источниках не упоминались» (С.А. Плетнева). Однако это не совсем так, свидетельство чему – описание земли печенегов в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») персидского историка XI в. ал-Гардизи. Хотя сам автор жил и писал в то время, когда огузов и печенегов уже теснили пришедшие с востока кыпчаки-половцы, но глава о печенегах («баджинаках») была написана им на основании данных более ранних авторов – Ибн Хурдадбега, ал-Джейхани, Ибн Русте. Следовательно, в ней отражена ситуация, когда Заволжская Печенегия еще существовала (И.Ю. Крачковский).

Ал-Гардизи: «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодезю, опускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут 16 дней; на 17-й день приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока – кыпчаки, с юго-запада – хазары, с запада –

славяне... Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы» (В.В. Бартольд).

Последнее сообщение обращает на себя внимание тем, что оно противоречит сведениям других средневековых авторов о бедности печенегов и об их зависимости от огузов (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный). И это известие перекликается с аналогичным сообщением Абу Дулафа о воинственности и независимости печенегов («баджнаков»), в котором говорится о том, что печенеги (а, судя по приводимым координатам расселения печенегов, речь у Абу Дулафа идет именно о заволжских печенегах) – народ воинственный и независимый («часто ведут войны между собой и дани никому не платят»). Аналогичные сведения о территории и образе жизни печенегов и огузов содержатся в книге ал-Марвази (врача при дворе сельджукских султанов) «Табаи ал-хайаван» («Природа животных»), написанной в первой четверти XII в. опять-таки на основании более ранних данных ал-Джайхани: «Печенеги народ странствующий, который переселяется в те места, где выпадает дождь и где есть пастбища. Земли печенегов как в длину, так и в ширину на 30 дней пути. Со всех сторон они окружены многочисленными народами. Севернее их находится страна кипчаков, на юго-западе – страна хазар, на востоке – страна огузов, а на западе – страна славян. Эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них. Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки» [23, с. 209].

Период с 980 по 1036 гг. – время активизации печенежских набегов в северном и восточном направлениях, причину которой С.П. Толстов усматривал в стремлении исламского Хорезма ослабить политическое влияние христианизирующейся Руси на востоке Европы, а В.В. Каргалов – в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, не способном удовлетворить жажду печенежской знати к обогащению.

Однако более вероятной причиной изменения военно-политических интересов и устремлений печенегов могли сыграть следующие, отчасти связанные между собой обстоятельства. Во-первых, к концу X в. степи между Доном и Дунаем уже были плотно освоены печенегами, перешедшими ко второй стадии кочевания (по С.А. Плетневой), сопровождавшейся разделом территории степи и усилением на этой почве внутренних противоречий между племенами. Во-вторых, не могло не сказаться и ослабление Хазарии, так и не оправившейся до конца после Святослава погрома в 965 г., и, наконец, свою провоцирующую роль могла сыграть и междоусобица 980 г. на Руси, в которой печенеги участвовали на стороне князя Ярополка.

Ввиду усилившейся угрозы со стороны печенегов, князь Владимир Святославович спешно укрепляет южные границы государства системой валов и городков «по Десне и по Оустры, по Трубешеву и по Суле, и по Стугуне», под защиту которых, очевидно, и уходит в конце X в. славянское население с берегов Дона.

Набеги печенегов, естественно, не могли миновать и западных границ Хазарии, которая продолжала существовать и после похода Святослава. Несмотря на то, что Святослав в это время все еще наращивал военно-политическую активность на Дунае, держать сильный гарнизон в захваченной во время похода 965 г. хазарской крепости Саркеле (хотя и являвшейся связующим звеном между Русью и Тмутараканскими землями) ему было явно не с руки. Поэтому появление в Саркеле огузов, выступавших, как считают современные исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе [3, с. 428–431], представляется вполне логичным.

С.А. Плетнева, анализируя кочевнический курганный могильник у Саркела – Белой Вежи, приходит к выводу о его смешанном огузо-печенежском происхождении. С этим трудно не согласиться, поскольку все погребения с конскими захоронениями данного могильника четко распадаются на две этнокультурные группы: огузскую (захоронение коня над человеком) и печенежскую (остатки шкуры коня на дне могилы слева от человека). А если учесть, что Саркельский могильник – единственное место концентрации огузских погребений X–XI вв. на Нижнем Дону, то предположение М.И. Артамонова о присутствии здесь кочевнического гарнизона выглядит вполне реальным.

На основании сведений русских летописей переселение огузов (торков) в степи Восточной Европы исследователи датируют серединой XI в. По мнению С.П. Толстова, подобная миграция являлась проявлением социально-политического кризиса огузской державы, выразившегося в практически одновременном движении огузов-торков из волго-уральских степей в Восточную Европу, а огузов-сельджукидов – из Приаралья, через Хорезм, в Переднюю Азию. Исследователь полагал, что это была целенаправленная военно-политическая акция единого союза племен. Думается, что подобная трактовка данного процесса излишне усложнена, поскольку сама реальность единой огузской державы (или единого союза племен) в территориальных границах от Балхаша до Волги сейчас выглядит отнюдь не бесспорной.

Вероятно, в настоящее время следует говорить о двух самостоятельных группировках (союзах?) племен: собственно огузской в волго-уральских и прикаспийских степях и огузо-туркмено-сельджукской (этнокультурный состав и ареал которой еще нуждаются в детальном изучении) в Средней Азии, к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов к началу XI в. уже вполне оформились политические и экономические ориентиры: у огузов – на запад, в Хазарию, у туркменов-сельджуков – на юг, в Хорезм. Поэтому, когда на исторической арене азиатских степей появилась третья геополитическая сила – вышедшие из Прииртышья и с Алтая кочевники кимако-кыпчакского союза племен (куны, каи, сары) [2; 10, с. 346], – направления возможного отхода для огузов были уже четко определены.

Давление кимако-кыпчаков (сары-кыпчаков) с севера и северо-востока – вот, на наш взгляд, основная причина массовой миграции огузских племен по расходящимся направлениям. И начаться это давление должно было не позже середины 20-х гг. XI в., когда, по сведениям мусульманских историков, первые четыре тысячи туркмен переплывают через Амударью и расселяются в Северном Хорасане, а следом за ними, около 1030 г., и сами кыпчаки появляются у границ Хорезма. Косвенным подтверждением этого обстоятельства является тот факт, что разбитые войсками газневидского султана Махмуда туркмены не вернулись назад, за Амударью, а частью уходят в Балханские горы (юго-восточный Прикаспий), частью («две тысячи шатров») – в Азербайджан, где вступают в вассальные отношения с правителем этой области. Этот западный поход туркменов пока не имел сколь-нибудь заметных социальных или политических последствий для населения Передней Азии, поскольку туркмены сразу же занялись грабежом азербайджанских городов, за что в 1037 г. и были изгнаны из страны.

Более логичными и целенаправленными выглядят действия туркменов-сельджукидов, ушедших в Балханские горы и оставшихся на Амударье. Вначале они утверждаются в Хорезме, поддержав вспыхнувшее там в 1034 г. антигазневидское восстание, а к 1040 г., собрав в один кулак силы балханских и джейхунских

племен, концентрируются в Северном Хорасане, на территориях от Дихистана до Серакса.

Об этот туркмено-сельджукский массив и разбилось войско последнего газневидского султана Масуда, чье поражение открыло сельджукам путь на запад, в сторону Византии. Победоносный этот поход, начисто перекроивший этническую карту Передней Азии, продолжался до 1071 г., когда в результате разгрома сельджуками войск византийского императора Романа Диогена под Манцикертом (Малазгирдом) вся Малая Азия оказалась в их руках.

Список литературы

1. Golden P. The migrations of the Oguz // *Archivum Ottomanicum*. IV. 1972.
2. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. Ашхабад, 1969.
3. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, 2. М.-Л., 1950.
5. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870.
6. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: «Гилем», 2001. 211 с.
7. Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // *Археология восточноевропейской степи*. URL: www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf.
8. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
9. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.
10. Кляшторный С.Г. Кимаки, кипчаки и половцы // *История татар с древнейших времен*. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
11. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
12. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1956. 345 с.
13. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2006. С. 117–118.
14. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1991. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/index.phtml?id=6412.
15. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
17. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
18. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.; Л., 1939.
19. Пантусов Н.Н. Сведения арабских авторов о средней Азии. Т. 25. Вып. 5. Казань, 1909.
20. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР*. Вып. XLIII. М., 1952.

21. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р.М. Шукюровой. Баку: Элм, 1987. 128 с.
22. Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.
23. Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази // Труды сектора востоковедения АН Каз. ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1959.

§ 3. Кыпчаки в Приуралье

Владимир Иванов

Особый кыпчакский этап в этнической истории населения Южного Урала и Приуралья впервые выделил Р.Г. Кузеев в своей ставшей уже классической книге, посвященной этногенезу башкир. Основным содержанием этого этапа ученый видел миграцию в Приуралье кыпчакских племен с территории современного Центрального Казахстана и Нижнего Поволжья. Наиболее активно, по мнению исследователя, этот процесс протекал во второй половине XII – начале XIII в. Ареал расселения кыпчаков в Волго-Яицком междуречье автор совмещает с границами гузопеченежских кочевий, доводя его на севере до широты Жигулевских гор.

Вместе с тем отсутствие соответствующих археологических памятников и других историко-этнографических данных (например кыпчакских этнонимов) домонгольского периода дало исследователю основание считать, что собственно кыпчакская волна на территории современной Башкирии в домонгольское время не была мощной. Кыпчакское влияние на местное приуральское население, по его мнению, выразилось в языке и культуре через посредство «кыпчакизированных родо-племенных групп, остававшихся на путях движения кыпчаков», тогда как сами кыпчаки, «занятые борьбой в богатых причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север» [28, с. 455–457].

Кыпчакизацию региона, в смысле массового проникновения и расселения соответствующих родо-племенных групп (кыпчакской, катаяской, табынской, минской), исследователь связывал с этнополитическими коллизиями XIII–XIV вв., когда в результате разгрома кыпчаков войсками Джучи-хана (о чем имеются сведения у Абу-л-Гази) и с появлением в Приуралье новых волн кочевников (правда, Р.Г. Кузеев не указывал, каких именно), происходит заселение кыпчаками всей юго-западной Башкирии, от Самары на юге до низовьев Белой на севере. Это, в свою очередь, повлекло за собой массовый сдвиг кочевников Приуралья на север, вплоть до Пермских земель, и на восток – на Урал и в Зауралье. Закончился этот процесс формированием на базе взаимодействия пришлых кыпчаков и местного прикамско-приуральского населения кыпчako-булгарской или урало-поволжской подобности языков кыпчакской группы и сложением тех этнокультурных признаков, которые и легли в основу современной этнической характеристики башкирского народа [28, с. 184–185, 463–481].

Накопленная к началу 1980-х годов источниковая база по археологии Южного Урала и Приуралья и существующие в то время точки зрения исследователей по поводу этнических интерпретаций тех или иных археологических культур вызвали к жизни концепцию Р.Г. Кузеева о Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО), в окончательном виде изложенную в специальной монографии, увидевшей

свет в 1992 г. [29]. Но предварительно основные положения этой концепции, касающиеся ранних этапов формирования Волго-Уральской ИЭО, были изложены в серии статей, выпущенных исследователем в соавторстве с коллегами – этнографами, лингвистами и археологами, в первой половине 1980-х гг. Согласно предложенной концепции, в истории означенной ИЭО выделяются шесть этапов, охватывающих время с середины II тыс. до н.э. по XIX в. включительно. Каждый из этих этапов характеризуется соответствующими этнокультурными изменениями, вызванными этнополитическими процессами евразийского масштаба. До середины II тыс. н.э. эти изменения иллюстрируются динамикой археологических культур в регионе.

Основное содержание четвертого этапа в истории Волго-Уральской ИЭО (для региона – период монгольской экспансии) – массовое расселение здесь кыпчакских племен, сыгравших роль этнического нивелира для местного (прежде всего – тюркского) населения. В плане контуров этнической карты региона это было время сокращения этнической территории волго-камских и приуральских финно-угров – мордвы, марийцев и удмуртов [30, с. 9–11; 31, с. 15–16; 32, с. 12–15].

Если в упомянутых выше работах давалась в основном общая схема этнической истории Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья, то в работах других исследователей уже проводилась конкретизация этнического состава населения отдельных районов региона в эпоху средневековья. Так, В.А. Кригер, проведя сравнительно-типологический анализ погребений XII–XIV вв. в степях Южного Приуралья и синхронных им памятников Нижнего Поволжья и восточных областей южнорусских степей, пришел (а параллельно с ним – и автор этих строк) к выводу о том, что по своим морфологическим признакам курганы эпохи Золотой Орды в степях Урало-Поволжья – типично кыпчакские [26, с. 114–115; 17, с. 94–96]. Он же первым обратил внимание на наличие в степном Приуралье двух локально-типологических групп курганов кыпчакского времени, отличающихся друг от друга оформлением надмогильных сооружений, ориентировкой погребенных, типами ритуальных конских захоронений, что в немалой степени способствует археологической конкретизации выдвинутого на основании письменных источников тезиса о полиэтничности кыпчакского кочевого объединения (Дешт-и-Къшчак), западная граница которого, как считает В.А. Кригер, проходила по Волге [27, с. 20–25].

Несколько позже в совместной монографии, посвященной анализу погребальных памятников Южного Приуралья XII–XIV вв. («кыпчакского времени»), В.А. Кригер и автор этих строк попытались обосновать их кыпчакскую принадлежность, используя для этого и сведения средневековых авторов, и археологические аналогии, и результаты историко-этнографических исследований [20, с. 55–68].

Обобщением всех выдвинутых к началу 1990-х гг. точек зрения на этногенетические процессы в регионе явилась монография Р.Г. Кузеева, посвященная истории формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО) [29]. В основе данного исследования лежит синтез данных археологии, антропологии, исторической этнографии и лингвистики, что позволило автору создать стройную, а главное – не противоречивую концепцию формирования этнической карты Урало-Поволжья начиная с эпохи древности.

Интересующую нас эпоху в истории населения региона Р.Г. Кузеев разбивает на несколько периодов, которые условно можно назвать «добулгарским», «булгарским» и «кыпчакским или золотоордынским». При реконструкции истории «добулгарского» периода исследователь во главу угла ставит проблему ранней тюркизации Урало-Поволжья и, на основании анализа системы этнокультурных интерпре-

таций имеющегося археологического материала первой половины I тыс. н.э. и данных исторической лингвистики, приходит к выводу о том, что начало массового проникновения тюрков в Волго-Уральскую область произошло не ранее последних столетий I тыс. н.э. и было связано с миграцией сюда болгарских племен [29, с. 46].

Процесс этот, по мнению исследователя, сопровождался установлением болгарской этнокультурной доминанты в лесостепной зоне региона, тогда как степи Приуралья и Заволжья в конце IX–X вв. становятся частью собственно тюркской, огузо-печенежской ойкумены. Составлявшие ее кочевнические племена буквально с самого начала своего расселения в регионе активно включаются в процессы формирования Волго-Уральской ИЭО через взаимодействие с этнокультурным миром волго-уральской лесостепи [29, с. 58 и сл.]. Но в целом Волго-Уральская степь с ее кочевническим (тюркским) населением к началу II тыс. н.э. становится южной границей рассматриваемой ИЭО [29, с. 66 и сл.].

В результате к началу монгольского нашествия в регионе складывается достаточно сложная этнокультурная ситуация, в которой наряду с булгарами заметное положение продолжали сохранять приуральские угры (носители чияликской культуры), хотя и находившиеся под мощным воздействием болгарской (тюркомусульманской) культуры [29, с. 78 и сл.].

Со второй половины XIII в., как считал Р.Г. Кузеев, этнокультурная пестрота в регионе нивелируется под воздействием кыпчакского этнического пласта, в эпоху Золотой Орды покрывшего степные и отчасти лесостепные районы Урало-Поволжья [29, с. 79].

В целом же следует подчеркнуть, что эпоха, предшествующая монгольскому нашествию на Восточную Европу, с источниковедческой точки зрения для Заволжья и Южного Приуралья оказывается наименее обеспеченной как археологическими, так и письменными данными. И дело здесь заключается не только и не столько в слабой изученности региона, во всяком случае – его степной части. В настоящее время в степях Южного Урала и Заволжья выявлены и исследованы 717 кочевнических погребений X–XIV вв., только 5,57% которых относятся к «послеогузскому» или домонгольскому – кыпчакскому периоду.

Столь же скудны и данные письменных источников, из которых к рассматриваемой теме можно отнести только три: «Свод тюркских слов» (Дивāн лугāt ат-турк) Махмуда ал-Кашгари (Махмуд Кашгарский), составленный в 70-е годы XI в., карту мира ал-Идриси, составленную в 1154 г., и письмо венгерского монаха Юлиана о его путешествии на Волгу в 1235–1237 гг.

«Свод тюркских слов» вместе с приложенной к нему картой мусульманского мира – это, по сути, атлас тюркских племен, известных мусульманскому миру в середине XI столетия. Из его содержания следует, что в то время тюркоязычные кочевники обитали – по отношению к «предместьям Рума» (границы Византии) – с запада на восток в следующем порядке: «...Бажанак (печенеги – *В.И.*), затем Кифжак (кыпчаки – *В.И.*), Угуз (огузы – *В.И.*), Йамāk (йемеки/кимаки – *В.И.*), Башгирд...» [5, с. 68–69]. На прилагаемой карте все эти народы обозначены в южной части Каспийско-Аральского междуморья, к востоку от Итиля (Волги) и Болгара, то есть в Заволжье и Южном Предуралье.

Карта Идриси – это, собственно, первое относительно подробное географическое описание Урало-Поволжья. Сочинение это компилятивное, источниками для него служили, во-первых, произведения арабо-персидских авторов IX–XI вв.: Ибн Хордадбега, ал-Йа'куби, Ибн Хаукаля, ал-Джайхани, Ибн Джафара, ал-Мас'уди и

др.; во-вторых – устные сообщения современников; в-третьих – античная географическая традиция [24, с. 27–36]. Поэтому на его карте нашли свое отражение как более ранние, так и современные автору сведения о странах и народах, которых сам Идриси не посещал и не видел.

Что касается Волго-Уральского региона, то именно из античной картографии (у Птолемея) почерпнул Идриси данные о географических координатах гор Аскаска (Уральские горы), откуда, как ему представлялось, берет свое начало р. Атиль (Волга) [25, с. 88; 43, с. 17]. На карте Идриси указаны Атиль с тремя ее истоками, под которыми подразумеваются реки Белая, Уфа и Ай, вытекающие с гор Аскаска (Южный Урал) [45, с. 27; 25, с. 89–90]. Кроме того, Идриси обозначает два безымянных притока Атиля, вытекающих с гор Айани, расположенных к северо-востоку от гор Аскаска, причем один из притоков имеет два истока в горах Айани. Развивая мысль Б.А. Рыбакова о том, что этот безымянный приток, вероятнее всего, Кама [45, с. 27], И.Г. Коновалова предполагает, что двойной исток этого притока – собственно Кама и ее правый приток Вятка, тогда как «второй безымянный приток Атиля, берущий начало в восточной части горы Айани, может соответствовать реке Вишере» [25, с. 91].

Ниже устья этого притока, в районе излучины Атиля указан тюркский народ булгары («bulgar min al turk»), в районе устья, между рекой (Камой-?) и горами Аскаска – народ «басгирт» («ard basgirt min al atrak»), на левом берегу Камы – города Кастр и Мастр, на левом берегу Атиля – город Каракия (Каркия). Севернее булгар и северо-западнее «басгирт» на карте обозначены печенеги («baginak min al turk»), что, по мнению Б.А. Рыбакова, «как будто бы указывает на то, что все эти географические подробности должны находиться в сравнительной близости от Печенежских (Жигулевских) гор, что и есть в действительности» [45, с. 31].

Точные географические координаты для народов, в XI–XII вв. населявших регион Урало-Поволжья, по карте ал-Идриси установить крайне затруднительно. Прежде всего потому, что, как было сказано выше, в тексте его книги (и, соответственно, на карте) переплелись сведения различных эпох. Между Каспийским (Bahg al Hozar) и Аральским (Buhaire Hoarazm) морями обозначены «страна гузов» (bilad al guzzia) и «бесплодная пустыня гузов» (mafauiz tagul fina al gozzia), что полностью соответствует данным Ибн Хордадбега, Ма'суди, Ибн Фадлана и других авторов IX–X вв., но не соответствует времени ал-Идриси, когда огузы-торки уже воевали с печенегами и отбивались от кыпчаков/половцев в степях Восточной Европы, а огузы-сельджуки вторгались в Византию.

Хазария как этнополитическое образование в середине XII в. уже не существовала, но на рассматриваемой карте она обозначена на своей исконной территории (ard al hozar). Понятно, что это – дань арабской географической традиции более раннего времени [24, с. 133].

«Страна басгирт» (ard basgirt) показана как в северо-восточном Прикаспии (ard basgirt al dahila – внутренние башкиры), так и в нижнем Прикамье (ard basgirt min al atrak – внешние башкиры). По мнению И.Г. Коноваловой, такое деление башкир ал-Идриси заимствовал у Ибн Хаукаля (вторая половина X в.), а тот, в свою очередь, – у ал-Истахри (середина X в.) [24, с. 240]. Новая информация касается только городов басджиртов: «Из городов внутренних басджиртов назовем Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как туземцы убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил» [цит. по: 25, с. 192]. В целом же исследо-

ватель считает, что «по приводимым ал-Идриси сведениям очертить – хотя бы приблизительно – возможный ареал обитания внутренних и внешних *басджиртов* довольно затруднительно, в первую очередь потому, что упоминаемые ал-Идриси города *басджиртов* не поддаются точной локализации» [24, с. 241].

Что у ал-Идриси действительно соответствует историческим реалиям середины XII в., так это локализация «Половецкой земли» (*ard al kumania*) к востоку от Днепра (*nahr dnabr*) и к западу от «рукава Атила», который И.Г. Коновалова отождествляет с Доном [24, с. 224]. А вот собственно кипчаков (*ard kifsak min al atrak*) автор указал далеко на востоке у подножия горной цепи Куфайя (*gebel kufaia*), отделяющей весь остальной мир от страны мифических Йаджудж и Маджудж (Гога и Магога) – очередная компиляция из более ранних авторов. Однако известный в настоящее время археологический материал свидетельствует о том, что в рассматриваемое время кыпчаки/половцы/куманы присутствовали и в степях Заволжья.

Распад ослабленного внутренними противоречиями Кимакского каганата в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен – *кунов* (*команов*) и *каи* – с востока. Следствием этого явилось изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада – в степном Приуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов – ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др., – исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности: обитавшие в северном Китае племена *кунов* в 30-е годы XI в. подверглись нападению со стороны *киданей* и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они подверглись нападению со стороны племени *каи* и, будучи вынужденными отступать дальше, обрушились на племя *шары* (*сары*) или *половцев*. Двигаясь далее на запад, группировка *кунов* и *шары* вышла к землям *кыпчаков*, лежавшим на пути их миграции, и смешалась с ними.

Результатом этого взаимодействия явилось утверждение политического господства кыпчаков в этом кочевническом объединении, хотя реальной военной силой там оставались *куны* (*команы*) и *шары* [22, с. 346]. Группировка *кунов-шары-кыпчаков* ударила по *гузам*, кочевавшим в Приаралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу [34, с. 124–126; 23, с. 136–138]. Так *шары* (*сары*)-кыпчаки становятся хозяевами Приуральских и Заволжских степей.

В настоящее время в Заволжье и Приуралье выявлено сорок погребений, относящихся к XII¹ – началу XIII в. (т.н. «кыпчакский домонгольский период») [20, с. 39]. Археологическая характеристика кыпчакских памятников Заволжья и Южного Приуралья публиковалась нами неоднократно [18, с. 86–93; 19, с. 200–201], поэтому в настоящей работе основное внимание будет уделено исторической географии кипчаков в регионе и их роли в этнокультурной карте домонгольского периода.

Большинство из них найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей², по рекам Волга, Еруслан и Узени. Кыпчакская этническая принадлежность памятников второй половины XI – начала XIII в. степного Заволжья и Приуралья сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Еще в 60-е годы прошлого столетия Г.А. Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов, в частности Рашид ад-Дина, связывал курганы XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье (саксин) с половцами-команами [47, с. 150]. Вслед за

¹ Или, вероятнее всего, ко второй половине XI в.

² 62,5% всех известных погребений.

ним Р.Г. Кузеев на основании данных исторической этнографии пишет о начале массового переселения кыпчаков на территорию современного Башкортостана в XIII в. [28, с. 171–172, 184]. Подобная ситуация предполагает высокую плотность степного населения – в данном случае кыпчакского, вынужденного расширять границы своей ойкумены за счет соседей. Однако имеющийся материал не позволяет судить столь прямолинейно.

Дело в том, что немногочисленные кыпчакские памятники в степном Заволжье и Приуралье фактически локализируются двумя гнездами, значительно удаленными друг от друга в пространстве. Первое гнездо – группа курганов XII – начала XIII в. в низовьях Большого и Малого Узеней на западе современного Казахстана (курганы Джангала; Джангала I; Джангала. Новая Казанка; Джангала; Кара-Оба; Озеро Раим), второе – курганы по левобережью Волги между устьем Еруслана и истоком Ахтубы (Покровск (Энгельс); Квасниковка; Мирный (Фриденберг); Визенмиллер I; Харьковка I; Ровное; Бережновка; Южная Гр.; Бережновка I; Политотдельское; Бережновка; Калиновский; Красный Октябрь; Бахтияровка II). В указанное время рассматриваемая территория как раз вступает в фазу гумидизации (увлажнения), пик которой (климатический оптимум) приходится на период Золотой Орды [21, с. 172–175; 50, с. 195]. Казалось бы, природные условия способствовали тому, чтобы кыпчаки стали ведущей этнополитической силой в волго-уральских степях с соответствующим археологическим выражением. И С.М. Ахинжановым в свое время было вдвинуто предположение³ о времени освоения кыпчаками степей Южного Урала. В частности, автор считал, что еще в XI в. кыпчаки, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища – джэйляу – в низовьях р. Камы, откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна [6, с. 51]. В известной степени у этого предположения есть и археологическое подтверждение – три кочевнических погребения XII – начала XIII в. на территории Заволжской лесостепи: Бабий бугор, Надеждинское, Белозерское.

Однако исследования кыпчакских археологических памятников в Приуралье последних лет все-таки приводят их авторов к заключению о том, что «мнение о кыпчакизации территории южной Башкирии в домонгольское время следует признать ошибочным» [14, с. 159]. Это подтверждается и результатами кластерного анализа краниологических серий населения территории современного Башкортостана и кыпчаков бассейна р. Урал XIII–XIV вв.: «в XIII–XIV вв. население Башкортостана и бассейна р. Урал отличалось по своему физическому типу» [11, с. 106]. Вместе с тем есть основания полагать, что отсутствие заметного этнокультурного влияния кыпчаков на население Урало-Поволжья в домонгольский период объясняется общим ходом этнополитической истории этого народа.

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, кыпчаки (тюрки-кыпчаки) впервые упоминаются в середине VIII в. на стеле в память Моюн-чура – как политические противники древнетюркских (тюркютских) племен; а в конце IX–X вв. арабо-персидские авторы (Ибн Хордадбех, «Худуд-ал-Алем») перечисляют кыпчаков среди основных этнополитических образований – кимаков, огузов и печенегов, расселявшихся в восточной части евразийских степей.

---

³ Логически, правда, производное из сведений письменных источников, в частности Ибн ал-Асира.

Археологические следы пребывания кыпчаков на этих территориях подразумеваются, но пока неизвестны. Поэтому вся азиатская история кыпчаков реконструируется исследователями по данным нарративов. Из них следует, что «в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле/токуз-огузов, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен – шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций.

Контакт с кыпчаками, «земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен (выделено мной – *В.И.*), но характер этого контакта неясен» [22, с. 346]. Что касается местонахождения «кыпчакских земель», то здесь С.Г. Кляшторный опирался на мнение Б.Е. Кумекова, установившего по результатам изучения арабских источников о кыпчаках, что «в IX–X вв. между Северным Приаральем и Южным Уралом кочевала отдельная группа *команов (куманов)*, которая в начале XI в. попала под политическое влияние кыпчаков».

Но тут тоже не все просто. Дело в том, что сам Б.Е. Кумек в своей, по сути, аннотационной работе, посвященной изложению истории кыпчаков средневековыми арабскими и персидскими авторами, со ссылкой на мнение Маркварта, которое автор считает «общепризнанным» (?), помещает кыпчаков на Южном Урале уже в IX в. Источниковой базой для подобного заключения служит сочинение ал-Бакри «Книга путей и государств» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») [35, с. 12]. Однако в тексте самого сочинения средневекового автора вообще нет никаких географических координат ни для кыпчаков, ни для других кочевых народов в регионе Каспийского моря⁴ [36, с. 58–60; 16, с. 72]. Одним словом, средневековые нарративы порождают современные дискурсы, которые затем сами становятся нарративами. И так, похоже, до бесконечности.

Из «Юань ши» (официальной хроники династии Юань), составленной в последней четверти XIV в., следует, что переселение кыпчаков из Внутренней Монголии на северо-запад, к горам Юйлиболи (Юй-ли-бо-ли шань) произошло в первой половине XI в. А горы Юйлиболи традиционно отождествляются с Южным Уралом, и Р.П. Храпачевский, по-моему, вполне убедительно показал – почему [49, с. 26–31]. То есть мы практически не имеем никаких данных, свидетельствующих о появлении кыпчаков в степях Заволжья и Южного Приуралья ранее 1050-х годов. До этого они в составе группировки других тюркских племен, среди которых особенно заметными были *куны* и *каи*, отступали под натиском киданей в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там они слились с другой группой тюркских племен – шары и басмылами. Усилившись таким образом, кочевники вплотную подходят к границам Хорезма и начинают вести войны за приаральские пастбища с хорезмшахами, вынуждая последних идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками [4, с. 61].

В это время кыпчакские племена составляют конфедерацию с единой материальной культурой и одним уровнем общественного развития. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (Эльбари, Ильбари), занимавшего местность

⁴ Кроме хазар на р. Итиль, что с учетом того, что ал-Бакри умер в 1094 г., также является откровенным анахронизмом, скомпилированным из более ранних источников.

Юйлиболи, которую, как уже было сказано, исследователи локализируют в степях северо-западного Казахстана и Южного Урала [4, с. 61].

Кроме кыпчаков в конфедерации кочевников заметную роль играли племена *йемеков* (кимаков), обитавшие в западной части Южноуральской степи, включая и степную Башкирию [5, с. 89]. Несмотря на различие этнонимов, средневековые авторы (М. Кашгари) подчеркивали генетическое родство и языковую близость кыпчаков и йемеков [34, с. 43]. С известной долей вероятности (захоронения под каменными конструкциями, характерными для кимаков) с йемеками/кимаками могут быть отождествлены несколько погребений XII – начала XIII в. на территории современных Челябинской, Уральской, Актюбинской областей (Каинсай, Змеиный дол, Большое Озеро, Лебедевка VIII, Лисаковский).

Ряд исследователей (Б.Е. Кумек, С.М. Ахинжанов) предполагают присутствие среди кочевников кыпчакской конфедерации монголо-язычных племен (*байандур, татар, эймюр*), появившихся в кимакском и огузском объединении сразу же после падения Уйгурского каганата в 840 г. [34, с. 47; 5]. В XI в. перечисленные племена составляли органичную часть кыпчакского этнополитического союза.

Таким образом, по данным средневековых письменных источников и археологии, степи Южного Приуралья (в частности Западный Казахстан) и Заволжья с середины XI в. выступают как территория расселения кыпчакских племен. И не случайно после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства «кочевых узбеков» [7], а позже – составной частью Среднего Жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени кыпчак [40, с. 70–75]. Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну р. Сакмары в конце XIV–XV в. селились такие роды кыпчаков, как кара-, ак-, санкем-, суун- и бушман-кыпчак [28, с. 185].

Сравнивая по имеющимся историко-этнографическим данным племенной состав кочевников восточной части евразийских степей со второй половины VII по XIV–XVI вв., мы видим постоянное присутствие в нем основных наиболее крупных племен (кыпчаки среди них представляются наиболее устойчивым этнокультурным образованием) и постоянно меняющихся мелких этнических объединений (см. табл.). Удельный вес кыпчаков в том или ином этнополитическом объединении мог изменяться, но они никогда не растворялись среди других этнических групп.

Доминирующая роль кыпчакских племен в степи подтверждается также присутствием кыпчакских родо-племенных объединений в составе других этнических массивов Великого пояса степей и его окраин (узбеков, каракалпаков, татар).

Племенной состав кочевников восточной части степей Евразии в эпоху средневековья

Кимакское объединение (по Б.Е.Кумек)у)	Кыпчакское объединение XI–XIII вв. (по С.М.Ахинжанову)	Кочевники Золотой Орды XIII–XIV вв. (ал-Нувайри, Ибн-Халдун)	Казахи Среднего Жуза (по М.С.Муканову)
1. <i>Кимаки</i> (<i>йемек, имак</i>)	1. <i>Кыпчаки</i> (шары, ильбари)	1. Бурлы (<i>эльбури</i>)	1. Аргыны
2. <i>Кыпчаки</i>	2. <i>Кай</i> (<i>кимаки</i>)	2. <i>Токсоба</i>	2. Найманы
3. Ими (эймюр)	3. Йемеки	3. <i>Йета</i> (<i>сета</i>)	3. <i>Кыпчаки</i>
4. Татары	4. Югуры	4. Дурут	4. Керей

5. Байандур	5. Байауты	5. <i>Карабирикли</i> (<i>черные клубуки, каи,</i> <i>байандур</i>)	5. Конраты
6. Ланиказ	6. Канглы	6. Кангуоглы	6. Уаки
7. Аджлад	7. Кидани (куны)	7. Карабароглы	
	8. Печенеги	8. Андоглы (оглы)	
	9. Огузы	9. Бурджоглы	
	10. «Башкиры»	10. Джузан (джерсан)	
		11. Котян (кунун)	

Итак, письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XII–XVI вв.

География кимако-кыпчакских памятников в регионе неравномерна. Большинство из них (60%) обнаружены в степном Заволжье, на территории современных Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей. Из них 45% находятся на берегах Волги и ее правых притоков – Самары, Еруслана, Ахтубы. Остальные погребения разбросаны по территориям Оренбургской (Белый Ключ, Буранчи), Уральской (Базар-Тобе 1, Джангала, Курпе-Бай, Озеро Раим, Лебедевка VII) и Челябинской (Солнце, Третий Плес, Каинсай, Змеиный Дол) областей.

Практически везде интересующие нас погребения являются одиночными, за исключением могильников Визенмиллер и Озеро Раим, где найдены по два парных кимако-кыпчакских захоронения. Если разложить их по территории степной части Заволжско-Приуральского региона, площадь которой составляет приблизительно 560000 км², то получится по одному погребению на 14000 км²! О чем это говорит? Только о том, что кимако-кыпчакские племена осваивали Заволжье и Приуралье, находясь на первой (таборной) стадии кочевания, для которой характерны «разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специалистам в полном виде» [41, с. 17]. Или вообще прошли эту территорию без длительных остановок, преследуя отступавших гузов и печенегов.

Косвенным подтверждением данного предположения может служить следующее обстоятельство: в составе вещевого комплекса кимако-кыпчакских погребений Заволжья и Приуралья совершенно отсутствуют образцы болгарских ремесленных (ювелирных) изделий. Более того, по ассортименту инвентаря только 17,5% рассматриваемых погребений, содержащие украшения – ожерелья из цветных бусин (Буранчи, Мирный, Ершовка, Покровский) или ожерелье и височную подвеску с напускной бусиной (Ново-Троевское), – могут трактоваться как женские.

Отсутствие болгарских изделий у кочевников Заволжья и Приуралья выглядит странным по следующим причинам: во-первых, в домонгольский период (XII – начало XIII в.) Волжская Болгария уже заявила о себе как о развитом торговом-ремесленном государстве со своими ювелирными мастерскими, работающими не только на внутренний, но и на внешний рынок⁵; во-вторых, став мусульманской страной, Волжская Болгария «превратилась в центр монопольной торговли Северо-

⁵ Наглядное свидетельство этому – остатки ювелирных мастерских со следами серийного производства украшений в Болгаре, Биляре, Муромском городке и др. [12, с. 72; 42; 33, с. 84–103; 37, с. 33–40; 44, Гл.3; 9, с. 151–153].

Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком». Один из путей этой торговли – Булгар-Джурджания – как раз и проходил через степи Заволжья и Южного Приуралья [48, с. 13–14]. В это же время, как известно, начинается массовый приток болгарских изделий в лесное Прикамье [10].

На этом фоне объяснение отсутствию археологически фиксируемых торговых контактов кимако-кыпчаков с болгарами может быть только одно: занятые войной с гузами и печенегами они стремительным броском преодолели степи Заволжья и Приуралья и в основной своей массе ушли в Восточную Европу.

Оставшиеся в Заволжье и Приуралье кимаки (йемеки), команы-сары и кыпчаки представляли собой восточную периферию «Дешт-и Кыпчак» и, судя по имеющимся материалам, в степях Урало-Поволжья были немногочисленными. Вполне резонно также предположить, что заволжские кочевники не принимали заметного участия в политической жизни хозяев «Половецкого Поля». Во всяком случае, известный нам на территории региона археологический материал, своим однообразием и невыразительностью резко контрастирующий с синхронными памятниками «Половецкого Поля», указывает только на то, что они здесь были...

Вполне вероятно, что заволжские племена могли уже переходить и ко второй стадии кочевания, характеризующейся появлением постоянных мест для сезонных стойбищ – летовок и зимовок [41, с. 36]. Подобными местами могли быть районы устья Еруслана и Узней, где, в общей сложности, сконцентрированы более 30% кочевнических погребений XII–XIII вв.

Список литературы

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск, 2000.
2. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940.
3. Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртыше // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1985.
4. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
5. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1976.
6. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
7. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
8. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.
9. Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
10. Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.
11. Бермишева М.А., Иванов В.А., Кингябаева Г.А., Лейбова (Суворова) Н.А., Лобов А.С., Пестряков А.П., Савельев Н.С., Спицын В.А., Спицына Н.Х., Чижикина Т.П., Халдеева Н.И., Хусаинова Р.И., Хуснутдинова Э.К., Юнусбаев Б.Б., Юсупов Р.М. Антропология башкир. СПб.: Алетей, 2011. 496 с.
12. Валеев Р.М. Торговля Биляра по археологическим данным // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. С. 69–79.
13. Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.

14. Гарустович Г.Н. Степные кочевники в пределах Башкортостана. К вопросу о причинах и времени расселения кыпчаков в лесостепной зоне Южного Урала // Кыпчаки Евразии: история, язык и письменные памятники. Астана, 2013. С. 148–161.

15. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 17–31.

16. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.

17. Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 75–97.

18. Иванов В.А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...): Сб. статей. Серия «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века». Вып. 2. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 77–100.

19. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Филиппчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии [текст]: коллект. монография / В.А.Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В.Филиппчук. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.

20. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988.

21. Иванов И.С., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-Песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.

22. Кляшторный С.Г. Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. Т. 1. Казань, 2002. С. 328–346.

23. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

24. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Вост. лит., 2006. 328 с.

25. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

26. Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 102–116.

27. Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

28. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 570 с.

29. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

30. Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Иванов В.А., Моисеева Н.Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982.

31. Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V–XVI вв.). Препринт. Уфа, 1983.

32. Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI вв. и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 3–22.

33. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985.

34. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

35. Кумекоев Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. Алма-Ата: «Наука» Каз. ССР, 1987.

36. Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I // Записки Императорской Академии наук. Т.32. Прил. №2. СПб., 1879.
37. Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок. Самара, 1998.
38. Махмūd ал-Кāшгарй. Дивāн лугāt ат-турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М.Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
39. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 360 с.
40. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алмата, 1974.
41. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. 187 с.
42. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
43. Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. Уфа, 2001. 161 с.
44. Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001.
45. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси // КСИИМК. Вып. 43. М., 1952.
46. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966.
48. Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 12–22.
49. Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников). М.: ЦИВОИ, 2013. 125 с.
50. Якимов А.С., Демкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИА Природа, Фонд «Ионосфера», 2007. 228 с.

§ 4. О религиозных верованиях тюркских племен и распространении ислама у огузов и кыпчаков

Геннадий Гарустович

На протяжении нескольких последних столетий вся южная часть современного уральского региона служила местом расселения кочевых тюркских племен, этнические компоненты которых вошли в состав современных народов Европы и Азии (ногайцев, татар, башкир, казахов и др.). Археологические исследования в Волго-Уральском регионе и Западном Казахстане позволили выявить и надежно сопоставить погребальные памятники степной полосы первой половины II тыс. н.э. (фактически конца IX – начала XV в.) с конкретными тюркскими народами: печенегами, огузами, кыпчаками и кыпчакоязычными этносами золотоордынского периода. Приток в регион в ходе монгольского нашествия (в конце первой половины XIII в.) небольшой части монголоязычных родоплеменных групп не изменил основной этнической доминанты в волго-уральских степях, поскольку пришельцы очень быстро ассимилировались в местной (тюркской) среде. При этом наличие многочисленных курганных захоронений в степи позволяет решать проблемы не только этногенеза, но и культурогенеза тюркских племен, в частности ставить вопросы о характере религиозных верований кочевников эпохи средневековья. Конец бытования подкурганного способа захоронения в XV в.

напрямую связан с процессом утверждения ислама в регионе, поскольку шариат строго запрещает возводить насыпи над могилами правоверных.

Основу традиционных религиозных верований тюркских племен составляло обожествление сил природы, и они отличались последовательным политеизмом. Иерархичность пантеона тюркских племен и наличие верховного божества – небесного Тенгри вовсе не говорила о каком-то «стихийном монотеизме», а была типичной для потестарных и раннеклассовых сообществ (Зевс, Юпитер, Один, Перун и др.). Высший творец мира – благодетельный и правосудный Тенгри возглавлял небожителей и распоряжался судьбами всего народа; по его воле и с его поддержки правили каганы тюрков. Выразительница женского начала и плодородия Умай или владыка загробного мира Эрлик почитались не меньше Вечного Синего Неба, хотя занимали в иерархии в определенном смысле второстепенное положение. А богиня Йер-Су (Земля-Вода) воспринималась скорее как духовно-природная субстанция, синоним понятия «родная земля». В религиоведении языческие верования тюрков относятся к шаманизму, с развитой демонологией и выраженным культом предков. По их представлениям, существовало два мира – реальный и сверхъестественный, а путешествие в потусторонние сферы было доступно лишь шаманам (камам). Трихотомия тюркской космологии характеризуется структурной организованностью пространства по вертикали: Верхний мир богов, Средний мир живых существ, Нижний мир мертвых – с возможностью взаимной коммуникации. Верхний и Нижний миры могли иметь по несколько уровней (ярусов). Горизонтальное пространство в универсальной модели макрокосма тюркских народов (В-З и С-Ю) сходилось в архетипическом центре – Мировой оси, выражавшейся в категории Мировой горы или Мирового дерева. В основе теологической доктрины тенгрианства лежал постулат о непрерывности течения жизни и постоянном ее воспроизводстве (сегментации).

Земли и воды окружающего мира населяли многочисленные духи – хозяева гор, лесов, рек, перевалов, которые нуждались в регулярных жертвенных дарах. Важная роль предавалась поклонениям солнцу, луне, огню. Еще больше в магических воззрениях тюрков занимали почитания духов умерших предков (арвахов) – покровителей рода и племени, призванных представлять интересы людей перед богами и защищать соплеменников от воздействия вредоносных сил из запредельного мира. Языческая религия – это не только идеология, но и психология, а также практика сложных священнодействий.

Ритуалистика разных тюркских народов хоть и имела устойчивые формы (моления и жертвоприношения), но различалась по функциям: заупокойные обычаи, промысловый культ, повышение плодородия, демонологическая безопасность, очистительные обряды и т.д. Ритуалы выражались как в личных (семейных), так и в общественных церемониях. Мнение богов и духов о планируемом мероприятии кочевники выспрашивали посредством различных гаданий. Руководили оккультными практиками «избранники духов», посредники между видимой и невидимой сферами (между сакральным и профанным мирами) – шаманы, носители загадочной духовной силы, мудрецы, философы, целители и предсказатели. Жрецами могли быть как мужчины, так и женщины, а важнейшим «инструментом» шаманского общения с духами считались камлания (радения). В обществе почитались знахари (знатоки брэнного мира), сказители (хранители преданий и мифологических доктрин), а также кузнецы. Элементом древнего мировоззрения тюрков были выраженные пережитки тотемизма, например культ волка, орла, лебедя и т.п.

Отметим, что в ритуальной сфере племенные особенности различных тюркских племен выступают наиболее выпукло: практиковалось как сожжение умерших, так и труположение. В Волго-Уральском регионе (у печенегов, огузов и кыпчаков) типичной была ингумация под курганными насыпями, в сопровождении шкуры лошади. К слову сказать, в нашем регионе проблема изучения конкретных форм религиозных верований тюркских народов эпохи средневековья лишь в последние годы стала предметом внимания специалистов. Причины здесь кроются, в первую очередь, в значительной фрагментарности источниковой базы, а также в сложности интерпретации имеющейся информации. Скажу сразу, что археологические источники в контексте данного аспекта нашей темы могут выступать как иллюстративный, датирующий, уточняющий, но никак не основной фактор. И они не могут подменить собой малое количество сообщений письменных источников.

Сейчас наиболее аргументированно мы можем рассматривать не столько специфику религиозных верований тюркских племен, сколько вопросы распространения у них мусульманской религии. Объектом анализа языческая идеология **печенегов** стала лишь в последнее время [11, с. 158–167]. У нас нет какой-либо информации, позволяющей говорить о распространении ислама у печенегов в IX–X вв., то есть в период их жизни в степях Предуралья и Западного Казахстана. Известны попытки пропаганды у них монотеизма в Северном Причерноморье [12, с. 66–75], но поскольку эти события происходили за пределами нашего региона, мы ограничиваемся лишь их упоминанием.

Если же говорить об **огузах**, то можно определенно констатировать то, что к ним ислам начал проникать уже в начале X века. Племенное объединение огузов достигло пика своей политической и культурной активности в промежуток между IX и XII вв., а это было время расцвета арабской географической литературы. Однако несмотря на многообразие сообщений об огузских племенах, всегда нужно помнить о том, что «...сведения иноземных наблюдателей, имевших прямые или опосредованные контакты с тюрками, часто уникальны, но возможности их использования ограничены недостаточной определенностью, а зачастую и тенденциозностью изложения, так как в сообщениях воспроизводится совершенно чуждый наблюдателю мир, с трудом адаптируемый в рамках иных концепций» [15, с. 243]. К великому сожалению, до наших дней сохранилось много пересказов компиляторов и крайне мало рассказов очевидцев.

К разряду достоверных источников, вне всякого сомнения, относится книга Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада – арабского путешественника, секретаря посольства багдадского халифа ал-Муктадира к правителю Волжской Булгарии Алмушу. Путешествие из Хорезма на Среднюю Волгу проходило в 922 г. (X в.). «Рисала» написана участником событий, сразу после завершения его путешествия [16]. Ибн Фадлан описывает огузские племена на территории их расселения в пределах современного Западного Казахстана, они заняли данные степные области незадолго до этого, вытеснив живших здесь ранее печенегов за Волгу. Труд Ибн Фадлана можно считать одним из самых ранних нарративных источников, содержащих сведения о проникновении мусульманской религии в среду тюркоязычных кочевников – огузов.

Политеизм тюркского народа уже в двадцатые годы X в. стал давать ощутимые трещины. В «Рисала» неоднократно подчеркивается стремление людей повторять за арабами символ веры или благочестивые восклицания с упоминанием

Бога, а также их внимание к чтению Корана. Но это не мешало огузам задавать сотрудникам посольства «богохульные» вопросы. *«Я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха», ...но не выражая этим никакого убеждения»* (здесь и далее выделено мною – Г.Г.)... Один из них сказал: *«Дай мне услышать чтение». Коран ему понравился»*. Можно предположить здесь простое людское любопытство и стремление пообщаться с чужестранцами, но не исключен и заинтересованный интерес кочевников. Мусульмане пытались проповедовать истинную религию самыми различными способами. Видимо, миссионерская роль Хорезма была особо значимой, но и арабы Передней Азии внесли свой вклад в благочестивое дело. Ибн Фадлан упоминает такую ситуацию: *«С нами было письмо к нему (т.е. к «начальнику войска» огузов – Г.Г.) Назира ал-Харамы, в котором он предлагает ему принять ислам и побуждает его к нему. [При этом] он послал ему [т.е. огузу, в дар] пятьдесят динаров..., три мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды..., сапоги из красной кожи, одежду из парчи и пять шелковых одежд»* [16, с. 129]. Свою роль играли также брачные связи вождей огузов с мусульманскими правителями Волжской Булгарии. *«Тархан самый знатный из них и самый выдающийся из них... сказал им: «Подлинно, вот это послы царя арабов к моему зятю Алмушу сыну Шилки...»* [16, с. 129].

Проводники посольства и переводчики были тюрками, что облегчало им общение с местными жителями и восхваление своей веры. Ибн Фадлан называет имя тюрка-мусульманина (Текин Тюрюк), а также упоминает неофитов из «башгурд» и болгар. И все же раньше всего мировая религия проникала отнюдь не в среду простых кочевников. Первыми мусульманами становились представители аристократии [10, с. 44–45]. Везде, где монотеистические религии укреплялись мирным путем, заинтересованность элиты заметно превосходила стремления широких народных масс. Огузы не составляли здесь какого-либо исключения. Именно верхи общества стремились приобщиться к благам исламской цивилизации, они же выступали основными потребителями предметов роскоши. *«Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, [был] Йынал Маленький. Он прежде принял [было] ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от своего ислама...»* [16, с. 125–127].

Религиозная принадлежность никогда не мешала тюркским кочевникам нападать на мусульманские страны. Анонимный автор «Худуд ал-Алам» («Картины мира»; 982–983 гг.) писал об огузах: *«Они владеют оружием... и храбры в войне. Они непрерывно нападают на земли ислама, уничтожают все, что ни есть на пути, и отступают, как только сочтут это возможным»* [23, p. 100–101].

Итак, процесс проникновения новой религии в кочевническую среду в X в. тормозился неготовностью широких слоев общества отказаться от почитания верований предков. Внутренняя идеологическая борьба была напряженной и длительной. Воспоминания о тяжелом конфликте внутри общества даже вошли в состав легенд. Абу-л-Гази приводит пересказ народных преданий о легендарном Огуз-хане, в которых говорится о том, что Алтынджа-хан (предок Огуз-хана) *«...опьянел от богатства и забыл бога; все стали неверными. Во времена Каракхана неверие стало столь сильным, что сын, услышав о том, что его отец стал мусульманином, убивал [его]. И отец, услышав, что сын его стал мусульманином, убивал [его]... Огуз-хан призвал весь иль стать мусульманами. Тех, кто стали мусульманами, тех он осыпал милостями, тех, кто не стал, – преследовал; их*

самих убивал, [а] детей их обращал в рабов» [17, с. 40]. В русле борьбы истинной религии и язычества в «Родословной туркмен» трактуется война Огуз-хана с отцом – Кара-ханом. Сын-мусульманин победил, а «или (племенные подразделения) Кара-хана, принявшие ислам, присоединились к Огуз-хану» [17, с. 40–42].

То, что легенды имели под собой реальную историческую основу, свидетельствуют достаточно многочисленные сообщения средневековых мусульманских авторов. В своем труде «Естественные свойства животных» ал-Марвази (XII в.) говорит об огузах: *«Когда они стали соседями мусульманских стран (Мавераннахр и Хорезм), часть из них приняла ислам. Они стали называться туркменами. Между ними и между теми, кто не принял ислама, вспыхнула вражда. Затем число мусульман среди них умножилось, и был хорошим их ислам. Они одолели неверных и прогнали их. [Те] отошли от Хорезма к местопребыванию печенегов... Туркмены переместились на восточные [земли] гузов, а гузы переселились в землю печенегов, поблизости от берега Черного моря...» [26, с. 212].*

Из слов уроженца г. Мерва становится ясно следующее: **1.** принятие «веры арабов» привело к внутреннему расколу огузского союза племен и к гражданской войне; **2.** приверженцы традиционных верований пытались оказывать вооруженное сопротивление мусульманским неопитам; **3.** в итоге язычники были побеждены и вынуждены уйти на запад – в Причерноморье. По всей видимости, правы те исследователи, которые видели в торках русских летописей огузов-шаманистов. Они были вытеснены своими соотечественниками (туркменами-сельджуками) из Приаралья и шли, «подгоняемые в спину» кыпчаками. Ал-Марвази (как и другие географы) конкретно говорит о роли Хорезма в деле пропаганды ислама. Представители какого-то народа (может быть, волжские булгары?, хотя Марвази ошибочно упоминает русов; но ведь и Ибн Фадлан называл булгар «сакалибами» – славянами) *«...захотели принять ислам... Они послали послов к правителю Хорезма... Хорезмшах обрадовался этому, поскольку они пожелали стать мусульманами. Он послал к ним того, кто научил их законам ислама» [26, с. 216].*

В конечном итоге ислам утвердился в огузской этнической среде, и в XI–XII столетиях они превратились в туркмен-мусульман, сельджуков, турков. Бируни и Марвази называли огузов принявших ислам туркменами [27, с. 51–52]. Но от рассматриваемых нами событий до полного триумфа мусульманской религии прошло еще более столетия [8, Глава 1]. Однако последующие идеологические коллизии в этнической среде огузов происходили за пределами рассматриваемого нами региона, поэтому мы не будем на них останавливаться.

В любом случае, в основной своей массе племена «Дешт-и Огуз» в XI в. не стали приверженцами мировой религии, поскольку и туркмены-мусульмане, и огузы-язычники были вытеснены новой волной кочевников с востока – **кыпчаками-шаманистами**. «Очистив» степь от огузов, вынужденных бежать на запад (в циркумпонтийскую зону) и на юг (в Среднюю Азию и дальше – в Иран), кыпчаки заняли территории почти от Алтая до Дуная. Степи Евразии на многие столетия получили название «Дешт-и Кыпчак».

По всей видимости, именно к племени кыпчакского союза относится сообщение Ибн ал-Асира (1160–1234) о приобщении к исламу осенью 1043 г. тюркского народа в 10 000 шатров (у Абул-л-Фида – 5 000 шатров) [3, с. 100]. О данном племени сообщается лишь то, что лето они проводят возле земель булгар (на Волге), а зимой откочевывают к Баласагуну. По мнению С.М. Ахинжанова, «здесь нужно иметь в виду кыпчаков», добавляя при этом (вслед за академиком

В.В. Бартольд), что еще в XII в. подавляющее большинство кыпчаков не были мусульманами [2, с. 186]. В преданиях об Огуз-кагане (мифическом предке уйгурских племен) сказано: «Он послал род кыпчаков, чтобы они поселились между *ит-бараков* (печенегов в Причерноморье) и *Яиком* (р. Урал)... с той поры там и *находятся летние и зимние кочевья кыпчаков*». Позднее, дождавшись возмужания Кипчака, Огуз-каган послал его против взбунтовавшихся народов, среди которых названы маджары [21, с. 498]. Кыпчаки прочно занимали области к востоку от Уральского хребта еще в XI веке [2, с. 161–162], а их степные территории уходили далеко на запад. Перечисляя тюркские племена с запада на восток, Махмуд Кашгари упоминает йемяков (родственников кыпчаков – емяков), то есть где-то вблизи Предуралья [22, с. 68], там же их фиксируют русские летописи под именем половцы-емякове [20, с. 389; 24, с. 9]. Позднее, в XI в., Половецкая степь в Причерноморье и степи кыпчаков, разделенные руслом Волги, были мало связаны между собой. Цивилизационные центры притяжения у них также были разными. Для половцев – христианские Русь, Византия и Венгрия, а для восточных кыпчаков – мусульманские Хорезм и Волжская Булгария.

Для Хорезма и других районов Средней Азии почти на двести лет (от середины XI и до первых десятилетий XIII в.) их северные границы стали территорией постоянных войн, а точнее – ареной регулярной борьбы с набегами кыпчаков. Степняки не ставили целей завоевать эти территории (им это было не по силам), но грабили они их с завидной последовательностью. Многочисленные восточные источники постоянно повествуют о борьбе хорезмшахов с неверными (т.е. язычниками) из кыпчаков и канглы. Среднеазиатские правители отражали набеги, а потом перешли к более активной политике, с регулярными рейдами в степь – против зимников кыпчаков. Эти походы Ан-Насави называл «устрашением безбожия». Затем хорезмийцы стали массово привлекать кочевников в свое войско, принуждая их при этом принять ислам и воевать с соплеменниками-шаманистами [см.: 1, с. 59–70; 2, с. 203–220; 7, с. 46, 51, 62. См. также: Глава 4]. Но источники единодушно говорят нам о том, что до переселения в Среднюю Азию эти группы кыпчаков не придерживались ислама (Ал-Багдади, Ан-Насави, Джувейни, Джузджани). Даже тесть султана Мухаммада (отец Теркен-Хатун) стал мусульманином, лишь поступив на службу к хорезмшаху Текешу. В нарративных источниках, до поступления на службу в армию Хорезма, все степняки: кыпчаки, уранийцы, канглы, карлуки, уграки – названы «неверными». На основе этих данных историки и формулируют выводы о том, что «*даже на Сыр-Дарье, по соседству с Хорезмом, кыпчаки до конца XII в. не были мусульманами, вообще ислам до монгольского нашествия еще не был религией большинства тюрков и был мало распространен...*» [3, с. 209].

Интересный (хотя и опосредствованный) факт фиксируется в башкирских родословных. Согласно им, племенные вожди в XIII–XV вв. носили звание «бий», и лишь в шеджере кыпчаков встречаются титулы 'хан' и 'султан': среди предков кара-кыпчаков названы Исмагил-хан, Алмай-хан (прозванный Ал-султаном), Кузы-султан. А уже сын этого последнего правителя – Бускун назван бием, как и его потомки (Бабсак-бий, Кусяк-бий, Икусак-бий) [5, с. 116–117]. По всей видимости, эти лидеры были ханами еще до переселения разбитых кыпчаков в пределы Южного Урала (т.е. во время их господства в Дешт-и Кыпчаке). Здесь в смене титулатуры отразились реалии монгольской экспансии, когда правители кыпчакских племен еще обладали полным суверенитетом. После понесенного пора-

жения от монголов кыпчаки вынуждены были спасаться в пределах лесостепного Башкортостана.

Далее. Интересен факт замены тюркского звания «хан» на мусульманский титул «султан». Это произошло в период правления хана Алмая, который сумел стать также султаном. По нашему предположению, данная новация была связана с постепенным распространением ислама среди степных кочевников. Подобную коронацию могли осуществить лишь хорезмшахи, либо мусульманские правители Волжской Булгарии (за службу или союзнические отношения). Причем, судя по имени «сына» первоупрека племени Кыпчака – Хушнэк [5, с. 95–96] (а это легендарный иранский воин Хушенг из «Шах-наме» Фирдоуси), события превращения кыпчакских ханов в султанов все же связаны с ираноязычным Хорезмом конца XII – начала XIII в. [13, с. 80].

Кыпчакские родовые группы, оседавшие в северных городах Средней Азии, быстро становились новообращенными. Но даже в пограничных с мусульманскими странами районах можно говорить лишь о частичной исламизации кыпчаков. Скотоводы степных просторов, безусловно, оставались приверженцами традиционных тюркских верований, о чем археологические памятники свидетельствуют со всей определенностью. Процесс проникновения новой религии развивался, но проходил медленно и не получил завершения в связи с бурными коллизиями монгольского нашествия. Еще более чем сто лет степь оставалась прибежищем языческих верований, а дальнейшие судьбы кыпчакских этнических групп оказались связанными с историей Золотой Орды.

Теперь мы посмотрим на проблему истории кыпчаков домонгольского периода с точки зрения археологии. Самая главная проблема этого периода заключается вовсе не в том, во что верили степняки-кыпчаки, а по причине удивительно малого числа их памятников в Волго-Уральском регионе. Из сообщений письменных источников нам рисуется мощная группировка племен, представители которой оставили свой значительный след в истории Хорезма. Но если рассматривать реально выявленные археологические комплексы домонгольских кыпчаков в нашем регионе, то бросается в глаза единичное количество погребений (их в несколько раз меньше, чем захоронений огузов и печенегов). Так где же жили кыпчаки? На этот вопрос до сих пор нет ответа. А проблема осложняется еще и тем, что в нашем регионе найдено достаточно много каменных изваяний, которые по традиции считаются древностями кыпчаков домонгольского периода [6, с. 210–244; 9, с. 23–32]. Говоря другими словами, самих кыпчаков нет, а следы их присутствия в регионе есть. Почему?

Попытку объяснения данного противоречия предпринял В.П. Костюков [19, с. 73–89]. Его точка зрения состоит из двух основных тезисов: **а)** каменные изваяния Южного Урала оставлены кыпчаками, но не в конце XI – начале XIII в., как это принято считать, а позднее, возможно, во второй половине XIII в. Другими словами, кыпчаков домонгольского периода археологи не находят (точнее – редко находят) потому, что они здесь в это время практически не жили (расселясь где-то восточнее уральского региона); **б)** автор попытался трактовать как кыпчакскую серию впускных погребений из насыпи кургана №20 Казакбаевского–II могильника (Кунашакский р-н Челябинской обл.) [18, с. 73–89]. Здесь в ходе раскопок 1998 г. расчищены 22 средневековых захоронения с СЗ и ЗСЗ ориентировками головы. В безинвентарных погребениях фиксируется разворот лица на кыблу (в сторону Мекки). Принципиально важным моментом можно считать радиоуглеродную дату

по костям покойных: 870 ± 90 ВР – калиброванные значения календарных интервалов составляют 1044–1254 (1σ) и 1016–1289 (2σ) [18, с. 88].

В.П. Костюков сформулировал несколько важных выводов: **1)** «какое-то количество памятников XI – начала XIII в. находится в блоке так называемых «раннемусульманских» погребений. Малочисленность погребений XI – начала XIII в. может быть, в некоторой степени, мнимой, обязанной устоявшемуся отношению к любому погребению с мусульманскими чертами, как объекту заведомо моложе середины XIV века»... «Лишь благодаря радиоуглеродному датированию, предположение о раннем распространении ислама среди кочевников урало-казахстанского региона получает некоторую почву» [19, с. 445]; **2)** Больше-казакбаевский некрополь «...мог быть оставлен кыпчакскими беглецами периода среднеазиатской компании» монголов. «Распространителями ислама могли стать кыпчаки, ушедшие на север степи»; **3)** автор сближает могильник с «южными некрополями» в Средней Азии [19, с. 446].

По нашему мнению, рассматриваемый могильник не имеет не только кыпчакских, но и каких-либо среднеазиатских черт (к примеру, здесь нет цист, не использовалась пахса, нет даже следов кирпичных надмогильников и т.д.), при этом он абсолютно идентичен мусульманским некрополям Предуралья. Следовательно, вопрос о причинах малого числа кыпчакских погребений домонгольского времени остается открытым. А что касается датировки каменных изваяний, то мы склонны согласиться с хронологическими выкладками В.П. Костюкова (т.е. эти изваяния действительно относятся ко второй половине XIII – началу XIV в.).

В качестве заключения приведем высказывание о религии половцев домонгольского времени Жака (Якова) де Витри (около 1160/80–1244) из его «Восточной истории»: *«Множество племен и большое число язычников обитают в основном в Северных странах – на просторах, окружающих Меотидские болота, а также на землях Булгарии и Комании, простирающихся вплоть до самых рубежей Венгрии. А те, кто осел на границах царства Дакия и прилегающих к нему стран, отказываются подчиняться закону Магомета. И поскольку от всех прочих западных и восточных сарацинов их отделяет большое расстояние, они не опасаются, что будут принуждены к этому силой или угрозой. А посему и до сего дня упорствуют в древних своих заблуждениях, благоговейт перед идолами, почитают их и им поклоняются. Прочие же, словно скот, не имея ни закона, ни писания, ни грамоты, деревья, рожи, скотину да и вообще то, на что укажет воля случая, принимают за Бога, целыми днями оное почитают и перед оным преклоняются»* [14, с. 222]. А о восточных соплеменниках половцев – кыпчаках писал несколькими годами позже историк Гайтон (со слов армянского царя Хетума I (1213–1270), совершившего путешествие в Монголию в 1253–54 гг.; в труде «Цветник историй земель Востока»): *«Жители этой страны (т.е. урало-казахстанских степей – Г.Г.) почти все как один живут в шатрах... Столица этого царства именуется Отрар... А люди этой страны прозываются турками и почти все как один веруют в ложные заповеди закона Магомета. Впрочем, среди них встречаются и язычники, у которых нет ни закона, ни веры»* (т.е. они не верят в единого бога – Г.Г.) [14, с. 220]. Таким образом, вблизи северных пределов Средней Азии приобщение к мусульманской религии кыпчакских племен началось еще в домонгольский период, но завершился этот процесс лишь в XIV в., в ходе исламизации всего Улуса Джучи, да и то не в полном объеме.

Список литературы

1. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII века // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1973. С. 59–70.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989. 293 с.
3. Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: «Наука» ГРВЛ, 1968. 757 с.
4. Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: «Наука» ГРВЛ, 1973. 725 с.
5. Башкирские шежере / Сост., комм. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.
6. Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: «Рифей», 1996. С. 210–244.
7. Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегинидов. 1097–1231. М.: «Наука» ГРВЛ, 1986. 248 с.
8. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: «Гилем», 2001. 212 с.
9. Гарустович Г.Н. Древнетюркское языческое святилище с каменными изваяниями на реке Макан в Башкортостане // Вестник АН РБ. 2005. Т. 10. №2. Уфа. С. 23–32.
10. Гарустович Г.Н. Ахмед Ибн-Фадлан об общественной организации и религиозных верованиях тюрков-огузов (922 г.) // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. Т. II. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. С. 38–46.
11. Гарустович Г.Н. Религиозные верования печенегов. К постановке проблемы // От древности к новому времени. Вып. XII. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 158–167.
12. Гарустович Г.Н. Распространение ислама у печенегов в степях Восточной Европы // Вестник АН РБ. 2013. №3. Уфа. С. 66–75.
13. Гарустович Г.Н. Башкирские родословные (шежере) как исторический источник // Этногенез. История. Культура: Вторые Юсуповские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (13 ноября 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 79–83.
14. Гайтон. Цветник историй земель Востока // Книга странствий / Перев. с лат. и старофранц. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
15. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 594 с.
16. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во ХарькГУ, 1956. 343 с.
17. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 191 с.
18. Корякова Л.Н., Ражев Д.И., Ковригин А.А., Шарапова С.В., Берсенева Н.А. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 2. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999. С. 73–89.
19. Костюков В.А. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЮУФФИИ, 2006. С. 444–457.

20. Лаврентьевская летопись / Под ред. И.Ф. Карского // ПСРЛ. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 379 с.
21. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1 / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
22. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перев., ком. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
23. Minorsky V. Hudud al-'Alam. The Regions of the World // GMS NS. XI. London, 1937. 524 p.
24. Никоновская летопись / Под ред. А.Ф. Бычкова // ПСРЛ. Т. X. СПб.: Тип-я МВД, 1885. 251 с.
25. Рашид ад-дин Фазлаллах. Огуз-наме / Перев. с перс. Р.М. Шукюровой. Баку: Элм, 1987. 128 с.
26. Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1959. С. 208–218.
27. Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен VIII–X вв. // СЭ. 1947. №3. С. 48–54.

§ 5. О средневековом угорском компоненте в формировании этноса и культуры тюркоязычного населения Волго-Уралья

Евгений Казаков

Еще до широкого изучения угорских проблем имелись определенные точки зрения на них. Так, в конце XIX в. Ф.А. Теплоухов отмечал смену угорского населения на широкой лесной и таежной зоне северо-востока Европы этническими группами пермских финнов [12, с. 270–274]. При этом здесь явно подразумевалась массовая миграция населения. В последующие долгие годы проблемы угров активно не обсуждались. В советский период во взглядах на происхождение народов преобладали, преимущественно, автохтонные точки зрения. Полагалось, что каждый народ живет на своей территории с глубокой древности. Лишь отдельные археологи (А.В. Шмидт, В.Ф. Генинг и др.) отмечали некоторые элементы угров в памятниках приуральского населения.

Честь начала конкретного изучения культуры угров на массовом археологическом материале принадлежит казанским исследователям. В 1961 г. отрядом Е.П. Казакова был открыт Танкеевский могильник, сведения о котором были известны по одиночному погребению с 1904 г. С 1961 г. под руководством А.Х. Халикова и Е.П. Казакова, с 1963 г. – Е.А. Халиковой на нем начались широкие раскопки. При этом был получен богатейший материал из языческих захоронений IX–X вв., свидетельствующий о массовом участии угров в формировании этноса и культуры волжских болгар. Выявлены основные реперные черты культуры, характерные для большинства культур угорской общности.

Среди них были погребальные маски, представляющие собой серебряные плоскостные, иногда с позолотой, личины с прорезью для глаз и рта. Они нашивались на лицевую часть головы умершего, предварительно обмотанной зеленого цвета китайской шелковой тканью. В 1964 г. с определением их функций на IV Уральском совещании в г. Перми выступил Е.П. Казаков. В 1968 г. его доклад был опубликован [3, с. 230–239]. В нем констатировалось, что маски являлись характерным элементом погребальной обрядности угров. Они встречены в археологии и этно-

графии обских угров, в могильниках Прикамья и Приуралья, в мадьярских памятниках Паннонии. Функции их были связаны с глубокими и сложными верованиями в угорском мире. По их представлениям, умерший превращается в *is hog* – «тень души» – первого существа в реинкарнации после смерти. Это существо деятельно, может подниматься из могилы, может вредить. Чтобы защититься от него, голову умершего закрывали материей, кожей или шкурой оленя, как это делали обские угры. Но как деятельное существо, *is hog* должно иметь глаза, рот – органы, роль которых и выполняли личины, нашитые на покрытие лицевой части головы, с прорезями для глаз и рта.

По представлениям угров, встающий из могилы умерший должен иметь блестящее белое «лицо», что и реализовывалось серебряными личинами. Серебро в целом было сакральным металлом угров. Так, средневековые клады «закамского серебра» представляли собой остатки святилищ, где «небесному всаднику» Мир-Сусне-Хуму и другим богам приносили жертву в виде серебряной посуды, монет, других изделий из серебра или их имитации из бронзы со сплавом олова.

Другим реперным элементом культуры угров была лепная круглодонная с гребенчато-шнуровым орнаментом керамика. Благодаря форме, технологии, орнаменту она четко выделяется в археологических памятниках, мало меняясь почти весь средневековый период на громадной территории от Зауралья до Поволжья. Вероятно, с этой посудой были связаны какие-то, нам пока неизвестные, культовые представления. Этим же объясняется, возможно, то, что в обширном уральском регионе в глиняное тесто керамики всегда примешивался тальк. При приготовлении пищи на огне сосуд отражался как серебристое изделие. О том, что это было важно для угров, свидетельствует и тот факт, что, мигрируя далеко на запад от Урала, где не было талька, они стали примешивать в глину толченую раковину, которая на огне также давала серебристый отсвет.

Еще один важный элемент культуры угров связан с культом коня, когда в погребальном обряде фетишизировали шкуру лошади с оставленными в ней головой и ногами животного. Почитание шкуры животного известно с глубокой древности, особенно у сибирских народов. Известно оно и у тюркских кочевников, когда в широких могилах рядом с умершим укладывали «куклу» – набитую соломой или травой шкуру лошади, иногда подготовленную к верховой езде. В ранней Волжской Булгарии шкуру в сложенном виде клали в отгороженной камере в ногах погребенного. Такой обряд был заимствован уграми у сармат, прежде всего в процессе их совместного кочевания в евразийских степях и лесостепях.

Во второй половине VII в. турбаслинско-именьковские сарматские племена были вытеснены кушнаренковскими кочевниками – уграми маняжского этапа в самарско-саратовское Предволжье, где в X в. потомки их известны под именем буртас. Рядом с ними, на северо-восточной окраине салтовской культуры, обитали кочевые болгары. С последними, при миграции их в Среднее Поволжье, пришли и буртасы. В раннеболгарских могильниках отмечены многочисленные захоронения с комплексами из черепа и костями ног коня, уложенными в ногах погребенных, чаще всего – воинов. 17% этих комплексов из всех могил выявлены в Большетарханском и 12% – в Танкеевском могильниках. Такие комплексы практически не встречаются в самой салтовской культуре, но широко известны в турбаслинско-именьковских некрополях эпохи Тюркских каганатов.

Кроме вышеуказанных, в культуре ранних болгар фиксируются и другие угорские специфические элементы: кресала с бронзовыми коньковыми рукоятями,

культовые подвески в виде Мир-Сусне-Хума и др. Все это скрупулезно рассмотрено в коллективной монографии [1].

Таким образом, в IX – начале X в. Волжская Булгария представляла собой объединение известных по письменным источникам, в основном пришлых, кочевых языческих племен тюркской, угорской, индоиранской языковых групп. Сюда же входили поволжские финны, а в 975 г., после разгрома Хазарии печенегами и Святославом, в Среднее Поволжье мигрировала новая волна болгар вместе с поздними кочевниками [7, с. 222–241]. По материалу памятников очевидно, что в одном могильнике и даже в одном погребении совместно находятся вещевые комплексы разных этнических групп [5, с. 97, рис. 31, с. 98, рис. 32 и др.]. Происходит взаимодействие различных групп населения, их тюркизация и превращение в новый народ – волжских болгар. По сообщению Ибн Фадлана, в первой четверти X в. происходит и становление государственности.

Указанная специфика культуры позволяет выявить время, пути миграций и исходные районы угорских этнических групп, а также предполагать их причины. Так, массовое появление в IX в. в Волжской Булгарии неволинского и полемско-ломоватовского населения с Верхней Камы (из 1200 захоронений Танкеевки более половины содержали лепные круглодонные сосуды) было связано с мадьяро-печенежской конфронтацией. Победив мадьяр, печенеги стали совершать походы на угров лесной зоны, откуда население уходит в страну болгар. О том, что мадьяры пришли в Паннонию, свидетельствуют находки там характерных погребальных масок и захоронений с черепом и костями ног коня (более 400 захоронений по данным венгерских коллег). В самой Волжской Булгарии часть угров не приняла ислам и ушла в Верхнее Поволжье, где встречено много типично угорской с веревочно-гребенчатым орнаментом, лепкой круглодонной посуды [6, с. 88]. Таким образом, часть угров, мигрировавших в Среднее Поволжье в 40–60 гг. X в., когда мусульмане первых городов (Болгара и Суvara) вели борьбу «с неверными», ушла, вероятно, по Волжскому пути фактически в центр европейской России.

В конце X в. на опустевшую после печенежского разгрома территорию Урало-Поволжья из южных районов петрогромской культуры Урала мигрируют новые группы угров. Это были кочевники с характерной угорской культурой, в том числе с круглодонной посудой, имеющей гребенчато-шнуровую орнаментацию. Вместо личин на лицевой части их умерших укреплялись округлые блестящие бляхи. Хоронили они своих сородичей под небольшими курганами, в ямах небольшой глубины, сопровождая погребения вооружением и конским снаряжением. На территории Башкирии многолетнюю работу по изучению таких памятников провел Н.А. Мажитов, который на их материале опубликовал две монографии [9, 10]. В одной могиле Мрясимовского могильника он обнаружил монету Абд-ал-Малика 954–961 гг. [10, с. 155]. Этим же временем, т.е. концом X в., датируется и вся эта новая культура, получившая название постпетрогромской [6, с. 51–59].

Одним из постпетрогромских памятников является Кишертьский могильник в области, уничтоженной печенегами неволинской культуры, на р. Сылве Верхнего Прикамья, датируемый по археологическим материалам XI в. Здесь отмечены изделия, свидетельствующие о тесных связях с Волжской Булгарией, и первые ранние мусульманские захоронения [11, с. 40–70].

Постпетрогромская культура, несомненно, оставлена предками манси (вогулов). Те их группы, которые мигрировали далеко на запад, испытывали влияние волжских болгар. Особенно это прослеживается по региону бассейна р. Сылвы,

связанному со страной болгар активно функционирующим Камским торговым путем. В вышеуказанном Кишертьском могильнике отмечается масса изделий болгарских ювелиров [11, с. 62, рис. 7; с. 63, рис. 8; с. 69, рис. 14 и др.], а также мусульманские могилы [11, с. 57, рис. 2, 3; с. 58, рис. 8; с. 68, рис. 13, 33 и др.]. Подобная ситуация отмечается и в других некрополях региона (Селянино озеро и пр.). Можно полагать, что в результате воздействия тюркоязычного населения на угров здесь с XI в. формируется своеобразная этническая группа иштяков, которая позднее стала важной составной частью прежде всего в этногенезе пермских татар [2, с. 114–121].

Значительная масса постпетрогромского населения вошла в состав Волжской Булгарии. Здесь оно с конца X в. приняло ислам и вместе с болгарам вело оседлый образ жизни. Практически на всех поселениях болгар выделена лепная круглодонная с веревочно-гребенчатым орнаментом керамика, имеющая примесь раковины в тесте. Несмотря на конкуренцию круговой посуды, она представлена от 1,6% до 7% посуды даже в городах. В дальнейшем эта керамика трансформировалась в гибридные группы, свидетельствующие об ассимиляции постпетрогромских угров болгарам.

Одним из выдающихся достижений в археологии и истории средневековых угров в последние десятилетия XX в. стало открытие и изучение памятников чияликской культуры. Название свое она получила от исследованного в 1969 г. селища у дер. Чиялик (Чиялек) Актанышского района Республики Татарстан, расположенного на правом берегу р. Сюнь, левого притока р. Камы. В дальнейшем было выявлено и изучено много поселений и могильников этой культуры на территории Башкортостана и Татарстана. Все они фактически наследуют территорию постпетрогромской культуры домонгольского времени.

Чияликские мигранты являлись скотоводами макушинской культуры Зауралья. Это было мансийское население с непрочной оседлостью. Выявлены их летние и зимние селища, стационарные и переносные (юрты, чумы, шалаши) постройки, погребя, ямы. В Башкирии изучением таких памятников активно занимался Г.Н. Гарустович, который на их материале в 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию. Но наиболее изученными стали некрополи низовий р. Белой: с 1969 по 1976 гг. Раннебулгарская археологическая экспедиция вела широкие раскопки Такталачукского и Азметьевского могильников в Актанышском районе Татарстана.

На этих памятниках изучено около 300 захоронений, совершенных по мусульманскому обряду. По монетам ханов Узбека и Джанибека они датируются временем Золотой Орды. В некоторых захоронениях выявлены остатки погребальных масок, а в ряде женских – встречены височные подвески, бусы, перстни. В могилах младенцев, видимо, не прошедших обряда перехода в ислам, продолжали ставить круглодонные сосуды с веревочно-гребенчатой орнаментацией [4, с. 49–80]. Такие материалы отмечены в Дербешкинском и других могильниках.

Всего в 60 км к юго-востоку от указанных памятников, также на левом берегу р. Белой в Дюртюлинском районе Башкортостана имеется аналогичный вышеописанным Левашевский могильник, исследованный И. Ердели, Н.А. Мажитовым, Б.Б. Агеевым. Из чияликских поселений наиболее широкие исследования проведены археологами Казани на VI Миллятамакском селище в Муслумовском районе, где выявлено языческое святилище (материал публикуется в журнале «Поволжская археология», № 2 за 2016 г.).

Судя по работам этнографов [8, с. 525, карта № 15], низовья р. Белой и сопредельная территория были заселены тюркоязычным угорским племенем эней. В зак-

лючение можно сказать, что обширный угорский мир в течение 600 лет (IX–XIV вв.) находился в тесных контактах с тюркским миром. Об этом говорят не только археологические, этнографические, но и письменные источники. Так, Юлиан, который встретил угров (венгров) в двух днях пути от г. Биляр (видимо, в низовьях р. Зай около г. Нижнекамска), пишет о браках между уграми и тюрками. Плано Карпини и Рубрук сообщают, что к востоку от Великой Болгарии находится Великая Венгрия или «страна Паскатири» (Баскарт), где живут пастухи, не имеющие городов. По всем данным, эта страна соотносима с территорией чияликской культуры.

Список литературы

1. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. 284 с.
2. Исхаков Д.М. К вопросу об «Остячком» компоненте пермских татар и его связь с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 114–121.
3. Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (Об одном элементе погребального обряда) // Ученые записки. № 191. Труды археологической экспедиции. Пермь, 1968. С. 230–239.
4. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: «Наука», 1978. 130 с.
5. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: «Наука», 1992. 236 с.
6. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с.
7. Казаков Е.П. Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // ПА. 2014. № 3 (9). С. 222–241.
8. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: «Наука», 1974. 512 с.
9. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: «Наука», 1977. 240 с.
10. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: «Наука», 1987. 164 с.
11. Пастушенко И. Кишертьский могильник в бассейне р. Сылвы // FU. 2005–2006. № 9. Казань, 2006. С. 40–70.
12. Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // УЗПГУ. Пермь, 1968. № 198. С. 270–274.

§ 6. Население Западного Приуралья в X–XIV вв.

Андрей Белавин, Владимир Иванов

С уходом угорско-мадьярских племен из Приуралья в середине IX в. угорское присутствие в этнокультурной карте региона не прекратилось, но приобрело несколько иные масштабы. Это прослеживается по появлению в лесном Приуралье памятников, отличительной чертой которых является керамика с т.н. шнуругребенчатой (или штампованно-веревочной – по Е.П. Казакову) орнаментацией. Занимая лесные и лесостепные территории по обе стороны Уральского хребта, носители археологических культур со шнуругребенчатой керамикой – петрогромская, юдинская, макушинская, молчановская, ломоватовско-поломская, носители которой в IX–X вв. частью переселяются в Волжскую Булгарию [3, с. 134], курганы «мряси-

мовского типа» (по Н.А. Мажитову) – в конце I тыс. н.э. продолжали сохранять свою этнокультурную общность, которую современные исследователи однозначно интерпретируют как древнеугорскую [3, с. 123–125]. Однако с точки зрения археологической морфологии керамика со шнуро-гребенчатой орнаментацией не представляет типологического «монолита»: так, сосуды ломоватовско-поломских памятников лесного Прикамья хотя и отличаются разнообразием керамических форм, но преобладают среди них сосуды низких пропорций с широкой отогнутой наружу горловиной, тогда как среди неволинской керамики явно доминируют сосуды с прямыми шейками [3, с.125–145]. В отличие от них для «постпетрогромской» керамики Волжской Булгарии характерны «гибридные» сосуды, сочетающие в себе высокую цилиндрическую шейку, посаженную на приплюснутое тулово [12, с. 52–55]. А в наиболее «чистом» виде петрогромские/постпетрогромские сосуды представлены в курганах «мрясимовского» типа на Южном Урале – Мрясимовских, Каранаевских, Идельбаевских, Бакалинских [17, таб. XXVIII, 8; 18, рис.90, 56–65; 7].

Различается и погребальный обряд приуральских угров: если в Прикамье и в начале II тыс. н.э. сохраняется обряд захоронения в бескурганых могильниках – яркий тому пример Кишертский, Огурдинский, Рождественский могильники [21; 4, с. 205–206], – то «мрясимовские» погребения все подкурганные.

Это дает нам основание для характеристики этнокультурной ситуации в регионе на рубеже и в начале II тыс. н.э. использовать понятие *этнокультурный ареал* (ЭКА), предложенное около 30 лет тому назад Д.Г. Савиновым для характеристики этнических процессов на юге Сибири в эпоху средневековья. На наш взгляд, именно оно наиболее адекватно отражает тот облик этнической карты Приуральского региона, который сложился здесь на рубеже I–II тыс. н.э. По определению Д.Г. Савинова, основным признаком и содержанием ЭКА является территория, на которой сложилась определенная этнокультурная общность. Составляющие такой общности могут быть представлены «археологическими памятниками, различающимися по деталям погребального обряда, приемам орнаментации керамики и другим наиболее традиционным этнокультурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА» [22, с. 48]. В Приуралье такими особенностями, как уже было сказано выше, являются широкое территориальное распространение шнуро-гребенчатой керамики, специфический для рассматриваемого времени ассортимент вещей и общность ряда признаков погребального обряда.

Курганы «мрясимовского» типа – Мрясимовский, Муракаевский, Каранаевский, Идельбаевский, Синеглазовский, Бакалинский, Старо-Мусинские, Жититамакские – по своему хронологическому (X–XI вв.) и географическому положению маркируют собой следующую миграционную волну зауральско-западносибирских угров, переселившихся в Приуралье в период, пришедшийся на временное пограничье между двумя климатическими фазами – гумидизации и аридизации. В лесах северной Евразии заканчивался очередной период гумидизации и ландшафтно-климатическая ситуация максимально приблизилась к современной⁶, тогда как в степях (в том числе приуральских и зауральских) своего пика достиг период аридизации [11]. В таких условиях миграция из переполненных влагой лесов Урало-

⁶ Под современной имеется в виду XX век. Сейчас ландшафтно-климатическая ситуация продолжает меняться.

Обского региона представляется наиболее оптимальным актом. Вопрос – куда? Степи Волго-Уралья сохнут и по ним нескончаемой чередой катятся огузо-печенежские войны, завершившиеся в X в. установлением огузского господства в степях Приаралья и Нижнего Заволжья. В конце I – начале II тыс. н.э. в Приобье активизируются предки самодийцев, которые проникают в Полярное Зауралье, где вступают в контакты с предками коми, в это же самое время и, видимо, по тем же самым причинам пришедшими в Нижнее Приобье [19, с. 10]. Таким образом, продолжение угорской миграции в Приуралье было предопределено исторически.

Следуя по времени за каракуповскими (древнемадьярскими) могильниками, «чияликские» курганы обнаруживают и высокий коэффициент типологического сходства с ними, что, на наш взгляд, является ничем иным, как отражением этнического родства населения, оставившего указанные памятники [9, с. 24].

Типологическое сходство с каракуповскими могильниками – не единственный показатель угорской принадлежности населения, оставившего на Южном Урале курганы X–XI вв. Это уже упоминавшаяся керамика – круглодонные горшки, кувшины и приземистые чаши из Мрясимовских, Каранаевских, Идельбаевских курганов. По форме шнуровой и зубчатой орнаментации шеек и плечиков эти сосуды имеют ближайшие аналоги в керамике юдинских, макушинских и петрогромских памятников X–XIII вв. в лесном Зауралье, этническая принадлежность которых определяется как угорская. В более узком смысле В.А. Могильников определял эти культуры как древнемансийские [20, с. 167, 175, 177]. Серьезных возражений против этого со стороны исследователей пока не поступало.

Погребальный обряд курганов «мрясимовского» типа суммарно характеризуется следующими признаками: захоронения под земляными насыпями, в большинстве случаев (около 60% от 51 кургана) содержащие по одной могиле; 47% известных курганов содержали в насыпи следы ритуального конского жертвоприношения – черепа, кости ног лошади; почти в половине всех исследованных погребений – остатки заупокойной пищи (конины) в виде плечевых костей лошади, уложенных в изголовье могилы или у ног погребенного. В одном случае – Мрясимовский могильник, к.21 – рядом с человеческим захоронением в отдельной яме находилось захоронение целой туши взнузданного и оседланного коня. Абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном секторе. Погребальный инвентарь состоит из предметов конской упряжи, оружия и женских украшений. Глиняные сосуды помещали только в женские и детские могилы [6, с. 16–17].

Практически те же самые признаки погребального обряда свойственны и могильникам зауральских угров X–XIII вв. И хотя там преобладали уже бескурганые захоронения (юдинская культура), но продолжал сохраняться и курганный обряд (макушинский тип). В насыпях курганов Макушинского могильника обязательно присутствуют кости лошади (черепа и ноги). Конские черепа и челюсти найдены в заполнениях могил с трупоположениями и трупосождениями Ликинского могильника юдинской культуры. Ориентировка погребенных (трупоположения) юдинской культуры преимущественно южная и юго-восточная (Ликинский могильник), но в Пылаевском могильнике той же культуры – исключительно западная и юго-западная, а в Макушинском – западная и северо-западная, т.е. те же, что и в курганах X–XI вв. Южного Урала. Совпадают и позы погребенных: кроме расположенных на спине с вытянутыми или согнутыми руками встречаются лежащие на боку со скорченными ногами (Муракаево, к. 3, п. 2; Мрясимова, к. 15, п. 1; к. 22; Бакалинский, к. 5).

Те же самые признаки обряда, включающие и захоронение частей конской туши (шкура), представлены на синхронном «мрясимовском» курганом Огурдинском грунтовым могильнике на р. Кама, где в засыпи более чем 70% могил содержатся челюсти или зубы лошади [4, с. 18–19]. И хотя сам по себе Огурдинский могильник оставлен смешанным финно-угорским населением, но угорский этнический компонент, представленный погребениями с типичной зауральско-приобской шнурогребенчатой керамикой, там доминирует [4, с. 219].

В первой четверти IX в. северо-западная оконечность Кунгурско-Месягутовской лесостепи обезлюдила. Племена неволинской археологической культуры в массовом порядке покидают эту территорию. Часть их ушла севернее, на берега Чусовой и Обвы, где их присутствие фиксируется по т.н. «постневолинской» керамике (т.е. посуде с сохранением неволинских черт, но в слоях X в.). Часть переселилась в Волжскую Булгарию, где это население, благодаря своеобразной керамике с резной орнаментацией, хорошо заметно. Большая часть «неволинцев», скорее всего, ушла вместе с другими угро-мадьярскими племенами на запад.

Освободившаяся территория стала вновь заселяться лишь на рубеже XI–XII вв. Свидетельством этому являются два могильника – находящийся в 3 км от Кунгура могильник Селянино Озеро (более 20 погребений, изучены в 1899 и 1901 гг. Н.Н. Новокрещенных и А.А. Спицыным) и Кишертский (33 погребения, изучены КВАЭ УдГУ в 1980-х годах), а также небольшие материалы из верхних слоев Бартымского I селища, Верх-Саинского I и Лобач городищ.

Исследования указанных могильников позволяют характеризовать погребальный обряд как бескурганый. Погребения совершались в неглубоких ямах простой конструкции, часть погребений безинвентарные, но имеются и погребения с богатым и разнообразным инвентарем, преобладает ориентировка погребенных западного направления (на Кишертском могильнике – более 80%), здесь же в ряде случаев фиксируется легкий поворот на правый бок, в 25% случаев зафиксирован поворот черепа лицевым отделом к югу, фиксируются связанные ноги, что может быть соотнесено с употреблением погребального савана [24, с. 48]. Указанные признаки совпадают с раннемусульманским погребальным обрядом, описанным на материалах Волжской Булгарии Е.А. Халиковой. Подобным же образом исследователи описывают и погребальный обряд могильника Селянино Озеро, материалы которого не сохранились. Таким образом, погребальный обряд этих могильников не совпадает ни с одновременными родановскими могильниками, ни с одновременными могильниками Башкирии.

Инвентарные погребения этих могильников имеют сосуды, украшения костюма, бусы, оружие, конскую сбрую, орудия труда и быта. Особый интерес представляют серебряные предметы. Так, в могильнике Селянино Озеро обнаружен серебряный золоченый кувшинчик, украшенный растительными разводами под чернь, с двумя арабскими надписями. В материалах Кишертского могильника имеются серебряные медальоны, орнаментированные точечным или прочерченным узором, болгарские серебряные с позолотой, зернью и сканью, со вставкой подвески и лунницы. Особый интерес вызывает медальон из серебра с позолотой с изображением процветшего шестиконечного креста в центре. Исследователями он определен как медальон от оплечья-ожерелья из княжеских мастерских Владимира второй половины XII – начала XIII в.

Обращает на себя внимание нахождение в ряде богатых погребений оружия (наконечники копий и дротиков, боевые топоры, наконечники стрел, колчаный

крюк, костяные фигурные накладки колчанов), деталей конской упряжи (удила, стремена и подпружные пряжки). Стремена встречаются по одному экземпляру в ногах погребенных.

Посуда изготовлена из глиняного теста, содержащего примесь талька, песка и органики. Это небольшие горшки с округлым дном и цилиндрической высокой шейкой, переходящей в шаровидное тулово. Сосуды орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, плотными рядами шнурового орнамента, шнуровым штампом в виде подковок. Аналогичная шнуро-гребенчатая посуда в относительно небольшом количестве найдена и на городище Лобач.

Могильники типа Кишерть – Селянино Озеро представляют ранний этап чияликской культуры, период ее сложения и проникновения раннечиялыкского населения из Зауралья на западные склоны Уральских гор. Раннечиялыкское население Кунгурской лесостепи имело достаточно развитые связи с соседями по Прикамью: племенами родановской культуры и Волжской Булгарией, через последнюю поступали и предметы древнерусского и восточного происхождения. Это полукочевое население уже было знакомо с исламом, но еще сохраняло некоторые элементы языческих верований. Вероятно, источником исламизации этих племен была Волжская Булгария. В начале XIII в. это население уходит на запад, где сливается с другими племенами чияликской культуры.

Таким образом, угорская этническая принадлежность населения, представленного в Приуралье археологическими памятниками со шнуро-гребенчатой керамикой, сомнения не вызывает. По отсутствию выраженных поселений на территории распространения курганов «чиялыкского типа» можно предположить, что это были кочевые угры, аналогично тому, как полукочевниками были в регионе их предшественники – носители караякуповской культуры (угры-мадьяры).

Ареал курганных могильников со шнуро-гребенчатой керамикой («мрясимовского типа») вписывается в ландшафтную зону уральской лесостепи: Кунгурско-Месягутовской – в Приуралье, Исетской – в Зауралье. Это вполне соответствует этногеографической концепции кочевых и полукочевых угров. Вместе с тем С.Г. Боталов считает, что в эпоху Великого переселения народов (первая угорская миграция) часть кочевых угров проникает и в степь, откуда потом, уже в конце I тыс. н.э., мигрирует обратно: «спустя примерно триста лет после своего становления (в конце IX в.) глубоко в лесостепной зоне Южного Урала появляются кочевнические комплексы позднекушнаренковско-караякуповского облика типа Синеглазово, Уелгов, Лагарево, Каранаево и др., несущие на себе яркий кочевнический культурный комплекс синкретического характера, в котором угадываются элементы центрального и восточно-казахстанского, алтайского облика, а также прослеживаются явные параллели с западными кочевническими комплексами Поволжья, Нижнего Поднепровья и Подунавья» [5, с. 145]. При всей своей нетрадиционности и даже некоторой экстравагантности данная гипотеза требует дальнейшей разработки, поскольку, во-первых, она перекликается с фактом нахождения действительно кушнаренковско-караякуповских материалов в степях Южного Предуралья: Палимовское, Ромашинское, Имангуловское II, Андреевское погребения, Турганикская стоянка, впускное погребение в одном из Филипповских курганов; во-вторых, объясняет многолетнюю загадку: каких «башкир»-язычников встретил Ибн Фадлан на р. Кундурча? Если археологический материал указывает на то, что «кушнаренковцы/караякуповцы» заходили так далеко в степь, то почему нельзя допустить, что и пришедшие после них в Приуралье угры-«мрясимовцы» могли себе

это позволить? В частности, почему нельзя допустить, что склоны Бугульминско-Белебеевской возвышенности могли быть летними пастбищами для этих племен? Тем более, что Жититамакский и Старо-Мусинский курганные могильники свидетельствуют о том, что угры-«мрясимовцы» обитали и на ее территории.

Итак, с большой долей вероятности сейчас можно говорить о том, что встреченные Ибн Фадланом «башкиры» были кочевые угры. И, скорее всего, деревянная палочка «величиной с фалл», которую «башкиры» вешали на себя и с которой каждый связывал свое появление на свет, являлась не в буквальном смысле изображением этого органа, а деревянным идолом-оберегом *иттерма*, подобным найденному в кургане №5 Бакалинского могильника [8, с. 93].

Исторические судьбы приуральских угров исследователи связывают с печенегами, видя в них, в частности, причину ухода угров-мадьяр на запад [12, с. 70]. Основанием для этого являются два сообщения Константина Багрянородного, касающиеся «турок» (мадьяр) и «пачинакитов» (печенегов): «*[Знай], что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими и предан почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними*» и «*Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет*».

Поскольку из приведенного текста совершенно ясно, что речь идет о противоборстве европейских печенегов с уграми-мадьярами в Леведии и Этелькез, причины их ухода из Приуралья из средневековых нарративов не вырисовываются. А вот причины смены археологической культуры угров-«мрясимовцев» следующей за ней во времени *чияликской культурой* могут быть обозначены благодаря археологическим данным.

Чияликская культура, выделенная Е.П. Казаковым по материалам Чияликского, Игимского селищ, Такталачукского, Азметьевского I, Кушулевского могильников, характеризуется следующими признаками: могильники – бескурганные, погребенные лежат в простых прямоугольных ямах на спине с вытянутыми или согнутыми в локтях руками. Преобладающая ориентировка – западная, юго-западная или северо-западная. В могилах часто встречаются остатки гробов со следами действия огня на них (Казакларовский могильник) или угольки и кусочки обожженной глины в засыпи могилы (могильник Такталачук). Большинство погребений совершено по мусульманскому обряду, т.е. без вещей и с соблюдением соответствующих канонов, однако в чияликских могильниках представлены и многочисленные пережитки языческого угорского обряда: это круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, п. 1, 65; I Азметьевский, п. 44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами.

Поселения – небольшие по площади, с очень тонким и слабо насыщенным культурным слоем, что, по мнению исследователя, свидетельствует о сильных кочевнических традициях в культуре оставившего их населения [14; 15, с. 79]. Естественно, что керамический материал этих памятников представлен сосудами со шнуру-гребенчатой орнаментацией.

Г.Н. Гарустович эту группу памятников относит ко второму, завершающему этапу чияликской культуры (конец XIII – начало XV в.). В его интерпретации – это захоронения в грунтовых могильниках по единообразному обряду: в простых неглубоких ямах, в позе вытянуто на спине, с юго-западной и западной ориентировкой погребенных, с разворотом лицом на юг, с немногочисленным сопровождающим инвентарем или вовсе его отсутствием. По мнению исследователя, это следование канонам ислама [6, с. 18–19].

В предлагаемой Г.Н. Гарустовичем интерпретации памятников чияликской культуры на Южном Урале в ней выделяются десять локальных групп (условно – по названиям рек), охватывающих территорию от р. Ик на западе до верховьев р. Урал и р. Большой Кизыл на востоке. То есть границы ареала памятников чияликской культуры охватывают оба склона Южноуральского хребта в пределах зоны лесостепи. На западе они вплотную примыкают к восточным пределам Волжской Булгарии (икская, токская, усть-бельская локальные группы), на востоке проходят по верховьям рек Урал и Большой Ик (уральская группа) [6, с. 9]. Судя по характеру поселений, которые исследователь связывает с этой культурой, «чияликцы» вели полукочевой образ жизни, что археологически выражается в наличии поселений двух типов – летников и зимников. Летники – открытые поселения, расположенные по берегам рек и состоящие из легких каркасных жилищ. По материалам наиболее исследованных летников – Горново, Тукмак-Каран, Верхне-Спасское, Ишкуловское – выделяются такие типы жилищ, как юрты и конические шалаши круглой планировки, а также каркасно-столбовые постройки прямоугольной формы со входом-тамбуром.

Зимники – это укрепленные городища Чортово, Кара-Абыз, Турналинское, Гумеровское, Нагаевское II и др., – застроенные квадратными полуземлянками или наземными срубными постройками, отапливаемыми каменными печами-сувалами. Кроме того, как на летниках, так и на зимниках выявлены ямы-погребя с обложенными деревом стенками, бани (?), хлевы для скота. На Горновском поселении на р. Дема найдены также остатки печи для выпечки хлеба [6, с. 11–13].

Однако если исходить из географии исследованных поселений и типологии собранной на них керамики, получается, что собственно «чияликскими» являются памятники, расположенные на Южном Урале и в Приуралье в ландшафтной зоне смешанных хвойно-широколиственных лесов (что соответствует карте, предложенной Е.П. Казаковым [15, с. 85]). Локальные группы «чияликских» памятников, расположенные за пределами этой зоны, – по Г.Н. Гарустовичу, среднебельская, верхнебельская и уральская – пока еще недостаточно изучены, а главное, на них собрана керамика, отличающаяся от чияликской: плоскодонная лепная посуда с примесью песка, украшенная зашипками и насечками по венчику. Сам исследователь аналогии ей находит в памятниках Волго-Уральской степи и, в отличие от чияликской, называет ее «селеукской». Отсюда вполне логичный вывод Г.Н. Гарустовича, с которым нельзя не согласиться: «селеукские памятники до сих пор еще мало изучены и **говорить что-либо об истоках плоскодонной керамической традиции и специфике взаимодействия чияликцев и селеукцев пока еще преждевременно** (выделено нами – *А.Б., В.И.*)» [6, с. 23]. Как, очевидно, преждевременно относить к

чияликской (угорской) культуре курганные могильники Южного Предуралья XIV в., содержащие безинвентарные захоронения – Сынтыштамак, Куштиряк, Рязово, Аверьяново [6, с. 19–20].

Таким образом, исходя из имеющихся археологических данных, скоррелированных с данными немногочисленных средневековых нарративов, этнокультурная динамика в Приуралье в период XII–XIV вв. **представляется** следующей: в период, предшествующий татаро-монгольскому нашествию, степи Урало-Поволжья представляли собой восточную периферию Дешт-и Кыпчак. То есть в XII – начале XIII в. кипчаки (сары-кипчаки/половцы) в регионе присутствовали, но не как доминирующий этнос, поскольку основной территорией их расселения являлись степи Восточной Европы (Половецкая степь – «Дикое Поле»). Тем не менее именно кыпчакско-половецкая экспансия в середине XI в. изменила очертания угорского ЭКА в регионе: кочевые угры – «мрясимовцы» были либо изгнаны, либо перебиты, либо ассимилированы⁷ тюркскими кочевыми племенами, вытесненными из степи кыпчакским нашествием. Кем были эти племена – из-за слабой изученности (в первую очередь – эмпирической, поскольку поиск и изучение кочевнических памятников эпохи средневековья на Южном Урале уже давно практически не ведется) в настоящее время установить невозможно. По Г.Н. Гарустовичу – это аморфные «селеуццы», по И.В. Антонову – «башкиры», которые летом содержали скот в горах Южного Урала, а зимовали на Бугульминско-Белебеевской возвышенности [1, с. 63–64], где чияликские памятники вообще не представлены⁸.

Едва ли теперь уже стоит подвергать сомнению то обстоятельство, что накануне монгольского вторжения в Урало-Поволжье монах Юлиан в своем путешествии в Magna Hungaria общался именно с уграми-«чияликцами». Ареал их расселения в Приуралье – это южная периферия ландшафтной зоны смешанных лесов, находившейся в это время в стадии очередной аридизации – усыхания. Это обстоятельство, с одной стороны, и натиск кочевников-степняков – с другой, очевидно, и обусловили внутрирегиональную миграцию угров в пределы Волжской Булгарии. В XII – начале XIII в. практически на всех болгарских поселениях появляется керамика, украшенная характерным для приуральских угров гребенчато-шнуровым орнаментом, свидетельствующая о расселении ее носителей по всей территории Волжской Булгарии [13, с. 304]. И это тоже не случайно, ибо в рассматриваемое время Волжская Булгария становится культуро- и ареалообразующим фактором для населения Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Начинает функционировать Камский торговый путь, способствовавший «булгаризации» материальной культуры населения Среднего и Верхнего Прикамья [2]. Продукция болгарских ремесленников попадает за Урал, к обским уграм – предкам современных хантов и манси [23]. Отчетливо оформляются этнические границы волжских финнов – мордвы, мари, мешеры – и прикамских финно-пермяков – удмуртов [10; 16].

⁷ Ничего достоверного ни об одной из этих альтернатив мы, по-видимому, никогда не узнаем.

⁸ Так же, как, впрочем, и другие синхронные памятники. Нужно все-таки четко представлять себе, что Бугульминско-Белебеевская возвышенность – это не ровная площадка с вертикальными стенками. И все известные памятники рассматриваемого периода: чияликские селища по р. Ик, Азметьевский, Кушулевский могильники, Нижнехозятковский, Горновский, Караякуповский, Новотроицкий могильники (безинвентарные) на р. Дема – расположены у западных, северных и восточных **подножий** Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

Одним из наиболее выразительных проявлений культурного и политического влияния Волжской Булгарии на соседние племена региона явилась исламизация приуральских угров, особенно отчетливо проявившаяся в погребальном обряде могильников чияликского типа – преобладание безинвентарных погребений с ориентировкой погребенных в западных секторах, поворот погребенных лицом на *кыблу*. Хотя пережитки язычества в виде помещения в погребения глиняных сосудов и личных украшений кое-где сохраняются.

С точки зрения археологического источниковедения, носители этой культуры составляли приуральскую часть ЭКА культур Урала со шнуро-гребенчатой керамикой. А вот что из себя представлял данный ЭКА в этническом плане в постзолотоордынское время, на этот вопрос археология ответить не может.

Список литературы

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: РА «Информреклама», 2006. 238 с.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та. 2000. 200 с.
3. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: издательский дом БГПУ, 2009. 285 с.
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь, 2012. 259 с.
5. Боталов С.Г. Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 128–146.
6. Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 26 с.
7. Гарустович Г.Н. Бакалинский курганный могильник начала II тысячелетия н.э. в Башкортостане // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С.197–212.
8. Гарустович Г.Н. Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи средневековья // Уфимский археологический вестник. 2011. Вып.11. С. 80–95.
9. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 17–31.
10. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.
11. Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 343–366.
12. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
13. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
14. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 128 с.
15. Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 79–87.

16. Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Иванов В.А., Моисеева Н.Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 3–17.
17. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 239 с.
18. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 161 с.
19. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. От древних культур к народам XXI века // Тюменская область: народы, языки, культуры. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2007. С. 5–11.
20. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
21. Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2005–2006. №9. С. 40–70.
22. Савинов Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 46–54.
23. Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Л., 1991. С. 5–10.
24. Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 40–70.

Глава III

Золотая Орда и становление татарского народа

§ 1. Образование Золотой Орды

Вадим Трепавлов

В первой трети XIII в. Приуралье вошло в состав Золотой Орды – одной из самых обширных и могущественных держав в мировой истории. Большая часть Улуса Джучи располагалась в степной зоне Евразии. В средневековых географических описаниях и исторических хрониках эта обширная страна зачастую получала название по самому сильному или самому известному народу. В разное время евразийские степи именовались, например у мусульманских писателей, «Мафазат алгузз» (араб. Пустыня огузов) и «Дешт-и Хазар» (перс. Хазарская степь). В XI в. на страницах трактатов и путеводителей появляется обозначение «Дешт-и Кыпчак» (перс. Кипчакская степь). В нем запечатлено имя кипчаков – одного из самых известных кочевых тюркских народов «домонгольской» эпохи. Именно кипчаки составили большинство населения Золотой Орды.

Кроме них на громадном пространстве Золотой Орды проживало множество народов, говоривших на тюркских, финно-угорских, иранских и других языках. Что же касается самих монголов, то их в Улус Джучи мигрировало довольно мало. Те монголы, что переселялись в завоеванные страны (Иран, Среднюю Азию, Китай, степи Восточной Европы), оказывались немногочисленными по сравнению с местным населением. Пришельцы-завоеватели в первые десятилетия осознавали свою принадлежность к монгольскому народу. Но очутившись в окружении тюрков – таких же кочевников, они быстро, уже через столетие, полностью смешались с ними. В Золотой Орде они утрачивали исконный язык, культуру и смешивались с коренными жителями. К середине XIV в. большинство таких переселенцев уже не считало себя монголами. Приблизительно в то же время официальные документы в Улусе Джучи стали составляться не на монгольском языке, а на тюркском.

Общим названием тюркоязычных жителей Золотой Орды стало слово «татары». В западной половине (правом крыле) Золотой Орды в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, были налажены оживленные межрегиональные связи, функционировали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия). Поэтому там происходило постепенное отмирание патриархальных племенных норм жизни. Наблюдалась явная этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала пандемия чумы в середине столетия, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс.

Носители архаичных социальных и культурных норм – ордынцы, кочевавшие в степях к востоку от реки Яик (Урал), свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в их среде были гораздо более консервативными. Хотя для жителей восточных районов Золотой Орды XIV–XV вв. историки иногда

употребляют условное общее наименование «кочевые узбеки», единого этноса там так и не сложилось.

Первоначально понятие «Золотая орда» использовалось как название парадного ханского шатра. В таком качестве оно фигурирует в восточных текстах уже в XIII в., а на страницах русских документов появилось во второй половине XVI в. – уже как название распавшегося к тому времени государства («Златая Орда», «Большая Орда Златая»). До того сами русские именовали его просто «Ордой» или «Татарами». Официальным же наименованием служили словосочетания «Улус Джучи» и «Великий Улус».

В 1206 г. Чингиз-хан был провозглашен всемонгольским правителем и начал радикальные административные преобразования. Разрозненная, хаотичная масса кочевых племен восточной части Центральной Азии быстро стала обретать форму государственного организма. Задачами внешней политики нового государства (как это часто бывало в истории) стали расширение его границ, обретение новых подданных, противостояние сильным соседям-соперникам и одоление слабых. Уже через год после воцарения Чингиз-хана начались монгольские завоевания, которые продолжались в разных регионах Евразийского континента почти до конца XIII столетия. Завоеванные земли распределялись между ближайшими родственниками Чингиз-хана.

Джучи, старший сын Чингиз-хана, дважды удостоивался удела (улуса). Впервые это произошло вскоре после Чингизовой коронации, в самом начале завоеваний. Начальствуя над правым крылом новорожденной монгольской армии, Джучи по приказу отца в 1207 г. выступил в поход на племена Тувы, Хакасии и Алтая и подчинил их. Довольный успешным началом завоевательной кампании, Чингиз-хан объявил: «Ты, Джочи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорил лесные народы. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы!» [10, с. 184].

Об организации правления монголов в Южной Сибири того времени практически ничего не известно. Очевидно, установленный ими режим оказался сперва довольно мягким, поскольку ужесточение требований правительства к сибирским подданным в 1218 г. сразу вызвало массовое возмущение енисейских кыргызов – самого многочисленного народа в том регионе. Их выступления пришлось подавлять именно Джучи – как удельному правителю края.

Однако впоследствии Тува, Хакасия и Горный Алтай отошли в домениальную часть Монгольской империи и были причислены к «Коренному юрту», управлявшемуся младшим сыном Чингиз-хана Тулуем и его семьей. Таким образом, Южная Сибирь была исключена из-под юрисдикции Джучи, поскольку Чингиз приготовил для своего первенца иные владения.

Второе наделение его уделом состоялось в 1225 г., когда основная масса монгольских войск вернулась в родные степи из многолетнего среднеазиатского похода. Помимо собственно Монголии и Южной Сибири под властью Чингиз-хана к тому времени оказались Маньчжурия, тюркские княжества уйгуров и карлуков в Восточном Туркестане, бывшая держава хорезмшахов (Средняя Азия и Хорасан), восточный Дешт-и Кыпчак. Большинство этих владений было завоевано лично Чингиз-ханом или направляемыми им сыновьями. В частности, отряды Джучи преследовали отступавшее на запад враждебное монгольское племя меркитов и впервые сразились с армией хорезмшаха в степях Дешт-и Кыпчака. Восточные хронисты рассказывают о чрезвычайной привязанности старшего Чингизида к степной

стране на западе от тогдашней монгольской державы. Персидский историк XIII в. Джузджани передает впечатление Джучи от кипчакских степей: «... Он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [16, т. I, с. 14]. Именно эти земли, вызвавшие у царевича такой восторг, и достались ему при распределении отцом завоеванных стран.

При данном распределении проявились некоторые особенности трактовки прав собственности и владения, присущие средневековым кочевникам. В кочевых империях высшие посты, как правило, предоставлялись людям, принадлежавшим к одному правящему клану. В Монгольской империи таким кланом формально считался род Чингиз-хана – борджигины из племени тайджиутов. Однако политическая реальность заставила верхушку империи пересмотреть незыблемый канон родового достояния. Нет данных о том, что основатель монгольской державы воспринимал всех борджигинов как сородичей, перед которыми у него есть какие-то обязанности. Обращение «вы – мой род-племя» из его уст прозвучало лишь в адрес собственных сыновей и младших братьев [10, с. 189]. Сразу после воцарения в 1206 г. Чингиз-хан приказал одному из приближенных: «Произведи ты мне такое распределение разноплеменного государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю...» [9, с. 159]. Следовательно, понятие рода сузилось: в него не включались ни дядья, ни свойственники, не говоря уже о более дальних сородичах. Так был очерчен круг лиц, теоретически имевших доступ к власти.

Однако непосредственно при распределении уделов монгольский государь еще более ограничил этот круг: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один – и наследием Отчигина, один же – и наследием Бельгутаея (здесь перечислены братья Чингиз-хана – *В.Т.*). В таком-то разумении я и свое наследство поручаю одному» [9, с. 186]. Этим «одним» был его третий сын Угедэй, назначенный преемником на всемонгольском престоле. В подчинении Угедэя оказались его братья, Чингизовы сыновья от старшей жены Бортэ: Джучи, Чагатай и Тулуй. То есть держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной-единственной ветви борджигинов – семьи Чингиз-хана.

На каком основании последний выделил свое потомство из прочих клановых ответвлений? В 1225 г. Чингиз-хан заявил Джучи и Чагатаю перед отправлением их в только что образованные улусы: «Родичи мои прославились среди своих родственников. Даже сквозь скалы учиняют нападение» [10, с. 230]. Участие в сибирском, цзиньском (северокитайском) и хорезмийском походах, умелое командование, личная храбрость и инициативность показали ему достаточными для утверждения приоритета собственных сыновей перед их дядьями и двоюродными братьями.

В 1225 г. Джучи получил от отца в улусное владение и управление северную часть Хорезма (низовья Амударьи) и Восточный Дешт-и Кыпчак. По сообщению арабского хрониста ан-Нувайри, территория его удела охватывала «летовья и зимовья от границ Каялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [16, т. I, с. 150] (на момент смерти Джучи кони монгольских войск доходили на западе как раз до Волжской Булгарии и до причерноморских половецких кочевий). Ставка царевича разместилась «в пределах Иртыша» [14, с. 78]. Традиционно та местность служила обиталищем йемеков (остатков и потомков племенного союза кимаков, создателей Кимакского каганата IX–XI вв.), а также объединений кипчаков-ильбурли и канглы.

Кроме того, по распоряжению Чингиз-хана под начало Джучи поступало несколько тысяч воинов из племен кингит, сиджиут и хушин. При ближайших Джучиевых преемниках в его улусе фиксируются также аргуны, огузы, найманы, буйраки, ойраты, карлуки, кушчи, уйсуну, минги, кунграты, керейты, барласы, тарханы, кияты [7, с. 222]. В данном перечне присутствуют не только монгольские племена, но и несомненно тюркские: огузы и карлуки. Однако самым массовым населением владений Джучи стали, как уже говорилось, кипчаки.

В феврале 1227 г. Джучи умер при не вполне ясных обстоятельствах (возможно, он был убит по приказу отца из подозрения в неповиновении и сепаратизме). Потомство его в разных средневековых текстах исчисляется по-разному. Обычно историки оперируют сведениями персидского автора Рашид ад-дина, излагавшего историю четырнадцати сыновей Джучи. Старшими были Орду по прозвищу «Эджен» (господин) и Бату, позднее прозванный «Саин-хан» (добрый государь). Судя по некоторым свидетельствам, оба они успели заручиться инвеститурой от деда (умершего в конце 1227 г.), который распорядился передать им власть над Улусом Джучи. Так как в дальнейшем отпрыски именно этих двух царевичей, Орду и Бату, царствовали у Джучидов на протяжении XIII–XIV вв., то данная версия может считаться достоверной. Причисление же других сыновей Джучи – Тукай(й)-Тимура и Шибана – к числу «помазанных» Чингиз-ханом на самостоятельное царствование следует отнести к позднейшим фальсификациям, призванным оправдать властные полномочия ханов – выходцев из боковых джучидских линий.

Именно Орду и Бату, как легитимные представители отцовского улуса, принимали участие в съездах знати 1229 и 1235 гг., на которых правящая элита Монгольской империи обсуждала планы завоевания Восточной Европы. Во главе войска был поставлен Бату. Вероятно, это объяснялось тем, что покоренные в намеченных походах земли должны были поступить непосредственно под его управление. Удельное же владение Орду-Эджена и подчиненных ему четырех младших братьев к тому времени было уже полностью сформировано на территории Прииртышья. Некоторые Чингизиды из прочих улусов империи присоединялись с войсками к этой армии «в помощь и подкрепление Бату» [16, т. II, с. 22].

В результате военных кампаний 1236–1242 гг. в состав Улуса Джучи вошли Волжская Булгария, территории современной Башкирии, Западный Дешт-и Кыпчак (между Яиком и Дунаем) и частично Северный Кавказ. Сложнее определить статус русских княжеств. Великие князья владимирские первоначально (в период реального единства империи) получали инвеституру в имперской столице Каракоруме, при дворе верховного хана (каана); прочие же нижестоящие князья довольствовались пожалованием от Бату. Компетенция по сбору дани с Руси, очевидно, также была распределена между джучидскими и имперскими властями: последние провели и переписи населения в княжествах в 1250-х гг. Таким образом, в первый период существования Золотой Орды управление Русью не являлось монополией ордынских правителей, отчего едва ли правомерно считать славянские земли частью Джучиева улуса. Это косвенно подтверждается также участием в войнах на Руси и в Европе царевичей-неджучидов, о чем упоминалось выше.

Вернувшись из европейского похода, Бату поселился не в отцовской ставке (она была занята его старшим братом), а в Поволжье. Стационарным центром батыевой части Улуса Джучи стал город Булгар, но сам Бату, как истинный монгол, очевидно, предпочитал кочевой образ жизни. Следовательно, область старой булгарской городской культуры фактически превратилась в его домен. Впоследствии и

низовьях Волги Бату основал стольный город Сарай, и Нижнее Поволжье тоже стало домениальной областью. Сезонные передвижения между этими двумя районами (позднее с кочевками еще и на Северном Кавказе) составляли своеобразный алгоритм ежегодного распорядка Бату и наследовавших ему золотоордынских ханов.

Ставка же Орду-Эджена располагалась где-то в Восточном Казахстане, между горами Тарбагатай и верховьями Иртыша (11, с. 213; 19, с. 56, 57); точное ее расположение трудно определить из-за разногласий и лаконичности сведений в источниках.

Распространенное в литературе мнение, будто Улус Джучи (Золотая Орда) был основан только по возвращении монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г., базируется на недоразумении. Очевидно, не следует принимать начало правления Бату над новоприобретенными западными землями за начало золотоордынской государственности. В действительности Улус был образован (выделен Чингиз-ханом) в 1225 г., а Бату с братьями в ходе войн 1230–1240-х гг. только расширили его пределы. После этих походов территория Улуса Джучи уже кардинально не менялась. Насколько можно судить по источникам, небольшие модификации границ (или, скорее, зон влияния) происходили только на Кавказе – в связи с переменными успехами Джучидов в конфликтах с монгольской династией Хулагуидов (в Иране). Лишь во второй половине XIV в., когда государство оказалось охваченным смутами и стало погружаться в хаос, окраинные владения начали одно за другим выходить из-под власти Сарая.

В период наибольшего территориального расширения и внутренней стабильности Золотая Орда занимала пространство от Нижнего Дуная на западе до верховьев Оби на востоке и от Закамья на севере до Хорезма и Семиречья на юге. Размеры этого государства поражали воображение современников. Мусульманские авторы утверждали, будто оно простиралось с запада на восток на шесть (по другим источникам, восемь) месяцев пути, а с севера на юг – на четыре (или шесть) месяцев.

В первые десятилетия своего существования Улус Джучи был включен в общую систему организации власти и управления Монгольской империи. Судя по монгольским источникам, первые правители западных Улусов, сыновья Чингиз-хана Джучи и Чагатай, еще в 1219 г. дали отцу обещание беспрекословно повиноваться в будущем их младшему брату Угедю, наследовавшему верховный (каанский) престол, – и, следовательно, выполнять все распоряжения, которые будут поступать из каанской резиденции.

Формально каан (каган, или великий хан) как глава империи являлся верховным ее правителем, вершителем судеб составлявших ее народов и улусов. Известное высказывание итальянского путешественника XIII в. Плано Карпини на первый взгляд подтверждает монополию монгольского великого хана на власть: «Все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, выючный скот и люди» [13, с. 45–46]. На самом же деле данная констатация утрированно отражает положение вещей. Между имперской и улусными властями существовали, с одной стороны, разделение полномочий (прежде всего налогово-финансовых), с другой – разграничение правителей по компетенции, в соответствии с традиционными, вековыми нормами кочевнической государственности.

К числу таких норм относилось разделение территории и населения державы на два крыла (правое и левое, т.е. западное и восточное), с самостоятельным прави-

телем в каждом из них; при этом правое крыло считалось «младшим». Подобный принцип действовал в большинстве кочевых империй средневековья и был воплощен в Монгольской империи. Улусы Джучи и Чагатай относились к ее правому крылу (монг. – барунгар); восточная же часть империи (получившая в конце XIII в. китайское название Юань) составляла левое крыло (джунгар) под верховенством каана. У Чингизидов оформилось своеобразное соправительство, когда хан Джучиева Улуса возглавлял правое крыло и фактически (но не номинально) оказывался равным по положению государю, сидящему в Каракоруме.

Еще Чингиз-хан наметил отделение Джучидов и Чагатаидов от левого крыла. После смерти Чингиз-хана фактическим соправителем каана стал Чагатай, а после его смерти в 1242 г. иерархическое старшинство на западе перешло к представителям дома Джучи [10, с. 115–122].

В Каракоруме с 1246 г. стал царствовать Гуюк, сын Угедэя. Отношения между ним и Бату сложились враждебные. Тем не менее по некоторым данным можно судить, что соправительство осуществлялось именно ими. Плано Карпини передавал, будто «Бату наиболее могущественен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому обязан повиноваться». Европейские путешественники были убеждены, что, несмотря на наличие в Монгольской империи полновластного каана, глава Золотой Орды является «правителем татар главнейшим». Имя его почиталось даже в далеком Хорасане, где из всего множества Чингизидов западным послам называли верховных, с точки зрения монголов-информаторов, владетелей – Гуюка и Бату [13, с. 69; 17, с. 223; 21, с. 93, 95]. О времени царствования Гуюка (1246–1248) пишет Джузджани: «Все вельможи и вожди мугальских войск повиновались Бату и обычно смотрели на него так же, как на отца его Туши (Джучи – *В.Т.*)» (22, с. 176). Более определенно статус Бату выражен Киракосом Гандзакеци. Этот армянский хронист рассказывает о посольстве грузинской царицы Русудан с предложением своего подданства «татарскому военачальнику, которого звали Бату, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенте, поскольку тот был вторым после хана лицом. И он велел ей воссесть в Тифлисе, и (татары) не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан (Гуюк-каан – *В.Т.*)» [6, с. 181].

Даже из этих отрывочных данных можно сделать вывод об особом статусе правителя Улуса Джучи, его подчиненности только великому хану, о распространении его власти и влияния на определенную часть западных территорий Монгольской империи. Правда, источники умалчивают, признавался ли Бату старшим государем в Чагатаевом улусе. Известно, что в царствование Угедэя хорезмийцы Махмуд Ялавач с сыном и Куркуз управляли Китаем, Мавераннахром и покоренными к тому времени областями Ирана «от Хорасана до границ Руса и Диарбекра» [14, с. 64]. Но их полномочия не распространялись на территории Джучидов за рекой Джейхун (Амударья).

Более определенные отношения между соправителями вырисовываются в период царствования каана Мункэ (1251–1259). После смерти Гуюка монгольская знать предложила имперский трон Бату – как старшему на тот момент Чингизиду. Тот отказался, сославшись на то, что у него и без того достаточно земель и «управлять ими, да еще владеть и править государствами Чина (Китая – *В.Т.*), Туркестана и Аждама (иранскими землями, которые управлялись тогда наместниками, присланными из Каракорума – *В.Т.*) было бы невозможно». Поэтому он предложил возвести на царство своего друга и младшего кузена Мункэ (Менгу). «Мангу-хан...

взошел на престол Чина и верхнего Туркестана» [22, с. 179–180], т.е., во-первых, стал управлять странами, от которых «отказался» Бату; во-вторых, «престол» Мункэ не считался престолом Дешт-и Кыпчака и других западных регионов.

Конечно, полностью суверенным государем Бату не был: великий хан назначал в русские княжества своих фискальных чиновников, регламентировал финансовые расходы сарайского двора [2, с. 319, 320, 331]. Насколько можно судить по сообщениям французского дипломата Г. Рубрука, Золотая Орда в то время не имела права устанавливать дипломатические отношения без ведома центрального правительства, поскольку все-таки, по словам Рубрука, «Мангу-хан есть главный в мире Моалов». Но тот же Рубрук цитирует каана Мункэ: «Как солнце распространяет всюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату» [13, с. 141]. Путешественник заметил, что в странах, подчиненных непосредственно Мункэ, посланцам Бату оказывалось даже больше почета, чем эмиссарам каана в землях Джучидов.

Для вступления в силу каанского приказа на западе империи требовалось его подтверждение от Бату. По данным Киракоса, Мункэ даровал армянскому царю Гетуму I «указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его», а Гетум послал гонца с этим указом к Бату, «дабы и тот написал указ в соответствии с грамотами (хана)» [6, с. 224–225]. Сельджукские султаны в 1240–50-х годах использовали правителя Сарая в качестве арбитра в своих междоусобных спорах, хотя за ярлыками ездили, как и армяне, в Каракорум. Подобные сведения об активных связях Бату с иноземными владельцами в общем противоречат информации Рубрука о внешнеполитической несамостоятельности ордынского правителя.

Границей сфер влияния по-прежнему считалась Амударья. Известен характерный случай, демонстрирующий суверенитет Бату. По наущению брата, мусульманина Берке, он остановил на правом берегу Амударьи армию Хулагу, посланную кааном на завоевание халифата. Два года войска не двигались с места: возвратиться не позволял приказ Мункэ, а переправу запретил посол из Сарая. Только после смерти Бату в 1255 г., вняв настоятельным просьбам Хулагу, каан распорядился продолжать поход [20, с. 101, 102].

Кроме того, начало каанствования Мункэ было отмечено расправой над царевичами-потомками Чагатая и Угедэя. Их земли оказались поделенными между верховным ханом и Золотой Ордой: последней достался в управление Мавераннахр.

После смерти Бату главенство над Золотой Ордой перешло к его сыну Сартаку. Мункэ «возвеличил его и воздал великие почести: передал ему власть отца его – командование всеми войсками, а также (владение) всеми покоренными (им) княжествами; затем, назначив его вторым (человеком государства), отпустил его восвояси» [6, с. 226]. В армянских хрониках рассказывается, что великий хан «почтил его (Сартака – *В.Т.*) и отдал ему власть отца, признав вторым правителем после себя»; «по повелению Мангу Хана к нему (Сартаку – *В.Т.*) перешли все владения отца его, даже с прибавлениями» [1, с. 27; 5, с. 11]. Таким образом, преемник Бату, как и отец, занял положение второго по рангу правителя империи и получил право автономного законодательства. Вероятно, хан-Джучид мог издавать указы по любому вопросу внутренней жизни подвластных ему регионов, лишь бы они не противоречили Ясе (своду законов) Чингиз-хана и распоряжениям столичной администрации.

Сартак умер, едва успев воспользоваться этими прерогативами. Во главе Орды в 1256 г. встал его дядя Берке. Он продолжал сохранять огромную власть и влияние

в западной половине (правом крыле) Монгольской империи и, сверх того, пытался распространить их на новообразованный Улус Хулагу в Иране и Месопотамии.

В целом, как пишет Рашид ад-дин, до конца жизни Бату, «а после его смерти во времена Сартака... и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана (т.е. каанским правительством – *В.Т.*) и Бату был проложен путь единения и дружбы» [14, с. 81].

В 1260 г. новый каан Хубилай, только что одержавший победу над братом-соперником Ариг-Бугой, поддержанным Берке, обратился с посланием к улусным правителям: «В областях смута. От берегов Джейхуна до ворот Мисра (Египта – *В.Т.*) войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведать и хорошо охранять... С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведаёт улусом Алгу (внук Чагатая – *В.Т.*), а с этой стороны Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять» [14, с. 162]. Хубилай не упомянул здесь золотоордынского правителя, господство которого в северо-западной части державы было прочным и неоспоримым. Но налицо попытка изъять из-под юрисдикции Берке земли Хулагу, а также чагатайский Мавераннахр, утвердив Алгу в правах главы Чагатаева улуса.

С тех пор связи Золотой Орды и с имперским правительством, и с соседними улусами – обычно враждебными ей – были сведены к минимуму. Конечно, основной помехой являлось политическое соперничество. Однако кроме него контактам объективно препятствовал и разноречивый в культурно-политических ориентациях элит огромного монгольского царства. Правители его восточной части превратились в юаньских императоров, китаизировали свой двор, организовали управление по китайским и отчасти чжурчжэньским канонам.

Дополнительным препятствием для поддержания регулярных отношений служила приверженность правителей различным религиям. В Китае при Хубилае стал широко распространяться буддизм, а Джучиды и Хулагуиды приняли ислам – и вместе с ним ориентацию на мусульманскую бюрократию и купечество. Но едва ли правомерно приписывать этим конфессиональным различиям принципиальное значение. Об этом следует упомянуть, поскольку в литературе нередки утверждения, будто после указанных идеологических трансформаций правители разных улусов превратились друг для друга в иноверцев, «неверных». Ведь религиозная нетерпимость никогда не была присуща монгольскому государству. Сформировавшись как полиэтничная мировая держава с языческим правящим ядром-«этносом», оно вбирало в себя и привлекало на службу приверженцев самых разнообразных верований. Такая политика диктовалась не только соображениями целесообразности, но и заветами основателя империи. О толерантном отношении Чингиз-хана к представителям разнообразных религий ясно и в общем комплиментарно свидетельствует персидский историк XIII в. Джувейни, сам состоявший на государственной службе у ильханов-Хулагуидов (см. [23, с. 18]).

Решающим фактором, некоторое время удерживавшим империю от окончательного распада, был огромный клан Чингизидов. Несмотря на жестокие конфликты между отдельными его ответвлениями, авторитет Чингизовых потомков был непрекаем. Юаньские императоры сохраняли статус старших государей во владениях этого клана. После смерти каана Мункэ в 1259 г. Джучиды не принимали участия в общеимперских съездах знати. Тем не менее о сохранявшемся номинальном единстве империи свидетельствовало, во-первых, присутствие на этих съездах Чагатаидов и Хулагуидов; во-вторых, традиционные торговые и военные связи. По требованию каана Хубилая в конце 1260-х гг. Улус Джучи выделил войска для завоевания импе-

рии Сун (в Южном Китае) [3, с. 82]. Известно о признании золотоордынским ханом Узбеком (1312–1342) иерархического старшинства юаньского императора-каана Буянту [3, с. 92]. Вполне вероятно, что подобное формальное верховенство каана подкреплялось выдачей им столь же символических ярлыков на царствование в западных улусах. Однако реальный контроль над политикой Золотой Орды центральное правительство утратило, по всей видимости, уже с 1260-х гг.

В историографии принято считать, что Улус Джучи отделился от Монгольской империи при хане Менгу Тимуре (1266–1282), когда тот приказал отчеканить на монетах свое имя вместо имени тогдашнего каана Ариг-Буги. Поскольку самостоятельная денежная эмиссия служила в средневековую эпоху одним из главных показателей государственной независимости, то подобная трактовка событий представляется допустимой. Первый ярлык русскому митрополиту был выдан от имени того же Менгу Тимура. Однако реальное переподчинение Джучидам имперских вассальных владений (в том числе Руси) заметно еще раньше. Со времени правления Сартака русские князья уже не ездили за инвеститурой в Монголию (последний такой визит – Глеба Васильковича Белозерского – состоялся в середине 1250-х гг. [12, стб. 474, 524]), а получали ярлыки из рук сарайского хана.

Обоснование монархического правления и организации правящей элиты имели в Золотой Орде несколько источников. Первый и главный из них – это авторитет основателя Монгольской империи. Кроме того, при наследовании власти действовали внутриклановые принципы перехода ханского ранга. Из кочевой старины тянулась традиция всенародного избрания (фактически – одобрения избрания) государя. Поскольку Джучиев улус представлял собой вторичное образование в рамках империи, то в течение XIII в. имела значение также инвеститура от вышестоящего сюзерена – каракорумского каана. Когда золотоордынские ханы перешли в ислам, встал вопрос о легитимизации их власти уже в соответствии с канонами этой религии. Наконец, в ходе распрей и смут случалось, что на авансцену выходили различные тюрко-монгольские царевицы и князья. Одолев соперников, они принимались управлять государством или его отколовшимися провинциями, будучи убежденными, что высшие силы находятся на их стороне, раз даровали успех в борьбе с соперниками.

Род Джучидов постоянно рос и ветвился, и система старшинства различных его линий с течением времени все усложнялась. Вероятно, к концу XIII в. определилась их иерархическая очередность. По имеющимся ныне сведениям можно предполагать, что высшие места в этой иерархии занимали на западе Улуса потомки Бату и – следом за ними – Бувала; на востоке – потомки Орду, а следующими по старшинству шли Тукайтимуриды (в следующем столетии их оттеснили Шибаниды).

Пока монголы в большинстве своем оставались язычниками, их трактовка источников и пределов ханской власти базировалась на установках, традиционных для кочевого мира. Очевидно, основные позиции концепции верховной власти были унаследованы Монгольской империей от ее исторических предшественников – каганатов раннего средневековья. Данная концепция объясняла воцарение основателя державы и благополучное правление его потомков благоволением и помощью божественных сил. Прежде всего это ведущая пара центральноазиатского языческого пантеона – Небо (Тэнгри) и Земля (Этуген).

В целом можно отметить, что власть правящего рода в империи и улусах основывалась, во-первых, на харизме Чингиз-хана; во-вторых, на харизме рода Чингизидов. Впоследствии, при исламизации монгольских и тюркских кочевников в за-

падных улусах, встала проблема легитимизации правления Чингизидов с точки зрения ислама. Не могло быть и речи, чтобы они хотя бы формально получали инвеституру от безвластного аббасидского халифа, прозябавшего при египетском дворе. Вместо этого была разработана абсолютно фантастическая версия о том, будто Чингиз был обращен сподвижником Пророка в ислам – «принял все установления Бога, кроме хаджа и обрезания, перешел в исламскую веру» и произнес шахаду (символ веры). Об обращении монгольского правителя будто бы узнал и одобрил его праведный халиф Абу Бекр, живший на самом деле в VII в. [8, с. 64–66]. Теперь Чингиз-хан в принципе мог быть причислен к сонму мусульманских династий, перестав быть «неверным».

Хан стоял во главе государства и всей системы управления Улуса Джучи. Функционирование государственной машины осуществлялось от его имени и в виде выполнения его приказов – независимо от того, сидел на престоле самодержавный государь или марионетка придворных клик. Хан производил назначения на главные административные должности, осуществлял выпуск денег, вел переговоры с иноземными правителями, возглавлял армию во время больших военных кампаний и т.д.

Однако в действительности он делил свои полномочия с карачи-беками, один из которых считался старшим (беклербек, улуг бек). Некоторые историки не без основания полагают, что эти четыре высших вельможи представляли наиболее влиятельные тюрко-монгольские кланы и образовывали совет при правителе. Насколько можно судить по информации о татарских ханствах позднего средневековья, именно на них было возложено выполнение церемонии воцарения очередного хана. Структура четырех главных родов (помимо царствующей династии) была традиционной для тюрко-монгольской государственности. Можно предполагать, что в начале XIV в., при Узбеке, в добавление к своим придворным обязанностям они получили в управление и четыре части государства, превратившись еще и в улусбеков.

В структуре управления Золотой Орды не фиксируется такое традиционное для тюрков и монголов учреждение, как курултай – съезд знати. Вероятно, номинально он все-таки существовал, но собирался лишь в исключительных случаях или по торжественным поводам (провозглашение нового государя). Скорее всего, в реальности четыре карачи-бека подменили собой это аристократическое совещание. Впоследствии, когда ордынская государственность продолжала существовать в условиях татарских ханств, курултай возродился, если принять во внимание неоднократные упоминания о собраниях «всей земли» в Казани, Крыму, Сибири и Астрахани.

Как и в любой державе, созданной кочевниками, военная сфера занимала важнейшее место в жизни государства. Кроме того, кочевники составляли большинство его населения и войска. Поэтому в первую очередь для управления именно кочевыми подданными создавались административные институты в Золотой Орде. Однако оседлое население – земледельцы, ремесленники и торговцы – тоже являлось важнейшей категорией подданных, прежде всего в качестве налогоплательщиков. Со временем, с принятием ислама и расцветом городов в первой половине XIV в., роль этой категории подданных в экономике и, следовательно, их социальная значимость кардинально возросли. Поэтому центральное управление было ориентировано как бы на две эти главные части населения.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчиненных ему трех карачи-беков; невоенными делами (прежде всего финансовыми) ведали везир и руководимая им канцелярия-диван. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклербека, а оседлые – везира.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных относительно взимания и расходования» [16, т. I, с. 230]. Правда, такая отстраненность хана от повседневных дел была характерна для XIV столетия и, может быть, 1270–90-х годов. Первые же правители Улуса, Бату и Берке, досконально вникали во все детали управления, поскольку еще только налаживали действие государственного механизма.

Беклербек являлся номинальным главой сословия беков (нойонов, эмиров) и в этом качестве выступал как верховный военачальник. Когда Орда обратилась в ислам, с ним связывалась и идеологическая основа внешней политики, обычная для средневековых мусульманских государств, – борьба (война) за веру. В этом качестве его титуловали «помощь ислама и мусульман», «поборник воителей и борцов за веру». При этом prerogatives беклербека, конечно, уступали ханским, поскольку хан возглавлял весь народ – как в мирное время, так и во время выступления на войну всеобщего ополчения. Кроме того, на беклербека как на второе лицо в государстве возлагались обязанности налаживать отношения с другими странами и, возможно, вершить правосудие в качестве высшей судебной инстанции (в тех сферах жизни и среди тех слоев населения, где пока не распространился шариат). Под непосредственным управлением главных беков находилась западная часть государства – от Дона до Дуная, включая Крым.

Институт беклербекства сформировался не ранее XI в. в среде тюрков-огузов, но имел длительную предысторию в потестарных обществах на стадии протогосударственности. Он превратился в одну из матричных форм функционирования тюркских кочевнических политий и был реанимирован в Улусе Джучи в результате социального усиления кочевой аристократии. Оно было порождено, во-первых, благоприятными экономическими и демографическими условиями XIII в.; во-вторых, кризисами и репрессиями в правящем доме Бату во время правления хана Тохты и в начале правления Узбека, когда Джучиды в борьбе за власть теряли опору среди сородичей, членов династии, и находили ее у кочевых беков. Возрождению тюркского института беклербекства способствовали также тюркизация двора, бюрократии и делопроизводства в Золотой Орде, а кроме того проникновение иранских и огузо-сельджукских элементов государственного устройства. Факторами, которые стимулировали последнее явление, были временное замирение между традиционно враждовавшими Улусами Джучи и Хулагу в начале XIV в. и принятие в Золотой Орде ислама как государственной религии. С конца XIV в., по мере ослабления джучидской государственности, значение беклербеков в жизни постордынских государств значительно возросло. В некоторых из них данная должность была монополизирована беками из тюркского племени мангытов.

Появление должности беклербека было одним из показателей развития Золотой Орды. Во-первых, развития административно-политического: в лице главного

бека и его двора оформлялось специализированное военное ведомство государства. Однако давление архаичных устоев и кризис Улуса не позволило завершиться этому процессу. Во-вторых, развития социального. Беклербек появился не ранее того времени, когда в Золотой Орде полностью сформировалось аристократическое сословие беков, которое требовало ранжирования и структурирования. Хотя наука ныне отвергла известную концепцию «кочевого феодализма», в данной тенденции просматривается так и не реализовавшийся потенциал будущих сеньориально-вассальных отношений, местнических порядков, феодальной лестницы и прочих институтов классического феодализма.

Не удивительно, что в руках названных высших сановников сосредотачивались настолько обширные прерогативы и ресурсы, что они порой могли претендовать на самостоятельность и распоряжаться троном. Самые известные и могущественные беклербеки Мамай и Едигей (зачастую неверно называемые в историографии узурпаторами и временщиками) назначали ханов по своему усмотрению и полностью контролировали все дела в государстве.

Наличие двух высших сановников, беклербека и везира, отражало деление правящей элиты Золотой Орды на две категории – военную знать (нойоны, беки, эмиры) и чиновную администрацию. Средневековые арабские авторы именуют их соответственно правителями эмиров и правителями городов [16. т. I, с. 347 и сл., 412 и сл.]. Обе структуры, военная и гражданская, действовали параллельно, исполняя разные функции.

Если институт беклербекства был порождением тюрко-монгольской государственной традиции, то везир и диван – это результаты заимствования мусульманских государственных институтов. Главной обязанностью этих органов были обеспечение функционирования финансовой системы, осуществление фискальной политики, контроль над все более ветвившимся административным аппаратом, регулирование торговли, городского строительства и проч. Если ханы и главные беки проводили большую часть времени в привычных (и престижных) перекочевках, то чиновничество по большей части размещалось в городах. В ведомстве дивана хранились податные списки (девтери), разнообразные ведомости и кадастры.

К сожалению, вся эта огромная документация на сегодняшний день утрачена. Однако даже то небольшое, что известно о деятельности центральных правительственных учреждений Золотой Орды, позволяет утверждать, что в ней сочетались элементы делопроизводственной культуры разных стран и народов в составе Монгольской империи – уйгуров, киданей, чжурчжэней, китайцев и др. В самом улусе Джучи явно просматривается также влияние мусульманских регионов Хорезма и Мавераннахра; возможно, какой-то след оставила культура Волжской Булгарии.

Иерархия беков известна из оригиналов ханских ярлыков и их русских переводов, в которых упоминаются темники, тысячники, сотники, десятники, князья улусные, ратные, полчные, людские (возможно, синоним улусных – улусбеков). Все эти военачальники и наместники составляли пирамиду, сходящуюся на вершине к карачи-бекам и беклербеку. В течение XIII в. они составили своеобразную корпорацию, державшую в руках военно-административную структуру державы и практически не вмешивавшуюся в дела невоенной сферы. В XIV в. стало заметно сближение и даже определенное слияние военно-кочевой знати, хранительницы завоевательных традиций Монгольской империи, с чиновничеством.

Чиновники Золотой Орды тоже имели многоступенчатую градацию. После везира высшее должностное место занимал даруга – лицо, ответственное за сбор на-

логов с определенной местности. Даруги назначались как в отдельные населенные пункты, города и селения, так и в целые тумены – улусные уделы. В последнем случае они делили управленческие полномочия с местными беками, держателями улусов, и вместе с ними организовывали сбор податей. Даруги олицетворяли собой присутствие и надзор центральной власти на местах, служили ее представителями. В этом смысле они заменили собой баскаков, которые в период единства империи представляли правительство каана – в том числе в землях, подвластных Джучидам.

Золотая Орда делилась на два крыла, разграниченных рекой Яик, – правое (западное, Белая Орда – Ак-Орда) и левое (восточное, Синяя Орда – Кок-Орда). Каждое из них, в свою очередь, также делилось на крылья. Ак-Орда состояла из двух половин, разграниченных Доном, Кок-Орда – из уделов Джучиевых сыновей Орду-эджена и Шибана, рубеж между которыми сложно определить из-за скудости сведений. В распоряжении историков имеются относительно подробные данные о территориально-административном устройстве только Ак-Орды.

Белая и Синяя Орды на протяжении первого столетия своего существования вели практически автономное существование, числясь в составе единого Джучиева улуса номинально, без явных признаков взаимодействия. Вмешательство ак-ордынских ханов в восточные дела происходило редко и эпизодически, об участии же кок-ордынских сюзеренов в событиях к западу от Яика до середины XIV в. ничего не известно. Нет никаких сведений о том, что аристократия двух Орд собиралась на съезды для обсуждения общих дел (видимо, таковых не находилось), что в обоих крыльях действовала единая система налогообложения или мобилизации войска. Наверное, лишь фамильное родство правителей, сеть караванных путей и ямских станций да еще – в первые десятилетия – подчиненность имперскому Центру демонстрировали принадлежность Ак-Орды и Кок-Орды к общему государственному организму.

Объединение обеих крыльевых половин произошло, очевидно, в 1380-х годах при хане Токтамыше. Оно оказалось кратковременным и неэффективным, поскольку произошло в обстановке уже начинавшегося государственного кризиса и распада Золотой Орды, да к тому же накануне роковых для нее нашествий Тимура. После них территория правого крыла погрузилась в хаос, там началось образование независимых ханств. В левом крыле в течение XV столетия образовались Узбекское и Казахское ханства и Ногайская Орда. Ни одно из этих новых государств уже не причисляло себя к общеджучидским крыльям.

Одной из главных отличительных черт государственного строя Золотой Орды была улусная система. Понятие «улус» первоначально обозначало народ, данный в управление. Позднее термин распространился также на территорию, занимаемую этим народом, и в этом качестве стал служить названием удела и в целом государства (фактически обособившегося удела – как Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу).

В Золотой Орде улусы не были наследственными владениями – по крайней мере, до второй половины XIV в. Фактически они представляли собой условные держания. Условиями же пользования уделом для его правителя являлись исправная выплата податей населением, поддержание порядка и стабильности на подконтрольных землях, мобилизация надлежащего количества воинов в ополчение. Принято считать, что улус соответствовал войсковому тумену, т.е. десятитысячному корпусу; другими словами, с каждого улуса в ополчение выставлялось десять тысяч воинов. Правитель улуса, таким образом, имел ранг темника.

Хан мог менять держателей улусов, отбирая и передавая уделы по своему усмотрению. При этом границы улусов, очевидно, оставались неизменными. Каждый из них имел как бы две ипостаси, две формы бытия – территорию и народ. Пространство кочевания обозначалось нутаг (монг.) или юрт (тюрк.), население – ирген (монг.) или эль, иль (тюрк.). Вместе нутаг/юрт и ирген/эль и образовывали улус. С течением времени приоритетной стала именно территориальная составляющая понятия «улус», тогда как у монголов XII в. на первом плане стояло кочующее население (которое, собственно, и составляло удел).

Состояние улусной структуры общеджучидского правого крыла в середине XIII в. проанализировал по разнообразным источникам В.Л. Егоров. По его заключению, с запада на восток улусы располагались приблизительно следующим образом (см. [4, с. 163, 164]).

1. Крайние западные, заднепровские области на границе с Дунайской Болгарией находились под управлением Ногая, потомка Джучи по линии его седьмого сына Бувала. В конце столетия в сферу контроля Ногая попал также весь регион к западу от Дона, включая Крым. Его резиденцией служил город Исаки на правом берегу нижнего Дуная.

2. Между Днепром и Днестром располагался улус военачальника Куремсы – возможно, не Джучида.

3. По левому берегу Днепра кочевал темник Маучи (Мауцы), также не принадлежавший к царствующему клану.

4. Далее к востоку и до Дона простирались земли, отданные Картану, женатому на сестре Бату.

5. В особый улус был выделен Крым, но имена его первых улусных правителей неизвестны.

6. Волго-Донское междуречье было занято кочевьями Сартака, старшего сына Бату.

7. Южнее, в северокавказских степях, первоначально правил будущий хан Берке, младший брат Бату, но в конце 1240-х годов Бату выделил ему другой район – восточнее Волги (наверное, в южной части Волго-Яицкого междуречья).

8. Вдоль левого берега Итиля (Волги) протянулся ханский домен – личный, собственный улус властителя Золотой Орды. Демонстрируя приверженность жизненному укладу предков, ордынские государи старались сохранить кочевой образ жизни своей семьи и двора. Главная ставка (собственно «Золотая орда») периодически в течение года перемещалась вдоль Волги на северные летовья и южные зимовья. Исходя из климатических условий этой части Евразии, больше времени хан и двор вынуждены были проводить на зимних пастбищах. Именно в местах зимних стоянок возникли крупнейшие города – два стольных Сарая и Хаджи-Тархан (Астрахань). В XIV в. джучидские государи зимовали также на пастбищах степного Предкавказья (там был основан город Маджары). В зоне ханских летовок располагались города Булгар и Укек (правда, последний стоял на правом берегу Волги).

9. Правый берег Яика. В этих местах на древнем караванном пути, на переправе через Яик, стоял один из золотоордынских «мегаполисов» Сарайчик. Держатель данного улуса в середине XIII в. неизвестен. В период распада державы в конце XIV–XV вв. на Сарайчик претендовали потомки Джучиевых сыновей Орду-эджена, Шибана и Тукай-Тимура.

10. Левый берег Яика. Держатель этого улуса также неизвестен.

Кроме того, самостоятельной административной областью, несомненно, являлся Хорезм; северная часть этой страны с городами Ургенчем и Хивой принадлежала Золотой Орде. Может быть, эта область древней культуры на нижней Амударье являлась анклавом правого крыла, окруженным чагатайскими и кок-ордынскими владениями.

Что касается внутреннего деления левого крыла, то известно лишь о расположении владений Орду-эджена и Шибана. Старший Джучид унаследовал отцовскую ставку в верховьях Иртыша. Источники, описывая ханский домен Кок-Орды, называют различные топонимы в юго-восточном Казахстане. Из крупных городов там фиксируются Отрар, Сауран, Дженд, Барчкент и Сыгнак, который во второй половине XIV в. превратился в резиденцию местных монархов. Все это по большей части поселения на Сырдарье, в местности, урбанизированной еще в домонгольские времена.

Улус Шибана занимал обширные степи западного и центрального Казахстана. По рассказу хрониста Абу-л-Гази (XVII в.), Бату выделил удел младшему брату с напутствием: «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика по рекам Иргиз, Санук, Орь до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису» [15, с. 160].

Где находились кочевья других сыновей Джучи, назначенных в подчинение Орду-эджену, – Удура, Шинкура, Сингума и Тукай-Тимура – никаких данных нет.

В XIV в., по мере усиления роли городской экономики и развития административного аппарата в формах, присущих стабильным оседлым государствам, в Золотой Орде произошла трансформация административно-территориального деления. Сохранив структуру кочевых уделов, правительство учредило еще и четыре улусбекства, именуемые в арабских документах Сараем, Хорезмом, Крымом и Дешт-и Кыпчаком. Нетрудно заметить, что первые три из них – это довольно локальные регионы с развитой городской жизнью, и для них действительно было достаточно одного наместника. Что касается громадного Дешт-и Кыпчака, то для управления им необходимо было использовать дополнительное внутреннее разделение. Эту функцию, видимо, и выполняла старая улусная система.

По немногочисленным и порой сомнительным свидетельствам источников, общее число улусов в обоих крыльях Золотой Орды в XIV вв. равнялось семидесяти [4, с. 167]. Тридцать из них приходилось на долю левого крыла – явно менее многолюдного.

Принцип разграничения их, очерчивания улусных границ пока невозможно установить по средневековым текстам. Географические критерии (речные рубежи) действуют не во всех случаях. Если, допустим, с одной стороны улус мог ограничиваться Волгой, Камой, Доном или Яиком, то что служило его границами в голой степи – более мелкие реки? другие ландшафтные ориентиры, наподобие горных хребтов? В историографии высказано предположение, что в основе улусно-крыльевого деления могло лежать расселение различных этнических общностей. Так, Кок-Орда и Ак-Орда приблизительно соответствовали ареалам расселения огузов и кипчаков (по археологическим материалам) [19, с. 57, 58].

Возможно, при формировании удельной системы у Джучидов учитывался состав местных кипчакских и пришлых монгольских племен, когда один улус соответствовал определенной племенной общине или группе общин. Об этом косвенно свидетельствуют позднесредневековые упоминания о населении Дешт-и Кыпчака

прежде всего как о совокупности элей, т.е. людских контингентов улусных владений; при этом каждый эль обозначался в источниках племенным этнонимом: эль найманов, эль кунгратов, эль мангытов и т.п. Если верна гипотеза о четырех ведущих аристократических кланах, стоявших у руля государства (см. выше), то резонно предположить, что эти кланы обладали собственными районами кочевания.

Список литературы

1. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 156 с.
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб.: Тип. К.Крайя, 1829. 457 с.
3. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М.: Аграф; Тверь: Леан, 1997. 480 с.
4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
5. История монголов по армянским источникам / Пер. и объясн. К.П. Патканова. Вып. I. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1873. 106 с.
6. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеармян., пред. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с.
8. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комм. Е.В.Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999. 144 с.
9. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I / Пер., тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
10. Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
11. Оллсен Т. Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII – начала XIV в. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 209–228.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
13. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / Ред., вступ. ст., прим. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
14. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
15. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. Казань: Типолит. имп. Казан. ун-та, 1906. 224 с.
16. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. В.Г. Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.; т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
17. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях / Пер. Д.И. Языкова. СПб., 1825. 330 с.
18. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
20. Das Mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al absār fī mamālik al-amsār. Mit Paraphrase und Kommentar hrsg. von K. Lech. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. 518 S.

21. Saint-Quentin S. Histoire des tartares / Publ. par J. Richard. Paris: P. Geuthner, 1965. 130 p.

22. Tabakat-i-Nasiri: a General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan, from A.H. 194 (810 A.D.), to A.H. 658 (1260 A.D.), and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Vol. 1 / Transl. by H.G. Raverty. Calcutta: Gilbert & Rivington, 1881. 786 p.

23. The Ta'rikh-i-jahangusha of Alau'd-din 'Ata Malik-i-Juwaini. Pt. I. Ed. with introduction, notes and indices by M.Qazwini. Leyden: E.J.Brill; London: Luzac & C°, 1912. 380 p.

§ 2. Приуралье в составе Золотой Орды

Владимир Иванов

В начале XIII в. этнокультурные процессы на Южном Урале стабилизировались. Степи Южного Приуралья представляли собой восточную периферию Дешт-и Кыпчак – Половецкого Поля. Именно периферию, поскольку археологических свидетельств пребывания здесь кыпчаков-половцев в это время выявлено очень мало [16]. Севернее находилась Волжская Булгария, которая продолжала активно осваивать Камский торговый путь, создавая свои городища-фактории в лесном Прикамье [8, с. 395–407]. Кочевые угры, вытесненные из приуральских степей сарыкыпчаками-половцами, адаптировались к лесостепным ландшафтам современного Башкортостана.

Этническая карта Южного Урала, не успев еще окончательно стабилизироваться, рухнула в начале 20-х годов XIII века, когда с востока на нее налетел шквал монгольского нашествия. Как и в предшествующий период кыпчако-половецкой экспансии на запад, первыми под удар попали кочевники восточной части Дешт-и Кыпчака.

Начиная с 1182 г. монголы воевали с меркитами, которых они в 1208 г. смогли вытеснить в долину реки Иртыш на востоке Казахстана [26, с. 151]. Окончательный разгром меркитов и захват их кочевий на берегах Иртыша произошел в 1216 г. («год быка») после возвращения Чингиз-хана из похода на Китай. В анонимном китайском сочинении XIV в. «Юань Ши» («История династии Юань») об этом событии сказано следующее: «Тайцзу (Чингиз-хан) совершил поход на меркитов. Их правитель Ходу бежал к кыпчакам. Инассу – правитель кыпчаков принял его. Тайцзу направил посла с такой речью: «Ты зачем спрятал изюбра, в которого я хотел пустить стрелу? Немедленно верни его. Не согласишься – принесешь беду». Инассу ответил отказом. Тайцзу приказал тогда выйти в поход и покарать его. Инассу уже состарился. В государстве кыпчаков не было единства. Сын Инассу по имени Хулусумань отправил посла с изъявлением покорности к Тайцзу. Но Сяньцзун получил приказ двинуть войска и уже стучался в их (кыпчаков) границы». В другом месте «Юань ши» преследование меркитов связывается с именем знаменитого полководца Субедея: «Их (меркитов) правитель Ходу бежал к кыпчакам, Субедей преследовал его. Сразившись с кыпчаками, разбил их...» [цит. по: 5, с. 226–227]. В погоне за меркитским ханом Ходу, бежавшим к кыпчакам, Субедей вторгся во владения кыпчаков. Историки считают, что это были кыпчаки Южного Приуралья, которые оказывали помощь меркитам, и последнее решающее сражение между мерки-

тами и монголами произошло в междуречье рек Кайлы и Кимач, которые казахский историк С.М. Ахинжанов отождествлял с реками Джарлы и Кумак на востоке современного Оренбуржья [3, с. 128].

После этого монголы столкнулись с войском хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, который, кстати заметить, как раз и шел покорять мятежных кыпчаков. Джузджани, в частности, сообщает, что в «615 г. (1216 г.)...хорезмшах Мухаммад отправился истреблять племена Кадыр-хана...». После неудачного мятежа Алп-Дерек Иналчук Кадыр-хан Туркестанский бежал вглубь Дешт-и Кыпчака. В погоне за ним хорезмшах Мухаммад, согласно Рашид ад-дину, подошел «к пределам Туркестана до границ своей страны». В это время, за день до битвы с хорезмшахом, монголы под предводительством двух военачальников – Субедея и Джебе – уничтожили остатки меркитов. В тот же день к вечеру к полю битвы подошел со своей армией хорезмшах Мухаммад и, узнав от раненного меркита, что монголы только недавно покинули место сражения, бросился за ними в погоню и настиг их на рассвете следующего дня. По мнению С.М. Ахинжанова, это событие произошло на границе современных Актюбинской и Оренбургской областей, в окрестностях Уральских гор, в междуречье рек Кумак и Джарлы. Бой продолжался весь день, причем безрезультатно для обеих сторон. С наступлением темноты Субедей отвел свои войска и, предварительно разложив костры для создания видимости наличия большого воинского лагеря, увел их на восток. Утром армия хорезмшаха нашла только пустой монгольский лагерь.

Необходимо заметить, что с Хорезмом монголы начиная с 1215 г. вели мирные переговоры и обменивались торговыми караванами. И поэтому Чингиз-хан и Мухаммад эту битву посчитали случайностью и продолжали мирные взаимоотношения. Но в 1218 г. был разграблен очередной монгольский караван, пришедший в город Отрар, а купцы были убиты по обвинению в шпионаже. Чингиз-хан отправил к хорезмшаху посольство для выяснения обстоятельств случившегося, но тот часть послов казнил, а других с поруганием выгнал в степь. Чингиз-хан получил весть о случившемся и уже в сентябре 1219 г., проведя лето на Иртыше, начал завоевание Средней Азии, покорив ее за несколько лет, к 1221 г.

А вот далее, как написал Джузджани, монголы, «управившись с делами хорезмийскими, обратились на Кыпчак, Туркестан, покорили и заплонили одно за другим войска и племена кыпчакские и подчинили все эти племена своей власти». На завоевание этих территорий Чингиз-хан отправил своего старшего сына Джучи после взятия в 1221 г. города Ургенча. Абу-л-Гази сообщал об этом следующее: «...по прибытии Джучи-хана кыпчакский народ собрался и произошла битва. Джучи-хан победил, перебил всех попавшихся ему в руки кыпчаков».

Уместно будет здесь привести слова Марко Поло о причинах поражения кыпчаков: «...не были они дружны между собой и не составляли одного царства, а потому команы (кыпчаки), что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина (Чингиз-хана)».

В общем-то, у современных историков фактически нет сомнения в том, что описываемые события происходили в степях Западного Казахстана и Приаралья. Эти кыпчаки имели свою правящую династию и их хан принял под свое покровительство бежавших от монголов меркитов [3, с. 129]. Кроме того, известно, что в поход через южное побережье Каспия были отправлены Субедей и Джэбэ, а потому для Джучи оставалось только одно стратегическое направление – на север от Хорезма, на завоевание восточной части Дешт-и Кыпчака. Подтверждением этому

служит и тот факт, что в 1221–1222 гг. корпус Субедея и Джебе прошел через Дербентские ворота и вышел в степи, где столкнулся с объединенными силами половцев и алан, а затем, 31 мая 1223 г., одержал победу на реке Калке над дружинами русских князей и половцев. Но вот далее, выполняя приказ Чингиз-хана, монголы возвращались в свой юрт через степи Дешт-и Кыпчака и практически все лето грабили половецкую степь, крымские и южнорусские земли, а уже к осени монгольская армия (около 30 тысяч воинов) вступила на территорию Волжской Булгарии.

По-видимому, это была разведка боем – Субедею нужно было выяснить, что за воины болгары. И он это выяснил, но с большими потерями для себя. Ибн ал-Асир по этому поводу пишет: «Татары направились в Булгар в конце 620 года (1223 г.). Когда жители Булгара услышали о приближении их (монголов) к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли на место засад, нападали на них с тыла, так, что они (монголы) остались в середине; рубил их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их (оставшихся в живых) было до 4000 человек. Отправились они [оттуда] в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингиз-хану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся на свою землю» [14, с. 176].

И ни слова в источниках о столкновениях с кыпчаками! Подобному факту мы находим только одно объяснение – в Волго-Уральских степях находилось войско Джучи, который к этому времени уже рассеял силы кыпчаков. Как раз к этому времени относится запись Джувейни в его «Истории завоевателя мира»: «Ту зиму (1222/1223 гг.) Чингиз-хан пробыл в пределах Самарканда и послал к сыну своему Туши (Джучи) гонца с приглашением приехать туда из Дешт-и Кыпчака и позабыться охотою... Войско Туши находилось в Дешт-и Кыпчаке...».

В какой части Дешт-и Кыпчака находилось «войско Туши», определенно сказать сложно, ясно – что на территории современного Казахстана и прилегающих к нему районов Южной Сибири. По мнению исследователей, опирающихся в основном на сведения Рашид ад-дина, в юрт Джучи входили области «в пределах реки Иртыш и Алтайских гор», а ставка его находилась на Иртыше. И, таким образом, западная граница владений Джучи до начала монгольского вторжения в Восточную Европу проходила по восточному склону Уральских гор и левому берегу р. Урал до устья [10, с. 57; 4, с. 139–145].

То есть получается, что уже к середине 1220-х гг. земли Южного Урала и Приуралья как бы полукольцом были охвачены владениями монгол с востока и контролируемые ими же степями Уральского левобережья с юга. У нас нет никаких данных – ни письменных, ни тем более археологических, – свидетельствующих о том, что накануне монгольского вторжения в Восточную Европу степи Волго-Уральского междуречья были кем-то заселены, хотя на всех картах и во всех нарративах они фигурируют как часть Дешт-и Кыпчака. Но это следует относить к собственно Поволжским территориям и территориям, лежащим западнее Волги. Собственно в Нижнем Поволжье частью Дешт-и Кыпчак для восточных авторов являлась область Саксин – крошечная полиэтническая территория, зажатая между берегов Волжско-Ахтубинской поймы (Васильев, эл. ресурс). На роль ареалообразующего фактора для степей Заволжья и Южного Предуралья она претендовать, естественно, не могла и серьезным препятствием для монгольского нашествия не являлась. Поэтому в изложении истории монгольского завоевания Урало-Поволжья в трудах исследователей постоянно фигурирует несчастный кыпчакский эмир Бачман, вед-

ший партизанскую и заведомо обреченную на поражение борьбу с монголами, как пример героического сопротивления кочевников Дешт-и Кыпчак монгольскому нашествию.

После событий 1223 г. и последовавшего в 1224 г. на курултае в Кулан-Баши распоряжения Джучи по завоеванию «государств Маджаров, Башкурдов, Руси, Корелы и Немцев...» [29, с. 158–159] источники весьма скупо повествуют о войнах, которые Джучи вел в Урало-Поволжской части Дешт-и Кыпчак. Так, судя по сведениям Плано Карпини (1248–1252 гг.), действия царевича сводились к разовым рейдам в сторону кипчакских кочевий: «... И, несколько отдохнув, он (Чингиз-хан, весной-летом 1224 г. – *В.И.*) разделил свои войска. Одного из своих сыновей, по имени Тоссука (Джучи – *В.И.*), которого также называли «канн», то есть император, он послал с войском против команов, которых тот победил в продолжительной борьбе, а после того, как он их победил, он вернулся в свою землю» [32, с. 659].

Так же лаконично об этом сообщают Джузджани – современник событий и Абу-л-Гази – автор XVII века. Джузджани пишет: «Туши и Чагатай, управившись с делами хорезмийскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заповолонили одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все [эти] племена своей власти. Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. В ум его стало проникать желание восстать против своего отца...» [15, с. 250]. Поскольку это желание исходило из намерения Джучи самому владеть Землей Кипчаков¹, следовательно, эти земли были завоеваны еще до выделения ему собственного улуса-юрта в 1224 г.

Видимо, во время этого похода произошел и окончательный разгром нижневожских кипчаков/половцев из области Саксин, о котором пишет Абу-л-Гази: «Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кипчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кипчаков. Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином (Доном – *В.И.*), рассеялись на [все] четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов» [цит. по: 4, с. 301].

Следующее «пламя войны» между кыпчаками и монголо-татарами вспыхнуло, как об этом пишет арабский писатель Ибн-Васыл, в 1229–1230 гг. После смерти Чингиз-хана в 1227 г. великим ханом стал Угэдэй, который и послал отряд в 30000 монголов во главе с Субедеем и Кукдаем «в страну Кыпчака, Саксина и Булгара». Скорее всего, порядок перечисления названных территорий показывает маршрут и последовательность монгольских ударов. И вновь сначала под их сабли попали кипчакские племена, затем они обрушились на половцев-саксинов. Русские летописи по этому поводу сообщают следующее: «Того же лета 1229 г. Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары и сторожеве Болгарьскыи прибегоша бьени от татар близ реки, ей же имя Яик». Но на этот раз монголы не пошли за болгарскими сторожевыми отрядами и не вторглись в пределы Волжской Булгарии. Видимо, в памяти монгол еще свежи были события 1223 г. и 30000 воинов уже было не достаточно для прямого столкновения с войском Волжской Булгарии, а выделение дополнительных сил было весьма проблематичным. Так, в Средней Азии и в Афганистане регулярно приходилось подавлять очаги сопротивления,

¹ По крайней мере, так это следует из контекста Джузджани.

возглавляемые последним хорезмшахом Джалал ад-Дином (сыном хорезмшаха Мухаммада). И именно в период 1228–1229 гг. против него была направлена вторая монгольская армия численностью опять же 30000 воинов во главе с Джурмагуннойоном, которая сумела справиться с поставленной задачей в 1231г. Только в 1233–1234 гг. завершилось завоевание Цзиньской империи Китая, окончательно были захвачены государства и города Средней Азии. Конечно же, все это требовало значительных сил. К тому же, как писал А.Х. Халиков, на восточных окраинах болгарских земель примерно в это время возводятся огромные земляные валы – засечные черты, представляющие собой эшелонированную линию укреплений. Вполне возможно, что с их помощью, по сути, лишая монголо-татарское войско свободы маневра, болгары могли спокойно противостоять войску в 30000 человек и сдерживать своих противников столь длительное время на степных рубежах.

Поэтому следующее упоминание в летописях о попытке монголо-татарского войска пробиться в пределы Волжской Булгарии относится к 1232 г.: «Приидоша татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьского», т.е. опять же где-то в Волго-Уральских степях. А к тому же армия хана Батыя и полководца Субедея, как отмечается в «Сокровенном сказании» встретила «сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему (Батыю) было поручено Чингиз-ханом, а именно – Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Асит, Булар, Келет...». Вследствие этого на курултае 1235 г. было принято решение об отправлении «в поход Бату, Бури, Мунке и многих других из царевичей на помощь Субеетаю...».

И в 1236 г. эта огромная сила (по некоторым данным, только собственно монгольских воинов в этой армии было до 250000 человек) накопилась в Волго-Уральских степях, а затем вторглась в Волжскую Булгарию, которая была подвергнута страшному разгрому и разрушению. В «Сокровенном сказании» же записано: «Посланные в помощь Субеетаю царевичи Бату, Бури, Гуяк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы канлин, кипчаут, бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мечет...». Многие исследователи считают 1236 г. датой покорения народов Волго-Уралья. Однако, как мы отмечали выше, монголо-татарское войско в степях Волго-Уралья находилось непрерывно как минимум уже с 1232 г., используя их как своеобразную базу для накопления сил между попытками покорения Волжской Булгарии и остатков кочевых племен кыпчакской конфедерации.

Разгромив кыпчаков, монголы вплотную подошли к Яику. С точки зрения геополитики Монгольской империи получается, что в Улус Джучи теперь были включены и степи, лежащие между Иртышом и Уралом.

Полномасштабное завоевание монголами Волго-Уральского региона начинается весной 1236 г. Однако в планы монгольских завоевателей, по-видимому, не входило задерживаться на Южном Урале – главной целью в 1236 г. была Волжская Булгария.

Дальнейший ход событий представляется как сочетание двух тенденций в политике золотоордынских правителей по отношению к населению Южного Урала. Анализ археологического материала указывает на стабильность пребывания в лесостепных и горнолесных районах Южного Урала чияликского населения в XII–XIV вв., практически без каких-либо иных этнических вливаний: без появления других типов памятников, без принципиального изменения погребального обряда (за исключением новаций в процессе исламизации) или образа жизни и территории обитания.

Положение племен Приуралья в чем-то схоже с судьбой русских княжеств: обязательная выплата ханского ясака, участие воинских контингентов в военных

походах, тыловое обеспечение армии и т.д. Вторая линия касалась непосредственно Южноуральских степей, которые являлись частью основы основ – тем самым жизненным пространством, за которое боролась любая кочевая империя. По логике борьбы за жизненное пространство монголы в первую очередь ликвидировали всю правящую верхушку половецких племен Дешт-и Кыпчак, сломали границы старых кыпчакских родовых подразделений, растворили их в среде смешанного полиэтничного населения Улуса Джучи-Золотой Орды и вообще «перекроили» по-своему этническую карту степей Восточной Европы [31, с 27–28].

Как считает большинство исследователей, сами монголы в процессе создания своей империи находились еще на переходной стадии от родового строя к государственному. Развитой государственности у них не было и система власти имела клановый характер, базирующийся на силе и могуществе того или иного рода (*алтын уруг* – «золотой род») и харизме его предводителя. Последний, будучи избранным своими сородичами в правители, получал к своему имени приставку – титул *хакан*, *каан*, *хан*, – традиция, унаследованная монголами еще от древних тюрков. Причем, как показывает В.В. Трепавлов, имперский титул *хакан* или *каан* получал именно тот человек, которого возводили в это достоинство (поднимали на белом войлоке) участники общеродового курултая. Его братья и сыновья могли носить титул *хан* [30, с. 179].

Принадлежность к *алтын уругу* теоретически давала возможность всем потомкам основателя Монгольской империи рассчитывать на обладание удельными владениями – улусами. «Поэтому в действительности власть осуществлялась не только центральным правительством и улусными дворами, но также сонмом близких и дальних родственников, выстроенных в сложную иерархическую пирамиду. Периодически члены огромного клана удостаивались инвеститур в разных районах огромного завоеванного пространства Евразии» [30, с. 180]. Что это означало на практике? Прежде всего то, что каждый прямой чингизид уже по праву своего рождения внутри *алтын уруга* мог претендовать на собственное владение – улус. А что такое улус? Улус – это объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана, нойона, бахадура и т.д. **Улус – это народ, кочевники, данные во владение** (выделено мной – *В.И.*). Позднее термин распространился также на территорию, занимаемую этим народом, и стал служить названием удела и в целом государства [31, с. 43; 29, с. 185].

Применительно к территории Восточной Европы можно не сомневаться в том, что она уже с первых лет своего завоевания была поделена на улусы². Причем, степи Южного Приуралья были поделены между улусами неизвестных тысячников и улусом пятого сына Джучи Шибана.

Историю выделения этого улуса автор XVII в. Абу-л-Гази связывает с именем и волей Бату-хана: «Когда Саин-хан (Бату – *В.И.*), возвратившись из этого похода, остановился на своем месте... младшему своему брату, Шибан-хану...отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел; и из родовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-суук, Орь, Илек, до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр

² По новейшим исследованиям, на территории между Уральскими горами и низовьями Дуная Ю.В. Селезнев выделяет пятнадцать улусов [29, карта].

– при устьях рек Чуй-су и Сары-су.... Шибан-хан в показанных областях проводил лета и зимы и по прошествии нескольких годов умер» [цит. по: 19, с. 240].

И хотя по поводу географических границ Улуса Шибана среди исследователей некоторое время существовали разногласия, но в целом общее мнение сходится в том, что он занимал территорию современного северного Казахстана и Западной Сибири до Иртыша и Чулыма.

Однако историк и археолог В.П. Костюков, рассматривая вопрос о географических границах Улуса Шибана, первым обратил внимание на несоответствие должности этих самых тысячников и их статуса, как держателей улусов – улусбегов. В этой связи он приходит к заключению о том, что «используемая для реконструкции административного членения Золотой Орды часть отчета Платона Карпини указывает только на пограничный для Комании (Дешт-и Кыпчак – *В.И.*) статус р. Урал, но отнюдь не на то, что тысячники, кочевавшие по ее берегам, являлись владельцами улусов» [20, с. 97]. Вывод ученого сводится к тому, что р. Урал представляла собой западную границу Улуса Шибана. На севере, в горно-лесных и лесостепных районах Урала, летники эля Шибана выходили к кочевьям Приуралья, а восточнее Урала, в области Ибир-Сибир – к владениям Тай-Буги, центром которых была Кызыл-Тура на Ишиме. На юге в составе владений Шибана, вероятно, было Западное Приаралье; далее к востоку летники локализовались в местностях, указанных Абу-л-Гази – до низовий рек Чу и Сарысу на юге современного Казахстана. То есть это был самый крупный улус во всей Золотой Орде [20, с. 97–98].

Этнический состав населения, входившего в Улус Шибана, можно определить только по данным письменных источников, судя по которым, он состоял из четырех «омаков» («аймаков», «обогов», «омоков») – найманов, карлуков, кушчи и буйраков.

Создав свою империю, Чингиз-хан сохранил традиционную систему омаков, правда, несколько ее модернизировав для удобства организации власти и проведения своих военных акций. Поскольку омак должен был в случае необходимости выставлять определенное количество подготовленных воинов (пожалуй, это было его главное предназначение в условиях Монгольской империи), то и количество омаков, составляющих улус, должно было быть одинаковым. Современные исследователи, занимающиеся историей становления административной системы Империи Чингиз-хана, установили, что каждый улус состоял из четырех омаков. Предводители этих омаков, не будучи чингизидами, входили в административный совет при держателе улуса чингизиде-улусбеке и представляли там интересы своих территориально-родовых групп [20, с. 99]. Внутри Улуса Джучи, на фоне многочисленных мелких родо-племенных групп, выделяются восемь омаков (кланов), из которых четыре – Уйшын, Минг, Алчын и Дурмек – составляли восточное (левое) крыло улуса³ и четыре – Салджигут, Кунграт, Сарай и Ширин – западное (правое) крыло [18, с. 147–161]⁴.

По данным археологического почвоведения, в период, предшествующий монгольскому нашествию, степи Восточной Европы находились как бы на переходной

³ Если исходить от Волги как его географического центра.

⁴ Следует обратить внимание на предположение татарских историков Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова о том, что в позднем татарском источнике XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме», в котором, фактически дословно, приводится один из байтов о Муйтен-бие, предводитель клана Уйшын Майки би показан как значительное лицо, восседающее по правую руку от Чингиз-хана [18, с. 158].

стадии от аридизации к гумидизации, пик которой приходится как раз на время Золотой Орды. После чего вновь начинается аридизация степного климата в сторону его приближения к современным условиям. Но на начальных этапах становления Золотоордынского государства в Восточной Европе степи Южного Приуралья и Заволжья не представляли для монгольских феодалов особой ценности не только из-за неблагоприятного даже для кочевников климата, но и по причине малочисленности здесь основного объекта эксплуатации – кочевого населения.

Повинности кочевого населения Монгольской империи были различны. Прежде всего, это налоги (копчур) в пользу правящего дома – Джучидов. Если в оседло-земледельческих районах копчур взимался в размере 1 головы с 10 голов скота («десятины»), то в степи – со 100 голов. Кочевое население выплачивало также своим господам – монгольским феодалам – натуральную ренту в виде продуктов скотоводства: кобыльего молока, баранов (калан). Кроме того, на кочевое и оседлое население была возложена подводная, ямская, кормовая повинность по обслуживанию и содержанию ханских чиновников и послов. Наконец, тяжелой повинностью для кочевого населения была необходимость выставлять большое количество людей для ханской облавной аристократической охоты и полностью экипированных воинов – для войны [31, с. 40].

Но самое главное – ордынским ханам, огланам и нойонам нужны были степные пространства для кочевания. А это уже предусматривало ликвидацию конкурентов – местную родоплеменную аристократию, связанную с рядовыми кочевниками традиционными, воспринимаемыми на уровне подсознания узами кровного и духовного родства. Поэтому уже в самом начале монгольского завоевания Дешт-и Кыпчак для Бату-хана и его сподвижников было очевидно, что кыпчакским (половецким) ханам и князьям места в системе Монгольского государства нет и быть не может, и они должны быть ликвидированы как социальное явление.

Письменные источники совершенно определенно указывают на факт массового пленения и увода знатных кыпчаков/половцев в Монголию. Со второй половины XIII в. имена половецких князей совершенно исчезают со страниц русских летописей. Для этого же времени археология фиксирует исчезновение обычая установки каменных изваяний («половецких баб») над курганами в степях Восточной Европы: «Объяснение этого факта, исходя из предположения об общем упадке искусства и культуры в Восточной Европе после монгольского погрома, неубедительно. Дело здесь не в упадке ремесла или искусства у половцев, а в **потере серьезного значения в социальной жизни кочевников самого оригинала этих скульптурных изображений – аристократической верхушки собственно половецких родов** (выделено мной – *В.И.*). Каменные «бабы», изображавшие героизированных и обожествленных представителей родо-племенной аристократии, исчезают именно тогда, когда роль этой аристократии была сведена на нет» [31, с. 41].

Семантику кыпчакско-половецких каменных изваяний исследователи однозначно расшифровывают как одно из самых выразительных проявлений культа предков. Причем, это был культ предков-вождей (мужские статуи) и их жен (женские статуи). С.А. Плетнева предлагает оригинальную трактовку различия в позах статуй – стоящие и сидящие. Первые, по ее мнению, изображают представителей половецкой военной аристократии, воинов-завоевателей и защитников. Вторые – глав богатых семей и родов, хозяев и накопителей богатства [24, с. 75–76]. С приходом в восточноевропейские степи монгольских завоевателей и массовым истреблением кыпчакско-половецкой аристократии «не стало вождей – некому было по-

свящать статуи. Сохранился у половцев только культ семейно-родовых предков, идолы которых ставились в юртах. Каменные статуи остались стареть в заброшенных и разрушающихся святилищах ...» [24, с. 76].

Но не только этим ограничивалась реформаторская деятельность монгольских ханов в степях Восточной Европы. Следующим после ликвидации верхушки Половецкого общества шагом в установлении новой системы администрирования на завоеванных территориях было, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, установление здесь системы «унаган-богол».

Смысл этой системы заключался в том, что улус-бек, будь то царевич-оглан, темник или эмир-тысячник, «руководил кочеванием зависимых людей, распределяя тем самым по своему усмотрению пастбищные земли и указывая места стоянок в пределах выделенных земель» [31, с. 36]. Делалось это по разным причинам, в том числе и исходя из соображения освобождения более плодородных угодий от «лишних ртов». А в XIII в. степи Урало-Поволжья по своему экологическому потенциалу и климатическим условиям уступали «южнорусским степям» междуречья Дона и Днепра. Этим фактором, очевидно, определяется то обстоятельство, что, став хозяевами Восточноевропейских степей, монгольские ханы перекраивают по своему усмотрению этническую карту данного региона.

В свое время по результатам сравнительного анализа погребального обряда курганов XIII–XIV вв. Г.А. Федоров-Давыдов пришел к выводу о том, что в это время происходит переселение торков (черных клобуков) из Поднепровья в Нижнее Поволжье [31, с. 39].

Полученные нами результаты сравнительно-типологического анализа погребальных памятников кочевников золотоордынского периода дают основание считать, что участниками этого миграционного процесса были не только (а очевидно – и не столько) черные клобуки, но и кыпчаки-половцы «южнорусских степей». Нами установлено, что наибольшее типологическое сходство обнаруживают между собой погребальные памятники приуральских и нижневолжских кочевников. Что, в общем-то, логично, поскольку массовое заселение кочевниками Урало-Поволжских степей начинается именно в золотоордынскую эпоху. То же самое относится и к пограничным между степью и лесостепью территориям Среднего Поволжья, памятники которого обнаруживают высокое типологическое сходство с приуральскими и нижневолжскими. Вместе с тем приуральские кочевнические памятники обнаруживают достаточно высокое сходство и с памятниками Волго-Донского междуречья, а также «погранично-высокое» сходство с памятниками Левобережной Украины. Если учесть, что, по имеющимся в нашем распоряжении данным, для предшествующего периода (XII – начало XIII в.) в степях Левобережной Украины, Подонья и Волго-Донского междуречья известны 200 погребений (только в Волго-Донском междуречье – 18) против 41 в Урало-Поволжских степях, можно предположить, что в основе отмеченного сходства лежат результаты административной политики ордынских ханов, направленной на переселение Половецко-кыпчакского населения на восточные окраины государства [17, с. 217–233].

Следствием этой политики явилось, по мнению Р.Г. Кузеева, начало кыпчакского этапа в этнической истории населения Южного Урала и Приуралья. Кыпчакизацию региона, в смысле массового проникновения и расселения соответствующих родо-племенных групп (кыпчакской, катаякской, табынской, минской), исследователь связывает с этнополитическими коллизиями XIII–XIV вв., когда в результате разгрома кыпчаков войсками Джучи-хана (о чем имеются сведения у Абу-л-

Гази) и с появлением в Приуралье новых волн кочевников происходит заселение кыпчаками всей юго-западной Башкирии, от Самары на юге до низовьев Белой на севере. Это, в свою очередь, повлекло за собой массовый сдвиг кочевников Приуралья на север, вплоть до Пермских земель, и на восток – на Урал и в Зауралье. Закончился этот процесс формированием на базе взаимодействия пришлых кыпчаков и местного прикамско-приуральского населения кыпчako-булгарской или урало-поволжской подобности языков кыпчакской группы и сложением тех этнокультурных признаков, которые и легли в основу современной этнической характеристики башкирского народа [21, с. 184–185, 463–481].

Именно тогда, очевидно, и происходит массовое расселение половецко-кыпчакских племен в степях Волго-Уральского междуречья, о чем свидетельствуют многочисленные курганы середины XIII – XIV вв., в различные годы выявленные и исследованные археологами на территории современных Волгоградской, Саратовской, Актюбинской, Уральской областей и в Западном Оренбуржье. Отличаются эти курганы однообразием погребального обряда и инвентаря: захоронения под земляными насыпями, в простых прямоугольных ямах или в ямах с двумя узкими ступеньками-запличиками вдоль длинных стенок, на которые опирались концы деревянного перекрытия, погребенные часто лежат в дощатых гробах-ящиках или долбленых колодах в позе вытянуто на спине с руками, вытянутыми вдоль тела или уложенными на животе. Преобладает ориентировка покойных головой на запад и юго-запад, иногда встречается и северная.

Отличительной особенностью этих курганов являются редкие остатки конских захоронений в виде черепа и костей ног коня, уложенных в могиле рядом с человеком или на деревянном перекрытии. Все перечисленные черты погребального обряда находят параллели в обряде печенежских, огузских и половецко-кыпчакских племен. На этом основании точку зрения Г.А. Федорова-Давыдова о переселении монгольскими ханами части кочевых племен, т.н. Черных Клобуков, сложившихся из остатков разгромленных половцами печенегов и огузов (торков), из южнорусских степей на восток, за Волгу и в Приуралье можно считать вполне приемлемой.

Переселенцы получили земли на восточной окраине ханского улуса, а потому восточная граница распространения «земляных курганов» золотоордынского времени не простирается дальше Южноуральского хребта и продолжающих его гор Мугоджар. Далее на восток начинались земли другого улуса – хана Шибана (Шейбана), младшего брата Бату.

Его население составляли южно-сибирские кочевые племена найманов, карлуков, кушчи и буйраков, до монгольского нашествия входившие в состав Кимакского каганата. От них в степном Зауралье (и, в частности, в юго-восточных, зауральских районах современного Башкортостана) остались курганы, сооруженные с применением камня: каменные кучи над могилами, выкладки в виде овала или прямоугольника, каменные кольца, оградки прямоугольной формы. Здесь также хоронили в простых прямоугольных ямах или ямах с широкой ступенькой вдоль длинной, преимущественно северной, стенки могилы, часто ямы перекрывались деревянными плахами или досками, умершие укладывались на дно могилы, иногда в деревянных ящиках-рамах без дна, головой на запад или север.

Отличительной особенностью «каменных» курганов Южного Зауралья являются захоронения целой туши взнузданного и оседланного коня, уложенной на дно могилы или на земляную ступеньку слева от человека. Поиски аналогий погребальному обряду этих курганов уводят нас на восток Великого пояса евразийских

степей, к кимакам и даже еще в более ранние времена – к ранним тюркам Алтая и Южной Сибири. То есть имеются основания предполагать, что какие-то сибирские племена, вошедшие в состав «Золотой Орды», а точнее – в улус Шибана, получили кочевья в степях Южного Зауралья. По своей этнической принадлежности это могли быть прямые потомки кимаков. На это, кроме чисто археологических признаков, указывают и данные исторической лингвистики: как показывают изыскания башкирского языковеда, профессора Э.Ф. Ишбердина, именно в Башкирском Зауралье наблюдается наиболее плотная концентрация монгольских языковых заимствований, касающихся скотоводства, охоты, коневодства и др.

Несмотря на этнокультурные и, очевидно, языковые различия, обе группы приуральских кочевников золотоордынского периода входили в один культурный круг, а потому имели единую материальную культуру. И в «земляных», и в «каменных» курганах XIII–XIV вв. мы находим близкий набор вещей: в мужских могилах – принадлежности конской сбруи, нож, камень и кресало в кожаном или матерчатом мешочке, привешенном к поясу, почти всегда – несколько широких и плоских наконечников стрел-срезней, иногда помещенных в берестяной колчан, украшенный костяными накладками с пышным резным орнаментом, расцвеченным красной, черной и зеленой красками; в женских – серьги-подвески из серебряной проволоки, ожерелья из мелкого разноцветного бисера, перстни, деревянные гребни и обязательно – бронзовое зеркало, помещенное в кожаный или матерчатый чехол. Каждое такое зеркало украшено с обратной стороны орнаментом в виде геометрических или растительных узоров, фигур животных, птиц, но чаще всего – двух рыб (символ долголетия). В некоторых могилах, как правило, мужских, в руке покойного бывают зажаты серебряные монеты ордынских ханов (в основном Узбека и Джанибека), по которым удается с максимальной точностью установить время совершения данного захоронения.

Для приуральского населения кыпчакская (а точнее будет сказать – кыпчако-кимакская) миграция XIII–XIV вв. следствием своим имела их концентрацию в предгорных и горно-лесных районах Южного Урала и этническую консолидацию. Последняя выразилась в окончательной ассимиляции остатков угорских групп в тюркской среде при сохранении в материальной культуре и бытовом укладе местных угро-самодийских традиций, адаптированных к лесостепным и лесным ландшафтам региона [4, с. 129–130]. География кыпчакских курганов в Заволжье и степном Предуралье четко укладывается в границы между Волгой, Прикаспийской Низменностью и левобережьем р. Урал. И точно в эти же границы укладываются антропологические различия между краниологическими материалами с территории современного Башкортостана и золотоордынскими кыпчаками.

Список литературы

1. Азнабаев Б.А. Апология власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» // Золотоордынское наследие. Материалы научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань, 2009. С. 180–193.
2. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М.; Л., 1940. С. 71–94.
3. Антонов И.В. Образование Улуса Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 2009.

4. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа, 2012. 308 с.
5. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
6. Башкирское народное творчество. Т.10. Исторический эпос. Уфа, 1999.
7. Башкирское народное творчество. Т.2. Предания и легенды. Уфа, 1987.
8. Белавин А.М. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария // История татар с древнейших времен. Т.П. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.
9. Васильев Д.В. Где находились город и область Саксин? (постановка проблемы). Эл. ресурс. Реж. доступа: [http://kaspy.aspu.ru/files/4\(33\)/13-20.pdf](http://kaspy.aspu.ru/files/4(33)/13-20.pdf)
10. Гарустович Г.Н. Монгольская экспансия начала XIII века в Волго-Уральском регионе // Вестник АН РБ. 2011. Том 16. №4. С. 55–62.
11. Гарустович Г.Н. Завоевание монголами Южного Урала в XIII веке // Вестник АН РБ. 2012. Том 17. №1. С. 39–46.
12. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов / Пер. А.И. Малеина. М., 1957.
13. Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 415 с.
14. Злыгостев В.А. Субэдэй. Всадник, покорявший вселенную. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2011. 396 с.
15. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения / Сост., ввод. стат. и комм. Р.П.Храпачевского. М., 2003.
16. Иванов В.А. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольский период (вторая половина XI – начало XIII вв.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С. 66–70.
17. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
18. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007.
19. Костюков В.П. Улус Шибана // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
20. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010.
21. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
22. Мажитов Н.А., Иванов В.А., Султанова А.Н. Башкортостан в составе Золотой Орды // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.; Уфа, 2007.
23. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность, средневековье. Уфа: Изд-во «Китап» им. Зайнаб Бишевой, 2009. 493 с.
24. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4–2. М., 1974.
25. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. М., 1997.
26. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.2. М.-Л., 1952.
27. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960.
28. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана / Пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1906.
29. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжн. изд-во, 2013. 472 с.
30. Трепавлов В.В. Государственный строй Улуса Джучи // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 177–186.

31. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
32. Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. 728 с.
33. Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С. 21–44.

§ 3. Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XV веков

Роман Хаутала

Центральным источником информации о заволжских мадьярах является латинская запись начала 1236 года, которая начинается коротким описанием первой экспедиции доминиканцев, отправившихся около 1231 года из Венгрии в северо-восточное Причерноморье в поисках восточных венгров, и продолжается содержательным описанием второй доминиканской миссии 1234–1235 годов, увенчавшейся открытием так называемой «Великой» или «Старшей Венгрии» [32, s. 151–161]. Судя по содержанию записи, первые конкретные сведения о территории обитания заволжских мадьяр принес в Европу некий брат Юлиан – единственный член второй доминиканской экспедиции, достигший «Великой Венгрии», и автор последующего «Письма об образе жизни тартар», написанного через два года после составления данной записи [32, s. 165–182]. Все известные сведения о брате Юлиане содержатся только в этих двух документах, поскольку он не упоминается в других европейских источниках. Очевидно, он был членом одного из доминиканских конвентов Венгрии и, соответственно, говорил по-венгерски, поскольку, согласно утверждению, содержащемуся в первой записи 1236 года, он был способен общаться с заволжскими мадьярами⁵. Но это не обязательно значит, что Юлиан был венгром по рождению⁶.

В отношении авторства настоящей записи следует отметить, что она не была написана самим братом Юлианом, но составлена с его слов или на основе его письменного (и не сохранившегося) отчета неким братом Рикардусом (кому ошибочно приписывается открытие «Великой Венгрии» в заголовке записи⁷), который

---

⁵ «И все, кому он хотел говорить о вере или о другом, слушали его внимательно, поскольку все они говорят на венгерском языке. И они понимали его, и он – их» (et quescumque volebat tam de fide quam de aliis eis proponere, diligentissime audiebant, quia omnino habent Ungaricum ydioma; et intelligebant eum et ipse eos) [32, s. 157].

⁶ Выражение «наши венгры» во фразе «направившись оттуда в Великую Венгрию, откуда происходят наши венгры» (Inde reversi ad magnam Ungariam a quibus nostri Ungari originem habuerunt), содержащейся в письме Юлиана 1238 года [32, s. 172], предполагает, что сам брат Юлиан не был венгром. В противном случае, он использовал бы выражение «мы, венгры» [69, p. 1156].

⁷ «О Великой Венгрии, найденной братом Рикардусом во время господина папы Григория девятого» (De facto Ungarie magne, a fratre Riccardo invento tempore domini Gregorii pape noni) [32, s. 151; 22, p. 7]. В разночтении ватиканского манускрипта второй половины XIV века (Vaticanus Palatinus Lat. 965) Рикардусу приписывается принадлежность к Ордену доминиканцев: «a fratre Riccardo ordinis fratrum predicatorum» [см. более подробно об этом

наравне с Юлианом не упоминается в параллельных латинских источниках. Денис Синор попытался сопоставить Рикардуса с одноименным нотариусом, часто упоминаемым в официальной документации императора Фридриха II Гогенштауфена [68, XI, p. 590, 601; см. также: 38, p. 37–38]. Его гипотеза, однако, имеет несколько недостатков. Во-первых, этот нотариус не упоминается в имперских актах после 1234 года [73, p. 265], то есть к моменту составления настоящей записи. Во-вторых, автор настоящей записи выражает очевидные симпатии по отношению к папе Григорию IX, несмотря на существование натянутых отношений между Апостольским престолом и императором [65, s. 65–66, nota 109]. Последнее замечание предполагает, что Рикардус был близок с папской курией, а не с двором Фридриха II; это подтверждается и тем фактом, что его запись была немедленно включена в «Книгу цензов Римской церкви» [47, s. 194–195; 23, p. 13]. Все это, однако, не означает, что Рикардус пребывал в Италии к моменту составления данной записи. Вполне вероятно, что он проживал в Венгрии. А указание на то, что он был «братом», предполагает его принадлежность к доминиканскому или, что тоже вполне вероятно, к цистерцианскому Ордену [65, s. 65–66, nota 109].

В начале своей записи Рикардус сообщает, что братья доминиканской провинции Венгрии приняли решение найти прародину западных венгров из сочувствия к заволжским мадьярам, которые «пребывали в грехе неверия», о чем братья-проповедники узнали из некой венгерской хроники, которую Рикардус называет «Деяниями христианских венгров»⁸. Исследователи выдвигали предположение о существовании в Венгрии подобного источника, составленного в конце XI века и частично восстанавливаемого по содержанию сочинения Шимона Кезаи 80-х годов XIII столетия и сводных хроник XIV века [13, с. 158; 25, p. 112; 51, p. 87]. Однако единственным источником домонгольского периода с таким названием, сохранившимся до наших дней, является романизованная хроника анонимного магистра П., составившего свои «Деяния венгров» в первые десятилетия XIII столетия [21, p. xvii, xix, xxi–xxii, xxvi; 60, p. 1; 48, p. 43, 72; 13, с. 376; 53, p. 61; 42, p. 53].

Магистр П. помещает прародину венгров на востоке от Руси и сообщает, что мадьяры переселились в Венгрию через Суздаль и Киев⁹. Однако венгерские доми-

---

манускрипте в: 35, s. 72]. Однако эта сомнительная информация не встречается в ранних копиях, содержащихся в кодексах Национальной библиотеки Флоренции (Riccardianus Lat. 228) и Кастель Сант-Анджело (Miscell. Arm. XV. t. 1) [22, p. 21, 26], и, по всей видимости, появляется в результате самовольной инициативы переписчика XIV столетия.

⁸ «В 'Деяниях христианских венгров' было обнаружено, что существует другая, старшая Венгрия, которую покинули семь предводителей вместе со своими народами ... Тогда братья-проповедники, узнавшие о них из 'Деяний венгров' и сочувствующие тем венграм, от которых, как они узнали, они происходили, но которые все еще пребывали в грехе неверия, послали к ним четырех из братьев, чтобы разузнать, где они могли бы, с помощью Господа, их найти. Поскольку они знали из писаний древних, что те находились на востоке; но где те были, они не имели никакого понятия» (Inventum fuit in gestis Ungarorum Christianorum, quod esset alia Ungaria maior, de qua septem duces cum populis suis egressi fuerant ... Fratres igitur predicatorum, hiis in gestis Ungarorum inventis, compassi Ungaris, a quibus se descendisse noverunt, quod adhuc in errore infidelitatis manerent, miserunt quatuor de fratribus ad illos quaerendum, ubicumque eos possent iuvante Domino invenire. Sciebant enim per scripta antiquorum, quod ad orientem essent; ubi essent, penitus ignorabant) [32, s. 151].

⁹ «Семь ведущих персон, называемых Хетумогер, вышли из скифской земли по направлению к западу ... до тех пор, пока не пришли в Рускию, называемую Суздаль ... они достигли города Киева, не встречая какого-либо сопротивления» (septem principales persone,

никанцы не были знакомы с этим источником по следующим соображениям. В первую очередь, магистр П. не упоминает наименование «старшей (Великой) Венгрии» [69, р. 1162; 3, с. 19]. Во-вторых, брат Юлиан воспользовался наиболее коротким маршрутом из «старшей» в «христианскую Венгрию», указанным венгерским анонимом, только при возвращении на запад, по совету заволжских мадьяр¹⁰. В свою очередь, члены первой доминиканской экспедиции, пытавшиеся отыскать прародину венгров в Северном Причерноморье, прибегали к использованию путевого руководства альтернативного источника, по всей видимости, представлявшего собой позднюю переработку изначальной венгерской хроники конца XI столетия [13, с. 158; 51, р. 87], но так же, как и это раннее сочинение, располагавшего прародину венгров вблизи «болот Меотиды», то есть в Приазовье [69, р. 1157–1158, 1162].

Первая экспедиция доминиканцев, видимо, направленная в Северное Причерноморье в первой половине 1231 года [63, р. 28–29; 35, s. 83, nota 5; 32, s. 138–139], не увенчалась успехом. Однако один из членов этой миссии, «священник по имени Отто», привез обратно в конце 1233 года ободряющие известия о существовании «Великой Венгрии» и ее примерном месторасположении. Надломленный перенесенными лишениями Отто умер через восемь дней после своего возвращения в Венгрию, но успел сообщить своим братьям, что «в некоем царстве язычников он нашел тех, кто говорили на их языке и кто доподлинно известили его, в каких краях они пребывают»¹¹. По всей видимости, Отто советовал своим братьям направиться на Таманский полуостров, поскольку именно туда отправилась из Венгрии повторная доминиканская экспедиция весной 1234 года, достигнув по морю Матрики в мае того же года [32, s. 153, 161–162]. По совету старшей жены местного правителя зиков, братья-проповедники продолжили свой путь в Аланию, где они были вынуждены задержаться на полгода [32, s. 153–154].

Рикардус объясняет задержку доминиканцев в Алании близостью «тартар»¹², указывая тем самым, что в 1234 году татары вторглись в половецкие степи, расположенные западнее Волги, но позже вернулись на зимовку в джучидские владения. Поэтому в феврале 1235 года два члена доминиканской экспедиции (Юлиан и другой брат, по имени Герард) получили возможность продолжить путь на север и достигли через 37 дней земли буртасов [32, s. 155]. Оттуда доминиканцы направились в некий безымянный город, где один из двух братьев, по имени Герард, умер, ослабленный перенесенными лишениями [32, s. 156]. Таким образом, Юлиан остался в одиночестве, но смог тем не менее достигнуть Биляра, столицы Волжской Булгарии [32, s. 156], нанявшись слугой к некоему «сарацинскому священнику». В Би-

---

qui Hetumoger vocantur, egressi sunt de terra Scithica versus occidentem ... donec in Rusciam, que Suzudal vocatur, venerunt ... sine aliqua contradictione usque ad civitatem Kyev transierunt) [21, VII–VIII, р. 20; см. также: 68, VIII, р. 537].

¹⁰ «Тогда, поскольку он пожелал вернуться, научили его эти венгры другому пути, по которому он мог быстрее добраться» (Cum igitur vellet reverti, docuerunt eum hiidem Ungari viam aliam, per quam posset citius pervenire) [32, s. 160].

¹¹ In quodam regno paganorum quosdam de lingua illa invenit per quos certus efficiebatur, ad quas partes manerent [32, s. 152].

¹² «Из того места братья не могли продвинуться дальше по причине отсутствия спутников из-за страха перед тартарами, которые, говорили, были поблизости» (De loco illo fratres societatem habere non poterant procedendi propter timorem Tartarorum, qui dicebantur esse vicini) [32, s. 152].

ляре Юлиан, в конце концов, встретил «одну венгерскую женщину», которая объяснила ему, как добраться до территории обитания заволжских мадьяр¹³.

Рикардус сообщает, что «Великая Венгрия» находилась «в двух днях пути» от Биляра, но не уточняет, в каком направлении располагалась территория обитания заволжских мадьяр и какое расстояние он понимает под этим выражением (оставляя исследователям полную свободу для различных интерпретаций¹⁴). В любом случае Рикардус не ставил под сомнение существование «Великой Венгрии» и описывал радушный прием, который оказали Юлиану заволжские мадьяры, говорившие на понятном ему языке¹⁵, добавляя к сказанному описание встреченных туземцев, в полной мере соответствующее общей склонности латинских авторов к порицанию образа жизни кочевников: «Они – язычники, и не имеют никакого понятия о Боге, но не поклоняются и идолам и живут как звери: они не возделывают землю и едят мясо лошадей, волков и тому подобное; пьют молоко и кровь лошадей»¹⁶.

Более интересным представляется следующее далее указание на воинственность мадьяр¹⁷ и близкое с ними расположение «народа тартар», под которыми Рикардус, несомненно, имеет в виду кочевников Улуса Джучи. Согласно Рикардусу, при первом контакте отношения мадьяр с татарами сложились не лучшим образом, что привело к открытому столкновению, закончившемуся победой мадьяр¹⁸. В своем более позднем письме 1238 года брат Юлиан сообщает, что первое столкновение татар с мадьярами

¹³ «В одном большом городе той же области, который, говорят, может выставить пятьдесят тысяч воинов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая была отдана туда замуж из земли, которую он искал. Она объяснила брату путь, по которому он должен был идти, утверждая, что за два дня пути он наверняка бы нашел тех венгров, которых он искал; что и было сделано» (In una magna eiusdem provincie civitate de qua dicuntur egredi quinquaginta milia pugnatorum, frater unam Ungaricam mulierem invenit, que de terra, quam querebat, ad partes illas tradita fuit viro. Illa docuit fratrem vias, per quas esset iturus, asserens quod ad duas dietas ipsos posset Ungaros quos querebat procul dubio invenire; quod et factum est) [32, s. 156–157].

¹⁴ По всей видимости, брат Юлиан нашел мадьяр где-то в бассейне реки Белая [2, с. 34, 71–73; 22, р. 7], хотя существует и ряд других интерпретаций местоположения области их обитания [8, с. 191; 7, с. 472; 3, с. 11, 20; 63, р. 29, nota 36; 6, с. 42; 13, с. 160–161; 36, р. 246; 76, р. 198; 54, р. 21; 51, р. 87].

¹⁵ «Нашел же он их рядом с великой рекой Итиль. И они, увидев его и узнав, что он венгр-христианин, немало были обрадованы его прибытию, и водили его от дома к дому и из селения в селение, доверительно расспрашивая о короле и королевстве венгров-христиан, их братьев. И все, кому он хотел говорить о вере или о другом, слушали его внимательно, поскольку все они говорят на венгерском языке. И они понимали его, и он – их» (Invenit enim eos iuxta flumen magnum Ethyl. Qui eo viso et quod esset Ungarus christianus intellecto, in adventu ipsius non modicum sunt gavisi circumducentes eum per domos et villas et de rege et regno Ungarorum christianorum fratrum ipsorum fideliter perquirentes; et quecumque volebat tam de fide quam de aliis eis proponere, diligentissime audiebant, quia omnino habent Ungaricum ydioma; et intelligebant eum et ipse eos) [32, s. 157].

¹⁶ Pagani sunt, nullam Dei habentes notitiam, set nec ydola venerantur, set sicut bestie vivunt: Terras non colunt, carnes equinas lupinas et huius modi comedunt; lac equinum et sanguinem bibunt [32, s. 157].

¹⁷ «Они имеют в изобилии лошадей и оружие и отважны в сражениях» (In equis et armis habundant et strenuissimi sunt in bellis) [32, s. 157].

¹⁸ «Народ тартар находится рядом с ними, но, вступив с ними в сражение, эти тартары не смогли победить их в войне; напротив, в первом сражении они были ими побеждены» (Gens Tartarorum vicina est illis, set hiidem Thartari committentes cum eis, non poterunt eos in bello devincere; immo in primo prelio devicti sunt per eos) [32, s. 157–158].

произошло за 14 лет до их подчинения¹⁹, позволяя тем самым уточнить дату этого первого конфликта: поскольку заволжские мадьяры были подчинены Чингиздам в 1236 году²⁰, их первое столкновение с татарами должно было произойти в 1222 году.

Таким образом, запись Рикардуса, дополняемая сведениями Юлиана, сообщает о нападении войск Джучи на «Великую Венгрию» в ходе хорезмийской кампании Чингиз-хана. Эта информация противоречит утверждению Рашид ад-дина о том, что Джучи прекратил все военные действия после взятия Гурганджа в апреле 1221 года, вызвав тем самым гнев Чингиз-хана [9, с. 78–79]. Однако знаменитый персидский летописец страдал определенной пристрастностью в оценке деятельности Джучи, и его утверждение не следует воспринимать буквально [12, с. 159]. Вполне возможно, что Джучи уклонился от личного участия в военных действиях [18, р. 13], но войска, находившиеся в его подчинении, продолжили территориальную экспансию. Так, Джузджани сообщает, что после взятия Гурганджа Джучи продолжил наступление на север [46, р. 1283; см. также: 2, с. 152; 18, р. 12], а Джувейни указывает на присутствие джучидских войск в «кипчакской равнине» к моменту возвращения туменов Джебе и Субедея из своего западного похода [45, I. xxv, р. 149; 44, р. 175; 11, с. 21; см. также: 18, р. 13].

Не менее интересную информацию о военных действиях Джучи предоставляет наиболее ранний отчет о дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини, составленный миноритом Ц. де Бридиа во францисканском конvente Кракова 30 июля 1247 года [62, р. 54; 71, р. 374; 56, р. 40, 42]. В частности, Ц. де Бридиа писал: «Третье же войско, которое пошло на запад с ханом Джучи, сыном Чингиз-хана, первой подчинило землю, называемую Теркемен²¹, вторыми – бисерминов²², потом – кангитов²³ и, наконец, вторглось в землю Кипчак, то есть в Команию. Однако команы, объединившись со всеми рутенами, сразились с тартарами вблизи двух рек: одна называлась Калк, а другая – Кониуззу ... Итак, победив их, тартары стали возвращаться в свои земли и на обратном пути захватили на севере некие земли, а именно бастарков, то есть Великую Венгрию»²⁴.

¹⁹ «Направившись оттуда в Великую Венгрию, откуда происходят наши венгры, они нападали на них четырнадцать лет и на пятнадцатый год ими завладели» (*Inde reversi ad magnam Ungariam a quibus nostri Ungari originem habuerunt, expugnaverunt eos quatuordecim annis et in quinto decimo optinuerunt eos*) [32, s. 172].

²⁰ В том же письме Юлиан уточняет время подчинения заволжских мадьяр татарам посредством указания на то, что третья экспедиция доминиканцев, направившаяся из Венгрии на восток в начале 1236 года [63, р. 28–29; 32, s. 138–139], натолкнулась в восточных пределах Владимиро-Суздальского княжества на беженцев из «Великой Венгрии»: «Пока я снова пребывал в Римской курии, отправились раньше меня в Великую Венгрию четыре моих брата. И когда они прошли через землю Суздали, на границе того царства повстречались им некие венгры-язычники, бежавшие от лица тартар» (*Iterum cum ego remansi in curia Romana, precesserunt me ad magnam Ungariam quatuor fratres mei, qui pertransientes per terram Sudal, in finibus regni illius occurrerunt quibusdam Ungaris paganis fugientibus a facie Tartarorum*) [32, s. 180].

²¹ Согласно Джувейни, примерно во время осады и взятия Дженда в апреле 1220 года банда туркоманов (то есть гузов) восстала против монголов и была подавлена силами Тайнал-нойона [45, I. xiii, р. 90–91; 44, р. 112].

²² Мусульман, то есть хорезмийцев [29, р. 72, nota 3].

²³ Центральные территории канглов располагались в Кара-Куме, в степи на севере от Арала [18, р. 12].

²⁴ *Tercius autem exercitus qui ad occidentem iuit cum Tossuc can, filio Cingis can, subiugavit primo terram que dicitur Terkemen, secundum Biserminos, postea Kangitas, ad*

Очевидно, что информанты Ц. де Бридиа (или, точнее, Бенедикта Полония, на основе устного доклада которого польский францисканец составил свою «Историю тартар») не только указывали на вполне вероятное взаимодействие по обе стороны Каспия военных сил Джучи и подразделений Джебе и Субедея [18, p. 13; 56, p. 46], но также приписывали Джучи и мнимое участие в битве на Калке, и столь же неправдоподобное завоевание «Великой Венгрии». В последнем случае речь, вероятно, шла о столкновении Джебе и Субедея с военными силами Волжской Булгарии в районе Самарской Луки осенью 1223 года, закончившемся в действительности серьезным поражением татар [10, с. 27–28; 4, с. 81]. Более важным, однако, представляется указание Ц. де Бридиа на то, что после взятия Гурганджа армия Джучи продолжила военные действия против канглов: вследствие завоевания Северного Приаралья и дальнейшего наступления на кипчаков Волго-Уральского междуречья татары вполне могли столкнуться с заволжскими мадьярами.

Уточнение Юлиана в отношении времени первого столкновения между татарами и мадьярами позволяет предположить, что оно произошло за год до возвращения туменов Джебе и Субедея из западных степей половцев [ср.: 2, с. 151–153; 65, s. 73, nota 133; 35, s. 89, nota 30; 18, p. 16]. В свою очередь Рикардус прибавляет к сказанному, что мадьяры нанесли поражение татарам. Однако далее он допускает самовольное пояснение, утверждая, что после поражения татары заключили с ними военный союз и «полностью опустошили пятнадцать царств»²⁵. Этот домысел Рикардуса, очевидно, противоречит сведениям самого брата Юлиана, сообщавшего в своем послании, что татары не только не заключали союза с мадьярами, но и вели с ними непрерывную войну в течение 14 лет, вплоть до их покорения на пятнадцатый год конфликта [32, s. 172]. Рикардус, очевидно, не смущался прибавлять свои домыслы к оригинальному отчету брата Юлиана, явственные, например, в указании Рикардуса на маловероятную уверенность бургасов, волжских болгар и мордвинцев в неизбежности их будущего обращения в католическую веру [32, s. 155–156, 160–161]. Однако здесь важнее подчеркнуть определенное несоответствие в двух рассматриваемых источниках: если в записи Рикардуса, составленной в начале 1236 года, заволжские мадьяры представлены в качестве союзников татар, то в следующем письме, написанном в начале 1238 года, брат Юлиан сообщает, что татары уже покорили сородичей венгерских доминиканцев.

Суммируя все эти противоречия, Денис Синор выразил определенные сомнения в достоверности записи Рикардуса и пришел к выводу, что он не просто внес несомненные изменения в оригинальный отчет брата Юлиана об открытии «Великой Венгрии», но выдумал все содержание записи, основываясь в своей фальсификации на письме Юлиана 1238 года и на неизвестном ныне отчете о первой экспедиции доминиканцев, упоминаемой в начале записи Рикардуса [68, XI, p. 596, 598]. Важнейшим следствием этих заключений было предположение Синора, не ставившего под сомнение аутентичность письма Юлиана 1238 года, что доминиканские миссионеры никогда не достигали заволжских мадьяр, а существование

---

ultimum intrauerunt terram Cuspcas. Comani autem coadunati cum Ruthenis omnibus pugnaverunt cum Tartaris iuxta duos riuulos – nomen unius Calc, alterius vero Coniuзу ... Victis ergo istis Tartari redire ceperunt ad terras proprias et in reditu ceperunt ab aquilone quasdam terras, uidelicet Bastarchos id est Maiorem Hungariam [41, xx, p. 15; 29, p. 73–75]. Сопоставление «земли бастарков» с «Великой Венгрией» будет рассмотрено ниже.

²⁵ *Unde ipsos sibi amicos et socios elegerunt, ita quod simul iuncti quindecim regna vastaverunt omnino* [32, s. 158].

«Великой Венгрии» было вымыслом Рикардуса [69, p. 1162; 68, VIII, p. 534, XI, p. 596, 598].

Однако кажущаяся последовательность умозаключений Синора содержит ряд недостатков. В первую очередь, несоответствие в представлении взаимоотношений мадьяр и татар в двух источниках объясняется тем, что первые наблюдения брата Юлиана, содержащиеся в записи Рикардуса, были сделаны в 1235 году, то есть в то время, когда военный потенциал Бату имел еще крайне ограниченный характер. В свою очередь, брат Юлиан составил послание 1238 года уже после появления на востоке Европы основного военного потенциала монгольской империи и соответствующего подчинения мадьяр. К сказанному следует также прибавить замечание и об относительно форсированной интерпретации со стороны Синора короткого сообщения брата Юлиана о затянувшемся конфликте между мадьярами и татарами. По мнению Синора, утверждение брата Юлиана о том, что татары напали на мадьяр «четырнадцать лет и на пятнадцатый год ими завладели» [32, s. 172], следует понимать как постепенное и последовательное завоевание территорий мадьяр, которое должно было броситься в глаза Юлиану при его прибытии в «Великую Венгрию» в 1235 году. Однако глагол «нападали» (*expugnauerunt*) скорее указывает здесь на приграничные набеги джучидских передовых отрядов, которые не были способны преодолеть сопротивление мадьяр вплоть до прибытия основных сил монгольской империи в 1236 году.

В свою очередь, к моменту прибытия в «Великую Венгрию» (в конце весны 1235 года) брат Юлиан еще не знал о перманентном характере конфликта между мадьярами и Джучидами, поскольку военные действия между ними, вероятно, велись в приграничных районах «Великой Венгрии». В данном контексте Рикардус приводит наиболее интересные сведения брата Юлиана, полученные от некоего «посланца предводителя тартар», о существовании за «землей тартар крайне многочисленного народа, выше и крупнее всех людей, с настолько большими головами, что они никак не соответствуют размеру их туловища»²⁶. Таким образом, брат Юлиан был уведомлен как о том, что монгольская империя не ограничивалась только «землей тартар», то есть улусом Джучи, так и о внешнем виде монголов, отчетливо отличавшемся, по словам посла (или более вероятной интерпретации Рикардуса), от знакомых мадьярам «тартар». Кроме того, брату Юлиану стало известно, что монголы приняли решение «выйти из своей земли, чтобы сразиться со всеми, кто пожелает им сопротивляться, и чтобы опустошить все царства, которые они смогут подчинить»²⁷. По всей видимости, данное сообщение отображало историческое решение о начале Западного похода монголов, принятое чингизидами на всемонгольском курилтае 1235 года и побудившее Юлиана спешно вернуться в Европу²⁸. В свою очередь, указание Рикардуса на то, что Юлиан отправился в обратный

---

²⁶ In hac Ungarorum terra, dictus frater invenit Thartaros et nuntium ducis Thartarorum ... Dixit etiam idem, quod ultra terram Thartarorum esset gens multa nimis omnibus hominibus altior et maior, cum capitibus adeo magnis, quod nullo modo videntur suis corporibus convenire [32, s. 158–159].

²⁷ Eadem gens de terra sua exire proponit, pugnaturi cum omnibus, qui eis resistere voluerint, et vastaturi omnia regna quecumque poterunt subiugare [32, s. 159].

²⁸ «Узнав обо всем этом, несмотря на побуждения венгров остаться, брат отказался [остаться]» (Frater hiis omnibus intellectis, licet ab Ungaris invitaretur, ut maneret non decrevit) [32, s. 159].

путь 21 июня²⁹, позволяет предположить, что курилтай 1235 года должен был быть проведен не позже его отбытия из «Великой Венгрии»³⁰.

Помимо описания мордвинов, дальнейшее и чрезвычайно сбивчивое изложение обратного маршрута брата Юлиана представляет интерес констатацией того, что путь его возвращения пролегал через территории Руси, и сообщением Рикардуса о том, что это направление было указано Юлиану мадьярами³¹. Последнее уточнение предполагает наличие у заволжских мадьяр представления о расположении «западной» Венгрии, возможно, сложившегося на основе информации купцов Волжской Булгарии, которые, предположительно, посещали венгерское королевство, начиная с X столетия [70, р. 99; 53, р. 41].

Рикардус сообщает, что брат Юлиан вернулся в Венгрию 27 декабря³², но так же, как при упоминании его отправления из «Великой Венгрии», он не уточняет года, в который произошли описываемые события. Для выяснения даты первого восточного путешествия Юлиана (имеющей непосредственное значение для обоснования всех предыдущих заключений), здесь следует уделить внимание его дальнейшей деятельности, которая становится известной при ознакомлении с содержанием его «Письма об образе жизни тартар» [32, s. 165–182].

В своем послании брат Юлиан сообщает, что впоследствии он направился в Италию с очевидным намерением информировать Римскую курию о результатах своей восточной миссии. Путешествие Юлиана в Рим должно было произойти параллельно с отправлением из Венгрии повторной доминиканской экспедиции к заволжским мадьярам³³. Четыре участника этой доминиканской миссии достигли восточных пределов Владимиро-Суздальского княжества, где им повстречались «некие венгры-язычники», вынужденные покинуть «Великую Венгрию» в связи с полномасштабной монгольской инвазией. По словам брата Юлиана, эти беженцы искали убежища на западе и были готовы обратиться в католичество, «лишь бы добраться до христианской Венгрии». Поэтому братья-проповедники отказались от первоначального намерения посетить «Великую Венгрию» и сконцентрировались на прозелитизме среди мадьярских беженцев. Но Юрий Всеволодович, Великий князь Владимирский, обеспокоенный перспективой распространения «римской религии» в своих владениях, изгнал доминиканцев из своего княжества³⁴. Однако до-

²⁹ «Отправился же брат в обратный путь за три дня до праздника рождества Иоанна Крестителя» (*Incepit autem frater redire tribus diebus ante festum nativitatis beati Iohannis Baptiste*) [32, s. 160].

³⁰ Джувейни косвенно указывает на то, что этот курилтай проводился в весенний период года [45, I. xxxi, р. 196–197; 44, р. 222–223].

³¹ «И после того, как он пожелал вернуться, научили его эти венгры другому пути, по которому он мог быстрее добраться» (*Cum igitur vellet reverti, docuerunt eum hiidem Ungari viam aliam, per quam posset citius pervenire*) [32, s. 160].

³² «Он добрался до ворот Венгрии на второй день после рождества Господа» (*secundo die post nativitatem Domini Ungarie portas intravit*) [32, s. 160].

³³ «Пока я снова пребывал в Римской курии, отправились раньше меня в Великую Венгрию четыре моих брата» (*Iterum cum ego remansi in curia Romana, precesserunt me ad magnam Ungariam quatuor fratres mei*) [32, s. 180].

³⁴ «И когда они прошли через землю Суздали, на границе того царства повстречались им некие венгры-язычники, бежавшие от лица тартар. Они охотно приняли бы католическую веру, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Князь Суздали разгневался, услышав об этом, отозвал братьев назад и задержал их, чтобы они не проповедовали римскую религию упомянутым венграм. И по этой причине он изгнал их из своей земли, не причиняя, однако,

миниканцы не посчитали свою миссию исполненной и направились в Рязанское княжество с намерением попасть кружным путем в «Великую Венгрию» или (что было более вероятным) для того, чтобы развернуть прозелитическую деятельность среди мордвинов или даже монголов³⁵. По их прибытию в Рязань двое из участников этой доминиканской миссии отправились в землю мордвинов, но пропали там без вести, поскольку, как поясняет брат Юлиан, «предводитель мордуканов»³⁶ подчинился татарам к моменту визита доминиканских миссионеров³⁷. Два других участника миссии тщетно пытались узнать о судьбе своих собратьев, послав им вдогонку своего переводчика, но он был убит мордвинами³⁸.

В свою очередь, брат Юлиан направился из Рима на восток примерно через год после отправления этой третьей доминиканской миссии [63, р. 27–29; 32, s. 138–139], получив от папы Григория IX предписание возобновить прозелитическую деятельность среди заволжских мадьяр³⁹ вместе с возможным поручением собрать сведения о военных действиях татар [47, s. 195; 69, р. 1157]. По всей видимости, брат Юлиан был наделен полномочиями представителя Апостольского престола, поскольку он был принят Великим князем Владимирским и получил от Юрия Всеволодовича не только устное предостережение о намерении монголов напасть на венгерское королевство⁴⁰, но и перехваченный ультиматум Бату, адресованный

неприятностей» (*qui pertransientes per terram Sudal, in finibus regni illius occurrerunt quibusdam Ungaris paganis fugientibus a facie Tartarorum, qui libenter fidem catholicam recepissent, [et] dum versus Ungariam christianam venissent. [Quod] audiens dux predictus de Sudal indignatus fratribus predictis revocatis inhibuit, ne legem Romanam predicarent Ungaris memoratis, et propter hoc expulit fratres predictos de terra sua; tamen absque molestia*) [32, s. 180].

³⁵ «Но не желая возвращаться и легко отказаться от проделанного пути, они отклонились к городу Рязани, чтобы попасть кружным путем в Великую Венгрию, к мордуканам или к самим тартарам» (*hi nolentes redire et viam factam facile dimittere declinaverunt ad civitatem Risennie, si viam haberent ut in magnam Ungariam vel ad Morducanos vel ad ipsos Tartaros pertransirent*) [32, s. 180].

³⁶ То есть мордовского племени мокша [2, с. 172; 5, с. 146, 149, 156; 7, с. 474; 72, р. 296, 298].

³⁷ «Оставив там двоих из них, по истечению ближайшего праздника Апостолов Петра и Павла братья прибыли в сопровождении переводчиков к тому другому предводителю мордуканов, который в тот же день, как они прибыли, вышел со всем народом и своим родом, чтобы, как мы говорили выше, подчиниться тартарам. И что случилось с теми двумя братьями после этого, погибли ли они или же были отведены упомянутым предводителем к тартарам, совершенно неизвестно» (*Duobus autem fratribus ibi relictis ex ipsis, conducti interpretibus in festo Apostolorum Petri et Pauli proximo transacto venerunt ad ducem Morducanorum alterum, qui eodem die egressus quo isti venerant, cum toto populo et familia, sicut superius diximus, Tartaris se subiecit. De cetero, quid de duobus fratribus illis factum sit, utrum mortui sint vel a duce iam dicto ad Tartaros deducti, penitus ignoratur*) [32, s. 180–181].

³⁸ «Два оставшихся брата, недоумевая по поводу их задержки, в празднование ближайшего Михайлова дня отправили одного переводчика, чтобы удостовериться, живы ли они. Но и его убили вторгнувшиеся мордуканы» (*Duo fratres relictis, admirantes de mora eorundem circa festum Michaelis proxima celebratum miserunt quendam interpretem, de eorum vita cupientes certificari; quem etiam Morducani invadentes occiderunt*) [32, s. 181].

³⁹ «Согласно предписанному мне послушанию, я должен был отправиться в Великую Венгрию» (*secundum iniunctam mihi obedientiam ire deberem ad magnam Ungariam*) [32, s. 166].

⁴⁰ «Князь Суздали передал устно через меня королю Венгрии, что днем и ночью обсуждают татары, как они победят и овладеют христианским королевством Венгрии» (*dux de*

венгерскому монарху Беле IV⁴¹. Разъяснение дальнейшей деятельности брата Юлиана затрудняется бессвязным характером сведений, содержащихся в его послании. По всей видимости, он достиг восточных пределов Владимиро-Суздальского княжества и встретил там болгарских и мадьярских беженцев, сообщивших ему о монгольском завоевании «Великой Венгрии» и соседствовавших с ней земель⁴². Удостоверившись в невозможности посетить земли заволжских мадьяр, брат Юлиан, вероятно, направился в Рязань; хотя сведения, содержащиеся в его послании, не позволяют уточнить, отправился ли он туда в сопровождении упомянутых выше доминиканцев, или же он присоединился к этой миссии через некоторое время после прибытия братьев-проповедников в Рязанское княжество. В любом случае, брат Юлиан дает понять, что он отправился в обратный путь из Рязани⁴³ и добрался до венгерского королевства через половецкие степи⁴⁴. Но, что более важно, Юлиан отправился в обратный путь в Венгрию в тот момент, когда армия Бату располагалась у границ Рязанского княжества, но еще не вторглась в его пределы⁴⁵. То есть Юлиан должен был отправиться из Рязани за несколько месяцев до ее падения, точнее, в сентябре или октябре 1237 года.

Таким образом, между 27 декабря, датой своего возвращения из «Великой Венгрии», и ранней осенью 1237 года Юлиан должен был: во-первых, отправиться из Венгрии в Рим, чтобы проинформировать папу Григория IX о результатах своей миссии; во-вторых, вернуться из Рима в Венгрию, чтобы снова направиться оттуда на восток; в-третьих, достигнуть восточных пределов Суздальского княжества и посетить Рязань, чтобы отправиться оттуда в обратный путь в Венгрию. Принимая во внимание, что во всех упомянутых пунктах следования Юлиан должен был останавливаться на значительные промежутки времени, маловероятным кажется предположение, что вместе с продолжительным визитом в Римскую курию Юлиану

Sudal mandavit per me regi Ungarie viva voce, quod die noctuque consilium habent Tartari qualiter vincant et obtineant regnum Ungarie christianum) [32, s. 177–178].

⁴¹ «Вышеназванное послание, данное мне князем Суздали, я доставил королю Венгрии» (*predictas litteras a duce de Sudal mihi datas ad regem Ungarie deportavi*) [32, s. 178; см. там же текст письма: s. 179].

⁴² «Мы пришли к крайним пределам Руси, где узнали истинное положение дел, что все баскарды, которых также зовут язычниками-венграми, и болгары и многие царства тартарами были совершенно опустошены» (*cum ad ultimos fines Ruscie devenissemus, rei dedicimus veritatem, quod omnes Bascardi qui etiam Ungari pagani vocantur, et Bulgari, et regna quam plurima a Tartaris penitus sunt devastata*) [32, s. 166].

⁴³ «Видя, что земля захвачена тартарами и недоступна, и осознав, что она уже не принесет никакого урожая, я и мои спутники вернулись в Венгрию» (*Ego autem et socii mei videntes terram a Tartaris occupatam, et regiones munitas conspicientes, at iam nullum fructum fructificandi reversi sumus ad Ungariam*) [32, s. 181]. Этой фразе непосредственно предшествует повествование о перипетиях братьев-проповедников в Рязани.

⁴⁴ «Мы же, когда проходили через языческую Куманию» (*Nos autem cum transiremus per Cumaniam paganam*) [32, s. 178].

⁴⁵ «Теперь же, пребывая на границах Руси, мы извели истинное положение дел, что все войско тартар, пришедшее в западные края, разделено на четыре части ... Другая же часть – уже на юге, на границах Рязани, другого княжества рутенов, на которое они никогда не нападали» (*Nunc autem cum nos in finibus Ruscie maneremus, prope rei sensimus veritatem, quod totus exercitus Tartarorum veniens ad partes occidentis, in quatuor partes est divisus ... altera vero pars versus meridiem iam fines Risennie, quod est alius ducatus Rutenorum, quam numquam expugnabant*) [32, s. 173–174].

хватило всего лишь девяти месяцев для осуществления своей второй миссии на восток⁴⁶. Поэтому неправдоподобной представляется датировка Сергея Аннинского, принятая им с легкой руки Ласло Бендефи [1, с. 72; 22, р. 19]. Юлиан должен был вернуться в Венгрию из своего первого путешествия на восток не в конце 1236 года, а годом раньше. Соответственно, он должен был покинуть «Великую Венгрию» 21 июня 1235 года, а начало его путешествия из Венгрии должно было приходиться на весну 1234 года [32, s. 161–162].

«Великая Венгрия» после ее «открытия»

Не пытаясь даже приоткрыть «ящик Пандоры», скрывающий в себе проблему венгерско-башкирской взаимосвязи (переиначивая красноречивое выражение Дениса Синора [69, р. 1162]), здесь будет более уместно ограничиться упоминанием только тех примеров сопоставления «Великой Венгрии» с областью обитания предков современных башкир, которые встречаются в латинских источниках. В первую очередь, следует отметить, что ни запись Рикардуса, ни послание Юлиана не упоминают имени предков башкир. В своем издании послания Юлиана Генрих Дёрри воспроизводит следующую фразу, встречающуюся в полном виде⁴⁷ только в ватиканском манускрипте конца XIII столетия (Vaticanus Palatinus Lat. 443): «Мы пришли к крайним пределам Руси, где узнали истинное положение дел, что все *баскарды*, которых также зовут язычниками-венграми, и болгары, и многие царства тартарами были совершенно опустошены»⁴⁸.

Однако в действительности на месте «баскардов» в этом манускрипте было указано имя «тартар»⁴⁹, несмотря на то, что упомянутая фраза при этом теряла всякий смысл. Очевидно, переписчик манускрипта встретил непреодолимые трудности в прочтении непонятного ему этнонима, содержавшегося в оригинале (и остающегося неизвестным и в настоящее время), и предпочел поставить на его место хорошо знакомое ему наименование татар. В свою очередь, переписчики других копий письма Юлиана⁵⁰ приняли решение не воспроизводить этот фрагмент в целостности. Следуя предположению Ласло Бендефи [22, р. 39, nota 1], Генрих Дёрри заменил имя «тартар» этнонимом «баскарды», обосновывая это тем соображением, что в последующих латинских источниках «баскарды» неизменно отождествляются с мадьярами [32, s. 166; см. также: 35, s. 110, nota 2]. Тем не менее здесь будет уместно повторить, что это наименование ни разу не встречается ни в записи брата Рикардуса, ни в последующем письме брата Юлиана [69, р. 1162–1163].

Упоминание «баскардов» не встречается и у тех синхронных авторов на западе, которые выказывали очевидное знакомство с двумя отчетами о путешествиях Юлиана⁵¹. Так, в своей записи о 1237 году цистерцианский хронист Альберик де Труа-

⁴⁶ Для сравнения здесь можно упомянуть, что Юлиану понадобилось полгода, чтобы вернуться в Венгрию из области обитания заволжских мадьяр.

⁴⁷ В своем русском переводе Сергей Аннинский сократил эту фразу ввиду ее «ошибочности» [1, с. 83, прим. 1].

⁴⁸ Cum ad ultimos fines Ruscie devenissemus, rei dedimus veritatem, quod omnes Bascardi qui etiam Ungari pagani vocantur, et Bulgari, et regna quam plurima a Tartaris penitus sunt devastata [32, s. 166].

⁴⁹ Thartari [22, р. 39].

⁵⁰ Содержащихся в инсбрукском манускрипте 1241 года (ms. 187) и ватиканском манускрипте XIV века (Vaticanus Lat. 4161).

⁵¹ Следует отметить, что, во всяком случае, письмо Юлиана имело относительно широкое распространение в Европе. В первую очередь оно адресовалось епископу Перуджи Сальвиусу

Фонтен, несомненно, ссылался на сведения послания Юлиана: «Потому был слух, что этот народ тартар хочет прийти в Куманию и Венгрию. И чтобы удостовериться в этом, были посланы из Венгрии четыре брата-проповедника, которые шли в течение 100 дней до древней Венгрии. Вернувшись, они сообщили, что тартары уже захватили древнюю Венгрию и подчинили ее своей власти»⁵².

Также и Матвей Парижский упоминал в своей «Великой хронике» завоевание «Великой Венгрии» в записи о 1238 году: «некое чудовищное и дикое племя людей прорвалось через северные горы и завоевало обширные и богатые земли Востока, опустошило Великую Венгрию, отправляя к тому же повсюду угрожающие письма вместе с ужасающими посланниками»⁵³. Станным образом, в своей записи о следующем годе британский хронист ссылался на предшествующие сведения записи Рикардуса о первом столкновении между татарами и заволжскими мадьярами: «В тот же период времени [1239], тартары, народ бесчеловечный, которые учинили великую бойню и уже вторглись со своим войском в пределы христиан; рассеялись по Великой Венгрии, но отступили после того, как они были побеждены»⁵⁴. И, наконец, в записи о том же 1239 году Матвей Парижский (параллельно с автором «Анналов Уэйверлейского аббатства» [20, р. 325]) приводит текст письма некоего венгерского епископа, адресованного епископу Парижа Гийому д'Оверн и сообщавшего, среди прочего, следующее: «Мы не можем узнать ничего нового о них [тартарах], что было бы достоверным, поскольку им предшествует некий народ, называемый морданами, которые убивают всех, без различия ... и я полагаю, что именно они были теми, кто убил некоторых братьев-проповедников и миноритов, как и других посланников, которых король Венгрии послал для разведывания»⁵⁵. На первый взгляд, это обвинение мордв-

---

Сальви [32, s. 165], исполнявшему обязанности папского легата в Венгрии к моменту составления послания [40, р. 126, nota 17; 69, р. 1115; 68, XI, р. 597; 32, s. 165]. Это предполагает, что содержание письма стало известно в Римской курии сразу же после его написания. Не вызывает сомнения и то, что послание Юлиана было передано и венгерскому королю Беле IV вместе с ультиматумом Бату, в нем содержащемся. Помимо этого, приписка в инсбрукском манускрипте (ms. 187) сообщает, что венгерский король также направил текст послания и предположительному автору этой приписки [22, no. IV, р. 39], то есть патриарху Аквилеи, Бертольду фон Андекс-Меран, который переслал его епископу Бриксена и графу Тироля с возможной рекомендацией принять меры для заграждения восточных горных проходов в Альпах на случай возможного вторжения татар. Оттуда это послание, очевидно, было направлено в Швабию, поскольку его текст был позже скопирован в местном бенедиктинском аббатстве Оттобойрена [43, р. 6; 69, р. 1155; 38, р. 37–38; 28, р. 159–160; 49, р. 11–12; 68, XI, р. 600–601; 51, р. 86].

⁵² Igitur rumor erat, hunc populum Tartarorum in Comaniam et Hungariam velle venire; sed utrum hoc verum sit, missi sunt de Hungaria quatuor fratres Predicatores, qui usque ad veterem Hungariam per 100 dies iverunt. Qui reversi nunciaverunt, quod Tartari veterem Hungariam iam occupaverant et sue ditioni subiecerant [30, р. 942].

⁵³ Quoddam genus hominum monstruosum et inhumanum ex montibus borealibus prorupisse, et spatiosas terras et opulentas Orientis occupasse, Hungariam Majorem depopulasse, literasque comminatorias cum legationibus terribilibus destinasse [55, III, р. 488].

⁵⁴ Sub illius temporis spatio Tartari, gentes inhumanae, qui stragem magnam exercuerant et Christianorum jam fines in manu hostili invaserant, in majori Hungaria discurrendo, victi recesserunt [55, III, р. 639].

⁵⁵ Nova de ipsis certa audire non possumus; quia praecedunt eos quaedam gentes quae Mordani vocantur, qui interficiunt omnes homines indifferenter ... et per illos credo esse interfectos Praedicatores et Fratres Minores, et alios nuntios, quos miserat rex Ungariae ad explorandum [55, VI, р. 76].

нов в убийстве мендикантов перекликается со схожим предположением Юлиана о судьбе двух доминиканцев, отправившихся летом 1237 года из Рязани к мордовскому племени мокша [32, s. 180–181]. Однако Юлиан не упоминал участие в этой миссии францисканцев и посланников короля Белы IV, и, что важнее, автор «Анналов Уэйверлейского аббатства» ясно датировал цитируемое здесь послание анонимного венгерского прелата 1239 годом. Как бы то ни было, здесь следует констатировать возможность того, что венгерский епископ не обязательно имел в виду доминиканскую миссию, упоминаемую Юлианом: Бела IV вполне мог организовать новую экспедицию на восток и после возвращения Юлиана из своего второго путешествия.

Впервые «баскарды» (вместе с другими разночтениями этого этнонима) начинают фигурировать в отчетах 1247 года о дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини. Ц. де Бридиа, автор наиболее раннего из этих отчетов, упоминает «некие земли, а именно бастарков, то есть Великую Венгрию»⁵⁶, и прибавляет далее: «Названия же земель, которые подчинили тартары, являются следующими ... Баскарт, то есть Великая Венгрия»⁵⁷. Также Бенедикт Полоний упоминает «баскардов»⁵⁸, которые являются древними венграми»⁵⁹. В свою очередь, сам Иоанн де Плано Карпини сообщает о нападении татар «на Баскарт»⁶⁰, то есть Великую Венгрию»⁶¹, и позже уточняет ее расположение: «На севере от Комании находятся ... баскарты»⁶², то есть Великая Венгрия»⁶³.

Таким образом, все три отчета уточняют самоназвание населения или области, которую в Европе было принято называть «Великой Венгрией». Можно предположить, что Иоанн де Плано Карпини и его спутник Бенедикт Полоний познакомились с этим самоназванием в ходе своей миссии в Монголию. Также Гийом де Рубрук, путешествовавший по Улусу Джучи семью годами позже, упоминал «[землю] Паскатур, которая является Великой Венгрией»⁶⁴, и сообщал далее следующие сведения: «Мы нашли большую реку, зовущуюся Яиком, проистекающую из земли Паскатур»⁶⁵ и впадающую в упомянутое море. Язык Паскатур тот же, что и у венгров. Они – пастухи, не имеют какого-либо города и примыкают к Великой Булгарии с запада ... Из этой области Паскатур вышли гунны, зовущиеся впоследствии венграми, отчего она зовется Великой Венгрией»⁶⁶. Однако далее брат Гийом уточняет дейст-

⁵⁶ Quasdam terras, uidelicet Bastarchos id est Maiorem Hungariam [41, xx, p. 15; 29, p. 75].

⁵⁷ Nomina autem terrarum quas subiugauerunt Tartari sunt hec ... Bascart, id est magna Vngaria [41, xxxiv, p. 22; 29, p. 85].

⁵⁸ В разночтении: «басардов» (Basardos).

⁵⁹ Bascardos qui sunt antiqui Ungari [61, vii, p. 138].

⁶⁰ С многочисленными разночтениями: босарков, Бискарт, Баскаит, Баскаре (Bosarcos, Biscart, Bascait, Baschare).

⁶¹ Contra Bascart, id est Hungariam Magnam [34, V. 29, p. 272].

⁶² Разночтение: бастарки (Bastharci).

⁶³ Comania vero habet ab aquilone ... Bascartos, id est magnam Hungariam [34, IX. 20, p. 313].

⁶⁴ Pascatur que est Maior Hungaria [39, V. 5, p. 36; см. также: XXIX. 46, p. 198, с разночтением «Паскавер» (Pascauer)].

⁶⁵ Роджер Бэкон, почти дословно воспроизводивший слова брата Гийома, предпочел использовать здесь разночтение «Паскатир» (Pascatur) [64, VI. 8, p. 367]. Вполне возможно, что наименование «Паскатур/Паскатир» появилось в итинерарии брата Гийома вследствие неправильного написания этнонима «паскарты» (Pascarti) [57, p. 145].

⁶⁶ Inuenimus magnum flumen quod uocant Iagac; et uenit ab aquilone de terra Pascatur, descendens in predictum mare. Ideoma Pascatur et Hungarorum idem est; et sunt pastores sine

вительный источник своей информации: «То, что я сказал о земле Паскатур, я знаю посредством братьев-проповедников, которые ходили туда до прихода тартар. И с тех пор они были подчинены соседствующими болгарями-сарацинами, и многие из них стали сарацинами»⁶⁷. Здесь Гийом де Рубрук ясно указывает на результат первого путешествия Юлиана, посетившего «Великую Венгрию» до «прихода тартар». Однако, согласно записи Рикардуса, Юлиан был единственным доминиканцем, достигшим «Великой Венгрии», и, что важнее, Рикардус (как и сам Юлиан) не упоминал сопоставления «Великой Венгрии» с «землей Паскатур».

Вероятно, брат Гийом имел в виду альтернативный (и неизвестный в настоящее время) доминиканский источник, отождествлявший «Великую Венгрию» с областью обитания предков современных башкир. И если это предположение верно, то этот источник основывался на информации, полученной не от Юлиана, а каким-то другим путем. Можно было бы предположить, что доминиканцы почерпнули эту информацию из венгерских источников, составленных задолго до путешествия брата Юлиана. Так, Шимон де Кезаи сообщал в своем переложении древней венгерской хроники в 80-х годах XIII столетия, что: «Собственно Скифское царство окружено единой границей, но оно делится на три главных царства, а именно на Барсатию, Дентию и Могорию»⁶⁸. Однако всякая попытка доказать наличие упоминания в ранних венгерских хрониках «Барсатии» наряду с «Дентумогером» (легендарной прародиной венгров) до восточных миссий доминиканцев затрудняется отсутствием оригинальных текстов этих ранних источников. Шимон Кезаи составил свой труд после восточных путешествий доминиканцев и, вероятно, передавал описание «Скифского царства» под влиянием новых географических сведений.

Более правдоподобным кажется предположение, что доминиканский источник, на который ссылался Гийом де Рубрук, основывался на сведениях другой экспедиции братьев-проповедников, отправившейся на восток уже после возвращения Юлиана из своего второго путешествия [68, XI, p. 600]. Состав этой миссии и время ее отправления на восток не упоминается прямо ни в одном из известных источников, а единственный намек на осуществление этой экспедиции и соответствующее существование отчета, ее описывающего, встречается в записи проповеди Фредерико Висконти, архиепископа Пизы с 1254 года: «Ибо нет народа, к которому не ходили бы братья-проповедники, чтобы проповедовать слово Божье и просветить в вере их сердца. И также они ходили к тартарам и, вернувшись к господину папе Иннокентию IV в Лион, они принесли книжицу, в которой говорилось об их образе жизни и нравах»⁶⁹. Вполне возможно, что под упоминаемой здесь «книжицей» имелся в виду утерянный отчет Симона де Сан-Квентин⁷⁰ о доминиканской дипломатической миссии во главе с Асцелином из Кремоны, направленной понтификом к татарам на Южном Кавказе в

---

ciuitate aliqua. Et contiguatur Maiori Bulgarie ab occidente ... De illa regione Pascatur exierunt Huni, qui postea Hungari; unde ipsa est Maior Hungaria [39, XXI. 1–2, p. 102–104].

⁶⁷ Hoc quod dixi de terra Pascatur scio per fratres Predicatores qui iuerunt illuc ante aduentum Tartarorum. Et ex tunc erant ipsi subiugati a uicinis Bulgaris sarracenis, et plures eorum facti sarraceni [39, XXI. 5, p. 104–106].

⁶⁸ Sciticum enim regnum comprehensione una cingitur, sed in regna tria dividitur principando, scilicet in Barsatiam, Denciam et Mogoriam [67, p. 22].

⁶⁹ Non enim est gens, ad quam non iverunt predicatorum predicare verbum Dei et illuminare corda eorum in fide et etiam ad Tartaros iverunt redeuntes ad dominum papam Innocentium IIIum apud Lugudunum et deferentes vitam et mores eorum scriptos in quodam libello [31, s. 89].

⁷⁰ Текст этого сочинения сохранился в переложении Винсента из Бове [см.: 66].

1245 году. Но столь же вероятно, что речь здесь шла о доминиканской экспедиции, отправившейся на восток Европы и вернувшейся в Лион до отправления как Асцелина, так и Иоанна де Плано Карпини [68, XI, р. 600].

Суммируя сказанное, здесь можно констатировать, что Гийом де Рубрук передавал в своем отчете те сведения, которые были ему известны еще до его прибытия на территорию Улуса Джучи. Однако брат Гийом добавлял к ним новую информацию о широком распространении ислама среди населения «Великой Венгрии». Столь интенсивный процесс исламизации региона можно объяснить изменением его этнического состава: после завоевания «Великой Венгрии» в 1236 году татары, по всей видимости, депортировали основную часть заволжских мадьяр из их области обитания в наказание за их длительное сопротивление (в течение 14 лет) и, что тоже вполне вероятно, способствовали притоку в регион нового населения мусульманской ориентации. Как брат Юлиан, так и Матвей Парижский указывают на совершенное опустошение «Великой Венгрии» [32, s. 166; 55, III, р. 488]. К тому же Юлиан ясно указывает на бегство мадьяр «от лица татар»⁷¹. И, что важнее, более поздние латинские источники не содержат каких-либо конкретных сведений о присутствии мадьяр на территории прежней «Великой Венгрии».

В период между 1253 и 1291 годами «венгры Великой Венгрии» (*Hungari Maioris Hungariae*) упоминаются в четырех папских буллах в качестве потенциальных объектов прозелитической деятельности францисканцев и доминиканцев⁷². Однако на данный момент не известно ни одного европейского источника, который бы подтвердил развертывание миссионерской деятельности среди заволжских мадьяр в течение этого периода. В свою очередь, отчет венгерского минорита Иоганки, составленный им в 1320 году с целью описания его шестилетнего апостолата на территории «Баскардии», не содержит никакого упоминания «Великой Венгрии» или присутствия в «Баскардии», либо в смежных с ней областях, угрозычного населения [24, р. 65–70; 1, с. 90–94]. Столь же красноречивым молчанием отличается и следующий далее отрывок из записи⁷³, составленной до 1330 года и содержащей известия об успехах францисканского миссионерства в Золотой Орде: «Но совсем недавно был крещен братом Генрихом Германским сын некоего великого тысячника по имени Тармагар⁷⁴. Также – Эстокис, господин всей Баскардии, с

⁷¹ «И когда они прошли через землю Суздали, на границе того царства повстречались им некие венгры-язычники, бежавшие от лица тартар» (*qui pertransientes per terram Sudal, in finibus regni illius occurrerunt quibusdam Ungaris paganis fugientibus a facie Tartarorum*) [32, s. 180].

⁷² Речь идет об одноименных миссионерских буллах «Cum hora undecima» Иннокентия IV от 23 июля 1253 года [15, no. 100, р. 164], Александра IV от 19 апреля 1258 года [14, no. 38, р. 73] и двух булл Николая IV от 3 сентября 1288 и 13 августа 1291 года [16, no. 79, 126, р. 142, 278]. Характерно, что последняя булла адресовалась францисканцам, направлявшимся в Персию и не намеревавшимся посещать «Великую Венгрию».

⁷³ Данная запись содержится в кодексе первой половины XIV века из коллекции Британского музея (Него А. IX) наряду с рядом других копий францисканских документов, составленных на территории Золотой Орды между 1314 и 1329 годами [37, II, р. 63, 66–73].

⁷⁴ Также возможно прочтение Гармагар (*Gharmagar*) [37, III, р. 73, nota 5]. См. интересную попытку Ласло Бендефи доказать мадьярское происхождение этого имени, сопровождающуюся сомнительными заключениями о сохранившейся автономии мадьяр в рамках Золотой Орды [22, р. 14–15].

женой и детьми, и многочисленным родом»⁷⁵. Францисканские миссионеры в Золотой Орде, в значительной степени состоявшие из выходцев из Венгрии, обязательно упомянули бы крупную группу угроззычного населения, если бы она встретила им в ходе их прозелитической деятельности.

Таким образом, источники католических миссионеров в Золотой Орде первой половины XIV столетия не содержат упоминания о «Великой Венгрии», косвенно указывая на предшествующую депортацию ее коренного населения [3, с. 25]. По крайней мере, сведения, содержащиеся в известных в настоящее время латинских источниках, указывают на пребывание угроззычных групп населения за пределами того региона, в котором Юлиан встретил «языческих венгров» накануне татарского завоевания.

Так, послание папы Иоанна XXII, адресованное «Йеретамиру и всем христианским венграм» 29 сентября 1329 года [27, no. lxxi, p. 184]⁷⁶, свидетельствует о присутствии восточных мадьяр в Чагатайском улусе или, возможно, на территориях, прилегавших к его северо-западным пределам (позволяя прояснить происхождение тех мадьяр, которые принимали участие в военных действиях Абулхайр-хана в XV столетии и позже вошли в состав казахского племени аргын [13, с. 166]). Данное послание имеет интересную предысторию, позволяющую определить в общих чертах территорию обитания его адресатов. Согласно содержанию отдельного письма, адресованного хану Ильчигидею 2 ноября 1329 года⁷⁷, правитель Чагатайского улуса выказывал благосклонность к католическим миссионерам и отправил доминиканца Томмазо Манказоле из Пьяченцы вместе с другим братом-проповедником в Авиньон с просьбой, обращенной к понтифику, послать ему благословение и поучения в католической вере. Очевидно, обрадованный просьбой хана и исполняя его пожелание, Иоанн XXII извещал Ильчигидея о своем решении отправить в его владения основательную группу доминиканцев и францисканцев во главе с упомянутым Томмазо Манказоле. Кроме того, другим письмом от 21 августа 1329 года понтифик посылал извещение «всем христианам, пребывающим в империи Ильчигидея и в землях Хорасана, Туркестана и Индустана Малой Индии»⁷⁸ о возведении Томмазо во главе новой епархии Самарканда; и в конце сентября того же года он адресовал рассматриваемое здесь послание с «пожеланием спасения и апостольским благословением» местным христианам, пребывавшим в Средней Азии, а именно «всем христианским венграм, мелькитам и аланам» (*universis Christianis Hungaris, Malchaytis, & Alanis*).

Томмазо должен был отправиться из Авиньона на восток весной 1330 года [37, III, p. 350], и отдельный нотариальный акт свидетельствует его короткое пребыва-

---

⁷⁵ *Sed iam per proximo baptizatus est per fratrem Henricum Alemanum filius cuiusdam magni millenarii vocatus Tharmagar. Item Estokis dominus totius Baschardie, cum uxore et filiis et familia multa* [37, II, p. 73].

⁷⁶ Латинский текст письма и его перевод приводятся в приложениях к настоящему сборнику.

⁷⁷ «Величественному мужу Ильчигидею, императору тартар в Хорасане и Туркестане, как и в Индустане» (*Magnifico viro Elchigaday imperatori Tartarorum in Corossan et Turquestan ac Industan*) [37, III, p. 355; 19, a. 1329, § 97, p. 432; 26, no. 818, p. 406; 27, no. lxxiv, p. 187; см. также: 50, p. 46].

⁷⁸ *Universis christianis in imperio Elgigaday et terris Chorasani, Turquestani et Industani Minoris Indiae constitutis* [37, III, p. 356].

ние в Танае в этом же году [63, р. 94, 162, nota 145]⁷⁹. Таким образом, он смог прибыть в Чагатайский улус в сопровождении значительной группы католических миссионеров уже после смерти Ильчигидея. В связи с дальнейшим приходом к власти мусульманина Тармаширина латинские источники более не содержат каких-либо конкретных сведений ни о судьбе новоиспеченной епархии Самарканда, ни об общине «христианских венгров». Интересным, однако, представляется то, что в рассматриваемом письме Йеретамир именуется происходящим «из рода католических повелителей, королей Венгрии» (*de stirpe catholicorum Principum Regum Hungarie*). По всей видимости, в данном контексте папа не имел в виду происхождение Йеретамира от Арпадов и, тем более, от Анжуйской династии, но подразумевал его спиритуальное родство с католическими правителями Венгрии [74, р. 35–36], свидетельствуя параллельно христианскую ориентацию восточных мадьяр, «воспламененных религиозным рвением и набожным пылом» (*zelo fidei, & devotionis fervore succensi*). С другой стороны, Иоанн XXII ясно давал понять, что идея о родстве восточных и западных венгров не была изобретением понтифика, но она была подсказана ему самим Йеретамиром (в словесной передаче Томмазо Манказоле). Как и во время прибытия брата Юлиана в «Великую Венгрию»⁸⁰, «восточные венгры» выказывали знание о существовании своих соплеменников на западе.

Другая группа мадьяр проявляла эту осведомленность и более чем через столетие после составления письма Иоанна XXII: в 1463 году папа Пий II Пикколомини сообщал в своих «Комментариях» о том, что ему стало известно, что «за Доном, недалеко от его истока, в азиатской Скифии, до сих пор находится народ, зовущийся венграми, чья речь несколько не отличается от той, которая используется жителями у Дуная»⁸¹. Далее папа прибавлял, что «те венгры» звали себя родственниками дунайских⁸².

Ранее в своей «Космографии» 1458 года Пикколомини утверждал, что он получил эти сведения от некоего уроженца Вероны, который, по его словам, «до этого достиг истока Дона и сообщил о народе в азиатской Скифии, пребывающем в местах неподалеку от Дона, людях грубых и поклоняющихся идолам, чей язык был тем же, что и у венгров, проживающих в Паннонии»⁸³. После своего открытия этот веронец направился в Венгрию, чтобы призвать местных францисканцев, владевших языком «азиатских венгров», вернуться к ним для проповедования «святого Евангелия Хри-

⁷⁹ Еще одно письмо понтифика от 22 января 1330 года рекомендовало Томмазо всем христианам «в краях севера и востока, и, в особенности, в империи Узбека и Ильчигидея» (*in partibus Aquilonis et Orientis, et specialiter in imperio Usbech et Elchigaday*) [19, a. 1330, § 55, р. 460]; косвенно указывая на путь следования нового епископа Самарканда, пролежавший через Золотую Орду по вероятному маршруту Тана – Сарай – Ургенч – Самарканд [58, р. 118, nota 1].

⁸⁰ Ср. с указанием Рикардуса: «Ибо они знают из древних повествований, что эти венгры происходят от них; но где они были, они не знали» (*Sciunt enim per relationes antiquorum, quod isti Ungari ab ipsis descenderant; set ubi essent ignorabant*) [32, s. 157].

⁸¹ *Nos compertum habemus vltra Tanaim non procul a fontibus eius in Asiatica Scythia populos vsque hodie reperiri, qui Hungari appellantur, quorum sermo nihil ab eo differit, quo circa Istrum habitantes vtuntur* [59, р. 324].

⁸² *Illi parentes horum se dicunt* [59, р. 324].

⁸³ *Noster Veronensis, quem supra diximus, ad ortu Tanais peruenisse retulit populos in Asiatica Scythia, non longe a Tanai sedes habere, rudes homines, et idolorum cultores, quorum eadem lingua sit cum Hungaris Pannoniam incolentibus* [17, р. 308].

ста». Но, по его словам, властитель Москвы⁸⁴ запретил им сделать это, поскольку он болезненно отнесся к возможному обращению в католичество «азиатских венгров» [17, р. 308]. В свою очередь, итальянский гуманист Антонио Бонфини сообщал в своей истории мадьяр в конце XV века, что Матьяшу I Корвину было известно о существовании этих «азиатских венгров» (благодаря сведениям, предоставленным ему русскими торговцами) и что венгерский монарх вынашивал план о их переселении в Паннонию, чему помешала только его преждевременная кончина [13, с. 163].

По всей видимости, Пий II Пикколомини имел крайне расплывчатые представления об области обитания интересовавших его «азиатских венгров». Так, в своем письме, адресованном в 1454 году Иоанну Тростеру, Пикколомини помещал ее «за Доном и болотами Меотиды»⁸⁵, то есть за границей, традиционно отделявшей Европу от Азии в восприятии латинских авторов. Неправдоподобным, однако, представляется предположение о том, что сообщения Пикколомини отображали какие-то смутные известия о сибирской территории проживания остяков и вогулов [52, р. 172–173]. Ясное указание веронского информанта Пикколомини на то, что «азиатские венгры» проживали недалеко от истока Дона, не обязательно следует воспринимать как абстрактное географическое понятие. Вполне возможно, что за этими «азиатскими венграми» скрывались *мачьярины* (то есть можары/мадьяры), переселение которых из Касимовского ханства в Рязанское княжество упоминалось в 1483 году в грамоте московского князя Ивана Васильевича [75, IV, р. 8]. И также вполне вероятно, что эти «азиатские венгры» были потомками тех заволжских мадьяр, которые бежали на запад «от лица тартар» в 1236 году, согласно свидетельству Юлиана [32, s. 180].

Список литературы

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. № 3. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 71–112.
2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Очерки этнической и политической истории. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
3. Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // *Finno-Ugrica*. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2000. С. 5–41.
4. Измайлов И. Волжская Булгария накануне походов хана Бату // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 81–82.
5. Измайлов И. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 133–160.
6. Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // *Finno-Ugrica*. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1997. С. 34–46.
7. Напольских В., Чураков В. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья к началу XIII в. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 470–477.
8. Пилипчук Я.В. Завоевание монголами восточноевропейских степей (1237–1242 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 187–206.

⁸⁴ Dominus, quem de Mosca uocauit.

⁸⁵ Sunt et hodie ultra Tanaim et paludes Meothidas populi qui Vngari dicuntur [17, р. 951].

9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 2 / Верховский Ю.П., Петрушевский И.П. (ред.). М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 250 с.

10. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. xvi + 564 с.

11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 2. Извлечения из персидских сочинений / Ромаскевич А.А., Волин С.Л. (ред.). М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 308 с.

12. Тоган И. Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556 / Усманов М.А. и др. (ред.). Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 146–187.

13. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 512 с.

14. Acta Alexandri P.P. IV (1254–1261) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Haluscynskij T.T., Wojnar M.M. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. IV/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1960–1966. xxviii + 162 p.

15. Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Haluscynskij T.T., Wojnar M.M. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. IV/1. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1962. xlv + 226 p.

16. Acta romanorum pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276–1304) / Delorme F.M., Täutu A.L. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. V/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1954. xvi + 295 p.

17. Aeneae Sylvii Piccolominei Senensis, qui post adeptum Pontificatum Pius eius nominis secundus appellatus est Opera quae extant omnia. Basileae: per Henrichum Petri, 1551. 1034 p.

18. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga – Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. № 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. P. 5–24.

19. Annales ecclesiastici Caesaris Baronii. Vol. XXIV. 1313–1333 / Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1880. vi + 540 p.

20. Annales monastici. Vol. II. Annales monasterii de Wintonia (A.D 519–1277); Annales monasterii de Waverleia (A.D 1–1291) / Luard H.R. (ed.). London: Longman, Roberts, and Green, 1865. lii + 414 p.

21. Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Bak Já.M., Rady M.C., Veszprémy L. (eds.). Budapest; New York: Central European University Press, 2010. 320 p.

22. Bendefy L. Fr. Julianus utazásának kéziratok kútfői = Fontes authentici itinera Fr. Iuliani illustrantes // Archivum Europae centro-orientalis. Évf. 3. Budapest: Főbizományos Stemmer Ödön Könyvkereskedés és Antiquarium, 1937. P. 1–52.

23. Bigalli D. I tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze: La nuova Italia editrice, 1971. 211 p.

24. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. № 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924. P. 55–71.

25. Bóna I. *The Hungarian-Slav Period (895–1172)* // *History of Transylvania* / Barta G., Köpeczi B. et al. (eds.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994. P. 107–177.
26. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum: constitutiones, epistolas, ac diplomata continens Tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum, et Poenitentium a seraphico patriarcha Sancto Francisco institutis concessa ab illorum exordio ad nostra usque tempora. Vol. 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta* / Eubel K. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p.
27. *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum. Vol. II. Ab anno 1281 ad 1430* / Ripoll Th., Brémond A. (eds.). Romae: typis & sumtibus H. Mainardus, 1730. xii + 746 p.
28. Burnett Ch., Dalché P.G. *Attitudes towards the Mongols in Medieval Literature: The XXII Kings of Gog and Magog from the Court of Frederick II to Jean de Mandeville // Viator: Medieval and Renaissance Studies. № 22.* Berkeley, CA: University of California Press, 1991. P. 153–167.
29. C. de Bridia. *Tartar Relation (Historia Tartarorum)* / Painter G.D. (ed.). // *The Vinland Map and the Tartar Relation.* New Haven: Yale University Press, 1965. P. 54–101.
30. *Chronica Albrici monachi Trium Fontium, a monaco Novi Monasterii Hoiensis interpolata* / Scheffer-Boichorst P. (ed.) // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores.* Vol. XXIII. Hannover: Bey den Brüdern Hahn, 1874. P. 631–950.
31. Davidsohn R. *Forschungen zur Geschichte von Florenz. Vierter Teil. 13. und 14. Jahrhundert.* Berlin: E.S. Mittler und Sohn, 1908. vi + 616 s.
32. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen; Philologisch-Historische Klasse. № 6.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. S. 125–202.
33. Eubel K. *Hierarchia catholica medii aevi. Vol. 1. Ab anno 1198 usque ad annum 1431 perducta. Monasterii: Regensberg,* 1913. vi + 558 p.
34. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli* / Daffinà P., Leopardi C., Lungarotti M.C., Menestò E., Petech L. (eds.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989. viii + 522 p.
35. Göckenjan H., Sweeney J.R. *Der Mongolensturm: Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250.* Graz: Verlag Styria, 1985. 335 s.
36. Golden P.B. *The Peoples of the Russian Forest Belt // The Cambridge History of Early Inner Asia* / Sinor D. (ed.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1990. P. 229–255.
37. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. 5 Vols.* Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.
38. Guéret-Laferté M. *Sur les routes de l'Empire Mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles.* Paris: H. Champion, 1994. 435 p.
39. Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itinerarium)* / Chiesa P. (ed.). Torino: Arnoldo Mondadori Editore, 2011. xcvi + 530 p.
40. Guzman G.G. *European Captives and Craftsmen among the Mongols, 1231–1255 // Historian. № 72/1.* Malden, Mass.: Blackwell Publishers Malden 2010. P. 122–150.
41. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* / Önnersfors A. (ed.). Berlin: De Gruyter, 1967. x + 44 p.
42. Iorga N. *Histoire des Roumains et de la Romanité orientale. Vol. III. Les fondateurs d'Etat.* Bucarest: Imprimerie de l'état, 1937. 424 p.
43. Jackson P. *World-Conquest and Local Accommodation: Threat and Blandishment in Mongol Diplomacy // History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle*

East: Studies in Honor of John E. Woods / Woods J.E., Pfeiffer J., Quinn Sh.A., Tucker E. (eds.). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2006. P. 3–22.

44. Juvaini. Gengis Khan il conquistatore del mondo / Scarcia G.R. (ed.). Milano: Arnoldo Mondadori Editore, 1991. 829 p.

45. Juvaini. The History of the World-Conqueror. 2 Vols. / Boyle J.A. (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958.

46. Juzjani. The Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. 2 Vols. / Raverty H.G. (ed.). London: Gilbert & Rivington, 1881.

47. Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993. viii + 277 p.

48. Kontler L. A History of Hungary: Millennium in Central Europe. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. 527 p.

49. Lerner R.E. The Powers of Prophecy. The Cedar of Lebanon Vision from the Mongol Onslaught to the Dawn of the Enlightenment. Berkely; London: University of California Press, 1983. xiii + 249 p.

50. Loenertz R.J. Les Missions dominicaines en Orient au quatorzième siècle et la Société des frères pègrinants // Archivum fratrum praedicatorum. № 2. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1932. P. 1–83.

51. Macartney C.A. The Medieval Hungarian Historians: A Critical and Analytical Guide. Cambridge, England: At the University Press, 1953. xv + 190 p.

52. Macartney C.A. The Magyars in the ninth century. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 241 p.

53. Makkai L. The Independent Hungarian Feudal Monarchy to the Battle of Mohács (1000–1526) // A History of Hungary / Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest: Corvina Press, 1973. P. 29–118.

54. Makkai L. The Origins of the Hungarian People and State // A History of Hungary / Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest: Corvina Press, 1973. P. 13–28.

55. Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora. 7 Vols. / Luard H.R. (ed.). London: Longman Publishing, 1872–1883.

56. Painter G.D. Preface // The Vinland Map and the Tartar Relation / Skelton R.A., Marston T.E., Painter G.D. (eds.). New Haven: Yale University Press, 1965. P. 21–52.

57. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar» // Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.

58. Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient. Paris: Imprimerie Nationale, 1973. iv + 307 p.

59. Pii secundi Pontificis Max. Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus suis contigerunt. Francofurti: In Officina Aubriana, 1614. 909 p.

60. Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. 2009. Available at: <http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

61. Relatio fr. Benedicti Poloni / Van den Wyngaert A. (ed.) // Sinica Franciscana. Vol. I. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1929. P. 135–143.

62. Richard J. Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis à Sartaq // *Journal des Savants*. № 1. Paris: Académie des inscriptions & belles-lettres, 1977. P. 49–61.
63. Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p.
64. Roger Bacon. *Opus majus*. Vol. 2 / Bridges J.H. (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1897. 568 p.
65. Schiel J. *Mongolensturm und Fall Konstantinopels: Dominikanische Erzählungen im diachronen Vergleich*. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 428 s.
66. Simon de Saint-Quentin. *Histoire des Tartares* / Richard J. (ed.). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1965. 132 p.
67. Simonis de Keza *Gesta Hungarorum* = *The Deeds of the Hungarians* / Szűcs J., Veszprémy L. (eds.). Budapest: Central European University Press, 1999. cii + 235 p.
68. Sinor D. *Inner Asia and Its Contacts with Medieval Europe*. London: Variorum Reprints, 1977. 392 p.
69. Sinor D. Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. № 146/4. Paris: Académie des inscriptions & belles-lettres, 2002. P. 1153–1168.
70. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th centuries*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1986. 276 p.
71. Szcześniak B. Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relation and the Vinland Map // *Journal of the American Oriental Society*. № 86/4. New Haven: American Oriental Society, 1966. P. 373–376.
72. Tatár M.M. *Ethnic Continuity by the Volga: From Vidini to Vet'ke* // *Haptaçahaptāitiš: Festschrift for Fridrik Thordarsson on the Occasion of His 77th Birthday* / Haug D., Welø E. (eds.). Oslo: Novus Forlag, 2005. P. 289–308.
73. Van Cleve T.C. *The Emperor Frederick II of Hohenstaufen: immutator mundi*. Oxford: Oxford University Press, 1972. xx + 670 p.
74. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. xvi + 230 p.
75. Vásáry I. *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries*. Aldershot, UK; Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2007. – 364 p.
76. Zimonyi I. *The First Mongol Raids against the Volga Bulgars* // *Altaistic Studies. Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala June 7–11 1982* / Jarring G., Rosén S. (eds.). Stockholm, Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1985. P. 197–204.

§ 4. Мусульманские мавзолеи золотоордынского периода

Геннадий Гарустович

В конце XIII–XIV вв. в странах мусульманского Востока (в основном – в Иране и Средней Азии) и в южной части Восточной Европы (в пределах Улуса Джучи) происходит массовый «всплеск» строительства монументальных усыпальниц – мавзолеев (мазар, кэшэнэ, текие, гумбад, дюрбе). Данное явление стимулировалось процессом постепенной тюркизации и исламизации монгольских завоевателей. В Золотой Орде эти события были связаны с реформаторской деятельностью хана Узбека и его сына Джанибека в первой половине XIV в., положивших начало идеологическим новациям в стране. «С Узбеком связано огромное строительство. По его приказанию возводились в Сарае Берке мечети,

медресе, мавзолеи, дворцы... Узбек-хан строил не только в Поволжье, но и в Крыму...» [10, с. 91].

Строительство монументальных надмогильных сооружений в Золотой Орде (Ак-Орде) началось еще до официального принятия мусульманской религии властями великой державы. С началом целенаправленной политики исламизации языческого населения Улуса Джучи мавзолеи широко использовались ханской администрацией в деле монументальной пропаганды на просторах открытой степи, где усыпальницы были основным видом мусульманских культовых построек. В качестве примера рассмотрим строительные особенности золотоордынского города Шехр ал-Джедид (Старый Орхей, Оргеевский р-н Молдовы) на р. Реут. Авторы раскопок отмечают: «Интересен ... тот факт, что из всех монументальных сооружений Шехр ал-Джедида лишь усыпальницы-мазары были построены из красного плоского кирпича, а остальные же сооружения – из местного известнякового камня. Использование при строительстве мавзолеев только кирпичной кладки подтверждают и материалы раскопок двух мазаров XIV в., открытых в 25 км севернее Шехр ал-Джедида у с. Бравичены Оргеевского р-на» [5, с. 95–96]. По нашему мнению, здесь мы видим пример того, что по приказу ханской администрации рассылались специальные бригады строителей мавзолеев в разные концы империи.

В Приуралье появились зодчие из Булгара, работающие с камнем, а в степной части региона трудились кирпичных дел мастера, профессиональные умения которых основаны на среднеазиатских строительных традициях. Наличие в регионе примеров намеренной подготовки песчано-суглинковых площадок (т.н. «подушек») по периметру строений говорит о том, что мастера учились своему ремеслу в сейсмически активных областях. Они строили на Южном Урале так, как у себя в Хорезме, хотя у нас и не бывает землетрясений. Примером постепенной адаптации приезжих специалистов к местным условиям можно считать усиление фундаментов в усыпальницах региона. В Средней Азии глубокие и широкие фундаменты придавали излишнюю жесткость постройкам, что лишь мешало в случае землетрясения. Скажем, многокамерный мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в Южно-Казахстанской области (г. Туркестан) практически не имел фундамента⁸⁶. А в регионе Урало-Поволжья массивное и крепкое основание способствовало сохранности усыпальниц.

Все виды мавзолеев Волго-Уральского региона принадлежат к культовой архитектуре XIV века⁸⁷ и несут в себе черты, отличающие зодчество Улуса Джучи как целостное явление. Вот как об этом писал Г.А. Федоров-Давыдов: «Монументальная архитектура городов Золотой Орды развивалась в соответствии с общим направлением мусульманского культового зодчества Средней Азии и Закавказья» [17, с. 122]. Однако существование общего вектора развития мусульманской культовой архитектуры в пределах Ак-Орды, Улуса Чагатая и государства Хулагуидов вовсе не исключает наличие локальных вариантов – территориальных архитектурно-строительных школ зодчества. В этом плане Волго-Уральский регион является показательной территорией, поскольку именно здесь фиксируются постройки сразу двух школ зодчества Золотой Орды, которые мы называем «булгарской» и «среднеазиатской периферийной» [9, с. 95–96]. Строения двух этих школ зодчества легко различаются между собой, поскольку к «булгарской» школе относятся ка-

⁸⁶ Во избежание крайностей отметим, что фундаменты в Средней Азии все же встречаются.

⁸⁷ Поздние казахские мазары из сырцового кирпича нами не рассматриваются.

менные мавзолеи, а к «среднеазиатской периферийной» школе – строения из обожженного квадратного кирпича. К тому же все каменные усыпальницы локализуются в лесостепной зоне, а кирпичные – в глубинах открытой степи.

Каменные мавзолеи лесостепной зоны. Больше всего каменных построек «булгарской школы» выявлено на территории города Болгара в Татарстане (мавзолеи у Ханской усыпальницы, «Восточный» («Церковь св. Николая»), «Северный» («Монастырский погреб»), «Мавзолей у сельской школы» и др.) [3, с. 176–199; 1, с. 200–216]. Еще одна компактная группа трех кэшэнэ из белого камня высится в центре современного Башкортостана (Чишминский р-н РБ).

Мавзолей Тура-хана расположен на вершине горы, близ дер. Нижние Термы, на левом берегу р. Слак. Основание усыпальницы имеет квадратную форму 6,6х6,59 м. Но с восточной стороны (со стороны входа) пристроен своеобразный портал в виде сводчатого тамбура высотой 3,4 м, примыкающего к массиву стен фасада. Основной четверик стен на высоте 3,2 м переходит в восьмигранный барабан. Удвоение граней достигнуто посредством особых «скошенных» (или «сельджукских») тропов. Приземистый барабан на высоте 3,7 м увенчан восьмигранным пирамидальным куполом. Мавзолей построен из «дикого» (лишь слегка подтесанного) светлого известняка, на известковом растворе. Купол возведен из более легкой породы – вулканического туфа. Толщина стен 1,07–1,12 м. С запада и юга в стенах прорезаны оконные проемы с арочным завершением. Погребальная камера перекрыта еще и внутренним сферическим куполом. В процессе шурфовки внутри здания кэшэнэ в 1975 г. выявлены остатки двух захоронений с западной ориентировкой, в деревянном гробу–табуге. На костях мужчины расчищен подол длинной рубахи с вышитым кружковым орнаментом [8, с. 174–175].

Малый кэшэнэ расположен рядом с мавзолеем Тура-хана. Основание – почти квадратное (6,4х6 м), толщина стен около 0,8 м. Вход размещался с южной стороны, ширина проема составляет примерно 0,85 м. Стены возведены из крупных обломков местного белого известняка. Мавзолей в свое время не был достроен и сейчас сильно разрушен. Возможно, из-за своей незавершенности кэшэнэ не имел порталной ниши. Архитектурная форма – центрическая. Раскопки производились в 1985 г. Г.Н. Гарустовичем, выявлено четыре захоронения взрослых людей, без вещей, в гробах–табугах, с западной ориентировкой головы и разворотом лица к югу (в сторону Мекки) [8, с. 172–173]. В погребении старой женщины ее отрубленная голова лежала в могиле глазницами кверху (т.е. без соблюдения кыблы).

Мавзолей (кэшэнэ) Хусейбека расположен на юго-восточной окраине пос. Чишмы, на площадке надпойменной террасы северного берега озера Акзиарат («Ак» – белый, святой; «зиарат» – кладбище) – старицы р. Демы. Кэшэнэ занимает центр одноименного древнего кладбища, а мавзолей окружен надмогильными плитами с тамгами минцев (XVI–XVIII вв.). Основание мавзолея квадратное (8,5х8,5 м), толщина стен 1,08 м. Входной проем (ширина 1,07 м) располагался в южном фасаде, а в трех других стенах сделаны оконные проемы с арочным завершением. Четверик стен увенчан сферическим куполом. Высота постройки 5,28 м. Мавзолей центрический, но такую форму он приобрел лишь в 1911 г., в процессе реконструкции (фактически – перестройки).

В XIV в. вход был оформлен порталом в виде крытого тамбура, выдвинутого (к югу) из объема стен более чем на 2 м. Описания XIX в. позволяют утверждать, что мавзолей Хусейбека ранее был полностью аналогичен кэшэнэ Тура-хана и имел портално-купольную форму (с пирамидальным куполом). Раскопки внутри прово-

дильсь в 1985 г. Г.Н. Гарустовичем, выявлено девять погребений (три – взрослых, шесть – детей), без вещей, в гробах-табутах, с западной ориентировкой головы и разворотом лица в правую сторону (на кыблу, в сторону Мекки). Мавзолеем датируется на основе года смерти Хусейнбека сына Омарбека из Туркестана (1339 г.), указанном в эпитафии на надгробной плите. Ее текст был подробно проанализирован в работе Г.В. Юсупова [18, с. 116, и др.].

Исключая недостроенный «Малый кэшэнэ», каменные усыпальницы Башкортостана имели портално-купольную форму. Особенности болгарской архитектурно-строительной школы следует считать: использование белого камня; бутовую систему кладки; особый – «тамбурный» вид невысокого вытянутого вперед портала; «срезанные» тромпы; пирамидальный купол и т.д. Генетическое сходство белокаменных мавзолеев Башкортостана и группы усыпальниц Болгарского городища (Татарстан) не может вызывать сомнений. Петрографический анализ вулканического туфа из купола Тура-хана⁸⁸ показал, что он привезен с Волги, из каменоломни у г. Болгара. Дата на плите в мавзолее Хусейнбека (1339 г.) может считаться основой хронологии всех каменных усыпальниц Башкирии: первая половина – середина XIV века. Архитектура болгарских мавзолеев основана на сельджукском стиле, точно так же, как строительные и конструктивные особенности мусульманских каменных усыпальниц Азербайджана, Крыма и сельджукской Малой Азии.

Мавзолеи кирпичные. В степной полосе Южного Урала известно несколько подобных усыпальниц, а на основе архивных материалов мы можем говорить о более трех десятках средневековых культовых построек в регионе. Свои формы сохранили до наших дней Варнинский (Челябинская обл.) и Абат-Байтакский (Казахстан) мавзолеи, еще несколько разрушенных памятников раскопано археологами в Башкортостане (Бэндэбикэ), на западе Казахстана (Жангыз-Агаш, Жаман-Каргала – Актюбинская обл. и Кара-Яр, Домолакер, Болгасын – Тургайская обл.), в Оренбуржье (Изобильнинский, Мустаевский и три «Тоцких») и Челябинской (Троцкий) области России [4, с. 148–165; 15, с. 46–52]. Эти постройки не связаны с какими-либо поселенческими объектами, они одиноко возвышались в открытой степи, либо образовывали группы из 2–3 мавзолеев. Они имели схожие архитектурные очертания, возведены из саманного и обожженного плоского квадратного кирпича (размером около 25х25х5 см с вариациями в ту или иную сторону) на илестом или глиняном растворе.

Мавзолеем Бэндэбикэ расположен возле дер. Максютово (Кугарчинский р-н РБ), раскапывался в 1968–69 гг. Н.А. Мажитовым. Основание сооружения прямоугольное (8,7х7 м), толщина стен 1,1 м. Стены выложены кирпичами двух цветов, образующими елочно-пирамидальный узор, декорирующий фасадные плоскости. Четверик стен посредством парусных или ячеистых тромпов переходит в барабан, увенчанный шатровым (пирамидальным или коническим) куполом. Входной проем размещен с южной стороны и был оформлен порталной аркой. Лицевая поверхность пештака (портала) имела П-образное бордюрное обрамление. Пол погребальной камеры вымощен плинфой. В центре помещения в каменном склепе была захоронена женщина, без вещей, с западной ориентировкой головы.

Кирпичные мавзолеи Оренбуржья и Казахстана оформлялись по упрощенным среднеазиатским канонам. Купола у них были пирамидально-конического типа. Все постройки имели портално-купольную (Троицкий, Тоцкие, Абат-Байтак, Атчергат, Болгасын), либо центрическую форму (Изобильнинский). Погребальная камера

⁸⁸ Куски аналогичного туфа найдены нами также при раскопках в мавзолее Хусейнбека.

обычно квадратная, но за счет выделенного из массива стен портала (со стрельчато-арочным проемом) постройки приобретали прямоугольные планы. Для украшения стен применялись разноцветные изразцы и поливные бирюзовые кирпичи на куполах. Портально-купольные усыпальницы строились двух видов – **а**) однокамерные (основная масса выявленных сооружений); **б**) двухкамерные (гур-хана и зиарат-хана) – Тощий мавзолей №2. Могилы в камерах отмечались кирпичными надгробиями (мастаба), могли иметь кирпичные сводчатые склепы. Погребения совершались по мусульманскому обряду, головой на запад, лицом на кыблу (к югу, на г. Мекку). В некоторых захоронениях встречались обрывки парчи и шелка, кожаная обувь, золотые украшения, трубочки-бокки, серебряные зеркала, железное оружие и стремяна. Как видим, к моменту строительства степная аристократия еще не полностью придерживалась норм шариата, а сами мавзолеи воспринимались кочевниками скорее в качестве элитных семейных усыпальниц, нежели как культовые объекты.

Аналогии поливным изразцам, а также надежные датировки вещей (серьги «знак вопроса», зеркала, бокки, серебряные чашечки) указывают на XIII–XIV вв. (точнее – XIV в.) как на время возведения кирпичных мавзолеев. Прекращение строительства связано с политическим кризисом в Улусе Джучи, поскольку после смерти хана Бердибека (т.е. в 60–70-е годы XIV в.) здесь вспыхнула кровавая гражданская война («великая зяматня»).

Отметим, что две названные школы культового мемориального зодчества в Ак-Орде объединяют (помимо назначения) общие архитектурные принципы, главными из которых были геометрические основы построения конструкций. По словам специалистов, «все основные объемно-пространственные формы архитектуры этой эпохи восходили к простейшим геометрическим фигурам, взятым совокупно в виде целостной системы возможных вариантов. Это означает, что купольно-центрические сооружения разнообразились не по прихоти отдельных зодчих...» [16, с. 226]. Даже простейшие усыпальницы Золотой Орды имели квадратные объемы стен, надстроенные цилиндрическими (гранеными) барабанами, увенчанными пирамидальными (конусовидными) куполами. Важнейшей деталью фасадов в XIII–XIV вв. становятся вертикальные порталы (*от* лат. *porta* – вход, ворота) – высокие прямоугольные пештаки, прорезанные арочной нишей с входом.

Среди кирпичных построек встречаются также башенные мавзолеи, имевшие граненые цилиндрические стволы, перекрытые куполами. Этот вид мавзолеев получил большее распространение в кавказском регионе, и в меньшей степени – на Нижней Волге. Особую архитектурно-строительную школу золотоордынского мемориального зодчества представляют каменные усыпальницы Крыма и сопредельных территорий. Основные признаки данной школы зодчества ведут нас к «сельджукским» традициям Закавказья и Малой Азии, которые по главным своим параметрам опираются на достижения армянской архитектуры. Все школы золотоордынской исламской архитектуры объединяют единые мировоззренческие идеи – монументальная массивность и устремленность вверх при переходе души из этого мира в потусторонний. В наше время существует несколько вариантов типологической градации золотоордынских усыпальниц, различающихся в деталях [7, с. 110–119; 11, с. 52–69; 12, с. 142–164], значительная часть которых основана на классификационных анализах мавзолеев Средней Азии [14, с.96–104].

Специалисты говорят о кирпичных строениях, что «в архитектуру ...сами монголы не внесли ничего, так как создателями их были местные среднеазиатские строители». При этом «в декоре мавзолеев... очевидны элементы, связанные с тра-

дицией Мавераннахра. Но так же несомненны и связи с древней традицией степного искусства...» [16, с. 222, 246]. Властителям не было необходимости строить самим, но именно тюркские (а за ними и монгольские) правители в странах Востока несколько столетий определяли моду, влияя на количество и формы построек. Не будем забывать о том, что в арабских районах мавзолеи не получили такого широкого распространения, как в областях расселения тюрок (и в Иране, где тюрки и монголы когда-то правили), а вахабиты в Саудовской Аравии до сих пор не признают эти постройки каноническими. Популярность монументальных усыпальниц в тюрко-монгольской среде зиждилась на развитом культе предков у выходцев с просторов Великого пояса степей Евразии и стимулировалась популярностью суфизма в областях, где больше всего уделяли внимание строительству мавзолеев. Неслучайно также появление в этих странах массивных куполов (полусферических, шатровых, и др.), декорированных ультрамариновыми изразцами, символизировавшими тюрко-монгольское Вечное Синее Небо. Таким образом, усыпальницы стран Востока стали отражением синтеза творческих идей разных народов, сумевших совместно создать и воплотить в жизнь единые эстетические каноны рассматриваемого вида мусульманской архитектуры.

Однако когда мы говорим о творческом взаимодействии и взаимовлиянии различных культовых архитектурно-строительных школ Золотой Орды, как и о том, что власти Улуса Джучи использовали все доступные им возможности в деле монументальной пропаганды мусульманской религии (когда к этой работе привлекались и среднеазиатские, и болгарские мастера), не будем все же забывать о причинах более широкого распространения кирпичных построек на огромных территориях беспредельной степи. Анализ архитектурных особенностей показывает, что кирпичное строительство усыпальниц все же больше влияло на каменное. Причины здесь понятны: **а)** на Среднем Востоке строительство из кирпича имеет древние многовековые традиции и отрабатывалось оно задолго до мусульманизации этих регионов; **б)** кирпич – более пластичный материал, нежели камень. Тяжеловесность кирпичных усыпальниц меньше чем каменных, так как в них лучше распределялись усилия давления купола и барабана на массив стен. А это позволяло строить из кирпича здания выше, сложнее и вычурнее, нежели из камня. При несомненном восприятии болгарскими зодчими основ и умений каменного строительства, такого мастерства, какое имели строители в Армении, они все же достичь не успели; **в)** ислам в Иране и Средней Азии утвердился ранее, чем в Поволжье. К моменту расцвета болгарского каменного строительства именно Средняя Азия и Иран уже активно генерировали культурные импульсы архитектурных и строительных особенностей, ставших каноническими в мире ислама. Здесь зарождались центрические-купольные и портално-купольные формы, шатровые купола, гофры, принципы соразмерности квадратного кирпича, монументальные фасады (пештаки), декоративные герихи, парусные, ячеистые и другие виды тропов, склепы, изразцовые покрытия, надгробия типа мастаба (араб. «каменная скамья») и др.; **г)** немаловажным фактором была меньшая трудозатратность и стоимость кирпичного строительства; **д)** еще одной причиной экономического порядка стало активное функционирование волжского торгового пути (из Хорезма на Среднюю Волгу и далее), по которому циркулировали не только товары и капиталы, но и инновационные идеи (культурные и мировоззренческие); **е)** большая мобильность специалистов работы с глиной общеизвестна. Пластичные глины встречаются несравнимо чаще месторождений необходимого строительного камня.

Ремесленники просто выезжали на место, тут выкапывали печи для обжига кирпича, здесь же готовили илистые или лесовые связующие растворы и строили также поблизости. Некоторые трудности возникали лишь при доставке дров для обжигальных печей, балочной и стропильной древесины, но подобное напряжение при случае снималось посредством использования саманного (сырцового) кирпича. А из негативных моментов такого строительства назовем лишь то, что каменные здания на известковом растворе были более долговечными. Успешное функционирование средневековой «булгарской» школы зодчества может считаться примером не только уровня развития местного архитектурно-строительного мастерства, но и выразительным показателем гибкости и разумного приспособления монотеистического ислама к специфическим региональным условиям.

Крах Золотой Орды и беспрестанная военная конфронтация в степи с конца XIV в. положили конец бытованию местной школы мемориального зодчества. Но если усыпальницы из обожженного кирпича в степи не возводились несколько столетий⁸⁹, то каменные усыпальницы продолжали строить и позже указанного срока: в Казани (мавзолеи казанских ханов) и Касимове (Шах Али хана). Особые варианты позднесредневекового каменного зодчества известны также на Кавказе (Борга-Каш) и в Крыму (Джанике-ханым, Азиза, Эски-Дюрбе, и др.).

Список литературы

1. Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной части города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 200–216.
2. А.С. (Спицын А.А.). Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки ИРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. Труды Отделения русской и славянской археологии. Кн. 1 (1895 г.). СПб.: Тип-я И.Н. Скороходова, 1896. С. 115–156.
3. Баранов С.В., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 176–199.
4. Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков / Под ред. И.М. Акбулатова. Уфа: НМ РБ, 1995. С. 148–165.
5. Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // РА. 1997. №2. С. 91–103.
6. Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей / Под ред. В.И. Мамонтова. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 1998. С. 101–112.
7. Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки АГУ. Астрахань: Изд-во АГУ, 2003. С. 110–119.
8. Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях башкирского Приуралья // Наследие веков / Под ред. И.М. Акбулатова. Уфа: НМ РБ, 1995. С. 166–185.
9. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). Казань. С. 95–119.

⁸⁹ Поздние казахские сырцовые мазары имеют опосредствованное отношение к классическому золотоордынскому зодчеству.

10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.: ил.
11. Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. С. 52–69.
12. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культурное зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
13. Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Труды СУАК. Вып. 32. Саратов, 1915. С. 111–133.
14. Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979. С. 96–104.
15. Мендикулов М.М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата: Энер, 1987. 160 с.: ил.
16. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965. 688 с.: ил.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 228 с.
18. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.: ил.

§ 5. Язык письменных памятников золотоордынского периода

Фануза Нуриева

Золотоордынский этап развития тюркских литературных языков был выдающимся периодом в развитии культуры тюркских народов. К началу XIV века в Поволжье, Приуралье и северном Хорезме сформировалось мощное авторитарное государство Улус Джучи или Золотая Орда, в котором процветали центры городской культуры, активно шла культурная и экономическая жизнь. Период наибольшего политического и экономического могущества империи Джучидов приходится на время правления ханов Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), когда на гребне подъема хозяйства и торговли произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления империей. При поддержке ханской администрации интенсивно развивались десятки крупных городов, в которых был выработан свой пышный, выразительный, во многом эклектичный стиль. Изучение исторических трудов в совокупности с другими источниками (ярлыки, различные сообщения) приводит нас к мнению значимости городского сословия (торгово-ремесленного, чиновничьего, духовенства) в культурной жизни населения Золотой Орды, что сыграло важную роль в возникновении потребностей всего общества в духовных ценностях.

В начале XIV века было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов, формированию единого этноса и наложило глубокий отпечаток на все тюркские народы Евразии [3, с. 61–62; 17, с. 177–185]. Несомненно, религиозный фактор сыграл значительную роль в политике, идеологии, управлении общественными институтами, экономике, торговле, духовной культуре и искусстве.

В этот период были созданы такие известные классические произведения религиозно-дидактического содержания, как «Кысас ал-анбия» (=КР) Рабгузи (1310),

«Нахдж ал-Фарадис» (=НФ) Махмуда Булгари (1358), «Джумджума султан» (=Дж) Хисама Кятиба (1369), «Кисекбаш китабы» (=Кб); произведения светского характера: «Мухаббат-наме» (=Мн) Хорезми (1353), «Хосров и Ширин» (=ХШ) Кутба (1383), «Гулистан бит-тюрки» (=Гб) Сейфа Сараи (1391) и др. Следует добавить еще факт существования других функциональных разновидностей литературного языка – язык ярлыков и битиков эпохи Золотой Орды, эпиграфические памятники и др.

По мнению исследователей социально-культурной жизни городов и других культурных центров Золотой Орды, в этих центрах были созданы условия для формирования устно-разговорного койне, языковую основу которого составляли тюрки, носители диалектов кыпчакской языковой группы. Государственным языком Золотой Орды был кыпчакский [9, с. 31; 17, с. 94–101]. Культурная среда, наличие административных центров и местные правители, а также мусульманская образованность, представленная медресе, библиотеками, грамотными муллами, создали базу для письменной фиксации наддиалектной формы языка и создание на его основе письменных литературных текстов разных жанров и стилей.

Проблемой становления и развития средневековых литературных языков занимались многие ученые: В.В. Радлов, А.Н. Самойлович, Я. Экман, Э.Р. Наджип, Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов, Ф.С. Хакимзянов, Ф.М. Хисамова, Ф.Ш. Нуриева и др.

Положение о единстве литературного языка тюркоязычных народов и об его изменчивости под влиянием живых диалектов лежали в основе предложенной А.Н. Самойловичем периодизации письменной культуры тюркских народов в рамках исламской цивилизации: первый период – с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства; второй – с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и Хорезма и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кыпчаков; третий – с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. А.Н. Самойлович придавал особое значение второму периоду, кыпчакско-огузскому, так как именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингиз-хана, обстановка, благоприятная для выработки единого литературного языка всех мусульманско-тюркских племен монгольского государства, кроме того, именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманско-тюркских литературных языков. Ученый прямо указывает на преемственность современного татарского языка относительно литературного языка Золотой Орды: «...казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка» (12, с. 21). Дальнейшее развитие концепция А.Н. Самойловича о преемственности единой книжной традиции получила развитие в трудах Э.Р. Тенишева [16, с. 67–85].

Крупнейший специалист в области истории средневековых литературных языков Э.Н. Наджип внес существенный вклад в освещение историко-культурной и языковой ситуации в данный период. Как известно, территория Джучиева Улуса была обширной и Золотая Орда имела несколько центров. Одним из культурных очагов был Северный Хорезм – низовье Сыр-Дарьи, сохраняющий еще былые традиции тюркской (караханидско-уйгурской) письменной культуры Средней Азии; другим таким же центром уже в XII–XIII веках было низовье Волги – Сарай. А в

XIV веке появляется новый центр – мамлюкский Египет [9, с. 16]. Сопоставительное изучение созданных на территории Золотой Орды и Египта памятников, которые основываются, прежде всего, на выявлении их лексических особенностей, выделение лексем по их диалектным признакам и последующей их статистической обработкой, привело Э.Н. Наджипа к следующим выводам: 1) к XIV веку оформляется общий для Золотой Орды и Египта кыпчакско-огузский литературный язык й-группы; 2) параллельно с этим качественно новым литературным языком продолжает функционировать более архаичный письменный язык з-группы, который Э.Н. Наджип называет огузско-кыпчакским литературным языком Нижнего Поволжья-Хорезма [10, с. 81–82].

Смешанный кыпчакско-огузский письменно-литературный язык, по мнению Э.Н. Наджипа, уже в XIV веке окончательно утвердился «как литературный язык Золотой Орды – тюрки Поволжья и Приуралья» [9, с. 31]. Одним из культурных центров была и Волжская Булгария. Этот культурный очаг Золотой Орды, в отличие от Нижнего Поволжья или, скажем, от мамлюкского Египта, где сложные этнические процессы (смешение различных тюркских племен, образование наддиалектных койне, создание литературных вариантов языка) происходили уже позже после монгольских завоеваний, имел давнюю культурную, в том числе и письменно-литературную традицию [22, с.30].

В тюркологической литературе для обозначения литературного языка периода Золотой Орды применяются различные термины: «смешанный кыпчакско-огузский литературный язык», «поволжский тюрки», «тюрко-татарский», «хорезмско-тюркский литературный язык», «хорезмско-золотоордынский письменный язык», «восточно-тюркский язык», «золотоордынско-египетский литературный язык». По мнению большинства исследователей, золотоордынский литературный язык по структурным особенностям заметно отличается от предшествовавшего караханидско-уйгурского и функционирует в различных вариантах: в огузизованном, кыпчакизированной вариантах. В исследованиях употребляется термин «смешанный язык», однако это понятие остается не достаточно сформулированным. Под термином «смешанный» тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических, лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы. При этом обычно эти языковые элементы приписываются определенной группе языков или диалектов (кыпчакской, огузской, уйгурской, карлукской).

Между тем, в современной лингвистике понятие «смешанный язык» имеет конкретное содержание. В частности, его применяют к креольским языкам, которые возникли в специфических социально-культурных условиях. Как правило, в этих случаях обычно говорят о существенных сдвигах в лексико-грамматической системе контактирующих языков или диалектов. В сложившейся тюркологической традиции под смешением имеют в виду не изменение системы языка, а употребление в языке одного памятника диалектизмов, которые в языке иного памятника являются нормой. При этом сюда попадают как синхронные соответствия, так и явления архаичные, свойственные языку иной эпохи. Подобная терминологическая неясность значительно затрудняет сопоставительное изучение языка письменных памятников, поскольку признаки «смешанности» не являются едиными для всех исследователей, что обуславливает потребность в разработке четких и единых критериев для оценки языка памятника.

Учитывая сложившуюся в тюркологии ситуацию с термином «смешанный язык» памятника, широко используем введенные Г.Ф. Благовой понятия «базисной» и «периферийной» систем [1], которые соотносятся также с понятиями нормы и вариативности. При квалификации языка памятника идем на расслоение текста и вычленение в нем базисных и периферийных элементов. На примере выделенных нами фонетико-графических и морфологических признаков и их статистической обработки показано, что каждый письменный памятник есть конкретное живое отражение языковых ситуаций. Выбранные фонетико-морфологические признаки являются классифицирующими показателями при классификации тюркских языков.

Тексты религиозно-дидактического содержания

Памятник «**Кысас ал-анбия**» **Рабгузи** (далее КР), написанный в 1310 году в северной части Хорезма. Его древняя рукопись, хранящаяся в Британском музее Лондона, относится к 1489 году. Следует подчеркнуть, что данный памятник был чрезвычайно востребован в мусульманском мире, поэтому до наших дней дошло большое количество списков, общее число которых в рукописных хранилищах доходит до 35, не считая рукописей, хранящихся у частных лиц. Обширна и география мест, где выявлены списки памятника: Российская Федерация, Татарстан, Узбекистан, Азербайджан и др. Ясно, что в эти списки переписчиками вносились многие языковые новации, поэтому наше исследование базируется на древнейшем списке. Анализ его языка, в конечном итоге, позволил выделить следующие нормативные признаки в области фонетики и графики. Сравните: для языка КР характерно одновариантное традиционное написание слов с ¹ (алиф) типа *اذكو* *ädgü* «праведный», графическое колебание несет определенную семантическую дифференциацию: *ار* *är* «мужчина», *اير* *ir* «воин». Устойчиво сохраняется губная гармония, орфографической нормой являются слова с **д**-графемой, вариативность появляется в более поздних списках. Устойчиво сохраняется **-q-** в интервокальной позиции: *ساقيندى* *saqindy* «подумал», сочетания **-aуu-**, **-uуu-**, **-yуу-**: *اغيز* *aуuz* «рот», ауслатное **-y:** *سارغ* *saryу* «желтый».

Среди морфологических признаков базисная система склонения относится к уйгурско-кыпчакскому типу. В системе времен отмечается полифункциональность и широкое использование форм прошедшего времени на **-dy**: *aldymyz* (73–6) «мы взяли». Из группы абсолютных времен настоящего и будущего представлены частотная форма на **-ar**, **-ur**: *jaturman* (9–6) «я лежу», будущее на **-yaj**: *kiçürkäjmin* (515–15) «я прощу», полной парадигмой спряжения в значении будущего времени. Желательное наклонение имеет формы **-ajyn**, **-alyн**: *körküzäjin* (10–2) «я тебе покажу». В атрибутивной функции соседствуют формы **-yan** и **-myş**. Имя действия представлено единственной формой **-maq**: *oşbu kitmäkidin ölmäkimni tilär irsäң* (510–13) «если своим уходом желаешь моей смерти». Указанные признаки отнесены к базисным показателям языка памятника и являются в то же время признаками карахандиско-уйгурского литературного языка.

Хронологически близкой к КР является рукопись другого религиозно-дидактического объемного произведения «**Нахдж ал-Фарадис**» **Махмуда ал-Булгари** – **ас-Сараи** (далее НФ). Несмотря на меньшее количество выявленных списков – десять, названный памятник играл значительную роль в культурной жизни поволжских народов. Особенно он интересен в плане изучения истории общественной мысли средневекового Поволжья, поскольку его автор опирался на большое количество трудов (зафиксировано всего 20 источников) известных мусульманских бо-

гословов. Текст является контаминацией религиозно-этических учений с художественной формой его воплощения. Увлекательные новеллы, мудрые притчи были призваны вырабатывать верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству. Именно эта дидактическая направленность текста отличает его от КР. Все это вместе делает язык НФ насыщенным художественно-изобразительными приемами, синонимами, антонимами, фразеологизмами и др., а в целом характеризует его как приближенный к народно-разговорной форме.

Взаимодействие традиционной литературной нормы и народно-разговорного языка подтверждается тем, что в языке НФ чаще, чем в языке предыдущего памятника, наблюдается вариативность и в фонетико-графическом оформлении лексики, и в наборе грамматических показателей. Однако и здесь прослеживается соблюдение базисной системы, восходящей к устойчивой письменной традиции. К этим базисным признакам в области графо-фонетики относятся: последовательное сохранение губной гармонии в основах слова, в аффиксах родительного падежа, принадлежности, **-luq**, **-suz**: *كوركلوك* (207) *körklük* «красивый», в формах деепричастий. Но в НФ фиксируются отдельные случаи написания этих аффиксов с нарушением губной гармонии (чаще аффиксы принадлежности, аффиксы прошедшего категорического времени). В основах с колеблющимся гласным анлаутном написание с ^l (алиф) все чаще заменяется ^l (алиф йай). Однако эта вариативность очень непоследовательна. Возрастает также вариативность при употреблении **d~δ~j** с преобладанием написания **δ**-графемы: *قودوغ* *quduw* «колодец», *ايدي* *idi* «хозяин» и др., Расширение функции **-j**: *قايغي* *qajji* «горе» и др. свидетельствует об отражении в графике элементов разговорной речи. При доминировании **-q**- в интервокальной позиции появляется вариативность типа *jaruww* «его света». Однако сочетание **-ayw**-, **-uyw**-, **-yww**- устойчиво сохраняется, как и ауслатное **-y**: *بوغون* *buwon* «сустав», *باغ* *bağ* «связка» и др. К числу новых явлений относится довольно последовательное отражение звонкости и глухости в аффиксах падежей и аффиксах прошедшего категорического времени. Система склонения продолжает отражать уйгурско-кыпчакский тип, а низкочастотные периферийные формы отражают огузский тип склонения. Показатели времени по своему распределению близки данным КР. В лексике доминируют лексемы тюркского происхождения. Сюжет памятника дает простор для широкого использования художественно-изобразительных средств. Интересно отметить, что многие из фразеологических единиц не только по содержанию, но и по форме продолжают жить в современных поволжских языках, в частности в татарском. Сравни: *irgä barmaq* «выходить замуж», *küz qamaşmaq* «рвёт в глазах», *til tigürmäk* «наговорить» и др.

Анализ памятника на основе статистической обработки базовых норм и периферийных элементов показывает, что язык НФ отражает устойчивую традицию карахандско-уйгурского литературного языка, причем по сравнению с КР усиливается его вариативность, что, на наш взгляд, связано, с одной стороны, с его содержанием, ориентированным на широкий читательский круг, с другой стороны, с усиливающимся влиянием разговорной стихии – кыпчакского койне.

Следующий хронологический срез датируется 1369 годом, он отражен в языке популярного в Поволжском регионе «Джумджума султан» Хисама Кятиба (далее Дж), произведения религиозно-дидактического содержания. Видимо, Кятиб был великим поэтом своего времени. Это видно даже из того, что данную поэму он начинает увлекательно, философствуя о бренности всего сущего на земле, о том, что

все люди в конце концов превращаются в прах, а на том свете все переживают одни и те же муки за свои поступки, независимо от того, кем были на земле. Поэт, художественными средствами изображая жизнь и действия своего героя, Джумджума султана, через его собственное восприятие, ведя повествование от имени самого героя, сумел убедительно выразить идею гуманизма, мысль о том, что правитель должен заботиться о своих подданных. Поэма завершается также философски, утверждением, что мусульманская религия самая правильная из религий.

В языке этого памятника сохраняется караханидско-уйгурская основа, которая выражается в базисных признаках: в сохранении губной гармонии: *كوزوم küziim* «мой глаз», глухого **-q-** в интервокальной позиции: *جيب قىقۇب çuqub* «выйдя», ауслатного **-γ:** *قوروع quruu* «сухой», традиционных сочетаниях типа **-uγu-**, **-aγu-**: *اعيز (29–14) ayuz* «рот» и др. Самое интересное в этом памятнике то, что в нем встречаются случаи нарушения губной гармонии, возрастает написание **اي** (алиф йай), которое превращается в фонетически базисный признак ряда слов типа: *ايكى iki* «два», *اير ir* «мужчина». **d-**признак полностью отсутствует, вариативность **δ~j** сохраняется, где языковой нормой является **-δ-**графема: *اذاق adaq* (20б–9, 21а–2, 21б–6) «нога». Примечательно, что при кыпчакском базисном типе склонения наблюдается оформление исходного падежа аффиксом **-dyn:** *başdin (21)* «с головы». Прошедшее на **-dy** одна из наиболее частотных временных форм, создающих общий фон повествования. Характерна структурная единообразность в спряжении по лицам и числам. Из форм прошедшего результативного встречается только форма на **-myş** в 3-ем лице единственного числа. Настоящее на **-a**, **-jur:** *suwlar aqa (41–2)* «воды текут», *tiläjürmän (23а–12)* «я желаю»; будущее категорическое на **-ysar:** *žan quş uçasar (16а–2)* «улетит душа как птица»; причастие на **-an**, деепричастие **-uban:** *taxtetqa kütärübän mändürdilär (47)* «подняв, усадили на трон» определяются как периферийные. Поскольку текст данного произведения дошел до нас в поздних списках, то возможно предположить, что заметное усиление кыпчакских черт в его языке обусловлено особенностями языка его позднейших переписчиков. Однако на общем фоне исследованных нами памятников складывается картина постепенного поступательного внедрения кыпчакских языковых черт в традиционную базисную систему караханидско-уйгурского литературного языка.

Тексты светского характера

Тексты светского характера включают в себя анализ текстов: «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сараи (1391). Как видно из историографического обзора, тексты светского содержания не раз были предметом исследования тюркологов. Учитывая достижения наших предшественников, мы подвергли анализу указанные тексты, используя методику стратификации языка на базисные и периферийные компоненты. Наиболее показательным результатом такого подхода явилась классификация базисной системы языка «Хосров и Ширин» (далее ХШ), принадлежащего караханидско-уйгурской традиции, а два других текста по своим базисным формам представляют кыпчакскую языковую систему. Объясняется это различие прежде всего тем, что автор произведения Кутб, будучи, видимо, из Поволжского региона, свою литературную деятельность связал с Сараем, создал в конце жизни по заказу правителя Тенибека данное произведение, причем, как установлено литературоведами, образцом для него послужило произведение Низами, язык которого был классическим литературным фарси.

Таким образом, мы должны обратить внимание на несомненное влияние художественной формы поэмы Низами на творчество Кутба. Кроме того, Кутб, представляя свое произведение правителю Золотой Орды, естественно, придерживался традиционного этикета, предполагающего высокий поэтический стиль, облаченный в поэтическую литературную форму языка, который в тюркской литературе того времени восходил к караханидско-уйгурской традиции. Представляется, что все эти факторы: высокая образованность Кутба, его преклонный возраст, заказной характер произведения со стороны хана и традиционный придворный этикет – повлияли на особенности поэмы «Хосров и Ширин» Кутба. В языке XIII губная гармония уже не образует единой строгой системы, наблюдается сложное взаимоотношение книжной традиции и живого разговорного языка, о чем свидетельствует вариативное написание большого количества слов и словоформ. Сравни: بولوت *bulut* (17 раз) ~ بولت *bulyt* (8 раз) «облака». Для языка XIII характерна эллизия **-γ, -q**, причем с нарушением губной гармонии типа: يازوق لوع *jazuqluγ* ~ يازوقلى *jazuqly* «грешный». В анлауте устойчиво поддерживается написание диаграфа **-اي** «алиф + *iy*»: يل *il* «рука», ير *ir* «мужчина», يو *iw* «дом», хотя частично отмечается вариативность: ايرين *irin* ~ ايرين *äirin* «губы». Колебания **d~δ-j**. Во многих словах традиционно сохраняется **-δ**-графема, хотя есть и дублетное написание слов: اذاق *adaq* (77 слов) ~ اذاق *ajaq* (20 слов) «нога». Констатируя относительную устойчивость ауслатного **-γ**, отмечается вариативное написание с пропуском конечного **-γ** с ауслатным **-γ** типа قوروق *quruγ* употребляется в тексте 14 раз, а с пропуском **-γ** قورو *quru* (4 раза). Склонение строится по уйгурско-кыпчакскому типу, а структурно упорядоченные периферийные показатели относятся к огузскому типу. В системе прошедших времен доминирует форма на **-dy**: *juraqdyn kälđiniz bir däm tynunγz* (164–5) «издалека приехали отдохните немного». Перфект на **-myş** выступает активно: *xasis tuşlarγa ol gäwhär qatylmyş Jusuf teg qadγu quduγunγa atylmyş* (30r–29–30) «этот жемчуг был выброшен к грубым камням, подобно Йусуфу, выброшенному в колодец горя»; редко встречается перфект на **-yp** и на **-γan**: *fäläkni täzgitib julduz jüritkän qatunγu hγkmi birlä häm igitkän bu munça γilm vä hikmätlär jaratγan qaranγu tünni kün birlä jarutγan* (2r8–12) «Вращая небо, он передвигал звезды, своими приказами помогал всему расти, создал столько знаний и чудес, темную ночь осветил звездами». Форма настоящего времени на **-a** отмечена в восьми случаях, **-jur** – 58 раз. Примеры: *aj üstünä ol hyrqa ürtä* (228–20) «луну закрывает она одеждой»; *süçüg til birlä mini aldajursän* (109r) «обволакиваешь меня своей сладкой речью».

Что касается «Гулистан бит-тюрки» (далее Гб) Сейифа Сарай, то это произведение является переводом знаменитого произведения Саади «Гулистан». Сарай был известен в мире поэтов и ученых Золотой Орды как большой мастер поэтики, и поэтому друзья рекомендовали ему взяться за перевод. Известно, что Сарай родился в 1321 году в Поволжье, учился и занимался литературной деятельностью в Сарае и в 1380-е годы эмигрировал в мамлюкский Египет [4; 6]. Таким образом, родным языком Сарай был язык кыпчакского типа, но благодаря своей образованности он владел языком тюркской классической литературы того времени. Поэтому, по сравнению с XIII, условия создания Гб были иными, этим объясняется, на наш взгляд, то, что в базисной системе языка этого памятника прослеживается кыпчакская языковая основа.

«Гулистан бит-тюрки» в жанровом отношении близок к XIII, однако расходится с ним в своих базисных языковых системах. Значительное внедрение кыпчакских элементов в систему Гб доказывают следующие дифференциальные признаки:

в тексте превалирует анлаутное **اي** (алиф йай) и **ى** (йай) в закрытом слогe, язык Гб относится к группе с **j**-признаком, все слова здесь пишутся одновариантно с **j**-графемой; на стыке лексем наблюдается ассимиляция ауслаутного **-q**: **اياق** *ajaq* (21 слово) ~ **اياغ** *ajağ* (11 слов); ауслаутное **-γ** всегда опускается: **اجى** *açu* «гневный, злой», **يارلى** *jarly* «бедный», **سارى** *sary* «желтый» и др. По формам и основным структурным параметрам базисная система склонения в языке Гб относится к кыпчакскому типу. Периферийные формы, варьирующие в тексте: дательный **-а** и винительный **-упу** в посессивно-именной парадигме 3-го лица относятся к огузскому типу склонения. Характерно, что в системе претеритных форм зафиксированы показатели **-γan**, **-myş**, **-yp**, хотя временная форма на **-myş** встречается редко, а самой универсальной является форма прошедшего времени на **-yp**, представленная двумя моделями: **-yp tur**+личн.окончания; **-yp**+личн.окончания, которые встречаются во всех 3-х лицах. Эта форма имеет значение результата действия, иногда прослеживается модальность неочевидности. Изредка встречается форма на **-а**, которая в соответствующем тексте может передавать семантику будущего времени. Сравните: *süzlämäk tiläbiz niçäkim türk adäb ilä şıyr* «хотим прочесть стихотворение по тюркским правилам». Отглагольные формы представлены аффиксами **-maq**, **-maqluq**, в отдельных случаях отмечен супин **-rγa**: *üç alurγa duşmanyndin waqt bar* «есть время отомстить врагу».

История создания третьего источника – поэмы «Мухаббат-наме» Хорезми точно такая же. Хорезми был известным поэтом своего времени, жившим на территории Золотой Орды, конкретно в Сыгнаке, где работал по заказу Мухаммеда Ходжабека, просившего создать поэму *bizniñ til birlä* «на нашем языке», т.е. на тюрко-кыпчакском языке. Хорезми в качестве образца взял популярное на востоке произведение «Мухаббат-наме», которое представляло собой собрание любовных посланий, облаченных в стихотворную форму. Будучи, вероятно, по происхождению кыпчаком и выполняя конкретный творческий заказ своего патрона, Хорезми (настоящее имя которого остается неизвестным) и создал произведение, язык которого базируется на кыпчакской основе. Как и у других авторов, труд Хорезми не дословный перевод оригинала, а является вольным его изложением. На фоне последних двух памятников язык XIII, имевший караханидско-уйгурскую основу, в своей вариативной части на уровне периферийных признаков содержит весьма значительный пласт кыпчакских элементов. Как показывает наш анализ, кыпчакские элементы приобретают в языке этого памятника статус норм.

Изучение языка «Мухаббат-наме» важно как одного из звеньев большой работы по исследованию становления и формирования литературного языка Золотой Орды, его связей с другими литературными языками тюркских народов и определению влияния его норм на литературные языки более поздних периодов. Как уже говорилось, в этом памятнике начинают доминировать кыпчакские языковые элементы. Так, например, в анлауте засвидетельствованы **اي** (алиф йай), свойственные только кыпчакским языкам: **ايرين** *irin* «губа», **اىلى** *illi* «пятьдесят» и др. В группе чередования **d-δ-j** в памятнике представлено только одновариантное написание через **-j**. Интервокальное **-q** в целом сохраняется, в ауслауте употребляется глухое **-q**: **قابوق** *qabuq* «дверь», звонкое **-γ** в аффиксе **-lyγ** всегда отсутствует: **كوركلو** *körklü* «красивый». Базисная система склонения ближе к кыпчакскому типу, а периферийные формы – огузскому. В дательном и местном падеже прослеживается низкочастотный карлукский тип. Перфект представлен двумя конкурирующими формами **-γan**, **-yp tur**. Примеры: *çiçäk japraqлары jirgä tüşüptür* (87) «рассыпались по земле лене-

стки цветов»; *iki jaktu gävähär Ʒalämga birgän* «два светлых жемчуга дал он миру». Атрибутивная функция более активно проявляется кыпчакской формой **-Ʒan**, когда огузские формы **-myş**, **-an** зафиксированы в единичных примерах. Среди обстоятельственных форм в языке МН явно доминирует деепричастие на **-yp**, крайне редко встречается форма на **-a**, **-u**, обычно в удвоенной форме (правда, могут выступать при разных основах): *külä ojnaƷı* «смеясь и играясь». Имя действия отмечено формой **-maq**, есть единичные примеры на **-maƷa** и **-rƷa**: *seniƷ ƷişƷunƷa sajraraƷa* *Haräzmi* «чтобы петь твою любовь Хорезми»; *ƷyraƷ min baƷtaƷa imkän joƷ äj žan* «я далек, любоваться тобой нет возможности, о душа».

Язык поэмы красочен, богат и образен. Автор умело использует разнообразные художественные средства, в частности эпитеты, сравнения и метафоры. Особенно часто Хорезми обращается к сравнениям для создания портрета изумительно красивой девушки: *irür jüzi qujaş tek Ʒäläm ara* «украсит ее лицо как солнце вселенную», *saƷuƷ bir taryna miƷ xor Ʒitmas* «тысячи гурий недостойны одного твоего волоска» и др. Поэма украшена многочисленными художественными метафорами: *ysyruƷan danasi – zührä, jüzüƷ – aƷ* «Венера – лишь камешек в твоей серьге, а луна – это лицо твое» и др.

Проанализированные выше тексты письменно-литературного языка Золотой Орды не исчерпывают весь состав памятников письменности тюрко-татарского литературного языка этого периода. Важными источниками являются арабско-кыпчакские глоссарии, грамматики, а также переводные литературные произведения XIII–XVI веков, созданные в мамлюкском Египте в течение почти 250 лет. Среди источников особое место занимает «Codex Cumanicus», который является крупнейшим письменным памятником кыпчакского разговорного языка золотоордынского периода, а также замечательным источником для изучения истории становления и развития практически всех современных языков кыпчакской группы. Язык «Codex» уже в нем самом назван татарским. Например «Иисус Христос битик тилинчэ, татарча «куткардачы» татар тилгэ конэлде». Перевод: «Иисус Христос как написано был переведен на татарский, как спасающий» [Radloff, с. 48, 83]. Достоинство этого памятника в том, что тюркский язык представлен в латинской графике, который позволяет более точно отразить фонетические особенности. Тексты памятника в своей основе ориентированы не только на разговорную речь, но, прежде всего, на доступность языка в тюркской среде. Именно поэтому памятник ценен как образец фиксации разговорного стиля в кыпчакских диалектах XIII века.

Об этом свидетельствует, в частности, регулярный **j**-признак: все слова пишутся одновариантно через **j**. Устойчиво наблюдается озвончение интервокального **-q-**, хотя есть и случаи его сохранения: *ƷuƷar* «выпусти», *saƷuƷ* «печаль», *joƷary baƷur* «смотря вверх» и др. Сочетание **-aƷu**, **-uƷu** регулярно отражается как дифтонг **-uw**: *awuz* «рот», *buzau* «теленоч». Регулярно опускается конечное **-Ʒ**: *bitti* «письмо», *Ʒatau* «заплата», *tau* «гора». В склонении родительный падеж подчиняется губной гармонии, винительный падеж имеет формативы **-ny**, **-ni**, в 3-ем лице почти на равных существуют **-yn** (17 раз) и **-ynu** (18 раз), дательный падеж представлен аффиксом **-qa-** и его соответствующими гармоничными вариантами, исходный имеет форму **-dan**, **-tan**. Широко распространен в системе посессивно-именного склонения инфикс **-n-**. Таким образом, иллюстративный материал словаря демонстрирует чистый кыпчакский тип склонения. Высокочастотна временная форма на **-yp tur**, а форма на **-Ʒan** и **-myş** встречается сравнительно редко. Таким образом, подтверждается абсолютно кыпчакский базисный тип языка «Codex Cumanicus».

Золотоордынский этап развития тюркских литературных языков был значительным этапом в развитии культуры тюркских народов. Активно развивается официально-деловой стиль – язык ярлыков и битигов. В отношении базисной структуры языка ярлыков Токтамыша Ягайле (1393), Тимер Кутлуга (1398) исследователь Ф.М. Хисамова отмечает свойственные поволжскому ареалу языковые особенности: склонение целиком кыпчакское, активно выступает причастие на –ган, олтурган «восседавший», тушманлык кылган Бекбулат «враждебный нам Бекбулат», инфинитив на –ырга: тута турурга алтын нышанлык ал тамгалык ярлык бәрилди «дан ярлык с золотой печатью и алой тамгой» и др. [22, с. 54–57]. Такая особенность ярлыков, по мнению Ф.М. Хисамовой, объяснима типологической близостью языка деловой письменности к конкретным регионам их возникновения.

Эта разновидность литературного языка Золотой Орды, как известно, непосредственно связана с поволжским регионом, в ней в большей степени, чем в других функционально-стилистических разновидностях письменного языка этого периода, отразились языковые особенности местных тюркоязычных племен [22, с. 59]. Анализ текстов свыше двухсот эпитафий волжских булгар с учетом графических особенностей передачи тюркских слов на базе арабского алфавита позволили Ф.С. Хакимзянову полно описать графо-фонетическую структуру, фонетико-грамматические и лексические особенности языка надписей. Как отмечает ученый, лексика данной группы памятников имеет много общих черт с современными кыпчакскими языками, главным образом с татарским. Вполне различимы лексемы с кыпчакскими особенностями на различных уровнях языка: в морфологии – это оформление причастной формы прошедшего времени при помощи афф. **-ған** (asrağan «воспитавший»), оформление направительного падежа при помощи **-ға** (baqıy dunjaға «в мир вечный») и др. Вместе с тем в памятниках зафиксированы показатели караханидско-уйгурской литературной традиции, определенное место занимают арабо-персидские заимствования [19, с. 64–65]. Принимая во внимание довольно убедительные факты Ф.С. Хакимзянова о формировании в домонгольский период в Волжской Булгарии наддиалектной формы языка общетюркского (кыпчакского) типа, можно допустить, что эта традиция также должна была сыграть свою роль в образовании регионального варианта литературного языка в золотоордынский период.

Наши исследования показывают, что письменно-литературная форма языка периода Золотой Орды в своем развитии в ее литературных центрах в начале ориентируется на фонетико-графические и грамматические нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Это вполне объяснимо тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности, включавшей, помимо религиозных основ, также и соответствующие формы письменно-литературного языка, в которые облекалась, прежде всего религиозно-дидактическая литература. Культурная жизнь Золотой Орды, начиная со времен становления самостоятельного государства, сопровождалась сильным культурным воздействием знаменитых мусульманских подвижников-богословов, имена которых нам известны из трудов историков Ш. Марджани, М. Усманова, Г. Давлетшина, и из самих произведений, в частности таких, как «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари. Поэтому неудивительно, что в региональных литературных центрах Золотой Орды столь значимые позиции занимал литературно-письменный язык, базирующийся на караханидско-уйгурском варианте тюркского письменного языка, который закрепил свои позиции и в литературных центрах Золотой Орды.

В то же время основное население Джучиева Улуса, как оседлое, так и кочевое, являлось носителем племенных языков кыпчакского типа, хотя среди жителей Золотой Орды были носители языков огузского и карлукского типов (например, уйгуры в канцеляриях). Таким образом, упомянутые носители мусульманской цивилизации в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кыпчакоязычного населения. Данная этническая ситуация способствовала сложению в культурных и торговых центрах наддиалектного койне, базирующегося на кыпчакской языковой стихии. Именно этот фактор находит подтверждение в материале нашего исследования, прямо свидетельствующего о воздействии народно-разговорного койне, сложившегося в указанных условиях, на норму письменно-литературного языка изучаемого периода.

Это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами по-разному отражено в языке отдельных памятников, в зависимости от жанровой принадлежности памятника (религиозно-дидактическая литература оставалась более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации), от уровня образованности и принадлежности автора к определенной литературно-художественной школе, от заказчика произведения (как, например, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми), от конкретных условий места создания, от переписчика, его племенной принадлежности и владения родным языком. Можно констатировать, что в ранних памятниках Золотой Орды устойчиво сохраняется караханидско-уйгурская традиция, параллельно с которой именно в Поволжье формируется новый вариант регионального литературного языка.

Из фонетико-графических признаков устойчивыми оказываются следующие: губная гармония, интервокальное **-q-** и сочетания типа **-ayu-**. Из фонетических признаков наиболее динамичным, менее устойчивым является [ä], который последовательно уступает позиции узкому нелабиализованному гласному переднего ряда [i], что определяется графически, а также смена **-ð** признаком **-j**, так как язык памятников отражает процесс, когда **j**-графема проникает в язык текстов. Максимум из выделенных фонетических признаков караханидско-уйгурской традиции реализуется в «Кысса ал-анбия» Рабгузи, минимум в «Codex cumanicus».

Морфологическая характеристика языка памятников показывает, что они также являются отражением общих закономерностей формирования языка золотоордынского периода. Показательно, что их морфологические параметры корреспондируют с фонетико-графическими явлениями.

Рассмотрение морфологических категорий приводит к следующим выводам. Системное изучение склонения в языке памятников и соотнесение всех данных, полученных из анализа каждого памятника, учет всех совпадений и расхождений позволяют утверждать, что именно в XIV веке начался переход от уйгурско-кыпчакского типа склонения к кыпчакскому типу. Формы, оставшиеся за пределами базисной системы склонения, во многом совпадают. Например, в именной парадигме к таким формам относятся дательный падеж на **-a** (в ХШ, Гб, МН, Дж), винительный на **-i** (в МН, КБ), исходный падеж на **-dan** (в ХШ, МН). Учет их положения в системе склонения каждого памятника позволяет отнести их к склонению огузского типа и считать периферийными по отношению к базисной системе склонения.

Анализ синтетических **видо-временных форм глагола** также продемонстрировал активное взаимодействие письменно-литературной традиции с региональным койне, причем это взаимодействие оказалось неоднородным и варьирующим в языке конкретных золотоордынских памятников. В сфере **форм прошедшего времени**

в языке памятников XIII – начала XV веков наиболее распространенной и многозначной была форма на **-dy**. Употребление всех трех форм перфекта: **-myş, -yan, -yp tur** – довольно ограничено, и они отражают живой процесс изменения системы перфектов: проникновение в литературный язык новой кыпчакской формы **-yan**; **-myş** как поэтико-выразительного средства престижной книжной традиции, разговорно-диалектной формы **-yp tur**.

Рассмотрение системы времен в языке золотоордынских памятников показывает, что эта система, наряду с устойчивыми базовыми компонентами, восходящими к более ранним этапам развития тюркских языков и отражающими преимущественно караханидско-уйгурскую языковую традицию, в новом, Поволжском ареале, так же, как и система склонения, претерпевает заметные сдвиги в сторону включения в него новых местных региональных форм кыпчакского типа: **-a, -a turur, -yan, -yb, -ybtur**. Характерно, что язык отдельных памятников отражает разные этапы этой динамики (Сравните язык НФ и МН).

В сфере **неличных субстантивных форм** абсолютно доминирует форма **-maq**, синонимом которого выступает **-maqa**. Сама форма **-maq**, которая известна ряду тюркских языков, в целом характеризует все же тюркские языки восточного ареала, и ее фиксация в литературных памятниках связана, скорее, с посткараханидским периодом, она получает широкое распространение начиная с языка золотоордынских и чагатайских памятников. Из девяти проанализированных нами памятников только в языке XIII, МН, Гб, СС фиксируется новая субстантивная форма **-rqa**. Она функционирует чаще всего как форма супина, т.е. обозначает цель какого-либо действия. Несмотря на низкую частотность, это форма является региональной, свойственной языку Поволжского региона. Таким образом, рассмотренные памятники фиксируют начальный этап распространения этой формы в языках Поволжья.

Проведенный языковой анализ, имеющий важное социолингвистическое содержание, с одной стороны, позволил выявить истоки старотатарского литературного языка, которые питались непрерываемой литературной традицией тюркских народов, уходящей в эпоху тюркских и уйгурских каганатов; с другой – была определена роль регионального койне кыпчакского типа, которое, будучи широко распространенным в пределах Золотой Орды, оказало решающее влияние на старый литературный письменный язык, что и привело в конечном итоге к формированию регионального литературного языка раннего периода. В последующем татарский (в историографии донациональный период обозначается как старотатарский) литературный язык активно развивался и функционировал прежде всего в татарских ханствах. Региональный старотатарский язык по своей базисной системе оставался кыпчакским, сохранению традиционных архаичных черт способствовали культурно-историческая и языковая ситуация в Казанском, Астраханском и Сибирском ханствах. В Крыму с началом влияния османского языка в литературном языке в базисной системе грамматических форм уже в значительной мере начинают преобладать южно-турецкие традиционные элементы.

В условиях, когда татарские ханства оказались в составе России, из-за активной внешней политики Московии в восточном направлении продолжала активно развиваться функциональная разновидность старотатарского литературного языка – официально-деловой стиль, язык дипломатии. Детальное изучение Ф.М. Хисамовой [21; 22] языка многочисленных официально-деловых документов дипломатической переписки с Востоком, образцов административной переписки внутри России показало, что язык старотатарской деловой письменности в своей базисной системе был весьма

близок татарскому разговорному языку. Его диалектная основа была полностью татарской. Именно поэтому в сфере официально делового употребления он всюду назывался в ту пору «татарским письмом», «татарским языком» [22, с. 376–377].

Истоки этого стиля лежали в известных ярлыках и грамотах периода Золотой Орды и Казанского ханства, а также Крымского ханства. И эта традиция устойчиво сохранилась в последующие века, чему способствовала функциональная значимость официально-делового стиля, как одной из форм языка дипломатии и административной переписки. Ф. Хисамова в своей работе показала, что деловая письменность XVI–XVIII веков выходила в ту пору далеко за рамки расселения татарской народности. В качестве языка русской дипломатии грамоты и письма на татарском языке посылались в такие страны, как Индия, Китай, Иран, Турция. Широко использовалась эта письменность в административной переписке не только в регионах расселения татарского народа, но и по мере расширения восточных границ Российской империи появлялись административные центры (Оренбург, Кизляр), вследствие чего с представителями тюркских, да и нетюркских народов (с кумыками, чеченцами, кабардинцами), где административная переписка велась на том же татарском языке. В большинстве случаев писцы и переводчики также отбирались из числа казанских татар. Таким способом шла переписка с ногайцами, казахами, каракалпаками, с узбекскими ханствами [22, с. 377].

Старотатарский литературный язык, выйдя за рамки Поволжского региона, оказывал влияние на формирование региональных письменных традиций в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане и в других регионах с тюркоязычным населением. Ф.С. Фасеев, говоря о функционировании старотатарского языка в казахских ханских канцеляриях, специально остановился на этой проблеме. «Он, будучи старотатарско-тюркским по основным своим параметрам, уже XVIII в. отражал и осваивал в себе ряд казахских элементов: местные реалии, титулы, термины, личные имена и топонимы. Далее в XIX в., обогащаясь казахскими фонетическо-лексическо-грамматическими элементами, этот служебный старотатарский превращался постепенно в деловое казахское письмо, а затем в применении к другим сферам /периодическая печать, записи казахского фольклора, письменная поэзия, учебники.../ к концу XIX в. стал собственно казахским старописьменным языком. Так сложился новый письменный тюркский язык с помощью другого, более раннего, в данном случае – служебно-татарского языка. Эта общая закономерность отпочкования новых тюркских литературных языков» [14, с. 37].

Таким образом, изучение языка золотоордынских письменных памятников дает основание утверждать, что распространенный на довольно большой территории золотоордынский литературный язык в своей основе является кыпчакским, и по структурным особенностям он заметно отличается от предшествовавшего общетюркского караханидско-уйгурского литературного языка. Отпочковавшийся от золотоордынско-кыпчакского литературного языка региональный татарский язык XVI–XVIII веков в своей базисной системе оставался относительно стабильным на протяжении своего функционирования.

Сокращенные обозначения источников, ссылки на которые имеются в тексте

Гб – A Fourteenth century turkic translaticjn of Sa`dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan bit-turki). By. A.Bodrogligeti. Budapest, 1969. 450 p.

Дж – Исламова А.И. Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дастан-и Джумджума Султан» Хисама Кятиба: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. Текст. С. 39–62.

Кб – Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979. Текст. С. 124–143.

Сс – Radioff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. StP., 1887. Wörterverzeichnis. S.1–132. Einzelne Sätze. S.1–79. Vorwort. S. 80–111.

Кр – Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе. Сб. ст. СПб., 1897. 281 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., 1951. С.323–341; Ильминский Н.И. История пророков Рабгузы на джагатайском наречии. Казань, 1859. 555 с.

Мн – Хорезми. Мухаббат-наме / Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. М.: Изд. восточной лит-ры, 1961. 223 с.

Нф – Eckmann J. Nehcü'1 – Feradis. I, Tipki Basim. Ankara, 1956. 444 s.

Хш – Zajaczkowski A. Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba. Warszawa, 1958. Tecst. 304 s.; Faksimile. 238 s.; Slownik. 207 s.

Список литературы

1. Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: юго-восточный регион. М.: Наука, 1987. 304 с.

2. Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияты тарихы. Казан, 1999. 512 б.

3. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань, 2000. 136 с.

4. Миңнегулов Х.Й. Сәйиф Сараи. Тормышы һәм ижаты. Казан, 1976. 180 б.

5. Миңнегулов Х.Й. Алтын Урда чоры язма мәдәнияте // Мирас. 1993. №6. Б. 14–24.

6. Миңнегулов Х.Й. Дөнъяда сүземез бар... Казан: Татар. кит. нәшрияты, 1999. 336 б.

7. Нәжип Э.Н. Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер онытылган язма истәлекләре турында // Совет әдәбияты. 1957. №12. С. 77–88.

8. Наджип Э.Н. Кыпчако-огузский литературный язык мамлюкского Египта. XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1965. 94 с.

9. Наджип Э.Н. Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. В 2-х книгах. Алма Ата: Наука, 1975. Кн. 1. 210 с.; Кн. 2. 301 с.

10. Наджип Э.Н. Исследование по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. 291 с.

11. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань, 2004. 376 с.

12. Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир Али Шир. Л., 1928. С. 3–25.

13. Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татгосиздат, 1926. 300 б.

14. Старотатарская деловая письменность XVIII в. Составление сборника текстов, переводы, комментарии и исследование выполнены кандидатом филологических наук Ф.С. Фасеевым. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР, 1982. 172 с.

15. Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. 1979. №2. С. 85–93.

16. Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков // Советская тюркология. 1988. №3. С. 67–78.

17. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
18. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 206 с.
19. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык. М.: Наука, 1987. 101 с.
20. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. Казан, 1993. 323 б.
21. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI – нач. XVII вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. Казань: Каз. гос. ун-т, 1995. 418 с.
22. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – нач. XVIII вв.). Казань, 1999. 407 с.

§ 6. Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии

Рафаэль Хакимов

Вокруг этнонима «татар» возникло много путаницы и спекуляций, что осложняет изучение истории Евразии. Основные проблемы связаны со смешением двух имен «татар» и «монгол», а также неопределенностью их этнической и лингвистической привязки. Сложившиеся традиции историографии мешают непредвзятому прочтению первоисточников и оценке реального вклада татар в мировую историю. В калейдоскопе этнонимом и политонимом раннего средневековья путеводной звездой может служить только политическая история. Военное и политическое доминирование того или иного племени определяло возможность сохранения его имени в анналах истории, преемственности культуры и способности народа сохраниться до наших дней.

Первое упоминание о татарах встречается в надписи в честь Кюль-Тегина (732 г.), где речь идет о племенных союзах «отуз-татар» и «токуз-татар» в качестве врагов Кюль-тегина. Тогда татары вместе с киргизами поддержали токуз-огузов, воевавших с тюрками (тюркютами). В 723–724 г. токуз-татары вместе с токуз-огузами восстают против Элетмиш Бильге-кагана, но, видимо, безуспешно, поскольку есть свидетельство, что Бильге-каган (около 742 г.) «опять подчинил и восьмиплеменных татар», а чуть ниже утверждается, что «в год Свиньи (747 г.), трехплеменные карлуки и девятиплеменные татары... почтительно просили стать ханом» [21, с. 43–44]. В Терхинской надписи сообщается, что «когда писались эти письма – о мой хан! – то присутствовали именитые моего Небесного хана, восьмиплеменные татары, семнадцать аз'ских буюруков, сенгуны и тысячный отряд из (народа) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами» (753 г.) [21, с. 42]. В период создания Тюркского каганата татары уже играли существенную роль во взаимоотношениях тюрков с китайской империей и, видимо, проявляли относительную независимость. В конце 40-х годов VIII в. они вместе с огузами восстают против Уйгурского каганата и терпят поражение. В рунических надписях упоминается и об одной войне с киргизами. В данном случае для нас важно отметить не ход исторических событий, а этническую самостоятельность татар, они в VII–VIII вв. упоминаются наряду с тюркютами, уйгурам и киргизами, при этом кипчаки и монголы еще не фигурируют в качестве политической силы.

Китайцы татар называли та-та (да-да), у китайцев нет звука (иероглифа) «р». «И в настоящее время, – пишет Мунир Ерзин, – китайцы татар Татарстана в письменном виде обозначают этими двумя иероглифами – тата[эр]жень (татар, татарин) и Республика Татарстан – Тата[эр] гунхэго» [13, с. 15]. По его версии, «та-та – иероглиф, обозначающий татар, сам по существу состоит из двух знаков. Его левый знак передает значение слова, а правый – звучание слова (тональность произнесения слова). То есть левый иероглиф передает понятие выделанная кожа (булгар), а правый – фонетическое качество. У этого иероглифа, состоящего из двух знаков, нет другого смысла, он специально создан только для наименования народа – татар» [13, с. 46–47]. Связь этнонима «татар» с выделкой кожи «булгар» всего лишь одно из множества мнений, имеющих право на существование. Важно отметить, что не китайцы назвали народ именем «татар», они всего лишь воспроизвели этноним, специально создав иероглиф для его обозначения.

Этимологию «татар» пытались выяснить ряд исследователей (Н.Ф. Баскаков, П. Пелльо, Г.-Дж. Рамстедт, Н. Кычанов и др.), они опирались на различные основания, но, скорее всего, этноним связан с каким-то древним предком по имени «Татар». Происхождение самоназвания хотя и любопытно, но не столь существенно, ведь судьба этнонима больше связана не с собственно этнической, а политической историей.

Изначально имя «татар» носили племена, жившие на севере от Великой китайской стены, а также в степной зоне Центральной Азии. В работе «Полное описание монголо-татар» («Мэн-да бей-лу», 1221 г.) сказано: «Земли, на которых впервые возвысились татары, расположены к северо-западу от [земель] киданей. Племена [татар] происходят от особого рода шато» [34, с. 45]. Под именем «шато» имеется в виду союз племен западных тюрков, обитавших в VII в. в районе Ферганы. В VIII–X вв. отколовшиеся группы шато проживали на территории современных провинций Шэньси, Ганьсу и Шаньси. Китайский историк Ван Го-вэй поясняет, что в этом случае речь идет о «белых татарах». Он приводит следующее свидетельство: «У татар все люди отважны и воинственны. Те, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами. [Они] умеют сеять просо, варят его в глиняных котлах с плоским дном и едят» [34, с. 45]. Рашид ад-дин «белых татар» относит к тюркам и пишет, что они из тех народов, «которые не столь давно получили имя монголов» [35, с. 77]. Кроме земледельцев-татар были кочевые «черные» татары и так называемые «дикие/незрелые» татары.

В летописи «Краткие сведения о черных татарах» записано: «Государство черных татар (т.е. северного шаньюя) называется Великой Монголией» [25, с. 137]. Северным шаньюем китайцы называли племенных вождей северных хунну (сюнну) после разделения хунну на северных и южных. Северные хунну занимали территорию расселения современных монголов. «Черные татары», продолжает летопись, «живут в куполообразных хижинах (т.е. в войлочных шатрах). У них не строятся города со стенами и [каменные] здания. [Они] кочуют с места на место в зависимости от [наличия] воды и травы [для скота] без постоянных [маршрутов]... Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется “волиито”» [25, с. 139]. Под «волиито» автор летописи имеет в виду древнетюркское слово *ordu* или *ordo* в значении «лагерь» или «дворец». «Что касается его золотого шатра (стойки [внутри] сделаны из золота. Поэтому [шатер] называется золотым), то когда [вместе с ним] ставятся шатры всех незаконных императриц вместе со стойбищем [других подданных], только [это] называется «большой ордой»

(*yeke ordu*)» [25, с. 139]. Китайцы в начале XIII в. часто монголов Чингизхана называли хэй-да «черные татары». В «Мэн-да Бэй-лу» читаем: «Нынешний император Чингис, а также все (его) полководцы, министры и сановники являются черными татарами» [34, с. 49].

Китайские источники выделяли также «диких татар» Южной Сибири, промышлявших охотой и рыбной ловлей, они управлялись старейшинами, у них не было ханов, за что их и называли «незрелыми». «Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны и не обладают никакими способностями. [Они] только и знают что скакать на лошадях вслед за всеми [другими]», – свидетельствует «Мэн-да Бэй-лу» [34, с. 49]. Как видим, деление татар на «белых», «черных» и «диких» дано по типу ведения хозяйства.

Важно иметь в виду, что различные татарские племена носили различное самоназвание. Отсутствие в источниках этнонима «татар» еще не означает, что там не присутствуют татары – они просто могут иметь другое имя. В «Сокровенном сказании» упоминаются айриуд-буйрууд, обое, дербен – подразумевается, что они все относятся к татарским племенам. В тексте читаем: «Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому» [40, §53]. В свою очередь дербен-татары не были однородным племенем и делились на чаан-татар, алчи-татар, дудаут-татар и алухай-татар [40, §141, 153]. Рашид ад-дин называет шесть главнейших татарских племен: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Были и другие татарские племя, как-то хойин, нераит и т.д. «Племя тутукулйут – самое уважаемое из [всех] татарских племен», – добавляет он [35, с. 101–103]. Порой приставка «татар» отсутствует в самоназваниях племен, поскольку в те времена и так знали, что они из татар. Рашид ад-дин приводит следующий пример: «Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени, если он будет мужчина, его называют – тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется – тутукуличин. Происходящие из племени куин-татар – куитай и куичин, из племени терат – терати и тераучин».

Множество самоназваний возникало естественным образом ввиду размножения населения. Любое отделившееся племя отличалось от родительского своим именем, при этом исчезало указание на его татарское происхождение. «Материнский» этноним сохранялся только в имени старшего сына – легитимного наследника власти отца. Н.Н. Крадин, исследуя генеалогию Чингизхана, пишет о традиционном механизме легитимации: «Вождь, добившийся некоторого успеха в объединении племен под своей властью, дает имя общности, иногда со ссылкой на авторитет прошлого. Так, Хабул-хан дает наименование своему союзу кият. Хотя можно предположить, согласно легендарным сведениям, что этот этноним отмечался еще на первой территории проживания монгольских племен. Этническое имя закрепляется за старшими потомками клана Хабул-хана. Изложение событий из жизни Есугэй-бахадур, отца Чингисхана, предваряется констатацией его места в генеалогии: «§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Менгету-Киян, Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Даритай-отчигин», где, как видим, этноним присутствует в имени старшего сына – легитимного наследника власти отца» [24, с. 172–173]. Ссылаясь на разные самоназвания племен, мы можем воспринять их в качестве различных народов, хотя на самом деле они могли быть ближайшими родственниками и пом-

нить о своем происхождении – при объединении в союзы они возвращались к «материнскому» имени, как в случае «Алты татар», «Токуз татар», «Отуз татар» и т.д.

Нельзя исключать и другого процесса, о котором пишет Рашид ад-дин: «Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами» [35, с. 101]. Уже в глубокой древности татары подчинили себе другие тюркские племена, вплоть «до границ Китая», которые стали называться по имени господствующего племени. В этом случае этноним «татар» становился политонимом. Нечто аналогичное происходило и с именем «монгол», который с возвышением Чингизхана становится политонимом, а потому многие племена стали называться монголами, как раньше назывались татарами, свидетельствует Рашид ад-дин. Однако при этом он делает весьма существенное примечание, что, мол, и поныне от Китая до Дешт-и Кыпчака и Магриба все тюркские племена называются татарами [35, с. 103]. Даже впоследствии, когда Чингизхан прославился на весь мир как великий завоеватель, летописцы Монгольскую империю неизменно называли Татарией, но не Монголией. Со временем вся Евразия стала отождествляться с «Татарией», что и зафиксировано на средневековых картах.

Немало существует объяснений имени «татар» как экзоэтнонима, так, мол, китайцы называли всех некутайцев – что-то вроде аналога слова «варвар». Н.Ц. Мункуев считает, что китайцы, которые столкнулись с некоторыми из татарских племен, «распространили их название на все монгольские и даже немонгольские племена, обитавшие на территории современной Внешней и Внутренней Монголии и Западной и Южной Маньчжурии». Он исходит из того, что «племена татар, название которых китайцы распространили на все монгольские племена, как известно, были врагами рода Чингис-хана и были истреблены последними задолго до 1221 г.» [32, с. 135]. Нет смысла китайцам монгол называть татарами, тем более, если татары были истреблены.

Существуют также мнение, что китайской канцелярии было предписано в донесениях исправлять самоназвание «монгол» на «татар» или, в крайнем случае, «монголо-татар» («мэн-да»). Получалось, что китайцы, столетиями жившие с татарами бок-о-бок, воевали и торговали с ними, в то же время не понимали, с кем имеют дело. В этой связи сошлемся на авторитет Н.Я. Бичурина, который пишет: «Здесь важно заметить, что Китай, со времени открытия монголов, тунгусов и тюрков, донныне всегда находился в политических связях с помянутыми народами, и всегда отличал один народ от другого» [5, с. 10]. На самом деле китайские чиновники и историографы очень хорошо различали народы, при этом они писали не только о племенах, но и о династиях, расписывали их титулатуру, они пользовались выражением «монголо-татары» не в этническом, а политическом смысле, понимая под монголами династию, а под татарами – его народ (будун). Европейские летописцы тоже не были наивными наблюдателями, многие из них ездили для разведки, напуганные нашествием татар в Европу, – им надо было знать, с кем имеют дело. Король Венгрии Бела IV к германскому королю Конраду IV прямо пишет: «свирепые народы, именующие себя татарами, пришли с востока, как саранча из пустыни, и опустошили Великую Венгрию, Булгарию, Куманию и Россию, а также Польшу и Моравию» [15, с. 805]. В письме ясно сказано, что «свирепые народы» сами себя именовали «татарами».

Следует осторожно отнестись к мнению о навязывании этнонима «та-тар» покоренным народам Монгольской империи. В чем здесь политический замысел? Монголам это точно не нужно, как и китайцам, а больше навязывать некому. Некоторые ав-

торы предположили, что этноним «татар» был изобретен в XIX в. идеологами национализма, вроде Шигабутдина Марджани, якобы подменившего исконное имя «булгар» на искусственное «татар». Так, Михаэль Кемпер пишет: «Определением «татарский народ» Ш. Марджани конструирует этнос, который он ставит на место религиозно дефинированного и мультиэтничного «булгарского» культурного сообщества» [17, с. 613]. Действительно, в памяти татарского народа сохранились воспоминания о Булгарском государстве, как, впрочем, и о Золотой Орде и Казанском ханстве, но это не говорит о каком-то раздвоении самосознания или навязывании этнонима «татар» просветителями XIX века. Столь же несостоятельно предположение об отказе татарами от исконного самоназвания в пользу этнонима «мусульманин». Татары действительно себя называли «мусульман» в соответствии с существовавшим в Российской империи сословным делением, что вполне сочеталось с этнической идентичностью. Встречаются и вовсе экзотические случаи изложения истории Евразии, где этноним «татар» полностью отсутствует (см. [38]), что трудно обсуждать из-за абсурдности такого желания избавиться от «татарской проблемы».

Топонимы и гидронимы, связанные с татарами, опровергают утверждение об имени «татар» как экзоэтнониме. В названиях местности, гор, озер, рек, ручьев, горных вершин, населенных пунктов имя «татар» встречается в самых разных странах: Китай, Иран, Пакистан, Афганистан, Турция, Средняя Азия, Азербайджан, страны Восточной Европы, включая Боснию, Сербию, Македонию, где есть целые административные единицы, горные хребты, долины. Они не единичны и не случайны. Возьмем, к примеру, Японию, очень далекую от основных театров нашествий татар, – там можно ожидать минимальное присутствие татар в отличие от Азии или Восточной Европы. По устному сообщению Владимира Курбатова, на о. Хонсю между городами Аоморе и Хатинохе расположены гора *Tatara yama* (гора) и *Tatara san*. К северу от Токио есть болотистый островок *Tatara numa* (болото), севернее г. Убе примостилось озеро *Tatara saki*, в западной части о. Рюкю – *Tatara shima* (остров) и река *Tatara gawa* (река). Кроме того, на полуострове Ното есть селение *Kazan shi*, у мыса Сата – холмистая местность *Kazan* и в составе архипелага Нампо в Восточно-Китайском море имеется группа островов *Kazan retto*. Очевидна неслучайность появления таких названий и в таком количестве, иначе говоря, татары в Японии оставили заметный след, причем задолго до попыток Хубилая силой покорить Японские острова. В частности, технология выплавки металла «*tatara*» для изготовления самурайских мечей по сведениям японских ученых появилась примерно в VII в. [см.: 47]. Топонимы не только указывают на длительность пребывания татар в Японии, но их невозможно было навязать силой, они отражают самоназвание народа.

Некоторые специалисты (Й. Маркварт, С.М. Ахинджанов и др.) считают ранних татар монголоязычными, что вызывает большие сомнения, поскольку все доказательства строятся на косвенных свидетельствах или на вольной интерпретации источников. У Н.Я. Бичурина читаем: «Хягас по первоначальному своему составу должно быть государство Монголо-тюркское и состоит из двух народов: тюрков и монголов. Тюрки, иначе татары, суть коренные жители, а монголы суть их повелители, известные прежде под названием хуннов, а в сию эпоху назывались они хойхусцами. В переговорах с китайским посольством при Дворе хягасов, вероятно, употребляли хойхуский язык, как [язык] господствующего народа, известный китайцам; и потому посланник написал, что хягасы говорят хойхуским языком; в самой же вещи [в самом же деле] хягасы говорили татарским языком, что доказывают слова: Ай месяц, Вэй титул министра» [5, с. 351]. В данном случае смена имени «хунн» на «мон-

гол», а затем на «хойху» (уйгур) не должна удивлять, ибо речь идет не о смене этничности, а о названии правящих «Домов». Нам важно отметить, что не только татары, но и хягасы (киргизы) говорили на татарском языке. Близость тюркских племен и их языков общеизвестный факт. Абу ал-Истахри пишет: «А что касается Туркестана, то у токуз-огузов, хырхызов, кимаков, гузов и хазладжей – один и тот же язык, и все они [происходят] один от другого...» [30, с. 25]. Рашид ад-дин, наиболее осведомленный из средневековых историков, язык татар считал тюркским.

Выдающийся знаток тюркских языков Махмуд аль-Кашгари главу, где перечисляются народы, назвал «О составе тюрков», куда включил и татар. Он дал классификацию тюркских языков, заметив, что наряду с чомулами, «кай, ябаку, татар и басмыл, каждое объединение из них имеет особое наречие (luya) и вместе с тем хорошо владеют тюркским языком» [31, с. 76]. Это свидетельство посчитали достаточным для утверждения о монголоязычности татар. Однако у аль-Кашгари речь не идет о монгольском языке, просто для него татарская речь отличалась от тюркского (в смысле тюркютского) и его родного караханидского наречия. В то время не было обобщающего понятия «тюрки», поэтому под ним понимали конкретно тюркютов в отличие от татар, уйгур, киргизов и некоторых других. Точно также рассуждая о заменах огузами гайн на алиф, он противопоставляет огузское наречие тюркскому, хотя на самом деле речь идет о тонкостях произношения, а не о разных языках [31, с. 79]. Махмуд аль-Кашгари, отмечая особенности языка различных тюркских народов, добавляет, что они проявляются в чередовании или усечении отдельных букв, что никак нельзя трактовать в качестве подтверждения монголоязычности татар.

Исходя из его свидетельств, невозможно говорить и о наличии смешанного татаро-монгольского языка, как утверждает С.Ш. Казиев: «На наш взгляд, язык кай и татар мог быть языком этнических групп смешанного тюрко-монгольского происхождения, своего рода *lingua franca*, понимаемый и монголоязычными, и тюркоязычными группами» [16, с. 373]. Возможно, какие-то татары знали два языка, но о существовании в прошлом татаро-монгольского языка нет никаких свидетельств. Само использование термина «монголо-татары» («мэн-да») появилось в китайских источниках в связи с восшествием на престол Чингизхана, объявившего о монгольской династии, после чего к традиционному «та-та»/«да-да» добавился иероглиф «мэн», указывающий на присутствие правящей династии. Из этого никак не выводится наличие тюрко-монгольского пиджина, как утверждает С.Ш. Казиев: «Татары относились к кругу шивэйских племен, имевших наиболее интенсивные контакты с тюркоязычными племенами, и потому владели древнетюркским языком, либо же общались на тюрко-монгольском пиджине, что и было отмечено ал-Кашгари» [16, с. 377]. Махмуд аль-Кашгари ни о каком пиджине даже не заикается, его свод тюркских слов посвящен нюансам тюркских наречий.

Предположение о монголоязычных татарах построено на мнении, что монголы, безусловно, говорили только на монгольском, а вот с татарами надо, мол, разбираться. Почему не предположить обратное? Нельзя исключать знание средневековыми монголами татарского языка. Так, по тексту «Сокровенного сказания» видно, что Чингизхан свободно общается с представителями явно тюркоязычных онгутов («белых татар»), карлуков, уйгур. Это не значит, что все вокруг говорили на монгольском, логично предположить, что Чингизхан знал татарский язык. Субэтейбагатур обращается к кыпчакским вождям с предложением о мире: «Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд

то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]» [35, с. 230]. Это не говорит о монголоязычности кыпчаков или знании ими двух языков. В равной мере можно предположить знание Субэтеем татарского языка. Более того, здесь прямо говорится, что монголы и кыпчаки одного рода, иначе говоря, тюрки.

Нет никаких свидетельств о доминировании монгольского языка в тюркской среде, зато можно утверждать, что кыпчакское наречие точно выступало в качестве *lingua franca* и тюркские наречия сильно повлияли на монгольский язык. А.М. Щербак прямо пишет: «До XIII в. процесс заимствования был односторонним: из тюркских языков в монгольские» [50, с.48]. Кодекс Куманикус был составлен в качестве пособия европейским купцам для использования наиболее понятного в Монгольской империи языка, при этом в тексте куманский (кипчакский) язык называется «*tatar tili*». Татарский или тюрко-татарский язык и был по факту *lingua franca*. Этим объясняется наличие в татарском и монгольском языках одинаковой терминологии, они в монгольский язык попали из татарского, но никак не наоборот.

Создается впечатление, что исследователи явно затрудняются с разведением этнонимов «татар» и «монгол», поэтому нередки утверждения, что татары – это на самом деле этнические монголы, или делят татар по произвольным признакам на этнических монгол и татар, или же выбирают компромиссный термин «татаромонгол». Для уточнения этого вопроса сошлемся на Рашид ад-дина, который считал, что «в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» [35, с. 103]. Яснее не скажешь. Можно было бы усомниться в свидетельстве великого летописца, но проблема в том, что ничего лучшего о тех временах в анналах истории не сохранилось. Кстати, остальные летописцы солидарны с Рашид ад-дином. Так, в «Мэн-да бэй-лу» сказано, что прежнее монгольское государство уже было уничтожено и что нынешние монголы и есть татары [34, с. 52]. Монголы на землях татар появляются только в X веке. Известный монголовед Е. Кычанов указывает на «приход монголов в Монголию где-то во второй половине X – первой половине XII в.» [19, с. 141]. Это территория нынешней Монголии, Внутренней Монголии, китайских провинций Ганьсу и Шэньси. В силу многочисленности татар, о чем утверждают все летописцы, они жили на обширной территории как на протяжении Великого Шелкового пути, так и по всей территории нынешней Монголии. Вопрос взаимосвязи монгол XII в. и современных монгол – отдельная тема и не входит в задачу данной статьи.

Значительную путаницу в соотношении этнонимов «монгол» и «татар», а также в языковую проблематику вносит сообщение в «Сокровенном сказании» об истреблении всех татар, после чего якобы остались лишь часть укрывшихся и никем незамеченных или кем-то спасенных татар. Так, Е.И. Кычанов пишет о войнах татар и монгол: «Для татар эти войны закончились в 1202 г. почти полным их истреблением» [20, с. 210]. Во-первых, «истребление» нужно понимать не в физическом, а в политическом смысле, т.е. было ликвидировано доминирование татар в степи, к тому же не всех татар, а именно союза племен «дербен-татар»: «Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар» [40, §153]. Как видим, речь идет только о главарах, ставших обычными вассалами (кол). Во-вторых, хотя «Сокровенное сказание» красочно описывает процедуру истребления татар, но затем в § 196 в окружении Чингизхана вдруг появляются опять же дербен-татары и татары-тайчийуты: «Бывшие с Джамукой джадараны, катагины, салджи'уты, дербэны, тайчи'уты, онгираты и прочие там же подчинились» [40, §196]. В-третьих, среди пяти главных жен Чингизхана фигурируют две татарки: Есулун и

Есукат. Более того, в источниках часто татар называют народом, из которого монголы брали жен. Получается, вначале якобы вырезали всех татар, а затем переженились на татарках. Если, как сказано в «Сокровенном сказании» устами самого Чингизхана, «поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси», откуда тогда они вновь появились на исторической арене? Как пишет Рашид ад-дин, «благодаря приросту населения они [найманы, урянкаты и татары] стали многочисленны» [36, с. 55]. К тому же, по его же словам, татары занимали высокие посты, которые он перечисляет: «Из племени хойин-татар происходили: Самкар-нойон, конюший Хулагу-хана, а во время Абага-хана ставший почтенным и великим эмиром; Туган, Мулай и Куйтай, отец Бука-курчи... В улусе Джочи-хана старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же улуса, по имени Турэ-кутлуг; из эмиров Бату из этого племени был старший эмир по имени Ит-Кара; из эмиров Менгу Тимура, а также государя того улуса, из этого племени был старший эмир по имени Бек-Тимур...». Китайские источники подтверждают высокий статус татар в окружении Чингизхана. В хронике «Юань ши» записано: «Тахай-Темур, человек из татар. Его предки во времена Тай-цзу служили говану Мухали, командовали левым крылом Великого тумена в Монгольской армии, держали в повиновении 8 западных округов в [провинции] Тайюань» [48, с. 93]. Здесь речь идет о кешиктенах – гвардии, сформированной Чингизханом в 1206 году в качестве «личной тысячи», которая затем увеличилась до тумена. В составе этой личной тысячи, по сообщению Рашид ад-дина, было подразделение и кешиктенов из татар под командованием Есунгтээ» [36, с. 267]. Получается, что Чингизхан «истребленных» татар держал в качестве личной гвардии?! Абсурд. Список знаменитых татар в окружении Чингизхана легко продолжить, что никак не вяжется с их «истреблением». Противоречия легко снимаются, если понимать под «истреблением» ликвидацию политического доминирования враждебных татарских племен, лишение их собственного имени и их «рассеяние», т.е. распределение семей по другим племенам.

Нет явных подтверждений функционирования монгольского языка в Золотой Орде. Хотя принято считать, что там существовало два государственных языка, но среди известных официальных документов нет ни одного на монгольском. В 1930 г. на левом берегу Волги близ села Терновка была найдена рукопись на бересте, датируемая началом XIV в. Она написана уйгурским алфавитом большей частью по-монгольски, меньшей – по-уйгурски. Берестяной свиток содержит лирические стихи. Этот единственный случай не может служить аргументом в пользу распространенности монгольского языка среди татар. Остальные доказательства тоже косвенные. Так, в 1845 г. на территории Екатеринославской губернии была найдена серебряная пайцца (хранится в Государственном Эрмитаже). Надпись на монгольском языке уйгурской письменностью гласит: «Монкэ тэгри-ин кучун-дур, екэ суджали-ин игэгэн-дур: Абдулла-ин джарлик кэн улу буширэку кумун алдаху, укуку», т.е. «Вечного неба силою, великим соизволением и могуществом (его), Абдуллы повелению, который человек не повинуется, (тот) проступится, умрет» [2, с. 146]. Эта надпись относится к 1362–1369 гг., когда Абдулла находился на престоле Золотой Орды. Сохранилась также пайцца Узбек-хана и др.

Пайцца – символ власти, и в каком-то смысле можно о нем говорить как о документе, он продолжает традиции Китайской и Монгольской империй, в нем важнее общий рисунок, нежели текст, он не дает возможности судить о распространенности того или иного языка именно в Золотой Орде. Тем не менее ученые, опи-

раясь на косвенные аргументы, настаивают на использовании монгольского языка в качестве государственного. Аргументируя это, А.П. Григорьев цитирует Плано Карпини: «...мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам... и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письмена русские и сарацинские и на письмена татар; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его». После этой цитаты следует утверждение: «Итак, во времена первого золотоордынского хана Бату (1227–1255) золотоордынская канцелярия вела делопроизводство на монгольском языке» [9, с. 83]. Такой вывод сделан из произвольного отождествления татар с монголами, хотя ничего не мешает предположить, что Бату читал на татарском. Остальные документы А.П. Григорьевым анализируются примерно в том же стиле, на основе чего выносятся окончательный вердикт: «Наш общий вывод сводится к следующему: официальным языком Золотой Орды XIII–XIV вв. (до 1380 г.) был монгольский, употреблявшийся в уйгурской письменной форме» [9, с. 89]. Как доказал М. Усманов, нет оснований считать ранние жалованные акты Джучидов монголоязычными [44, с. 94–97], тем более об их языке нельзя судить по русским переводам, как это делает А.П. Григорьев.

Более аргументированно пишет о ярлыках и битиках ханов Золотой Орды Нигмат Курат, опирающийся на подлинники: «Язык письма – литературный язык, бывший в употреблении в Золотой Орде, его принято именовать чагатайским, что не совсем верно» [26, с. 30]. Язык Золотой Орды совершенно естественно называть татарским, а не надуманным «чагатайским» или еще каким-то языком. Курат отмечает появление арабизмов в текстах некоторых документов, но отнюдь не других языков и тем более монгольского. Причем он отмечает, что у крымских ханов язык был тот же самый, употреблявшийся в Золотой Орде: «В этом отношении между всеми ярлыками существует большое сходство. Стиль оформления свидетельствует о продолжении золотоордынского делопроизводства» [26, с. 101].

Вокруг языка Золотой Орды возникла обширная литература, пытающаяся найти влияние на татар не только монгольского, но также уйгурского, кыпчакского, караханидского, карлукского, чагатайского языков, называют официальный язык государства поволжско-золотоордынским, хорезмско-поволжским, наконец, тюрки или тюркским (огузо-кыпчакским). Например, к письмам золотоордынских ханов дается следующий комментарий: «Несомненный интерес представляют тексты с точки зрения языка. Здесь отметим только, что довольно простой, избыливающий архаизмами тюркский язык первых двух писем противостоит вычурной арабо-персидской последних, также составленных на тюркском языке» [33, с. 235]. Термин «тюркский язык» или «тюрки» применительно к Золотой Орде вносит изрядную путаницу. Надо ли его относить к языку тюрков (тюркютов) времен Тюркского каганата или понимать как самостоятельный язык какого-то неведомого народа «тюрки», живущего в татарском государстве? Общепринятое употребление понятия «тюркский» в качестве обобщающего названия группы близких языков вполне объяснимо. А выделять самостоятельный язык «тюрки» нет оснований, его появление можно объяснить только одной причиной – желанием не называть его татарским. Использование термина «тюрко-татарские наречия», который был в ходу до революции, имеет под собой вполне разумное основание, оно указывает на наличие у ряда родственных языков общего татарского корня. Существуют предложения называть официальный язык Золотой Орды старотатарским или, как компромисс-

ный вариант, – «тюрко-татарским». В этом нет никакой необходимости, ибо его безошибочно можно называть просто татарским языком делопроизводства!

Разговорный татарский язык средневековья отличался от канцелярского и литературного, причем разговорный в своих деталях мог также отличаться от территории к территории. Государственный (канцелярский), литературный, религиозный, разговорный языки, как правило, различались во всех средневековых государствах. Их слияние начинается только в Новое время вместе с развитием капитализма. На основе существующих данных можно утверждать, что в Золотой Орде в разговорной речи, литературе и в канцелярии пользовались татарским языком, вначале на уйгурской рунике, а затем на арабской графике. Те нюансы, которые существовали при его употреблении в государстве, литературе, повседневной жизни, различия от территории к территории не дают основания рассматривать его в качестве не татарского, а какого-то «тюрокского», чагатайского, поволжско-хорезмского и т.д., он просто средневековый татарский, во многом понятный даже сегодня. При этом близость уйгурского и татарского наречий позволяла ханам Золотой Орды воспользоваться уйгурским письмом в качестве официального.

До возвышения Чингизхана татары были не просто многочисленным народом, но и успели построить ряд государственных образований (юртов). По свидетельству Рашид ад-дина, «тех татарских племен, что известны и славны, и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, – шесть» [35, с. 103]. Однако Рашид ад-дин не называет их местонахождение.

Один из татарских юртов локализуется вокруг озера Буир-нор на востоке нынешней Монголии. Другой юрт находился в Ганьсу на границе с Восточным Туркестаном со столицей Сучжоу. Аль-Кашгари называет эту территорию «Дешт-и Татар». В «Худуд ал-алам» (X в.) татары упомянуты как соседи и союзники токузгузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной токузгузов и татар» [49, с. 47]. К третьему татарскому юрту, видимо, можно отнести Кимакский каганат. Абу Са'ид Гардизи пишет о происхождении кимаков следующее: «Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился... После этого к ним пришли семь человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кипчак, Ланиказ (?) и Аджлад (?)... Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек» [3, с. 43–44]. Из этого сообщения Гардизи может сложиться впечатление, что татары, как и кыпчаки, относятся к кимакским племенам, но здесь нужно вспомнить принцип сохранения «материнского» этнонима у старшей ветви рода, в то время как остальные ветви получают свое собственное имя. Опираясь на свидетельство Гардизи, мы можем лишь утверждать о политическом доминировании племени кимаков среди близкородственных татарских племен в этот период и на данной конкретной территории, но не более того. Кимакский каганат по существу отдельный татарский юрт.

Свою версию локализации шести татарских государств, упоминаемых Рашид ад-дином, предложил Р.П. Храпачевский. Он пишет следующее: «По данным тангутских источников, в XI–XII вв. Си Ся граничило с тремя татарскими объедине-

ниями. Два из них следует относить к «западным татарам»... Третье, что занимало территорию от гор Алашань до гор Иньшань – это уже то татарское объединение, которое связано с белыми татарами (онгутами) и союзными им племенами тюркского, монгольского и смешанного происхождения (найманы, чжубугу, черноповозочные шивэй, си и другие). Войска дю на северных и северо-восточных границах Китая (точнее империй Ляо и Цзинь) можно считать еще одной восточной татарской конфедерацией. При этом она также содержала различные по происхождению племена (например татар-тераитов, угуров, меркитов, «тангутов» и многих других)... И временами внешние наблюдатели (вроде сунских авторов) ее могли принимать за два различных объединения... И, наконец, последней крупной «татарской конфедерацией» следует назвать те объединения собственно монгольских племен, что периодически и в разных конфигурациях создавали свои племенные союзы» [48, с. 37–38]. «Западные татары» граничили с уйгурами и занимали территорию нынешних провинций Ганьсу и Шэньси, они располагались на Великом Шелковом пути и, скорее всего, составляли единое государство с исключительной функцией связки между китайцами и уйгурами на торговом пути. «Белые татары» располагались на территории нынешней Внутренней Монголии и их можно отнести к отдельному государству. Еще два татарских государства Р.П. Храпачевский связывает с так называемыми войсками дю во главе с татарским племенем тутукулуйт («самым уважаемым», по словам Рашид ад-дина). Он их локализует севернее киданей (Ляо) и западнее от чжурчжэней (Цзинь). Самостоятельный юрт, видимо, составляли «черные татары», жившие на северо-востоке нынешней Монголии. Китайский летописец Ли Синь-чуань о делах государства Цзинь пишет следующее: «Цзинь еще был на престоле, когда им был дан приказ Юньцзи направиться в Цзинчжоу и получить подношения даров от черных татар» [48, с. 70–71]. Из этого ясно, что в 1211 году «черные татары» жили вдоль границ с Цзинь и были вассалами чжурчжэней. Появление различных названий одних и тех же татар в разных летописях объясняется делением их по разным признакам. В одном случае указывали на их хозяйственную деятельность («черные татары» были скотоводами), в другом – их название происходило от местности проживания, в случае с образованием войск дю, отмечалась их государственная функция – в «Цзинь ши» они названы «пограничные войска севера».

К этим государствам, на наш взгляд, следует добавить вышеупомянутый Кимакский каганат. Таким образом, все шесть татарских юртов по списку Рашид ад-дина локализируются, хотя нет ясности, сколько они просуществовали до завоеваний Чингизхана. Рашид ад-дин «диких татар», видимо, не выделяет в самостоятельное государство, поскольку те не имели ханов и государственных структур, занимаясь лишь охотой на юге Сибири. Кроме сказанного, в китайских источниках упоминаются также государства западных, северных и северо-западных татар [48, с. 145]. По сути дела, это уже названные государства: западные татары жили в Ганьсу и Шэньси, северные – на границе с Си Ся в пустыне Гоби, их можно отнести к «черным татарам». Государство северо-западных татар совпадает с территорией «белых татар».

Любой этноним переживает метаморфозы, порой настолько сложные, что трудно бывает отыскать его первоначальные корни. В свое время кимаки и кыпчаки доминировали в Великой Степи, затем они, как пишут большинство исследователей, растворились в других близкородственных народах. Аль-Омари пишет о «Дешт-и Кыпчак»: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались

и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [Татар], и все они стали точно Кипчаки, как будто одного рода» [42, с. 105]. Действительно, был период взлета кипчаков, а затем они исчезли с исторической арены. Вместе с тем кипчакские корни можно найти среди татар, казахов, узбеков, ногайцев, башкир и даже русских (прежде всего казаков) [11, с. 112]. Можно ли на этом основании считать, что какой-то народ легко мог раствориться в других народах или вдруг поменять язык? Развитому народу не угрожает подобная ассимиляция. Кимаки и кипчаки создали Кимакский каганат. Великую степь называли «Дешт-и Кыпчак» вплоть до падения последнего татарского ханства – Крымского, и вдруг они исчезли, растворились? Для такого объяснения нет аргументов. К примеру, мари́йцы за несколько тысяч лет никуда не исчезли, так и живут на тех же землях, по соседству с татарами и русскими! Почему же кипчаки должны исчезнуть? На самом деле кимаки и кипчаки после ослабления их политического влияния просто вернулись к своему «материнскому» этнониму «татар».

Для понимания этнических процессов в Евразии важно отметить, что продвижение гуннов, тюрков, татар с востока на запад шло не на пустые земли, они уже были освоены близкородственными народами. Н.Я. Бичурин в предисловии к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» пишет: «Из сих известий, несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» [5, с. 10]. Отметим важный момент: народы, жившие до н.э. на территории Средней Азии от Тихого океана до Каспийского моря, и поныне живут там же.

Процесс формирования предков татар до н.э. в Сибири, Урале, Поволжье и Причерноморье трудно обсуждать из-за недостатка сведений и археологического материала. Некоторые авторы утверждают о наличии среди скифов тюркоязычных племен [см.: 8], но это лишь версия, требующая дальнейшего исследования. Что касается хуннов/гуннов, то присутствие среди них тюркских племен не подлежит сомнению. В.В. Радлов считал, что «ядро хуннского государства составляли, по видимому, Он-Уйгуры, и нет ничего невероятного в том, что китайское наименование Хунну есть не более как искаженное слово Он-уйгуры...» [37, с. 126–127]. Об этом же писал Н.Я. Бичурин: «Китайская история говорит, что Дом Ойхоров [Хойху] происходит от хуннов с женской стороны: следовательно, нет сомнения и в том, что основатель Дома Ойхоров [Хойху] был сын дочери или племянницы хуннуского хана, выданной за владетельного князя, принадлежавшего к союзу дилиских поколений, а это обстоятельство должно отнести к началу II века пред Рождеством Христовым, когда хунны совершенно покорили Монголию. В период, названный в китайской истории Чжань-го [480–221 гг. до н.э.], северные пределы нынешних китайских губерний Шань-си и Гань-су еще не принадлежали Китаю, а заняты были разными кочевыми народами» [5, с. 213]. Хойху (уйгуры) и дилисцы (телесские племена) без сомнения были тюрками.

Для правильной оценки исторических процессов важно взглянуть на Великую Степь как на единое пространство проживания кочевых племен. По аналогии со Средиземноморьем можно говорить об особой степной цивилизации. Здесь применима методология Фернана Броделя относительно Средиземноморья. Он Средиземное море вместе с побережьем рассматривает как единую цивилизацию, незави-

симо от этнических и государственных границ. Бродель пишет: «Средиземному морю можно дать такое определение: полоса воды, стиснутая сушей. Но отрезки материка, обволакивающие и теснящие море, следует отличать друг от друга. Не справедливо ли будет сказать, что Средиземное море – водное пространство, окруженное горами? Стоит особенно подчеркнуть значимость этого факта и его многочисленных последствий в историческом плане, тем более что обычно им пренебрегают» [7, с. 34]. Средиземноморье объединяет единый климат, основные культуры, как то оливковые деревья и виноград, морские торговые пути.

Степь имеет вполне определенную привязку к географии и историческому образу жизни. Великая Степь окружена горами и лесами, которые жизненно важны, ибо первые дают металл, а вторые – дерево. Великие завоевания тюрков, а затем татар невозможны были бы без собственной металлургической базы, в частности на Алтае. Столь же важны были торговые пути. Если Средиземноморье нельзя представить себе без каботажного флота, точно так же государства Евразии не могли существовать без хороших и безопасных дорог, а также транспортных средств.

Великий Шелковый путь по значимости был много выше всех остальных торговых связей. «Территория Таримского бассейна, где сейчас находится китайский Туркестан, – пишет Рене Груссе, – была центром торговли и караванных путей, и из цепей оазисов здесь образовалась линия сообщения между великими цивилизациями Запада, которые находились в Средиземноморье, Иране и Индии, и цивилизациями на Дальнем Востоке, а именно в Китае. Двойная тропа была проложена в двойном изгибе к северу и югу от реки Тарим: северный путь шел через Тунхуан, Хами, Турфан, Кара Шахар, Кучу, Кашгар, Ферганский бассейн и Трансокеанию; южный путь пролегал через Тунван, Хотан, Ярканд, памирские долины и Бактрию. Эта тонкая двойная нить, которая пересекает пустыни и горы поворотами, была тем не менее достаточно прочна, чтобы связывать между собой народы» [10, с. 13]. Шелковый путь пронизывал всю Центральную Азию – колыбель многих тюркских народов и имел ответвления в сторону Волжско-Камской Болгарии, а также Крыма. Благодаря этому связь между тюрками Ганьсу, Турфанского оазиса, Бухары, Хорезма, Крыма, Причерноморья и Поволжья в средние века не прерывалась. Вместе с купцами из Хорезма в Поволжье проникли мусульманские миссионеры. Насколько культура народов, живущих на Великом Шелковом пути, была и остается близкой, показывает тот факт, что даже сегодня татары могут объясняться с уйгурами Синьцзяна и узбеками Хорезма без переводчика. Наши лингвисты слишком много внимания уделяют различиям в тюркских наречиях, не обращая внимания на их исключительную близость, которая не могла появиться сама собой, только из-за общетюркских корней. Достаточно сравнить язык якутов и татар или даже живущих чересполосно чуваш и татар – они все тюрки, но различия столь существенны, что нужен переводчик. И совсем другая картина открывается в случае с уйгурами, казахами, киргизами, узбеками и татарами – несмотря на большие расстояния, отделяющие их, они близки по культуре и языку. Олжас Сулейменов определяет это явление как «феноменальный консерватизм тюркского слова и языка» [41, с. 109]. Но причина кроется не только в природе тюркских наречий, но и в той цивилизационной основе, которую несла Великая Степь.

Важно подчеркнуть, что Великая Степь хотя и ассоциируется с кочевым образом жизни, но объединяет различные хозяйственно-культурные типы, включает в себя примыкающие к степной зоне горы, леса и равнины. «Территория Восточного Туркестана никогда не была однородной в хозяйственно-культурном отношении, – пишет

С.Г. Кляшторный. – Здесь соседствовали оседлоземледельческое хозяйство оазисного типа и экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство. Оба типа экономики не только не были изолированы друг от друга, но достигли известных форм симбиоза, получившего также отражение в культуре и политической жизни. Наиболее ярко сращение двух хозяйственно-культурных типов проявилось на севере страны, где богатые оазисные города Таримского бассейна на протяжении всей их истории поддерживали самые тесные связи с кочевниками Семиречья, Восточного Тянь-Шаня, Джунгарии и Западной Монголии» [22, с. 383–384]. Уже в начале I тыс. до н.э. племена Центральной Азии, Восточного Туркестана, нынешней провинции Ганьсу «освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая войлочная кибитка с коническим верхом, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекаемой быками» [22, с. 384]. В эпоху раннего средневековья Степь не была самодостаточной, а потому часто вела войны с Китаем не столько ради дани, сколько свободной торговли.

Томас Барфильд рассматривает весь кочевой мир как культуру, живущую исключительно за счет грабежа земледельческих, оседлых народов, в частности Китая [см.: 4]. Народы, жившие за счет грабежа, действительно существовали, например жужане, но они были скорее исключением, чем правилом. Совершенно неверно принимать грабеж как смысл и предназначение кочевой культуры. Нельзя было Древний Китай с его мощной экономикой, государственной структурой и хорошо вооруженной армией принудить платить дань простыми набегами. Для войны с Поднебесной нужна была мощная армия, а, значит, организованное население, способное прокормить сотни тысяч воинов, нужна была собственная металлургия, готовая снабжать многочисленную армию лучшим в мире оружием.

Кочевые империи не могли строиться за счет эксплуатации оседлых народов. Основой их экономики было скотоводство. Охрана угодий нуждалась в стройной системе властных отношений. Все войны и великие переселения народов объясняются переделом и поиском пастбищ, а не погоней за данью. Для кочевников важна была компоновка людей в пространстве степей с тем, чтобы не опустошать ландшафт и поддерживать скотоводство. Война являлась сопутствующим элементом жизни кочевников, поскольку шла борьба за пастбища, необходимо было защищаться от внешних врагов, если на пути экспансии кочевников встречались другие народы.

Кочевой мир позволял передвигаться целым народам на большие расстояния с большой скоростью даже по сегодняшним меркам. Степь, породив своеобразную кочевую цивилизацию, сделала возможным соединение Востока и Запада, благодаря чему появилась Евразия как единое целое, появилась сама возможность возникновения великих империй. Многие государства, включая русские княжества, строились вдоль речных коммуникаций, но такой образ жизни не содействовал созданию империй. Разбросанные мелкие княжества могли быть объединены только благодаря степи, где жили тюрки. «Всякий народ, – пишет Н.С. Трубецкой, – овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи» [43, с. 7]. Следует также заметить, что в те времена тот, кто контролировал степь, контролировал и города. Это и предопределило характер Евразии и возможность возникновения

великих империй. Так под влиянием гуннов, тюрков, затем татар оказалась громадная территория, в которой формировались средневековые этносы.

Степной природный ландшафт появился много тысячелетий назад, задолго до новой эры, а, значит, и народы в этом пространстве от Татарского пролива до Причерноморья и Дуная имели сходные черты задолго до появления письменных свидетельств о кочевниках. Тюркские племена, переселяясь с востока на запад Евразии, неизменно обнаруживали там своих родственников. В легендах казанских татар сохранились воспоминания о тех временах [6, с. 23–25].

Нередко в качестве предков татар считают болгар Поволжья. В советский период историческую мысль татар переориентировали на болгарское происхождение. Эти идеологические установки сохранились как неизжитое советское наследие в так называемом движении «булгаристов», чьи активисты регулярно обращаются к органам власти с предложением переименовать татар в болгар. Их настойчивость носит политический характер. Начинать историю татар с болгар – заведомо ее ограничивать одним, притом не самым ранним периодом. Например, в Татарстане есть г. Тетюши, расположенный как раз напротив г. Болгар. Он был основан в качестве форпоста в период Первого Тюркского каганата, возможно, в год завоевания Истеми-каганом Поволжья (558/559 гг.). Иначе говоря, до основания Булгарского государства предки татар прошли историю в несколько сот лет. Конечно, до времени образования Тюркского каганата на территории нынешнего Татарстана побывали гунны, а до них еще кто-то, о ком мы не имеем достоверных сведений, но нет сомнений, что предки татар жили на берегах Волги еще до новой эры. Известный российский лингвист С.Е. Малов пишет: «Могу только сказать, что и за пять веков до н.э. тюрки жили там же, где они живут главным образом (с малыми исключениями) и теперь» [28, с. 136]. Малов на основе анализа 30–40 тюркских наречий приходит к выводу: «Миграции не имели того влияния и значения в истории тюркских языков, каковые им обычно приписывают» [28, с. 136]. Вывод исключительно важный для понимания истории татар, чьи предки в начале новой эры уже жили и в Поволжье, и Причерноморье, и на Дунае. Последующее Великое переселение народов внесло свои коррективы, но лишь в плане возвышения одних тюркских племен над другими. Появление гуннов, а затем татар во главе с Бату нельзя трактовать как обретение тюрками новой родины, это всего лишь перетасовка колоды, в которой культурные различия были относительно невелики.

С учетом этих обстоятельств не имеет смысла рассматривать татар и болгар как разные народы, первых в качестве пришлого, а вторых – автохтонного народа, они имели общие этнические корни, близкий язык и культуру. В покорении болгар татарами во главе с Бату нет ничего экстраординарного. Страницы истории заполнены братоубийственными войнами. Как утверждает Ахмед ал-Якуби: «У каждого племени тюрков отдельно государство, и одни из них воюют с другими» [1, с. 149]. С точки зрения формирования татарского народа на территории между Волгой и Уралом участие как восточных корней (собственно татар), так и западных гуннов (булгар) не подлежит сомнению. И те, и другие происходят от древних хунну.

Наиболее широкое распространение имя «татары» получило во времена Чингизхана и затем Бату. Несмотря на авторитет Монгольской империи, политоним «монгол» не смог заменить этноним «татар», который стали применять ко всему тюркоязычному населению Золотой Орды. Китайские, азиатские и европейские летописцы Монгольскую империю называли государством всех татар, причем в один голос, что добавило в историографию проблемы с соотношением понятий «татар» и

«монгол». Так, Марко Поло сообщает о возвышении Чингизхана следующее: «Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингис-хан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем» [29, с. 85]. Можно допустить, что европейские путешественники ошибались в определении восточных народов, но китайские и азиатские летописцы хорошо их различали. Рашид ад-дин вторую главу своих летописей называет «О тюркских племенах, которых в настоящее время называют монголами». В «Мэн-да бэй-лу» записано: «Еще [татары] восхищаются монголами как воинственным народом и поэтому обозначают название династии как «великое монгольское государство». [Этому] также научили их бежавшие чжурчжэньские чиновники. [Я], Хун, лично замечал, как их временно замещающий императора го-ван Мо-хоу каждый раз сам называл себя «мы, татары»... Они даже не знают, являются ли они монголами и что это за название, что такое название династии и что такое название годов правления. Что касается ныне отправляемых документов, то перебежавшие чиновники, которые знают грамоту, во всех случаях усиленно объясняют [татарам] дела, чтобы научить их» [34, с. 55]. Следует заметить, что Мо-хоу (Мухали) был самым приближенным человеком к Чингизхану. Комментируя эту фразу, Н.Ц. Мункуев замечает, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татарин [34, с. 135]. Здесь приоритет все же следует отдать автору «Мэн-да бэй-лу», встречавшемуся с Мухали, нежели переводчику этой летописи на русский язык. Самое любопытное в этой цитате другое – чжурчжэньские перебежчики научили татар называться «Великим монгольским государством», они шли по пути китайских традиций определения титулатуры правящих династий.

Государственные дела опирались не на этнонимы, а на претензии тех или иных политических сил на управление страной. В.В. Бартольд отмечает: «Имя монгол... только при Чингиз-хане стало употребляться в качестве названия государства и династии, позднее – и как название народа» [3, с. 616]. Южносунский посол Сюй Тин, посетивший Монголию в 1235–1236 гг., сообщает: «[Татарский владетель] каждый раз называет татар “своей костью”» [25, с. 142]. Слово «кость» издревле служило у тюрков для обозначения патрилинейного родства. «Большие дела», как походы и войны, решались лично ка’аном, «однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этих обсуждениях] [25, с. 142]. Имя «Монгол» в то время означал не этноним и не политоним, а династию, «кость», клан. Совершенно прав В.В. Радлов, считавший, что главную роль в развитии кочевых обществ играют родоплеменные образования (колена), периодически объединяющиеся в военно-политические союзы и под властью выдающихся вождей покоряющие соседние народы. После крушения державы они вновь рассыпаются и собираются уже в новых образованиях [37, с. 72–73]. Путаница в соотношении этнонимов «татар» и «монгол» возникает из-за отождествления племени, этноса с правящим «Домом Монгол».

В свое время еще Н.Я. Бичурин подметил: «Происхождение монгольского народа и дома монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две вещи совершенно различные между собою» [5, с. XXXIX]. Название «Дом Монгол» переходит к названию государства, а затем становится политонимом только с возвышением Чингизхана и его «золотого рода».

С древнейших времен в китайских хрониках упоминаются правящие «Дома», которые возникали в соответствии с удельной системой правления. Как пишет

Н.Я. Бичурин, «государство делилось на мелкие владения, которые, в свою очередь, то сливались, то снова дробились, и переобразовались в новые государства. Монгольский народ сверх сего получал народное название от господствующего Дома. Сим образом один и тот же народ под Домом Хунну назывался хуннами, под Домом Дулга [Тукюе] – дулгасцами; под Домом Монгол назвался монголами, и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо Дом покорит его и сообщит ему свое, другое народное название» [5, с. 8]. По названию «Дома» не всегда возможно определить этничность народа, управляемого конкретной династией.

Сложность этнической идентификации «Домов» состоит в том, что татары жили по всей Монголии, Сибири и вдоль Великой китайской стены, что же касается предков современных монгол, то они появились в Монголии не раньше X века. Н.Я. Бичурин так описывает их возвышение: «Монгольское племя быстро усилилось около времен Рождества Христова и долго беспокоило Срединный цвет. [Чжунхуа в буквальном переводе или Китай]. Наконец в половине девятого столетия хягасы ниспровергли могущество царствовавшего в то время Дома Ойхоров [Хойху], мстительный Китай истребил остатки их, укрывшиеся под защиту Великой стены; оставшиеся поколения удалились от Хангая к западу в Или и Тарбагатай. Тогда место ойхоров [хойху] заступил Дом Кидань, последняя отрасль Дома Дун-ху. С возвышением киданей показались с Амура Черноречные Мохэ под народным названием Татань. Пользуясь тогдашним совершенным изнеможением монголов, они спокойно перешли через границу их на запад и, спускаясь по юго-западному склону гор к Чахару, наконец осели на опустевших северных отлогостях хребта Инь-шань. От сих-то Черноречных Мохэ монголы получили нынешнее народное название монгол, а европейские историки заменили им названия древние, которые монголы получали от господствовавших у них Домов. И так основатели Монгольской Империи были не коренные монголы, а тунгусы, которые пришли в южную Монголию с Амура» [5, с. 375]. Однако даже после такого обстоятельного разъяснения остаются сомнения из-за более поздних сообщений о принадлежности Чингизхана к «черным татарам». Эта проблема снимается, если принять во внимание следующее сообщение Сыма Гуана (1019–1086): «Татары – это отдельное племя, происходящее от мо[хэ] и цзе. Обитает в горах Иншань» [48, с. 173]. Большинство исследователей монгольское происхождение Чингизхана принимают за аксиому, а потому исправляют в летописях имя «татар» на «монгол». На самом деле суть вопроса заключается в различении монгол, происходящих из «черных татар», от современных халха-монгол.

Крайне важно понимание смысла использования Чингизханом имени «монгол» в качестве названия своей династии, а не этноса. Н.Ц. Мункуев пишет: «Некоторые авторы приходят к выводу о том, что рассматриваемое объединение монгольских племен или родов в XII в. представляло собой государство с собственным названием «Хамаг монгол улус» (халх. «Хамаг-монгольское государство») и что в ту эпоху сочетание «хамаг – монгол» (халх.) было этнонимом, обозначавшим данные племена. Но ни в «Тайной истории монголов», ни в других источниках мы не находим ни названия *Qamuy mongqol ulus*, ни этнонима *qamuy mongyol*. В источниках встречаются только названия *Mongqol ulus* («Монгольское государство») в «Тайной истории монголов» и *Yeke mongyol ulus* («Великое монгольское государство») в легенде на печати Гуюк-хагана (1246–1248) 1246 г.» [32, с. 379]. Из китайских источников известно, что начиная с 1211 г. государство Чингизхана впервые получило официальное на-

именование «Да мэн-гу го», т.е. «Великое монгольское государство» / «Владение великих монголов», что является калькой с монгольского «Иеке монгол улус».

Во второй половине XII в. имя «монгол» относилось «ко всем племенам, родоначальниками которых были потомки легендарной Алан-Гоа, – продолжает Н.Ц. Мункуев. – Поэтому в указанное время монголами были барулас, адаркины, уруты и мангуты, а также ответвившиеся позднее племена – тайчиуты, бесуцы, хонхотан, арулад, генигес и др. ... Как общее название слово «монгол», очевидно, можно было прилагать ко всем родам и племенам, ведущим свое происхождение от легендарных предков Чингисхана» [32, с. 380]. На основе анализа употребления терминов «mongol» и «mongoljin» в «Сокровенном сказании» П.О. Рыкин приходит к заключению, что «ни в одном из контекстов данные термины не выступают в качестве самоназвания какой бы то ни было группы, да и вообще в качестве обозначения (даже «со стороны других») какой-либо этнической идентичности» [39, с. 57], «ни о каких «этнических» или «собственно» монголах в нем речь не идет. Термин *mongol* во всех релевантных контекстах играет там роль не «этнонима», а своего рода классификационной категории, куда включаются группы, провозгласившие Чингиса или добровольно перешедшие на его сторону» [39, с. 61]. Значит, название государства Чингизхана «*Yeke mongyol ulus*» не несет никакого этнического смысла, но указывает на ту династию, которая стала правящей. Зато, когда речь идет о татарах этого государства, то указывается на этноним или лучше сказать политоним. В хронике «Да Цзинь гочжи» (1234 г.) поясняется: ««Великая династия – это как раз и есть татары (дада) Монгольского государства» [48, с. 249]. Записки о монголах Сюй Тина начинаются такими словами: «Государство черных татар <...> называется Великой Монголией» [25, с. 137]. Как отмечалось выше, называться Великой Монголией татар научили чжурчжэньские чиновники, что вовсе не означает, что можно было посредством поучений подданным империи внушить, что все они теперь монголы, как утверждает П.О. Рыкин. «Стратегией конструирования монгольской идентичности, применявшейся имперской правящей элитой, – пишет он, – была манипуляция идеей ее «общего происхождения» с подвластным ей населением» [39, с.64]. Автор явно преувеличивает конструктивизм канцелярии. Авторитет великого повелителя не заслуга канцелярии, он строился на вере, что власть хана исходит от Кук Тэнгри – Вечного Неба, что его власть по происхождению божественна. Надпись на печати Гуюк-хана начинается словами: «*Müngke tengri-yin kücün-dür yeke Monggol ulus un dalai-yin qan jarliq*» («Силой Вечного Неба. Ярлык Далай-хана Великой монгольской империи»). Основой власти чингизидов было представление о божественной воле как источнике власти, и наследовании трона «золотым родом».

Монголизация, считает Н.Н. Крадин, выражалась «через выделение властвующей элиты – нирун (потомков сыновей Алан-Гоа) и других составляющих политики – дарлекин (патрилинейной общности потомков Бортэ-Чино) [24, с. 162]. Клан чингизидов строился прежде всего на родственных отношениях, включая самые разные ветви. Рашид ад-дин пишет: «Во времена Кабул-хана, бывшего монгольским ханом, из рода которого происходит большинство племени кият, а монгольские племена нирун суть его двоюродные братья, а другие ветви монголов, из которых каждая [еще] до него была известна под своим особым именем и прозвищем, – все были его дядьями и дедами, и все по родству и дружбе с ним [считались его] друзьями и союзниками, а в напастях и [бедственных] случаях они станови-

лись ему помощниками и защитниками» [35, с. 103–104]. Речь идет о клане, в котором потомки Алан-Гоа имели доступ к власти.

«Дом Чингизхана», как впоследствии «Дом Бату», предполагал родовую наследственность, и в то же время его можно было в политическом плане понимать расширительно. «Дом» – это некий клан, состоящий из близких родственников и влиятельных политических сил, как правило, становящихся через браки родственниками. «Дом», независимо от того, совпадает он этнически с народом или нет, противостоит демосу (будун). Когда мы говорим «Монголы правили империей татар», то имеем в виду не этносы «монгол» и «татар», а правящий клан «Великих Монгол» (по-татарски «ак сояк» – «белая кость») и народ «татар» (будун, «кара халык» – «простой народ»). Название государства Монгол отражает не этнические, а гражданские признаки.

Иоанн де Плано Карпини, назвавший свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»), не ошибался, он речь вел о политониме. Когда один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название в виде «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*), он тоже не ошибался, ибо в заголовке указал и правящую династию, и подвластный народ.

С возвышением Чингизхана многие стали называть себя монголами, но самоназвание «татары» сохранило свое значение. Здесь могли сыграть два фактора: во-первых, династия Монголов себя отличала от остальной массы людей, включая неродовитых монгол; во-вторых, численность монгол по сравнению с татарами, найманами и т.д. не была доминирующей. По сравнению с завоеванными народами, которые исчислялись десятками миллионов, собственно монголы были каплей в море. К тому же какая-то часть монгол просто растворилась среди многочисленных тюрков, персов, китайцев. Последние предупреждали: «Наше государство, как море, а ваше государство, как горсть песка». Так оно и было.

В судьбе этнонима наступают переломные моменты, связанные прежде всего с политической ситуацией. Для этнонима «татар» такой точкой перелома стала Золотая Орда, которая, обладая мощной государственной структурой, развитой культурой и языком, затягивала в свою орбиту различные племена (см. [46]). В Золотой Орде не существовало политики ассимиляции народов, ибо признавалось равенство религий, сохранялись местные обычаи, традиции и даже законодательство. Однако пласт новой культуры и мощная экономика стали центробежной силой, сформировавшей основу средневекового татарского народа, имеющего много общего с современными татарами.

С распадом Золотой Орды и появлением многочисленных тюрко-татарских государств территориальные различия становятся более выраженными. В 1428 г. Тюмень отошла от Орды, где хан Абуль-хайр и его улус стали называться «народ и улус узбекский». В самой Средней Азии в те времена под узбеками подразумевали кочевое население восточного «Дешт-и Кыпчака». Исфакхани об этом в начале XVI в. писал следующее: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно (из них) – шибаниты... Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты...» [45, с. 47]. В узбекском союзе еще при жизни Абуль-хайра стало складываться ядро будущих казахов. Абдулразак Самарканди в 844 г. писал: «Временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабежи, опять уходили [назад]» [14, с. 381]. Порой в исторических летописях их называют узбеки-казахи. Сам Шибан, сын Джучи, по свидетельству

его историка, подразумевал под узбеками кочевые племена улуса Шибана, а под казахами кочевников улуса Орда-Ичена, которые в этническом отношении мало отличались друг от друга. Лишь в XVI в. внук Абуль-хайра Шейбани-хан покорил государство тимуридов, захватив Самарканд, Бухару и распространил имя «узбек» на среднеазиатских тюрок. Тогда и начинают складываться различия между татарами, узбеками и казахами. На базе Синей Орды формируются казахи, в Центральной Азии тюркский язык испытывает влияние фарси и на базе чагатайского наречия появляется современный узбекский язык, крымские татары долгое время находятся под протекторатом Османской империи и усваивают многие элементы турецкой (огузской) культуры, а другие этнические группы оказались в ситуации относительной изоляции, развивая свои локальные особенности. Сегодня их называют азербайджанцами, кумыками, балкарами, карачаевцами, ногайцами и т.д.

В природе чистых этносов не бывает. Каждый народ несет в себе составные элементы многих племен и этносов. Как писал Садри Максуди, «все усилия, направленные на нахождение прямой этнической, родовой или племенной преемственности, этнической адекватности как между древними и средневековыми тюркскими племенами, так и между средневековыми и нынешними этническими тюркскими сообществами (народностями), бесплодны и никогда не дадут положительного результата» [27, с. 291]. Все существующие сегодня тюркские народы своеобразный сплав древних племен.

Подводя итоги, следует сказать, что содержание этнонима «татар» претерпело эволюцию со времен Тюркского каганата и до эпохи Золотой Орды. В раннее средневековье для татар было характерно деление на новые племена в связи с бурным размножением и строительством различных юртов. В связи с этим они получали новые самоназвания, порой объединялись в союзы с родственными или же другими этническими группами. Татары изначально были тюркоязычными, для обратного мнения нет убедительных аргументов. В Золотой Орде произошла консолидация различных тюрко-татарских племен в единый средневековый народ с литературным языком, развитой культурой, чье наследство сохраняет свое значение до сегодняшнего дня.

Обращаясь к средневековой истории татар, следует принимать во внимание многозначность имени «монгол». Разные летописцы и современные исследователи под монголами понимают: (1) этноним древнего народа; (2) «Дом Монгол», существовавший до создания Монгольской империи; (3) политоним, появившийся при возвышении Чингизхана; (4) династию, правившую в «Иеке монгол улус»; (5) современных монголов. Если не уточнять каждый раз, что именно имеется в виду в конкретном случае и в определенную эпоху, то в исследованиях могут появиться ошибки. При этом термин «монголо-татары» имел свой смысл для китайской канцелярии в форме «мэн-да» для обозначения как правящей династии Монголов, так и управляемого народа «татар». В этом случае термин «татар» выступал как политоним, как сообщество народа (будун), противостоящий «белой кости» – династии Монголов. Другого какого-то смысла этот термин не несет, а потому имеет смысл развести понятия «татар» и «монгол», как в этническом, так и политическом плане.

Список литературы

1. Ахмед ал-Якуби. Книга стран (Китаб ал-Булдан) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л., 1939. 612 с.
2. Банзаров Д. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
3. Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг., СПб., 1897 (ЗИАН по ист.-филол. отд., сер. VIII, т. I, № 4). С. 78–126.
4. Барфильд Томас. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 488 с.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950. 471 с.
6. Борынгы татар әдәбияте. Казан, 1963. 395 б.
7. Бродель Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
8. Гасанов Заур. Царские Скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. N.Y.: Liberty Publishing House, 2002. 486 с.
9. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды. XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник, 1977. М.: Наука, 1981. С. 81–89.
10. Груссе Рене. Империя степей. История Центральной Азии. Казань: «Слово», 2012. 528 с.
11. Гумилев Л. «Черная легенда» (историко-психологический этюд). М.: Алгоритм, 2003. 352 с.
12. Е Лун-ли. История государства киданей. М.: Наука, 1979. 613 с.
13. Ерзин Мунир. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. 519 с.
14. Золотая Орда в источниках. Том 1. М.: Наука, 2003. 448 с.
15. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 1055 с.
16. Казиев С.Ш. Кипчаки: концепции этнической истории // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: ИЭА РАН, 2014. 442 с.
17. Кемпер Михаэль. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 675 с.
18. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
19. Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII вв. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1980. С. 136–148.
20. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
21. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
22. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
23. Кляшторный С.Г. Татары в Центральной Азии // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 347–353.
24. Крадин Н., Скрынникова Т. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
25. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С.133–158.

26. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
27. Максуди Садри Арсал. Тюркская история и право. Казань: ФЭН, 2002. 412 с.
28. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135–143.
29. Марко Поло. Книга о разнообразии мира // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 464 с.
30. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып.1. М.: Наука, 1973. 280 с.
31. Махмуд аль-Кашгари. Диван Лугат ат-турк (свод тюркских слов). Т. 1. М.: Восточная литература, 2010. 461 с.
32. Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. 507 с.
33. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М.: Наука, 1978. С. 235–252.
34. Полное описание монголо-татар. Мэн-да Бэй-лу. М.: Наука, 1975. 285 с.
35. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
36. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 281 с.
37. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Из предисловия к изданию Кудатку Билика / Приложение к Т. 72 Записок Имп. Академии Наук. №2. СПб., 1893. 130 с.
38. Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. Тюркские народы в мировой истории с X в. до н.э. по XX в. н.э. М.: РИПОЛ классик, 2009. 704 с.
39. Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. Вып. 1. 2002. С. 48–85.
40. Сокровенное сказание. М.: Сталкер, 2001. 265 с.
41. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: «АТАМУРА», 2002. 320 с.
42. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
43. [Н.С.Трубецкой]. И.Р. Наследие Чингисхана Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
44. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 321 с.
45. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-ий Бухара (Записки бухарского гостя). М.: Восточная литература, 1976. 106 с.
46. Хакимов Р.С. Нулевая точка исторического времени // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 4–18.
47. Хакимов Р.С. По следам «tatara» (информация о поездке в префектуру Симанэ, Япония) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. №8. С. 9–12.
48. Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII вв. по китайским источникам. М.: Изд-во «Перо», 2015. 334 с.
49. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В.Бартольда. Л., 1930. 123 с.
50. Щербак А.М. Тюрко-монгольские языковые связи (К вопросу взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. 1986. №4. С. 47–59.

§ 7. Трансформация Золотой Орды в татарские юрты

Ильнур Миргалеев

Из всех государств, созданных чингизидами, Улуг Урда⁹⁰, которая вошла в историографию под названием Золотая Орда, имела политическое продолжение вплоть до конца XVIII века, когда ее прямой наследник – Улуг Урда в Крыму, известная в историографии как Крымское ханство, была присоединена к России. Татарские ханства являются прямыми продолжениями Улуса Джучи–Золотой Орды. Новые политические центры – татарские юрты – формировались не сразу и не как отдельные независимые государства. И Казань, и Крым, и Хаджи Тархан, и Тюмень в Сибири были претендентами на объединение всей Золотой Орды.

Период распада, который начался в конце XIV века, плавно перешел и в XV век. Новые политические центры постепенно «пускали корни» как столицы татарских юртов и вилаетов, и к середине XV века они уже вели вполне самостоятельную политику. Исследователи называют разные даты «начала» татарских ханств, однако все эти даты могут быть приняты только как условные «точки отчета». На самом деле происходил распад некогда могучего и обширного государства на несколько новых юртов-областей, и историю татарских ханств нужно рассматривать как продолжение истории Золотой Орды в конкретных регионах. Современные исследователи эти политические образования называют поздней Золотой Ордой или же постзолотоордынскими политическими образованиями⁹¹.

Эмитентов, объявивших себя ханами, чеканивших монеты в разных областях поздней Золотой Орды и не признававших власть Сарая, исследователи рассматривают как претендентов, которые не планировали создавать новое государство, а стремились захватить Сарай и подчинить своей власти других таких же претендентов, порой своих родных братьев или же родственников из других линий Джучидов. Все они боролись за контроль над «Тахт эли», т.е. за «Тронное» или «Престольное» владение – город Сарай на Нижней Волге. Обладание «Тахт эли» делало одного из ханов «главным» среди претендентов, которые правили в своих юртах, продолжая собирать налоги, осуществлять гражданскую и военную власть, охранять свою часть общей границы. Иногда они затевали между собой войны, а иногда устанавливался статус-кво. Они также могли объединяться против кого-то из внутренних или внешних врагов. Так постепенно оформились татарские ханства со своими приоритетами в геополитике.

Процесс распада Золотой Орды продолжался достаточно долго, и она постепенно трансформировалась в татарские юрты. Но одно из ханств по статусу всегда было «выше» остальных. Вначале это была Большая Орда⁹², собственно сама Золо-

⁹⁰ Собственное название: Улуг Урда, Улуг Улус, Урда-и Муаззам, Великая Татария.

⁹¹ Недавно Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ закончил издание семитомника «Истории татар с древнейших времен». Четвертый том посвящен татарским государствам XV–XVIII веков [4]. В этом томе впервые были собраны воедино материалы по истории всех тюрко-татарских ханств.

⁹² Большая Орда в русских источниках означала, что из распадавшихся татарских Орд это самая большая Орда [1]. Государство, его столица и центр продолжали существовать и в XV веке. В отличие от других татарских ханств Большая Орда не была вновь созданным государством, она существовала как продолжение Золотой Орды. Улуг Урда – это название Улуса Джучи в целом, а центр государства – Золотая Орда самими татарами именовалась

тая Орда, но уже сильно усеченная другими татарскими политическими образованиями. Далее «Тахт эли» перешел под контроль Хаджи Тархана и затем Крыма. Последний, хотя в дальнейшем непосредственно и не контролировал Нижнее Поволжье, но после разгрома Большой Орды объявил себя «Тахт эли», это означало, что тронное владение принадлежит им. И с тех пор ханство с центром в Крыму называлось Улуг Ордой, т.е. Великой Ордой, а остальные татарские ханства назывались юртами или вилаетами. В историографию они вошли как Казанское, Крымское, Астраханское, Касимовские, Тюменское и Сибирское ханство, а также две Орды – это Большая Орда и Ногайская Орда. Название «Ногайская Орда» закрепилось за мангытским юртом в силу того, что ее правителями были не ханы-чингизиды, а беи из «черной кости», потомки Идегея.

Отдельно стоят Шейбаниды, которые откочевали из Западной Сибири на юг и далее уже создали среднеазиатское государство, захватив территорию бывшего чагатайского улуса. Осколок Шейбанидского ханства – Хорезмское государство существовало до 1920 года и вошло в историографию как Хивинское ханство. Особняком стоит и новообразованное Казахское ханство, возникшее после того, как джучиды – правители Левого крыла – взяли под контроль бывшие чагатайские земли и возглавили моголов. Если так называемые узбеки (Шейбаниды) захватили оседлое население Средней Азии, то Казахское ханство было создано на основе объединения кочевников моголов-чагатайцев и кочевников Левого крыла Улуса Джучи.

Татарские ханства продолжали золотоордынские традиции и представляли из себя некую средневековую конфедерацию. Главным из них был обладатель «Тахт эли»: Улуг Улус – Большая Орда, а затем Великая Орда Крыма и Дешти-Кыпчака (Крымское ханство). На ступеньку ниже были те, которые в своих официальных документах именовали себя вилаетом, т.е. областью Великого государства. Вилаетами были: Вилаете Казань, Вилаете Тюмень (Туранский вилает), Вилаете Тура (Чимги-Тура в Западной Сибири). Политии, в которых не было постоянных династий или же правящие династии были контролируемы из других вилаетов, назывались юртами: Мангытский юрт (Ногайская Орда), Астраханский юрт и «Мещерский юрт» (Касимовское ханство)⁹³.

Как видим, хотя распад огромного государства и стал неизбежным, но центростремительные силы долгое время были достаточно влиятельны. Еще в XVI веке Гиреидами разрабатывались проекты по объединению всех татарских ханств. Даже после завоевания Московией Казанского и Астраханского ханств в Крыму и в Сибири вынашивались планы по освобождению татарских юртов из «русского плена».

Но необходимо признать, что противоречия между татарскими правящими родами и кланами также были сильны. Необратимый распад начался после разгрома и систематического разрушения Аксак Тимуром экономических центров Золотой Орды в 1395–1396 годах. А дальнейший упадок городов, торговли и в целом культурной и экономической жизни был связан с тем, что основные трассы торговых

«Тахт Эли» – т.е. Тронное или Престольное владение. Так как тут после Улуг Мухаммада власть захватил Кичи-Мухаммад и сторонники Улуг Мухаммада, не признавая эту власть, начали укрепляться в Крыму и в Казани, с этого времени историю Золотой Орды заканчивают и начинают рассматривать историю Большой Орды.

⁹³ Термин «Касимовское ханство» в источниках не встречается. В русских посольских книгах оно называется «Мещера», «Мещерский юрт» или же «Рязанский юрт», но только в посланиях от самих татар. Русские в своих посланиях писали «Мещерский городок», «Городок Мещера», а в договорных грамотах русских князей – «Царевичев Городок».

путей переместились на юг – в Среднюю Азию и Персию – на территорию империи Тимуридов. Во второй половине XV века Османская империя расширила свои владения на Балканах и блокировала венецианцам и генуэзцам торговлю в Черном море, тем самым ограничив основных участников черноморской торговли.

Золотая Орда напрягла все свои возможности и пыталась вернуть былую мощь. Во времена Шадибек-хана татары смогли восстановить территориальную целостность своего государства. Многие города частично были восстановлены, но людские потери после нашествия эмира Тимура и страшного голода 1395–1398 годов, вызванного грабежом и тотальным уничтожением населения армией Тимура и страшной чумой, пик которого приходится на 1405 год, а также переселения в другие страны большого количества татар не дали относительно быстро стабилизировать ситуацию.

После ухода Аксак Тимура на территории Золотой Орды образовались две основные политические группы, между которыми началась жестокая борьба за власть. Каждая партия татарских феодалов делала все для того, чтобы сохранить целостность страны. Первую партию возглавил Идегей с некоторыми представителями джучидов, а во второй находились сторонники Токтамыша во главе с сыновьями и другими родственниками, которые придерживались идеологии возрождения мощного централизованного государства с сильной властью хана.

Борьба татарских феодалов в начале XV века затянулась. Они уже разделились на несколько политических группировок. Если бы одна из сторон смогла утвердиться на всей территории Золотой Орды, то последующего распада основной территории и не было бы. Именно борьба непримиримых группировок способствовала созданию независимых государственных объединений на территории Улуса Джучи. Государство начало распадаться на отдельные части со своими местными центрами.

Усеченная Золотая Орда – Большая Орда – Улуг Улус теперь контролировала только центральные регионы. К 40-м годам XV века за Большой Ордой остались только земли между Волгой и Днестром. Причина, по которой в Золотой Орде процесс распада стал необратим, заключается и в династических вопросах. Токтамыш-хан, пытавшийся закрепить правление за своей семьей, не устраивал остальных Тукатимуридов и Шибанидов. Неджучидские кланы также стремились к власти. Хотя, например, влиятельнейшие Ширины в Крыму и поддержали династию Гирейдов, но потомки Идегея, мангыты, в своем юрте политическую власть оставили за собой⁹⁴.

Несмотря на наличие других претендентов на окраинах государства, власть сарайского хана еще признавалась на всей территории Золотой Орды. Так было до захвата Сарая Кичи-Мухаммадом и изгнания им хана Улуг Мухаммада. Кичи-Мухаммад был потомком хана Тимур-Кутлука, человека непопулярного из-за того, что именно он, вместе с Идегеем, привел в страну Аксак Тимура. Поэтому многие татарские кланы, не признавая его власть, постепенно создавали государственные образования в Крыму и в Среднем Поволжье. Можно утверждать, что приход Кичи-Мухаммада к власти обострил династические противоречия среди джучидов и привел к образованию татарских ханств. Хотя, как мы уже выше писали, процесс этот не был быстрым и вначале никто не помышлял о создании новых государств.

---

⁹⁴ Окончательно Мангытский юрт (Ногайская Орда) обособился в самостоятельное государственное объединение к середине XV в. Столица Мангытского юрта Сарайчик находилась в низовьях Яика.

Среди правителей Большой Орды самым активным правителем был Ахмат, ставший ханом в 1460 году. Ахмат считал себя правителем всех татар [8, с. 516–517]. Он начал свое царствование, отправив посольства к другим татарским ханам и князю московскому с требованием покорности. Программа Ахмат-хана состояла из двух главных пунктов: восстановление золотоордынского государства в прежних его границах и возвращение в активную международную жизнь. Для достижения этих целей он предпринял активные военно-политические действия против других татарских юртов и русского улуса. Но против него создаются Крымско-Московская и Ногайско-Сибирская коалиции.

После событий 1480–1481 годов, которые известны как «стояние на реке Угре», считается, что Москве удалось получить независимость от татарской власти. Но говорить о полной независимости еще не приходится, так как Крым, Казань и Астрахань как наследники Золотой Орды продолжали получать выход и в XVI веке [2, с. 362]. Крымское ханство до конца XVIII века Россию и «русские» территории Великого княжества Литовского (Украину) считало своей вотчиной. После 1480 года татарская власть над Москвой не закончилась, просто Москва вместо Большой Орды продолжала платить дань нескольким татарским ханствам. О полной независимости можно говорить только с середины XVI века. Крымскому же ханству Москва платила дань («поминки» в русских источниках и «казна», «тыш» в татарских) до 1700 года [9, с. 183].

После «стояния на реке Угре» Ахмат отступил и вернулся в Сарай, но ему уже не суждено было продолжить борьбу, на него напали ногайцы [5, с. 202; 6, с. 346] в союзе с тюменским ханом Ибрагимом (Айбак/Ибак) [7, с. 95]. Поскольку Ахмат не ожидал нападения, у него не осталось времени для организации сопротивления.

После гибели Ахмата его сыновья и племянники начали борьбу за власть, что еще больше усилило разобщенность в Большой Орде и заметно ее ослабило. После окончательного разрушения Сарая столицей Большой Орды с 1481 года становится один из старинных татарских городов – Хаджи-Тархан. Борьба между потомками Махмуда⁹⁵ и Ахмата за верховную власть, конечно же, не способствовала продолжению осуществления программы Ахмат-хана. Тем не менее, независимая Большая Орда просуществовала до завоевания основной части ее территории крымским ханом Менгли-Гиреем и войсками Ногайской Орды в мае 1502 года. После этого события она потеряла свои земли на западе и контролировала только Нижнее Поволжье, трансформировавшись в так называемое Астраханское ханство [3, с. 57]. Если бы в 1480 году город Сарай окончательно не был бы разрушен, то это ханство, со столицей в Сарае, называлось бы Сарайским ханством или же Улуг Улусом.

Конкретной датой прекращения существования Большой Орды можно принять 1502 год. Но вопрос этим не закрывается, так как после 1502 года Крымское ханство стало именовать себя Большой Ордой, тем самым заявляя, что среди татарских ханств именно оно является продолжением Золотой Орды⁹⁶.

---

⁹⁵ В 1465 году на Дону Хаджи Гирей разгромил войска Махмуда. После этого Махмуд уступил трон своему брату Ахмату, а сам начал жить в Хаджи-Тархане, но не в качестве хана. Вопрос о его дальнейшей должности в историографии не решен. Получается, что он был как улусбек, но, так как он был джучидом и кроме того бывшим ханом, здесь уместно применить к нему термин калга в значении соправитель.

⁹⁶ Присуждение короны других государств было своеобразным предъявлением права на наследие завоеванного государства. В данном случае для Крыма было важно показать свое прямое продолжение от золотоордынского государства. Например, Московское госу-

Но вместе с тем, как бы Гирейды не старались возвеличить себя, они правили ханством, которое отделилось от Улуса Джучи. Хотя после 1502 года Астрахань и находилась в зависимости от Крымского ханства, в последующем при активном вмешательстве ногайцев, все же вернее будет считать именно Астраханское государство продолжением Большой и Золотой Орды, тем более что в будущем Крымское ханство продолжило свою политику в фарватере Османского государства⁹⁷.

Казанское ханство было создано последним ханом Золотой Орды из династии тукатомуридов и активных сторонников хана Токтамышша. Оно также являлось прямым наследником Золотой Орды. Часть золотоордынского государства при ханах Улуг Мухаммаде и его сыне Махмуде постепенно оформилась в «Казанский вилайет». Эти ханы себя еще считали «татарскими ханами», «татарскими царями», т.е. ханами Золотой Орды, и продолжали бороться за «Тахт эли», но в итоге смогли оставить под своим контролем только Среднее Поволжье и Приуралье.

Как бы то ни было, золотоордынское государство постепенно трансформировалось в несколько ханств. В политическом плане растворившись в своих наследниках, оно просуществовало до Нового времени. Вместе с тем период поздней Золотой Орды можно назвать и периодом политической раздробленности, который переживался почти каждым государственным образованием. Однако для Золотой Орды этот период завершился не объединением земель и усилением централизованной власти, как это произошло со многими средневековыми государствами, существующими и по сей день, а завоеванием ее территории Россией, которая и стала политической, территориальной и этнокультурной наследницей Золотой Орды.

Список литературы

1. Горский А.А. О названии «Большая Орда» // Золотоордынское обозрение. 1/2014. С. 123–127.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 589 с.
3. Зайцев И.В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник. М., 2002. С. 32–62.
4. История татар с древнейших времен. В семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
5. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки славянских культур, 2000. 272 с.
6. ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
7. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
8. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М.: Инсан, 1996. С. 277–526.
9. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

дарство после захвата татарских ханств, следуя именно такой логике, включало в официальное название своего государства названия завоеванных татарских юртов.

⁹⁷ С 1478 года Крымское ханство официально стало вассалом Османской империи и сохранилось в этом качестве до 1774 года. А в 1783 году было аннексировано Россией.

Глава IV

Татарские ханства (Казанский и Сибирские юрты, Ногайская Орда)

§ 1. Восточные улусы Казанского ханства

Анвар Аксанов

Казанское ханство занимало земли Среднего Поволжья и Западного Приуралья. Судя по данным источников, потомки Улуг Мухаммада утвердили свою власть на обширной территории, некогда входившей в сферу влияния Булгарского улуса Золотой Орды. Весьма не просто установить, как с течением времени менялись границы государства. Все же на основе сохранившихся сведений можно обозначить некоторые территориальные изменения и назвать основные улусы Казанского ханства.

Превращение Казани (Булгара аль-Джадид¹) в политический центр Среднего Поволжья и Западного Приуралья по праву связывается с установлением здесь прямой власти золотоордынской династии Улуг-Мухаммадовичей. Однако в источниках нет однозначного ответа на вопрос, при каких обстоятельствах это произошло.

В основном историки следуют сообщениям русских летописей, которые говорят о том, что Улуг Мухаммад, потерпев поражение в междоусобной борьбе, покинул Сарай и появился у границ Руси в 1437–1438 годах. Сторонники мнения, что Улуг Мухаммад был первым казанским ханом, опираются на известие «Казанской истории». При этом другие ученые, считая сообщение казанского летописца недостоверным и акцентируя внимание на том, что остальные русские летописи напрямую не связывают имя Улуг Мухаммада с Казанью, называют первым ханом его сына Махмуда (Махмутека), который начал свое самостоятельное правление в 1445 году [2].

Все же сохранились дополнительные свидетельства о пребывании Улуг Мухаммада в Казанском юрте. В сочинении Абдул-Гаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» говорится о том, что Улуг Мухаммад бежал в Казань, уступив крымский престол Саййид Ахмаду [33, с. 45]. Он «ушел в сторону Казани и обманном путем взял ее у правившего там из рода Шибан Алтунай султана и подчинил своему правлению, и долгие годы его род был там правящим родом» [32, с. 96]. В.Д. Смирнов, ссылаясь на сочинение французского востоковеда Л. Лангле, писал о том, что, по известиям восточных историков, Улуг Мухаммад, опасаясь столкновения с ханом Саййид Ахмадом, бежал из Крыма в Казань [65, с. 207].

В то же время в русских летописях много говорится о походах Улуг Мухаммада на восточные и юго-восточные окраины Московского государства, что косвенно указывает на присутствие хана в Среднем Поволжье. При этом необходимо учитывать, что со времен Бату в Булгарском улусе располагалась летняя ставка золотоор-

---

¹ Новый Булгар – такое наименование Казани фиксируется источниками в 1420-е гг. [20, с. 468; 38, с. 900].

дынских ханов [20, с. 450]. Данное обстоятельство еще раз указывает на то, что Казанский юрт мог выступать новым центром государства Улуг Мухаммада, который, судя по всему, не терял надежду восстановить свою власть в Орде. Есть основания полагать, что к концу своей жизни он не только подчинил Великое княжество Московское, но и восстановил свою власть в Деште и Крыму [12, с. 63; 56, с. 146; 61, с. 179]. После смерти Улуг Мухаммада (предположительно в конце 1445 г.) его старший сын, Махмуд, стал правителем Казанского ханства, а младшие сыновья, Касим и Якуб, не сумев удержаться в южных владениях своего отца, заняли Мещерский юрт, переданный им по договору с Василием II [40, с. 52–53]. В результате под власть Казани попала широкая полоса земель от Урала до Русского улуса.

Анализ начального этапа политической истории Казанского ханства показывает, что амбиции на господство в Орде в некоторой степени сохранились и у преемников Улуг Мухаммада, которым удалось подчинить своей власти значительную часть северных улусов Золотой Орды. При хане Махмуде в орбиту политического влияния ханства были включены Вятская земля и Великая Пермь. Казань, возникшая как торговая фактория болгар для организации экономического взаимодействия с финно-угорским населением Поволжья, к середине XV в. стала крупным торгово-ремесленным центром, а ее купцы установили устойчивые торговые связи в Западном Приуралье. Впоследствии казанские ханы рассматривали вятские и пермские земли в качестве своих владений [9, с. 292].

В то же время, после победы Москвы над Великим Новгородом в 1456 г., сфера влияния Василия II резко расширилась и вплотную приблизилась к Вятке и Великой Перми. Растущие расходы, связанные с «объединительной» политикой, не мог удовлетворить даже контроль над обширными новгородскими землями, в погоне за новыми рынками пушнины Москва в 1458–1462 гг. организовала серию военных походов против Вятки, Великой Перми и стоявшего за ними Казанского ханства. В 1458 г. вятчане выдержали натиск великокняжеских сил, но нападение 1459 г. отразить не смогли и заключили мир на условиях Москвы [49, с. 275–276]. В 1461 г. Василий II быстро выдвинулся с войсками во Владимир для войны с Казанью. Причем в источниках ничего не сказано о причинах этого конфликта, отсутствуют свидетельства и о каких-либо враждебных действиях казанцев в период с 1447 по 1462 годы. Симптоматично, что казанский хан, поторопившись решить этот конфликт за столом мирных переговоров, отправил во Владимир послов, которым удалось «взять мир» [49, с. 277; 51, с. 116; 41, с. 114]. Но год спустя великокняжеские силы все же вторглись в пределы Казанского ханства и, пройдя по его территории, направились в Великую Пермь [54, с. 46, 90].

Однако в ходе казанско-московской войны 1467–1469 гг. ни вятчане, ни пермяки не поддержали Москву, а «за казанцев задалися» [14; 49, с. 280]. В следующей статье летописец, объясняя причины очередного похода великокняжеских сил на Великую Пермь, сообщает, что «пермяки за казанцев норовили, гостям казанским почести воздавали, людям торговым великого князя грубили» [14]. То есть несмотря на все усилия Москвы до начала 1470-х гг., Великая Пермь оставалась в фарватере казанской политики. Поэтому сразу после разгрома новгородцев на Шелоне Иван III начал готовиться к войне с Великой Пермью. В 1472 г. воевода В.Д. Пестрый «Пермскую землю взял и за великого князя привел» [54, с. 48]. Но это не означало включение Великой Перми в состав Великого княжества Московского, так как еще до 1505 г. за этой территорией сохранялась вотчинная самостоятельность.

Под 1471 г. фиксируется конфликт казанцев с вятчанами [39, с. 193; 41, с. 141; 46, с. 460], свидетельствующий о потере контроля Казани над Вяткой. В 1478 г. хан Ибрагим организовал поход на Вятскую землю, что вызвало незамедлительную военную реакцию Ивана III, отправившего воевод на Казань. Однако исходя из противоречивых сведений летописцев, сложно говорить о результатах похода казанцев на Вятку, так же как и об исходе нападения москвичей на Казань [40, с. 199–200; 66, с. 43–44; 8, с. 121; 5, с. 36–37; 9, с. 297–298; 24, с. 138–139; 4, с. 213–214; 10, с. 124; 54, с. 48; 48, с. 196–197; 51, с. 148, 312]. В итоге можно лишь предположить, что в 1478 г., когда Иван III был занят борьбой с Великим Новгородом, казанцы попытались восстановить власть над Вяткой, следствием чего и стало военное столкновение с Москвой. Контроль над Вяткой перекрывал пути распространения московского влияния в Приуралье и, возможно, поэтому был важным пунктом политики хана Ибрагима.

Но все же после его смерти в 1480-е гг. в Среднем Поволжье и Приуралье резко усилились позиции Ивана III. Во многом это произошло вследствие победы над Великим Новгородом в 1478 г. и благодаря успешной ордынской политике. Но более важным условием усиления Москвы представляется политическая борьба, разгоревшаяся в Казанском ханстве между наследниками Ибрагима. Иван III, уже имевший опыт участия в казанских междоусобицах, поддержал Мухаммад-Амина, который выступил против своего старшего сводного брата, Ильхама. В этом, как и в борьбе с Большой Ордой, важную роль сыграл крымский хан, Менгли-Гирей, ходатайствовавший о московской военной помощи для своего пасынка, Мухаммад-Амина [63, с. 59].

Дело в том, что у крымского хана, претендовавшего на верховную власть в Улусе Джучи, после женитьбы на вдове казанского хана, Нур-Султан, появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. При этом конкурентом Менгли-Гирея выступал шибанский хан Ибрагим (Ибак/Айбак), разгромивший хана Ахмада в 1481 году. В свою очередь Москва, создавая антилитовскую и антиордынскую коалицию, склонилась к союзническим отношениям с Крымом, а казанский хан Ильхам сделал ставку на шибанского хана Ибрагима и ногайцев [1]. В сложившейся обстановке в 1482 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был пленен и ханство попало в орбиту русско-крымской политики. Таким образом, участвуя в борьбе за казанский престол, Москва выполнила союзнические обязательства перед Крымом и усилила свое влияние в Среднем Поволжье и Приуралье.

В 1470–1480-е гг. Иван III последовательно установил контроль над важнейшими районами пушного промысла. После присоединения Новгородской земли настал черед Вятки и угорских княжеств. В 1483–1485 гг. были подчинены вогульские правители [50, с. 276; 53, с. 124; 41, с. 215; 54, с. 49, 95], а в 1489 г. при поддержке казанского хана Мухаммад-Амина покорена обширная Вятская земля [40, с. 218; 41, с. 221; 50, с. 279; 53, с. 125; 54, с. 51; 55, с. 208]. Причем главным конкурентом Москвы в этом регионе оставался шибанский хан Ибрагим, опиравшийся на ногайцев. Наверное, не случайно тюменско-ногайское посольство прибыло в Москву сразу после подчинения Вятки: к мирным переговорам тюменского хана склонили небывалые военно-дипломатические успехи великого князя [63, с. 81–82].

Впоследствии военный конфликт Казани с шибанидами и ногайцами продолжился. В 1491 г. в грамоте, адресованной Менгли-Гирею, Мухаммад-Амин сообщал: «Ибак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей, еже лет на меня войною приходят»

[37, с. 277; 63, с. 146; 57, с. 50–51]. В русских летописях под 1496, 1499 и 1500 гг. помещены известия о набегах на Казань шибанских ханов и ногайцев [51, с. 321–339; 39, стб. 330–372; 48, с. 208–215; 40, с. 223–246; 41, 259–268; 44, с. 356–375]. Очевидно, что в 1480–1490-е годы под воздействием всех перечисленных обстоятельств позиции Казанского ханства в Приуралье пошатнулись. Но уже в начале XVI в. ситуация изменилась.

В 1502 г. под натиском Крымского ханства и его союзников пала Большая Орда [31, с. 120]. В 1503 г. Московское государство, победив Литву, завершило присоединение Черниговских, Смоленских и Новгород-Северских земель. Так, недавние союзники усилились настолько, что превратились в сильнейшие государства региона и начали конкурировать между собой. К тому же Иван III еще более решительно стал насаждать свою власть в Приуралье, что усилило опасения не только в Казанском ханстве, но и в других восточных юртах Золотой Орды.

Незадолго до конфликта с Мухаммад-Амином «князь велики Иван Васильевич свел с Великия Перми вотчичя князя Матфия Михайловичя, а на Великую Пермь послал наместника своего, князя Василья Андреевича Ковра». Далее важное дополнение: «Сеи же бысть первыи от руских князеи» [54, с. 99]. Таким образом, с этого момента данная территория потеряла вотчинную самостоятельность и попала под непосредственную великокняжескую юрисдикцию.

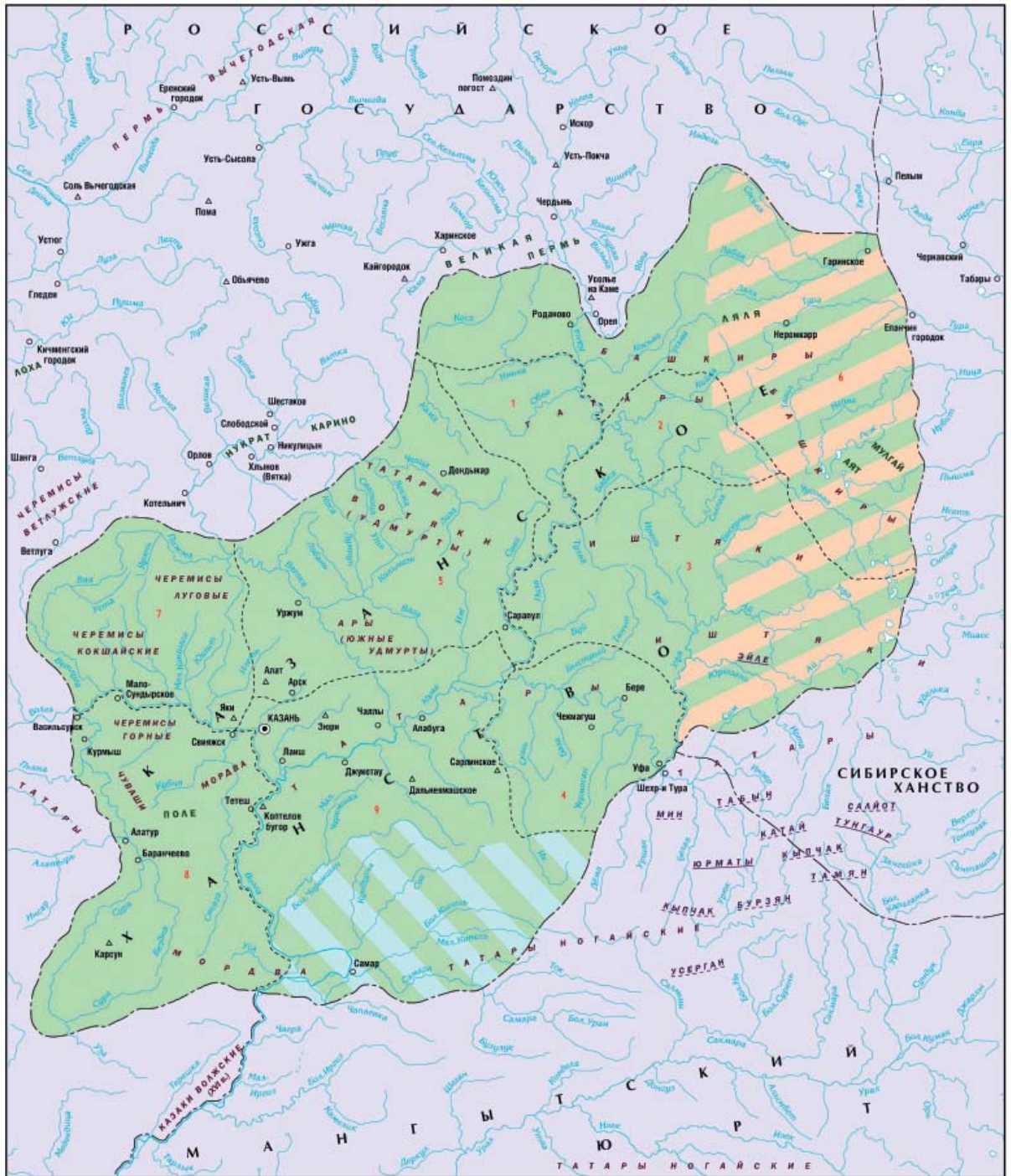
Продолжая статью, летописец сообщает, что наместник «приехал в неделю цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришла без вести из Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми». В результате похода тюменцы «города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли. И князь Василей Ковер на поле воде в погоню послал русаков в судех. И они догнаши их в Сылве на перевозе, заднюю заставу, да и побили» [54, с. 99].

Симптоматично, что после летописной статьи о нападении татар на Великую Пермь сразу следует рассказ о погроме русских купцов в Казани и нападении Мухаммад-Амина на Нижний Новгород [54, с. 99]. Возможно, действия Сибирских Шибанидов и казанцев были согласованы. Причем важную роль в этом сыграли ногайцы, поддерживавшие Шибанидов и участвовавшие в походе казанского хана на Нижний Новгород [51, с. 338; 39, стб. 372–373; 40, с. 244–245; 41, с. 259; 44, с. 375]. Так в 1505 г. Мухаммад-Амин развернул корабль казанской внешней политики на 180 градусов.

Ответом Москвы стал большой поход на Казань, организованный новоявленным государем Василием III в 1506 году. По единодушному заверению летописцев, великокняжеские войска потерпели под Казанью тяжелое поражение, после чего начались сложные переговоры, затянувшиеся на многие годы [51, с. 339; 39, стб. 375; 44, с. 376; 48, с. 215–216; 45, с. 566; 50, с. 297–299].

Показательно, что в последующие десятилетия приуральская тема сходит со страниц русских летописей. Возможно, это связано с неудачами Василия III в восточной политике. В то же время логично допустить, что союз Мухаммад-Амина с ногайцами позволил не только успешно противостоять Москве, но и восстановить влияние Казанского ханства в Приуралье.

Важное известие, помогающее наметить географические и этнические очертания восточных улусов Казанского ханства, сохранилось в составе Московского летописного свода конца XV века. В пространной статье «О первой Казани», то есть «О войне с Казанью» 1467–1469 гг., находим описание войск казанского хана Ибрагима: «До полна собрался на них царь Казанскои Обреим со всею землею своею,

Казанское ханство в 1445-1552 гг.

<p>Границы</p> <p>--- государство - - - улусов Казанского ханства</p> <p>Территории</p> <p>Мангытский курт Казанского ханства (с 1536 г.) в составе Сибирского ханства (с нач. 1570-х гг.)</p> <p>Населенные пункты</p> <p>● столицы государств ○ города и городища △ села и селения</p>	<p>Современные башкирские племена</p> <p><u>ЮРМАТЫ</u> <u>БУРЗЯИ</u></p> <p>УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕРИОДНО-ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ</p> <p>Обозначения</p> <p>МАНГЫТСКИЙ ЮРТ — государства НУКРАТ — историко-географические области ИШТЯКИ — этнические обозначения Бурзяи — географические обозначения (современные)</p>	<p>Улусы Казанского ханства</p> <p>1 Камская земля 2 Сылвенская земля 3 Костяцкая земля 4 Беловолжская земля 5 Вотяцкая (Арская земля) 6 Башкирская земля 7 Луговая сторона 8 Горная сторона 9 Ханский домен</p>
---	--	---

Авторы карты А.В. Аксанов, А.А. Астайкин
 Компьютерная обработка М.А. Астайкин, 2016 г.

*Казанской Татаринъ .
Ein Kasanischer Tatter .
Tattare de Kasan .*

*Tataraka Kasanicheskaja sneroznitsa .
Eine Kasanjanische Satarin vorwärts .
Feme Tattare de Kasan par devant .*

*Ногайская татарка .
Eine Nogaische Tatarin .
Feme de Tatars Nogais .*

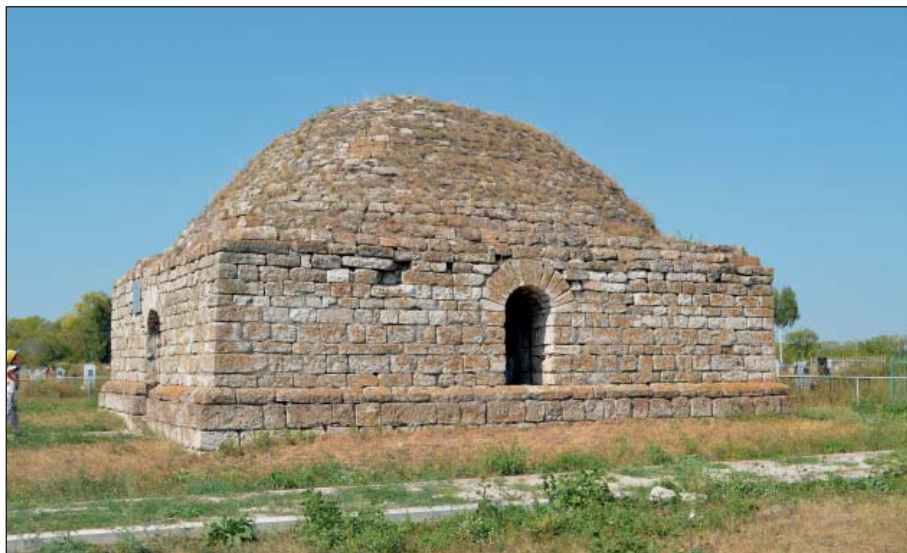

*Мещерячка .
Eine Metschenikin .
Une Metcherèke .*

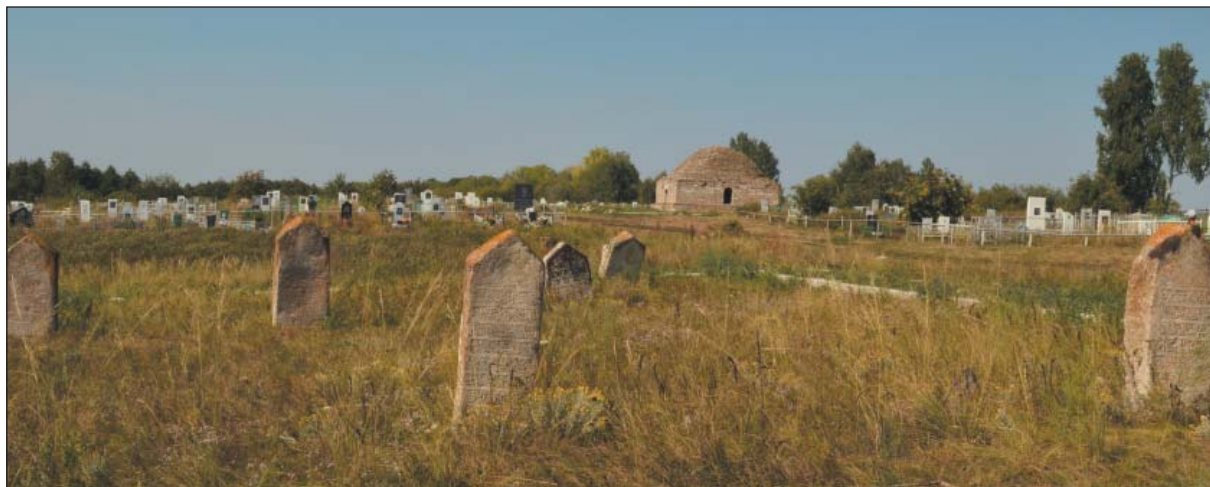
Казанские татарин и татарка. Ногайская татарка и мещерячка

(по: Иоганн Готтлиб Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 2-е изд. СПб., 1779.
URL: http://www.runivers.ru/upload/iblock/05a/Georgi_opisanie%20vsex%20obitayushix_2%20kniga.pdf)

Мавзолей Хусейн-бека,
расположен на юго-
восточной окраине
пос. Чишмы. Чишмин-
ский р-н Республики
Башкортостан. Фото
И.Ф. Ихсанова

Внутри мавзолея
Хусейн-бека.
Фото И.Ф. Ихсанова

Кладбище близ мавзолея Хусейн-бека. Фото И.Ф. Ихсанова

Мавзолей Тура-хана, расположен на вершине горы близ дер. Нижние Термы, на левом берегу р. Слак. Чишминский р-н Республики Башкортостан. Фото И.Ф. Ихсанова

Мусульманская надмогильная плита, датируемая 1442–1447 гг., найдена местным краеведом Г.К. Воробьевым неподалеку от дер. Старо-Калмаш Чекамгушевского р-на Республики Башкортостан. Хранится в фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН. Фото И.М. Габдрафикова

Бронзовая статуя венгерских доминиканцев Юлиана и Герхарда. Скульптор Карой Антал (Károly Antal). 1937 г. Замок Буда, или Будайская крепость, г. Будапешт

с Камскою с Циплиньскою и с Костяцькою, и с Беловоложскою и Вотятъцкою и з Бакширьскою...» [49, с. 282].

Необходимо учитывать, что перед нами известие, оставленное современниками событий. А.А. Шахматов, Я.С. Лурье, Б.М. Клосс и другие летописеведы сошлись на мнении, что в основе указанной летописи лежит свод 1479 г., у которого был более ранний протограф – великокняжеский свод 1472/1473 года [75, с. 256–283; 27, с. 122–167; 23, 149–152]. Тот факт, что описываемые события произошли в 1467–1469 гг., а известие составлено в 1470-х гг., указывает на сравнительно высокую степень достоверности и точности сообщения.

Таким образом, в этом летописном фрагменте упоминаются шесть административно-территориальных единиц, входивших в состав Казанского ханства. Причем все эти земли располагались к востоку от Казани. При идентификации «Циплиньской земли» важно учесть, что здесь, как и в случае с «Бакширьской землей», летописец поменял местами две согласные буквы, идущие после первого слога. То есть вместо «Бакширьской» необходимо читать «Башкирской», а вместо «Циплиньской» – «Цилпиньской», или, учитывая то, что при полууставном написании буква «в» почти не отличается от буквы «п» и они могли быть перепутаны, уместно читать «Цилвиньской», то есть Сылвенской. Таким образом, улусы, обозначенные по названию рек, логично соотнести с территорией, занимаемой бассейном Камы («Камская»), Сылвы («Циплиньская») и Белой («Беловоложская»). Другие три улуса, указанные по этносоциальной принадлежности, можно связать с территорией проживания остяков/иштяков («Костяцькая»), удмуртов («Вотятъцкая») и башкир («Бакширьская»).

Встает вопрос: почему летописец упомянул лишь восточные земли ханства? Возможно, ответ следует искать в контекстном понимании фразы: «До полна собрался на них царь Казанской Обреим со всею землею своею...». Эту весть в русский лагерь принес из Казани «полоняник Коломнятин» после разорения отрядами Ивана Руно казанского посада и до прихода основных великокняжеских сил. В данных условиях перечисление восточных, самых отдаленных земель ханства могло указывать на высокую степень мобилизации казанских войск. Вероятно, такое донесение должно было заставить воевод принять оперативные меры по консолидации сил. Важно, что здесь обозначена география Казанского ханства, простиравшегося до Уральских гор.

Кроме вышеуказанных этносоциальных групп в приуральской зоне Казанского ханства проживало значительное число татар. Особенно это касается Камской, Беловоложской и Сылвенской земель. О проживании татар в бассейне этих рек говорят и источники XVI–XVII веков. О сылвенских татарах сообщают грамота Ивана IV Строгановым от 1574 г., писцовая книга И. Яхонтова 1579 г., пермские и сибирские летописи, «Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова» 1623–1624 гг. и другие документы².

Вероятнее всего, на месте Сылвенского улуса после завоевания Казанского ханства был учрежден Сылвенский уезд, описанный И. Яхонтовым в 1579 г. и включавший весь бассейн Сылвы с лесами и озерами «вверх до Остяцких улусов»³. При этом в книге М. Кайсарова находим важное уточнение: «и всего от Сылвенского острожку до того Остяцково до Рожина улусу Сылвою рекою вверх 45 верст»⁴.

² См. прил.

³ См. прил.: Описание Сылвенского уезда из Писцовой книги И. Яхонтова 1579 года.

⁴ См. прил.: Описание сылвенских земель М. Кайсарова (1623–1624 гг.).

Отсюда примерная локализация следующей земли Казанского ханства – «Костяцкого»/Иштякского улуса, который, согласно И. Яхонтову, находился выше по р. Сылве, то есть южнее Сылвенского улуса. У М. Кайсарова эта земля фигурирует как «Остяцкий Рожин улус»⁵, то есть как некая административно-территориальная единица, которая, очевидно, была унаследована от Казанского ханства. Д.М. Исхаков соотнес территорию этого улуса с территорией Кунгурского уезда и Осинской дороги Уфимского уезда XVII века. Тюркизированные угорские племена остяков/иштяков, составлявшие этническую основу этого улуса, в XVI–XVII вв. в значительной степени пополнили число башкир-вотчинников. Со временем дело дошло до того, что этноним «иштяки» стал заменяться наименованием «башкиры» [18, с. 132, 164, 248]. При этом необходимо отметить, что значительную часть населения Иштякского улуса составляли татары, совместно владевшие вотчинами с иштяками. К примеру, М. Кайсаров, описывая татарские юрты на р. Юрмане, подчеркивает, что «вотчина их *старинная* (выделено нами – А.А.), обща с сылвенскими остяками»⁶.

Подобно этому, более поздними источниками подтверждается проживание татар в «Беловоложской земле». В «Памяти уфимскому толмачу Ф. Таганееву» от 1618 г. говорится о «татарах» «Аксиевы волости» Уфимского уезда. Д.М. Исхаков справедливо полагал, что название волости «происходит от тюркского названия р. Белой – Акидель» [18, с. 120]. То есть вновь перед нами административная единица Российского царства, которая располагалась на месте вилайета Казанского ханства – «Беловоложской земли», или Акидель-улуса.

В статье от 1469 г. великокняжеский летописец называет его «Беловоложской землей», что является официальным устоявшимся наименованием области Улуса Джучи и потому указывает на продолжительную историю его существования. В этот период Акидель-улус входил в состав Казанского ханства. При этом он, как и другие вилайеты ханства, был частью золотоордынского наследия, доставшегося потомкам Улуг Мухаммада.

Вероятно, до установления власти Чингизидов эта территория была частью так называемой Великой (старшей) Венгрии и на ней проживали заволжские мадьяры («баджгарды/баскарды/паскатиры»), которые только в результате 14-летней войны в 1236 г. были покорены татарами. Такое отчаянное сопротивление могло послужить причиной насильственного переселения основной части заволжских мадьяр в разные районы империи. В то же время источники указывают на приток в их земли нового населения, исповедовавшего ислам⁷. Причем уже с XIV в. здесь фиксируются эпиграфические памятники, идентичные памятникам Булгарского улуса, что подтверждает данные о заселении Акидель улуса мусульманами из Среднего Поволжья [76, с. 131]. Еще в XVIII веке на берегах Белой и ее притоков можно было обнаружить не только мусульманские могилы, но и остатки каменных мечетей и укреплений, что засвидетельствовал академик П.С. Паллас⁸. Поэтому вполне допустимо, что Акидель улус был учрежден Чингизидами в результате подчинения и выселения заволжских мадьяр в 1236 году и заселения этой территории татарами.

⁵ Там же.

⁶ См. прил.: Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова 1623–1624 гг.

⁷ См.: Глава III, § 3. Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XIV веков.

⁸ См. прил.: Из сочинения П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи».

Следовательно, к моменту завоевания Казанского ханства история этого татарского улуса в Приуралье насчитывала более трехсот лет.

Что касается «Вотяцкой земли», то ей может соответствовать так называемое Арское княжество, фигурирующее в источниках конца XV – первой половины XVI века. Так, летописи сообщают, что в 1496 г., сразу после восхождения на казанский престол, шибанский хан Мамук «приде вборзе под Арський городок», но «Арские же князи града своего не здаша...» [39, стб. 348; 51, с. 328; 40, с. 231–232; 44, с. 363–364; 48, с. 242–243].

Другой случай упоминания Арского княжества опять же находим в официальных летописных известиях – на этот раз в статье о казанско-московских мирных переговорах 1531 года. Когда эти переговоры зашли в тупик, казанские послы обратились к Василию III с предложением произвести переворот в пользу московского ставленника Шах-Али. При этом для свержения Сафа-Гирея они предлагали направить великокняжеские жалованные грамоты в три центра Казанского ханства: «в Казань... к Черемисе к горной и к луговой, и к Арским князем» [40, с. 275–276; 42, с. 55–56; 44, с. 408–409]. Некоторые исследователи на основе этого сведения делают вывод о трехчастной структуре ханства [17, с. 197]. Однако здесь, как и в случае с известием 1469 г., приведены не все улусы. Вероятнее всего, в обращении казанских послов к Василию III названы только три составные части ханства, поскольку именно в этих землях можно было заручиться поддержкой для государственного переворота в пользу Шах-Али. Черемисы, жители Арского княжества и центральной части ханства были более заинтересованы в мирных отношениях с Москвой, чем население других улусов, и в силу того, что именно эти территории чаще подвергались разорениям при военных столкновениях с западным соседом. Причем последнее вторжение подобного рода состоялось всего за несколько месяцев до переговоров и было одним из самых масштабных и кровопролитных. Речь идет о большом походе на Казань 1530 г., в ходе которого великокняжеские силы не только разорили западные и центральные земли ханства, но и прошли по Арскому княжеству [47, с. 204–205; 40, с. 273; 42, с. 45–47; 44 с. 406–407].

Это княжество упоминается и в других случаях [46, с. 531; 42, с. 167, 202; 43, с. 469, 498; 44, с. 484, 515–516; 52, с. 64, 94–95, 190], а его описание сохранилось в известиях, посвященных событиям 1552 года. На пути к Арску, на высокой горе, промеж непроходимых болот, располагался острог, «рублен городнями и землею насыпан, а в ыном месте многими засеками засечено». При этом официальные летописи сообщают, что помимо этого острога в Арской земле были и другие «великие крепости». После взятия ключевых острогов великокняжеские силы «повоевали Арскую сторону всю». И далее важное уточнение: «Война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму...» [42, с. 210–211; 43, с. 506–507; 44, с. 523–524; 52, с. 101–102, 197–198]. То есть перед нами косвенное обозначение территориальных границ Арского княжества, которое с севера на юг – «поперег» – простиралось на 150 верст, а с запада на восток – в «долину» – до р. Камы. Таким образом, этот улус занимал обширное пространство к северо-востоку от Казани и включал в себя земли удмуртов, проживавших в Вятско-Камском междуречье. Впрочем, местное население, оказавшее сопротивление в 1552 г., идентифицируется летописцами как «Татары». Тогда как, согласно А.М. Курбскому, защитниками Арских земель были «бусурманы». По сообщениям того же А.М. Курбского, Арская земля была богатой и густозаселенной: «И села часты, хлеб же всякихъ такое там множество, воистинну вере ко исповеданию неподобно – аки бы наподобие множества

звездъ небесныхъ!»). В результате воеводы вернулись из похода по Арским землям с «бесчисленной» добычей и «бысть тогда в воинстве христианском велия радость» [26, с. 335–338].

«Камская земля» по более ранним источникам известна как область (страна) «Вису-Чулман» («Вису» у Ибн Фадлана, «Джолман» у Ибн Халдуна), которая располагалась в верхнекамском бассейне⁹. Административным центром этой земли был город-крепость «Афкула», который соотносится с Рождественским археологическим комплексом на р. Обва и упоминается многими арабскими авторами XIII–XV веков. Уже в X–XIII вв. в Вису-Чулман существовали болгарские торговые фактории с развитым ремесленным производством. Данная область, очевидно, находилась и в политической зависимости от Булгара, поскольку арабские авторы упоминают о том, что правитель Булгар собирал налоги (джизью и харадж) с этих земель. В городищах Вису-Чулман археологи обнаружили многочисленные предметы вооружения и быта, указывающие на проживание здесь болгарского населения. Судя по захоронениям и религиозным предметам (коранницы, разделители четок и т.п.), уже в домонгольское время здесь проживало много мусульман¹⁰.

Причем в золотоордынский период после некоторого упадка политическое и культурное влияние Булгарского улуса в Приуралье возрождается и усиливается. О значительной доле татарского населения, наряду с «остяцким», проживавшей в «Камской земле», говорят и русские источники XVI – начала XVII века¹¹. В период Казанского ханства улус Чулман («Камская земля») продолжал играть важную торгово-ремесленную роль в экономике. Как уже было отмечено, русские летописи XV–XVI вв. говорят об активности казанских купцов в землях Великой Перми и Сибири. Вероятнее всего, под «казанскими гостями» в этих известиях фигурируют именно татары улуса Чулман. Поскольку о порядке торговли, заложенном еще во времена Булгар, сообщается, что «купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [68, с. 237–238].

Таким образом, после смерти Ивана III московское влияние в Западном Приуралье заметно ослабло, а Казанское ханство сумело сохранить контроль над этим регионом. Конечно, это удалось не только благодаря союзу с ногайцами. Думается, ногайцы также вынуждены были, отказавшись от полного подчинения этих земель, пойти на компромисс с Казанью. Одной из важнейших причин сохранения власти ханства в Западном Приуралье нужно считать хозяйственные и социокультурные связи, сложившиеся на протяжении столетий благодаря торгово-экономическим, географическим факторам и на основе общей – татаро-мусульманской – этно-религиозной идентичности, характерной как для жителей центральных районов Казанского ханства, так и для значительной части населения Западного Приуралья.

---

⁹ «На взгляд многих исследователей, прикамские (предуральские) территории известны в болгаро-арабских письменных источниках как «область (страна) Вису» и «область Ару», а с XIII в. как «страна Чулманская». Чулманом (Чулыманом) болгары и арабы именовали реку Каму выше устья р. Белой (Ак Итиль), ниже устья Белой Кама именовалась «Черным Итилем» (Кара Итиль)» (См.: Глава II, § 1. Западное Приуралье в составе Булгарского государства).

¹⁰ См.: Глава II, § 1. Западное Приуралье в составе Булгарского государства.

¹¹ См.: Глава IV, § 4. Иштякская общность Приуралья в средневековье.

* * *

При локализации «Башкирской земли» Казанского ханства, мы сталкиваемся с серьезной проблемой: с одной стороны, источники XV–XVII веков говорят о проживании башкир в верховьях Камы, на Среднем Урале и в Сибири, а с другой стороны, в историографии утвердилось мнение о расположении Башкирского улуса на юго-востоке Казанского ханства. Причем многие исследователи исходили из того, что в состав Казанского ханства входила западная и северо-западная часть современного Башкортостана, тогда как северо-восточные и южно-уральские башкиры находились в подчинении сибирских ханов и ногайцев. Зачастую, доказывая это, историки прибегали к весьма своеобразной интерпретации источников.

К примеру, А.Н. Усманов сначала привел сообщение казанского летописца о владениях болгар до реки Белой и до Ногайской Орды, где нет ни слова о башкирах, а потом объяснил, что и в составе башкир есть племена «название которых восходят к болгарскому этническому миру» и «вплоть до середины XIX в. некоторые западные башкиры именовали себя булгарами». Другой его аргумент – сообщения А.М. Курбского о проживании башкир в верховьях Камы, из которого историк странным образом выводит, что основным районом расселения башкир было «устье и нижнее течение реки Белой, с ее притоками...» [73, с. 50–51]. Как показано ниже, А.М. Курбский не упоминает ни р. Белую, ни ее притоков¹²!

Судя по всему, такой подход разделял и редактор монографии А.Н. Усманова Р.Г. Кузеев, на работы которого до сих пор опираются многие исследователи при изучении Южного Приуралья и сопредельных регионов. Он обратил внимание на то, что «сфера и характер политического влияния Казанского и Сибирского ханств в Башкирии остаются не вполне ясными». По его словам, «распространенные представления о том, что западная и северо-западная области Башкирии были подвластны Казанскому ханству, северо-восточная – Сибирскому, а южная и центральная – Ногайской орде, схематичны и нуждаются в уточнении». При этом Р.Г. Кузеев пытался уточнить историю отношений Казанского ханства с башкирами в основном за счет так называемых башкирских шеджере, показывающих, что «башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов, была, однако, невелика». По заключению историка, «она ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы» [25, с. 482].

Однако данные шеджере о миграции «башкирских» племен к юго-западным районам Казанского ханства и рассказы о заключении договоренностей отдельных предводителей этих племен с казанскими ханами зачастую уникальны и не находят подтверждения в группе независимых источников. К примеру, Р.Г. Кузеев, ссылаясь на шеджере, пишет, что башкирский Кара-Табын-бий «переселился в долину р. Чулман, где стал служить казанскому хану Чуртмаку» [25, с. 281]. При этом по источникам XV–XVI вв. ничего не известно о правлении казанского хана «Чуртмака» и ханском жаловании «Кара-Табын-бия».

Но основная проблема не только и даже не столько в достоверности «башкирских» шеджере, а в том, что эти родословные были записаны преимущественно в

---

¹² Симптоматично, что автор крупнейшего монографического исследования по истории Казанского ханства А.Г. Бахтин, описывая башкир в составе Казанского ханства, опирался на работы А.Н. Усманова [8, с. 72, 84].

XIX–XX вв., когда за племенами усерган, бурджан, тамьян, табын и другими этническими группами Башкирии уже закрепились башкирская идентификация. При этом исследователи не учитывали, что события, описанные в шеджере, восходят к временам, когда процесс формирования башкирской общности был еще далек от завершения и многие из этих племен еще не вошли в нее. Источники, относящиеся к эпохе Казанского ханства, указывают на то, что племена юго-восточных тюркоязычных кочевников еще не назывались башкирами, башкирцами или башкортами.

Для наглядности приведем еще один пример из работы Р.Г. Кузеева. Согласно ему, данные шеджере о переселении племени ирэкте в конце XV – начале XVI в. «с долины р. Миасс на берега Камы (*Чулман*) или Ика» подтверждаются грамотой Сахиб-Гирея от 1523 г., так как в ней, как и в шеджере, фигурирует некий Шейх-Ахмед (по шеджере Ахмат-Шайех-бий) [25, с. 319–320]. Однако при внимательном изучении этих источников сразу же обнаруживаются контраргументы. Во-первых, кроме этого имени и единственного топонима – притока Камы, реки Ик, – рассказ шеджере с ярлыком Сахиб-Гирея ничего не связывает. К тому же имена, указанные в источниках, не тождественны, а слово «Ик», по замечанию В.В. Трепавлова, «вписано» в документ «другими чернилами и другой рукой»¹³. Во-вторых, ни в этой грамоте, ни в копии грамоты хана Ибрагима, сохранившейся в составе документов последней четверти XVII века, мы не находим наименований башкорт, башкирец или башкир. Следовательно, сведения башкирских шеджере, при условии их верификации источниками XV–XVI веков, можно использовать в исторических реконструкциях, только с учетом того, что относительно изучаемого периода эти родословные в основном повествуют о золотоордынских тюрко-татарских племенах, еще не вошедших в башкирскую общность, но уже занимавших значительную часть территории современной Башкирии и сопредельных регионов и таким образом влившихся в состав таких позднедзючидские государств, как Казанское ханство, Ногайская Орда и Тюменское ханство (государство сибирских Шибанидов).

Впрочем, главная историографическая проблема даже не в том, что у закрепившегося представления о юго-восточном положении Башкирского улуса зыбкая доказательная база, а в том, что сохранились многочисленные аутентичные сведения, опровергающие это. Причем, В.В. Трепавлов уже давно обратил внимание на известие Ногайских книг от 1578 г. о «башкирдах» и «остяках» на р. Каме и выдвинул гипотезу о существовании западной или северо-западной группы башкир, называемой иштяками [69, с. 11]. Д.М. Исхаков обосновал, что «иштяки» и «башкиры» входили в состав Казанского ханства и в то же время выплачивали часть ясака в Ногайскую Орду. При этом он учел данные Ногайских книг и сведения А. Курбского о локализации этих групп и пришел к выводу, что «речь, скорее всего, идет именно о населении северо-западного Приуралья» [18, с. 150], но не развил этот тезис и не уточнил местоположение Башкирского улуса Казанского ханства. В то же время Д.М. Исхаков, опираясь лишь на позднейшие башкирские шеджере и эпосы о прародителях башкирского народа, заключил, что часть кочевого населения Приуралья (племена мин, бурзян, кыпчак, усерган, тамьян) была «носителями этнонима “башкорт”» [18, с. 162]. Один из последователей Р.Г. Кузеева, И.А. Антонов, изучив сведения о средневековых башкирах, обратил внимание на то, что в работах Идриси (1154 г.), братьев Пицигано (1367 г.), на Каталонской карте мира (1375–

¹³ См. прил.: Тарханный подтверждающий ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1).

1377 г.) и в сочинении А.М. Курбского (1573 г.) башкиры обозначены по р. Каме, но посчитал эти известия ошибочными [6, с. 79]. Однако, если сообщения источников X–XIV вв. еще как-то можно связать с территорией современной Башкирии, то сведения, относящиеся к эпохе Казанского ханства, вполне определенно указывают на другой географический ареал.

Для начала рассмотрим сообщения, описывающие территорию современной Башкирии в XV–XVI веках. Императорский посол С. Герберштейн, дважды побывавший в Московском государстве (1517, 1526 гг.) и, по различным документам и сведениям очевидцев, изучивший Московию и остальную часть бывшего Улуса Джучи, писал, что Казанское ханство «с востока и юга» «ограничено пустынными степями», «за казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар (но не башкир – А.А.), зовущихся ногаями», которые «живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской»¹⁴.

Автор «Казанской истории» так обозначил юго-восточные земли Казанского ханства, унаследованные им от «малых болгар»: «за Камою, промеж великия реки Волги и Белья реки Воложки до великия Орды Нагайския». При этом в заключительной части «Истории» находим упоминание о «башкирских улусах», которые находились «за 700 верст за Казань»¹⁵, причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, тогда как территория нынешней Башкирии располагается в другой стороне. Следовательно, описания юго-восточных окраин Казанского ханства не содержат упоминаний о башкирах, а известие о «башкирских улусах» локализует их у северо-восточных границ ханства, что никак не увязывается с территорией современной Башкирии.

Согласно данным единственного «башкирского» шеджере, восходящего к этой эпохе (1564–1565 гг.), в западном Приуралье кочевали только ногайцы и иштяки [11, с. 29]. Также и летописи, описывая поход русских в эти места (до р. Белой) 1468 г. не говорят о столкновении с башкирами, а упоминают тархан. Некоторые исследователи ассоциировали их с башкирами, но в грамоте 1572 г. и в ряде других документов тарханы упоминаются наряду с «башкирдами» как отдельная категория населения¹⁶. Возможно, кочевники юго-востока Казанского ханства и были тарханами – татарскими племенами, охранявшими эти пределы и получавшими ярлыки от казанских ханов, но никакого отношения к «башкирдам» в то время не имевшими.

Таким образом, современники событий, описывая юго-восточные пределы Казанского ханства, не упомянули ни Башкирского улуса, ни башкир.

В летописной статье о сборе войск хана Ибрагима «Башкирская земля» упоминается последней, что уже косвенно указывает на ее отдаленность и приграничное расположение. Как было показано в случаях с Сылвенским, Иштыжским и Акидель улусами, после завоевания Казанского ханства долгое время русские власти не приносили существенных изменений в административно-территориальную систему улусов¹⁷. А известия о «Башкурской волости» в составе Тюменского уезда сохранились в воеводских отписках от 1600 года. Но для того, чтобы более точно обо-

¹⁴ См. прил.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии.

¹⁵ См. прил.: Казанская история.

¹⁶ См. прил.: Духовная царя и великаго князя Иоанна Васильевича, самодержца все-российскаго. 1572 г.

¹⁷ Русское слово «волость» происходит от татарского слова «улус», первый звук которого обозначался арабской буквой «э», обычно заменяемой в русских переводных документах буквой «в».

значить территорию этого улуса в эпоху Казанского ханства, требуется рассмотреть как известия этого периода, так и более поздние сообщения.

Согласно М. Меховскому (1517 г.), «за Московией **на северо-востоке** (выделено нами – А.А.), на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корелла»¹⁸. Подобное сообщение находим у Альберта Кампензе (1523/1524 г.): «**К северо-востоку от Московии** (выделено нами – А.А.), за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пяти сот Немецких миль, живут Печоране и Вогуличи», за ними «живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры (Baschirdi) и Черемисы»¹⁹.

Европейские известия о соседстве башкир с Пермью, Югрой, вогулами и черемисами согласуются с данными «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.), Катиба Челеби (XVII в.) и Абдулгаффар Кырыми (XVIII в.), указывающими на близость «чимги башгырт»/«башкирских татар»/«башкурт» к вилайету Чимги-Тура, или Тюменскому ханству [34, с. 233, 237, 244]²⁰.

А.М. Курбский, лично участвовавший в походе на Казань в 1552 г. и в военных экспедициях по покорению народов Казанского ханства, оставил более подробное описание башкир. В первом случае, характеризуя народонаселение ханства, он указал на то, что «башкирыцы» «живут в лесах **в верховьях большой реки Камы** (выделено нами – А.А.)». Далее в рассказе о походе 1554 г. А.М. Курбский сообщил, что передние полки, преследуя казанцев, «гоняю за ними аже за Уржумь и Меть-реку, за леса великие, и оттуду аже до башкирска языка, яже **по Каме-реке вверх ко Сибири протяжается** (выделено нами – А.А.)»²¹.

«Башкирцы» упоминаются и в связи с нападением на пермских купцов в верховьях Камы, что зафиксировано в Указной грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. и летописной статье под 1572 года²². О проживании «башкирцев» в верховьях Камы свидетельствуют и Ногайские дела, согласно которым в 1578 г. «приходили (ногайские татары – А.А.)... в Казанский уезд в остяки **на верх Камы воевать... по реке по Каме** (выделено нами – А.А.) на башкирцы и на остяки Казанского уезда и людей убивать почали и грабить и башкирцы и остяки собрався иных побили, а трех-четырех живых взяли» [60, Л. 275, 285 об., 391]. А в статье Строгановской летописи под 1581 г. дана более конкретная локализация «башкирцов»: «он же злый (пелымский князь – А.А.) по неволи взя с собою **Сылвянских, и Косвинских, и Иренских, и Ивинских и Обвинских** (выделено нами – А.А.) Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и Башкирцов множество»²³. То есть, как и в предыдущих источниках, речь идет о верховьях Камы, а точнее, о ее притоках, располагавшихся к югу от Великой Перми.

¹⁸ См. прил.: М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях (1517 г.).

¹⁹ См. прил.: Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии (1523/1524 г.).

²⁰ См. прил.: Абдулгаффар Кырыми о племенах «башкурт» и «тюмен».

²¹ См. прил.: Сообщения А.М. Курбского о землях и народах Казанского ханства.

²² См. прил.: 1572 г. августа 6 – Указная грамота великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, в Слободку на Каму, Якову да Григорью Аникеевым детям Строганова; О убийстве Русских торговых людей и ваташиков от Черемисы и Башкирцов.

²³ См. прил.: О приходе Сибирских людей Пелымскаго князя под Пермские города, и под Канкор, и под Кергедан и под Чусовские городки, и под Сылвянской и Яйвинской острожки.

В более поздних документах конца XVI–XVII вв. на авансцену выходят юго-восточные, уфимские «башкирцы», но еще долгое время единственная «Башкурская волость» сохранялась в составе Тюменского уезда. Здесь необходимо подчеркнуть, что до основания Верхотурья (1597 г.) и Туринска (1600 г.) Тюменский уезд включал в себя весь бассейн р. Туры [13, с. 19–20]. В то же время, по наблюдениям Г.Ф. Миллера, тюменско-тобольские татары и башкиры еще долгое время называли друг друга «турали», то есть жителями области Тура [30, с. 194, 262]. Если учитывать, что тюменские татары населяли среднее и нижнее течение Туры, то башкиры могли занимать верховья Туры, что опять же полностью согласуется с сообщениями «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», Катиба Челеби и Абдулгаффара Кырыми.

Необходимо обратить внимание и на некоторые источники XVII–XVIII вв., которые повествуют о положении дел в более раннее время. В грамоте царя Михаила Федоровича от 1632 г. говорится о «старинных» владениях «башкирцев» в верховьях р. Камы: «Вотчины за нами за башкирцы **старинные** (выделено нами – А.А.) в Уфимском уезде речка Мулин, да речка Юг, да речка Нытва, да речка Отчера со всеми угоды»²⁴. Аналогичная грамота была составлена и в канцелярии Петра I в 1701 году [21, с. 82–83].

Дополнительные географические ориентиры приводятся в исследовании голландского политика и ученого Н. Витсена, неоднократно посетившего Россию (впервые в 1664–1665 гг.). Согласно ему, «в **прошлом столетии** (то есть в XVI в. – А.А.)» «в области Перми башкиры и черемисы поклонялись идолам», при этом в другом разделе своей книги он уточняет, что «земли Перми, иначе называемые Пермь Великая, имеет соседями с юга башкир». Подробно описывая путь из Сибири, Н. Витсен обозначил еще один район, некогда занимаемый башкирами: «От этого озера (оз. Исеть – А.А.) до того места, где начинается река Чусовая, по каменным горам 6 миль пути... Эти земли раньше были заселены башкирскими племенами»²⁵.

Таким образом, согласно аутентичным и в основном независимым друг от друга сведениям, Башкирский улус Казанского ханства располагался на северо-восточных и восточных окраинах: в верховьях Камы – у южных границ Великой Перми, в верховьях Чусовой, Исети, Туры и других сопредельных рек. Эта обширная территория на северо-востоке и востоке ханства²⁶, судя по всему, была малозаселенной, но играла стратегически важную роль, так как через нее проходили основные пути в Великую Пермь и Сибирь²⁷. То есть, с одной стороны, Башкирский улус выступал своеобразной буферной зоной на путях нередких набегов русских и угорских ушкуйников, а с другой – обеспечивал безопасность торговли с важнейшими районами пушного промысла.

---

²⁴ См. прил.: Царская грамота Уфимскому воеводе И.Г. Желябовскому и подьячему И. Латкину Об ограждении земельных прав башкир Шигира Култаева с товарищами, нарушаемых приказчиками и крестьянами Строгановых от 27 февраля 1632 г.

²⁵ См. прил.: О башкирах из сочинения Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии» (1692 г.).

²⁶ См. карту «Казанское ханство в 1445–1552 гг.» на цв. вкл.

²⁷ «Истоки левобережных притоков Тобола – Исети, Пышмы очень близко подходят к истокам Чусовой и Сылвы, которые пересекают Уральские горы в широтном направлении. Они всегда являлись наиболее легким путем из Сибири в Приуралье» (См.: Глава I, § 6. Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр).

Что касается этносоциального состава, то, как и в других улусах, он был неоднородным. В источниках мы встречаем разную идентификацию жителей этих земель: «башкирцы»/«башкурт»/«башгирд»/«чимги башгырт», «иштяк»/«остяки», «башкирские татары» и «татары». Этот улус, судя по всему, был назван по доминирующей в политическом плане этносоциальной общности. Учитывая стратегически важное положение улуса, можно допустить, что башкиры имели высокую боеспособность, позволявшую им защищать северо-восточные пределы ханства от внезапных вторжений и обеспечивать безопасность на торговых путях, ведущих в крупнейшие районы пушного промысла.

По археологическим данным, начиная с раннего средневековья в верховьях Камы проживали общности с ярко выраженным культом воина-всадника²⁸. Со времени включения этого региона в сферу экономического влияния Волжской Булгарии важную роль в хозяйстве местного населения начинает играть пушной промысел. Приуральские угры, во многом тюркизировавшиеся в болгарский и золотоордынский периоды, имели хорошо укрепленные городища, окруженные селищами и могильниками. Памятники одной из наиболее известных археологических культур (ломоватовской) располагались территориальными «гнездами», «состоящими, как правило, из 1–2 городищ, 2–4 селищ, 1–3 могильников». Причем на территории между «гнездами» памятники данного типа отсутствуют, что «позволяет видеть в этих «гнездах» территории отдельных родов с прилегающими к ним охотничьими угодьями»²⁹. Вместе с тем география данных археологических памятников во многом совпадает с территорией Башкирского улуса³⁰, то есть эти военизированные общности занимали стратегически важные для торговли и пушного промысла участки. Нельзя упустить и тот факт, что по писцовым книгам И. Яхонтова и М. Кайсарова, в XVI–XVII вв. здесь фиксируются населенные пункты, название которых происходит от слова «гайна»³¹, что на угорских языках означало гнездо. Эта этимоло-

²⁸ «Многочисленные предметы вооружения, включая сабли и предметы конского снаряжения, «комплекс коня» и подвески-«всадники» в могилах указывают на существенную роль воинов и культ всадника в ломоватовско-поломском обществе» (См.: Глава I, § 5. Финно-угры в Приуралье).

²⁹ См.: Глава I, § 5. Финно-угры в Приуралье.

³⁰ «Ломоватовская культура (известно более 400 памятников этой культуры VI–XI вв.) занимает правобережье и левобережье среднего и верхнего течения Камы от реки Чусовой и почти до верховой, ее памятники расположены на таких крупных притоках Камы, как Обва, Инвья, Яйва, Вишера, Коса, как в зоне смешанных южно-таежных лесов с небольшими участками реликтовых степей (южные группы памятников), так и в таежной темнохвойной зоне с большим количеством болот разного типа (северные группы памятников)» (См.: Глава I, § 5. Финно-угры в Приуралье).

³¹ «Погост Гайна на реке на Колве» (См. прил.: Перепись Яхонтова 1579 г. – Чердынского же уезду погосты и деревни и починки отоже ее в Косе); «Погост Гайна на реке на Каме, а на погосте крестьянских дворов» (См. прил.: Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132-го (1623 и 1624) годов); «Деревня Гайва на усть речки Гайвы на реке на Каме» – в черте современной Перми (См. прил.: Деревня Гайва на усть речки Гайвы на реке на Каме (из книги М. Кайсарова)); современное Гаинцево – деревня в Кочевском районе Пермского края на берегу реки Лемья приток реки Коса (северо-запад Пермского края). Кстати, племя со схожим названием (jono) существовало и в составе западных венгров – мадьяр (См.: Глава IV, § 4. Иштякская общность Приуралья в средневековье).

логия коррелируется с данными археологии о средневековых обитателях верховьев Камы. В то же время, согласно официальным документам, верхнекамские «башкирцы» Гайнинской волости вытеснялись Строгановыми из верхнекамских земель³² [21, с. 82–83], а предания гайнинцев гласят, что они были первыми башкирами и переселились на юг с верховьев Камы³³.

Таким образом, допустимо, что население Башкирского улуса было хорошо вооружено и имело укрепленные поселения, располагавшиеся в стратегически важных районах с точки зрения контроля торговых путей и пушного промысла. Вероятно, оно, подобно кочевникам юга и юго-востока Казанского ханства, обладало тарханскими правами, то есть выделялось особым государственным статусом, во многом сохранившимся и после включения улуса в состав Русского государства. Так как известно, что московское правительство, подчиняя татарские юрты, существенно не меняло механизмы управления данными территориями, «башкирды» Казанского ханства, как и «башкирцы» Российского царства, имели вотчинные права, обладали определенными налоговыми привилегиями и должны были охранять приграничные территории.

В официальных русских документах и летописях башкиры именуется термином «башкирцы», который, очевидно, соответствовал более поздним понятиям «башкир-вотчинников», или «асаба башкорт», указывающим на особый статус этих групп. В жалованных грамотах Ивана IV племенам усерген, кыпчак, бурджан и тамьян еще не употреблялось слово «башкирец»/«башкорт», но уже использовался термин «асаба» в словосочетании «Бөржанның асабуы йиридур», что означало «особая земля Бурджан» и отражало процесс формирования «асаба-башкорт» – «башкир-вотчинников»³⁴. Впрочем, в документах проскальзывают и термины, уточняющие этническую принадлежность тех или иных «башкирцев». К примеру, в грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. одна и та же группа сначала называется «башкирцами», а потом «ногаями»³⁵. А в грамоте тюменскому воеводе от 1596 г. приводятся слова некоего Елтура, которого одновременно идентифицируют как «башкирца» и «татарина»: «Да башкирец же да татарин Елтура говорил...»³⁶. В государственных документах XVII в. значительная часть приуральских «остяков» начинает обозначаться как «башкирцы» и «ясачные татары» [18, с. 132, 164, 248]³⁷.

³² См. прил.: Царская грамота Уфимскому воеводе И.Г. Желябовскому и подьячему И. Латкину Об ограждении земельных прав башкир Шигира Култаева с товарищами, нарушаемых приказчиками и крестьянами Строгановых от 27 февраля 1632 г.

³³ См. прил.: Шежере Хуббихужи Тюмисева (шежере гайнинцев); Гайнинцы (народное предание).

³⁴ См. прил.: О наделении *народом, землей, лесами и водами* ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян.

³⁵ См. прил.: Указная грамота великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, в Слободку на Каму, Якову да Григорью Аникеевым детям Строганова (6 августа 1572 г.). Это отражено и в исторических преданиях башкир, согласно которым, до русского владычества «нагаи и башкиры составляли как бы один народ, управляли же нагайские ханы, признававшие над собою власть царства Казанского» [18, с. 150].

³⁶ См. прил.: 1596 г. марта 16. – Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгоукому с товарищами о разных местных делах.

³⁷ О сложносоставном этническом происхождении башкирской общности свидетельствуют и названия родовых подразделений башкирских племен, к примеру, у гайнинцев, как и у других племен, можно выделить родовые подразделения угорского происхождения (ар, истяк, максэй, мурашей, нукшы, сирмеш) и тюрко-татарские (казанбай, мышар, бай,

Но сами «башкирцы» при внутренних и межэтнических контактах еще долгое время продолжали именовать себя понятиями, более близкими к этно-родовой идентификации. Так, автор «Таварих-и Болгар» (1805 г.) Таджуддин Ялчегол, который был из рода айле, входящего в состав современных башкир, в своей книге дважды называл себя «иштяком», несколько раз подчеркнул, что он из рода айле, но ни разу не использовал для самоидентификации термины «башкир», «башкорт» или «башкирец» [67]. Показательно и то, что в XVI–XVIII вв. ногайцы и казахи называли «башкирцев» иштяками [18, с. 161–162]³⁸, а тюменские и тобольские татары, как уже говорилось выше, употребляли по отношению к ним наименование «турали».

А голландский исследователь Н. Витсен считал башкир особо военизированной группой татар и порой употреблял по отношению к ним словосочетание «башкирские татары». При этом он указал на то, что башкиры прибывали не только на русской службе: «Некий повелитель в Сибири³⁹... ведет большую войну с москвитями», а «людей, которые находятся с этим князем, **называют башкиры** (выделено нами – А.А.)»⁴⁰. То есть в данном контексте «башкиры» обозначаются как некая военно-служилая общность в позднедзючидском государстве, причем с большой долей вероятности можно предположить, что «башкиры»/«башкорт»/«башгирты» начали играть такую роль в общественно-политической системе Улуса Джучи еще задолго до появления Казанского ханства.

Вероятнее всего, башкирская общность Казанского ханства («башкирцы» / «башкорт» / «башкирд» / «чимги башгирт») была связана с Великой Венгрией, известной по источникам XIII–XIV как страна «баскарт», «паскатир», или «башгарт». Данные археологии⁴¹ и лингвистики⁴² указывают на то, что среднеуральские башкиры эпохи Золотой Орды и Казанского ханства имеют определенную культурно-историческую связь с великовенгерской общностью⁴³. Как уже говорилось, Идриси связывал «басджирт» как с верхнекамской зоной, так и с более южными террито-

---

ишбулат, кускар, кыпсак, карий, мамэт, сабир, сакай, сараш-баш, шабай, айзуак, сыбар и др.). Причем видно, что некоторые названия родовых подразделений почти полностью соответствуют определенным этническим группам Приуралья.

³⁸ См.: Глава IV, § 4. Иштякская общность Приуралья в средневековье

³⁹ Вероятнее всего, здесь имеется в виду кто-то из Кучумовичей, возможно, его правнук Кучук, который в ноябре 1668 г. прислал в Москву грамоту, где он в русском переводе себя именует «Кучюк Батырь царь» [71, с. 209; 28].

⁴⁰ См. прил.: О башкирах из сочинения Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии» (1692 г.).

⁴¹ Ученые говорят о близости археологических культур Пермского Приуралья (до конца XVI в.) и чиялыкской археологической культуры XI–XIV вв. низовьев рек Белой и Ика [22, с. 97–98]; Согласно В.А. Оборину, «остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с прониканием угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии» [35, с. 28–38; 36, с. 130–135].

⁴² По данным лингвистики, этнонимы «бачгирт», «башкорт», «баскарт», «паскатир» и т.п. связаны с древним наименованием угров, эти термины имеют общее, тюркоязычное происхождение с этнонимом мадьяры (венгры) [7]

⁴³ Об этом же свидетельствуют сообщения Юлиана, Гильом де Рубрука и других авторов XIII в., указывающих на языковое родство «баскарт» и венгров (См. прил.: Запись брата Рикардуса об открытии Великой Венгрии (начало 1236 года); Гильом де Рубрук о реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране).

риями близкими к р. «Исил». В то же время и другие авторы X–XIII вв. свидетельствовали о том, что средневековые башкиры с запада граничили с Булгаром. Но источники XIV в. увязывают территорию «Баскардии» с более отдаленными районами, расположенными на северо-востоке от булгарского улуса и граничащими с Великой Пермью и Сибирью⁴⁴. Все это объясняется тем, что в результате Западного похода под предводительством Бату-хана население южной Великой Венгрии частично бежало на запад, частично подверглось насильственному переселению в различные районы Монгольской империи⁴⁵. В то же время по письменным, эпиграфическим и археологическим данным фиксируется приток в этот район тюркоязычного мусульманского населения из Булгара и Средней Азии, образовавшего Акидель улус и иштякско-татарские улусы верхнекамского бассейна («Костяцкая земля» и «Сылвенская земля»). А северные «баскарды», по-видимому, сформировали отдельный улус, известный по источникам XV в. как «Башкирская земля», находившийся в XIV веке в подчинении Булгара, а позже – Казанского ханства.

Однако как и сам Булгар, улус «башкурт» время от времени попадал под власть сибирских и среднеазиатских Шибанидов. По данным «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и продолжателя «Чингиз-наме», видно, что улус «башгырт/башкурт» какое-то время был в подчинении шибанских ханов Мухаммад-Хаджи и Абу-л-Хайра, претендовавших на верховенство в Дешт-и Кыпчак. Тука-Тимуриды (Улуг Мухаммад и его потомки) сначала, в конце 1430-х гг., вытеснили Шибанидов (возможно, Алтунай-султана – ставленника Абу-л-Хайра) из Булгарского улуса. Затем они продолжили распространять свою власть на приуральские улусы. Вероятно, именно в это время в районе среднего течения р. Белой возникли укрепленные поселения. Такое расположение крепостей в период единства Золотой Орды не имело смысла, но когда эти земли стали пограничьем владений двух враждующих династий (Тука-Тимуридов – Улугмухаммадовичей и Шибанидов), это стало необходимостью. В районе Туратау отмечается присутствие кунгратов, которые первоначально входили в войско Шибана и в более поздний период представляли интересы Шибанидов в Приуралье [19, с. 201]. Тогда как Уфа Казанского ханства (археологическая «Уфа-2», город Уфа у Продолжателя «Чингиз-наме»), судя по всему, была южным форпостом Акидель улуса, с середины XV в. входившего в состав Казанского ханства. Скорее всего, первые казанские ханы укрепляли свои позиции в этом регионе за счет строительства крепостей (Уфа, Боре (городище Чертово), городище Кара-Абыз под Благовещенском, Чекамагуш и др.) и переселения сюда новых групп золотоордынских татар.

«Башкирская земля» могла присоединиться к Казанскому ханству после разгрома войск Абу-л-Хайра калмыками и начала распада его державы в 1457 г. или после его смерти в 1468 году. Так или иначе, но к 1469 г. «Башкирская земля» была в составе ханства. Хотя уже при Мухаммад-Амине в конце 1480-х – начале 1490-х гг. этот улус отвоевал другой шибанид – тюменский хан Ибрагим (Ибак/Айбак). Вероятно, по этой причине в 1505 г. тюменские татары под командованием Кутлук-султан б. Ибрагима напали на Великую Пермь и в «Усолье на Каме русаков вывели и высекли». То есть сибирские Шибаниды противодействовали продвижению русских на верхнекамские земли, которые были частью «Башкирской земли», находившейся в то время под юрисдикцией Тюмени.

⁴⁴ Иоганка венгр, Пицигано, Каталонская карта мира [6, с. 79].

⁴⁵ См.: Глава III, § 3. Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XIV веков.

Сведения М. Меховского, А. Кампензи, А.М. Курбского и Духовная грамота Ивана IV от 1572 г.⁴⁶ говорят о том, что уже при Мухаммад-Амине Башкирский улус вернулся в лоно власти Казани и находился в этом положении вплоть до ликвидации ханства. После разгрома великокняжеских войск под Казанью в 1506 г. значительно возросло влияние Мухаммад-Амина, но наиболее удобный момент для возвращения улуса «башкурт» представился после гибели могущественного хана кочевых узбеков Мухаммада Шейбани в 1510 г., когда значительная часть сибирских Шибанидов двинулась в Среднюю Азию.

Для утверждения своей власти в Приуралье Мухаммад-Амин, как и Шибаниды, опирался на союз с Ногайской Ордой. Эти отношения скреплялись тем, что доходы с Камской, Сылвенской, Остяцкой и Беловолжской земель стали частично идти в Ногайскую Орду. Но о том, что эти вилайеты остались под юрисдикцией Казани, помимо вышеуказанных источников XVI в., свидетельствует местный актовый материал XVII в., который порой восходит к грамотам казанских ханов. Известны случаи, когда жители этих земель подтверждали свои владельческие права грамотами, восходившими к Ибрагиму, Мухаммад-Амину, Сахиб-Гирею и Сафа-Гирею. К тому же сохранились данные о ясачных обязательствах населения этой территории перед Казанью [18, с. 26, 145–150].

Со временем на почве союзнических отношений с ногайцами в составе Казанского ханства появилось новое административно-территориальное образование, за которым закрепились названия: Мангытский юрт или Ногайская даруга. По мнению В.В. Трепавлова, учреждение Ногайской даруги произошло в 1530–1540-е годы, когда ногайцы стали опорой для Сафа-Гирея «в борьбе за власть с русскими ставленниками» [70, с. 216]. Речь идет о возвращении Сафа-Гирея на казанский престол при поддержке Мамая в 1535 г. и с помощью Юсуфа в 1546 г. В этой даруге ногайцы «имели законное, дарованное ханом право летовать со своими стадами» [70, с. 216]. При этом «оседлые жители тех мест подчинялись хану, а пространство между деревнями и близлежащими полями, садами, огородами летом находилось в распоряжении нурадиновых улусов» [70, с. 215]. Тогда же, по мнению историка, были установлены ежегодные выплаты в пользу ногайских правителей [70, с. 216].

Действительно, в нашем распоряжении нет данных о существовании подобных казанско-ногайских договоренностей в более ранний период. Однако можно допустить, что такая форма отношений, предполагавшая существование в ханстве определенных территорий, где ногайцы летовали и с которых они получали часть дохода за военную поддержку, складывалась на протяжении длительного периода и отчасти была традиционной при взаимодействии оседлого и степного населения Поволжья и Западного Приуралья. Возможно, и династические связи Ильхама и Мухаммад-Амина с ногайцами предполагали взаимные обязательства подобного рода. Другое дело, что были и периоды конфликтов с кочевниками, когда эти отношения прерывались.

Мангытский юрт занимал особое место в административной системе Казанского ханства, поскольку его глава – Мангытский/Ногайский карача-бек – был представителем правящего клана Ногайской Орды. То есть ногайские правители не только получали доходы с нескольких казанских улусов, но и заняли важное место в политической системе ханства. Их позиции были настолько сильны, что Москва была вынуждена считаться с правами ногайских правителей в этих землях даже после завоевания Поволжья [18, с. 26, 145–148, 150, 163].

⁴⁶ См. прил.

После завоевания Казанского ханства основное внимание московского правительства переключилось на Запад, в 1558 г. Россия ввязалась в Ливонскую войну, а дело русской колонизации северо-восточных районов Казанского ханства было вверено Строгановым, которые в 1558–1568 гг. получили несколько царских жалованных грамот на верхнекамские земли, лежавшие к югу от Великой Перми. Помимо этого, важным фактором развития ситуации в регионе были отношения с Сибирским ханством.

При внимательном изучении актового материала и летописей видно, что хан Кучум, подавив выступление Тайбугидов, не спешил враждовать с Москвой, так как основными его соперниками на тот момент были казахи. В 1569–1571 гг. состоялись переговоры между Иваном IV и Кучумом, в результате которых были подписаны мирные соглашения [62, с. 63–65.]. При этом источники не фиксируют серьезных военных столкновений между двумя государствами и в предшествующие годы. Более того, в марте 1570 г. князь Ромодановский докладывал царю, что за время его пребывания в Перми «от Сибирских людей задору никоторого не было» [3, с. 340–341].

Но, несмотря на все договоренности, в 1572 г. Иваном IV «прислан был в Сибирь полковой воевода князь Афанасий Лыченицын с ратными людьми проведать царство Сибирское и Кучюма царя воевать». Сибирский хан разбил это войско, и «немногие от них того приходу утекоша через Камень к Русе» [54, с. 138]. Симптоматично, что в это же время черемисы, иштяки и башкиры «побили» на Каме «Русских торговых людей 87 человек»⁴⁷. Возможно, это восстание было следствием разгрома русских сил в Сибири. В июле 1573 г. «из Сибирския земли с Тобола реки приходил Сибирского салтана царя Кучюма сын Маметкул собрався с своими мурзами и уланами ратью на Чюсовую реку дороги проведывати, куда б ему ити ратью в Яковлевы и в Григорьевы Строгановых городки и в Пермь Великую» [64, с. 6]. Дело дошло до того, что хан Кучум «пришел в государеву отчину в Казанский уезд, учал кочевать и ясак с государевых людей башкирцов, почал... имати» [18, с. 149].

При этом важную роль в разжигании конфликта с сибирскими Шибанидами сыграли Строгановы, которые, ссылаясь на необходимость «бережения от сибирских людей», в начале 1570-х гг. выбивали царские жалованные грамоты на земли вдоль Тавды, Тобола, Иртыша, Оби и других сибирских рек [64, с. 6–8]. Наверное, неспроста позже Иван IV писал Строгановым: «И то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пельнцов от нашего жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас»⁴⁸.

Наконец, в 1574 г. Строгановы получили документ, санкционировавший их военное и хозяйственное проникновение в Сибирь [15, с. 340]. Тем самым Иван IV окончательно нарушил русско-сибирские соглашения 1571 года и перешел к завоевательной политике. Но так как львиная доля ресурсов России уходила на Ливонскую войну, Москва пыталась покорить Сибирь малыми силами – руками Строгановых.

⁴⁷ См. прил.: О убиении Русских торговых людей и ваташиков от Черемисы и Башкирцов; Указная грамота великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, в Слободку на Каму, Якову да Григорью Аникеевым детям Строганова (6 августа 1572 г.).

⁴⁸ См. прил.: 1582 г. ноября 16. – Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Тимофеева с товарищами.

Как видно из источников, в начале 1580-х гг. началась новая волна русско-сибирских столкновений, спровоцированная активными наступательными действиями Строгановых. При этом многие башкиры, как и приуральские татары, иштяки, удмурты и вогулы, выступили на стороне хана Кучума. В результате Строгановы не справились с поставленной задачей, определенные успехи в деле завоевания Сибири фиксируются только во второй половине 1580-х гг., когда были широко задействованы регулярные силы, основаны Тюменский (1586 г.) и Тобольский (1587 г.) остроги, что позволило русским закрепиться в таежной зоне Среднего Зауралья. Вероятнее всего, примерно в это же время царская администрация вернула в подданство и большую часть среднеуральских башкир. Тогда же из-за строительства русских крепостей по Волге и на Южном Урале, а также вследствие участвовавших казачьих нападений на степняков обострились русско-ногайские отношения [72, с. 238–246]. В 1597 г. Кучум писал царским воеводам, что «с Нагаи есмь в соединенье, и только с обеих сторон станем, и Княжая казна шатнетца» [62, с. 130].

Таким образом, зона активного противостояния сместилась из таежного Приуралья в степное, где московское правительство не ограничилось строительством крепостей. Подобно тому, как по Волге и Яику для расширения русского влияния использовались казаки, в Южном Приуралье к «государевой службе» стали привлекаться среднеуральские «башкирцы», которые стали переселяться в более южные районы. В результате этого процесса к концу XVI в. на территории Башкирского улуса источники уже не фиксируют «башкирцев». О переселении этой категории населения свидетельствуют многочисленные воеводские отписки и грамоты конца XVI – первой трети XVII вв. и Ясачная книга от 1628 г., согласно которым население «Башкурской волости» в этот период идентифицируется только как «татары» и «ясачные татары» [30, с. 181, 319, 357, 407, 411, 423, 443; 13, с. 20]⁴⁹. О северном происхождении части современных башкирских племен говорят и различные этнографические и лингвистические данные⁵⁰. А в кара-табынском шеджере башкир племени Ирэкте указан даже более точный маршрут переселения: из долины реки Миасс в долину реки Чулман (бассейн Камы выше устья Белой, верховья Камы), а потом на юг, в долину р. Ик⁵¹.

Миграция населения с севера на юг Приуралья была вызвана и тем, что после многолетней междоусобицы, голода и мора 1550-х гг. множество ногайцев Южного Приуралья покинуло эти земли⁵². Пользуясь ослаблением власти Ногайской Орды в регионе и жалуя изрядно опустевшими землями переселенцев башкир и иштяков, а также уставших от смут ногайцев, правительство пополняло ряды «башкицев» и усиливало свое влияние в Южном Приуралье.

Этот процесс отражен в грамоте, выданной предводителям ногайских племен усерген, кыпчак, бурджан и тамьян, которые, согласно этому документу, еще не назывались «башкирцами», но получили тарханские права и земельные наделы в При-

⁴⁹ См. прил.: Отписка тюменского воеводы князя Луки Щербатова уфимскому воеводе Михаилу Нагово о произведенном им сыске по поведению нападений тюменских татар на башкирские волости, с просьбой произвести сыск о том же среди башкир, и об отпуске на Тюмень бухарцев для сыску о погромных лошадях и рухляди (28 августа 1600 г.)

⁵⁰ См.: Глава IV, § 4. Иштякская общность Приуралья в средневековье.

⁵¹ См. прил.: Кара-Табынское шежере башкир племени Ирэкте.

⁵² См.: Глава IV, § 3. Южное Приуралье в составе Ногайской Орды.

уралье⁵³. Как известно, впоследствии эти роды были включены в сословие башкир-вотчинников («асаба башкорт») и сыграли важную роль в этногенезе современных башкир. Очередная волна ногайских и сибирских татар пополнила число «уфимских башкирцев» в начале 1630-х гг., что уместно связать с калмыкским нашествием. Скрупулезный анализ исторического материала позволил Д.М. Исхакову заключить, «что многие из племен, расселившиеся в XVII–XVIII вв. на северо-западе Приуралья, были ранее в этническом плане структурными частями Ногайской Орды» [18, с. 154]⁵⁴.

В то же время «башкирцы» продолжали пополняться и за счет приуральских иштяков⁵⁵, родство с которыми прослеживается у современных башкирских племен эйле, юрматы и тунгаур. В этой связи нельзя упустить вопрос о роли гайнинцев, которые фиксируются в официальных документах XVII в. в составе Гайнинской волости Осинской дороги Уфимского уезда. Грамота Михаила Федоровича от 1632 г. свидетельствует о том, что эти «башкирцы» Гайнинской волости владели и более северными верхнекамскими вотчинами на реках Мулянка, Юг и Нытва. При этом данный документ⁵⁶, как и грамота Петра Алексеевича от 1701 г., был призван защитить «башкирцев» от притеснений чинимых Строгановыми, которые на протяжении веков вытесняли «башкирцев» с верховьев Камы на юг [21, с. 82–83].

Об этом же свидетельствуют и вышерассмотренные данные топонимики. В книге И. Яхонтова от 1579 г. указаны несколько населенных пунктов, название которых происходит от корня «гайна», причем все эти поселения фиксируются намного севернее Осинской дороги, в верхнем бассейне р. Кама, у южных и юго-западных границ Великой Перми. Это обстоятельство не только служит дополнительным аргументом в пользу северо-восточной локализации Башкирского улуса Казанского ханства, но и отражает дальнейшую судьбу башкирской общности. Возможно, в конце XVI в. гайнинцы, входившие в состав башкир Казанского ханства и находившиеся в приграничных с Великой Пермью землях, были переселены в район, расположенный ниже по Каме, к югу от устья р. Тулвы. Причем переселение гайнинцев в южном и юго-западном направлении, к бассейну р. Ик, продолжилось и в XVIII в. [18, с. 152–153].

Возможно, постепенное переселение на юг началось еще до конфликта России с сибирскими Шибанидами и Ногайской Ордой и было вызвано резким похолоданием, один из климатических минимумов которого приходится на середину XVI века [16, с. 206–210]. Синхронная этническая миграция в южном направлении про-

---

⁵³ См. прил.: О наделении *народом, землей, лесами и водами* ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян.

⁵⁴ При этом симптоматично, что наиболее известные и влиятельные племенные подразделения ногайцев, такие как мангыт, найман, кыят, конграт «в Ногайскую Орду точно входили, но в составе башкир XVII–XVIII вв. прямо не отмечены» [18, с. 160]. Видимо, представители родоплеменных объединений, составлявших ядро ногайской государственности, не переходили на русскую службу в качестве «башкирцев», но известны случаи перехода на русскую службу отдельных представителей этих родов (даже из мангытов), которые добивались для себя особо значимого статуса и материального положения.

⁵⁵ Об этом свидетельствует шеджере Юрматинцев, основная часть которых называется иштяками [11, с. 29].

⁵⁶ См. прил.: Царская грамота Уфимскому воеводе И.Г. Желябовскому и подьячему И. Латкину Об ограждении земельных прав башкир Шигира Култаева с товарищами, нарушаемых приказчиками и крестьянами Строгановых от 27 февраля 1632 г.

изошла и в Зауралье [29]. Переселение с верховьев Камы на юг помимо официальных документов отразилось и в исторической памяти гайнинцев, кара-табынцев и юрматинцев⁵⁷. Причем общим местом в гайнинских эпосах является то, что легендарный батыр Гайна пришел на юг верхом на олене из-за сильного холода, вызванного исчезновением солнца⁵⁸.

Симптоматично, что в этом же эпосе в заключении сказано: «Гайнинцы – самые первые башкиры». То есть здесь подразумевается, что гайнинцы стали первыми башкирами. Подобный контекст обретения имени «башкир», «башкир-вотчинников» сохранился и в шеджере племени юрматы: сначала для самоидентификации этой общности используется слово «ногай», затем, после ухода основной части ногайцев на юг, оставшееся население именуется иштяками, и только после перехода предков юрматинцев на русскую службу они нарекаются многоземельными башкирами-вотчинниками⁵⁹. Вероятнее всего, в основе этих преданий лежат события, произошедшие после падения Казани и ногайских усобиц 1550-х гг., а также процессы, связанные со смещением башкирских владений и вливанием в эту общность новых групп из Зауралья и Южного Урала.

Как видно из источников, позже «башкирцы» становятся опорой русской власти в Южном Приуралье. В общем, появление «башкирцев» в Южном Приуралье можно связать с укреплением позиций России в этом регионе. В XVII в. важным фактором роста численности «башкирцев» и расширения территории, занимаемой представителями этой общности, становятся калмыкские и казахские вторжения. Так постепенно в конце XVI – XVII вв. в состав «башкирцев» вошли племена татарского происхождения, связанные с сибирскими (табын, салют, катый и мин) и ногайскими татарами (кыпчак, усерган, бурзян и тамян).

Таким образом, все синхронные аутентичные источники указывают на то, что Башкирская земля Казанского ханства располагалась в верховьях Камы и на Среднем Урале. В то же время очевидно, что к XVII веку земли «башкирцев» оказались значительно южнее. Объяснить феномен этого перемещения можно факторами природно-климатического и социально-политического порядка, упомянутыми выше, но нужно признать, что данный вопрос требует специального изучения.

Список литературы

1. Аксанов А.В. Отношения между Великим княжеством Московским и Тюменским ханством // Тюменский исторический сборник. Выпуск XV. Тюмень, 2013. С. 73–81.
2. Аксанов А.В. Образование Казанского ханства глазами современников и потомков // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 135–147.
3. Акты исторические. Т. 1. 1334–1598 гг. СПб., 1841.
4. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 464 с.
5. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
6. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Уфа, 2012.

⁵⁷ См. прил.: Шежере племени Юрматы; Кара-Табынское шежере племени Ирэкте; Шежере Хуббихужи Тюмисева (шежере гайнинцев).

⁵⁸ См. прил.: Гайнинцы (народное предание).

⁵⁹ См. прил.: Шежере племени Юрматы.

7. Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984.
8. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 567 с.
9. Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.
10. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.
11. Башкирские шежере / Сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960.
12. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53–70.
13. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Т. 1. Тюмень: Изд-во Мандрика, 1999.
14. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
15. Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчях и на Тоболе от 30 мая 1574 года // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 340.
16. Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. №340. С. 206–211.
17. Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. №4. С. 188–206.
18. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
19. Исхаков Д.М. Взаимосвязи тюрко-татарских государств Западной Сибири и других регионов // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 195–205.
20. Измайлов И. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 448–470.
21. К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь: Типо-литография Губернского Правления, 1897. С. 77–88.
22. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978.
23. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
24. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
25. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
26. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 310–479.

27. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV веков. М.: Наука, 1976. 283 с.
28. Маслоуженко Д.Н., Парунин А.В. Сибирские татарские государства в системе позднезолотоордынского мира (рец. на: История татар с древнейших времен. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв.. Казань, 2014. 1080 с.; 32 с. ил.) // Золотоордынское обозрение. 2016. №1. С. 208–228.
29. Маслоуженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 177–195.
30. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937.
31. Миргалеев И.М. Позднезолотоордынские ханства: к определению верхней даты золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 118–121.
32. Миргалеев И.М. Сведения Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 96–98.
33. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.
34. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248
35. Оборин В.А. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С.28–38.
36. Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа// Археология и этнология Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С.130–135.
37. Ответная грамота Казанскаго царя Магмед-Аминя к Крымскому царю Менгли-гирею // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: В городской типографии С.Х. Алексома, 1863. С. 178–419; С. 50–51.
38. Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 900.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. Книга степенная царского родословия. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 675 с.
46. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Ч. 1. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 570 с.

47. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.
48. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.
49. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
50. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
51. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
52. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
53. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 256 с.
54. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
55. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004. 368 с.
56. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 128–162.
57. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М.: Институт истории СССР, 1984. 100 с.
58. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб.: При Императорской Академии наук, 1793. 366 с.
59. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
60. РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 8.
61. Сабитов Ж., Якушечкин А. Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175–185.
62. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819.
63. Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою Нагайскою ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1884. 558 с.
64. Сибирская летопись. СПб., 1907.
65. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 768 с.
66. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.
67. Тажетдин Ялчыгол. Тэварихы болгария. Казан: Хузур-Спокойствие, 2014. 154 б.
68. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 350 с.
69. Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Академия наук РБ, 1997. 72 с.
70. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2001. 752 с.

71. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012.

72. Трепавлов В. Ногайская Орда // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 223–251.

73. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.

74. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

75. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

76. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.

§ 2. Земли Приуралья в составе Тюменского и Сибирского ханств

Денис Маслюженко, Гаяз Самигулов

В начале XIV в. брат Иоганка Венгр писал, что, «когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь» [2, с. 93]. Его современник египетский энциклопедист Ибн Фадлаллах ал-Омари ад-Димашхи при описании границ Улуса Джучи в конце указывал: «области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман» и далее «Страны Сибирские и Чулыманские... прилегают к Башкырдам» [11, с. 106–107], тем самым рассматривая их окраинными по отношению к Золотой Орде. По всей видимости, для авторов XIV века они были частью одного внутренне связанного пространства. Это было оправдано и еще двумя факторами: расположением здесь владений Шибанидов и сложившимися торговыми отношениями по речным путям из Приуралья в Зауралье. Известно, что Шибан мог участвовать в подчинении Булгарского государства [20, с. 47–50; 15, с. 28–29], что и могло создать здесь основу для владений его наследников. При этом он сам в поздних источниках именуется в качестве владельца «народа болгарского» [16, с. 139].

По мнению А.В. Матвеева, к середине XV века при Абу-л-Хайре на западном направлении важнейшее значение для Тюменского ханства имела Казанская дорога как часть трансевразийского широтного торгового пути, шедшая из Казани через башкирские степи до Чимги-Туры. Этот же путь продолжал использоваться «для передвижения крупных воинских контингентов и посольств» и в конце XVI века [27, с. 139]. Для Сибирского ханства реконструируются следующие пути сообщения, ведущие от Тюменских ворот г. Казани, через Уральские горы до Чимги-Туры и Искера: 1) Вишерско-Лозьвинский путь (с Вычегды или Камы до г. Чердыни, по Вишере, Велсу, Лозье по Тавде и Тоболу в Искер); 2) дорога по Сылве и Чусовой через Урал, Тагильский волок по Тагилу и Туре до г. Чимги-Туры; 3) Казанская дорога по р. Каме через уфимские степи на верховья Исети в Чимги-Туру и Явлы-Туру [27, с. 144–145]. Эти пути могли быть использованы не только с торговыми, военными и посольскими целями, но и для перекочевков и миграций тюрко-татарских групп, причем их маршруты могли сложиться еще в период раннего средневековья. Очевидно, что контроль над этими трансуральскими путями был важной частью внешнеполитической концепции тюменских и сибирских правителей.

Вопрос о распространении власти туранских ханов из династии Шибанидов, основавших на юге Западной Сибири в 1430-е гг. Тюменское и затем в 1563 г. nasledующее ему Сибирское ханство, в целом на Приуралье практически не рассматривался в литературе в качестве отдельной проблемы, за исключением многочисленных работ Д.М. Исхакова [например: 15, с. 28–30]. В последнее время наличие здесь западных владений Шибанидов становится все более общепринятым. Наиболее полное описание кочевий младшего брата Бату Шибана было сделано в начале XVII века его потомком ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Ирғиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала...» [1, с. 104]. В.П. Костюков, соглашаясь с предположениями других исследователей, писал, что летники Шибанидов в горно-лесных и лесостепных районах Урала могли выходить к степям Башкирии [21, с. 97]. Таким образом, Шибан и его потомки с самого начала формирования Золотой Орды имели возможность кочевать в Южном Приуралье, причем это решение Бату сохранялось и в последующее время. Так, потомки Шибана в пятом и шестом поколении Пулад и его дети Ибрахим и Араб-шах продолжали летом кочевать у вершин реки Урал [1, с. 105]. Г.Н. Гарустович на основании Брик-Алгинского и ряда других кладов предполагает, что в период Великой Замятни, в частности в 1370-е гг., торговые караваны шли из Булгарского улуса в Западную Сибирь по территории Южного Приуралья, видимо, в дальнейшем поднимаясь по Тоболу и его притокам. При этом Араб-шах и его двоюродный брат Каан-бек могли совершать набеги на лесостепную периферию Западного Приуралья [9, с. 166, 194–195].

По сути, единство этих земель, закрепленное во владениях Шибана, опиралось не только на общность торговых маршрутов, но и на близость местных групп в этнокультурном плане. Следует признать, что хотя в основе владений Шибана и его потомков лежали группы тюркских племен преимущественно монгольского и южно-сибирского происхождения, здесь могли и должны были сохраниться и значительные местные анклавы. Потомки представителей этих коллективов позднее могут быть обнаружены как в окружении шибанидских ханов, так и в числе участников этногенетических процессов по обе стороны от Уральских гор. Применение современных этнических понятий «башкиры» и «татары» по отношению к этим племенам рискуют модернизировать достаточно сложный в историческом плане процесс этногенеза этих народов в период позднего средневековья. Для рассматриваемого времени, как, видимо, и для последующего XVII века, эти термины носили в большей степени сословный (этносословный в историческом плане) характер. При этом на уровне личного самосознания гораздо более важным было соотнесение с племенем или кланом, а также с династией местных правителей. Кроме того, однозначная опора на современные этнонимы и обращение к отражению этнической памяти в шеджере не учитывает сложных миграционных процессов монгольского, ордынского и постордынского времени, в ходе которых коллективы могли распалиться на отдельные географически удаленные группы, при этом могущие и не осознавать своего бывшего единства.

Таким образом, рассматриваемая нами проблема разделяется, по своей сути, на два вопроса: сохранение и наследование власти Шибанидов в Приуралье, имея в виду отдельные земли как Башкирии, так и Казанского ханства в период существования сибирской государственности в XV–XVI вв., и формирование некоторых приуральских групп населения под воздействием этого процесса. При этом первая

проблема отчасти увязывается с попытками установить границы Тюменского и Сибирского ханств в том виде, в каком они вообще могли существовать у кочевого государства. Именно западная граница вызывает при этом наибольшие затруднения, поскольку она связана еще и с отдельным аспектом определения зоны влияния шибанидских ханов, позволявшей им собирать ясак с местных групп населения.

В начале XV века, по данным Продолжателя Утемиша-хаджи, земли Башкурта, вместе с территориями Алатыря и Мокши, контролировал представитель сибирской ветви династии Шибанидов хан Хаджи-Мухаммад, правивший в 1421–1426(7) гг. в Туринском вилайете. При этом отмечается, что он стал ханом после сына Араб-шаха хана Кыдыра (Хызра) [32, с. 65]. Новый перевод текста, предложенный И.М. Миргалеевым, не позволяет однозначно согласиться с предположением Д.М. Исхакова со ссылкой на А. Валиди-Тогана о том, что Хаджи-Мухаммад правил также и в Булгаре [14, с. 102]. Правда, в иных источниках указывается, что Хаджи-Мухаммад встретил мангытского бия Идигея, когда шел в «народ куральский» [7, с. 230–231]. Под ним чаще всего понимают население и территорию европейской страны (скорее всего, Польши), управлявшейся королем и подчиненной еще при Шибане, однако источники позволяют высказывать и иную точку зрения о том, что это были территории Волжской Булгарии [подробнее см.: 24, с. 95; 20, с. 47–50]. С учетом времени жизни Хаджи-Мухаммада вторая версия выглядит более предпочтительной, поскольку сомнительно, чтобы в условиях первой четверти XV века представитель Шибанидов мог совершить значительную перекочевку в европейские владения. А. Валиди-Тоган предполагал, что в Башкирии мог править также сын Каан-бека Махмуд-Ходжа [6, с. 39], который был ханом в Туринском вилайете около 1428–1431 гг. Таким образом, в источниках по ордынской истории фиксируется связь Шибанидов с Южным Приуральем, в частности с Башкирией, а также весьма косвенная информация о возможной власти над Булгаром.

Однако после воцарения в 1431 г. на тюменском престоле хана Абу-л-Хайра, правнука Пулада, он уже однозначно претендует на сбор ясака и с территории Булгара [58, с. 74], что требует определенного объяснения. В качестве рабочей версии можно высказать предположение о том, что это могло быть связано не только с предшествующей традицией, но и с захватом «трона Саин-хана», который мог дать дополнительное основание Абу-л-Хайру для власти над Булгаром. Мухаммад Шейбани, предполагаемый автор «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», писал в начале XVI в. о том, что внук Идигея Ваккас-бий «дважды стал для хана [Абу-л-Хайра – Д.М.] причиной того, что он овладел тронном Саина» [29, с.17]. Второй раз произошел в конце 1440-х гг., когда ханом в Казани уже был Махмуд б. Улуг Мухаммад. Первый случай не имеет однозначной датировки в литературе, но И.А. Мустакимов предположил, что в 1440-е гг. переход власти в Казани от Шибанидов к Улуг-Мухаммадовичам произошел на основании определенной договоренности, «согласно которой Шибаниды формально сохраняли влияние на казанские дела» [34, с. 188].

В январе 1481 г. тюменский лидер Ибрахим, бывший противником потомков Абу-л-Хайра, захватил ордобазар хана Ахмада, что дало ему в руки «саинский стул» и значительно увеличивало степень политического влияния. В 1489 г. он пытался заступиться за попавшего в русский плен казанского хана Али/Ильхама (Алегами) [41, с. 18]. В ответе сибирским послам говорилось, что «нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Багиш с сыном с Утешом и иные их товарищи и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя

держат» [41, с. 21]. Пребывание в ставке Ибрахима казанских аристократов из сторонников независимости этого ханства, видимо, привело к его интронизации около 1490 г. на казанский престол и наименованию в некоторых летописях «казанским царем» [53, с.101]. В 1491 г. Ибрахим под влиянием казанцев совместно с ногайским бием Ямгурчи даже пытались организовать поход на Казань [42, с. 47].

Отметим, что уход в сибирские земли был, вероятно, одним из традиционных способов «бегства от власти» для казанцев. Известна легенда, что еще во времена взятия эмиром Тимуром Булгара сын правившего там хана Абдуллы Алим-бек, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-туру... держал (там) юрт» [46, с. 579]. С.У. Ремезов связывал появление Тобол-Туры с мифологическим ханом Тоболаком, который считался братом основателя сибирской княжеской династии Тайбуги [50, с. 71]. Деревня Тобол-тура (Тобол-Туринские юрты), видимо, на месте старого татарского городка, указывается в актовом документе в Тобольском уезде еще в 1638 и 1640 гг. [31, с. 524, 544]. Сохранялся этот способ ухода и позднее. Так, с 1632 г. на территории татарских юртов и волостей по Исети появляются переселенцы из Приуралья, в частности в зверовьях вместе с тюменскими татарами на Тоболе фиксируются казанские татары и новокрещены [31, с. 463].

После смерти Ибрахима в 1495 г. в Тюменском ханстве начинаются подготовка и формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата [51, с. 183]. Военные действия на казанском направлении во многом вновь были спровоцированы казанскими князьями, лидерами восточной партии Кальметом, Ураком и другими [18, с. 9]. В результате Казань была взята осенью 1496 года. Об этом сообщает «Патриаршая летопись»: «В мае 7004 (1496) казанский царь Магомед-Амина послал письмо Ивану Васильевичу о том, что движется на него Мамук Шибанский с ногайской ордой и с князьями Казанскими. Взял он Казань в лето 7005 (1496)» [39, с. 242–243]. Однако выбор претендента был весьма неудачен, Мамук не справился с проблемами внутреннего управления в условиях, отличных от специфики Тюменского ханства. Кроме того, он, вероятно, проявлял жестокость по отношению к казанцам и даже к своим бывшим союзникам [39, с. 243]. Неудача Мамука под Арском в 1497 году позволила казанским князьям совершить переворот и не пустить хана обратно в города. В результате он был вынужден вернуться в Чимги-Туру с частью оппозиционеров во главе с казанским князем Ураком [59, с. 570], который затем будет в Тюмени при дворе нового хана Агалака. По всей видимости, на обратном пути хан Мамук умер: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [33, с. 68].

После смерти Мамука новым тюменским ханом стал младший из братьев Агалак, о деятельности которого нам практически ничего неизвестно. Уже в марте 7007 (1498) года в Москву пришла весть о походе Агалака и Урака на Казань [18, с. 15]. В результате, согласно разрядным книгам, в августе 1498 (7007) г. «... послал государь великий князь Иван Васильевич всеа Руси х Козани полем х царю козанскому беречь ево от Урака и от Солтогана, от шибанских царевичев, в конной рати воевод своих» [44, с. 57]. Исходя из этого, в походе могли участвовать и иные царевичи из числа Шибанидов. В Разрядных книгах говорится, что уже в «лета 7007-го (1498) сентября... прислал к великому князю ис Казани Абделетиф царь, что Урак князь хочет быть х Казани с Салтаганом царевичем. И князь великий послал в Казань воевод своих беречь от Урака и от Салтагана» [45, с. 29]. Скорее всего, речь шла лишь о возможной («...хочет быть...») угрозе похода. А.В. Парунин предположил, что и Мамук, и Агалак могли совершить не по одному, а по два по-

хода на Казань [37, с. 104–108], с чем и связана определенная путаница в источниках. В Никоновской летописи под 1500 годом указано, что «... прииде весть к великому князю от Казанского царя Абдыл-Летифа, что на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним Урак князь Казанских князей. Слышавше же то князь великий и послал к Казани в помощь воевод своих... Агалак же и Урак слышав, что идут ни них воеводы великого князя с силою, и побегоша во-свои, а воеводы великого князя возвратишася к Москве» [39, с. 249–250]. По мнению А.В. Парунина, данный поход представлял скорее набег, нежели ставил перед собой реальную задачу захватить Казань, а его инициатором был Урак: «В лето 7008-го, марта, прииде весть к великому князю Ивану, что Урак привел на Казань Авалака царевича» [43, с.273; 37, с.107].

В 1505 году хан Агалак и его родственник Ак-Курт покидают территорию Тюменского ханства и оказываются в ногайских кочевьях. Ак-Курт может быть идентифицирован как двоюродный брат хана, сын Сайидека б. Хаджи-Мухаммеда [29, с. 37]. При поддержке ногайских мирз в период с 1505 по 1508 гг. они ведут безуспешные переговоры с московским князем Иваном III и его наследником Василием III, пытаясь получить во владения Казань, Мещерский городок или хотя бы Андреев городок в Мещере. Возможно, что некоторое время в начале переговоров с учетом противоречивой политики русского ставленника на казанском престоле Мухаммед-Амина Агалак реально рассматривался в качестве возможной кандидатуры, которая могла бы примирить восточную и русскую партии. В ожидании этого Агалак скончался в 1507 или 1508 гг., а сам Ак-Курт и тем более его сын Ак-Девлет уже не были сильными политическими фигурами, хотя последний, в конце концов, и оказался на московской службе [25, с. 62–68].

Уход Агалака на юг мог быть связан с конфликтом внутри правящей династии. В Вычегодско-Вымской летописи указывается, что «Лета 7014 (1505 или 1506 гг.) пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [8, с. 264]. В Устюжских летописях уточняется, что войско из Тюмени пришло в 7013 году в «понедельник на страстной недели», то есть весной 1505 года [40, с. 99]. Фактически время этого похода совпадает с предполагаемым уходом Агалака в ногайские степи. При этом, как и ранее с Агалаком, в походе Кутлука участвовали его братья и дети [40, с.99].

Таким образом, на протяжении XV века Шибаниды из двух ветвей (братьев Пулада и Бекконди) не только сохраняли свои кочевья в Южном Приуралье, но и постепенно расширяли и укрепляли здесь свою власть. Четыре тюменских хана в период с 1490 по 1505 г. претендовали на казанские и прикамские земли и пытались отстаивать свои интересы как военным, так и политическим путем. При этом по мере поражений Шибанидов и роста могущества Ногайской Орды, формальными сюзеренами которой некоторое время выступали представители различных ветвей этой династии, их реальное присутствие здесь сокращается. Кочевья при этом концентрируются на юге Западной Сибири, а также в Приаралье и на Сырдарье. Именно ногайским биям они уступили часть своих родовых владений вблизи Уральских гор в период формирования этого политического объединения (известно, что уже Идегей контролировал г. Сарайчук [52, с. 586]). В первой четверти XVI в. эти земли «между реками Камой, Яиком и Ра» находись под контролем сына Мусы Хаджи-Мухаммеда [10, с.179], а позднее, видимо, перешли к его брату Шейх-Мамаю. Резонно предположить, что это создало основу для расширения в

Приуралье власти именно ногайских лидеров, а сами Шибаниды будут здесь действовать чаще всего именно при их поддержке.

Фактически только Продолжатель пишет о том, что при сыновьях тюменского хана Ибрахима б. Махмудека б. Хаджи-Мухаммада султанах Сары и Муртаза были вновь подчинены земли между рек Инрек и Сувнак [32, с. 65], что схоже с «Иргиз-Сувак», притоком Урала, в описании Абу-л-Гази. В каких условиях и в какое время это могло произойти? Следует признать, что фигура Муртазы, отца сибирских ханов Ахмед-Гирея и Кучума, является одной из самых недооцененных фигур сибирской истории позднего средневековья. Резонно предположить, что он мог активизировать свою деятельность после переворота Шейх-Мамай в Ногайской Орде в 1541 г. Шейх-Мамай, будучи сыном ногайского бия Мусы и одной из дочерей тюменского хана Ибрахима, выступал в отношении своих знатных родственников в качестве покровителя. В.В. Трепавлов предположил, что еще до переворота Шейх-Мамай, будучи наместником восточных кочевий, управлял территорией нынешней Башкирии. При его дворе находились указанные выше сыновья Муртазы, дочь которого, скорее всего, была замужем за казанским ханом Сафа-Гиреем [17, с. 90]. Вероятно, в конце 1540-х – начале 1550-х гг. Ахмед-Гирей мог быть наместником в Башкирии, информация о чем сохранилась и в известном рассказе Кидряса Муллакаева [52, с. 199, 208–210; 48, с. 182]. Память о былой власти сибирских султанов и позднее ханов Ахмед-Гирея и Кучума над Башкирией сохранялась у башкир Уфимского уезда даже в начале XVIII века. При этом башкиры Ногайской дороги упоминали о юрте «Гарая» в Уфе. В 1709 г. башкиры нескольких волостей Казанской, Сибирской и Осинской дорог ссылались на то, что «деды и отцы нынешнего государя обещали сохранить ясак и веру башкир, как то было при тобольском Кучуме царе...» [28, с. 259, 265]. В связи с этим вполне правомочно замечание А. Валиди-Тогана, который называет Кучума «ханом Западной Сибири и Башкурдистана» [6, с. 39]. Известна точка зрения, высказанная еще в XIX в., о том, что русский город Уфа в 1574 г. был построен именно для защиты вновь приобретенных владений от набегов Кучума, который «пришедь въ государеву отчину въ Казанской уездъ въ башкирць» [38, с. 20] и явно отстаивал интересы своего рода на этих территориях. При этом Продолжатель указывает, что во время правления старшего сына Кучума Али (1601–1608? гг.) «их государство расстроилось и распалось и некоторые территории Башкурта... были захвачены русскими» [32, с. 65]. Для части башкир именно Кучумовичи, причем иногда явно самозванные, выступали лидерами и символами антирусского сопротивления в XVII – первой половине XVIII века. Несмотря на воцарение Кучума в Сибири спустя несколько лет после русского завоевания Казани, известно, что в его владениях были чуваша, возможно, приведенные именно с этих земель, где они были ясачным или черным населением [12, с. 80–101], а сам он был женат на дочери неизвестного казанского хана [30, с. 197].

Таким образом, источники фиксируют практически постоянное присутствие шибанских династий с начала формирования их владений в 1243 г. как на территории Южного Приуралья, так и в Западном Приуралье, входившем в состав Булгарского вилайета и затем Казанского ханства, до их окончательной утраты в начале XVII века при Али б. Кучуме. Гораздо более сложным является второй из поставленных вопросов, поскольку в значительной степени при его рассмотрении необходимо опираться на весьма сложную и во многом позднюю информацию шеджере, а также на информацию о существовании на территории Приуралья и Западной Си-

бири родственных и схожих племен и кланов. При этом невозможно дать однозначный ответ на вопрос о том, осознавали ли их представители это родство.

А. Валиди-Тоган писал, что часть племен ордынского времени, относившихся к карачинским племенам и оставшихся на территории нынешней Башкирии, вошли в состав уфимских татар под названием «тюменских». К ним относились катый, салжавут, табын, барын, минг, меркит, дюрмен, чураш и ногай [6, с. 52]. Значительную часть этих родов можно обнаружить не только в составе зауральских волостей Уфимского езда, где они доминируют, но и в Приуралье. При этом о мингах А. Валиди-Тоган пишет, как об опоре Абу-л-Хайра [6, с. 53]. По наблюдениям Д.М. Исхакова, одного из главных специалистов по шибанидскому «следу» в Булгарском вилайете, в различных районах Западного Приуралья имеются следы присутствия таких кланов и племен, как кыйаты, буркуты, кунграты, уйшины, кушчи [15, с. 28–30; 16, с. 130–139], которые вошли в дальнейшем в состав башкир и пермских татар. При этом, по данным И.А. Мустакимова, именно тумены кыйатов, кунгратов, буркутов и тюменей были переданы Шибану после завершения Западного похода [35, с. 231]. Представители всех этих племен фиксируются в Западной Сибири в окружении тюменского хана Абу-л-Хайра как в период его казачества, так и при восшествии на престол, а также в качестве даруг Чимги-Туры. При этом они на протяжении 1430–1457 гг. упоминаются среди первых десяти племен ханства, входя чаще всего в почетное левое крыло и обеспечивая хана женами (конграты, буркуты). Их представители занимают должности беклярибеков (кыйаты, буркуты), аталыков, кукельташей, ичкиев и руководителей дивана (кушчи), а также выступают как военные предводители [26, с. 44–60]. Большое сходство кланового и племенного состава татар Западного Приуралья и юга Западной Сибири действительно может быть косвенным фактором, подтверждающим значительные связи этих территорий, если и не прямое их вхождение в состав ханств Шибанидов.

Необходимо обратить внимание и на возможные случаи перемещения групп населения из Тюменского ханства в Приуралье, то есть навстречу имевшей место локальной миграции казанской аристократии. Наиболее известным случаем является переселение к Чулыману (Каме), «где потом был основан г. Пермь», части племени табын, фиксировавшегося в новое время на северо-западе Башкирии как племя ирэкте. По материалам шеджере становится ясно, что вынужденная миграция подразделения кара-табын с берегов Миасса состоялась в период борьбы ханов Ибрахима и Шейбани [13, с. 177–178], то есть в 1480-е годы. В родословной также указывается, что потомки основателя табынцев Майкы-бия Асади-бий и Шикарлибий «очутились под властью хана Шейбанида – Ибака, который приказал их умертвить, от чего они бежали на запад от Урала» [55, с. 81]. В Приуралье табынцы осели как в низовьях Белой и Ика, центральных районах Казанского ханства, так и по Каме и ее притокам, то есть в Перми Великой, образовав здесь большой анклав населения, связанного происхождением именно с западносибирскими территориями [12, с. 129]. Именно на этих территориях в отношении местных татар и башкир встречается этноним «иштяк», который встречается и в подвластных Шибанидам сибирских землях. При этом понятие «иштяк» было равнозначным русскому «остяк», которое могло использоваться не только в отношении угров. Известно, что в русский язык это название попало из тюркских языков, где служило для обозначения инородческого языческого населения. Так, И.Е. Фишер пишет: «Юштяк есть Татарское слово и значит то же самое, что у греков парпар, то есть чужеземца, пришельца, так же дикаго непросвещенного человека...» [56, с. 85]. В русских до-

кументах слово «остяки» встречается с 1499 г., хотя в отношении населения Западной Сибири, в частности хантов, видимо, фиксируется не ранее 1580-х годов [36, с. 74–75]. Таким образом, оно могло использоваться как в отношении пришельцев, так и в целом потомков смешанного тюрко-угорского населения.

По шеджере, все рода племени табын, в частности основные носители этого этнонима кара-табын, возводят свое происхождение к Майкы-бию, его отцу Тюменбию или потомку (от второго до пятого поколения в разных шеджере) Кара-Табынбию. В шеджере рода кара-табын говорится, что «во времена Чингиз-хана Майкибий, живя в местности Миядак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингиз-хану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингиз-ханом на одной повозке; дали ему имя Уйшин Майкибий» [4, с.157, 163, 165]. Таким образом, шеджере связывает табынцев с двумя племенами уйшинов и тюменов, которые хорошо известны в ордынской истории. Племя хушин (уйшин) было составной частью тех «тюркских племен, прозвание которых было монголы», которые также называются дарлекин. По сути, дарлекины и нируны образовывали собственно монголов периода становления Монгольской империи [22, с. 159–164]. Близки к ним по происхождению барыны (барин, бахрын) и дурбаны (дуваны), которые были родственными и являлись частью нирунов, как и кийяты [47, с.187–189]. В легендах табынцев указывается, что их родиной был Алтай, откуда Майкы-бий увел их к Иртышу [23, с. 242–248], а после его смерти они откочевали на Миасс. В дальнейшем табынцы имели тесные связи с шибанидскими династиями. Более десяти представителей племен уйшин и тюмень, а также явно связанных с ними дурман и тубай, были в окружении первого тюменского хана Абу-л-Хайра, причем как в период его казачества, так и при восшествии в 1431 г. на престол [29, с.16–17, 96–97, 143–144]. Интересно то, что именно среди представителей этой группы в источниках часто взаимно меняются клановые обозначения, что говорит об их явном родстве. Судя по шеджере, после смерти Абу-л-Хайра и интронизации нового хана Ибрахима в Чимги-Туре они оставались некоторое время на территории его ханства. В Приуралье при этом они явно ушли не в полном составе, поскольку именно в Южном Зауралье затем будет сформирована «самая дальняя» Кара-Табынская волость. Это могло способствовать и дальнейшим связям между табынцами через горы.

В свете этого абсолютно по-иному выглядит известная информация С. Герберштейна о том, что «за Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермией, живут татары, зовущиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими» [10, с. 181]. Аналогичную ситуацию иллюстрирует карта Московии Баттисты Аньезе, изготовленной в 1525 г. на основе материалов русского посла в Ватикане Дмитрия Герасимова, на которой область к востоку от впадения Камы в Волгу обозначена как «Sciabani Tartari», то есть шайбанские татары [57, с. 188, рис. 9]. По всей видимости, несмотря на имевшийся конфликт с Ибрахимом, его наследники, в частности правивший в Казани хан Мамук, смогли наладить отношения с многочисленными табынами в Западном Приуралье. Известно, что табынские бии служили казанским ханам [23, с. 301]. Оставшиеся в Зауралье представители этого племени, в частности кара-табынцы, были при хане Кучуме и поддерживали его сыновей, Али, Каная и Азима, в борьбе против русских с 1601 по 1608 гг. [31, с. 197–198, 226]. В 1623 г. их стремился вернуть из Уфимского уезда брат Али, Ишим, причем он именовал их «старых своих людей табынцев» [31, с. 342]. Фактически последний раз они указываются в 1632 г. уже вместе с калмыками в окружении сына Ишима, Аблая, причем они спасли от грабежа пленных тюменских татар и приказали им предупредить тюменского воеводу о грядущем нападении

калмыков [31, с. 463]. По предположению А. Валиди-Тогана, поддержку Кучумовичам оказывали и табынцы Западной Башкирии [6, с. 47].

Вопрос о западных границах влияния Сибирского ханства в районе рек Сылвы и Чусовой, а следовательно, и о связи местных татар с Шибанидами, остается не совсем ясным. Есть основания полагать, что в период 1570-х гг. большая часть территорий по Чусовой, Сылве, Ирени, Яйве, вплоть до строгановских острожков, могла находиться под контролем Сибирского ханства Кучума и Ахмед-Гирея. В 1570 г. Строгановы ставят Сылвенский и Яйвенский острожки для контроля над путями прохода сибирских и ногайских воинских людей и «для утеснения Сылвенских и Иренских Татар и Остяков и Чюсовских и Яйвинских и Инвинских и Косвинских Вогулич» [49, с. 4]. В источнике речь идет не о сборе ясака, то есть не о контроле над подданными русского царя (пусть даже и формальными подданными), а об «утеснении», то есть ограничении в свободе действий. Это, видимо, способствовало переходу некоторых группы местных татар в русское подданство. Однако, как и в дальнейшем, контроль над ясачным населением был принципиален для сибирского хана Кучума. Кучум принуждал перестать платить ясак в Москву своих данщиков из числа остяков, вогулов и югричей: «А иных данщиков наших Сибирской имает, а иных и убивает, а не велит... наши дани в нашу казну давати». В 1573 г. «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде идти ратью в Пермь, да многих де наших данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели». Само указание «дорог проведывати» говорит о том, что пришедшее из Сибири войско, видимо, не имело местных проводников. В то же время следует понимать, что на сбор здесь ясака мог претендовать не только Кучум, но и ногайские лидеры. В частности, в 1574 г. Кучум «посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а преж сего Тахчеевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи» [30, с. 332–333]. Тахчеи, видимо, находились на реке Чусовой, где могла проходить граница формального влияния Сибирского ханства. В посольских и актовых документах 1570-х гг. неоднократно указывалось, что ногаи «ходили для ясыку в ыстеки» (Казанский уезд и верховья Камы), потому что так было заведено «по старине»: «ещо деи при казанскомъ царе мы владели иштеками» [54, с. 101; 38, с. 20]. В 1570-е гг. Кучум и его сыновья породнились с большим количеством ногайских аристократов, что приводило к значительному пересечению интересов этих государств. Ясак с иштеков в 1570-е гг. собирали и бий Урус, и нурадин Динбай, и его племянник Саид-Ахмед, при этом с первыми двумя породнились Кучум и его сыновья Али и Канай [52, с. 373–375]. Длительное политическое взаимодействие и проживание на близких территориях привели к тому, что интересы сибирской и ногайской аристократии могли совпадать, причем Шибаниды чаще выступали «ведомыми» в этом союзе. В актовых документах, представленных П.П. Пекарским и В.В. Трепавловым, все-таки больше заметны именно ногайские претензии в Западном Приуралье во второй половине XVI века.

В 1581 г. пельмский князь напал на Пермь Великую «подозва с собою буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирския ж земли со множеством вои, он же злый по неволе взя с собою Сылвянских и Косвинских и Иренских и Инвинских и Обвинских Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и Башкирцов множество...» [49, с. 12]. Хотя в летописи проговаривается вынужденный характер участия верхнекамских татар, остяков, вогул, вотяков и башкир в походе вогульского князя, их можно было бы считать скорее сибирскими подданными, чем российскими. Одна-

ко известно, что в 1578 и 1586 г. именно ногайский бий Урус выражал неудовольствие по поводу запрета ему собирать ясак с башкиров и остяков, а также относительно стремления русского правительства поставить в Приуралье города [54, с. 103].

Осенью 1581 – зимой 1582 года отдельные казачьи отряды, участвовавшие до этого в борьбе с ногаями, общей численностью до 540 человек во главе с Ермаком зимовали на Сылве, откуда в течение зимы совершали набеги на вогулов [60, с. 30–31]. Столь большая численность отряда могла быть воспринята сибирским ханом Кучумом, ногаями и угорскими князьями как прямое вторжение на их территорию. В результате был организован ответный (возможно, совместный) поход в конце лета 1582 года, то есть как раз в то время, когда Ермак увел казаков в Сибирь. Согласно Вычегодско-Вымской летописи, походом руководил сам Кучум. В наиболее подробном виде сообщение зафиксировано в Вычегодско-Вымской летописи: «Того же лета... пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [8, с. 267].

Как выясняется из текста той же Строгановской летописи, иноверцы, жившие по Сылве, Ирени, Яйве и прочим рекам, не платили ясак русскому царю и были приведены к шерти лишь после похода Ермака и поражения Кучума: «...кои бусормене живуще близ их городов и острожков по Каме и по Чусовой и по Сылве и по Яйве и по Обве и по Инве и по Косве и по иным рекам, и тех все бусормен приведоша к шерти, что им государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии служить без измены и во всем ему государб прямити и добра хотити и ясаки с себя им давати. И оттоле начаша Семен и Максим и Никита из городков и из острошков своих того ясажного ради збору по рекам в тотарские [и в остяцкие] и в вогульские улусы людей своих посылати и ясак с них бусормен собирати... И потом повелением государевым... с тех бусормен ясажные зборы начашася збиратися по городам от воевод, где те языцы живаху в разных местех, в Чердынь и на Уфу и на Верхотурье...» [49, с. 45]. В летописи говорится не о возобновлении ясачных сборов, а именно о том, что сборы «начашася».

П.Н. Буцинский пишет, что до 1599 г. сылвенские и иренские татары платили ясак «в Пермь» [5, с. 6], но не совсем понятно, что он понимает в данном случае под Пермью – вполне возможно, что уплата ясака Строгановым точно так же воспринималась как пермский ясак. В одной своей челобитной 1623 г. сылвенские и иренские татары писали, что «прошлых годовех ... Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича Всеа Руси и Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Руси по грамотам, сбирали с них ясак из Перми и от Соли Камской» [2, № 125]. В другой челобитной, поданной чуть позже (7134 г. от сотворения мира) через верхотурских воевод Дмитрия Пожарского и Игнатя Уварова, написано: «искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурского уезду, а не Пермского» [СПб. филиал Архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 137].

Таким образом, после похода Ермака население, жившее по рекам Чусовая, Сылва, Ирень, Яйва, Обва и Иньва, было приведено к шерти и стало платить ясак. Поначалу сбором ясака занимались люди Строгановых, но постепенно, по мере формирования новых уездов (Уфимского и Верхотурского), происходило перераспределение территорий. С большой долей уверенности можно предположить, что в состав Верхотурского уезда были включены те территории, которые прежде входили в состав Сибирского ханства (южная и западная часть уезда). Передача сылвенских и иренских татар и остяков в ведение Верхотурского уезда лишь в 1599 г. объ-

ясняется просто – г. Верхотурье был заложен в 1597 г. и построен в 1598 г. [19, с. 18–19]. Фактически земли по Сылве и Ирени (а также по Чусовой) вошли в состав Верхотурского уезда сразу после его создания. Сам факт того, что земли, пожалованные Строгановым в 1568 г. (Чусовая с притоками) [49, с. 4], в итоге оказались переданы в состав вновь созданного уезда, можно считать косвенным подтверждением того, что Строгановы эти земли так и не смогли «освоить» и что до похода Ермака они находились под совместным управлением Сибирского ханства и Ногайской Орды. Во многом это было связано с длительной предшествующей традицией, которая на данный момент воссоздается лишь на основании разобранных выше косвенных источников.

Список литературы

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. III. 1613–1645. СПб., 1841. 501 с.
3. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
4. Башкирские шежере / Сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960.
5. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков, 1889. 345 с.
6. Валиди-Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
7. Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 228–254.
8. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
9. Гарустович Г.Н. След Великой Замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.
10. Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.
11. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.
12. Исаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
13. Исаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГУ, 2002. С. 173–181.
14. Исаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
15. Исаков Д.М. К вопросу о западных пределах Улуса Шибана и его потомков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной

Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2014. С. 28–30.

16. Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 128–145.

17. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

18. Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Вестник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Кн. 5. М., 1850. I-IV+1. 148 с.

19. Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 180 с.

20. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С. 43–97.

21. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

22. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литературы» РАН, 2006. С. 159–164.

23. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.

24. Маслоуженко Д.Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 88–101.

25. Маслоуженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 62–68.

26. Маслоуженко Д.Н. Поименные списки соратников хана Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 44–60.

27. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

28. Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Часть I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.

29. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

30. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.

31. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.

32. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

33. Молявина Е.Ю. К вопросу о необходимости анализа и сопоставления летописных известий о сибирских Шибанидах (2 пол. XV – нач. XVI вв.) // Сулеймановские

чтения–2006. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Экспресс, 2006. С. 67–69.

34. Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории АН РТ им. Ш.Марджани, 2009. С. 185–189.

35. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248.

36. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1997. 268 с.

37. Парунин А.В. Походы Сибирских Шибанидов на Казань в конце XV в. // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сборник научных статей, посвященных памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 102–109.

38. Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1872. 29 с.

39. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С. Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

40. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.

41. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984. 87 с.

42. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.

43. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951. С. 254–299.

44. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: АН СССР, 1966. 617 с.

45. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.

46. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С.555–594.

47. Рашид ад-Дин Сборник летописей. Т. 1. Кн.1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С.187–189.

48. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. XXX, 295 с.

49. Сибирская летопись. Издание Императорской Археографической комиссии. СПб, 1907. XXXVIII+425 с.

50. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.

51. Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады II международной конференции. Кн. 2. М.; Иркутск; Тэгу: Иркутск. гос. пед. универс., 1997. С. 180–186.

52. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

53. Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 101–102.

54. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.

55. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1982. 335 с.

56. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

57. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII вв. М., 2007.

58. Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф -наме-йи шахи (Книга шахской славы). Т. 1. М.: Наука, 1983. 155 с.

59. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. М.: Инсан, 1996. С. 531–758.

60. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.

§ 3. Южное Приуралье в составе Ногайской Орды

Вадим Трепавлов

Ногайская Орда была самым обширным из государств, образовавшихся при распаде Улуса Джучи (Золотой Орды). В период наивысшего могущества, в первой половине XVI в., ее граница на востоке и юге подходила к верховьям рек Тобола и Нуры, шла по реке Сарысу и затем по Сырдарье к Аральскому морю. Западным рубежом долго служила Волга. Но со временем жители Ногайской Орды стали осваивать и правобережные волжские пастбища. В XVII в. ногаи расселялись по Причерноморью и Северному Кавказу, покидая родные заволжские степи. Северные пределы Орды можно определить очень условно. До середины XVI в. в ее состав входила бóльшая часть нынешней Башкирии.

Распространенным эпитетом средневековых ногаев было слово *сансыз* (бесчисленные). На Руси и в Европе сложилось устойчивое мнение об огромном количестве жителей Ногайской Орды, наиболее многолюдной среди окрестных государств. Численность населения Орды можно примерно подсчитать по распространенной методике: известная по источникам численность войска умножается на 4 или на 5. Считается, что у кочевников при общей мобилизации ополчения оставались дома женщины, дети, немощные старики и безлошадные бедняки – всего около 3/4 или 4/5 всего населения. Исходя из этой пропорции, можно определить, что в середине XVI в. ногаев было от 900 тысяч до 1 миллиона человек. Позднее их число неуклонно уменьшалось (подробно см. [31, с. 493–499]).

В конце XIV в. в междуречье Яика и Эмбы образовался Мангытский юрт – район кочевания тюркского племени мангытов, во главе которого стоял могущественный беклербек Идегей (Эдиге). Он управлял в то время всеми делами Золотой Орды от имени безвластных, во всем покорных ему ханов. Традиция влияния Идегея была столь сильна, что после его гибели в 1419 г. должность беклербека закрепилась за его семьей. В восточно-кипчакских наречиях эта должность передавалась как *улу бий* (чаще просто *бий*).

В политике мангытских предводителей второй половины XV в. проявилась политика, истоки которой были заложены еще Идегеем: хан был необходим мангытам только для того, чтобы освятить их растущее политическое влияние. Кроме того, получив однажды от покорного Чингизида пост беклербека-бия, мангытский

аристократ-мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, жив ли государь, даровавший эту должность. Правда, при этом пока сохранялось обязательное условие: беклербек все равно должен был «числиться» при каком-нибудь монархе.

С конца XV в. на страницах хроник появляются понятия «ногаи» (как народ) и «Ногаи» (как территория). Некогда, после нашествий Тимура на Улус Джучи в 1391 и 1395 гг., Идегей воспользовался кризисом ханской власти и сумел собрать у себя за Волгой огромные массы золотоордынского населения. Стабильная и безопасная жизнь в заволжских степях привлекала кочевников и позже, в первых десятилетиях XV в. Постепенно в кочевьях, подвластных мангытским биям, собрались семьи и целые общины из множества племен. Крупные войны и стихийные бедствия почти не задевали Мангытский юрт. К концу XV в. в степях между Волгой и Эмбой обитало уже третье или четвертое поколение его жителей. Общие историческая судьба и политические интересы породили у них осознание единой общности.

Показателем этого стало слово *ногай*, происхождение которого достоверно не выяснено. Так стали называть всех подчинявшихся мангытскому бию кочевников, независимо от их племенной принадлежности. Ногаями отныне были и сами мангыты, и найманы, и керей, и десятки прочих племен. А Мангытский юрт получает в источниках второе название – Ногайская Орда.

К началу XVI в. ногайские бии стали уже полностью самостоятельными правителями, хотя и номинально низшими по сравнению с окрестными ханами. Постепенно увеличивался престиж управляемых ими владений. Если в документах третьей четверти XV в. «Ногаи» еще предстают как некое абстрактное пространство за Волгой, то в начале следующего столетия Орда ногаев становится в один ряд с прочими тюрко-татарскими владениями.

Тем не менее номинальный ранг ногайских территорий был неизмеримо ниже даже самых слабых и ничтожных владений, во главе которых стояли Чингизиды. Жители Мангытского юрта поначалу расценивались в соседних государствах как «казаки», т.е. изгои, оторвавшиеся от родных улусных общин, как объединение, не вписывавшееся в традиционную схему организации государственной власти. Чтобы преодолеть такое уничижительное отношение, кочевым правителям пришлось доказывать как свое военное превосходство (победами над Крымским и Казахским ханствами), так и способность проводить тонкие политические комбинации для укрепления и узаконивания своей власти.

В первой половине XVI в. Ногайская Орда, разгромив или запугав соседей, обрела черты полноценного государственного образования. Ее бии сумели заставить считаться с собой окрестных монархов. Но они не принадлежали к фамилии Джучидов и потому не имели возможности обзавестись ханским рангом. Сначала они осуществляли свою власть от лица сторонних ханов, вытребовав у них назначение на высший бекский пост; затем время от времени стали приглашать марионеточных правителей для номинального ханствования в Ногайской Орде. Кроме того, бии принимали на воспитание в своих кочевьях отпрысков разных царственных семей, рассчитывая в будущем превратить их в послушных себе государей. К таким креатурам относились казахский царевич и впоследствии хан Хакк-Назар, сибирские царевичи Ахмед-Гирей и Кучум и, возможно, астраханские царевичи Джан-Мухаммед и Ядгар-Мухаммед – последний хан Казани.

Ногаи являлись типичными кочевыми скотоводами, не знавшими и не любившими городской жизни. Единственным достоверно известным городом у них был

Сарайчик на Яике, оставшийся от золотоордынских времен. Земледелие находилось в зачаточном состоянии и сводилось к небольшим посевам проса в долине Яика. Ремесло носило домашний характер, обеспечивая лишь потребности кочевого скотоводства. Для приобретения хлеба, металлических изделий и тканей ногаи вели оживленную торговлю с соседними странами. Активному обмену товарами способствовало расположение Ногайской Орды на старых караванных путях из Средней Азии и Персии в Восточную Европу.

Во второй четверти XVI в., при биях Саид-Ахмеде, Шейх-Мамае и Юсуфе, Ногайская Орда играла значительную роль в международных отношениях Восточной Европы и Дешт-и Кыпчака, активно вмешивалась в политику поволжских и Сибирского ханств, нередко конфликтовала с Крымом, который стремился подчинить ее своему влиянию.

К середине 1550-х гг. обострилась борьба различных группировок ногайской знати. Многие мирзы были обеспокоены продвижением Московского государства на восток, завоеванием царем Иваном IV Казанского ханства (1552) и установлением им контроля над Астраханским ханством (1554). Во главе противников пророссийской ориентации стоял бий Юсуф. В 1554 он был свергнут и убит своим братом, пророссийски настроенным Исмаилом. Несколько лет продолжались междоусобицы. Вооруженные конфликты сопровождались нарушением налаженной системы перекочевков, что приводило к массовой гибели скота и, как следствие, к массовому голоду среди населения. Во время этих событий большое количество ногаев умерло от лишений и эпидемии чумы или переселилось в окрестные государства.

В Москве расценивали Исмаила как союзника и неоднократно оказывали ему помощь, посылая продовольствие и направляя стрелецкие отряды для защиты от врагов. К концу 1560-х гг. Исмаил утвердился у власти, а разгромленные им соперники бежали в соседние страны. Оказавшись во внешнеполитической изоляции, Исмаил полагался лишь на поддержку Ивана IV. В заключенных между ними договорах (*шертях*) бий признавал иерархическое старшинство царя над собой и обязался быть его верным союзником. Однако вопреки распространенному в историографии мнению, он не перешел в русское подданство, как не произошло и присоединения Ногайской Орды к Московскому государству.

Преемники Исмаила то признавали старшинство русского царя, то начинали конфликтовать с ним. Но ослабленные раздорами и экономической разрухой, раздробленные ногаи уже не представляли собой значительной силы. Сын Исмаила, бий Дин-Ахмед, видел свою задачу в восстановлении Орды после смуты, поэтому старался уживаться мирно и с Московским государством, и с крымцами. Но страх перед Россией, которая укрепляла свои позиции в Поволжье и далее на востоке, иногда заставлял Дин-Ахмеда действовать против нее. Его отряды принимали участие в нашествиях крымского хана Девлет-Гирея I на Русь в 1571 и 1572 гг., напали на «украины», разоряли пограничные поселения и угоняли их жителей в плен. Сменивший Дин-Ахмеда его брат Урус занял резко антироссийскую позицию.

Для противостояния кочевникам московское правительство предприняло строительство крепостей на главных ногайских переправах через Волгу – Самары (1586), Царицына (1589), Саратова (1590). Возмущенный Урус задерживал у себя в заложниках московских послов и требовал снести новые города (вместе с только что построенной Уфой). Но ни решимости, ни сил настаивать на этом у него не нашлось. В 1590 г. он погиб в очередной распре. Ногайскую Орду в 1590-х гг. опять

охватила смута. В борьбу за власть над кочевьями и подданными вступили семьи биев Дин-Ахмеда и Уруса.

Особенности кочевой экономики и политического устройства привели к обособлению отдельных улусов. В течение XVI в. сформировалось сильное сословие мирз – ногайской знати. Под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, опираясь на замкнутое хозяйство собственных кочевий, мирзы оказывались подверженными сепаратистским настроениям. На раскол знати повлияли и династические распри. Часть населения Орды во главе с мирзой Казыем в середине столетия откочевала в степи северо-западного Предкавказья, где со временем образовалось самостоятельное владение – Казыев улус, или Малая Ногайская Орда. Потомки улу бия Шейх-Мама (т.н. Алтыулы), кочевавшие на территории современного Центрального Казахстана, тоже фактически отделились от главной («Большой») Ногайской Орды.

В последней четверти XVI – начале XVII в. на внутренние дезинтеграционные процессы наложилось сразу несколько неблагоприятных внешних факторов.

В то время началась миграция части ойратских племен (калмыков) на запад. По пути из Западной Сибири на Волгу калмыки прошли сквозь основную территорию ногаев и частью вытеснили, частью подчинили их себе.

Участились набеги казаков. В 1581 г. волжские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчик, а затем стали обосновываться в центре ногайских кочевий – по берегам Яика.

Усилилось Казахское ханство. По мере ослабления верховной власти биев некоторые племена Ногайской Орды переходили в подданство казахским ханам, которые таким образом расширяли подвластную территорию на запад. В течение XVII в. бывший район главных ногайских кочевий оказался поделенным между яицкими казаками, прикочевавшими с востока калмыками и новообразованным Младшим жузом казахов.

В результате падения Казанского и Астраханского ханств и резкого усиления Российского государства нарушился баланс сил, сложившийся в Восточной Европе в течение XV – первой половины XVI в., после распада Золотой Орды. Ногаи столкнулись с необходимостью выбора ориентации на одного из двух противостоящих гегемонов региона – Крым или Россию. Знать Ногайской Орды раскололась на прокрымскую и пророссийскую партии. Этому расколу способствовали также интриги Москвы и Бахчисарая, их борьба друг с другом. Данное обстоятельство тоже мешало правительству Орды контролировать всю территорию распадавшегося государства. Были неоднократные попытки реванша (об этом свидетельствовали перекочевки обратно на левобережье Волги, переговоры с властями Бухары о восстановлении Сарайчика). Но в результате внешних ударов ногаи в конце концов утратили прежние кочевья и превратились в кочующих скитальцев.

В середине – второй половине XVII в. они постепенно закреплялись в пределах нового Калмыцкого ханства, княжеств Северного Кавказа, а также во владениях Гиреев – по всей степной полосе между Крымом и Россией. Лишившись единого центра, кочевники образовали несколько улусных структур-Орд. Крупнейшими и наиболее долговечными из них оказались Едисан, Едишкуль и объединение в Буджаке (Северо-Западном Причерноморье).

Титулом ногайского правителя, как указывалось выше, служило понятие *бий* (улу *бий*). Это поздняя восточно-кипчакская форма общетюркского *бек*. В тюркских политических образованиях XIV–XVI вв. бек (бий) служил синонимом арабско-персидского *эмир* и монгольского *нойон*. Все эти термины обозначали принадлеж-

ность к знати, стоящей рангом ниже династической правящей аристократии. В разных регионах и в разные эпохи бий мог означать и родового старейшину (у башкир и казахов), и главу племени, номинально представляющего это племя при хане (Крымское и Касимовские ханства), и высшее должностное лицо после хана (Золотая Орда, Узбекское ханство), и просто «начальство» в широком смысле.

Все племена Ногайской Орды первоначально возглавлялись биями, а над всеми ними стоял бий мангытов. Кроме того, существовали «служилые» бии при дворе верховного правителя. Близкие родственные отношения в недрах правящего клана Идегея придавали связям между его членами видимость патриархальности. Несмотря на самые разные степени кровного родства с бием, мирзы расценивали его как своего «отца и дядю». То есть формально он занимал место старшего в роде, родового старейшины, патриарха ногаев. В его распоряжении практически не оказывалось каких-либо средств, чтобы заставить родичей-мирз подчиниться своей воле. В 1611 г. в ответ на предложение русского правительства послать ногайские войска на помощь против поляков, причем мобилизовать «не все охотников, иное и неволников» (т.е. обязать силой), бий Иштерек откровенно отвечал, что «у них Орда самовольная... что захочет, тот и едет, а силою никою послать нелзе». Единственное, чем мог пригрозить Иштерек непокорным мирзам, – это своей откочевкой «казакон с улусом своим» и призывом на помощь Бога и русский рати. Мирзы же признавали его властные полномочия «за старость (т.е. старшинство в роде – *В.Т.*) и «покаместа он... силен улусными людьми» [1, с. 18, 21; 23, 1647 г., д. 1, л. 48]. Как только мирза обзаводился собственным сильным и многолюдным улусом, он начинал проводить независимую политику. Это явление существовало как тенденция в XVI в. и в полной мере обнаружилось в период распада Ногайской Орды.

Поскольку ее верховные лидеры не смели претендовать на ханское звание, они не имели права учреждать администрацию, присущую ханству. Ногаям пришлось изобрести собственные названия должностей. В 1537 г., в ходе оформления системы управления, у них была учреждена должность, аналогичная золотоордынскому беклербеку, – *нуредин*, глава правого крыла. Во главе левого (восточного) крыла встал *кековат*. Эти титулы произошли от имен сыновей Идегея. В 1580-х гг. в Ногайской Орде появилась еще и наместническая должность *тайбуги* (по имени родоначальника династии сибирских беков) – для управления переселенцами из Сибирского ханства, разгромленного Ермаком.

В целях обоснования законности правления мангытских предводителей в их придворном окружении была составлена фантастическая версия происхождения рода Идегея от халифа Абу Бакра, тестя и приемника Пророка, через святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса, жившего в XIV в. В мусульманском ногайском обществе такая легитимность «княжения» оказалась приемлемой и достаточной.

Важнейшие вопросы решались улу бием в совете с самыми могущественными аристократами. К числу таких проблем относились, в частности, общеордынские военные действия, отношения с иностранными монархами, международные союзы и коалиции.

Бий осуществлял административные функции, присущие любому самостоятельному кочевому правителю. Он после совета со знатью объявлял ежегодные маршруты передвижений стад и населения, указывал места для поселения подвластным улусам, подтверждал наследственные права мирз на подданных, «улусных людей». Традиционно за ним оставалась обязанность верховного военачальника, ведь в прежние времена бий (беклербек) являлся главой вооруженных сил ханства.

Правда, в ходе оформления административной системы у ногаев, как указывалось выше, появился свой аналог военачальника-беклербека – нурадин.

На бие, кроме того, лежала обязанность обеспечивать своему народу безбедное существование или хотя бы доступ к обогащению. Кочевники нередко добывались этого набегами на оседлых соседей. Ногаи же чаще использовали мирные средства – меновую торговлю и взимание традиционных периодических платежей, «мангытских доходов», которые поступали к ним из Казанского и Астраханского ханств и, возможно, из Сибирского юрта. Попав в зависимость от России, руководители Орды все более полагались на «государево жалованье» – деньги и подарки из Москвы. Умение бия организовать приток подобных доходов служило одним из критериев его компетентности.

Двор правителя Ногайской Орды представлял собой совокупность нескольких чиновных органов с канцеляриями, которые занимались в основном финансовыми вопросами. Но с начала XVII в. улу биям приходилось полагаться уже только на ближайших родственников и нескольких писцов. Все остальные инстанции исчезли в ходе смут. В целом развитие институтов управления у ногаев происходило крайне противоречиво. Достигнув апогея к середине XVI в., административная конструкция Орды вошла в стадию кризиса, начала уменьшаться и упрощаться. По мере распада Орды объем власти центральных органов все более сужался и к исходу второго десятилетия XVII в. сошел на нет.

* * *

Уже в золотоордынское время в лесостепь южного Приуралья переселялись кочевники, искавшие спокойной жизни. Этот регион лежал в стороне от основных маршрутов военных походов и торговых путей и представлял интерес для властей Улуса Джучи главным образом как сырьевая база, источник пушнины, меда, воска, кожи и т.д. В эпоху распада Золотой Орды ближайшими соседями этого края из «наследных» постордынских государств оказались Ногайская Орда и Сибирское ханство.

Исходя из особенностей экономики ногаев – кочевого скотоводства, приуральская степная зона привлекала их внимание. В одних исторических преданиях утверждается, будто кочевой ареал ногаев на севере ограничивался реками Уршаком и Демой, в других – Самарой и Кинелью, а шеджере называют в качестве такового бассейны Сакмары, Яика и Белой; на западе ногайские кочевья упирались в реку Ик [14, с. 318; 15, с. 341; 26, с. 40; 29, с. 49].

Волга во многих источниках предстает как западная граница ногайских владений. В текстах фигурируют разные пункты, обозначающие точку поворота границы Ногайской Орды от Волги на восток, т.е. в Приуралье. Один из них – низовья Самары и образующийся там изгиб Волги (Самарская Лука). В 1570–1580-х годах там летовали мирзы правого крыла [23, д. 8, л. 377; д. 1, л. 14]. «На Самарском устье» мирзы встречали иногда русских послов, въезжающих в ногайские земли; а к западу от Самары, после основания в 1586 г. одноименной крепости, начиналась власть русских воевод [23, д. 9, л. 157].

Ранее, в первой половине XVI в. и до конца 1570-х гг., крайним северным пределом считалась местность еще выше по Волге, чем Самарская Лука. «Ныне, по лету кочуючи, до Казани докочевали... занеже то известное наше кочевие Казань» (1536 г.); «на Каме за 60 верст от Казани, а Исмаил тут летовал» (1548 г.); «летом кочуюем блиско Казани» (1577 г.) [21, с. 186, 238; 23, д. 8, л. 47 об.] – эти и другие подобные сведения из грамот показывают, что ногайские улусы подступали вплот-

ную к Казанскому юрту или даже заходили на его территорию. Но упоминание Казани служит лишь ближайшим крупным ориентиром, понятным для русских адресатов. Едва ли в Москве могли сразу определить местонахождение улусов, если в грамоте значилось: «А летовище наше, где нам летовати, – близко же Камы, на Еликопсере», или: «блиско Камы под лесом», т.е. на ландшафтной границе леса и степи выше Луки [23, л. 47 об., 135].

При этом Кама также порой изображается в документах как ногайская граница. После разгрома русскими войсками под Казанью хана Сафа-Гирея летом 1529 г. он бежал в Крым, а тридцать тысяч ногаев во главе с мирзой Али б. Мамаем «побежаша за Каму» [30, с. 128] – стало быть, из казанских владений в свои. Такой же поворот границы по Волге-Каме отображен у С. Герберштейна. В его «Записках о московитских делах» говорится, что правитель самого западного удела Ногайской Орды Косум (Хаджи-Мухаммед) владел «всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра» (т.е. Волгой) [7, с. 179]. Четко это обозначено у Э. Дженкинсона: «Страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря... носит название Мангат или ногаев» [2, с. 169].

Таким образом, улусы мангытских мирз кочевали по Ногайской (восточной, левой) стороне Волги до впадения Камы (с 1580-х гг. – Самары) в Волгу. Далее к востоку начиналась область расселения приуральских племен, подчиненных Ногайской Орде. Первые данные о пребывании в Приуралье мирз относятся к августу 1489 г., когда мирза Ямгурчи сообщил Ивану III, что его «кочев на Белой Волжке был», т.е. на реке Белой (Агидель), левом притоке Камы [20, с. 19; 28, с. 7]. Для того чтобы отправиться в набег на недавно присоединенную к России Вятскую землю (Нукрат), ногаям требовалось пересечь Белую. «Прошлые зимы Белую Вольшку, перелезши, сын мой Хан мырза твою землю Нократ воевал», – писал в 1535 г. Ивану IV мирза Шейх-Мамай [21, с. 166].

Западной границей ногайских владений в Приуралье и на Южном Урале, скорее всего, являлся Ик. По татарскому шеджере потомков ногайца Гирает-бия, они, эти потомки, долго проживали к востоку от Ика и только в конце XVII в. перешли на его «татарский» берег [35]. Р.Г. Кузеев определил сферу ногайского господства к западу от Уральского хребта – до низовьев Белой, к востоку – до верховьев Яика и Ая [14, с. 484]. Данное мнение согласуется с данными источников начала XVII в. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщал своему тюменскому коллеге Л.А. Щербатову, что, по донесениям ясачных татар, сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати «в Уфинском уезде с ясашных волостей с устья Белы Воложки (т.е. Белой – *В.Т.*) до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости» [16, с. 194]. Упоминание последнего топонима позволяет расширить область ногайской гегемонии дальше на восток. Речь здесь идет о Катайской волости Сибирской области-даруги (дороги), примыкавшей к верховьям Уфы и Ая с северо-востока (одноименная волость Ногайской даруги находилась намного южнее.) Тем более что в 1623 г. калмыцкий тайша заявил жителям именно этой, «сибирской», волости: «Наперед вы сего давывали ясак нагайцом, а ныне де дадите ясак (мне – *В.Т.*), и я... к вам пришлю для ясаку послов своих» [16, с. 342]. Таким образом, северо-восточной границей ногайских владений служил восточный рубеж Катайской волости Сибирской даруги – приблизительная меридиональная линия по южноуральским озерам: Иткуль (или, может быть, Щелкун), Синарское, Касли, Кизыл-Гаш, Увильды, Аргазы. Еще южнее подобную границу – восточную – возможно провести по верхнему течению Уя (может быть, до впадения в него Увельки), по обоим сто-

ронам которого некогда также обитали «роды ногаев, господствовавших над башкирами восточно- и западноуральскими» [27, с. 12].

Если сопоставить намеченные нами пределы ногайских кочевий с административной картой XVII–XVIII вв., то обнаружится примечательное соответствие. Ногайская даруга совпадала с регионом кочевых передвижений ногаев, а Казанская и Сибирская даруги – с областью расселения приуральских племен, подвластных Ногайской Орде.

Письменные и фольклорные памятники называют несколько зон и маршрутов перекочек ногайской знати: а) летом передвигались вверх и вниз по Яику, а также по рекам Берде, Сакмаре, Салмышу, Юшатырю, Ори, Таналыку, Кизиму; зимой переходили Уральские горы и кочевали по рекам Белой, Сокале, Ашкадару, Кугану, Шкадру, Деме, «где места лесистые и теплые»; б) «от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Карсалану, по Черемшану, по Куюше, по Базе, по Сюну и вверх по Аю рекам»; в) зимовье в районе города Уфы, летовье – на реке Деме; г) воеводская отписка 1613 г., напротив, называет Уфу пунктом весеннего кочевья [23, д. 1, л. 2 (ногаи «на весну будут кочевать под Уфинской город, как снег сойдет вскоре»); 24, с. 69, 185]. Поскольку фиксируются и летние, и зимние кочевья, можно сделать вывод о круглогодичном кочевании на территории нынешней Башкирии. Действительно, нет данных о периодических ежегодных откочевках ногаев с Южного Урала на юг – по одной из двух систем ногайских перекочек: к низовьям Сырдарьи или Волги, к Аралу или Каспию. Таким образом, в экономическом отношении степная Башкирия являлась замкнутой зоной кочевого скотоводства и, следовательно, имела достаточный потенциал для возможного сепаратизма и отделения от Ногайской Орды. В условиях номадной ранней государственности невключенность в «общегосударственные» кочевые циклы позволяла населению северной периферии Орды выйти из повиновения, не нарушая течение обычной экономической жизни ногайской державы и тем самым не вызывая раздражения и агрессии со стороны скотоводов, пользовавшихся этими циклами.

Экономическая замкнутость и политическая обособленность края приводит к мысли о существовании здесь особого территориального подразделения – удела или наместничества. Первые сведения о внутреннем членении Ногайской Орды относятся к первой половине XVI в. и исходят от С. Герберштейна: «В наше время этими (ногайскими – *В.Т.*) княжествами владели трое братьев, разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком, что за рекой Ра (Волгой – *В.Т.*) на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий из братьев, Ших-Мамай, обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной». И выше: «Область Сибиер... В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, эта страна ... если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай» [7, с. 163–164, 179]. Данные Герберштейна весьма достоверны: ведущими политическими фигурами у ногаев в то время в самом деле были три брата – верховный правитель-бий Саид-Ахмед (диалектное «Шейдяк» – «Шидак» у Герберштейна), Шейх-Мамай и Хаджи-Мухаммед (диалектное «Кошум» – «Коссум» у Герберштейна). Именно к периоду правления данного триумvirата относится разделение ногайской державы на западную и восточную провинции-крылья, а также «центр» во главе с бием Саид-Ахмедом [31, с. 186–197].

Косвенным подтверждением подданства приуральских племен трем ногайским административным подразделениям может служить информация шеджере племени

мин о том, что после откочевки основной массы ногаев в южные степи они продолжали платить ясак трем улусам [12, с. 8]. Три улуса иногда интерпретируют как Казанское и Сибирское ханства и Ногайскую Орду. Но Казань ко времени ногайского исхода уже была завоевана русскими, и проживавшие здесь племена стали платить ясак России. К тому же шеджере связывает платежи в пользу трех улусов исключительно с ногаями. Кстати, получение доходов с территории нынешней Башкирии обоими крыльями и «центром» Орды говорит о том, что приуральские племена не включались в дуально-крыльевую структуру ногаев.

Нам встретилось единственное упоминание о «столичном» пункте, из которого осуществлялось управление башкирами. Ногайский мирза Динбай в 1581 г. вспоминал обстоятельства, предшествовавшие вступлению его в 1578 г. в должность нурадина – главы правого крыла Ногайской Орды: «... Яз кочевал за Ейком на реке Еми, имал есми из башкирды дани» [23, д. 10, л. 131 об.]. Река Эмба фигурирует и в историческом предании, записанном П.И. Рычковым: во время междоусобицы один из двух ногайских наместников Башкирии создает на Эмбе базу для борьбы с соперником – другим наместником [24, с. 69]. Очевидно, можно полагать, что верховное управление уральскими владениями велось из эмбинских кочевий – центра левого крыла Орды, а также, естественно, из Сарайчика.

Безусловным и общепризнанным, сохранившимся в памяти потомков провинциальным центром являлось уфимское городище (местное название – Имэн-кала). В народном сознании его столичная роль утвердилась настолько, что эта местность стала трактоваться в преданиях как кочевье главного хана с собирательным именем Ногай [9, с. 22]. Причем башкирские сказители относили основание здесь ставки ногайского правителя еще к дочингисовским временам [29, с. 49]. Помимо укрепленного поселения на правом берегу реки Уфы предания называют и другое городище – Ак-Тюба под Оренбургом [18, с. 675]. Историческая память отобразила данное двоецентрие таким образом, что и Чертово городище на Уфе, и Ак-Тюба принадлежали государям-братьям. Хан Басман кочевал у Сакмарского устья, где поставил Ак-Тюбу, но был вытеснен ногаями на юг. Его брат Тюря обосновался в районе Уфы [8, с. 34; 25, с. 185].

В родословных и легендах фигурируют и другие местности как главные стойбища ногайских наместников. Например, долина реки Демы (озеро Азкират) значится как летнее кочевье «ногайских ханов, покуда они владели башкирами» (зиму они проводили в Имэн-кале). Затем, с началом откочевки основной массы ногаев на юг, ставка переместилась под Стерлитамак, в крепость Тура-тау [33, с. 131, 132; 34, с. 29]. Кроме того, в качестве резиденций ногайских удельных правителей интерпретируются городища Кара-Абыз под Благовещенском и Чертово под Бирском [17, с. 64, 65].

В целом есть основания утверждать, что приуральские кочевья представляли собой особую провинцию Ногайской Орды с относительно фиксированной территорией, административными центрами, верховным и удельными наместниками.

Инфильтрация на Южный Урал восточно-кипчакских племен происходила еще в XIV вв., в эпоху Золотой Орды, и продолжалась в последующем. Поэтому в определенном смысле установление сюзеренитета ногайских биев над населением Южного Урала стало продолжением и трансформацией прежних миграционных процессов. Но теперь, с учетом новых этнических и политических реалий, взаимоотношения аборигенов и пришельцев уже не ограничивались спорами из-за коче-

вий и охотничьих угодий. На земли нынешней Башкирии пришли не просто кочевые кипчаки. Ногайская Орда в XV–XVI вв. была одним из гегемонов Евразии.

В политическом устройстве Ногайской Орды роль уральского наместничества выглядит значительной и своеобразной. Как отмечалось выше, ногайские правители не принадлежали к династическому дому Джучидов и потому не имели возможности заполучить ханский ранг. Поэтому они сначала осуществляли свою власть от лица сторонних ханов, вытребовав у них назначение на высший бекский пост (улу бий = улуг бек = беклербек); затем время от времени стали приглашать марионеточных правителей для номинального ханствования в Ногайской Орде. Кроме того, бии принимали на воспитание в своих кочевьях отпрысков разных царственных семей, рассчитывая в будущем превратить их в послушных себе государей. К таким креатурам относились в том числе казахский царевич Хакк-Назар, сибирские царевичи Ахмед-Гирей и Кучум – в будущем соответственно казахский и сибирские ханы. Все они были направлены в качестве наместников в Имэн-калу. С учетом перспективы их царствования в соответствующих юртах, их наместничество на Южном Урале можно трактовать как управленческую тренировку, приобретение административных навыков будущими ханами.

Однако бóльшая часть наместников происходила из собственно ногайской аристократии – из клана мангытов. Изучение «карьерного роста» этих наместников показывает, что должность южноуральского наместника обычно предшествовала назначению на пост нурадина – второй по значимости в Ногайской Орде (см. подробно: [32, с. 15–27]).

В 1586 г. ногайский бий Урус выразил царю Федору Ивановичу неудовольствие по поводу того, что «ты на четырех местех хочешь горо(ды) ставити», – и перечислил эти места: «на Уфе да на Увеке, да на Со(маре), да Белой Воложке». «А теми местами, – спрашивал бий, – твои деды и отцы владели ли?» [23, 1586 г., д. 8, л. 6, 7]. Ясно проявилась убежденность властей Ногайской Орды в своих наследственных исконных правах на земли по Уфе и Белой; ногаи считали их своими неоспоримыми владениями «от Едигея князя» (т.е. с начала XV в.).

Для кочевников обычным способом подтверждать это право были перекочевки по данной территории. Однако местное население, во-первых, не причислялось к числу собственно ногаев; во-вторых, не вело чисто кочевую жизнь, занимаясь, помимо скотоводства, также земледелием, промыслами и охотой. Поэтому обычные для кочевой ногайской среды формы зависимости и господства не подходили для них. На первый план выступала такая форма сюзеренитета, как сбор податей – ясака.

В качестве верховной ногайской инстанции, в пользу которой он выплачивался, в источниках фиксируются бий Ногайской Орды и нурадин, глава правого крыла. Взимание платежей производили специальные эмиссары-«данщики», отправляемые соответственно бием или нурадином [23, д. 8, л. 274, 275; 1586 г., д. 8, л. 9]. Подобную технику пытались перенять в первой четверти XVII в. и калмыки, претендовавшие тогда на ногайское наследство: тайши Уруслан, кочуя по Тоболу, собиравшись направить в Китайскую волость Сибирской даруги «для ясаку послов своих» [16, с. 342].

Ясак выплачивался как знак подчиненности Ногайской Орде, как символ подданства и средство перераспределения материальных ресурсов в пользу мангытской верхушки. Только однажды промелькнуло упоминание о том, что «башкиры» должны были расплачиваться за возможность переправы через Белую [8, с. 336]. Историческое сказание, приведенное П.И. Рычковым (со слов башкирского старшины

К. Муллакаева), называет подданными местного ногайского «хана», наряду с башкирами-минцами, еще и ногаев; хотя из текста, скорее всего, явствует, что ясак платили только минцы [25, с. 185]. В целом можно полагать, что субъектом ясачных выплат являлось население Южного Урала, и ясачная форма эксплуатации распространялась только на него, не затрагивая ногаев, кочевавших на Южном Урале.

Богатства лесных угодий Южного Урала определяли и ассортимент ясачных платежей: судя по источникам, таковыми служили лисьи, куны и бобровые меха, а также мед [8, с. 336; 25, с. 185]. А.Н. Усманов называет, наряду с пушниной, еще молодой скот для выпаса и мелкий – для убоя [18, с. 676]. Однако подобные выплаты были присущи как раз кочевникам, поэтому вероятно, что расчеты посредством скота имели распространение только в среде ногаев.

Скудость информации по данному поводу не позволяет определить организацию ясачной системы в деталях. Возможно, следует согласиться с Р.Г. Кузеевым: величина выплат строго не регламентировалась, а сами выплаты оседали в разных пропорциях у ногайской знати [14, с. 499]. По аналогии с прочими раннегосударственными обществами, в частности кочевыми, не будет большой натяжкой предположить, что основные моменты ясачной политики в Ногайской Орде регулировались традицией, неписаными законами. Очевидно, сложиться этой традиции было негде, кроме как в Золотой Орде.

Относительно иерархии и титулатуры аристократии на Южном Урале той эпохи данных немало, но исходят они в основном из шеджере и других поздних текстов, поэтому относиться к ним нужно весьма критически. Скажем, повсеместно фигурирующие «ханы» – это явный домысел, потому что ханского титула в Ногайской Орде не было ни у кого и никогда. Другое дело, что ханом («тура-ханом») в обобщенном значении «правитель», «господин» местное население могло называть наместника, сидевшего в Имэн-кале. Однако по всем источникам, отразившим общественную структуру Орды, тот мог быть не более чем мирзой. По аналогии с другими ногайскими провинциями, описываемый нами регион делился на улусные кочевья, которыми пользовались ногайские мирзы более низкого, чем наместник, ранга. Земли, не пригодные для кочевания, видимо, оставались за лояльными (согласными платить ясак) родоплеменными вождями-биями Приуралья.

Притязания ногайских предводителей на господство над «остяками», «истеками» высказывались неоднократно. В 1570-х гг. некий Алатай-хафиз «ежегод ездил воевать на остяки», а посланцы высших мирз «ходили для ясаку в ыстеки» [23, д. 8, л. 225, 367]. Причем обосновывали это давностью, традиционностью подобных отношений: «И от прародителей наших от тех мест с ыстеков ясак емлем»; «От прародителей, от Едигея князя с остяков ясак имывали по старине» – и продолжали делать это в первой половине XVI в.: «Ещо... при казанском царе мы владели иштеками» [23, д. 8, л. 234 об.; 1586 г., д. 8, л. 1]. Вариант написания «остяки» не должен вводить в заблуждение; конечно, имелись в виду не обские угры. В ряде документов ясно отображено, что эти «остяки» проживали на территории современной Башкирии, т.к. фигурируют «остяки Казанского уезда», а в 1578 г. ногаи «приходили... в Казанский уезд в остяки на верх Камы воевать» [23, д. 8, л. 275, 391]. В некоторых случаях понятия «башкиры» и «истяки» действительно выглядят синонимами. Ногайский наместник Динбай, кочуя на Эмбе, «имал... из башкирды дани». Но при этом «Тинбай мирзы люди... ходили ясаку збирати с ыстеков» [23, д. 8, л. 234]. А когда Динбай, «то все покиня, пришел на Волгу да нур[ад]ыном учинился», свои прерогативы по управлению северными провинциями Орды он передал племянни-

ку Саид-Ахмеду. Тот не преминул известить об этом Ивана IV: «А брат мой (на самом деле дядя – *В.Т.*) Тинбай мирза что владел иштеки – мне пожаловал» [23, д. 9, л. 46; д. 10, л. 131 об.]. В данном случае наблюдается полное совпадение значения этнонимов.

Но иногда в глазах ногаев эти «остяки»~истяки не были равнозначны башкирам, т.к., например, упомянутый набег 1578 г. совершался «по реке Каме на башкирдцы и на остяки Казанского уезда... И башкирдцы и остяки, собрався, иных побили...»; верховный ногайский бий Урус возмущался требованием русского правительства, чтоб ему, Урусу, «з башкирдов и с остяков дани никакие не имати» [23, д. 8, л. 275; 1586 г., д. 8, л. 9]. Скорее всего, существовало какое-то (пока не определяемое по текстам) территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа – иштяки, восточная – собственно башкиры. Возможно, племена, кочевавшие попеременно с ногаями (в будущей Ногайской даруге), обозначались как башкиры; те же, что селились на северо-западной и, может быть, северо-восточной периферии ногайских владений (в будущих Казанской и Сибирской даругах), – как истяки. Тогда в принципе можно согласиться с точкой зрения Д.М. Исхакова, что разбираемые этнонимы в XV – начале XVII в. функционировали параллельно и отражали разную степень кипчакизированности башкир [10, с. 54, 55].

При этом башкиры с иштяками и ногаи противостояли друг другу как уже сформировавшиеся этнические общности. Собственно, интегративных факторов в кочевой ногайской державе могло быть только два – общая государственная администрация и общая религия. Ислам действительно способствовал сплочению разноэтничного населения и относительному единению подданных Орды. В одном из преданий говорится о миссии мусульманского проповедника Хусейн-бека, посланца святого Ахмеда Ясави, к «дурным мусульманам» – ногаям Приуралья. Тот поселился в крепости Ак-Тура и стал главным имамом, преуспев в проповедническом служении [8, с. 334]. Тем не менее различия между ногаями и «башкиро-иштяками» оказались уже настолько значительными, что внедрение мусульманского вероисповедания не могло их преодолеть.

Аргументами в пользу отсутствия широкой тенденции к их взаимной ассимиляции могут служить следующие аспекты. Во-первых, на башкир и на иштяков не распространялся политоним «ногай», обозначавший с 1480-х гг. всех подвластных ногайскому бию номадов, безотносительно к их племенной принадлежности. Это могло быть возможным только при появлении у коренных жителей Ногайской Башкирии собственного общего этнонима и этноинтегрирующего сознания. Во-вторых, абсолютно во всех башкирских источниках ногаи действуют исключительно под этим общим своим именем – несмотря на то, что они состояли из десятков племен и названия многих из этих племен совпадали с таковыми в среде башкирских племен.

Трудно говорить определенно, насколько эти родственные связи отражались на этнических взаимоотношениях в целом. В генеалогической таблице из рукописного сборника башкирских шеджере, опубликованной Р.Г. Кузеевым, перечислены сыновья башкирского первопредка Кинзи: Татар, Мишар, Нугай и Иштяк [4, с. 174]. Следовательно, этническое родство башкир с ногаями осознавалось. И все-таки в башкирском фольклоре, в частности в эпосе «Таргын и Кужак», приводятся ситуации, позволяющие считать, что для местного населения было «позорным заключать с пришельцами (ногаями – *В.Т.*) брачные союзы и вообще устанавливать близкие связи» [11, с. 192].

Вместе с тем некоторая степень взаимной ассимиляции прослеживается в названиях башкирских родов ногай-юрматы, ногай-кипчак, ногай-бурзян, семи родовых подразделений нугай в составе минцев и др.

Налаженная система управления в наместничестве начала рушиться с 1550-х годов. Сказания связывают это с политической смутой, экономической катастрофой, голодом и мором, которые охватили тогда Ногайскую Орду. Множество ногаев откочевало в южные степи. Мирзы продолжали назначаться на должность наместника, но теперь они жили далеко от Приуралья и ежегодно снаряжали вооруженные отряды «данщиков» за ясаком. Последние сведения о появлении там таких отрядов относятся к началу XVII в.

Еще одна причина крушения наместничества заключалась в продвижении на восток России. Огромное впечатление на соседние народы оказало завоевание Иваном IV Казанского ханства в 1552 г. Из покоренной волжской столицы царь направил в окрестные владения обращение с призывом, «чтобы шли к государю, не бояся ничего... а государь их пожалует, и они будут платить ясак, как и прежним казанским царям» [22, с. 221]. Племена Западного Приуралья, бывшие казанские данники, вняли этому посланию и отрядили своих представителей к царскому воеводе в Казань. Приблизительно в 1554–1555 гг. они были приняты в число российских подданных. Эти новые россияне оставались под управлением своих традиционных биев, а их подчинение царю в то время ограничивалось выплатой небольшого ясака.

Узнав о столь необременительных условиях пребывания в составе Московского царства, примеру земляков последовали и некоторые племена южного Приуралья. Даже те из них, что были увлечены ногаями на юг, вернулись на родину и отправили делегации к казанским воеводам.

Ослабление Ногайской Орды и исход ногаев давали башкирам возможность существенно расширить пределы своего расселения. В документальном оформлении нуждалось не только обладание родовыми землями башкирских племен и кланов: царскими пожалованиями требовалось утвердить также пользование бывшими ногайскими владениями. В августе 1740 г. глава Оренбургской комиссии, генерал-лейтенант В.А. Урусов в своей речи, обращенной к башкирским «бунтовщикам», заявил, в частности: «Земли вам даны почти все те, где весь нагайский народ жилище свое имел» (цит. по: [6, с. 67]). В оспаривании у ногаев владений на Южном Урале русские власти могли опереться на солидарность и помощь местного населения. А оно самостоятельно, не дожидаясь подхода стрелецких отрядов, расправлялось с ногайскими «данщиками». По одним сказаниям, их хватали и передавали русским, по другим – все оставшиеся здесь ногаи были перебиты башкирами [4, с. 78; 5, с. 190].

Как отмечалось выше, ногайский бий Урус требовал от московского правительства разрушить новый город Уфу, но не сумел ничего добиться. Русская администрация, со своей стороны, не возражала, чтобы ногаи продолжали кочевать на Южном Урале, но выступала резко против их попыток собирать ясак. Здесь она действовала быстро и жестко: сборщиков дани, снаряженных мирзами, хватали, вязали и бросали в тюрьмы. В конце концов ногаи перестали требовать с башкир ясак и стали организовывать грабительские набеги на свои утраченные владения. В условиях постоянных притязаний ногаев на южноуральские территории и эпизодических угроз со стороны калмыков (и позднее казахов) могучий тыл в виде русских воевод и крепостных гарнизонов послужил значительным стимулом для лояльности башкир по отношению к России. Одно из преданий гласит, что «нашествия казахов и калмыков прекратились лишь после признания власти Белого царя» [3, с. 109].

Основание русской крепости отрядами стрельцов и размещение гарнизона воеводы Ивана Нагого в центре бывшего ногайского наместничества в 1594 г., а тем более учреждение там воеводства (аналога прежнего ногайского наместничества), знаменовало собой окончание владычества здесь Ногайской Орды. Очевидно, кроме прочих факторов, помещение русской администрации в бывшей главной ногайской ставке Имэн-кале имело по отношению к ногаям и некоторый оттенок демонстрации. Россия прочно утверждалась в Заволжье и на Урале и неуклонно двигалась в Сибирь. Ослабленные раздорами и экономическими неурядицами правители Ногайской Орды не могли воспрепятствовать формированию нового гегемона Евразии.

Список литературы

1. Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского, И.С. Рябинина. М.: Имп. Общество истории и древностей российских, 1915. 240 с.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: ОГИЗ, 1937. 308 с.
3. Башкирские предания и легенды / Сост., вступ. ст., коммент. Ф.А. Надршиной. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1985. 287 с.
4. Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1960. 304 с.
5. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды / Сост., вступ. ст., коммент. Ф.А. Надршиной. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 576 с.
6. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 4. Казань: В.М. Ключников, 1895. С. I–XXI, 617–962; прил., с. 1–198.
7. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
8. Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа: Тип. Уфим. губ. правления, 1883. С. 328–355.
9. Игнатъев Р.Г. Чортово городище в окрестностях г. Уфы // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. Уфа: Уфим. губ. статист. комитет, 1868. С. 19–28.
10. Исааков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа / Отв. ред. Р. Мухамедова. Казань: Б. изд., 1985. С. 36–65.
11. Киреев А.Н. Башкирский героический эпос. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1970. 304 с.
12. Кузеев Р. Г. Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // Советская этнография. 1957. №4. С. 3–12.
13. Кузеев Р.Г. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью (по данным шежере, исторических преданий и легенд) // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы за 1965 год. Тез. докл. / Редкол.: Т.М. Гарипов, Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкир. кн. изд., 1966. С. 85–93.
14. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.
15. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.

16. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература, 2000. 796 с.
17. Открытая книга Башкортостана / Сост. и ред. В.Б.Иванов. Уфа: Китап, 1995. 336 с.
18. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. Ч. 2. XIV–XV вв. / Ред. Б.Д.Греков, Л.В.Черепнин, В.Т.Пашуто. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 811 с.
19. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1 / Под ред. А.П.Смирнова, Н.В.Устюгова и др. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1956. 304 с.
20. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 99 с.
21. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Подгот. текста Н.М.Рогожина. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1995. 356 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 272 с.
23. Российский государственный архив древних актов. Ф. 127 «Сношения России с Ногайской Ордой». Оп. 1.
24. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Оренб. губ. статист. комитет, 1896. 97 с.
25. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсманна, С.С. Неустроева / Ред., вступ. ст., коммент. Ф.Н. Мелькова. М.: Гос. изд-во геогр. литературы, 1949. С. 43–204.
26. Самарская летопись Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 1. Самарский край с древнейших времен до середины XIX века / Ред. П.С. Кабытов, Л.В. Храмков. Самара: Изд-во Самар. ун-та; Арт-Макет, 1993. 220 с.
27. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб.: И.Н.Скороходов, 1886. 362 с.
28. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5 / Сост. Ф. Бюлер. М.: Тип. Э. Лисснера, Ю. Романа, 1894. 248 с.
29. Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 45–65.
30. Татищев В.Н. История Российская. Т. 6. М.; Л.: Наука, 1966. 438 с.
31. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 756 с.
32. Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: Академия наук РБ, 1997. 72 с.
33. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1982. 336 с.
34. Филоненко В.И. Башкиры. Уфа: Электрич. типолит. Ф.Г. Соловьева, 1915. 75 с.
35. Шежере Гирает-бия (семейный архив Н.М.Мириханова).
36. Юматов В.С. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Т. 1 / Сост. М.Г.Рахимкулов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1961. С. 250–254.

§ 4. Иштякская общность Приуралья в средневековье

Дамир Исхаков

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в русских источниках XVI – первых десятилетий XVII вв. в Среднем (Пермском) Приуралье отмечаются «остяки», в ряде случаев наряду с «татарами», но весьма часто – отдельно (детальнее обзор источников об этой группе см.: [16; 18]). Есть основания полагать, что в более ранний период эта общность (на тюркских языках именовавшаяся «*иштэк/истэк/үштэк*») была расселена шире – не только в Южном Приуралье, но и в Зауралье [17]. Далеко не случайно, что в родословной расселенных на западе Южного Приуралья башкир-юрматинцев, датируемой 1564/1565г., но содержащей и информацию о событиях 1546/1547г., не ногайская часть данного племени – а элита ее состояла из ногайцев – именуется «иштяками» [4, с. 29]. Следует обратить внимание и на то, что анонимный продолжатель «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, скорее всего, писавший в начале XVII в., обсуждая генеалогию правителей Сибирского юрта линии Шибанидов, по отношению к владению хана Кучума применяет определение «Тау Буга йорты Иштеге» («Иштяк[и] юрта Тау (точнее, Тай) Буги») [47, с. 65]. Эти данные коррелируют с традицией именования в прошлом казаками, хивинскими узбеками и ногайцами башкир, а также сибирских татар иштяками [32, с. 172, 202–205, 444; 65, с. 21–22].

Разбирая вопрос об этих остяках/иштяках, прежде всего Приуралья, необходимо различать два его аспекта – этногенетический и связанный с этнической историей этой общности в более поздних хронологических рамках XV–XVII вв. Об этом приходится напоминать потому, что в зависимости от конкретной этнической ситуации иштякская общность, как видно по источникам, в Среднем Приуралье и прилегающих к нему более южных и восточных ареалах, в том числе в зауральских, в XVI–XVII вв. начала дифференцироваться на «татар» и «башкир», соответственно маркируясь в документальных материалах как две самостоятельные этнические группы, изначально тем не менее имея общие этнические истоки [19]. В результате даже сами потомки названных «остяков», «превратившихся» уже, например в Среднем Приуралье, в татар (пермских), в XVIII в., обращаясь к документам XVII в., фиксирующим их земельные владения, вынуждены были прибегать к формулировкам типа: «...на отводных... предкам и дедам [землях]... за остяками, которые называются [сейчас] татарами»; население, ранее именовавшееся как «остяки и татары, ... ныне называется татарами» (цитируется по: [19, с. 115]).

В итоге те исследователи, которые недостаточно четко различали отмеченные выше два разных аспекта проблемы исследования этнической принадлежности рассматриваемой общности, вынуждены были прибегнуть к самым причудливым ее оценкам – она выводилась от «вогулов» (манси), «остяков» (ханты), «татар» или «башкир». Причем высказывались мнения об ассимиляции «угров» двигавшимися с юга «башкирами», а затем последних – «татарами» (поволжскими и сибирскими). Если еще учесть, что в прошлом и сибирские татары, как было отмечено, именовались иштяками, а в роли «татар» Приуралья могли выступать и ногайцы [16, с. 122–123], картина этнической ситуации в Южном Приуралье позднего средневековья оказывается окончательно запутанной. Чтобы вернуть ей определенность, далее мы вначале остановимся на вопросе об этногенезе иштяков, а лишь затем обратимся к

весьма непростой проблеме этнической истории этой общности золотоордынского и позднезолотоордынского времени.

Анализ существующей литературы показывает, что относительно этнических истоков приуральских иштяков в ней выдвинуты три гипотезы: об их угорском [5; 6; 10; 11; 14–19; 64; 56], восточно-тюркском [59; 60] и тюрко-угорском [16; 18; 32–34] происхождении. Но сторонники последней гипотезы в своих построениях исходят из разных оснований. Одни (это преимущественно А.Х. Халиков) отстаивали тезис о раннем (в VI–VII вв.) проникновении тюрков вплоть до р.Сылвы, т.е. в Среднее Приуралье. При этом ими не отрицается возможность присутствия в составе тюрков угров. Кроме того, ими отмечается болгарское влияние (в т.ч. и через прямое проникновение) в Среднем Приуралье уже в домонгольский период (об этом специально см. также: [7; 15, с. 85–95]). Другая группа исследователей (Р.Г. Кузеев, Д.М. Исхаков) подчеркивает необходимость большего учета роли кыпчакско-ногайских групп в становлении иштякской общности.

В принципе, различия в подходах разных групп исследователей к этногенезу иштяков сводятся к их разногласиям относительно роли угорских и тюркских групп в формировании этой общности, а также к определению значения в этногенетических процессах в Южном и Среднем Приуралье тюрков разных волн (ранне-тюркского или среднетюркского и последующего периодов), как известно, этнически различавшихся между собой. К этой проблеме в дальнейшем мы еще вернемся, но до этого необходимо разобраться с этнической ситуацией XVI – начала XVII в., без чего трудно интерпретировать более ранние материалы исторических источников относительно этнической принадлежности иштяков (остяков) Приуралья. Но тут следует отметить, что основной корпус источников, на основе которых разбирается рассматриваемая проблема, относится к Среднему Приуралью, а для более южных (и восточных) районов имеются лишь спорадические данные. Поэтому выводы авторов, чьи работы далее будут рассмотрены, имеют ограничения, что следует принимать во внимание при общей оценке этнической ситуации в Южном Приуралье в XV–XVI вв. и несколько позже. Но при привлечении дополнительных данных эта трудность, на наш взгляд, преодолима.

На основе интерпретации сведений русских письменных источников XVI – начала XVII в. исследователи предложили несколько трактовок относительно этнической принадлежности «остяков» Среднего Приуралья (преимущественно Тулвенского и Сылвенско-Иренского бассейна) данного времени. Так, А.А. Дмитриев, например, полагал, что после покорения Казанского ханства или еще раньше на территорию Сылвенско-Иренского междуречья и в бассейн р. Тулвы из Среднего Поволжья переселились татары, которые на новом месте смешались с более ранним угорским населением, ассимилировав его еще в XVI в. Основным аргументом в пользу такого подхода он считал сложность или даже «невозможность» по письменным источникам этого времени «различать» эти две «народности». Позже А.Б. Теплоухов поддержал вывод предыдущего исследователя, отметив «отатаренность» сылвенских «остяков» уже к началу XVII в. Такой вывод он делал как на основе «татарских» имен и фамилий «остяков», так и опираясь на наблюдение А.А. Дмитриева о трудности разделения «татар» и «остяков» Пермского края по материалам переписей начала XVII в. А.Б. Теплоухов отметил, что в начале XVII в. «татар» и «остяков» иногда путали, относя некоторых «и к тем, и к другим». Еще одним его важным наблюдением было то, что в некоторых районах Пермского края «остяки» в прошлом «обашкирились». Правда, он сделал оговорку, что «башкиры,

по-видимому, не всегда отделялись от татар». В трудах С.В. Бахрушина вновь был поднят вопрос об этническом облике населения Сылвенско-Иренского междуречья и прилегающих территорий в XVI – начале XVII в. Он придерживался мнения, что под сылвенскими и иренскими «остяками» надо понимать манси. Появление к западу от Урала этнонима «остяк» объяснялось им так: «племенам, ... известным раньше под именем Югры, с XVI в. присваивается татарское название «уштяк» или «остяк». Но, будучи крупным источниковедом, С.В. Бахрушин констатировал, что однозначному решению вопрос о приуральских «остяках» не поддается. Он писал, что «остяки» Пермского края могли быть не только уграми, но и татарами, а то и двигавшимися с юго-востока башкирами.

Несмотря на предостережение С.В. Бахрушина, в 1950–1960-х гг. в литературе появилось стремление считать «остяков» Пермского края сплошь уграми. Так, А.А. Преображенский предложил рассматривать это население для начала XVII в. как мансийское. К нему присоединился и Б.О. Долгих, повторивший более развернуто аргументацию С.В. Бахрушина. В частности, он заметил, что «под «остяками» имелись в виду, очевидно, те же угроязычные обитатели Урала, только названные не русско-зырянским термином «вогул», а татарским термином «остяк»». Однако Б.О. Долгих вынужден был признать, что в источниках XVI–XVII вв. под «остяками» или «татарами» в некоторых случаях могли скрываться башкиры или «отатарившиеся» (тюркизированные) угры. Б.Н. Вишневецкий в целом также исходил из того, что «остяки» и «татары» Пермского края в XVI в. были уграми. Но он был склонен считать, что эти угорские группы на юге под воздействием казанских татар «отатарились», а на севере, в местах соприкосновения с русскими, «обрусели». Хронологические рамки ассимиляционных процессов он не уточнил. О.Н. Бадер и В.А. Оборин исходили из того, что носители сылвенской археологической культуры (угорской, по их мнению), с которыми они связывали «остяков», стали в Пермском крае предками башкир и хантов, но в XVI–XVII вв. были ассимилированы пришлыми татарами и русскими. Позиция В.А. Оборины в уточненном виде выглядит следующим образом: «... Остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с прониканием угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии». Далее он делал такой вывод: очевидно, «остяки русских источников – потомки древнеугорского населения, ассимилированного затем тюркоязычными башкирами, продвигавшимися с юга на север, и русскими». При этом оба эти исследователя не различали татар и башкир, поэтому неясно, кто же ассимилировал угров в XVI–XVII вв. Далее между «остяками» письменных источников и сылвенской археологической культурой отмечается значительный хронологический разрыв – эта культура хотя и датируется IX–XV вв., памятники ее, относящиеся к золотоордынскому времени, практически неизвестны. Поэтому источниковедческие трудности, возникающие при определении этнической принадлежности «остяков» Пермского края XVI–XVII вв., работами этих ученых не были преодолены.

Отсюда стремление исследователей обосновать возможность достаточно раннего проникновения башкир из более южных ареалов в Пермское Приуралье. В этом плане интересны данные о проживании «башкир» племени *гайна* в бассейне р. Тулва уже в период Казанского ханства [35, с. 51; 36, с. 16]. Более того, высказывалось мнение о проникновении башкир в этот район с юга-запада Приуралья уже в

XIII–XIV вв. [37, с.19; 48, с.185]. Но в других исследованиях было показано, что подобное заключение о продвижении всех гайнинцев на север с юга по меньшей мере проблематично. Так, фольклористом А.Н. Киреевым [40, с.61] были проанализированы предания башкир-гайнинцев, в которых сообщается о появлении их предков в районе Тулвы «из снежных стран» (в некоторых вариантах они спускаются с неба), причем на священном олене. Обобщая эти и некоторые другие материалы, А.Н. Киреев пришел к выводу, что собранные данные указывают на «прямую связь данного башкирского племени с древнейшими финно-угорскими племенами». А В.И. Васильев и С.Н. Шитова отметили, что в рассмотренной легенде нашли отражение «следы старого оленьего культа, некогда зародившегося на юге Сибири» [8, с.29].

В связи с тем, что при таких разногласиях однозначного понимания этнической принадлежности иштяков (остяков) Среднего Приуралья достичь не удастся, следует обратиться к анализу данной проблемы еще двумя исследователями – Р.Г. Кузеевым и Н.А. Томиловым, первый из которых стремился ее анализировать с точки зрения башкирского этногенеза, а второй – исходя из возможности достаточно раннего проникновения в Среднее Приуралье сибирских татар.

Р.Г. Кузеевым в составе северных групп башкир были выделены древнеугорские (тюрко-угорские), булгаро-угорские, древнесамодийские и кыпчакские компоненты [32, с. 216–217, 219, 242, 341, 346–347, 351; 33]. Проникновение северных башкир в Пермский край он, как уже отмечалось, датировал XIII–XIV вв., указав на их этническое взаимодействие с местным населением, определенным им как «мансийское». Согласно мнению этого автора, этническое взаимодействие башкир и местных угров (манси) к рубежу XVI–XVII вв. еще не было завершено [32, с. 488–489]. Примечательно, что Р.Г. Кузеев, с одной стороны, подчеркивает ассимиляцию башкирами угорского (мансийского) населения, но с другой признает «татаризацию» в Среднем Приуралье самих башкир, причем достаточно рано – местами уже в XVII в. [32, с. 218, 337].

Н.А. Томилов высказал мнение, что в составе населения Сылвенско-Иренского междуречья в XVI – начале XVII в. кроме угров – по его определению, также манси – находились и сибирские татары, продвинувшиеся туда из Сибирского ханства. Правда, этот исследователь колебался в точном обозначении этнической принадлежности «татар» и «остяков» рассматриваемого ареала, указав, что район бассейнов рек Сылвы и Ирени был в прошлом контактной зоной поволжских и сибирских татар и башкир [65, с. 30–33]. Надо заметить, что к похожему выводу, но на основании диалектологических данных, пришла и Д.Б. Рамазанова, ибо пласт «архаичных явлений», обнаруженных в пермском говоре татарского языка, был увязан ею с древними контактами с уйгурским, шорским, хакасским, алтайским языками, но с указанием, что эта связь проходит через некоторые говоры башкирского языка и диалекты сибирских татар [60, с. 24]. Причем этот восточно-тюркский, как она считает, «иштякский» языковой и этнический компонент, является общим для татар и башкир Среднего Приуралья, а также сибирских татар. Еще один татарский лингвист – Ф.Ю. Юсупов, изучавший свердловский говор татарского языка (разговорный язык части пермских татар и башкир), также пришел к выводу об участии сибирско-татарских диалектов в формировании данного говора [74; 75, с. 22–23]. В итоге в районе Среднего Приуралья средневекового времени явно появляется еще один этнический «игрок» – на этот раз в лице сибирских татар, как уже говорилось, в прошлом также маркируемых соседями как «иштяки».

Теперь, на основе выявленных исследовательских подходов к трактовке проблемы этнической принадлежности приуральских – пока, по большей части, среднеприуральских – иштяков/остяков, попытаемся выработать более общий взгляд на эту общность. Анализ следует начать с выяснения территориальных рамок локализации изучаемой общности, что, кроме прочего, позволит подойти к решению довольно сложного вопроса о соотношении понятий «иштяки/остяки» и «башкиры» источников. В связи с тем, что ранее нам уже приходилось обсуждать эту тему [16; 18], ограничимся основными выводами, к которым мы пришли.

Многочисленные документы русского происхождения XVI – начала XVII в. позволяют установить проживание «остяков» и «татар» прежде всего в Пермском Приуралье (Чердынский уезд, затем Соликамский Кунгурский и север Уфимского уездов) в бассейнах рек Тулвы, Сылвы и Ирени (обзор источников см. [16, с. 114–120]). Но из «Памяти» за 1618 г. уфимскому переводчику Ф. Таганееву видно, что территория расселения приуральских «остяков», которых почти всегда «сопровождали» татары, была шире, ибо в документе упоминаются «Уфимского уезду Аксьиевы волости и Белоканские и Кусцымские и Балакчинские татары и остяки» [16, с. 120]. Упомянутые тут северные группы позже были известны как «башкиры» и относились к родоплеменным образованиям *кушчи*, *балыкчи* и *бикатин* (другое название – «беляковцы» [32, с. 243–244]). «Аксьиеву волость» привязать к конкретному родо-племенному подразделению не удалось, хотя, скорее всего, ее наименование образовано от «Ак су», возможно, обозначающем «Ак Идель» («Белую Волоску»/Белую) и объединяющем все три названных выше подразделения в какое-то более крупное подразделение. Сюда же следует добавить и группу *сызгы*, известную позже как башкирская волость, но в 1655 г., скорее всего, отнесенную к числу «остяков» [73, с. 336–347], что не было случайностью – как установил Р.Г. Кузеев, представители этой родоплеменной группы считали гайнинцев, т.е. тулвенских остяков (башкир), своими родственниками [32, с. 218]. Наконец, к этому северному ареалу следует прибавить и некоторые группы из северо-запада Южного Приуралья. О группе *юрматы* выше речь уже шла. К ней можно было бы добавить и несколько других родо-племенных образований, начиная с XVII в. известных как «башкирцы», но ранее явно имевших иную этническую маркировку. Прежде всего в этом ряду следует назвать известную с начала XVII в. как башкирская волость группу *еней* – носители этого этнонима с конца XVI в. локализовались в бассейне р. Иж и в низовьях р. Белой. Отметим, что, согласно этногенетическим легендам гайнинцев, *Эйнэ* приходился братом *Гэйнэ* [20, с. 51], т.е. в данном случае моделируются старинные этнические связи групп *гайна* и *еней*. В принципе наименование *еней* (*янэй/жээнэй*) является всего лишь вариантом этнонима *гэйнэ*. В свое время Ю.Ф. Немет и Р.Г. Кузеев уже указывали на восхождение этнонима *еней* к древневенгерскому племенному названию *јепо* [50; 51; 32, с. 338–340], что является вполне обоснованным выводом, несмотря на то, что существуют и противники этой точки зрения [78]. Кроме того, в бассейне р. Тулвы в XVII в. существовала деревня под названием Ермия (Эрэмэ), чье наименование соответствует башкирскому этнониму *юрми*, также родоплеменному подразделению, локализованному на северо-западе Приуралья по соседству с группой *юрматы*. В связи с этнонимом *юрми* укажем, что по башкирским родословным родоначальник племени *юрми* Юрми би считался братом Юрматы бия [32, с. 120], чье имя является эпонимом, отражающим наименование группы *юрматы*. Последний же этноним, как считается, связан с древневенгерским племенным названием *gymat* [32, с. 122]. Поэтому, хотя группа

юрми известна и среди болгар [32, с.242], она изначально, скорее всего, происходила из угорской среды. Встречающийся в разных местах Пермского края в XVII–XVIII вв. этноним *терсяк*, являющийся наименованием родо-племенного подразделения, чьи представители в источниках определяются то как «башкиры», то как «татары», вероятно, восходит к названию волости «Терся», в 1602–1603 гг. отмеченной и в составе Казанского уезда в бассейне р. Иж. Она состояла из «ясачных чувашей и бобылей», считавших себя «потомками черемисов» (*чирмеш населеннэн*) [21, с. 17], что, скорее всего, в данном контексте свидетельствует об угорских корнях этих терсяков [32, с. 241–242].

Таким образом, в Среднем Приуралье и в северо-западном ареале Южного Приуралья вырисовывается обширный регион, в позднее средневековье занятый общностью иштяков/остяков, практически везде уже соседствовавшей с «татарами», можно сказать, «пронизанной» ими. То, что этническая ситуация XV–XVI вв. в этом ареале была далеко не однородной, видно и из одного высказывания русских летописей, относящегося к 1469 г. и повествующего о сборе войск казанским ханом Ибрагимом: «...дополна собрался царь (хан Ибрагим – Д.И.) ... со всею землею своею (выделено нами – Д.И.), Камскою и Сыплинскою и с Костяцкою и з Беловолжскою и Вотяцкою и Бакшарскою» [56, с. 122]. Как видим, в данном случае при перечислении территорий, входивших в состав Казанского ханства, рядом с «Беловолжским» ареалом, т.е., скорее всего, низовьями «Белой Волошки»/Белой – Ак Идели, и «Вотяцким» ареалом (Арская даруга), упоминается зона, названная «Костяцкою», при этом ареал расселения «башкир» («Бакшарская/Башкирская» территория) выделен отдельно. Это обстоятельство, наряду с иными материалами (о них более подробно см.: [16, с. 118–121, 161–162]), не позволяет согласиться с теми исследователями, которые предлагали в позднесредневековых иштяках (остяках) Приуралья видеть собственно башкир. Вот конкретные данные, подтверждающие сказанное. Согласно ногайским делам, в 1578 г. ногайцы «приходили ... в Казанский уезд в *остяки* (выделено нами – Д.И.) на верх Камы воевать». Далее это же событие в источнике описывается так: «... по реке Каме на башкирцы и на остяки Казанского уезда [приходили ногайцы] ... и башкирцы и остяки, собрався, иных побили...» [66, с. 11]. Из послания ногайского бия Уруса царю Федору Ивановичу за 1586 г. также видно, что «башкирцы» и «остяки» выступают как этнически разные группы [54, с. 8]. В итоге, несмотря на то, что в документах 1560–1580-х годов обнаруживаются и случаи, когда понятия «остяк» и «башкир» выступают как синонимы, полного их отождествления не наблюдается. Не случайно В.В. Трепавлов, опираясь на приведенные выше сведения 1578 г., выдвинул гипотезу о том, что «средневековые башкиры» вообще состояли из двух групп – западной (точнее, северо-западной), называвшейся «иштяками», и восточной (юго-восточной), именовавшейся «башкирами». По мнению этого исследователя, эти две общности противостояли присутствовавшим в Южном Приуралье как серьезная политическая сила ногайцам, не смешиваясь с ними [66]. В результате В.В. Трепавлов оказался оппонентом Р.Г. Кузеева, высказавшего в свое время тезис о том, что иштяками первоначально именовались всего «несколько башкирских племен и родов», но в XVII–XVIII вв. вначале так стали называть «восточных башкир», а затем и всех остальных. Параллельно этот исследователь утверждал, что «нет никаких данных, которые бы позволили считать термин «иштяк» древним самоназванием хотя бы части башкир» [32, с. 203–209; 38, с. 243–244]. Однако, если дело обстоит бы таким образом, мы вряд ли бы имели в русских летописях, описывающих политическую си-

туацию в Южном Приуралье второй половины XV в., уже отмечавшееся этнотерриториальное образование, маркированное как «Костяцкое» (явно от понятия «остяк»), как и последующие обозначения целой группы родоплеменных подразделений, локализованных на северо-западе Южного Приуралья и в Пермском Приуралье, как «остяки». К тому же Р.Г. Кузеев никак не объяснил причину распространения лишь в XVII–XVIII вв. термина «иштяк», причем странным образом с востока на запад Южного Приуралья. Им также не был дан ответ на следующий напрашивающийся вопрос: если наименование «иштяк» не являлось эндонимом определенной этнической группы, то каким образом оно стало понятием, применявшимся в прошлом казахами, узбеками и ногайцами по отношению к территориально близким башкирам и сибирским татарам?

Очевидно, что с учетом всего сказанного более обоснованным представляется вывод о том, что в северо-западной и северной зонах Южного Приуралья и в Среднем Приуралье в средневековье расселялась особая этническая общность, именовавшаяся в русских источниках как «остяки» (в источниках ногайского происхождения – как «иштяки»). Одной из важных этнокультурных особенностей этой группы была, как уже установлено, ее неполная исламизированность даже к 1570-м годам (об этом см.: [22]), что сближало приуральских иштяков с сибирскими татарами XVI века. Такая этнокультурная специфика данных двух этнических общностей, именовавшихся «иштяками», при детальном анализе представляется вовсе не случайной. В частности, в одной генеалогической таблице, озаглавленной как «Шеджере башкирских племен» и найденной в той же тетради, что и родословные племен *юрматы* и *айле*, после имени Мораддина (похоже, подразумевается сын Идегея Нураддин) идет имя его сына Кинжи (его братом выступает *Юрматы*), а в числе сыновей Кинжи числится *Иштяк*, а вот среди сыновей Иштяка названы *Бикатун* (старший его сын – *Айле*) и *Юрми* [4, с. 173–174]. Если учесть, что башкирскому этнониму *айле* соответствует сибирско-татарский этноним *аялы* (крупное родо-племенное подразделение сибирских татар в XVI–XVII вв. [46, с. 352]), а эпонимы Иштяк, Бикатун и Юрми у сибирских татар сохранились в виде топонимов (Пигэтин, Юрмы, Иштэк) [68]), возникает проблема учета роли сибирско-татарского населения в формировании этнической общности приуральских иштяков.

В плане выявления влияния средневекового населения Западной Сибири на приуральское население следует отметить некоторые новые сюжеты, на которые до сих пор в исторической литературе внимания практически не обращалось. При этом можно будет объяснить и причину присутствия в позднесредневековых источниках, имеющих отношение к Приуралью, наряду с «остяками» и «татар», являвшихся, как мы полагаем, в одних случаях ногайцами, а в других – тюрко-татарскими группами, изначально связанными с владениями Шибанидов, начиная со времени формирования Улуса Джучи игравшими важную роль не только в Западной Сибири, но и в Приуралье, на что до недавнего времени должного внимания не обращалось (см. по этой проблеме: [23]). Следует заметить, что если учитывать обширность этнополитических связей ногайцев и Шибанидов в XV–XVI вв., на самом деле нет принципиальных различий между населением Ногайской Орды и группами, находившимися в составе владений Шибанидов (государстве кочевых узбеков, Тюменском и Сибирском ханствах) – в обоих случаях речь идет о средневековых татарах, т.е. о населении, имевшем золотоордынские этнические истоки (подробнее см.: [24; 25; 26]).

Так как вопрос о ногайском присутствии в Приуралье уже привлекал внимание исследователей [32; 66; 16; 13, с. 199], мы можем ограничиться в данном случае только одним из его аспектов, а именно выяснением роли ногайцев в этническом становлении тюркского населения интересующей нас зоны. Дело в том, что начиная с Р.Г. Кузеева существует мнение [32, с. 487; 34, с. 103–107], что ногайский компонент являлся последним, но незначительным слагаемым «башкирской народности на самых поздних ... стадиях башкирского этногенеза». При этом этот исследователь полагал, что ногайскими включениями в состав башкир следует считать только те группы, которые имеют определение «ногай» (ногай-юрматы, ногай-кыпчак, ногай-бурзян и т.д.), а многие другие общины для ногайцев и башкир этнонимические параллели объявлялись им результатом «общности мощного кыпчакского компонента в формировании обоих народов» [39, с. 55]. Думается, что эти утверждения нуждаются в пересмотре, ибо они не учитывают того, что понятие «ногаи» в позднем средневековье являлось еще не столько этнонимом, сколько политонимом, и сами «ногайские татары» состояли из множества племен (основных насчитывалось от 12 до 14 [16, с. 156] или 18 [44, с. 126], а со вторичными подразделениями их число доходило до 140 [67, с. 490]), имевших разные этнические истоки, но оказавшихся в позднезолотоордынское время в политических рамках Ногайской Орды, в свою очередь, однако, имевшей весьма тесные политические контакты с государствами Шибанидов, население которых во многом состояло из тех же родо-племенных подразделений, что и ногайские татары.

В целом вопрос о ногайском включении в состав населения Приуралья можно решить на основе анализа родо-племенного состава башкир и приуральских татар (но у последних эти деления сохранились намного меньше) в XVI–XVIII вв. в сравнении с ногайцами. Такая работа, проведенная нами ранее [16, с. 153–174], позволяет утверждать, что за исключением «иштыкских» групп и родо-племенных подразделений, являвшихся в составе ногаев этническим наследием собственно монгольского, раннеджучидского времени и эпохи Шибанидов (мангыт, конгурат, кыйат, найман и др.), на этапе позднего средневековья в Южном Приуралье, в первую очередь, в его северо-западной зоне, «башкир» и «ногаев» друг от друга отделить практически невозможно, ибо родо-племенные подразделения, характерные тут в XVII–XVIII вв., в большинстве случаев обнаруживаются и у ногайцев, иногда, правда, по косвенным данным (о последних см.: [16, с. 154–158]). Следовательно, пока ногаи находились в Южном Приуралье – а их окончательный уход оттуда под давлением калмыков произошел лишь в 1630-х годах – вряд ли можно предположить, что эта политически доминировавшая тогда в данном регионе этнополитическая общность могла причислять себя к «башкирам» или «иштыкам». Действительно, исследователи, оценивавшие ситуацию этой эпохи в Приуралье, пришли к выводу, что «башкиры» и «иштыки» не смешивались в источниках с «ногаями», выступая как «противостоящие друг другу ... уже сформировавшиеся этнические общности» [66, с. 11]. Отсюда следует, что «башкиризация» ногайских родо-племенных образований, оставшихся в Приуралье, произошла достаточно поздно, о чем мы можем узнать и из некоторых башкирских источников. В частности, из родословной юрматынцев явствует, что после ухода ногайцев из бассейна р. Белой «на Кубань» те из ногайской знати, которые решили остаться среди «иштыков» (т.е. ясного населения из юрматынцев), впоследствии стали называться «иштыками» (*«иштэк аталдылар»*) [4, с. 29].

Однако средневековое «татарское» население Приуралья состояло отнюдь не только из ногайцев, о чем свидетельствуют многие данные, краткий обзор которых ниже будет приведен. Прежде всего следует сосредоточиться на материалах, касающихся Среднего (Пермского) Приуралья, так как они позволяют протянуть связующую нить и с населением более южных ареалов Приуралья, по которым сохранившиеся данные не столь представительны.

Начнем с территории бассейна р. Тулвы, где местное население, как отмечалось, состояло из гайнинцев, в XVI в. именовавшихся «остяками», в XVII в. – «татарами» и «башкирами». Так вот, именно среди потомков этого населения в XVIII в. было записано предание о том, что «... в XIII столетии предки их *татары* (выделено нами – *Д.И.*), пришедшие из Азии, поселились около Волги и Камы, а затем покорили и живших по р. Чудской» (видимо, Чусовой – *Д.И.*) (цитируется по: [16, с. 122]). Генеалогия знатной части этой группы, известная по разным документам, позволяет расшифровать формулировку о «татарах, пришедших из Азии». Дело в том, что предки этих князей выводятся «из Булгара», откуда они ушли во время его взятия Тимуром. Приведенные в документе клановые атрибуты этой группы (о них см.: [76, с. 98; 27, с. 48]) полностью совпадают (за исключением тамги) с таковыми же одного из племенных вождей – Буркут-бия из «Дафтар-и Чингиз-наме» [16, с. 45], чье имя является эпонимом, за которым скрывается клан *буркут*. Показательно, что с Буркут (*Бөркет*)-бия начинается еще одно родословное, записанное среди татар Бирского уезда Уфимской губернии, т.е. живших там несколько южнее гайнинцев. В этой родословной сообщается о проживании Буркут-бия во время Чингиз-хана, приводятся клановые атрибуты, совпадающие с отмеченным выше, а также, что весьма важно, позволяющие связать этих татар не только со знатными гайнинцами, но и с татарско-остяцким населением бассейна Сылвы и Ирени [16, с. 123]. Еще в одной родословной, найденной в смежном ареале, упоминается Тарагай-би сын Буркут-бия, «прибывший» в бассейн р. Агидель «из Крыма». Наконец, эти же лица фигурируют среди предков башкир из клана *канглы* с указанием, что они «прибыли с берегов Черного моря, из Крыма» [16, с. 123].

Так как приведенные материалы носят системный характер, появляется возможность увязать их с эпохой монгольского завоевания Волго-Уральского региона, в ходе которого, как сейчас установлено [28, с. 25], у Шибана, участвовавшего также в покорении Крыма, в составе его сорокатысячного войска находилось и одно десяти-тысячное подразделение, состоявшее из буркутов во главе с Тайбугой (основатель рода сибирских князей – Тайбугидов). Если учесть, что на родовых землях пермских «остяков» и «татар» протекала р. Кунгур/Камгур, а этноним *кунгур* был известен среди ногайцев [16, с. 123], кроме того, Кунгур-би из клана кушчи фиксируется среди «самых приближенных» лиц Шибанида Абул-Хайр-хана, основателя Шибанидского ханства (=государства кочевых узбеков) [24, с. 29, 55], то появится также возможность увязать «татар и остяков» из группы кушчи в XVII в. с шибанидскими татарами. Наконец, нам известно о проникновении значительной группы сибирских татар *табынцев* из Западной Сибири в Пермское Приуралье (с берегов Иртыша к р. Миасс, затем оттуда по Чулману в Пермский край и южнее) в последней четверти XV в. Важно, что предок этой группы – Майки-би – лицо историческое – бывший *уйшуном* по клановой принадлежности, в генеалогии имеет предшественника, названного «Тәмән-би» [24, с. 39–42], чье имя, скорее всего, является эпонимом. Хотя впоследствии эта группа расселилась достаточно широко, в т.ч. и западнее пермской зоны,

оставшаяся их часть на Урале – башкиры из подразделения *дуван*, утверждали, что их предки прибыли не только с «Иртыша», но и «Алтая» [32, с. 213].

Последнее же позволяет предположить, что эпоним «Төмән» отражает наименование крупного родо-племенного подразделения, действительно проживавшего в эпоху Джучи на Алтае, – это клан тумат/тама/тамийан (аргументацию на этот счет см.: [29]), воины из состава которого составляли еще одну тьму в войсках Шибана [26, с. 25]. Весьма показательно, что Г. Чокрый, оставивший письменную версию родословной клана *кара-табын* (часть племени *табын*), о своих предках пишет, что они происходили «от эрми и чермишей», т.е. не совсем тюрок, у которых «не было [видно] религии» (имеется в виду ислам – *Д.И.*) (цитируется по: [24, с. 42]). Этот факт как раз свидетельствует о том, что Южное и Среднее Приуралье еще в XV в. оставалось местом «притяжения» для тюрко-угорских групп из Западной Сибири, в том числе и потому, что эта зона в значительной мере являлась территорией, подконтрольной Шибанидам. С учетом сказанного можно понять, откуда на самом деле алтайско-сибирский «след» в приуральских говорах татар и башкир. Тем более, что такие группы, как буркут (баргут), тумат/тумат, кошчи, а также таз, найман первоначально жили на Алтае, скорее всего, будучи после завоевания в начале XIII в. присоединены к улусу Шибана [29]. В реальности эта группа, проникшая в Приуралье и Зауралье в составе «народа» ранних Джучидов, была значительно больше. В частности, ряд крупных родо-племенных образований, которых Р.Г. Кузеев относил к кыпчакам (каитайская, табынская и минская группы [32, с. 465]), к ним не имеют отношения, являясь выходцами XIII в. из районов Алтая и прилегающих территорий [29], что заметили и некоторые другие исследователи (обзор археологических данных на этот счет см.: [1, с. 97–99]).

Еще одним слагаемым золотоордынских татар в Приуралье являлись кыпчаки, точнее, восточные, так называемые «дикие» половцы, бывшие на самом деле по этнической принадлежности *кимаками* (*йемеки*). В связи с тем, что Р.Г. Кузеев приложил массу усилий для выявления этого, по его терминологии – кыпчакского компонента (он кимаков отдельно не выделял) в составе башкир [32; 33; 34; 39], мы коснемся только одной из сторон этой весьма непростой проблемы, связанной с тем, что элита кимаков состояла из татар, о чем в литературе все еще написано недостаточно (более подробно см.: [43; 4; 2; 30]).

Начать следует с одного высказывания Шибанида Абул-Гази Бахадур-хана (1603–1664), который в труде «Шеджере-и тарахимэ» («Родословная туркмен») при рассмотрении вопроса о взятии зимой 1220–1221 гг. столицы государств хорезмшахов г. Ургенча монголами замечает, что оттуда Джучи «с приданными ему нукерами ... пошел (дело могло происходить на самом деле и позже, например, в 1225 г. – *Д.И.*) в Дешт-и Кыпчак», где «кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь (т.е. в XVII в. – *Д.И.*) является потомками тех кыпчаков» [42, с. 44]. Поскольку в этом сочинении описываются события, случившиеся до основного западного похода монголов, начавшегося в 1235 г., речь тут, скорее всего, идет о кимаках и это высказывание заслуживает внимания, ибо в некоторых русских летописях также есть сообщение о том, что в 1229/1230 г. «Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татари» [55, с. 453].

Из контекста этого известия ясно, что столкновения наступающих монгольских войск с кыпчаками (кимаками) и сторожевыми булгарами, находившимися в районе

р. Яик, произошли тогда на левом берегу Волги, точнее, где-то вблизи Яика. Поэтому бегство кимаков, уже успевших испытать тяжесть боевых действий с наступающими монгольскими войсками еще в 1219–1221 гг., на земли «иштяков», т.е., скорее всего, в Приуралье, представляется вполне возможным (как и уход их к знакомым им границам Волжской Булгарии). На самом деле есть и другие материалы, подтверждающие сказанное. В частности, благодаря исследованиям Р.Г. Кузеева в составе башкирской этнонимии был выделен ее кыпчакский пласт, отражающий названия башкирских родо-племенных подразделений XVII–XIX вв. Применительно к «собственно кыпчакским» (термин Р.Г. Кузеева, который подразделял указанный выше пласт этнонимов еще на ряд групп) родо-племенным названиям этот исследователь оперирует следующими терминами: *кытчак (кыпсак), канлы, сары/сарыш, елан, байулы, гэрэ/гэрэй, кошсы, кыргыз* и некоторые другие [39]. В данном случае с Р.Г. Кузеевым можно согласиться лишь частично, ибо этнонимы гэрэ (от киреит/гиреит), кошчы и кыргыз следует отнести к тюркской этнонимии зоны Алтая, а родо-племенные подразделения, которые скрываются за этими наименованиями, – к тем подразделениям, которые оказались в начале XIII в. у Джучи, впоследствии – у его наследников, прежде всего у Шибанидов [29]. Таким образом, остаются подразделения кыпчак, канлы (от канглы), сары/сарыш, елан и байулы. К ним, однако, можно добавить и некоторые другие этнонимы, в том числе те, что Р.Г. Кузеевым неправомерно были отнесены к иным, не кыпчакским пластам башкирской этнонимии. В частности, наименование группы *уран* он указал в составе древнебашкирской этнонимии, что противоречит источникам – клан *уран* (оран/уранийцы) находился в составе кимаков, причем являлся там весьма знатным [29; 2, с. 225–234].

Далее, когда этот же исследователь в названный им «древнебашкирским» пласт этнонимов включал и название племени *байлар* [39, с. 193], он явно ошибался, ибо указанный выше кыпчакский этноним *байулы* (бай+улы) и присутствие в одном из документов начала XVII в. формулировки «Тышкы-Еланской волости байларских деревень» [20, с. 47], недвусмысленно взаимоувязывающий родо-племенные подразделения *елан* и *байлар*, скорее свидетельствует в пользу того, что группа байлар – это кыпчакское образование. Это так и потому, что у восточных кыпчаков (кимаков, канглы) известно крупное племенное объединение *байаут* [2, с. 225–234]. Если принять к сведению, что этноним «кыпчак» – это обобщающий термин, который в качестве кланового наименования мог начать применяться лишь после монгольских завоеваний XIII в., в ходе которых собственно кыпчакские племена были уничтожены, следует поискать у их наследников-башкир из «кыпчаков» следы старых делений, которые могли бы вывести нас к кимакам. Действительно, в составе башкирского клана *кытчак* Р.Г. Кузеев отмечает такие подразделения, как *бушман, кара-кыпчак* и *сары-кыпчак* [32, с. 114]. В первом из этих этнонимов узнается имя знаменитого предводителя клана *албары/алпарлы* (илбари) Бачмана (убит в низовьях р. Волги в XIII в.) [16, с. 36–37]. Эта историческая личность фигурирует и в дастане «Туляк и Сусылу», как и его личный клан алпарлы [31]. Такие этнонимы, как «кара-кыпчак», отмечающийся в рукописи, связанной с сибирскими татарами [24, с. 24–25], и «сары-кыпчак» (отсюда – *шары/сары*), имеющий прямое отношение к игравшим важную роль в среде кимаков уйгурам (*сары/сарыг* – уйгуры), также указывают на кимаков. Да и наименования «елан» и «уран», обозначающие в тюркских языках змею, скорее всего, надо рассматривать как соответствующие кыпчакскому этнониму «кай», на монгольском обозначающем то же самое и хорошо известном среди кыпчаков [2]. В этой связи заметим, что в татарском историческом сочинении «Дафтар-и Чингиз-

наме», хотя и источнике позднем (XVII в.), но содержащем более ранние сведения, есть сообщение о некоем «народе барадж» (*бараж халкы*), обитавшем в бассейне р. Зая в «эпоху алпов» и связанном со «змеи-драконом» [77, с. 29], в котором, возможно, также надо видеть тот же «змеиный» народ.

В итоге на северо-западе Южного Приуралья вырисовывается значительная группа восточно-кыпчакских – кимацких в своей основе, кланов (канглы относятся к ним же), на что следует обратить внимание потому, что именно у кимаков их элитная часть восходила к древним татарам, перед монгольским завоеванием сохранявшим татарскую идентичность [29], что позволяет видеть в потомках кимаков часть средневековых (золотоордынских) татар. Эта группа фактически усилила тюрко-татарские кланы, находившиеся во владении у Джучи (это, например, найманы, меркиты, онгуты, возможно, кирейты). То, что кимаки с татарской верхушкой, бывшие до того уже серьезной силой в государстве Хорезмшахов, влились в состав приуральского населения, можно обнаружить и по некоторым косвенным сведениям. Скажем, из письма брата Иоганки Венгра из ордена миноритов, около 1314 г. добравшегося до «Баскардии», где, по его словам, тогда жил «большой народ, подчиненный татарам», мы узнаем, что «судьи баскардов» из татар тогда проповедовали несторианство, а вот «государь всей Баскардии» и «большая часть его семьи» оказались «совершенно заражены сарицинским заблуждением», т.е. являлись мусульманами. Кроме того, там же находились и «сарацинские ученые» (цитируется по: [1, с. 286]. Так как в этот период исламизация Золотой Орды еще только набирала силу, появление мусульман среди политического руководства «Баскардии» в данном случае необходимо рассматривать в первую очередь как влияние переселившихся в Приуралье кимаков, которые были во многом исламизированы в результате тесных контактов с государством Хорезмшахов еще в домонгольское время. В данном контексте также следует заметить, что начиная с письма брата Юлиана, поехавшего на восток в поисках исходной родины венгров и оказавшегося в «Великой Булгарии» перед монгольским вторжением, где он и узнал о существовании «*Ungaria magna* /Великой Венгрии» [1, с. 260–265], в европейской исторической традиции, заложенной Плато Карпини (1245–1247) и Гильомом де Рубруком (1253–1255), земля «Баскарт» или «Паскатир», соприкасающаяся «с запада» с «Великой Булгарией», – это и есть «*Ungaria magna* /Великая Венгрия», население которой имело, хотя бы частично, тот же язык, что и венгры [1, с. 270–272]. Но уже Рубрук сообщает, что население «земли Паскатир» (читай – «Великой Венгрии» – *Д.И.*) после покорения «татарами» было затем по неизвестной причине еще подчинено («покорено») «соседними Булгарами и сарацинами», после чего «многие из них стали сарацинами» [1, с. 272]. В данном случае упоминающиеся тут «сарацины» это, скорее всего, исповедовавшие ислам кимаки, отличавшиеся от «булгар». Именно при таком понимании складывающейся в XIII – начале XIV в. этнокультурной ситуации в Южном Приуралье можно понять появление в начале XIV в. мусульман и среди политической верхушки из татар, правивших тогда «Баскардией». Весьма вероятно, что этот «государь» был из Шибанидов (другую точку зрения см.: [1, с. 197–198]), на что может намекать информация Иоганки Венгра, отмечающего приход «к христианскому (несторианскому – *Д.И.*) судье баскардов» из татар некоего «судьи из страны Сибирь» [1, с. 286–287]. Думается, что этот пассаж свидетельствует о существовании каких-то постоянных контактов между Приуральем и Западной Сибирью, что является, скорее всего, отражением их вхождения в состав владения именно Шибанидов [23; 26].

Таким образом, при признании существования в средневековье в обширной зоне Южного Приуралья исторической территории «Баскардия» (вар.: Баскарт/Паскати́р), которую, однако, параллельно именовали, во всяком случае, в XIII в., и «Великой (Старшей) Венгрией», возникает задача объяснения этнических реалий, стоявших за этими маркерами. Пожалуй, можно соглашаться со сформулированной еще Р.Г. Кузеевым гипотезой о том, что за термином «Баскардия» скрываются те группы собственно башкирских племен (это кланы бурзян, усерган или муйтен, тангаур, тамьян, что правда под вопросом и ряд др.) [32, с. 425–441], у которых действительно прослеживается устойчивое бытование эндонима «башкорт» [16, с. 162–163]. На самом деле к этим «древним» башкирам позже добавились и некоторые другие, уже золотоордынские татарские кланы (минг, катый, кыпчак, кубеляк), впоследствии традиционно числившиеся «настоящими» башкирскими «родами» [49, с. 170], что явно отражает процесс постепенного этногенеза средневековых башкир в юго-восточной зоне Приуралья. Но северо-запад Приуралья, по отношению к которому и применялся термин «*Ungaria magna*/Великая Венгрия» [1, с. 115–130], продолжал населяться «иштяками», постепенно, правда, входившими во взаимодействие с булгарскими и кимакско-татарскими (золотоордынскими) группами, выступавшими в Среднем и Южном Приуралье и в смежных зонах Зауралья по большей части как «татары» разных этнополитических ипостасей («казанские», «шибанские», «тюменские», «сибирские», «ногайские» татары). Как показывают источники, в северной зоне Приуралья (исторический «Костяцкий» ареал XV–XVI вв.) с примыкавшей к нему зоной Восточного Закамья процесс этнического взаимодействия прямых наследников золотоордынских «татар» с «иштяками» еще не был завершен даже к началу XVII в. Скорее всего, похожая ситуация была и в Зауралье. Например в некоторых документах, опубликованных в свое время Г.Ф. Миллером и относящихся к началу – первой трети XVII в., в ряде будущих уральских и зауральских «башкирских» волостей (кланы *табын, катый, салджигут, айле, терсяк, сынрян*) отмечены «татары» и «башкиры», иногда маркируемые просто как «татары» [17, с. 46], что весьма напоминает ту этническую картину, которая прослеживается применительно к Среднему Приуралью в синхронных документах.

Культурологические и лингвистические материалы подтверждают сказанное. Так, на основе картографирования элементов традиционной культуры башкир С.И. Руденко в Приуралье удалось выделить «северо-западную [культурную] область» [61], достаточно точно совпадающую с зоной расселения средневековых «иштяков». А выдающийся тюрколог А.Н. Самойлович, в 1920-х годах занимавшийся этнолингвистическими исследованиями, показал, что именно башкиры этой зоны (пермские, по его терминологии), относятся в рамках обширного «окско-волжско-камско-тобольского культурно-географического района» к более древнему историческому «слою», который он связал с «чувашско-башкирско (имеются в виду только северо-западные или пермские башкиры) – мишарско-финскими» этническими группами, которым противостоит второй, собственно «татарский» (сейчас бы мы сказали – «золотоордынский») этнолингвистический слой (куда включаются и юго-восточные башкиры), обнаруживающий также связь с «оседло-туркестанским регионом» [62, с. 63].

Одной из особенностей иштяков северо-западного Приуралья, соответствовавших чияликской археологической культуре XI–XIV вв. низовьев рек Белой и Ика, где до конца XIV в. сохранялись следы язычества [41, с. 97–98], а также родственной слывенской археологической культуре Пермского Приуралья [3, с. 177,

216–217], чьи наследники до XVI в. тоже сохраняли следы язычества, была их тесная связь с булгарами, включавшими значительный угорский компонент изначально, но затем постоянно подпитывавшихся за счет переселенцев в Волжскую Булгарию из угорской среды Приуралья [14, с. 137, 416, 629–630]. Однако было и обратное движение булгар в среду приуральских угров [7, с. 132–136; 14, с. 399, 407], что в конечном счете и способствовало этническому сближению булгар с приуральскими иштяками. По мере «превращения» волжских булгар в золотоордынский период в «татар», сходный этнический процесс мог охватить и приуральских иштяков, на переходной стадии еще выступавших как двуединое, «остяцко-татарское» население (рубеж XVI–XVII вв.), затем, однако, «кристаллизовавшихся» в этнически более однородные общности «татар» (пермских, уфимских) и «башкир», в последнем случае сохранявших в причудливых формах память о своих древних этнических корнях и связях. Скажем, в сохранившемся в составе родословной XVIII в. рассказе о путешествии выходца из клана айле «в страну Кубань», где произошла его встреча с ногайцами, проявившими поразительную осведомленность о родоплеменной структуре айлинцев, на вопрос одного из «древних стариков» из ногайцев этому айлинцу: «Ты сын какой земли?» – последовал ответ: «*Болгарлык иштәкмен*» («Я булгарский иштяк») [4, с. 169]. Хотя в данном контексте понятие «иштяк» можно рассматривать как синоним этнонима «башкир» (как, впрочем, и у Абул-Гази Бахадур-хана в XVII в.), все-таки использование понятия «иштәк» в качестве этнонима, да еще в специфическом «булгарском» обрамлении, будь то в данном случае в смысле политонима или этникона (т.е. как указание на былую принадлежность к Булгарскому вилайету/Казанскому ханству), выводит такую идентичность за пределы «башкирского» самосознания. Впрочем, уже приведенные исторические предания гайнинцев в XVIII в. указывали на предков из «татар», на выход их из «Булгара» и на подчинение «кипчакским» и «казанским» «царям» или «ногайскому хану» [16, с. 122].

На самом деле это означает, что в средневековье Приуралье являлось общей зоной этногенеза татар и башкир, во многом вобравших в себя одни и те же этнические компоненты. Поэтому здесь к началу развернувшейся со второй половины XVI в. массовой миграции татар из Поволжья сохранялась этническая переходность между формировавшимися в этой зоне башкирами и приуральскими (а частично и зауральскими, т.е. сибирскими) татарами.

Список литературы

1. Антонов И.В. Башкиры эпохи средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012.
2. Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989.
3. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
4. Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.
5. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 72–136.
6. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.86–152.

7. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2000.

8. Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1982. С. 18–40.

9. Вишневский Б.Н. Следы угров на Западном Урале // Ученые зап. ПГУ. Т. 12. Вып. 1. Пермь, 1960. С. 255–269.

10. Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 2. Пермь Великая в XVII в. Пермь, 1982. Вып. 8. К истории Зауральской торговли. Башкиры. Пермь, 1900.

11. Дмитриев А.А. Житие св.Трифана Вятского как источник сведений о Перми Великой в XVI в. // Труды Пермской учен. архив. комиссии. Вып. 2. Пермь, 1983. С. 20–41.

12. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

13. История башкирского народа в семи томах. Т. II. Уфа: Гилем, 2012.

14. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во «РухИл», 2006.

15. История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Артефакт», 2014.

16. Исааков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998.

17. Исааков Д.М. К вопросу об этнической принадлежности «остяков» Приуральско-Зауральской зоны в XVI–XVII вв. // Наш след в истории. Без тарихта эзлебез. Барда, 2015. С. 44–51.

18. Исааков Д.М. Остяцкая земля: локализация и населения в XV–XVII вв. // Congress Septimus Internationalis Finno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertations. Vol. 4. Ethnologica et folklorica, 1990. P. 386–391.

19. Исааков Д.М. К вопросу об «остячком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья: Сборник статей. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 114–121.

20. Исааков Д.М. Из этнической истории татар восточных регионов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: КФ АН СССР, 1985. С. 36–65.

21. Исааков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII – начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1990. С. 5–30.

22. Исааков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (Казань, 8–11 июня 2001г.). Istanbul, 2004. С. 223–233.

23. Исааков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайяте Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 128–145.

24. Исааков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки / Серия «Этнополитическая история татар». Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006.

25. Исааков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.

26. Исааков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайяте в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV века. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013.

27. Исааков Д.М. Ислам у татар Прикамья в средние века: историко-этнографические данные // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках третьего регионального форума мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2012» (г. Пермь, 16 марта 2012 г.). Пермь: ПГТТУ, 2012. С. 46–51.

28. Исааков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд-во «Фэн», 2009. С. 24–30.

29. Исааков Д.М. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 122–157.

30. Исааков Д.М. К вопросу этнической принадлежности татар домонгольского времени // Кыргыз жана карахандар каганттары: Куттуу билим жана мамлакет: карахандар даорунун залкар ойгылуу жана акыны Жусуп Баласагъдын 1000 жылдыгына арналган IV эл аралык илимий-тапсрыйбалык жыйындыгы баяндамалардан жыйнагы: 2015 – жылдан аяк (сентябрь) айының 18–19 у. Бишкек ш. Бишкек: «Maхprint» басмасы, 2015. С. 238–240.

31. Исааков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.

32. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.

33. Кузеев Р.Г. Роль этнической стратификации родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии (Доклад, представленный на IX МКАЭН). М., 1973.

34. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.

35. Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957.

36. Кузеев Р.Г. Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству // Материалы научной сессии, посвященной 400-ю присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 3–23.

37. Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.

38. Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа, 1963. С. 228–248.

39. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978.

40. Киреев А.Н. Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 60–63.

41. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978.

42. Коновалов А.П. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.-Л., 1958.

43. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алмата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.

44. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1988.
45. Кумекоев Б.Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX Постоянной международной алтаистической конференции (РІАС). Ташкент. Сентябрь 1986, I. История, литература, искусство. М., 1986. С. 39–40.
46. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
47. Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
48. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977.
49. Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1980. №1. С. 164–192.
50. Немет Ю. Специальные проблемы татарского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. №6. С. 126–136.
51. Немет Ю. Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. Т.4. Уфа, 1971. С. 249–262.
52. Оборин В.А. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 28–38.
53. Оборин В.А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнология Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 130–135.
54. Пекарский П.П. Когда и для чего основали города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. Т. X. №5. СПб., 1872. С. 1–29.
55. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962.
56. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
57. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII вв. М., 1956.
58. Рамазанова Д.Б. Общие моменты лексики говора пермских татар с восточно-тюркскими языками // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 107–115.
59. Рамазанова Д.Б. К истории формирования пермских татар // Пермские татары. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1983. С. 137–154.
60. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1996.
61. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир. Л., 1925.
62. Самойлович А.Н. Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. Т. II. Петроград, 1923. С.98–119.
63. Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае // Новый Восток. 1927. Кн. 18. С. 210–217.
64. Теплоухов А.Ф. Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского Общества любителей естествознания. Т.39. Свердловск, 1924. С. 81–112.

65. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
66. Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. №2. Уфа, 1997.
67. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2001.
68. Тумашева Д.Г. Этнические связи западносибирских татар (по материалам топонимии и антропологии) // Советская тюркология. 1987. №2. С. 38–51.
69. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967.
70. Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 30–37.
71. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
72. Халиков А.Х. История формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–36.
73. Шишонко В. Пермская летопись. III период (1645–1676). Пермь, 1884.
74. Юсупов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1982. С. 43–50.
75. Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары. Урал сөйләшләре. Казан: «Мәгариф» нәшрияте, 2003.
76. Әхмәтжанов М.И. Пермь өлкәсе шәжәрәләре // Пермь татарлары турында. Барда, 2000. С. 84–98.
77. Дәфтәр Чынгыз-намә. Казан: «Иман» нәшрияты, 2000.
78. Mándoky Kongur I. The question of identifying the Hungarian tribal name *Jenő* with the Bashkir ethnonim *Yänäy* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. Vol. 42, no 1. P. 43–48.

§ 5. Правовое развитие тюрко-татарских государств XV–XVII вв.: основные тенденции

Роман Почекаев

В результате распада «степных империй», в том числе и Золотой Орды, сложная и многоуровневая система имперского права фактически прекратила свое существование. На смену единому государству пришел целый ряд государств (собственно тюрко-татарские ханства), правовая культура которых находились на совершенно ином уровне. Прежде всего, это проявилось в том, что в тюрко-татарских государствах прежние элементы единой правовой системы, существовавшей в Золотой Орде, превратились в самостоятельные правовые системы, сосуществовавшие в рамках одного государства. Поэтому, давая характеристику правовой культуры тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., следует рассматривать параллельное сосуществование в них таких самостоятельных правовых систем (и культур), как имперское правовое наследие державы Чингис-хана и Золотой Орды, обычное право кочевых и оседлых народов, населявших эти государства, и религиозное право (шариат). В Золотой Орде конкуренция этих столь разных правовых систем сглаживалась авторитетом сильной центральной власти, заинтересованной, прежде

всего, в защите своих интересов с помощью всех возможных правовых принципов и норм разного происхождения. В тюрко-татарских же государствах, пришедших на смену Золотой Орде, эта конкуренция, более не сдерживаемая центральной властью (сильно ослабленной в результате распада Золотой Орды), проявлялась порой весьма ярко. Одной из особенностей правового развития наследников Золотой Орды стало то, что они пошли по разному пути. Одни, образовавшиеся в регионах, издавна (еще задолго до монгольского завоевания) имевших мусульманские традиции, превратились в государства с доминирующим положением шариата – к ним относилось, в частности, Казанское ханство. Другие, представлявшие собой преимущественно кочевые государственные образования, в большей степени стали опираться на нормы обычного права – тюменское государство Шибанидов, Ногайская Орда, Сибирское ханство [56, с. 43]. Однако какая бы система права ни доминировала в каждом из этих государств, во всех них сохранилось действие всех трех основных правовых систем (имперского права, обычного права и шариата), причем если в одних случаях нормы одной системы подменяли или вытесняли нормы другой, то в других они дополняли или взаимно заменяли друг друга.

Существование вышеназванных правовых систем в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. позволяет считать их полноправными наследниками государственности и права Монгольской империи и Золотой Орды и отнести к тому же уникальному типу тюрко-монгольской кочевой правовой культуры.

Исследователи неоднократно обращались к вопросам истории государства и права тюрко-татарских ханств. Прежде всего следует отметить фундаментальное исследование М.А. Усманова по дипломатике тюрко-татарских государств XIV–XVI вв. [74], а также оригинальное исследование Д.М. Исхакова о роли высшего мусульманского духовенства (в первую очередь – сеидов) в пост-ордынских государствах [23]. Однако, как правило, большинство специалистов сосредотачиваются на истории конкретного государства, включая государственные и правовые аспекты его развития.

Политико-правовые аспекты истории Казанского ханства освещены в монографиях М.Г. Худякова, Ш.Ф. Мухамедьярова, Д.М. Исхакова, А.Г. Бахтина [5; 26; 43; 78]. Ряд вопросов правового характера затронут в работах Ш.Ф. Мухамедьярова (земельные правоотношения), Д.М. Исхакова (роль мусульманского духовенства в политико-правовой жизни общества), В.В. Трепавлова (оформление правоотношений с другими пост-ордынскими государствами) [23; 42; 66].

История Ногайской Орды подробно освещена в фундаментальном исследовании В.В. Трепавлова, уделившего значительное внимание политической жизни и правоотношениям в этом государстве [65]. Помимо В.В. Трепавлова, являющегося также автором многочисленных статей по ногайской истории, отдельные аспекты политико-правовой истории Ногайской Орды освещали и другие авторы. Так, в работах Е.А. Поноженко рассмотрены вопросы административного устройства, суда и судебного процесса у ногайцев [49; 50]. В работах В.М. Викторина освещается роль обычного права в жизни ногайцев, а также особенности административного устройства Ногайской Орды [11; 12; 13].

Политико-правовая история Тюменского юрта / Сибирского ханства представлена в работах ряда современных исследователей. Общие вопросы политико-правового устройства отражены в работе Д.М. Исхакова [22]. Анализ правовых документов (посланий тюменских и сибирских правителей) проводят А.Г. Нестеров и А.К. Бустанов [8; 46]. Д.Н. Маслюженко исследует вопросы статуса монархов и со-

правительства в этом государственном образовании [32; 33; 34; 35; 36]. В работах Д.М. Исакова и З.А. Тычинских освещены проблемы административно-политического и территориального устройства Сибирского ханства в XVI–XVII вв., а также статуса его бекляри-беков [24; 70; 71; 72]. Отдельные аспекты правовой истории Сибирского ханства рассмотрены также Р.Ю. Почекаевым [55; 57].

Несомненно, столь существенные различия исследований различных тюрко-татарских государств по количеству, объему, уровню и затрагиваемым аспектам объясняются состоянием базы правовых памятников по каждому из этих государств.

Наибольшее количество источников имеется по истории государства и права (и, соответственно, правовой культуре) Крымского ханства, тогда как от тюрко-татарских государств Приуралья до нас дошли отдельные документы, тем более имеющих политико-правовой характер. В частности, лишь несколько юридических памятников сохранилось от Казанского ханства. Это, в первую очередь, немногочисленные ханские ярлыки и послания, публикации которых в разное время осуществляли и сопровождали исследованиями С.Г. Вахидов [9], М.А. Усманов, Ш.Ф. Мухамедьяров и Р. Степанов [14; 44], И. Вашари [82], Д.А. Мустафина [41], С.Х. Алишев [2]. Кроме того, ссылки на акты Казанского ханства имеются и в ряде документов более позднего времени (конец XVI – XVIII вв.) – подтвердительных актов русских государей, выдававшихся уже тогда, когда Казанское ханство уже вошло в состав России [10].

Значительное число документов сохранилось от Ногайской Орды – благодаря дошедшим до нас многочисленным посольским книгам по связям Московского царства с этим государством, в которых содержится немало число официальных актов (посланий) ногайских биев и мурз, а также адресованных им посланий и «ярлыков» московских правителей. История публикаций этих источников начинается с конца XVIII в. Наиболее значительные на сегодняшний день публикации посольских книг по связям России с Ногайской Ордой были осуществлены Н. Новиковым [47], Г.Ф. Карповым [48], М.П. Лукичевым, Н.М. Рогожиным, Б.А. Кельдасовым и Е.Е. Лыковой [51; 53], В.В. Трепавловым и Д.А. Мустафиной [52; 54].

Весьма немногочисленны правовые памятники Тюменского юрта и Сибирского ханства. До нашего времени дошли лишь несколько дипломатических документов – грамот тюменских / сибирских ханов XV–XVI вв., нередко ошибочно именованных ярлыками, а также посланий московских государей сибирским монархам. Эти источники неоднократно публиковались и цитировались в различных тематических сборниках и исследовательских трудах (см., напр. [3; 22; 45; 51; 53; 61, с. 129–132]). Дополнительные сведения, касающиеся политико-правовых аспектов Сибирского ханства, содержатся в грамотах московских царей XVI–XVII вв., которые опубликованы в качестве приложения к фундаментальному труду Г.Ф. Миллера [38; 39; 40], а также в документах по истории русско-монгольских дипломатических отношений середины XVII в. [59].

В результате большинство исследований правовой культуры тюрко-татарских государств представляют собой анализ основных источников по истории государства и права (юридических памятников) и реконструкцию на их основе государственно-административного устройства этих государств, т.е. в большей степени внимание уделяется политической и государственной, а не правовой составляющей. Правовой аспект затрагивается в гораздо меньшей степени, причем, что вполне объяснимо, исследователи наиболее подробно описывают мусульманский (шариатский) аспект тюрко-татарской правовой культуры – отмечая, впрочем, своеобразие

«национального ислама» каждого из рассматриваемых государств, – а также отдельные аспекты обычного права.

Однако эволюция принципов и норм имперского («чингизидского») права в тюрко-татарских ханствах XV–XVIII вв. до сих пор так и не стала объектом глубокого исследования, а ведь именно наличие этой системы позволяет говорить об этих государствах как о прямых и непосредственных наследниках Золотой Орды и ее государственно-правовых традиций. Соответственно, сосуществование в тюрко-татарских государствах нескольких правовых систем в рамках одного государства, выделенное нами как главная специфическая черта, особенность их правовой культуры, на сегодняшний день остается практически неисследованной.

Сам факт того, что тюрко-татарские государства являлись политическими преемниками Золотой Орды, а также того, что в большинстве их (за исключением Ногайской Орды) правили прямые потомки Чингиз-хана и золотоордынских ханов, обусловил применение в этих государствах источников, принципов и конкретных норм имперского права.

В первую очередь это было связано с сохранением самого института ханской власти, причем монополию на титул во всех тюрко-татарских государствах в течение всего рассматриваемого периода сохраняли потомки Чингиз-хана [6, с. 27]. Исключение составляли лишь правители Ногайской Орды, потомки Идигу, и сибирские Тайбугиды, однако и они в разное время возводили на трон марионеточных правителей – не случайно в русских летописных источниках неоднократно встречается, в частности, титул «ногайский хан» [60]. Свою преемственность от Чингиз-хана монархи пост-ордынских государств подчеркивали и в официальных актах. Эта традиция также берет начало из Золотой Орды, многие ханы которой даже после принятия ислама продолжали апеллировать к воле Тенгри в своих ярлыках и пайцзах [4, с. 8, 17], что свидетельствовало не о том, что они были «плохими мусульманами», а лишь о том, что помимо мусульманских факторов обоснования своей власти они продолжали использовать также и имперские факторы легитимации, существовавшие еще с доисламских времен.

Унаследовав харизму Чингиз-хана от своих прямых предшественников – золотоордынских ханов-Джучидов, монархи тюрко-татарских государств унаследовали также и их прерогативы в самых разных областях. Прежде всего это касалось их законодательной деятельности, которая нашла свое отражение преимущественно в издании указов – ханских ярлыков. Впрочем, в новых политических реалиях некоторые виды ярлыков исчезли вследствие их не востребоваемости. Например, функции ярлыков-законов, существовавших в Золотой Орде и других государствах Чингизидов XIII–XV вв., в Крымском ханстве постепенно перешли к шариатскому законодательству. Кроме того, ханы тюрко-татарских государств утратили монополию на издание ярлыков. Так, в русских архивах содержатся сведения о том, что даже ногайские бии, не являвшиеся Чингизидами по происхождению, выдавали «ерлыки» [65, с. 523]. В 1549 г. в Казани после смерти хана Сафа-Гирей состоялся курултай, на котором был принят документ, подписанный участниками (беклярибеком князем Мамаем, уланами, муллами, хафизами, князьями, сотниками и десятниками), направленный крымскому хану Сахиб-Гирею; документ назван ярлыком, и это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что курултай 1549 г. принял на себя функции временного верховного правительства с правом издания соответствующих актов до вступления на престол нового хана (собственно, этот документ и содержит просьбу о присылке в Казань нового монарха) [21, с. 140].

Но если в Крымском ханстве можно достаточно подробно проследить судьбу ярлыков, то относительно развития этого института в Казанском и Сибирском ханствах можно только строить предположения. На основании имеющихся сведений можно утверждать, что ярлыки в этих ханствах не только сохранились, но и активно использовались в законотворческой практике. Правда, если в Золотой Орде ярлыки нередко играли роль законодательных актов, имевших обязательное всеобщее действие, то в государствах – ее преемниках они в большей степени являлись своего рода вспомогательным законодательством, возможно – традицией, своего рода свидетельством преемственности местных правителей от Монгольской империи и Золотой Орды.

Из нескольких сохранившихся до нашего времени официальных актов Казанского ханства только два являются ярлыками, причем оба – тарханными: хана Ибрагима и Сахиб-Гирея [44; 74, с. 34–37; 81]. Несмотря на отсутствие значительного числа актов казанской ханской канцелярии, есть основание полагать, что именно в Казанском ханстве могли в значительной степени сохраниться виды ярлыков, наиболее характерных для Золотой Орды. Это связано с тем, что за сравнительно короткое время своего существования Казанское ханство не успело ни забыть ордынские традиции, ни попасть под чужеземное влияние – в отличие, например, от Крымского ханства, уже к середине XVI в. оказавшегося под сильным влиянием османской государственно-правовой традиции.

Несмотря на то, что в Казанском ханстве административный аппарат строился также на основе мусульманской чиновной иерархии, в нем сохранились и некоторые ордынские (т.е. фактически тюрко-монгольские) административные институты. Например, упоминаемые в источниках административные единицы «даруги» / «дороги», несомненно, сопоставимы с областями Золотой Орды, возглавлявшимися ханскими наместниками – даругами. Эта параллель становится еще более очевидной, если принять во внимание, что эти «даруги», в свою очередь, делились, вероятно, на сотни и десятки, что также вполне соответствует золотоордынской административной системе [25, с. 60]. В связи с этим вполне логичным представляется, что назначения на должность правителей этих «даруг» также осуществлялись в порядке, принятом еще в Золотой Орде, т.е. путем выдачи соответствующих ханских ярлыков. Дошедшие до нас послания казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I и его сыну-соправителю Сигизмунду II Августу, датированные рубежом 1530–1540-х гг. [41], не являются ярлыками.

Не больше официальных актов сохранилось и от еще одного пост-ордынского государства – Тюменского юрта, впоследствии трансформировавшегося в Сибирское ханство. Его история весьма слабо изучена из-за практически полного отсутствия собственно сибирских, аутентичных источников. Тем не менее существование в нем института ханских ярлыков представляется несомненным. Так, например, в послании тюменского хана Сайид-Ибрахима (Ибака) московскому великому князю Ивану III от 1489 г. присутствует фраза: «Чюмгур князь как дойдет, ярлык увидев, твоему братству примета то будет» [51, с. 18]. Само послание ярлыком не является, поскольку адресовано равному по положению государю [8, с. 93], однако упоминаемый в нем ярлык – это своего рода «верительная грамота», выданная ханскому посланцу как свидетельство наделения его дипломатическими полномочиями [56, с. 186]. Менее понятен статус еще одного документа – послания хана Кучума в Москву от 1570 г., которое в сохранившемся русском переводе именуется грамотой [22, с. 179–180], но некоторые исследователи переводят «грамота» как «ярлык» [3, с. 48–49]. Полагаем, что не следует считать этот документ ярлыком (как и

вышеупомянутые казанские послания польским королям и знати), поскольку, во-первых, нет указаний на то, что Кучум ставил себя выше московского царя, во-вторых, текст грамоты завершается «поклоном», что также никак не характерно для ярлыков, направляя которые, ханы ставили себя выше своих адресатов.

Весьма интересную информацию о международно-правовом статусе тюрко-татарских правителей пост-ордынской эпохи содержат их дипломатические акты – послания иностранным монархам. Мы считаем возможным также отнести их к образцам имперского наследия Джучидов, поскольку их форма (протокол) и содержание во многом соответствовали золотоордынской правовой традиции. Однако если претензии крымских ханов на ордынское наследие в XV–XVII вв. признавалось московскими и польско-литовскими государями, то такие государства, как Сибирское ханство, вообще не имели контактов с европейскими государями, и потому их статус в глазах европейских монархов определить достаточно сложно. Впрочем, на основании сохранившегося послания сибирского хана Кучума московскому царю Ивану IV можно сделать вывод, что амбиции сибирского Шибанида были отнюдь не велики: он именуется «вольным (свободным) человеком» [3, с. 48–49], т.е. всего лишь отмечает, что никому не подчиняется; отсутствие у него каких-либо титулов, связанных с прежним наследием Золотой Орды, несомненно, свидетельствует о весьма скромных его притязаниях на былой Тюменский юрт Улуса Джучи. Более того, в исследовательской литературе высказывались небезосновательные мнения о том, что сибирские ханы находились в вассальной зависимости от казанских [66, с. 101–102] или бухарских [22, с. 149–152] правителей. В пользу последнего свидетельствует также сохранившийся ярлык бухарского хана Абдаллаха II сибирскому хану Кучуму, который, таким образом, предстает вассалом бухарского монарха [37, с. 296]. Небезынтересно, впрочем, отметить, что в одной из редакций Есиповской летописи Сибирское ханство эпохи Кучума называется «Золотой Ордой» [20, с. 209]... После же «взятия» Сибирского ханства московскими войсками права потомков Кучума, естественно, совершенно не принимались во внимание московскими монархами – в отличие, впрочем, от ряда других тюркских и монгольских правителей [57; 62; 64; 67; 79; 80].

Несколько больше информации имеется о статусе казанских ханов. Так, например, в вышеупомянутых посланиях казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду и его сыну отсутствуют пышные титулы (в отличие от посланий его крымских родственников), свидетельствующие о претензиях на власть над обширными владениями Улуса Джучи. Более того, хан, наследник Золотой Орды, именуется польского короля даже не братом, а «отцом», т.е. признает его более высокий статус [41]. Отметим, что крымский хан польского короля в своих посланиях называл «братом», т.е. равным по статусу [20, с. 33]. В этом различии нет ничего удивительного, поскольку казанский хан приходился племянником крымскому хану и, следовательно, признавал себя подчиненным ему правителем – несмотря на то, что оба правителя носили ханский титул и издавали ярлыки, следовательно, формально являлись независимыми правителями! И это подчеркивает сам Сахиб-Гирей, который в ярлыке московскому великому князю Ивану IV от 1537 г. пишет: «Казанская земля мой юрт, а Сафа Гирей царь брат мне» [77, с. 237]. Как известно, казанский Сафа-Гирей приходился крымскому Сахиб-Гирею родным племянником в семейном отношении и вассалом в политическом. Тем не менее, в послании к иностранному государю он именуется его «братом», т.е. равным себе. По-видимому, представители рода Джучидов (тем более такие близкие родственники, как члены

одного семейства Гиреев) старались сохранять в глазах иностранных государей впечатление единства рода и блюсти престиж не только свой, но и своих родичей, вполне логично полагая, что повышение престижа рода влечет и повышение их собственной репутации на международной арене. Называя казанского правителя – своего вассала – ханом и своим «братом», крымский хан намекал на собственное могущество: каким же он должен быть великим правителем, если в подчинении у него другие монархи с равным титулом!

Однако ярлыки и амбициозные (но в значительной степени декларативные, а не отражающие реальную ситуацию) послания иностранным монархам, в принципе, и составляли основу «чингизидской» правовой системы в том виде, в каком она существовала в пост-ордынских тюрко-татарских государствах. Другие источники права – и в первую очередь Яса Чингиз-хана – прекратили свое действие, будучи вытеснены шариатскими принципами и нормами. Впрочем, невостребованность многих имперских правовых источников в тюрко-татарских ханствах во многом была связана с тем, что их правители уже не претендовали на имперское правовое наследие и, соответственно, не нуждались в законах, регулировавших правовые отношения на уровне сверхдержав (а ведь именно таковой являлась Яса [56, с. 35–37]).

Поэтому другие элементы «чингизидского» (помимо ярлыков и тарханства) права проявлялись в тюрко-татарских государствах эпизодически и имели кратковременное действие. В частности, речь идет о налогах, взимаемых Джучидами в Золотой Орде и сохранившихся в пост-ордынских государствах. Так, в Казанском ханстве вплоть до его падения существовали традиционные золотоордынские налоги, в частности – «ясак» [78, с. 683]. Аналогичная ситуация была в Тюменском юрте и Сибирском ханстве, где фискальная система также строилась по золотоордынской схеме [25, с. 76, 85; 55, с. 144]. В Ногайской Орде право взимания тамги принадлежало не только верховным правителям, биям, но и отдельным мурзам [52, с. 55].

Претерпело значительные изменения и имперское правовое регулирование земельных правоотношений. Практически вышли из употребления формы землевладения, действовавшие в чингизидских государствах в имперский период, – икта, инджу, суюргал и пр. Их упразднение было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, на смену имперским земельным правоотношениям, имевшим тюрко-монгольское происхождение, пришли нормы шариата, в котором институты землевладения были четко регламентированы; в результате даже тюрко-монгольская землевладельческая терминология была заменена терминологией арабского происхождения. С другой стороны, в пост-ордынских государствах существенно возросла роль родоплеменной знати, которая изначально владела землями на основе инджу или суюргала, являвшимися условными держаниями, – земля находилась в распоряжении владельцев, пока они несли ханскую службу. Со временем же эти роды «пустили корни» в своих владениях и превратили их (в некоторых случаях официально, в некоторых – фактически) в свои родовые наследственные уделы. В результате прежние формы землевладения превратились в пост-ордынских государствах в передаваемые по наследству бейлики или же пожалования мурзам, которые сохраняли статус служилых землевладельцев вплоть до падения соответствующего государства [73, с. 122–123; 78, с. 682–683].

Впрочем, порой ханы вспоминали о чингизидской правовой идеологии, согласно которой они являлись верховными собственниками и распорядителями земли в своих государствах и могли лишить родоплеменную аристократию даже тех владений, которые та привыкла считать наследственными. Так, например, согласно

Воскресенской летописи, казанский хан Сафа-Гирей в 1541 г. «у многихъ князей ясаки поотымалъ да Крымцом подавалъ» [58, с. 295; 78, с. 683]. Однако подобные решительные действия могли позволить себе только очень властные и могущественные монархи. Те же, у кого реальной власти в руках не было, рисковали вызвать недовольство знати, лишиться трона и даже, возможно, жизни. Не удивительно, что многие правители тюрко-татарских государств предпочитали не портить отношения со своими влиятельными подданными и забывать об имперских правовых нормах и принципах, смиряясь с более активным действием шариатской и обычно-правовой систем.

В отличие от имперского права, так или иначе нашедшего отражение в официальных актах или сопутствующих источниках, обычно-правовые принципы и нормы, применявшиеся в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв., не были зафиксированы столь конкретно и однозначно. Это и понятно: ведь если бы они были записаны, их вряд ли можно было бы классифицировать как правовые обычаи, передающиеся из поколения в поколения преимущественно устным путем. В результате порой бывает довольно сложно отличить собственно обычное право тюрко-монгольских кочевых обществ от повседневных бытовых обычаев или институционализированного обычного права, т.е. вошедшего в состав писаных правовых актов.

Тем не менее определенная информация об обычном праве тюрко-татарских государств в нашем распоряжении имеется и даже позволяет сделать определенные выводы об эволюции правовых обычаев, их роли в тюрко-татарских обществах рассматриваемого периода, а также о степени влияния на формирование тюрко-татарской правовой культуры.

В чингизидских государствах власти традиционно не вмешивались в частно-правовые отношения, основанные на древних правовых обычаях, которые в тюрко-монгольских обществах именовались «йосун / йусун», а в мусульманских регионах – «адат». Но если в Золотой Орде государство не вторгалось в систему обычного права, то позднее сложилась обратная ситуация: обычное право вторглось в систему права государственного, имперского. Этот процесс начался еще в поздней Золотой Орде и, несомненно, продолжался в государствах – ее наследниках. Правда, следует учитывать, что в них роль шариатского суда серьезно возросла, и поэтому вряд ли суды, действовавшие на основе обычного права, могли функционировать в столице и в регионах с развитой городской (т.е. преимущественно мусульманской) культурой. Скорее всего, такие суды действовали в отдельных племенах, кочевавших вдали от столицы или ханской ставки [68, с. 282].

Статус судей, выносивших решения на основе обычного права, в источниках никак не зафиксирован. Однако нам хорошо известен статус таких судей в Казахском ханстве, где они именовались биями и пользовались большим уважением и влиянием не только внутри своих племен, но и нередко на государственном уровне. По-видимому, начало складывания статуса биев также относится к эпохе поздней Золотой Орды. Такой вывод можно сделать на основании сообщения того же И. Барбаро, который упоминает, что судебное решение мог выносить «первый встречный, если он человек с каким-нибудь положением». Возможно, венецианец, стремясь подчеркнуть «варварский характер» ордынского суда, несколько утрирует, говоря о том, что судьей мог стать «первый встречный». Несомненно, речь идет о тех, кто пользовался большим уважением современников, считался безупречно честным и порядочным человеком и знатоком древних обычаев. Именно так характеризовали в казахском обществе биев – лиц, которые не занимали официальных должностей, но пользова-

лись большим уважением соплеменников за свои личные заслуги и знание норм обычного права и имели репутацию людей законопослушных и справедливых.

Однако в тюрко-татарских государствах судебные решения на основе обычного права выносили судьи, не выбираемые столь демократично, как казахские бии. Не будем забывать, что в доимперскую эпоху в тюрко-монгольском обществе судебная деятельность была в компетенции лиц, именуемых «беки», – племенных старейшин и вождей. Именно они же сохранили право выносить судебные решения в подвластных им племенах в эпоху Монгольской империи и Золотой Орды. Таким образом, речь идет не о выборных судьях, а о потомственных племенных вождях или же о лицах, обладавших титулом (званием) бека в соответствии с занимаемой должностью. Так, например, исследователи связывают возникновение казахского суда биев с деятельностью некоего Майкы-бия (согласно преданиям, жил в 1105–1225 гг.) – современника и соратника Чингиз-хана, который считался создателем основных принципов суда биев и даже, якобы, управлял улусом во время отсутствия Чингиз-хана [18, с. 67–68; 28, с. 167–208]. В официальных хрониках и сочинениях, составленных при дворах Чингизидов, имя Майкы-бия отсутствует, и поэтому, казалось бы, есть все основания признать его легендарным персонажем. Однако в татарском историческом сочинении XVII в. «Дэфтэр-Чынгыз-намэ» (т.е. источнике, никак не связанном с казахскими народными преданиями) мы встречаем упоминание о Майкы-бие, что подтверждает реальность его существования. Отметим, что в данном произведении он фигурирует не как народный избранник-судья, а как вполне официальное лицо, бек, предводитель племени уйшин (хушин), действующий наравне с другими племенными вождями и восседающий по правую руку от Чингиз-хана [15, б. 16–19; 27, с. 157–159]. Вспомним, что племя уйшин и впоследствии играло значительную роль в истории Золотой Орды, что также косвенно может свидетельствовать о значительной роли Майкы-бия как официального представителя власти. Упоминается о нем, как об основателе ряда родов, также в преданиях сибирских татар и башкирских шеджере [22, с. 39, 110–111]. Беком в силу своего происхождения и по занимаемой должности являлся и другой знаменитый золотоордынский деятель – Идегей (1352–1419), родоначальник правителей Ногайской Орды, который в казахских преданиях также фигурирует как бий-судья [29, с. 140–164]. Отметим, что Идегей представлен как справедливый судья и в татарском народном эпосе «Идегей» [19, с. 26–27, 29].

Все это, на наш взгляд, позволяет утверждать, что в тюрко-татарских государствах суд на основе обычного права являлся прерогативой представителей племенной знати, что отражало также и ее существенно возросшую роль в государственной и правовой жизни этих государств. Вместе с тем следует иметь в виду, что сфера деятельности судов по обычному праву осталась прежней: семейные и наследственные дела, имущественные споры, преступления, совершенные внутри одного рода или племени. Межплеменные конфликты, а также споры по другим видам правоотношений (земельные, политические и т.п.) разбирали уже либо судьи-кади, либо сами ханы и советы карачи-беков.

В XVI–XVII вв. правители тюрко-татарских государств использовали специфические правовые конструкции в интересах своей международной политики. Так, например, ногайские правители XVI в. именовали Ивана Грозного, уже присоединившего к этому времени к Московскому государству Казанское и Астраханское ханства, Чингизидом и утверждали, что он, московский царь, так же, как и они, поступает в соответствии с идеологическим наследием Джучидской державы, которое

они называли «адат-и чингизийе». Подобная идеологическая конструкция позволяла ногайским правителям обосновать свое сотрудничество с христианским Московским царством, а не с единоверцами – Османской империей и подчиненным ей Крымским ханством, которые, по мнению ногайцев, не разделяли эту «чингизидскую» идеологию [7, с. 363; 68, с. 283].

Таким образом, обычное право в тюрко-татарских государствах сохранялось и даже, как видим, развивалось, составив значительную часть системы (и правовой культуры) этих государств, порой даже подменяя собой имперское право. Власти пост-ордынских государств никак не препятствовали его развитию, не видя в нем конкуренции другим правовым системам.

Как уже отмечалось выше, в ряде областей, которые прежде входили в состав Золотой Орды, а потом составили основу тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., ислам существовал задолго до того, как был официально установлен в Золотой Орде в качестве официальной государственной религии ханом Узбеком, – и даже задолго до монгольского нашествия. Соответственно, мусульманское право отнюдь не являлось нововведением для тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., а, напротив, – представляло собой органичную часть их правовой культуры.

Среди особенностей мусульманского права (шариата) в пост-ордынских государствах, прежде всего, следует назвать его более значительную роль среди источников права по сравнению с самой Золотой Ордой. Как уже отмечалось выше, возрастание роли шариата во многом было связано с упадком центральной власти и упадком системы имперского права, реализацию которого были в состоянии обеспечивать могущественные ханы Золотой Орды в XIV – начале XV в. Одновременно возрастала роль мусульманского духовенства, которое уже со времен хана Узбека было интегрировано в административную структуру Джучидской державы, а по мере ослабления имперских государственно-властных институтов лишь усиливало свои позиции.

Наконец, еще одной причиной возрастания роли мусульманского права стала необходимость поиска правителями тюрко-татарских государств новых средств легитимации власти. Дело в том, что в результате крушения чингизидских имперских образований (империя Юань в Китае, государство ильханов в Иране, Чагатайский улус, Золотая Орда) к концу XIV – началу XV в. происхождение от Чингиз-хана перестало являться главным основанием для получения высшей власти в тюрко-монгольских государствах. В результате на троны различных государств на территории бывшей Монгольской империи стали претендовать не только Чингизиды, но и представители других родов, прежде считавшихся менее знатными по сравнению с потомками Чингиз-хана. Чингизиды продолжали считаться законными претендентами на власть в силу своего происхождения (В.В. Трепавлов удачно охарактеризовал это явление как «инерцию» [63]), однако они теперь являлись всего лишь «старшими среди равных» претендентов на власть и трон. Харизме рода Чингиз-хана были противопоставлены иные основания легитимации власти, главными из которых в условиях все большего распространения ислама в чингизидских государствах стали факторы религиозные. В изменившихся обстоятельствах эти основания представлялись даже более убедительными, чем происхождение от Чингиз-хана, поэтому не нужно удивляться тому, что и сами Чингизиды вскоре стали активно прибегать к религиозному обоснованию своих прав на власть и своих политических решений и действий. Апелляция к религиозным ценностям и авторитетам

в рассматриваемый период осуществлялась в течение всего правления любого тюрко-татарского государя, начиная с его вступления на престол.

Поэтому неслучайно, что уже в церемонии воцарения хана, проводившейся в традиционной форме курултая, в пост-ордынскую эпоху участвовали не только члены ханского рода, знать и военачальники, но и представители мусульманского духовенства. Помимо традиционной степной клятвы, вступающий на престол монарх клялся на Коране и получал одобрение главы духовенства – такая практика имела место в Казани и других тюрко-татарских ханствах [23, с. 79, 84–85; 78, с. 676].

В дальнейшем ханы и правители постоянно советовались с сейидами и другими авторитетными представителями духовенства, которые нередко своим авторитетом скрепляли решения государей, обеспечивая эффективность их исполнения. Казанские сейиды в последние годы существования ханства нередко являлись первыми советниками ханов, т.е. фактически – главами правительства ханства. Нам неизвестно, насколько была распространена в пост-ордынских государствах практика оформления ханских решений путем издания местными богословами фетв, широко использовавшаяся в чингизидских государствах Средней Азии. Сильные мусульманские традиции пост-ордынских ханств (в особенности Казанского) и значительное влияние духовенства на политические дела этих ханств дают основание считать, что такой же линии придерживались и их монархи.

Международные договоры пост-ордынских государств также нередко заключались с учетом догматов ислама и мнения мусульманского духовенства. Так, например, ногайские бии и мурзы XVI–XVII вв. в переговорах с московскими государями нередко апеллировали к своему мусульманскому вероисповеданию (правда, уподобляя, а не противопоставляя его христианству московских князей), а договоры с Москвой непременно скрепляли клятвой на Коране [65, с. 565; 52, с. 36]. Казанские сейиды в конце XV – середине XVI в. лично участвовали в переговорах с московскими властями и выработке условий международных договоров [23, с. 81–83].

Впрочем, время от времени правители тюрко-татарских ханств пытались ограничить влияние духовенства и вступали в конфликт со своими мусульманскими советниками. Сами факты таких конфликтов свидетельствуют о значительном влиянии, которым обладало мусульманское духовенство, коль скоро его представители могли позволить себе конфронтацию с монархами. А исход таких противостояний бывал различным. Так, например, казанский хан Сафа-Гирей за время своего правления даже казнил двух сейидов Казани, и одного – его преемник Шах-Али [23, с. 84–87].

Формируя свой образ как защитников и распространителей веры, тюрко-татарские правители не только оказывали покровительство религиозным деятелям, строили богоугодные заведения и финансировали их деятельность, но и вели священные войны (газават). Так, борьба хана Кучума с сибирскими династиями Тайбугидами (по сути, представляющая собой реставрацию законной династии на троне прежнего Тюменского юрта) была представлена как деятельность по распространению ислама в этом языческом регионе – при одобрении и активном содействии мусульманского духовенства из Бухары и Хорезма [30, с. 51–60; 76]. Естественно, подобная политика отнюдь не была изобретением потомков Чингиз-хана и их соперников – правителей тюрко-татарских государств из других династий: ее использовали мусульманские правители начиная с первых веков исламской эры. Принятие же ее на вооружение Чингизидами лишь свидетельствует об их понимании изме-

нившейся обстановки и практически полной интеграции тюрко-татарских государств в Мир ислама.

Особое место в правовой культуре тюрко-татарских государств занимала судебная деятельность, которая стала прерогативой преимущественно мусульманских правоведов. Как известно, шариатские суды действовали в Золотой Орде параллельно с имперскими судами-дзаргу в качестве официальной судебной инстанции еще с 1320-х гг., т.е. с того времени, как хан Узбек объявил ислам официальной религией в подвластных ему владениях. Теперь же фактическое упразднение дзаргу привело к возрастанию роли судов кади, которые в пост-ордынских государствах не просто сосуществовали с официальными ханскими судами, а просто-напросто вытеснили их, превратившись в основную судебную инстанцию. Так, например, известно, что в Казанском ханстве практически вся судебная деятельность осуществлялась мусульманскими богословами [75, с. 182, 185; 78, с. 689].

Земельно-правовые отношения в тюрко-татарских государствах подверглись весьма значительной трансформации по сравнению с Золотой Ордой. Выше мы уже отмечали, что виды землевладения, характерные для тюрко-монгольских имперских государственных образований, в пост-ордынских государствах оказались вытеснены традиционными мусульманскими земельно-правовыми институтами. Так, весьма значительное место в земельно-правовых отношениях в тюрко-татарских государствах занимали вакуфные владения [16, с. 57; 78, с. 681].

Не менее значительными оказались изменения в налоговом законодательстве тюрко-татарских государств. В результате монгольского завоевания в захваченных мусульманских странах к середине XIII в. был разрушен не только аппарат управления, но и налоговая система: мусульманские фискальные институты были вытеснены и заменены институтами, позаимствованными монгольскими правителями из уйгурского и китайского правового опыта [69, с. 92]. Однако по мере возвращения ислама на прежние доминирующие позиции тюрко-татарские государи смогли найти определенные компромиссы, сохранив прежние налоги, но дав им новые названия в соответствии с их мусульманскими аналогами. Так, например, прежнему ясаку (калану), взимаемому в Золотой Орде, вполне соответствовал взимаемый в соответствии с шариатом харадж, а ушр, т.е. десятина, заменил соответствующий монгольский налог тагар и т.д. [ср.: 31, с. 90–95]. Безусловно, далеко не по каждому налогу возможны были такие компромиссы. Например, закят, взимаемый в соответствии с законами шариата, аналогов в тюрко-монгольском имперском праве не имел. Аналогичным образом противным законам шариата признавалось взимание тамги, о чем мы уже писали выше. Таким образом, и налоговая система в тюрко-татарских государствах является примером того, что мусульманское право стало в них доминирующей правовой системой, постепенно вытесняя институты как имперского права Чингизидов, так и обычного права тюрко-монгольских племен.

Несмотря на тесные контакты с иностранными государствами, а в некоторых случаях даже и на зависимость от них, далеко не все тюрко-татарские государства XV–XVIII вв. испытали значительное влияние иностранного права. Так, например, Казанское и ханство существовало слишком недолго, чтобы попасть под иностранное владычество, которое могло бы оставить существенный след в их правовой культуре, хотя в исследовательской литературе высказывались предположения о его васалитете от Османской империи – впрочем, специалисты и сами признают, что на основании сохранившихся источников окончательного вывода об этом васалитете сделать нельзя [17, с. 121–130]. Именно поэтому сохранившиеся официальные акты

этих ханств свидетельствуют о сохранении в большой степени золотоордынской канцелярской традиции: для них характерен лаконизм, свойственный уйгурским официальным документам и резко отличающийся от восточной пышности, присущей персидским, турецким, среднеазиатским актовым материалам [1, с. 109–110].

Ногайская Орда также выступала наследницей золотоордынских традиций законотворчества и делопроизводства – об этом свидетельствуют материалы московских посольских книг, содержащие значительное количество официальных документов ногайских биев и мурз. Несмотря на то, что она просуществовала гораздо дольше, чем тюрко-татарские ханства Поволжья, она была слишком могущественным образованием, чтобы целиком подпасть под влияние какого-либо государства. Да и кочевой строй, мобильность правителей и населения, способных в быстрые сроки кочевать от Казахстана до Бессарабии, не давали возможности установить над ней иностранный сюзеренитет.

Тюменский юрт также, по-видимому, сохранял традиции, присущие золотоордынской правовой культуре и канцелярии – судя по форме и содержанию посланий ханов Сайида-Ибрахима и Абулека, написанных в конце XV в. [51, с. 16, 33; 53, с. 19, 32–33]. С его правопреемником, Сибирским ханством, ситуация несколько сложнее. Официально оно во второй половине XVI в., как уже отмечалось, находилось в вассальной зависимости от Бухарского ханства. Однако официальные документы переписки хана Кучума и его родственников с Московским государством демонстрируют по-прежнему ориентацию на золотоордынские правовые и дипломатические традиции, без следов какого-либо влияния среднеазиатской правовой культуры. Вероятно, протокол официальных актов, равно как и настойчивое позиционирование Кучумом себя как «вольного человека», должно было подчеркнуть его независимость в глазах московских властей. Тем не менее во внутренней правовой политике дело обстояло несколько иначе, и бухарское правовое влияние, несомненно, было весьма значительным, причем оказывалось оно не властями Бухары, а бухарским духовенством. Как известно, с Кучумом и его семейством в Сибирь пришло значительное число мусульманских духовных лиц, представителей орденов накшбандийа и йасавийа, а позднее Кучум и его брат Ахмад-Гирей еще и направляли в Бухару послания, прося прислать новых представителей мусульманского духовенства [22, с. 164–169]. Естественно, что в условиях разрушенной административной и правовой системы, постоянной нехватки квалифицированных управленцев и правоведов административную, судебную и правотворческую деятельность стали осуществлять наиболее компетентные представители ханского окружения – а это были именно образованные представители мусульманского духовенства. Одни из них становились судьями, другие – даже градоправителями. Соответственно, они привнесли в правовую культуру Сибирского ханства традиции среднеазиатского ислама.

Анализ этих аспектов позволяет судить о значительном развитии права в постордынских государствах и даже, можно сказать, о существовании в них особой юриспруденции (с учетом условности применения этого современного термина к правовым реалиям позднесредневекового времени).

В заключение стоит отметить, что в современной европоцентристской правовой науке утвердилось мнение о несовершенстве восточного («традиционного») типа правовой культуры, в рамках которой принципы и нормы права, религии и этики нередко практически неотделимы друг от друга. Анализ правового развития тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. убеждает нас в ошибочности этого стереотипа. Близость и взаимопроникновение принципов и норм религии, права и эти-

ки – свидетельство не низкого уровня развития правовой культуры этих государств, а специфики мировоззрения и правосознания тюркских народов. Вышеприведенный анализ правовой культуры тюрко-татарских ханств позволяет сделать вывод, что даже после падения Золотой Орды она оставалась высокоразвитой и объективно отражала уровень политического и социально-экономического развития пост-ордынских государств.

Список литературы

1. Абзалов Л.Ф. Официальный письменный язык и канцелярская культура Улуса Джучи: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 254 с.
2. Алишев С. Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаclar. Казан: Ин-т истории АН РТ, 2002. 72 б.
3. Атласи. История Сибири. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. 96 с.
4. Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Записки Санкт-Петербургского Археологического Научного Общества. Т. II. СПб., 1850.
5. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Марийский государственный ун-т, 2008. 252 с.
6. Бейсембиев Т.К. Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1991. №4. С. 26–32.
7. Беннигсен А., Вайнштейн Ж. Большая Ногайская Орда и торговля в Причерноморских степях (конец XV в. – 1560-е гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009.
8. Бустанов А.К. Послание сибирского хана Сайид Ибрагима в Москву 1489 г.: опыт анализа переводного документа // Культурология традиционных сообществ: Материалы II Всероссийской научной конференции молодых ученых. Омск, 2007. С. 87–94.
9. Вахидов С.Г. Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник научного общества татароведения. №1–2. Казань, 1925. С. 29–37.
10. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Записки Императорской Академии наук. Т. IV. Приложение № 6. СПб., 1864.
11. Викторин В.М. Обычное право в истории кочевой жизни ногайцев // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С. 94–111.
12. Викторин В.М. Правое и левое крыло Ногайской Орды в истории взаимоотношений западных и восточных групп ногайцев // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М., 1991. С. 11–12.
13. Викторин В.М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 25 с.
14. Госманов М., Мохэммедьяров Ш., Степанов Р. Яна ярлык // Казан утлары. №8. 1965. Б. 146–150.
15. Дэфтэрэ Чынгыз-намэ. Казан: Иман, 2000. 44 б.
16. Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. С. 44–103.

17. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.
18. Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008. 224 с.
19. Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. 256 с.
20. История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы русского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
21. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань: Фэн, 2010. 224 с.
22. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. 196 с.
23. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоодынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011.
24. Исхаков Д. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/05/01/.
25. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.
26. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2005. 116 с.
27. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). Казань: Школа, 2007. 356 с.
28. Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. I. Алматы: Жеті жарғы, 2004. 632 с.
29. Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. III. Алматы: Жеті жарғы, 2004. 616 с.
30. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. VII. Тобольск, 1897. С. 51–60.
31. Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М.: АСТ, 2004. 216 с.
32. Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 237–257.
33. Маслюженко Д.Н. О механизмах и принципах наследования ханской власти среди Шибанидов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. №1. С. 43–52.
34. Маслюженко Д.Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 76–88.
35. Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в середине XVI в.: проблемы соправления на раннем этапе функционирования Сибирского ханства // X Сулеймановские чтения. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2007.
36. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Курганский государственный ун-т, 2008. 168 с.
37. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в

XVI–XVIII вв. // Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 506 с.

38. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т I. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.

39. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т II. М.: Восточная литература, 2000. 638 с.

40. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т III. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.

41. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1–2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_1_2/02/02_2/.

42. Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1958. 28 с.

43. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Ихлас, 2012. 276 с.

44. Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 104–109.

45. Небольсин Н.П. Покорение Сибири. СПб., 1849. 146+112 с.

46. Нестеров А.Г. Документы сибирских Шейбанидов XV–XVI вв. // Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань: Фэн, 2004. С. 268–279.

47. Новиков Н. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791. 353 с.; Ч. VIII. СПб., 1793. 336 с.; Ч. IX. СПб., 1793. 315 с.; Ч. X. СПб., 1795. 327 с.; Ч. XI. СПб., 1801. 315 с.

48. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Часть 1-я (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. 645 с.

49. Поноженко Е.А. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1976. № 3. С. 70–77.

50. Поноженко Е.А. Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV – середине XVII вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. 24 с.

51. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508 гг.). М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 100 с.

52. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот. к печати, введ. и коммент. В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 2003. 93 с.

53. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Сост. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, М.П. Лукичев и Е.Е. Лыкова Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 360 с.

54. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Пред. М.А. Усманова; подгот. текста, коммент. В.В. Трепавлова, Д.А. Мустафиной. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006.

55. Почакаев Р.Ю. К вопросу о государственном регулировании торговли в Сибирском ханстве // Сулеймановские чтения: сб. статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2013. С. 142–145.

56. Почакаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.

57. Почакаев Р.Ю. Сибирские Шибаниды в XVII в.: претензии, статус, признание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. С. 100–104.

58. Полное собрание русских летописей. Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.

59. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1996. 560 с.
60. Сабитов Ж.М. Хань Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 138–141.
61. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. СПб., 1819. XXIX+612 с.
62. Солодкин Я.Г. «Сибирское царство и княжение» в изображении Саввы Есипова и редакторов его летописи // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. С. 44–47.
63. Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.
64. Трепавлов В.В. Западная Сибирь после Ермака: российское «царство» и татарский «юрт» // Российская история. 2012. № 2. С. 173–184.
65. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
66. Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // X Сулеймановские чтения. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2007. С. 101–102.
67. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
68. Трепавлов В.В. Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Herausgegeben von Andreas Kappeler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. S. 279–292.
69. Туси, Насир ад-Дин. Трактат о государственных финансах // Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. / Пер. С. Хатиби; отв. ред. С.Г. Агаджанов. Ашхабад: Ылым, 1986. С. 86–94.
70. Тычинских З.А. К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 172–182.
71. Тычинских З.А. О беклярибеке в Сибирском ханстве (к вопросу о трансформации системы традиционного управления в XVII–XVIII вв.) // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009.
72. Тычинских З.А. Социальная структура сибирско-татарского населения в конце XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 144–148.
73. Тычинских З.А. Становление татарского служилого землевладения в Сибири в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган: Изд-во Курганского государственного ун-та, 2014. С. 122–126.
74. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 317 с.
75. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 177–185.

76. Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи / Текст, пер., коммент. А.К. Бустанова // Ислам в современном мире. №1–2 (13–14). 2009. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?1591>.

77. Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М.: Наука, 2001. С. 236–240.

78. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 529–758.

79. Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного ун-та, 2011. С. 104–109.

80. Худяков Ю.С. Взаимодействие российских властей с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган: Изд-во Курганского государственного ун-та, 2014. С. 86–88.

81. Әхмәтжанов М. И. Ибраһим хан ярлыгы һәм Манаш тархан нәсел шәжәрәсе // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 16–23.

82. Vásáry I., Muhamedyarov Sh. Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's Yarliks) // Between the Danube and the Caucasus: a collection of papers concerning the oriental sources on the history of the peoples of Central and South-Eastern Europe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987. P. 181–216.

§ 6. Татарская литература периода Казанского ханства

Хатип Миннегулов

Письменная литература, словесное искусство – важнейшие факторы, доминирующие критерии определения, оценки характера того или иного государства, общества. С одной стороны, наличие книг, художественных произведений само по себе показывает достаточно высокий уровень культуры. С другой – словесное искусство дает надежный ключ к пониманию духовной жизни этого общества, к выяснению интеллектуального, морально-психологического состояния людей. Исходя из такого подхода, постараемся кратко охарактеризовать татарскую литературу периода Казанского ханства. Прежде чем приступить к поставленной теме, необходимо выяснить два частных вопроса. В некоторых научных трудах, да и в практической жизни, татарская литература второй половины XV и первой половины XVI века отождествляется со словесным искусством только Казанского ханства. Но такое утверждение отражает лишь часть истины. Почему? Потому что татарская литература данного периода функционировала, развивалась не только в Казанском ханстве, но и в других татарских государствах, в частности в Астраханском, Сибирском, Крымском, Касимовском царствах, а также в Ногайской и Большой Орде. Татарское словесное искусство данного периода, как и эпохи Золотой Орды, было относительно единой, неделимой литературой. Она создавалась и распространялась почти на одном и том же языке. Конечно, в литературе, созданной на большой территории Евразии, произведения поволжских, особенно казанских авторов занимали

ведущее положение. Имея в виду Казань, Мухаммедьяр писал, что «этот город полон поэтами».

Другой вопрос заключается в том, что из написанных в XV–XVI веках произведений лишь небольшая часть дошла до наших дней. Особенно плохо мы знаем о литературной жизни некоторых других татарских ханств. Поэтому суждения о словесном искусстве периода Казанского ханства носят неполный, иногда даже фрагментарный характер. Но ради справедливости все-таки следует отметить, что по сравнению с историками, лингвистами, обществоведами литературоведы, несмотря на различные политические препятствия, уже в советское время проделали значительную работу по изучению и пропаганде литературы периода Казанского ханства.

Татарское словесное искусство второй половины XV – первой половины XVI века и по языку, и по идейно-тематическим, и по поэтическим особенностям является прямым наследником и продолжателем традиций литературы Золотой Орды. Оно пропитано мусульманской идеологией, суфийскими мотивами и образами. В нем, как и в литературе предыдущих веков, заметно сильное влияние арабо-персидской и тюркских литератур. Например, Мухаммедьяр творчески использует сюжеты и образы из «1001 ночи», «Калилы и Димны», из произведений Аттара и Саади. Средневековые татарские читатели в той или иной степени владели арабским, персидским и тюркскими языками. Поэтому в Поволжье и Приуралье широко распространялись произведения восточных авторов, они читались и в оригинале, и в различных переводах и комментариях. В частности, имеется перевод знаменитого сборника «Калила и Димна», относящегося к данному периоду [7]. Литературный, да и письменный татарский язык средневековья богат заимствованиями из восточных языков.

Татарская литература периода Казанского ханства представлена произведениями различного характера: там есть образцы поэзии и прозы, поэм и дастанов, газелей и касыд, сатиры и юмора. В отдельных памятниках тесно переплетаются мотивы и стили письменной и устной литературы. В частности, в дастане «Идегей» использованы некоторые достижения и опыт многовековой письменной поэзии. Шарифи в «Зафарнамаи вилаяти Казан», т.е. «Книге о победе казанцев», при изображении защитников Казани часто употребляет характерные для фольклора приемы и средства.

В произведениях данного периода нашли отражение различные вопросы человеческого бытия и общества. Особенно преобладает тематика нравственного характера. Просвещенный, нравственно чистый, воспитанный, религиозный человек – вот идеал многих авторов. Кроме того, в литературе отражены социальные и философские проблемы. По мнению Мухаммедьяра, например, счастье человека зависит и от социального устройства общества, и от правителей. Дастан «Идегей» ясно показывает, что эгоистические, личные интересы ведут к разрушению основ государства. Некоторые сочинения могут служить надежным источником при исследовании реальной жизни того времени. В частности, Шарифи в своем «Зафарнамаи...» (1550) описывает поход Ивана IV против Казани, осаду города и сражение между татарами и русскими. Интересно то, что автор данного произведения – очевидец и участник событий.

В поэме Мухаммедьяра встречаются образы реальных исторических личностей того времени, таких например, как Сахиб Гирей и др.

Теперь кратко остановимся на отдельных произведениях авторов периода Казанского ханства.

Стихотворениям Хасана Кайгы, Дусмамбета, Казтугана, Чалгиз Жырау присущи близость к фольклору, эпическим традициям сказателей, любовь к родной природе, воспевание единства, дружбы людей. Они в основном жили в Нижнем Поволжье, у реки Яик, и были тесно связаны с тюрко-татарами, ведущими кочевой или полукочевой образ жизни. Поэтому их стихотворения широко распространялись не только среди татар, но и среди других тюркских народов.

Казанский хан Мухаммед Амин в своем стихотворении «Гыйкаб» («Мечь»), как и его предшественники Саиф Сараи и Ахмед Ургенджи, критикует антигуманную, агрессивную политику Аксак Тимура.

Следует отметить, что недавно обнаружено очень ценное в историческом отношении послание (1506) Мухаммед Амин хана польскому королю Александру I, в котором отражены реальные события начала XVI века (взаимоотношения московских, казанских, крымских и польских правителей; походы Ивана III на Казань и поражение московских войск и др.) [9, с. 34–41].

Среди читателей татарских ханств широко распространяются романтические поэмы среднеазиатского поэта Маджлиси (XV–XVI вв.) о возвышенной любви Сейфульмулюка к Бадигульджамал, Сайяди – о Тахире и Зухре. Эти произведения, хотя время и место создания их точно не установлены, и в последующие века были любимыми книгами татар. Поэма «Кыйссаи Сейфульмулюк» Маджлиси, созданная на основе сюжета из «1001 ночи», является одной из первых тюрко-татарских светских книг, напечатанных в типографии Казани (в 1807 г.). Имеются многочисленные фольклорные и письменные варианты сюжетов о Сейфульмулюке и Бадигульджамале, о Тахире и Зухре.

В 1501–1510 годах в далеком мамлюкском Египте, где правили выходцы из Поволжья и Приуралья, Татар Гали Эфенди (или, по-другому, Шариф Гамиди) создается громадное по объему «Тюркское Шахнаме», которое считается общим достоянием тюркоязычных народов. Это произведение – не только перевод знаменитой эпопеи Фирдоуси. Оно содержит в себе описание многих интересных событий, деталей оригинального характера.

В стихотворениях и поэмах Умми Камала (последняя треть XIV в. – 1475 г.) воплощены идеалы суфия-аскета о совершенном человеке, отображено сложное, противоречивое состояние лирического героя. Он размышляет над такими вечными вопросами, как смысл человеческой жизни, соотношение жизни и смерти. По его мнению, перед лицом смерти все равны. Смерть одинаково властна над могущественным шахом и над невольником. Творчество этого талантливого поэта оказало большое влияние на поэтическую деятельность Кулшарифа (XVI в.), Мавля Кулыя (XVII в.), Ш. Заки (1821–1865), Дердеменда (1859–1921) и других татарских авторов. Произведения Умми Камала (Исмагила) широко распространялись в рукописях, затем в печатной форме. К сожалению, в современных турецких справочниках Умми Камал представляется только как османский поэт, о его жизни в Поволжье и Крыму, о казанских изданиях произведений этого автора, о популярности его среди татар вообще не упоминается.

Кулшариф [8] вошел в историю татарского народа как поэт, религиозный лидер, общественный деятель и патриот своей Родины. Он героически погиб 2 октября 1552 года при защите Казани от чужеземных захватчиков. Его эмоциональные стихи религиозно-философского содержания в течение нескольких веков включались в школьные хрестоматии. А поэма «Кыйссаи Хубби Худжа» способствовала воспитанию у читателей высоких нравственных качеств.

До нас дошло произведение под названием «Зафарнамаи вилаяти Казан» («Сочинение о победе Казанского государства»), написанное осенью 1550 года [11, s. 111]. Автор этого прозаического памятника с вкрапленными в текст поэтическими строками – Шарифи (Шарифи Хаджитархани). Специалисты отождествляют его с Кулшарифом.

Как известно, в начале 1550 года Иван Грозный окружил Казань с целью ее захвата. После почти двухнедельной осады, не достигнув поставленной цели, он был вынужден отступить и оставить город. В основу сочинения Шарифи положены эти исторические события. Автор осуждает захватнические войны, называет Ивана Грозного «чванливым», «смутьяном», «злодеем», с восхищением изображает героизм защитников города. Он выступает как истинный патриот своей Родины. В сочинении Шарифи имеется следующее стихотворение, восхваляющее красоту и историческую роль города Казани в судьбе татарского народа (в подстрочном переводе Ф. Хакимзянова):

Диво! Место увеселенья в мире этот город Казань,
В мире нет больше такого города, дающего кров.
В мире нет нигде такого цветущего города, как Казань,
В Казани еду-питье найдут всегда, таков он город Вселенной!
От пращура-хана осталась нам наша власть,
Это место – на земле есть всегда ханский город, место ханского сына.
Продав свою землю и дом, не оплатит отцовский налог,
Почему же здесь этот злодей? Это не город Ивана!
Шарифи, не покидай ее, коль веришь в газават,
Пусть скажут с этого дня, это он хозяин Казани.

К сожалению, через два года этот «цветущий» город – столица большого ханства был превращен в руины и пепелище. Среди многочисленных жертв кровавой бойни был и автор этих проникновенных строк.

Мухаммедьяр (1497–1549) – один из последних поэтов периода Казанского ханства. Жизнь и творческая деятельность его органически связаны с судьбой татарского народа, с Казанью. Этот талантливый и высокообразованный человек в своей жизни испытывал и почет, и невзгоды. Не зря его образ привлекает внимание современных писателей, художников, музыкантов.

Из солидного творческого наследия Мухаммедьяра известны лишь две поэмы – «Тухфаи мардан» («Подарок мужчин», 1540) и «Нуры содур» («Светоч души», 1542) и одно стихотворение – «Насихат» («Наставление») [10]. Все они лиро-эпического характера, дидактического содержания. В них отчетливо проявляются сокровенные мысли и переживания самого автора.

Мухаммедьяр написал свои произведения в тревожное для Казанского ханства время. В результате внешних и внутренних конфликтов татарское государство буквально лихорадило. Осознав всю эту сложную ситуацию, поэт размышлял о путях выхода из кризисного положения, о судьбе своего народа и своей Родины. Как и его предшественники, он мечтал о справедливом, просвещенном правителе, возлагал на него большие надежды. Мухаммедьяр считал, что для того, чтобы воцарились мир и спокойствие в государстве, жители его должны быть воспитанными. Поэтому автор исключительно много внимания уделяет изображению нравственных качеств и поступков человека, приводит поучительные сюжеты, житейские примеры. Для поэта справедливость, милосердие, щедрость, верность превыше всего. Он оценивает людей не по богатству, сану, вероисповеданию, а по благород-

ным, гуманным поступкам. Его представления об обществе, о роли и месте человека в мире созвучны с воззрениями великих представителей Ренессанса и западноевропейских утопистов средневековья.

Мухаммедьяр, будучи в составе делегации Казанского ханства в Москве «толмачем», несмотря на дипломатическую неприкосновенность, по указанию Ивана IV был зверски убит. Адниш Хафиза – «члена посольства» – сделали невольником [4, с. 141–147]. В такие трудные дни он написал свое сочинение «Сираджель-кулюб» («Светоч сердец», 1554), которое широко распространялось среди татар. По утверждению В.В. Бартольда и А. Щербака, книга под таким названием первоначально написана на арабском языке, затем переложена на фарси. Были и ее тюркоязычные версии. Аднаш Хафиз создал свое сочинение на основе его разноязычных текстов и вариантов [2, с. 100–104]. В «Сирадж ал-кулуб» использованы материалы из «Корана», «Хадисы пророка» и другие тексты. В книге отражены различные религиозно-нравственные вопросы. Автор особо подчеркивает громадную роль веры и знаний в сохранении национального менталитета. В изложении своих мыслей Аднаш Хафиз широко использует формы диалога, противопоставлений, приводит различные сюжеты, поучительные примеры.

Как мы уже отметили, татарское словесное искусство периода Казанского ханства продолжало золотоордынские традиции и распространялось и по другим татарским ханствам. Что касается восточных его территорий, особенно улуса Акидель (Беловоложского улуса), то они находились в контактной зоне с другими татарскими государствами, с Сибирским ханством и с Ногайской Ордой, и поэтому их население пользовалось также произведениями, созданными и в этих государствах. В дальнейшем наряду с со Средним Поволжьем именно в западном Приуралье сохранились многие литературные произведения средневековых татарских авторов.

Список литературы

1. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М.: «Восточная литература» РАН, 2009. 304 с.
2. Миннегулов Х. Записи разных лет (Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи). Казань: Идел-Пресс, 2010. 407 с.
3. Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
4. Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. Казань: Фэн, 1999. 210 с.
5. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972.
6. Борынгы татар әдәбияты. Казан: Тат. кит. нәшр., 1963. 576 б.
7. Кәлилә вә Димнә / Төзүчесе Жәмил Зәйнуллин. Казан: Мәгариф, 1996. 271 б.
8. Мәңгелеккә аяк басканда. Сәйед Кол Шәриф. Навстречу вечности. Сеид Кулшариф. Казан: Идел-Пресс, 2006.
9. Миннегулов Хатып. Гасырлар арасында уйланулар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 319 б.
10. Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, Шигырьләр / Басмага әзерләүче Шакир Абилов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.
11. Islam Türkleri Enstitüsü Dergisi, 1965, 53/4.

Заключение

Рафаэль Хакимов

История татар Приуралья до сих оставалась белым пятном в научных исследованиях. Хотя интерес к этой теме огромен, но она по ряду причин находилась в стороне от внимания научного сообщества или же подавалась тенденциозно.

Татары, живущие между Казанью и Уфой, не отличаются друг от друга, это во всех отношениях единый этнос. Тюркские племена издревле проникли в Волго-Уральский регион, где, взаимодействуя с кочевыми угорскими племенами, создавали политические объединения. Это касается гуннов, тюрков, болгар, кыпчаков и других племенных союзов, в разное время вступавших в контакты с приуральскими уграми.

В период Золотой Орды тюрко-татарские племена выступили цементирующей этнической силой. Благодаря распространению ислама появился единый литературный татарский язык, в результате население Волго-Уралья стало более однородным. Культурное влияние мусульманской Волжской Булгарии и Золотой Орды привело к тому, что население Приуралья к середине XIV века на всем протяжении Волго-Уральского региона влилось в состав татарского народа.

Благодаря татарской власти с политическими границами начали формироваться новые поволжские народы, в контактных зонах племена северных угров начали ассимилироваться татарами и появились летописные иштяки, которые в XVIII веке вошли в состав пермских и отчасти уфимских татар и башкир. Даже в XIX в. часть башкир помнила о своем угорско-иштяжском происхождении.

Историю татар Приуралья невозможно рассматривать отдельно от татар Поволжья, так как это единый в этногенетическом плане мир, сохранивший единую идентичность, ментальность и культуру. Надеемся, что первый том трехтомника «Истории татар Приуралья» восполнит многие «пробелы» татарской истории.

Приложения

Источники по истории татар Западного Приуралья

Из сочинений Мухаммада ал-Идриси о Восточной Европе

Осуществленное в 1970–1976 гг. издание критического текста знаменитого географического труда Абу Абдаллаха Мухаммада ал-Идриси (ок. 1100–1164) Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак («Развлечение страстно желающего странствовать по землям»)¹ позволяет надеяться, что изучение сведений этого автора о Восточной Европе XII в. будет продолжено на более надежной, чем до сих пор, текстуальной основе.

В серии работ востоковедов, посвященной сообщениям ал-Идриси об отдельных странах Европы, уже нашли освещение материалы о части территории Руси: в книгах О. Туулио (Тальгрена)², Б. Недкова³ и других исследователей при рассмотрении сведений ал-Идриси о нескольких европейских странах на основе издания текста и комментированного перевода анализируются описания 4-й и 5-й секций шестого климата, содержащих данные и о «земле Русийи». Однако насущные задачи изучения сведений ал-Идриси о Руси не ограничиваются публикацией текста и комментария остальных известий этого автора о Восточной Европе (6-я секция шестого климата, перевод текста которой дан ниже, и 3–7-й секции седьмого климата). Основная линия изучения сведений ал-Идриси об этом регионе – идентификация географических наименований – должна, на наш взгляд, дополняться исследованием состава его сообщений. Дело в том, что ал-Идриси в известиях о Восточной Европе чаще обращается к книжным данным, чем, скажем, в разделах о странах Западной Европы или Балканского полуострова. Разумеется, углубленное изучение текста и карт ал-Идриси, их сопоставление с топонимическим материалом местных источников и археологическими данными о населенных пунктах⁴, наконец, учет передачи географических наименований разноязычными информаторами ал-Идриси остаются главными задачами исследования. Но полная оценка достоверности данных ал-Идриси включает и рассмотрение вопроса о том, [209] как использовал ал-Идриси свои письменные источники в каждой отдельном случае.

Объединение сведений, полученных путем расспросов, заимствованиями из сочинений предшественников отчетливо проявляется в описании юго-восточных земель Руси и южной части Восточной Европы в 6-й секции шестого климата. Ниже следует перевод этого текста ал-Идриси.

Перевод

Поистине то, что включает эта шестая часть [шестого климата], – это море ан-Нитаси⁵ и [одна] сторона тех стран, что на этом море. Она включает также часть земли ал-Куманийя⁶ и страны ар-Русийя внешней⁷, некоторую часть страны ал-Булгарийя⁸ и часть страны ал-Лан⁹, земли ал-Хазар и ее городов и рек. И мы займемся рассказом о ней и приступим к ее описанию сообразно тому, как мы это делали ранее и как описали страны перед этим, и просим в этом помощи у Аллаха.

Затем мы сообщаем, что на море ан-Нитаси из числа этих городов находится город Атрабзунда, о котором упоминалось выше¹⁰, так как он – одна из столиц ар-Рума¹¹, известная своей древностью и последовательно служившая [центром] для владений [разных] народов. От него по берегу моря в восточном направлении 75 миль до [места] впадения реки Русиййу¹². Это большая река, вытекающая с высот гор ал-Кабк¹³. Далее она течет на север и пересекает землю ал-Ланиййа¹⁴. На ней нет известных городов, но по [210] обоим ее берегам – населенные деревни и обильные посевы. Затем эта река течет на запад до тех пор, пока не впадает [в море] в этом [упомянутом] месте. По ней плавают небольшие лодки, которыми пользуются для перевозки легких вещей из числа товаров и припасов, переправляемых из одного места в другое.

От устья этой реки 150 миль до города Ашкасиййа¹⁵. Это красивый город из числа городов ал-Ланиййа и одна из их пограничных областей. От города Ашкасиййа до города Ашкала аланской земли 20 миль. Между Ашкалой и морем около 6 миль, она невелика по размерам, но это – оживленный [город], его округа имеет [всего] вдоволь для пропитания его жителей¹⁶. От него 20 миль по берегу моря до города Астабриййа¹⁷, который стоит у моря. Это – населенный город с оживленными рынками, обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей – купцы, их имущество изобильно. От города Астабриййа до города ал-Ланиййа 24 мили. По этому городу его народ (умма) назван аланами¹⁸ (ал-ланиййун). Этот город основан в древности, и неизвестно, кто построил его.

От города ал-Ланиййа до города Хазариййа, по которому [211] именуется хазары, 45 миль¹⁹. Это большой населенный город, обильно орошаемый водами. Он стоит на реке²⁰.

От города ал-Хазариййа до города Кира²¹ 25 миль, а от последнего до Куманиййи, по имени которой названы куманы (ал-кума-ниййун)²², 25 миль. Она названа Черной Куманией (Куманиййа ас-сауда') потому, что близ нее [протекает] река, которая сперва приходит в ее землю, а затем опускается в ущелье тех гор, что между ней и Кирой, а это – большие горы с высокой вершиной, недоступные²³. Далее эта река выходит из ущелья, и при этом ее вода [становится] черной, словно дым. Это хорошо известно и не отрицается [никем]²⁴.

От города ал-Куманиййа до города Матлука, который называется также Белой Куманией (Куманиййа ал-Байда'), 50 миль²⁵. Белая Кумания велика и многолюдна.

От нее до города Матрика²⁶, название которого передается [также как] Матраха, 100 миль плавания. Город Матраха большой и населенный²⁷, имеет множество областей (акалим), обширные [212] земли, благоустроенные селения, посевы, следующие непрерывно один за другим. Он находится на реке, называемой Сакир²⁸, и она [представляет собой] рукав, который подходит к городу от реки Атил, а главное русло последней идет к городу Атил, что на море Табаристана²⁹. От города Матраха до города ар-Русиййа³⁰ 27 миль. Между жителями Матрахи и жителями Русиййи постоянная война³¹.

От города ар-Русиййа, [что] на большой реке, текущей к нему с гор Кукайа³², до города Бутар³³ 20 миль. Мы упоминали город Русиййа и город Бутар ранее³⁴. [213]

К числу городов Кумании или страны куманов причисляют город Кира (Фира)³⁵, город Нарус³⁶, город Нуши³⁷ и город Кинийув³⁸. Что касается города Нуши, то он расположен на север от Белой Кумании – между ними 50 миль. Это оживленный город средней величины, здесь есть посевы, зерно (галлат) здесь в изобилии. Он расположен на реке, орошающей большую часть его полей³⁹. От [214] города Нуши до города Кинийув – 100 миль (в направлении) на северо-восток. Кинийув – большой город у подножия высокой горы, он имеет обширную населенную округу и очень оживлен⁴⁰.

Точно так же от города Нуши до города Нарус (Баруш) 100 миль в направлении на северо-запад. Этот город невелик, в нем есть рынки и [совершается] купля-продажа. От города Нарус до города Слав⁴¹ в восточном направлении 135 миль, а от города Нарус до города Кира (Фира) 50 миль с небольшим [в направлении] на запад.

Между городом Слав и городом Кукийана⁴² из [числа городов] земли Булгар⁴³ 18 дней пути⁴⁴, а от Киры до города Най (Кай)⁴⁵ в западном направлении 25 миль. Кукийана – город тюрок, именуемых Руса⁴⁶.

Русов (ар-Рус) три вида (аснаф)⁴⁷. Один вид их называется рус, и царь их живет в городе Кукийана⁴⁸, Другой их вид называется ас-Славиййа, а царь их – в городе Слав; этот город на вершине горы. Третий вид называется ал-Арсаниййа, и царь его пребывает, в городе Арсани. Город Арсани – красивый город на горе, он [215] укреплен, а местонахождение его между [городами] Слав и Кукийана. От Кукийаны до Арсани – 4 дня пути и от Арсани до Слава – 4 дня пути⁴⁹. Купцы-мусульмане из Армении доходят до Кукийаны, а что касается города Арсан[и], то шейх ал-Хаукали сообщает, что никто из чужеземцев туда не вступает, так как они обязательно убивают любого чужеземца, входящего к ним, и никто не отваживается войти в их землю⁵⁰. От них вывозят шкуры черных леопардов (анмар)⁵¹ и черных лисиц (ас-са'алиб) и свинец (или олово)⁵² – все это [вывозят] от них купцы Кукийаны⁵³. Русы сжигают своих мертвых, а не зарывают их в землю. Часть русов бреет бороды, а иные завивают ее, как гриву лошадей, и окрашивают ее в желтый цвет. Их одежда – короткие куртки, а одежда хазар, булгар и печенегов – длинные, долгополые куртки из шелка, хлопка, льна или шерсти⁵⁴.

А булгары – это многочисленные племена и народы, и их населенные места близко примыкают к поселениям румов (ар-Рум)⁵⁵. [216]

Язык русов не таков, как язык хазар и бургасов⁵⁶. А Булгар – название города, среди [его жителей] есть христиане и мусульмане. В нем имеется соборная мечеть. Близ него расположен город Сувар, его постройки деревянные, в них укрываются его жители зимой, а летом они укрываются в шатрах⁵⁷. День у булгар и русов настолько краток зимой, что достигает [лишь] трех часов с половиной. Сказал ал-Хаукали: «Я был очевидцем этого у них зимой. Продолжительность дня была такова, что ее было достаточно только для четырех молитв, каждая из которых следовала одна за другой, с рик'атами, и между азаном и икамой не было промежутка»⁵⁸.

Ал-Хазар – это многочисленные области между двумя морями. Ал-Хазар – мусульмане и христиане, есть среди них и идолопоклонники. Им принадлежат области и города, из их числа – Самандар, расположенный по ту сторону ал-Баб ва-л-Абваба, и Баланджар, и ал-Байда, и Хамлих⁵⁹ – все эти города построил Кисра Унуширван, и они до сих пор населены и [существуют] сами по себе⁶⁰.

От Баб ал-Абваба⁶¹ до Самандар 4 дня пути, а между Баб ал-Абвабом и «владением трона» (мамлакат ас-Сарир) 8 дней⁶², и от Атила до Самандара 8 дней, от Атила до края границ бургасов 20 дней. А бургас – это земля, от начала до конца которой 15 дней, а от бургасов до баджанакров – 10 дней, а от Атила до баджанакров – один месяц пути. От Атила до Булгара по дороге степью около месяца, а по воде – два месяца, это вверх по воде, а вниз по течению около 20 дней пути⁶³.

От баджанакров до внутренних басджиртов (Басджирт ад-да-хила) десять дней, а от последних до Булгара двадцать пять дней⁶⁴. [217]

Ал-Хазар – название страны, а ее столица – Атил. Атил – это [также] название реки, которая течет к ней от русов и Булгара и впадает в море ал-Хазар. Исток этой реки в восточной стороне, из некоего места «опустошенной страны» (билад ал-хариб)⁶⁵, затем река проходит через «Зловонную землю» (ард ал-мунтина)⁶⁶ и землю басджиртов на запад до тех пор, пока не проходит позади булгара близ земли русов, после чего возвращается на восток и протекает через Русскую землю (ард ар-Русиййа), затем через

булгар, далее через буртасов и течет [далее], пока не впадает в море ал-Хазар⁶⁷, проходя через их земли в южном направлении. После того как она отклоняется в южную сторону к земле ар-Рус, от нее отделяется рукав, который приходит к городу Матраха на море Нитас: он называется река Сакир⁶⁸. И говорят, что от реки Атил отделяется более семидесяти рек, а основное русло реки продолжает течь к хазарам⁶⁹. И еще [говорится], что буртасы соседят с хазарами, и между ними и хазарами нет никакого другого народа. Это хозяева (асхаб) деревянных домов, а также войлочных шатров, у них есть два города – Буртас и Сувар⁷⁰. У буртасов – свой язык, на котором они говорят, он отличен от языка хазар точно так же, как и язык русов⁷¹. [218]

А русов (ар-Русийа) два вида⁷². Один вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте, и есть другой вид, это те, что [живут] по соседству со страной Ункарийа и Джасулийа⁷³. И они⁷⁴, в то время когда мы составляем эту книгу⁷⁵, уже победили буртасов, булгар и хазар, изгнали их из их страны и отняли ее у них. И не осталось там, кроме них (русов. – В.Б.), никакого другого народа, а лишь только [их] названия в [этой] земле⁷⁶.

И в земле ал-Хазар есть гора Батира («острая»). Это гора, которая простирается с севера на юг, в ней имеются рудники серебра и хорошего олова: там его добывают много и отправляют во все страны и области⁷⁷.

И еще. Поистине мы сообщаем, что в море Нитас, изображение которого помещено в этой части, есть два острова. Один из них – Анбала, второй – Нунишки. Оба они населены. Из числа прибрежных городов острову Анбала противостоит Матраха: между ними два дня плавания, и между островом Анбала и островом Нунишка [столько же]. Напротив острова Нунишка из числа прибрежных городов стоит город Белая Кумания⁷⁸, между ними расстояние в 3 дня плавания. [219]

На острове Нунишка вылавливают большую рыбу (ал-хут)⁷⁹ которая называется шахрийа («ежемесячная»), это одна из разновидностей [рыбы] саканкур⁸⁰, которую ловят во время бури на море в гавани западнее ал-Джазиры⁸¹, и эта рыба действует так же, как саканкур, на половое влечение и даже сильнее⁸². После того как из нее вынимают внутренности, ее посыпают солью и имбирем, завертывают в листья лимона и подают владыкам, живущим в тех землях, и они находят это превосходным. Количество, которое обычно берут под язык, – один кират⁸³, и не более того. Все это правдиво и [хорошо] известно: об этом рассказывает множество сообщающих (мухбириу), тех, кто держал путь по этому морю и узнал и обычное, и чудесное о нем⁸⁴.

А все море, которое называется Нитас, доходит с южной стороны до страны Лазика и [простирается далее], пока не доходит до Константинополя (ал-Кустиптиийа), и его длина 1300 миль, а ширина 300 миль⁸⁵, самое широкое место на нем достигает 400 миль⁸⁶. [220]

С северной его [стороны] в него впадает река Данабрис⁸⁷. Она приходит [сюда] от обратной стороны озера Тирма⁸⁸. Это большое озеро, его длина с запада на восток 300 миль, а ширина 100 миль⁸⁹. Мы расскажем о нем и изобразим его [на карте] таким, как оно есть в [соответствующем] месте VII климата⁹⁰, если будет угодно Аллаху с его силой и могуществом. Здесь завершается упоминание о том, что содержит 6-ю часть VI климата⁹¹.

Комментарии

1. Al-Idrisi. Opus Geographicum sive Liber ad eorum delectationis qui terras peragrarare studeant. Neapoli; Romae, 1970–1976. Fasc. 1–6.

2. Tuulio (Tallgren) O.J. Du nouveau sur Idrisi: Sections VII, 3, VII, 4, VII, 5. Helsinki, 1936.

3. Недков Б. България и съседните земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960.

4. Опыт такого сопоставления см.: Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси 1154 г. – В кн.: Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1952, вып. 43, с. 3–44.

5. Нитас – частое у арабских авторов IX–XII вв. графическое искажение названия Бунтус (т.е. Понтос) – Черное море.

6. Ал-Идриси обозначает термином ард ал-Куманлийа («земля Кумания») не только Половецкую землю, границы которой Ипатьевская летопись определяет как лежащие «межи Волгою и Днепром», но территорию значительно большую, доходящую до северного озера Тирма в 5-й секции седьмого климата и до земли Булгара в 6-й секции седьмого климата.

7. В тексте: ар-Русиййа ал-хариджа. Ал-Идриси, однако, нигде не противопоставляет этой стране «внутреннюю Русь», а пишет в 4-й секции шестого климата о «самой отдаленной Руси» – ар-Русиййа ал-кусва, называя в числе ее городов Рамисли (Перемышль), Зака (Саков) и др.

8. Название Булгар, Булгариййа относится к волжским булгарам. Дунайскую Болгарию он повсюду называет страной бурджан.

9. Этноним алан (ал-Лан), по-видимому, включает и адыгские племена и в дальнейшем тексте ал-Идриси.

10. О Трапезунде (Атрабзунда) ал-Идриси пишет и в описании 5-й секции шестого климата (Недков Б. Указ. соч., с. 94–95, 96–97).

11. Ар-Рум – обычное у арабских авторов обозначение Византии и ее владений.

12. Расстояние в 75 миль, т.е. около 120 км (миля в среднем, по подсчетам исследователей ал-Идриси, равна у этого автора 1555 м), выглядит маловероятным: на восток от Трапезунда на этом расстоянии нет значительных рек.

О реке Русиййа ал-Идриси пишет в 5-й секции шестого климата (см. ниже и примеч. 32). В этом тексте конечная буква у (арабск. «вав»), возможно, отражает произношение информатора ал-Идриси.

13. Ал-Кабк – название Кавказского хребта у арабских географов (у ал-Мас'уди вариант – ал-Кабх), вероятно пехлевийского или армянского происхождения (пехл.: Кафкох, арм.: Капкох).

14. Это описание в общем соответствует течению реки Кубань, берущей начало из ледника близ Эльбруса и текущей на северо-запад, а от современного Армавира почти строго на север, затем поворачивающей на запад. По ал-Идриси, «земля ал-Ланиййа» простиралась до самого моря Нитас, что видно и из текста об аланских городах.

15. Возможно, первый слог названия -ас – это этническое имя алан – ас («ясы» русской летописи) и следует читать Аскасиййа. Название Аскасиййа встречается у ал-Хоризми, но не как название города, а как наименование гор ([Al-Huwarizmi.] Das Kitab Surat al-ard des Abu Ga'far al-Huwarizmi / Hrsgb. von H. v. Mzik. Leipzig, 1926, S. 64–65) (Далее: Al-Huwarizmi) и, несомненно, восходит к Птолемию (Ptol. Geogr., VI, 14, 13 – горы Асписиййа). Как название гор Аскасиййа имеется и в книге Ибн Са'ида (1214–1274), для которого ал-Идриси был основным источником (см.: Ибн Са'ид ал-Магриби. Китаб баст ал-ард фи-т-тул ва-л-'ард / Изд. Х. Гинеса. Тетуан, 1958, с. 140 арабск. паг.).

16. Это название также можно сопоставить с горой Асфатафа у ал-Хоризми (Al-Huwarizmi, S. 58–59) и соответственно Аскатака у Птолемея (Ptol. Geogr., VI, 13, 3; VI, 14, 13). Однако можно связать Ашкалу с названием абазского общества Ашегели, упомянутым у Эвлия Челеби (1611–1679). Об Ашегели (Аше) см.: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 60–61. Отметим, что и в названии Ашкала первый слог может читаться ас- вместо аш-.

17. Первый слог ас-, как и в двух приведенных выше. И здесь находится аналогия в тексте ал-Хоризми и снова-таки в названии горы Асмариййа (Al-Huwarizmi, S. 64), а не в названии города.

18. Здесь и ниже название города дает имя народу, а не наоборот: от названия города ал-Ланиййа происходит имя алан, от названия ал-Хазариййа – хазары. По понятию информатора ал-Идриси, а возможно, и самого географа, нисба – относительное имя, обозначающее происхождение из города или страны, могла быть лишь производной, а название города первичным. Название Алан встречается опять-таки у ал-Хоризми (Al- Huwarizmi, S. 62–63) и у Птолемея (Ptol. Geogr., VI, 14, 3). Совпадение названий городов у ал-Идриси и гор у ал-Хоризми, по всей вероятности, связано с использованием не дошедшей до нас карты Птолемея. Ал-Идриси называет сочинение Птолемея в числе своих источников, но имени ал-Хоризми не упоминает. Напрашивается предположение, что названия городов были ошибочно заимствованы с этой карты, а описание городов страны алан взято из сообщений информаторов.

19. 45 миль – около 70 км. О направлении движения от Алании к городу Хазарии не говорится.

20. Описание города обнаруживает сходство с рассказами авторов X в. о столице хазар – городе Атил (или Итил) в нижнем течении одноименной реки. Атил (Волга), по словам ал-Мас'уди, делила город на три части. Анализ рассказов о хазарской столице см.: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, т. I, с. 184–202.

21. Название города Кира встречается ниже, в описании городов Кумании. В рукописях оно встречается в двух вариантах, отличающихся начальной буквой («кяф» или «каф»). Если держаться второго из них, возможно также чтение Фира (см. ниже и примеч. 35).

22. См. примеч. 18.

23. Объяснение, данное у ал-Идриси названию Черная Кумания, вероятно со слов его информатора, представляется искусственным. По-видимому, это наименование возникло как соотносительное с названием Белой Кумании. Локализация Черной Кумании затруднительна. На карте Л показаны горы близ Черной Кумании, название гор отсутствует, обозначена и река, проходящая сквозь эти горы и впадающая в море ан-Нитас между Черной Куманией (лежащей к югу от гор) и Белой Куманией (на север от хребта). Описание гор, скорее всего, соответствует впечатлениям очевидцев о горах Западного Кавказа, однако трудно допустить существование города куманов-половцев на юг от этих гор.

24. Описание реки, вероятно, имеет в основе какие-то реальные впечатления о горной реке, выходящей из ущелья. Но дальнейший текст с упоминанием Белой Кумании еще больше подчеркивает искусственность и надуманность пояснения названия Черная Кумания. В нашем распоряжении нет сообщений о разделении куманов-половцев на «белых» и «черных», подобно тому как разделяет хазар ал-Истахри (BGA. Leiden, 1870, pars I / Ed. M.J. de Goeje, p. 223).

25. Сходство этого названия с описанной ниже Матрахой заставляет предполагать, что ал-Идриси свел воедино данные разных информаторов об одном и том же городе. Сопоставление Белой Кумании с Белой Вежей – Саркелом также недопустимо: ко времени ал-Идриси здесь было лишь зимовище половцев (Плетнева С.А. Половецкая земля. – В кн.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975, с. 294).

26. Название Матрика, вероятно, отражает произношение Матрега латинской передачи (Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957, с. 88, 89, 223).

27. Матраха описана ал-Идриси и в 5-й секции шестого климата в рассказе о пути от Константинополя к городу Матрахе по северному берегу [Черного моря]: «От устья реки Русиййа до Матрахи 20 миль. Матраха – это вечный город, существует с древних времен, и неизвестно, кто его построил. Здесь есть виноградники и поля. Его владыки (мулук) мужественны, благоразумны и решительны. Их почитают по причине их отваги и их власти над теми, кто соседствует с ними. Это – большой город со множеством жителей с процветающими округами, в нем имеются рынки и [собираются] ярмарки, посещаемые людьми из самых дальних соседних стран и из ближайших округов» [Недков Б. Указ. соч., с. 100–101 (арабский текст и болгарский перевод)].

28. А. Сейпель, пытаясь отождествить реку Сакир с Доном, вводит искусственную конъектуру Тан'ис (Seippel A. Rerum Normannicarum fontes Arabici. Christianiae, 1896, fasz.

1, р. 85). Однако название Тана'ис у арабских авторов начинается с эмфатического «та», имеющего совершенно иное начертание.

29. Представление о рукаве Волги (Атила), впадающем в Черное (или Азовское) море, встречается в известном рассказе ал-Мас'уди о походе русов на прикаспийские области (русский перевод см.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963, с. 198–199), но ал-Мас'уди не приводит названия рукава и не связывает его с рассказом о Тана'исе.

30. Город Русиййа обычно отождествляется с Корчевом (Керчью). См. подробнее: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества X–XIII вв. М., 1982, с. 179. Название города Росия упомянуто на печати Феофано Музалонисы – жены Олега Святославича (ум. в 1115 г.), княжившего в Тмутаракани в 1083–1094 гг. (возможно, и позднее). Для времени, более близкого к ал-Идриси, наименование Росия засвидетельствовано в хрисовуле византийского императора Мануила I Комнина от 1169 г.: из территории владычества, где разрешалось торговать генуэзским купцам, исключаются Росия и Матраха (Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос». – В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1973, сб. 10, с. 229, 233. Заключение Талиса, что Росия «скорее всего пункт восточной Таврики», не противоречит сообщению ал-Идриси об этом городе). Далее, однако, речь идет о реке, па которой стоит Русиййа, возможно о Керченском проливе, если предположить, что информатор ал-Идриси имел столь искаженное представление о нем. Выше, а также в примеч. 27 упомянута река Русиййу: в тексте, по-видимому, объединены сведения, полученные из разных уст.

31. Если принять отождествление Русиййа – Корчев, это расстояние несколько преувеличено, однако не настолько, чтобы признать все сообщение недостоверным. Об измерении этого расстояния см.: Монгайт А.Л. Надпись на камне. М., 1967, с. 198–199.

32. Горы Кукайя упомянуты и в других местах книги ал-Идриси (секции V, 9, VI, 5, VII, 6). Они везде помещены на крайнем северо-востоке ойкумены и могут быть связаны с Рифейскими горами античных географов, и прежде всего Птолемея (см.: Tuulio (Tallgren) O.J. Op. cit.,, p. 170). Б.А. Рыбаков и вслед за ним Б. Недков отождествляют горы Кукайя со Среднерусской возвышенностью. В данном тексте это оправданно, так как речь, возможно, идет о Доне или Северском Донце, но описание гор Кукайя (см. примеч. 34) не соответствует такому отождествлению (ср.: Рыбаков Б.А. Русские земли..., с.24; Недков Б. Указ. соч., с. 149).

33. Отождествляется с Феодосией (Рыбаков Б.А. Русские земли..., с. 19).

34. Текст о горах Кукайя и реке Русиййа, на который ссылается здесь ал-Идриси, следует за описанием Матрахи в 5-й секции шестого климата: «В упомянутую реку Русиййа впадает шесть больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайя, а это – большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой Земли. Эти горы тянутся до тех пор, пока не достигают страны Йаджудж и Маджудж на крайнем Востоке. Они пересекают [эту страну], проходя в южную сторону от темного черного моря, называемого море аз-Зифти («Смолистое»). Это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах. На этих реках живет племя, известное под названием ап-Н. бариййа (конъектура О. Туулио – Биарма – название страны на крайнем Северо-Востоке Европы – «Великой Перми»). См.: Tiilio (Tallgren) O.J. Op. cit.,, p. 170–171. Конъектура Б.А. Рыбакова и Б. Недкова – ас-Сабарина – северяне – «северяне», «северо» Повести временных лет. См.: Недков Б. Указ. соч., с. 102). У этого племени есть шесть укрепленных городов между руслами рек, о которых мы сказали выше, что они вытекают из гор Кукайя. Никто не может одолеть [людей] этою племени, их обычай и нрав таковы, что они не расстаются со своим оружием ни на одно мгновение, они очень осторожны и бдительны» [Недков Б. Указ. соч., с. 102–103 (арабский текст и болгарский перевод)]. В этом тексте говорится лишь о реке Русиййа, город под этим названием не упомянут. Источник сведений о шести реках не поддается уверенному определению. Некоторое сходство рассказа ал-Идриси с данными ал-Хоризми можно усмотреть при сравнении его с картой ал-Хоризми, изображающей ал-Батиха (Азовское море). На карте ал-

Хоризми (Al-Huwarizmi, табл. IV) обозначены шесть рек, впадающих в море ал-Батиха. Одна из них – Танаис – берет начало из источника Сурис, а пять – Марубис, Туфанис и др., названия которых заимствованы у Птолемея (Geogr., V, 8, 14–15), – вытекают из гор Ифика (Al-Hiivarizmi, табл. IV, справа сверху), соответствующих горам Гшгаика Птолемея. На той же карте встречается и наименование гор Каука или Кука, юго-западнее моря ал-Батиха, вероятно соответствующее Кавказским, Сарматским и Албанским горам Птолемея. Таким образом, мы не вправе прямо связывать текст и карту ал-Идриси с этой картой ал-Хоризми, поскольку у ал-Идриси утрачены топонимы и гидронимы, и прежде всего Тана'ис. Однако данные о шести реках и городе Тирма, имеющиеся на карте ал-Батихи у ал-Хоризми, и у ал-Идриси, позволяют предполагать, что ал-Идриси пользовался какой-то картой, связанной с сочинением Птолемея. В пользу этого говорит и сходство названий городов ал-Ланиййа (см. выше и примеч. 18) с названиями гор у ал-Хоризми и Птолемея.

35. Б.А. Рыбаков на основе исчисления расстояний по карте ал-Идриси и совмещения карты ал-Идриси с картой древнерусских городов предполагает отождествление Кира – Корец (Рыбаков Б.А. Русские земли..., с. 36). Выше при упоминании Киры (Фиры) указано расстояние от нее до города ал-Хазариййа – 25 миль, и это вызывает сомнения в том, что речь идет в обоих местах об одном и том же городе.

36. Отождествление Б.А. Рыбакова (Там же, с. 36) – Деревич (между Изяславом на р. Горынь и Колодяжиным на р. Случь). При минимальной конъюнктуре (замене диакритической точки над первой буквой и постановке трех точек над последней) название города читается Баруга, что может соответствовать городу Баруч в Переяславском княжестве.

37. Б.А. Рыбаков (Там же, с. 36–38) считает, что Нуши был расположен на Южном Буге. Возможна конъюнктура Нуси (Носов в Переяславском княжестве?).

38. Б.А. Рыбаков (Там же, с. 36–38) отождествляет с Каневом.

39. Это описание может свидетельствовать, что Нуши был расположен в степной полосе.

40. Описание городов Кумании не составляет, по-видимому, единого маршрута: об этом можно судить по направлениям пути из одного города в другой. Из перечисленных городов Кинийув представляется наиболее крупным центром. Можно предполагать, что название Кинийув является передачей наименования Киева, полученное от другого источника, чем тот, на который опирался ал-Идриси в описании городов Руси в 5-й секции шестого климата, где название Киева передано как Кав.

41. Отождествляется с Переяславом (Рыбаков Б.А. Русские земли..., с. 36).

42. Начиная с этого места, ал-Идриси заимствует (с искажениями) текст Ибн Хаукала (BGA, II₁, p. 285–286; BGA, II₂, p. 397). Ниже он ссылается на Ибн Хаукала (шейх ал-Хаукали). У Ибн Хаукала взято и название Куйаба, искаженное либо в рукописи этого автора, доступной ал-Идриси, либо в рукописях Нузхат ал-Муштак в Кукийана.

43. У Ибн Хаукала и ниже у самого ал-Идриси Куйаба (Кукийана) названа городом одного из видов русов.

44. Расстояние здесь исчислено в «дневных переходах» или «днях пути» (мархала), а не в милях, как в предшествующем тексте ал-Идриси. Такое исчисление дается у Ибн Хаукала. По исчислениям исследователей, длина «дневного перехода» 23–25 миль, при ускоренных переходах 30–36 миль (Недков Б. Указ. соч., с. 17).

45. Город Най упоминается в 5-й секции шестого климата, где указано, что он находится в «куманской земле», в шести днях пути от города Кав (Киев). Существуют предположения, что Най находился где-то близ города Ровно (Рыбаков Б.А. Русские земли..., с. 38), а также, что Най (Кай) – это город коуев (кайи), одного из подразделений черных клубуков; часть коуев была зависима от черниговских князей (ПСРЛ, т. II, стб. 427, 428, 517; см. подробно: Vznik a ročátky Slovanů. Praha, 1958, II, str. 13–18).

46. Утверждение, что «русы – одно из племен тюрок», могло, по нашему мнению, возникнуть в данном тексте вследствие неверного понимания одного из сообщений о русах у Ибн Хаукала: «Рус – племя в стороне Булгара между ними и ас-Сакалиба (славянами). И ранее отделилось племя тюрок из их страны и ушло в места между странами ал-Хазар и ар-

Рум. Их именуют ал-Баджана-киййа (печенеги)» (BGA, II, р. 15). Слово «племя тюрок» ал-Идриси отнес к русам.

47. Здесь употреблен тот же термин, что и у Ибн Хаукала, – синф – «сорт, вид, класс», ниже ал-Идриси заменяет его словом кабил – «род, сорт».

48. Это, разумеется, искажение названия Куйаба – обычного обозначения Киева у ал-Истахри и Ибн Хаукала. Но рукописи ал-Идриси приводят его именно в такой форме.

49. Этих данных нет у Ибн Хаукала, у него указано лишь расстояние от Булгара до Куйабы – около 20 дней пути. Из сообщения Ибн Хаукала и его предшественника ал-Истахри можно вынести лишь впечатление, что русы являлись в Булгар, спускаясь вниз по течению Атила (текст Ибн Хаукала см.: BGA, II, р. 397, ал-Истахри – BGA, I, р. 225–226; русский перевод А.П. Новосельцева см. в кн.: Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 411–412). Это соответствует сообщению Ибн Фадлана (Ковалевский А.П. Книга Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956, с. 142). Важным отличием текста ал-Идриси от сведений Ибн Хаукала является то, что он размещает Арсу между Славом и Куйабой и утверждает, что Арса – укрепленный город на горе: у Ибн Хаукала этих сведений нет, и, скорее всего, они добавлены самим ал-Идриси. На карте Л город Арсан обозначен на северо-западе от Булгара.

50. О локализации Арсы см.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. – В кн.: Новосельцев А.П. и др. Указ. соч. с. 415–418.

51. В текстах ал-Истахри и Ибн Хаукала – «черных соболей» (ас-саммур ал-асвад). Трансформация слова ас-саммур в ал-анмар вполне объяснима особенностями арабского начертания. Слово саммур было изменено в нумур – «леопарды», «тигры», а затем переписчиком было использовано более распространенное мн. ч. того же слова – анпар.

52. Арабское слово расас обозначает и свинец, и олово (в последнем значении ныне устарело).

53. В тексте ал-Истахри и Ибн Хаукала говорится лишь, что «люди для торговли прибывают в Куйабу», о роли купцов Куйабы не сказано.

54. У ал-Истахри и Ибн Хаукала не сказано, из какой ткани шиты одежды хазар, булгар и печенегов. Слова «из шелка, хлопка, льна и шерсти», вероятно, дополнение самого ал-Идриси.

55. В сравнении с текстом ал-Истахри – Ибн Хаукала сообщение ал-Идриси представляется упрощенным и искажает смысл текста предшественников. Оба указанных автора пишут о «больших булгарах» (булгар ал-а'зам), «соседающих с Византией (ар-Рум)» в северной ее части (см.: BGA, I, р. 225–226; BGA, II, р. 397). См. примеч. 43. В пространном описании Болгарии у ал-Идриси нигде не встречается название булгар, и в данном случае ал-Идриси не сопоставляет употребляемый им этноним булгар с названием бурджан. Это последнее, впрочем, употреблено у ал-Идриси лишь дважды в описании земель бурджан в 5-й секции шестого климата, и название «земля бурджан» не охватывает всей территории, населенной дунайскими болгарскими, а лишь северо-восточную Болгарию до устья Дуная (Недков Б. Указ. соч., с. 18, 93, 105).

56. Здесь приведена лишь заключительная фраза сообщения ал-Истахри – Ибн Хаукала: «Язык булгар подобен языку хазар, а у бургасов – другой язык и язык русов не таков, как язык хазар и бургасов».

57. Заимствованный у Ибн Хаукала текст подвергнут у ал-Идриси изменениям: христианами и мусульманами названы у Ибн Хаукала не жители города, а «булгары внутренние», слова о жилищах булгар у Ибн Хаукала отпеснены к обоим упомянутым городам, а не только к Сувару, как у ал-Идриси. Подробный разбор вариантов сообщений о Булгаре и Суваре у различных арабских авторов см.: Заходер Б.Н. Указ. соч. М., 1967, т. II, с. 36–39.

58. Анализ сообщений о краткости ночи летом и дня зимой см.: Заходер Б.Н. Указ. соч., т. II, с. 40–44.

59. Перечень городов хазар, возможно, восходит к тексту Ибн Хурдазбиха (BGA, VI, p. 124), упоминающего Хамлих, Баланджар и ал-Байда'. У ал-Истахри и Ибн Хаукала есть описание Самандара, но остальные города не названы.

60. В тексте «каимат ли-л-зат», что можно перевести как «самостоятельные», «независимые».

61. Ал-Идриси употребляет две формы названия Дербенда – Баб ал-Абвab (обычная, более распространенная) и Баб ва-л-Абвab (так у ал-Мас'уди). См.: Минорский В.Ф. Указ. соч., с. 189, примеч. 2.

62. О государстве Сарир см.: Там же, с. 132–138.

63. Заимствование этого и последующего текста у Ибн Хаукала свидетельствует о том, что ал-Идриси не располагал сообщениями устных информаторов о Поволжье и северных прикаспийских областях. Более того, сообщение о печенегах в передаче ал-Идриси утратило ряд данных, имеющихся в тексте ал-Истахри – Ибн Хаукала.

64. Основное сообщение о басджиртах, которых ал-Идриси (как и ал-Истахри и Ибн Хаукал) делит на «внутренних» и «внешних», помещено в следующей, 7-й секции шестого климата и в 7-й секции седьмого климата (в этой последней есть сообщение и о печенегах). В этих секциях ал-Идриси уже не использует текст Ибн Хаукала, опираясь (за исключением упоминания о соседстве басджиртов с гузами и печенегами) на рассказ устного информатора.

65. По всей вероятности, это не название какой-либо области или страны: у ал-Идриси это упоминание больше не встречается.

66. Название «Зловонной земли» ал-Идриси упоминает в описании 7-й секции седьмого климата и локализует ее (как и в приведенном тексте) по соседству с землей басджиртов. Представление о «зловонной земле» могло возникнуть у ал-Идриси в связи с рассказом о путешествии Саллама Тарджумана («толмача»), который сообщает, что, после того как он и его спутники прибыли к пределам басджиртов, они в течение десяти дней следовали по пустынной, черной, и зловонной местности. Этот рассказ ал-Идриси заимствовал у Ибн Хурдазбиха и привел в описании 9-й секции шестого климата.

67. Ал-Идриси значительно изменил текст Ибн Хаукала, служивший для него основой описания реки Атил. У Ибн Хаукала: «Река Атил вытекает с восточной стороны из области Хирхиз, затем протекает между землями кимаков и гузов и является границей между кимаками и гузами, далее она проходит к западу позади болгар и возвращается на восток, пока не пройдет через [землю] русов, затем через [землю] болгар, далее через [землю] буртасов до тех пор, пока не впадает в море» (BGA, II, p. 281–282). Ал-Идриси опустил упоминание гузов и кимаков, ввел названия «Зловонной земли» и басджиртов.

68. О реке Сакир см. выше и примеч. 28.

69. Эта фраза дословно заимствована у Ибн Хаукала (BGA, II, p. 282; BGA, II, p. 393). Анализ рассказа о «семидесяти устьях» Волги в различных источниках см.: Заходер Б.Н. Указ. соч., т. II, с. 164–165.

70. Выше у ал-Идриси речь идет о двух городах болгар – Булгаре и Суваре (в некоторых рукописях только о Булгаре). У Ибн Хаукала о городах буртасов не говорится, а название Суvara начинается с буквы «син», а не «сад», как у ал-Идриси. Возможно, в руках ал-Идриси не было текста Ибн Хаукала, и он цитировал по памяти.

71. Это утверждение встречается и выше (см. также примеч. 56).

72. О двух видах (аснаф) русов пишет только ал-Идриси. Те, «о которых мы говорим в этом месте», – это русы, описанные Ибн Хаукалом в цитированном рассказе «о трех видах русов» и связанных с ним текстах.

73. Речь идет о русах, описанных ал-Идриси в 4-й секции шестого климата, в эту секцию ал-Идриси включил Румапиййа, Джасулиййа (это название с незначительными вариантами встречается во всех рукописях, но рядом востоковедов было исправлено на Макдуниййа – Македония). В этой секции названы города Рамисли (Перемышль), Зака (Саков), Турубиййа (конъектура, приближающая этот город к Турову) и Галисиййа (Галич). Таким образом, ясно, что ал-Идриси не отождествлял Юго-Западную Русь, соседившую с

Венгрией (Ункарийей) и «Джасулийей» (Макдунией), включавшей города Ниш, Шумен, Видин, Ловеч и др., с «тремя видами русов».

74. Речь идет о втором «виде» русов, соседях болгар, жителях Куйабы и двух других городов русов, известных из рассказа Ибн Хаукала.

75. Ал-Идриси закончил свою книгу в шаувале 548 г. хиджры (нач. 20 декабря 1153 г.). Но этот текст, скорее всего, передача известного свидетельства Ибн Хаукала об изгнании русами болгар, бургасов и хазар из их земель. Анализ этого текста Ибн Хаукала см.: Бартольд В.В. Арабские известия о русах. – Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 848–851; Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времен Святослава. – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1975 г. М., 1976, с. 90–101.

76. Ибн Хаукал пишет о беженцах из указанных областей, рассеявшихся в соседних странах (BGA, II₁, р. 286), а в другой редакции – о возвращении части хазар в города Атил и Хазаран (BGA, II₂, р. 398). Слова о том, что от перечисленных народов остались одни названия, – свободный пересказ текста Ибн Хаукала. Отметим, что рассказом об изгнании бургасов, болгар и хазар у ал-Идриси завершается передача сообщений Ибн Хаукала, в дальнейшем тексте секции ал-Идриси больше не обращается к его сведениям.

77. Несколько выше у ал-Идриси на основе данных Ибн Хаукала говорится о вывозе олова из Арсы. Расположение горы Батира («с севера на юг») наводит на мысль, что здесь отразилось какое-то представление об Уральских горах.

78. Отождествлению островов Анбала и Нунишка с какими-либо прибрежными местностями восточного побережья Черного моря или Крымского полуострова препятствуют данные о расположенных напротив них городах. Данные о Белой Кумании так же неопределенны и сбивчивы. Второе ее название – Матлука («освобожденная», «отпущенная на волю») – может рассматриваться как синоним слова «белая». В 5-й секции шестого климата ал-Идриси называет еще четыре острова: Андисира, Саранба, Гардийя и Азала, из которых последний, вероятно, тождествен острову Анбала. Об отождествлении упомянутых островов см.: Недков Б. Указ. соч., с. 103, 150.

79. Арабское слово «хут» означает «большая рыба», «кит».

80. Рассказ о рыбе саканкур – сцинке – следует отнести к числу сообщений о «диковинках» – аджа'иб. Аналогичный рассказ есть в книге современника ал-Идриси испано-арабского географа Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Абу Бакра аз-Зухри, Китаб ал-Джа'рафийя (см.: Kitab al-Dja'rafiya. Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (IIIe – IXe s.) rééditée et commentée par Zuhri (VIe–XIIIe s.) / Texte arabe... ed. par M. Hadj-Sadok. – In: Bulletin d'études Orientales (Institut Français de Damas). Damas, 1968, t. XXI, p. 241). Аз-Зухри сообщает, что рыба саканкур добывается в море ал-Дайлам, т.е. в Каспийском море, и приписывает ей те же свойства. Отметим, что ал-Идриси и аз-Зухри пользовались общим источником, до нас в полном тексте не дошедшим, – книгой испано-арабского автора ал-'Узри (ум. 1085 г.). Возможно, оттуда были взяты эти сообщения.

81. Возможен перевод «западнее [этого] острова». Но ал-Джазира может обозначать и Месопотамию, и Алхесирас в Испании, и др.

82. Далее следуют подробности ловли и приготовления этой рыбы.

83. Как мера веса кират равен 0,195 г или в Ираке 0,223 г, как мера объема (по данным настоящего времени) – 0,064 л.

84. Из этого места видно, что ал-Идриси, так же как и его современники Абу Хамид ал-Гарнати и Абу Абдаллах аз-Зухри, не был склонен подвергать сомнению рассказы своих информаторов о «диковинках» (аджа'иб).

85. Эти сведения о море Нитас (искажение Бунтус – Понтос) ал-Идриси мог заимствовать из сочинения Кудамы ибн Джа'фара (писал около 928 г.), которого он сам называет в числе авторов своих источников. Данные о размерах моря Бунтус, приведенные у ал-Идриси, встречаются у Ибн Руста, ал-Мас'уди и других авторов, они взяты из введения к сочинению ал-Баттани (ок. 852–929) Аз-Зидж ас-Саби'. Длила моря указана различно у разных авторов: у ал-Баттани – 1060 миль, у Ибн Руста – 1300 миль, у ал-Мас'уди – 1100 миль (Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. – В

кн.: Ближний и Средний Восток: Сб. статей. М., 1962, с. 24–25). У ал-Идриси утрачены эти сведения о море Майутис (Меотиде – Азовском море).

86. Данные о расстоянии между берегами моря Нитас «в самом широком месте» у ал-Баттани и других авторов отсутствуют.

87. В тексте ал-Баттани Данабрис (Днепр) не упоминается. У этого автора, а также у Ибн Русте, ал-Мас'уди и других говорится, что в море Понтос впадает река Танаис (Дон). «Течение его со стороны севера, – пишет ал-Баттани, – от озера, которое называется Майутис» (см.: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – Избр. соч. М.; Л., 1957, т. IV, с. 103).

88. Озеро Тирма упоминается ал-Идриси в 5-й сектши седьмого климата. Это наименование встречается в тексте ал-Хоризми и на упомянутой выше карте моря ал-Батиха (см.: Al-Huwarizmi, табл. IV и с. 37) как название города на берегу озера (?), а у автора переработки сочинения ал-Хоризми – Сухраба (первая половина X в.) это озеро названо озером Тирма (см.: [Suhrab], Das Kitab 'Aga'ib al-Akalim as-Sab'a des Suhrab / Hrsgb. von H. v. Mžik. Leipzig, 1930, S. 80). Это озеро соответствует озеру Меотис у Птолемея, а название Тирма – искажение наименования города Тирамба на берегу озера. Трудно сказать, чем обусловлен выбор этого города для обозначения озера: возможно, это связано с упоминанием у Птолемея долготы дня в этом городе (Ptol. Geogr. III, 18, 43). См. также: Tuulio (Tallgren) O.J. Op. cit., p. 163. То же название, по уже в искаженной форме Тума, встречается у Ибн Са'ида ал-Магриби (см.: Ибн Саид ал-Магриби. Китаб баат ал-ард фи-т-тул ва-л-'ард. Тетуан, 1958, с. 136).

89. Размеры озера Тирма в точности соответствуют размерам моря Майутис у ал-Баттани (см.: Крачковский И.Ю. Указ. соч., т. IV, с. 103). Таким образом, не зная названия Меотис, ал-Идриси именовал его озером Тирма. По-видимому, на карте, которой пользовался ал-Идриси, название Меотис отсутствовало, как и на упомянутой карте ал-Хоризми.

90. В 5-й секции седьмого климата действительно имеется более подробное сообщение об озере Тирма, но размеры его там не указаны. Отмечено, что большая часть этого озера относится к земле Кумапии (с восточной стороны), а с другой, южной стороны находится исток реки Данабрис, который здесь именуется Балтис и «берет начало среди полей и рощ». Комментарий к этому месту см.: Tuulio (Tallgren) O.J. Op. cit., p. 164.

91. Перевод сделан по Ленинградской рукописи сочинения ал-Идриси (Рукопись ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ар., н.с., 176, л. 137б–139а).

Текст воспроизведен по изданию: Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 208–220.

Мухаммад ал-Идриси. VII климат, 7-я секция¹

Эта седьмая секция седьмого климата содержит продолжение [описания] страны Басджирт, северной части Зловонной земли и большей части страны Баджнук. Из городов внутренних басджиртов [назовем] Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как [туземцы] убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил.

Что касается страны Баджнук, то она невелика. Там нет, по тем сведениям, что дошли до нас, больших городов, кроме города Йакамуни. Его жители многочисленны и являются тюрками, воюющими с [жителями страны] ар-Русиййа, которая граничит с ними со стороны страны ар-Рум. Они укрываются в горах и в лесах, чтобы там на них не могли

¹ Комментарии опущены. – Прим. ред.

напасть. Народ баджнук подобен [народу] ар-русийа в обычае сжигать своих покойников. Некоторые из них бреют свои бороды, другие заплетают их. Их одежда состоит из недлинной куртки. Их язык отличается от языка русов и от языка басджиртов.

Окончена седьмая секция седьмого климата, хвала Аллаху, и начинается восьмая [секция], если будет на то воля Аллаха.

Текст воспроизведен по изданию: Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2006. С. 128.

Запись брата Рикардуса об открытии Великой Венгрии (начало 1236 года)²

Роман Хаутала

Настоящая запись начинается коротким описанием первой экспедиции доминиканцев, отправившихся около 1231 года из Венгрии в северо-восточное Причерноморье в поисках восточных венгров; и продолжается содержательным описанием второй доминиканской миссии 1234–1235 годов, увенчавшейся открытием так называемой «Великой Венгрии».

Судя по содержанию записи, первые сведения о территории обитания заволжских мадьяр принес в Европу брат Юлиан, единственный уцелевший член второй доминиканской экспедиции и автор более позднего «Письма об образе жизни тартар», написанного через два года после составления данной записи [19, s. 165–182; 1, с. 83–90, 101–108]. Все известные сведения о брате Юлиане содержатся только в этих двух документах, поскольку он не упоминается в других европейских источниках.

В отношении авторства настоящей записи следует отметить, что она не была написана самим братом Юлианом, но составлена с его слов или на основе его письменного (и не сохранившегося) отчета неким братом Рикардусом (кому ошибочно приписывается открытие «Великой Венгрии» в заголовке записи); который наравне с Юлианом не упоминается в параллельных латинских источниках.

Текст воспроизводится по критическому изданию Генриха Дёрри [19, s. 151–161].

Латинский текст

De facto Ungarie magne, a fratre Riccardo
invento tempore domini Gregorii pape noni.

Inventum fuit in gestis Ungarorum Christianorum, quod esset alia Hungaria maior, de qua septem duces cum populis suis egressi fuerant, ut habitandi quaererent sibi locum, eo quod terra ipsorum multitudinem inhabitantium sustinere non posset. Qui cum multa regna pertransissent et destruxissent, tandem venerunt in terram, que nunc Hungaria dicitur, tunc vero dicebatur pascua Romanorum. Quam ad inhabitandum pre terris ceteris elegerunt subiectis sibi populis, qui tunc habitabant ibidem. Ubi tandem per sanctum Stephanum primum

² Впервые опубликовано в: Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С. 356–372.

ipsorum regem ad fidem catholicam sunt reversi, prioribus Ungaris, a quibus isti descenderant, in infidelitate permanentibus, sicut et hodie sunt pagani.

Fratres igitur predicatorum, hiis in gestis Ungarorum inventis, compassi Ungaris, a quibus se descendisse noverunt, quod adhuc in errore infidelitatis manerent, miserunt quatuor de fratribus ad illos quaerendum, ubicumque eos possent iuvante Domino invenire. Sciebant enim per scripta antiquorum, quod ad orientem essent; ubi essent, penitus ignorabant.

Predicti vero fratres, qui missi fuerant, multis se exponentes laboribus per mare per terras eos usque post annum tercium quesiverunt; nec tamen propter multa viarum pericula poterant inuenire, uno ipsorum excepto sacerdote, nomine Otto, qui tantum sub mercatoris nomine processit. Qui in quodam regno paganorum quosdam de lingua illa invenit per quos certus efficiebatur, ad quas partes manerent; set illorum provinciam non intravit. Immo in Ungariam est reversus pro fratribus pluribus assumendis, qui cum ipso redeuntes fidem illis catholicam predicarent. Set multis fractus laboribus post octavum reditus sui diem, cum omnem viam illos querendi exposuisset, migravit ad Christum.

Fratres vero predicatorum infidelium conversionem desiderantes, quatuor fratres ad querendam gentem predictam iterato miserunt. Qui accepta fratrum suorum benedictione, habitu regulari in secularem mutato, barbibus et capillis ad modum paganorum nutritis, per Bulgariam Assani et per Romaniam cum ducatu et expensis domini Bele nunc Regis Ungarie usque Constantinopolim pervenerunt.

Ibi intrantes in mare per triginta et tres dies venerunt in terram, quae vocatur Sychia in civitate quae Matrica nuncupatur, quorum dux et populi se christianos dicunt, habentes literas et sacerdotes Graecos. Princeps centum dicitur habere uxores. Omnes viri caput omnino radunt et barbibus nutriunt delicate, nobilibus exceptis, qui in signum nobilitatis super auriculam sinistram paucos relinquunt capillos, cetera parte capitis tota rasa. Ubi propter societatis spem, quam expectabant, quinquaginta diebus moram fecerunt. Deus autem dedit ipsis gratiam in conspectu domine, quae super centum uxores regis maior erat, ita ut mirabile eos amplexaretur affectu, in omnibus eis necessariis providebat.

Inde progressi consilio et adiutorio predictae domini per desertum, ubi nec domos nec homines invenerunt, diebus tredecim transiverunt. Ibique venerunt in terram quae Alania dicitur, ubi Christiani et pagani mixtim manent. Quot sunt ville, tot sunt duces, quorum nullus ad alium habet subiectionis respectum. Ibi continua est guerra ducis contra ducem, ville contra villam. Tempore arandi omnes unius ville homines armati simul ad campum vadunt, simul omnes metunt. Et contiguo terre spatio hec exercent, et quicquid extra villas sive in lignis acquirendis sive in aliis operibus habent, vadunt omnes pariter et armati. Nec possunt ullo modo pauci per totam septimanam de villis suis quacumque de causa egredi absque periculo personarum, excepta sola die dominica a mane usque ad vesperam, quae in tanta devotione apud illos habetur, quod tunc quilibet, quantumcumque mali fecerit vel quotcumque habeat adversarios, securus potest sive nudus sive armatus, etiam inter illos quorum parentes occidit vel quibus alia mala intulit, ambulare.

Illi qui Christiano ibi censentur nomine, hoc observant, quod de vase illo nec bibunt nec comedunt, in quo murem mori contingit vel de quo canis comedit, nisi prius a suo presbytero fuerit benedictum; et qui aliter facit, a christianitate efficitur alienus. Et si quis eorum quocumque casu hominem occidit, pro eo nec penitentiam nec benedictionem accipit; immo apud eos homicidium pro nichilo reputatur. Crucem in tanta habent reverentia, quod pauperes sive indigene sive adventi, qui multitudinem secum habere non possunt, si crucem qualemcumque super hastam cum vexillo posuerint et elevatam portaverint, tam inter Christianos quam inter paganos omni tempore secure incedunt.

De loco illo fratres societatem habere non poterant procedendi propter timorem Tartarorum, qui dicebantur esse vicini. Propter quod duobus ex ipsis revertentibus, reliquis duobus perseverantibus in eadem terra, in penuria maxima sex mensibus sunt morati, infra

quos nec panem nec potum preter aquam habebant. Set unus frater sacerdos coclearia et quedam alia preparavit, pro quibus aliquando parum de milio receperunt, de quo non, nisi tenuerit nimis, poterant sustentari. Unde decreverunt duos ex se vendere, quorum pretio alii ceptum iter perficerent; set non invenerunt emptores, quia arare vel molere nesciverunt. Unde necessitate coacti duo ex eis de illis partibus versus Ungariam redierunt, alii vero remanserunt ibidem, nolentes desistere ab itinere inchoato.

Tandem ipsi habita quorundam paganorum societate, iter arripientes per deserti solitudinem triginta septem diebus continuo iverunt; infra quos viginti duobus panibus subcinericiis usi sunt adeo parvis, quod in quinque diebus potuissent et non ad satietatem totaliter comedisse. Unde frater qui sanus quidem set sine viribus fuit, cum maximo labore et dolore, libenter tamen de deserto eduxit. Infirmus autem frater plus sano quam sibi compatiens illi frequenter dicebat, quod ipsum in deserto relinqueret tamquam mortuum et truncum inutilem, ne propter occupationem ipsius negligeret opus Dei. Qui nequaquam consensit, set usque ad mortem ipsius secum in itinere laboravit. Pagani, comites vie ipsorum, credentes ipsos habere pecuniam, fere eos occiderant perquirendo.

Transito autem deserto sine omni via et semita tricesimo septimo die venerunt in terram Sarracenorum que vocatur Veda in civitatem Bundaz. Ubi nullo modo apud aliquem poterant hospitium obtinere, sed in campo manere oportuit in pluvia et firigore. Diebus vero frater qui sanus fuit sibi et infirmo fratri helemosynam per civitatem querebat; et tam in potu quam in aliis potuit invenire, precipue a principe civitatis; qui eum christianum esse intelligens libenter ei helemosynas porrigebat, quia tam princeps quam populus illius regionis publice dicunt, quod cito fieri debebant christiani et ecclesie Romane subesse. Inde ad aliam civitatem processerunt, ubi predictus frater infirmus, Gerardus nomine sacerdos, in domo Sarraceni, qui eos propter Deum recepit, in Domino obdormovit et est sepultus ibidem.

Postmodum frater Iulianus qui solus remanserat, nesciens qualiter posset habere processum, factus est serviens unius Sarraceni sacerdotis et uxoris ipsius, qui fuit in magnam Bulgariam profecturus, quo et pariter pervenerunt. Est vero magna Bulgaria regnum magnum et potens opulentas habens civitates; set omnes sunt pagani. In regno illo publicus est sermo, quod cito debeant fieri christiani et Romane ecclesie subiugari; set diem asserunt se nescire; sic enim a suis sapientibus audiverunt.

In una magna eiusdem provincie civitate de qua dicuntur egredi quinquaginta milia pugnatorum, frater unam Ungaricam mulierem invenit, que de terra, quam querebat, ad partes illas tradita fuit viro. Illa docuit fratrem vias, per quas esset iturus, asserens quod ad duas dietas ipsos posset Ungaros quos querebat procul dubio invenire; quod et factum est.

Invenit enim eos iuxta flumen magnum Ethyl. Qui eo viso et quod esset Ungarus christianus intellecto, in adventu ipsius non modicum sunt gavis circumducentes eum per domos et villas et de rege et regno Ungarorum christianorum fratrum ipsorum fideliter perquirentes; et quecumque volebat tam de fide quam de aliis eis proponere, diligentissime audiebant, quia omnino habent Ungaricum ydioma; et intelligebant eum et ipse eos.

Pagani sunt, nullam Dei habentes notitiam, set nec ydola venerantur, set sicut bestie vivunt: Terras non colunt, carnes equinas lupinas et huius modi comedunt; lac equinum et sanguinem bibunt. In equis et armis habundant et strenuissimi sunt in bellis. Sciunt enim per relationes antiquorum, quod isti Ungari ab ipsis descenderant; set ubi essent ignorabant.

Gens Tartarorum vicina est illis, set hiidem Thartari committentes cum eis, non poterunt eos in bello devincere; immo in primo prelio devicti sunt per eos. Unde ipsos sibi amicos et socios elegerunt, ita quod simul iuncti quindecim regna vastaverunt omnino. In hac Ungarorum terra, dictus frater invenit Thartaros et nuntium ducis Thartarorum, qui sciebat Ungaricum Ruthenicum Cumanicum Theotonicum Sarracenicum et Thartaricum. Qui dixit, quod exercitus Thatarorum, qui tunc ibidem ad quinque dietas vicinus erat, contra Alemaniam vellet ire; set alium exercitum, quem ad destructionem Persarum miserant, expectabant. Dixit

etiam idem, quod ultra terram Thartarorum esset gens multa nimis omnibus hominibus altior et maior, cum capitibus adeo magnis, quod nullo modo videntur suis corporibus convenire, et quod eadem gens de terra sua exire proponit, pugnaturi cum omnibus, qui eis resistere voluerint, et vastaturi omnia regna quecumque poterunt subiugare.

Frater hiis omnibus intellectis, licet ab Ungaris invitaretur, ut maneret non decrevit duplici ratione: una, quia si regna paganorum et terra Ruthenorum, que sunt media inter Ungaros christianos et illos, audirent, quod illi ad fidem catholicam invitarentur, dolerent et vias omnes forsitan de cetero observarent timentes, quod si illos istis contingeret Christianitate coniungi, omnia regna intermedia subiugarent; alia ratione, quoniam cogitabat, quod si eum in brevi mori aut infirmari contingeret, frustratus esset labor suus, eo quod nec ipse profecisset in illis, nec fratres Ungarie ubi esset gens eadem scire possent. Cum igitur vellet reverti, docuerunt eum hiidem Ungari viam aliam, per quam posset citius pervenire. Incepit autem frater redire tribus diebus ante festum nativitatis beati Iohannis Baptiste, et paucis diebus in via quiescens, tam per aquas quam per terras, secundo die post nativitatem Domini Ungarie portas intravit; et tamen per Ruciam et per Poloniam eques venit.

In redeundo de predicta Hungaria transivit in fluvio regnum Morduanorum quindecim diebus, qui sunt pagani et adeo homines crudeles, quia pro nichilo reputatur homo ille, qui multos homines non occidit; et cum aliquis in via procedit, omnium hominum capita quos occidit coram ipso portantur, et quanto plura coram uno quoque portantur capita, tanto melior reputatur; de capitibus vero hominum scyphos faciunt et libentius inde bibunt. Uxorem ducere non permittitur, qui hominem non occidit. Isti a prophetis suis accipientes quod esse debeant christiani, miserunt ad ducem magne Laudamerie que est terra Ruthenorum illis vicina, quod eis mitteret sacerdotem, qui ipsis baptismum conferret. Qui respondit: «Non meum hoc est facere, sed pape romani: prope enim est tempus quod omnes fidem ecclesie romane debemus suscipere et eius obedientie subiugari».

Перевод

О Великой Венгрии, найденной братом Рикардусом во время господина папы Григория девятого.

В «Деяниях христианских венгров» было обнаружено, что существует другая, старшая Венгрия, которую покинули семь предводителей вместе со своими народами, чтобы найти себе место обитания, поскольку земля их не могла прокормить всего множества в ней живущих. Пройдя сквозь и разрушив многие царства, они пришли, наконец, в землю, которая теперь зовется Венгрией, но тогда она называлась пастбищем римлян³. Ее они избрали для проживания, предпочтя всем прочим землям и подчинив себе народы, там в то время обитавшие. Там, в конце концов, они были обращены в католическую веру Святым Стефаном, их первым королем⁴; тогда как прежние венгры, от которых произошли эти, пребывали в неверии и остаются язычниками и в настоящее время.

Тогда братья-проповедники, узнавшие о них из «Деяний венгров» и сочувствующие тем венграм, от которых, как они узнали, они происходили, но которые все еще пребывали в грехе неверия; послали к ним четырех из братьев, чтобы разузнать, где

³ Распространенное наименование Паннонии, часто встречающееся в венгерских источниках конца XII – XIII веков [11, с. 44, прим. 100; 21, s. 82, nota 2; 24, p. 54].

⁴ Король Иштван I Святой (1000–1038), канонизированный в 1083 году и неизменно представляемый в венгерских источниках в качестве основателя государства и августейшего апостола венгров [14, p. 351; 13, p. 136; 17, p. 331, 335, 339–340, 343–344; 29, p. 53, 55, 58; 16, p. 19; 20, p. 25–27, 37–38, 42, 47; 34, p. 17; 32, p. 45].

они могли бы, помощью Господа, их найти. Поскольку они знали из писаний древних, что те находились на востоке; но где те были, они не имели никакого понятия.

Вышеназванные братья, которые были посланы, разыскивали их, подверженные многим трудностям, на море и на суше более трех лет⁵. Однако они не могли их найти ввиду множества опасностей, встречавшихся им на пути, за исключением одного из них, священника по имени Отто, который смог продвинуться вперед только под именем купца⁶. В некоем царстве язычников он нашел тех, кто говорили на их языке, и кто доподлинно известили его, в каких краях они пребывают. Но он не вступил в их область. Напротив, он вернулся в Венгрию за множеством других братьев, чтобы вместе с ними вернуться и проповедовать им католическую веру. Но, надломленный многими тяготами, он отошел к Христу спустя восемь дней после своего возвращения после того, как описал им дорогу, отвечая на их расспросы.

Братья же проповедники, страстно желавшие обращения неверных, отправили во второй раз четырех братьев искать вышеназванный народ. Получив благословение своих братьев, поменяв монашеское одеяние на светское и отрастив бороды и волосы на манер язычников, они достигли Константинополя⁷ через Болгарию Асена⁸ и Романию⁹ благодаря эскорту и затратам господина Белы, ныне короля Венгрии¹⁰.

Выйдя там в море, через тридцать три дня они прибыли в землю, которая называется Сикия, в город, который зовут Матрика¹¹. Глава этого города и земли, и его жители зовут себя христианами, используют греческую письменность и имеют священников греков. Правитель, как говорят, имеет сто жен. Все мужчины выбривают себе полностью голову и заботливо отращивают бороды, за исключением вельмож, которые в знак своего благородства оставляют над левым ухом немного волос, полностью выбривая оставшуюся часть головы. Там, в надежде найти спутников¹², они задержались на пятьдесят дней¹³. Но Бог оказал им милость в виде госпожи, бывшей старшей среди сотни жен царя; так что она приняла их с необыкновенной любовью, предоставив им все необходимое.

Оттуда, по совету и при поддержке упомянутой госпожи, они вошли в пустыню¹⁴, где не встречали ни домов, ни людей, и перешли ее за тринадцать дней¹⁵. Там они пришли в землю, которая называется Аланией, и где живут вперемешку христиане и язычники. Сколько селений, столько и предводителей, из которых ни один не находится в

⁵ По всей видимости, эта первая миссия была осуществлена в течение 1231–1233 годов [38, р. 28–29; 21, s. 83, nota 5; 19, s. 138–139].

⁶ Интересное указание на особый статус купцов, благодаря которому они могли беспрепятственно передвигаться по степям Восточной Европы [23, р. 128].

⁷ В апреле 1234 года [19, s. 161–162].

⁸ Болгарский царь Иоанн II Асен (1218–1241) [21, s. 83, nota 6; 41, XI, р. 591, nota 5; 19, s. 152].

⁹ Латинская империя Константинополя [21, s. 84, nota 7].

¹⁰ Таким образом, Рикардус косвенно уточняет, что эта миссия отправилась в путь до коронации Белы IV, то есть до 14 октября 1235 года [38, р. 29; 28, s. 194–195; 19, s. 152–153; 1, с. 72. Но ср. с: 41, XI, р. 597].

¹¹ В мае 1234 года [19, s. 161–162]. Матрика или Тмутаракань русских летописей располагалась на Таманском полуострове. Сикия или Зикия, в свою очередь, включала в себя территории северо-западного Предкавказья и северо-восточное побережье Черного моря [36, р. 472; 21, s. 84, nota 9–10; 41, XI, р. 591, nota 6].

¹² То есть торговый караван.

¹³ Июнь–июль 1234 года [19, s. 161–162].

¹⁴ По всей видимости, современная территория Краснодарского края.

¹⁵ В августе 1234 года [19, s. 161–162].

подчинении другого. Там идет непрерывная война между предводителями и между селениями. Во время пахоты все мужчины каждого отдельного селения одновременно выходят вооруженные в поле и вместе жнут. И таким образом они возделывают все пространство примыкающей земли; и чем бы не были заняты за пределами селений, либо сбором древесины или в других работах, они идут все вместе и вооруженные. И они не могут, какой бы ни был повод, выходить в небольшом количестве из своих селений без страха за свою жизнь в течение всей недели, за исключением воскресенья, с утра до вечера, которое среди них благоговейно почитается; так что всякий, вне зависимости от того, какое зло он причинил ранее или сколько бы у него не было врагов, может ходить в безопасности, вооруженный или нет, даже среди тех, у кого он убил кровных родственников или причинил им другое зло.

Те, кто зовут себя там христианами, строго следят за тем, чтобы не пить или есть из посуды, оскверненной тем, что там умерла мышь или из нее ела собака, если прежде посуда не была благословлена пресвитером. А кто поступит иначе, отчуждается от христианства. И если кто-либо из них по какой-либо причине убьет человека, то за это не принуждается к покаянию и не получает благословения. Ибо убийство у них не вменяется ни в какую вину. Крест у них почитается настолько, что бедняки, местные или пришлые, которые не могут передвигаться многочисленными, шествуют в безопасности в любое время как среди христиан, так и среди язычников, поместив на шесте крест в какой угодно форме вместе со знаменем и неся его поднятым над собой.

Из того места братья не могли продвинуться дальше по причине отсутствия спутников из-за страха перед тартарами, которые, говорили, были поблизости. Поэтому двое из них вернулись назад, а двое оставшихся упорно пребывали в этой земле в крайней нужде шесть месяцев, в течение которых у них не было ни хлеба и никакого другого питья, кроме воды. Но один из братьев, священник, изготовлял ложки и другие вещи, за которые они иногда получали ничтожное количество проса; но так мало, что, вне зависимости от того как бережливы они не были, им едва ли хватало его для пропитания. Отчего они решили двоих из них продать¹⁶, чтобы за вырученные деньги остальные могли завершить начатое путешествие. Но они не нашли покупателей, поскольку не умели ни пахать, ни молотить. Отчего двое из них были вынуждены отправиться из тех краев в сторону Венгрии. Другие же остались в том же месте, не желая отказываться от начатого путешествия.

Наконец, они продолжили свой путь¹⁷, найдя сопровождение неких язычников, и непрерывно шли по безлюдной пустыне¹⁸ тридцать семь дней, в течение которых они питались двадцатью двумя хлебами, запеченными в золе, которые были настолько маленькими, что и в пять дней ими невозможно было утолить полностью голод. Отчего тот брат, который был здоров, хоть и обессилен, с величайшим усилием и болью, но охотно вел другого брата через пустыню. Больной же брат, жалея здорового больше чем себя, неоднократно его просил, чтобы тот оставил его в пустыне, как если бы он был уже умершим и бесполезным трупом, дабы в заботе о нем тот не пренебрег божественным делом. Но тот никак с ним не соглашался и заботился о нем до самой его смерти. Язычники же, их спутники, думая, что у них есть деньги, чуть было их не убили, их обыскивая.

---

¹⁶ По всей видимости, тех двух братьев, которые позже вернулись в Венгрию.

¹⁷ Февраль 1235 года [19, s. 161–162]. С этого момента отчет становится менее точным. По-видимому, до этого два брата, вернувшиеся в Венгрию, принимали участие в составление путевых отметок, или, что тоже вполне вероятно, они дополнили отчет Юлиана при его возвращении в Венгрию [19, s. 155].

¹⁸ Современные калмыцкие степи [21, s. 87, nota 20].

Пройдя же сквозь пустыню, лишенную всякой дороги или тропинки, на тридцать седьмой день они пришли в землю сарацин, которую называют Веда¹⁹, в город Бундаз²⁰, где ни у кого и никаким образом они не могли получить приюта и должны были остаться под открытым небом, под дождем и в холоде. Днем же тот брат, который был здоров, просил милостыню в городе для себя и для больного брата и смог найти как питье, так и другое в особенности от главы города, который, узнав о том, что он христианин, охотно дал ему милостыню, поскольку как сам глава, так и народ тех областей открыто говорят, что в скором будущем они должны были стать христианами и подчиниться Римской церкви. Оттуда они продолжили свой путь в другой город, где вышеназванный заболевший брат, священник по имени Герард, почил в Господе в доме одного сарацина, который приютил их во имя Бога, и был там же похоронен.

После чего брат Юлиан, оставшийся в одиночестве, не зная, как продолжить путь, нанялся слугой к одному сарацинскому священнику и его жене, которые намеревались отправиться в Великую Булгарию; куда они все вместе и прибыли. Эта Великая Булгария является великим и могущественным царством, изобилующим городами; но все [ее жители] являются язычниками²¹. В том царстве ходит всенародно слух, что [его жители] вскорости должны стать христианами и подчиниться Римской церкви; но говорят, что точно не знают когда, поскольку слышали они это от своих мудрецов²².

В одном большом городе той же области²³, который, говорят, может выставить пятьдесят тысяч воинов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая была отдана туда замуж из земли, которую он искал. Она объяснила брату путь, по которому он должен был идти, утверждая, что за два дня пути он наверняка бы нашел тех венгров, которых он искал; что и было сделано.

Нашел же он их рядом с великой рекой Итиль²⁴. И они, увидев его и узнав, что он венгр-христианин, немало были обрадованы его прибытию и водили его от дома к дому и из селения в селение, доверительно расспрашивая о короле и королевстве венгров-христиан, их братьев. И все, кому он хотел говорить о вере или о другом, слушали его внимательно, поскольку все они говорят на венгерском языке. И они понимали его, и он – их.

Они – язычники, и не имеют никакого понятия о Боге, но не поклоняются и идолам и живут как звери: они не возделывают землю и едят мясо лошадей, волков и тому подобное, пьют молоко и кровь лошадей. Они имеют в изобилии лошадей и оружие и

---

¹⁹ В марте 1235 года [19, s. 161–162]. Вероятно, это «Ведин», упоминаемый в более позднем письме брата Юлиана [19, s. 173] и располагавшийся в Посурье [6, с. 146].

²⁰ По всей видимости, это отдельная от «Веды» территория обитания народа буртасов, чрезвычайно спорного происхождения и отождествляемого в многочисленных исследованиях с мордвинами (мердасами), мадьярами, мишарами или летописной мешерой [8, с. 472; 3, с. 478; 43, р. 291–295; 4, с. 18; 42, р. 282–283; 22, р. 248–249; 25, р. 179–180; 21, s. 88, nota 22; 10, с. 30–31; 37, s. 99, nota 18; 39, р. 99, nota 1].

²¹ То есть мусульманами [19, s. 156].

²² Вероятно, это домысел брата Рикардуса (встречающийся и в замечаниях о неизбежности обращения буртасов и мордвин в католическую веру), который не обязательно сохранился в оригинальном отчете брата Юлиана, но должен был подчеркнуть перспективность будущей миссионерской деятельности на востоке [31, р. 87].

²³ Несомненно, это столица Волжской Булгарии – Великий город или Биляр [2, с. 178; 6, с. 144; 12, с. 324].

²⁴ По всей видимости, брат Юлиан нашел мадьяр где-то в бассейне реки Белая [2, с. 34, 71–73; 15, о. 7], хотя существует и ряд других интерпретаций местоположения области их обитания [9, с. 191; 8, с. 472; 4, с. 20; 38, р. 29, nota 36; 7, с. 42; 22, р. 246; 33, р. 21; 18, р. 13; 31, р. 87].

отважны в сражениях. Ибо они знают из древних повествований, что эти венгры происходят от них; но где они были, они не знали²⁵.

Народ тартар находится рядом с ними, но, вступив с ними в сражение, эти тартары не смогли победить их в войне; напротив, в первом сражении они были ими побеждены²⁶. Из-за чего они предпочли иметь их друзьями и союзниками, так что, соединившись вместе, они полностью опустошили пятнадцать царств²⁷. В этой земле венгров упомянутый брат обнаружил тартар и посланца предводителя тартар, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и тартарский языки. Он сказал, что войско тартар, находившееся тогда в пяти днях пути от того места, намеревалось пойти против Алемании²⁸. Но они ожидали другое войско, направленное для уничтожения персов²⁹. Также сказал он же, что за землей тартар есть крайне многочисленный народ, выше и крупнее всех людей, с настолько большими головами, что они никак не соответствуют размеру их туловища; и что народ этот решил выйти из своей земли, чтобы сразиться со всеми, кто пожелает им сопротивляться, и чтобы опустошить все царства, которые они смогут подчинить³⁰.

Узнав обо всем этом³¹, несмотря на побуждения венгров остаться, брат отказался [остаться] по двум причинам. Во-первых, поскольку царства язычников и земля рутенов, которые располагаются между венграми-христианами и этими венграми, услышав, что их побуждают к католической вере, могли бы встревожиться и, возможно, впредь перекрыть все дороги в боязни, что если эти венгры примкнут к тем, соединившись в христианстве, то они подчинят себе все царства, находящиеся между ними. Во-вторых, поскольку он размышлял, что, если ему случится умереть или заболеть в короткий

---

²⁵ Следует отметить некоторую непоследовательность в рассказе Рикардуса: далее мадьяры указывают Юлиану наиболее короткий путь в Венгрию через Русь, выказывая тем самым знание о расположении венгерского королевства.

²⁶ Возможно, здесь имеется в виду поражение монгольских войск под командованием Субедея и Джебе (возвращавшихся на восток после победы в битве на Калке), понесенное от военных сил Волжской Булгарии в районе Самарской Луки осенью 1223 года [2, с. 152–153; 40, s. 73, nota 133; 5, с. 81; 21, s. 89, nota 30]. Однако в своем письме 1238 года брат Юлиан сообщает, что первое столкновение монголов с мадьярами произошло за 14 лет до их подчинения (имевшего место в 1236 году, на пятнадцатый год после начала конфликта) [19, s. 172]. Поэтому более вероятно, что здесь имеется в виду первое столкновение мадьяров с войсками Джучи, старшего сына Чингизхана, которые могли напасть на мадьяр в 1222 году после подчинения тюрок Северного Приуралья [2, с. 152; 6, с. 137].

²⁷ По всей видимости, это домысел Рикардуса, явно противоречащий утверждению брата Юлиана о том, что монголы вели непрерывную войну с мадьярами, начиная, предположительно, с 1222 года [19, s. 172]. Однако вполне возможно, что к моменту прибытия брата Юлиана в «Великую Венгрию» в приграничном конфликте между монголами и мадьярами наблюдалось определенное затишье.

²⁸ То есть уже в 1235 году монголы имели ясный план наступления на Европу [19, s. 158].

²⁹ По всей видимости, это искаженная передача сведений о подготовке полномасштабной инвазии монголов в Великой Армении под командованием Чормаган-нойона, осуществленной параллельно или даже в рамках Западного похода Бату [35, p. 49–50, 52].

³⁰ Вероятно, здесь имеется в виду все-монгольский курултай 1235 года (Джувейни косвенно указывает на то, что этот курултай проводился в весенний период года: [26, I, xxxi, p. 222–223; 27, I, xxxi, p. 196–197]), вынесший решение о начале Западного похода во главе с Бату [6, с. 141; 30, p. 390; 35, p. 49; 19, s. 159].

³¹ Несмотря на указание далее на другие причины возвращения Юлиана в Венгрию, главным поводом для беспокойства доминиканского миссионера, очевидно, послужили известия о назревающем наступлении монголов.

срок, напрасными окажутся его старания, и тогда ни он не добьется никакого успеха среди них, ни братья в Венгрии не узнают, где находится этот народ. И после того, как он пожелал вернуться, научили его эти венгры другому пути³², по которому он мог быстро добраться. Отправился же брат в обратный путь за три дня до праздника рождества Иоанна Крестителя³³ и, отдыхая всего лишь несколько дней в пути, как через реки, так и через земли добрался до ворот Венгрии на второй день после рождества Господа³⁴; но по Руси и Польше он ехал на лошади.

При возвращении из вышеназванной Венгрии он пересек по реке за пятнадцать дней царство мордванов³⁵, которые являются язычниками и настолько жестокими людьми, что ни во что не ставят того человека, который не убил многих людей. И когда кто-либо из них отправляется в путь, то перед ним несут головы всех тех людей, которых он убил. И чем больше голов несут перед ним, тем больше он почитается. Из голов же людей они делают чаши и пьют из них с удовольствием. И не разрешается вступать в брак тому, кто не убил человека. Услышав от своих пророков, что должны стать христианами, они послали просьбу князю Великому Владимиру³⁶, соседствующей с ними земли рутенов, чтобы он направил к ним священника, который бы их крестил. Он ответил: «Не мною это должно быть сделано, но папой Римским: ибо уже близится время, когда все мы должны будем принять веру Римской церкви и подчиниться ей в покорности».

Список литературы

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. № 3. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 71–112.
2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Очерки этнической и политической истории. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
3. Белорыбкин Г. Мордовские земли в составе Золотой Орды // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 477–482.
4. Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // Finno-Ugrica. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2000. С. 5–41.
5. Измайлов И. Волжская Булгария накануне походов хана Бату // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 81–82.
6. Измайлов И. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 133–160.
7. Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1997. С. 34–46.
8. Напольских В., Чураков В. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Приуралья к началу XIII в. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 470–477.
9. Пилипчук Я.В. Завоевание монголами восточноевропейских степей (1237–1242 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 187–206.

³² Через Русь [28, s. 194–195; 19, s. 160].

³³ 21 июня 1235 года [19, s. 162].

³⁴ 27 декабря 1235 года [28, s. 194–195; 19, s. 162].

³⁵ К моменту возвращения брата Юлиана, мордвины проживали в Сурско-Окском междуречье [3, с. 477; 8, с. 470–471; 22, р. 250]. Неясно, какая река имеется здесь в виду, также как и сам маршрут возвращения брата Юлиана [19, s. 160; 1, с. 73–74].

³⁶ Юрий Всеволодович (1212–1216, 1218–1238) [6, с. 148; 21, s. 91, nota 36].

10. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
11. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Акимова О.А. (пер.). М.: Индрик, 1997. 320 с.
12. Юрченко А.Г., Аксенов С.В. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. М.: Издательство «Евразия», 2002. 478 с.
13. Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Bak J.Á., Rady M.C., Veszprémy L. (eds.). Budapest; New York: Central European University Press, 2010. 320 p.
14. Bányai A. The Expansions of the Kingdom of Hungary in the Middle Ages (1000–1490) // The Expansion of Central Europe in the Middle Ages / Berend N. (ed.). Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012. P. 319–332.
15. Bendefy L. Fr. Julianus utazásának kéziratok kútfői = Fontes authentici itinera Fr. Iuliani illustrantes // Archivum Europae centro-orientalis. Évf. 3. Budapest: Főbizományos Stemmer Ödön Könyvkereskedés és Antiquarium, 1937. O. 1–52.
16. Berend N. At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and “Pagans” in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001. xvii + 340 p.
17. Berend N. The Kingdom of Hungary // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus’ c. 900–1200 / Berend N. (ed.). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 319–369
18. Bigalli D. I tartari e l’Apocalisse. Ricerche sull’escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze: La nuova Italia editrice, 1971. 211 p.
19. Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen; Philologisch-Historische Klasse. № 6. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. S. 125–202.
20. Engel P. The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526 / Pálosfalvi T., Aytton A. (eds.). London, New York: I.B. Tauris; New York: Distributed in the USA by Palgrave Macmillan, 2001. 452 p.
21. Göckenjan H., Sweeney J.R. Der Mongolensturm: Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250. Graz: Verlag Styria, 1985. 335 s.
22. Golden P.B. The Peoples of the Russian Forest Belt // The Cambridge History of Early Inner Asia / Sinor D. (ed.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1990. P. 229–255.
23. Guzman G.G. European Captives and Craftsmen among the Mongols, 1231–1255 // Historian. № 72/1. Malden, Mass.: Blackwell Publishers Malden, 2010. P. 122–150.
24. Iorga N. Histoire des Roumains et de la Romanité orientale. Vol. III. Les fondateurs d’Etat. Bucarest: Imprimerie de l’état, 1937. 424 p.
25. Jackson P., Morgan D. The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255. London: Hakluyt Society, 1990. xv + 312 p.
26. Juvaini. Gengis Khan il conquistatore del mondo / Scarcia G.R. (ed.). Milano: Arnoldo Mondadori Editore, 1991. 829 p.
27. Juvaini. The History of the World-Conqueror. 2 Vols. / Boyle J.A. (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958.
28. Klopffogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993. viii + 277 p.
29. Kontler L. A History of Hungary: Millennium in Central Europe. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. 527 p.

30. Korobeinikov D. A Broken Mirror: The Kıpçak World in the thirteenth century // *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* / Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA: Brill Academic Publishers, 2008. P. 379–412.
31. Macartney C.A. *The Medieval Hungarian Historians: A Critical and Analytical Guide*. Cambridge, England: At the University Press, 1953. xv + 190 p.
32. Makkai L. The Independent Hungarian Feudal Monarchy to the Battle of Mohács (1000–1526) // *A History of Hungary* / Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest: Corvina Press, 1973. P. 29–118.
33. Makkai L. The Origins of the Hungarian People and State // *A History of Hungary* / Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest: Corvina Press, 1973. P. 13–28.
34. Makkai L. The Foundation of the Hungarian State, 950–1196 // *A History of Hungary* / Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.). London: I.B. Tauris, 1990. P. 15–22.
35. May T. Chormaqan Noyan: The First Mongol Military Governor in the Middle East. Master's Thesis. Indiana University, 1996. xiv + 98 sheets.
36. Ostrowski D. City Names of the Western Steppe at the Time of the Mongol Invasion // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. № 61/3. London: School of Oriental and African Studies, 1998. P. 465–475.
37. Pfeiffer N. Die ungarische Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenwüstung 1241–1242. Zürich: Verlag von A.-G. Gebr. Leemann, 1913. xvi + 240 s.
38. Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p.
39. Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1253–55. London: Printed for the Hakluyt Society, 1900. lvi + 304 p.
40. Schiel J. Mongolensturm und Fall Konstantinopels: Dominikanische Erzählungen im diachronen Vergleich. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 428 s.
41. Sinor D. Inner Asia and Its Contacts with Medieval Europe. London: Variorum Reprints, 1977. 392 p.
42. Tatár M.M. The Iranian Name of the Burtas People in the Hungarian Sources and Their Finno-Ugric Connections // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Jyväskylä 10–15.8.1995. Pars V. Sessiones sectionum Lexiologia & Onomastica / Leskinen H., Maticsák S., Seilenthal T. (eds.). Jyväskylä: Moderatores, 1996. P. 282–288.
43. Tatár M.M. Ethnic Continuity by the Volga: From Vidini to Vet'ke // *Haptaçahaptaitiś: Festschrift for Fridrik Thordarsson on the Occasion of His 77th Birthday* / Haug D., Welø E. (eds.). Oslo: Novus Forlag, 2005. P. 289–308.

Письмо брата Иоганки венгра

Во Христе чтимому отцу, брату Михаилу ордена миноритов, брат Иоганка венгр и прочие братья минориты, ради бога паломничающие в ревности о чести и душах в пространнейшей северной империи татар, [шлют] смиренное почтение с усердными молитвами в госпде Иисусе Христе.

Да ведает ваше благочестие, отец наш, что те, кто желают трудиться во имя Христа, следуя за кочевьями татар, величайший получают урожай душ, так что, крестя и укрепляя в вере, проповедуя и наставляя, исповедуя и поддерживая, мы почти постоянно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, потому что в некоторых областях люд христианский настолько умножается, что, по нашему мнению, язычников остается лишь немногим больше половины. Ведь татары военной мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится – с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они

[подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и держа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те вооружившись следуют за ними, честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору.

Сарацины (*Местное мусульманское население.*) же, рыскающие поблизости, нападают на них и стремятся совратить новообращенных из татар и других, а иногда и отворачивают от веры людей, которых некому научить христианскому закону.

Сарацины, у которых свой Магометов закон, имеют некую секту, считаемую религиозной, братьев которой зовут фалькариями [факирами]: они носят обнаженные мечи, чтобы тотчас истребить тех, кто говорит против веры. Они однако терпимо позволяют христианам проповедовать наш закон, Христа, Марию и святых, с тем чтобы не презирали Магомета. В своем законе они многое заимствуют из евангелия Луки и Марию считают девой, а Христа, ею зачатого, божьим духом. Но богом Христа не признают, однако чтят его семь раз на день, непосредственно после Магомета при звуке большой трубы на некоей башне или колокольне и называют его величайшим из пророков после Магомета; по седьмым дням [?] согласно закону оставляют работу, предаваясь молитвам и поклонению; христиане в городах Апулии и Испании, среди которых они живут, постоянно видят, что они это соблюдают.

Братья же наши, которые близ них живут в Татарии в монастырях или обителях, пожинают обильную жатву, проповедуя, совершая для обращенных и прочих церковные таинства, и на милостыню, им подаваемую, выкупают множество бедных пленников.

Но гораздо большая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями: этому учит верный опыт и труд. Поэтому, так как братья, живущие в городах, не могут покинуть своих мест без утраты множества душ, следовало бы вашей мудрости, отец наш, позаботиться как можно скорее для татарских областей и разных их войск, собранных из разных и многих стран, направить сюда подходящих братьев, вдохновленных на это, преимущественно из англичан, венгров и немцев, которые легче могут выучиться языку, зная, что если они пожалеют таким образом о душах неверных, искупленных кровью христовой, и придут к нам на помощь, то приобретут богу много тысяч душ. Если же кого опугнет скудость и бедность питания, пусть омочат губы в уксусе и желчи, вкушенных Христом на кресте; если кого испугает труд, пусть вспомнят об усталости и трудах Христа, и так все станет легким для них, ибо иго его приятно и бремя легко.

Сообщу кое-что верное, что подействует на всех. Когда я, брат Иоганка, с двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии (*По объяснению L. Vendeu, в этом случае под именем Баскардии надо разуметь не пройденную Юлианом область, прилегающую к р. Этиль, где жили венгерские племена, а территорию более восточную, вплоть до Урала.*), большого народа, подчиненного татарам, двое братьев-венгров по делам веры отошли от нас, а я со сказанным англичанином, по имени Вильгельмом, оставался там 6 лет непрерывно. И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли [ее]. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением. Когда мы проповедовали им, они сказали: «Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, принявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому». Когда же мы участвовали в поучениях о вере и доказали сарацинским ученым всеми доступными нам способами, и писанием, и знаменами, и доводами, и примерами, что весь их закон ложный и языческий, не основанный ни на каком разумном основании и на очевидных чудесах, как закон христианский (в котором, как я вскоре

сообщу, явились в тех краях славные чудеса), и когда мы обнаружили, что их закон – закон дьявола, коварно смешавшего там добро со злом, чтобы устранить подозрения и таким образом ввести простодушных в еще больший обман, они, придя в ярость, пытались нас умертвить. Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму, заковав в железо, и мы, мучаясь голодом в тюремной грязи среди ужасных червей и смертоносной вони, с радостью ждали смерти, но они, боясь татар, не смели на это решиться. Ибо татары любят христиан, а их ненавидят и преследуют.

Когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь (Sibur) (*Это не Сибирь в нашем понимании, а область в районе Тюмени, с главным городом Sibur или Sybur.*), которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой.

Тот народ стягивает с головы мертвого человека кожу с волосами и почитает ее своим богом, а кожу, содранную с лица, они держат в домах своих и чтят, как домашнего бога. Они однако говорят, что христианский бог сильнее всех других богов: когда их иной раз вынуждает какая-то необходимость, они призывают христианского бога и часто получают просимое. Так, когда однажды [шедшее] на них войско должно было перейти очень большой лед, они в страхе стали призывать христианского бога с громким ревом и криком и принесли ему жертвы; вскоре, по милости божьей, в то время как прочие части родной страны оставались замерзшими, та, через которую переходило войско, вскоре вся растаяла, и многие погибли, как войско фараона в Красном море, другие же с пустыми руками и без успеха вернулась во-свои. Далее, когда однажды начался у них мор, их прорицатели сказали: «Все вы погибнете смертью, если не станете христианами». Услышав это, многие из них крестились у некоего русского клирика-схизматика. Ведь царство русское откололось от римской церкви, как царство греческое, преимущественно из-за утверждения об исхождении св. духа не от сына, чего они не желают признать. И крестят они иначе, чем мы, говоря: «Да будет крещен раб христов и проч.», как судья, произносящий приговор (?). Так как однако сказанный русский и не умел и не решался должным образом наставить их, они, и крещенные, как некрещенные, остались в прежнем заблуждении. Из этого достаточно ясно, что тот народ быстро обратился бы, если бы было кому научить их вере христовой. Это и сами они признают. Это явствует и еще кое из чего, чем не следует пренебрегать. Ибо вышесказанный посол, прибывший из Сибири, принес послание от некоего татарского судьи у вышесказанного народа к нашему христианскому судье баскардов в таких именно словах: «Слышал я, что при тебе, брат мой, есть 4 христианских латинских священника. Я прошу, чтобы ты соблаговолил послать к нам двоих из них: они могли бы и должны были бы окрестить наш народ; и если они пожелают жить в городах, мы построим для них церкви и дома в любом месте Сибири, где они пожелают; если же пожелают следовать за нашими кочевьями, то мы будем служить им во всем необходимом; если же они не пожелают остаться с нами, мы на своих головах донесем их к вам, лишь бы они окрестили нас и научили своей вере. Если же они не пожелают прийти к нам, то пусть бог спросит с них (de manibus eorum) души всех тех, кого они могли бы спасти».

Наш христианский судья, выслушав послание, послал к нам с просьбой итти к тому народу. Нам же, несмотря на большое желание, весьма сильно препятствовала болезнь, схваченная в сказанной тюрьме, и мы никак не могли [сделать этого], а вынуждены были либо вернуться к братьям, либо остаться на месте.

После этого вышереченные господа баскардов, придя ко двору императора, настойчиво просили братьев, но, по малочисленности, мы ни одного не могли дать им, не

губя тех, среди которых жили. Ибо мало нас для соблюдения [всех] мест и некоторые мы упустили, но Христос вдохновит вас, отец, и римскую церковь для исправления такого недостатка. И пусть знают братья, что это совершенная правда и пусть предпримут что-либо ради Христа, особенно те, кто выделяются превосходными знаниями, мало как будто помогающими им в их странах: тут они были бы тем более выдающимися и полезными, чем высшей отличаются ученостью. Поэтому, пусть рассудят, что нужно сделать, чтобы их книжная мудрость, добытая столькими трудами и бдениями, не оставалась дома, прямо сказать, как бы погребенной, тогда как здесь, то есть у нас, она была бы, как горящий светильник.

Дано в татарском лагере близ Баскардии в год господень 1320.

Текст воспроизведен по изданию: Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940.

Гильом де Рубрук о реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране

[...] Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак; она течет с севера, из земли паскатир, и впадает в вышеупомянутое море. Язык паскатир и венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария – последняя страна, имеющая город. Из этой земли паскатир вышли гунны, впоследствии венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также все земли вплоть до Франции, поэтому они обладали большим могуществом, чем нынешние татары. С ними боролись валахи, болгары и вандалы. Ибо те болгары, которые живут за Дунаем, вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии. И вблизи паскатир живут иллак, что значит то же, что блак, но татары не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в земле Ассана. Ибо обоих, как тех, так и этих, именуют «киллак». Язык русских, поляков, чехов (Воетогит) и славян один и тот же с языком вандалов, отряд которых всех вместе был с гуннами, а теперь по большей части с татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран, не народ и племя несмысленное, по словам Господним: «Я вызову их, то есть не хранящих своего закона, чрез того, кто не народ, и раздражу их племенем несмысленным». Это исполняется буквально над всеми народами, не хранящими закона Христова. То, что я сказал о земле паскатир, я знаю чрез братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар, и с того времени жители ее были покорены соседними булгарами и сарацинами и многие из них стали сарацинами.

Текст воспроизведен по изданию: Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 121.

Из сочинения Ала ад-Дина Ата-Мелик Джувейни «История завоевателя мира»

«ПЕРВАЯ ЧАСТЬ* <...>

[Ш]

О законах, созданных Чингисханом, и ясах, которые он распространил после своего прихода к власти

...Всевышний, как было предсказано, наделил Чингисхана силою могущества победой владычества, ибо «*Поистине мощь Господа твоего крепка*»; и поскольку от дерзости богатства, могущества и величия большинство городов и стран мира встретили его восстаниями и ненавистью и отказались выказать повиновение (в особенности земли ислама от границ Туркестана до отдаленных областей Сирии), то повсюду, где царь, либо правитель, либо управляющий городом оказывали ему сопротивление, он уничтожал их всех с их семьями, приспешниками, родственниками и чужаками; так что где было народу сто тысяч, не осталось, без преувеличения, и сотни душ, и подтверждением сего утверждения может служить судьба многих городов, о каждом из которых сказано в должном месте.

В соответствии и согласии со своим собственным суждением он ввел правило для каждого дела и закон для каждого обстоятельства, и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы монгольские дети обучались письму уйгуров; и чтобы ясы и приказы были записаны на свитках. Эти свитки называются Великой Книгой Ясы, и лежат они в казне старших царевичей. И когда станет хан садиться на трон, или будет набирать великое войско, или соберутся царевичи и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и с ними сообразуют свои дела; и к построению войска, и к разрушению стран и городов приступают по тому порядку, который в них предписан.

В начальную пору его владычества, когда с ним соединялись монгольские племена, он отменил дурные обычаи, которые соблюдались теми племенами, признавались ими, и установил обычаи, достойные похвалы, диктуемые благоразумием. Среди тех установлений есть многие, которые согласуются с шариатом.

В указах, что рассылал он во все страны, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию и угрозам, что было обычаем царей-тиранов древности, которые угрожали своим недругам захватом их земель и мощью своего снаряжения и припасов; монголы же, наоборот, в виде крайнего предупреждения, писали так: «Если вы не смиритесь и не подчинитесь, что можем мы знать? То Древний Бог ведает». Если поразмыслить о значении этого, [видно], что это слова тех, что полагаются на Бога: «И сказал Господь Всевышний: *«А кто полагается на Аллаха, для того Он достаточен»*, – так что при необходимости всякий достигнет того, что он носит в своем сердце и о чем просит, и исполнит всякое свое желание.

Поскольку Чингисхан не был приверженцем никакой веры и не следовал никакому исповеданию, то он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими; наоборот, он почитал и чтит ученых и благочестивых людей всех религиозных толков, считая такое поведение залогом обретения Царствия Божия. И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал и христиан и идолопоклонников. А дети и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности: одни приняли Ислам, другие христианство, некоторые избрали идолопоклонство, а еще некоторые остались верны древним обычаям дедов и отцов и ни на ка-

---

* Примечания опущены. – *Прим. ред.*

кую сторону не склонились, но таких было меньшинство. Но хоть и приняли они разную веру, но по большей части избегают фанатизма и не уклоняются от ясы Чингисхана, что велит все толки считать равными и различий меж ними не делать.

И ввели они еще один похвальный обычай, закрыв двери чинопочитания, похвалы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя – хан или каан, и только, и более ничего не пишут [в официальных документах], а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза, и это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати. И так же, когда пишут обращения в письмах, пишут только одно имя, не делая разницы между султаном и простолудином; и излагают только суть дела, избегая излишних званий и выражений.

Большое внимание он уделял травле зверя и говорил, что охота на диких зверей подобает военачальникам; и обучение ей – обязанность воинов и бойцов, [чтобы те знали], как охотники гонят зверя, как ведут охоту, как строятся и как окружают добычу, смотря по числу людей. Ибо когда монголы собираются на охоту, они вначале высыпают дозор, чтобы осведомиться о роде и численности зверя. А когда они не заняты военным делом, то всегда занимаются охотой и войско свое к тому приучают, и не только ради добычи, но также для того, чтобы воины были привычны к охоте и обучались стрельбе из лука и перенесению тягот. <...>

Что же до устройства их войска, то со времен Адамовых и до сего дня, когда большая часть земли находится под владычеством рода Чингисова, ни в одной истории не прочитано и ни в одной книге не написано, что когда-либо какой-то царь, бывший господином многих народов, имел войско, подобное татарскому, такое же выносливое и непривычное к удобствам, такое же покорное полководцу в благополучии и лишениях, не из-за жалованья и корма и не из-за ожидания повышения и дохода. И это поистине есть наилучший порядок организации войска; ибо львы, пока не проголодаются, не выходят на охоту и не нападают ни на какого зверя. Есть персидская пословица «*От сытой собаки нет охоты*», и еще сказано: «*Мори голодом свою собаку, чтобы она следовала за тобою*».

Какое войско во всем мире может сравниться с татарской армией? В бою они, нападая и атакуя, подобны натасканным диким зверям, а в дни мира и спокойствия они как овцы, дающие молоко, шерсть и многую другую пользу. В дни бедствий и несчастий между ними нет раздора и противостояния. Это войско подобно крестьянству, что выплачивает разные подати (*mu'an*) и не выказывает недовольства, чего бы от него ни требовали, будь это копчур, специальные налоги (*avārīzāt*), содержание (*ikhrājāt*) проезжающих, почтовых станций (*yam*) с предоставлением лошадей (*ulagh*) и корма для них. Эти крестьяне в образе войска, все как один, от мала до велика, от знатного до низкого, во время сражений рубят саблями, стреляют из луков и колют копьями и способны свершить все, что ни потребуется. Когда бы ни ставилась задача уничтожить неприятеля или усмирить бунтовщиков, они готовят все, что потребуется в этом случае, от различного оружия и снаряжения до знамен, иголок, веревок, верховых и вьючных животных, таких как ослы и верблюды; и каждый должен предоставить свою долю сообразно своему десятку или сотне. В день смотра они предъявляют свое снаряжение, и если чего-то не хватает, виновного жестоко наказывают. И даже когда они участвуют в сражениях, они выплачивают столько разных налогов, сколько необходимо, а повинности, которые они выполняли, возлагаются на их жен и тех, кто остался дома. Так что если затеется работа, в которой должен был нести повинность (*bīgār*) мужчина, а он будет отсутствовать, то его жена пойдет лично и выполнит за него повинность.

Смотр и учет войска ведутся так, что пропала необходимость записывать результаты проверки и содержать специальных людей и их помощников. Ибо все разделены на десятки, и из каждого один человек назначен начальником над другими девятью; и из десяти начальников десятков один получает звание «командующего сотней», и вся сотня ему подчинена. И так с каждой тысячей, и точно так же с десятью тысячами человек, над которыми назначен начальник, называемый «командующим *тумена*». В соответствии с этим порядком, если возникнет необходимость и понадобится человек или вещь, то дело передают темнику, а тот, соответственно, – тысяцкому, и так далее до десятников. В этом есть истинная справедливость; каждый человек трудится как другой, и между ними не делают разницы, не принимая во внимание ни богатство, ни власть. Если вдруг понадобится войско, издается приказ, что столько-то тысяч людей должны явиться в такое-то место в такое-то время дня или ночи. *«Они не замедлят ни на час (назначенное им время) и не ускорят»*. И они не опоздают и не придут прежде времени ни на мгновение ока. Повиновение и послушание их таковы, что если начальник *тумена*, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан шлет одного-единственного всадника, чтобы наказать его, как будет приказано; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то заберет его у него. <...>

А еще есть такая яса, что никто не может перейти в другое место из тысячи, сотни или десятка, к которым он приписан, или искать убежища у других. И если этот порядок будет нарушен, то того, кто перебежал, убивают принародно, а того, кто укрыл, сурово наказывают. Поэтому ни один человек не может дать укрытия другому; и если (к примеру) военачальник – царевич, то и самого низкого звания человека он к себе не пустит и тем самым избежит нарушения ясы. Следовательно, никто не может своевольничать со своим начальником или вождем, и другие начальники не могут никого переманивать.

Ну а если в войске находятся луноликие девы, их собирают и передают из десятков в сотни, и каждый делает свой выбор вплоть до темника. После того девиц ведут к хану или царевичам. Те также делают свой выбор, и над теми, которые окажутся достойны и на вид прекрасны, произносят: *«Удержать, согласно обычаю»*, а над остальными: *«Отпустить с благодеянием»*. И они поступают в услужение к женам хана или царевичей; пока не захотят хан и царевичи пожаловать их кому-нибудь или сами будут спать с ними.

И когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток, и с Дальнего Востока на Запад. Поэтому по всей ширине и длине страны были учреждены *ямы*, и сделаны распоряжения о содержании и расходах по каждому *яму*, и выделено для них определенное число людей и животных и количество яств, напитков и прочих необходимых вещей. И все они были поделены между *туменами*, и каждые два *тумена* должны были содержать один *ям*. И соответственно переписи они так распределяют их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства. Более того, гонцам дан строгий наказ беречь лошадей и другие наказы – перечисление всего займет слишком много времени. Ежегодно *ямы* осматриваются, и если случается какой-либо недостаток или пропажа, убыток возмещают крестьяне.

Так как все страны и народы находятся под их господством, то они повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили порядок набора войска, *ямскую* повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов; а сверх всех этих тягот наложили еще *кончур*.

У них есть обычай, что, если умрет чиновник или крестьянин, то какое бы имущество после него ни осталось, большое или малое, его не трогают, и никто захватить его не может. А если не было у того наследника, его (имущество) отдают его ученику либо рабу. Ни в коем случае не забирают собственность умершего в казну, ибо считают это неподобающим.

Когда Хулагу назначил меня в Багдад [в управление], налоги на наследство взимались в тех местах повсюду; я отменил те порядки и упразднил пошрины, что существовали в Шуштерской и Баятской землях.

И много есть еще других яс, и на описание каждой уйдет много времени; поэтому мы ограничились пересказом вышеупомянутых.<...>

[IV]

О сыновьях Чингисхана

У Чингисхана было много потомков, как мужского, так и женского пола, от его жен и наложниц. Его старшую жену звали Есунджин-беки. А монгольский обычай таков, что положение детей, рожденных от одного отца, зависит от положения их матерей, поэтому сын, рожденный от старшей жены, имел преимущество и пользовался предпочтением. От этой жены у Чингисхана было четыре сына, которые подвергали опасности свои жизни, свершая для него подвиги и великие дела, и были четырьмя опорами трона царства и четырьмя колоннами ханского дворца. Каждому из них Чингисхан выбрал особую должность. Туши, самому старшему, он поручил надзирать за охотой и ловлей зверя, которые у монголов были важными занятиями и высоко ими почитались; Чагатаю, следовавшему за ним по старшинству, досталось следить за соблюдением Ясы и закона, насаждая их и взыскивая и наказывая за их нарушение. Угэдя он выбрал для всего, что требовало разума и совета и для управления государством; Толи он назначил командовать войсками, их устройством и снаряжением. Когда с Онг-ханом было покончено и племена монголов – одни по доброй воле, другие по принуждению – были приведены под его начало и стали покорны и послушны его приказам, он разделил между этими сыновьями племена и народы монголов и найманов, а также все войска; и каждому из других своих сыновей и своим братьям и родственникам он выделил часть войска. И после он всегда призывал к укреплению согласия и упорочению привязанности между сыновьями и братьями; и всегда сеял семена гармонии и согласия в сердцах своих сыновей, братьев и родственников и рисовал в них картины помощи друг другу и поддержки. И он упорочивал те здания и укреплял те основания с помощью притч. Однажды он собрал вместе всех своих сыновей и, достав из колчана стрелу, переломил ее. Затем он достал две стрелы и также переломил их. И он продолжал так делать, добавляя к пучку по одной стреле, пока не набралось столько стрел, что даже богатыри не могли сломать их. Тогда, повернувшись к своим сыновьям, он сказал: «Так и с вами. Слабая стрела вместе со множеством других стрел становится прочной, и даже могучие воины не могут переломить ее и в бессилии опускают руки. Поэтому, пока вы, братья, будете поддерживать друг друга и крепко помогать один другому, какими бы сильными и могущественными ни были ваши враги, они не смогут вас победить. Но если не будет промеж вас вождя, чьему совету смогут последовать другие братья, и сыновья, и супруги, и товарищи, и чьим приказам они будут повиноваться, то вы будете подобны змее о многих головах. Однажды ночью, когда стояла злая стужа, головы решили заползти в нору, чтобы укрыться от мороза. Но когда одна голова просочивалась в нору, другие мешали ей, и так они погибли все по одной. А другая змея, у которой была всего одна голова и длинный хвост, заползла в нору, где нашлось место и для ее хвоста, и для всех ее членов, и они спаслись от лютого холода». И он рассказы-

вал много таких притч, чтобы упрочить в их головах свои наставления. И они всегда потом следовали его завету; и хотя власть и сама империя принадлежали одному человеку, тому, кто назначался ханом, в действительности все его дети, внуки и дядья получали свою долю власти и богатства; и об этом свидетельствует то, что Император мира Менгу-каан на втором *курултае* распределил и поделил все свои царства между своими родственниками, сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами.

Когда во времена правления Чингисхана размеры царства стали огромны, он дал каждому удел для его местопребывания, которое они называют *юрт*. Так, своему брату Отегин-нойону и нескольким своим внукам он выделил земли в пределах государства китаев. Своему старшему сыну Туши он отдал область, простирающуюся от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня. Чагатай получил территорию, простирающуюся от земли уйгуров до Самарканда и Бухары, а местом его резиденции стал Куяш, расположенный неподалеку от Алмалыка. Столица Угэдэя, предполагаемого наследника, во время правления его отца находилась в его *юрте*, в окрестностях Эмиля и Кобака; но когда он взошел на трон ханства, то перенес ее на их исконные земли между государством китаев и страной уйгуров, а тот другой удел отдал своему сыну Гуюку; описание различных мест, в которых он жил, дано особо. Земли Толи также лежали по соседству и располагались в середине империи, как центр в круге.

То, что мы рассказали, лишь малая часть истории. Число детей и внуков Чингисхана свыше десяти тысяч человек, и каждый имеет должность (*таqām*), юрт, войско и снаряжение. Перечислить их всех невозможно; а то, что мы рассказали, мы сделали для того, чтобы показать какое согласие преобладало меж ними, в противоположность тому, что рассказывают о других царях, когда брат нападает на брата, а сын замышляет погубить отца, и как все они неизбежно бывают покорены и завоеваны, а их власть – низложена и свергнута. Всевышний сказал: *«И не препирайтесь, а то ослабеете. И уйдет ваша мощь»*. Ханы же из числа детей Чингисхана, которые унаследовали его трон после него, помогая друг другу и поддерживая один другого, завоевали весь мир и уничтожили всех своих врагов до последнего. И цель этих рассказов и историй состоит в том, чтобы умный человек учился на чужом примере и это повествование служило бы ему уроком. <...>

[XXXVIII]

О Туши и о вступлении на престол вместо него Бату

Когда Туши, который был старшим сыном, отправился в Куланбаши соединиться с Чингисханом, и вернулся оттуда, пробил назначенный час. И из всех его сыновей возраста достигли семеро: Богал, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке и Беркечер; и Бату наследовал своему отцу и стал править царством и своими братьями. И когда Каан взошел на трон Империи, Бату подчинил и покорил себе все края, прилегающие к его территории, включая остатки кифчакских земель, аланов, ясов и русов, а также такие земли, как Булгар, Магас и другие.

И Бату жил в своем собственном лагере, который он разбил в районе Итиля; и он построил там город, который называется Сарай; и его слово стало законом во всех странах. Он был царем, не склоняющимся ни к какой вере или религии: он признавал только веру в Бога и не был слепо предан какой-либо секте или учению. Его щедрость была безмерна, а его терпимость безгранична. Правители всех стран и монархи со всех сторон света и все остальные приходили к нему; и до того как их подношения, которые копились веками, успевали убрать в казну, он раздавал их монголам и мусульманам и всем присутствующим, и не смотрел, много это было или мало. И купцы из разных

стран приносили ему всевозможные товары, и он брал все, и увеличивал цену в несколько раз против начальной. И он дал денег султанам Рума и Сирии и вручил им ярлыки; и ни один из тех, кто приходил к нему, не ушел, не достигнув своей цели.

Когда ханство унаследовал Гуюк-хан, Бату по его просьбе и приглашению отправился навестить его. Когда он достиг Алакамака, Гуюк-хан скончался. Он остался в этом месте, и отовсюду к нему прибыли царевичи; и они передали ханство Менгу-каану, о чем будет рассказано в главе о Менгу-каане. И оттуда он отправился назад и пришел в свою собственную *орду*, и предался удовольствиям и развлечениям. И всякий раз, когда готовился поход, он, соответственно необходимости, посылал войска, которые возглавляли члены его семьи, его родственники и ратоводцы. Когда в 653 году (1255–1256) Менгу-каан проводил очередной *курултай*, он послал к нему Сартака, который был приверженцем христианской веры. Не успел Сартак прибыть, как исполнился приказ Господа, и неизбежное свершилось в году... И когда Сартак прибыл, Менгу-каан принял его с величайшей добротой, выделив его среди равных; и он отпустил его с такими богатствами и сокровищами, которые подобали такому великому царю. Не успел он достичь своей *орды*, доехав лишь до..., как отправился вслед за своим отцом. Каан послал своих эмиров утешить его жен и братьев; и он приказал, чтобы Боракчинхатун, которая была старшей женой Бату, издавала бы приказы и занималась воспитанием Улагчи, сына Сартака, пока он не станет взрослым и не займет место своего отца. Но судьба распорядилась иначе, и Улагчи скончался в тот же год.

[XXXIX]

О завоевании Булгара и земель ясов и руссов

Когда Каан во второй раз собрал великий *курултай*, они все вместе думали, как истребить и подчинить себе всех непокорных, которые еще оставались; и было решено захватить земли булгар, и ясов, и руссов, которые граничили с владениями Бату; ибо, вводимые в заблуждение обширности своей территории, они не покорились окончательно. Тогда он назначил нескольких царевичей помогать и оказывать содействие Бату, а именно Менгу-каана и его брата Бочека; своих собственных сыновей Гуюк-хана и Кадагана; из других царевичей – Колгена, Бури и Байдара; братьев Бату, Хорду и Тангута; и еще несколько царевичей, а также Субутай-бахадур из числа высших военачальников. Царевичи разъехались каждый в свою ставку, чтобы подготовить свои войска и армии; и весной каждый из них выступил из своей собственной земли и поспешил завершить это дело. Они сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего, они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен. А оттуда они направились в землю руссов, и захватили всю ту страну до самого города Магаса, жители которого были так же многочисленны, как муравьи или саранча, и вокруг которого росли такие леса и чащи, что сквозь них не могла проползти даже змея. Все царевичи остановились в окрестностях города, и с каждой стороны они проложили дороги, такие широкие, что по ним могли проехать в ряд три или четыре телеги. И напротив городских стен они установили катапульты и через несколько дней не оставили от города ничего, кроме его тезок, и захватили богатую добычу. И они приказали отрезать у каждого из жителей правое ухо, и набралось двести семьдесят тысяч ушей. И оттуда царевичи повернули домой.

[XL]

О конниках келеров и башгирдов

Когда русы, кифчаки и аланы были уничтожены, Бату решил приступить к истреблению келеров и башгирдов, которые есть многочисленные народы, исповедующие христианство и, как говорят, граничат с землей франков. С этим намерением он собрал свои войска и выступил на следующий год. А те люди были самонадеянны от своей многочисленности, мощи своей власти и силы своего оружия; и когда они услышали о приближении Бату, они также выступили ему навстречу с четырьмястами тысячами конников, каждый из которых был знаменитым воином и считал побег позором. Бату послал вперед своего брата Сибакана с десятитысячным отрядом, чтобы разведать их численность и сообщить о степени их силы и могущества. Сибакан выступил вперед, повинаясь его приказу, и к концу недели вернулся и доложил, что их число вдвое превышало численность монгольского войска, и все они были превосходными воинами. Когда две армии подошли ближе друг к другу, Бату поднялся на вершину холма и весь день и всю ночь он ни с кем не говорил, а только молился и причитал; и он велел мусульманам также собраться и возносить молитвы. На следующий день они приготовились к битве. Широкая река разделяла две армии: Бату отправил ночью один отряд, а потом переправилось и его [главное] войско. Брат Бату лично участвовал в сражении и предпринимал одно наступление за другим; но неприятельская армия была сильна и не отступила ни на шаг. И тогда сзади подошло [главное] войско; и одновременно Сибакан перешел в наступление со всеми своими полками; и они бросились на их королевские шатры и перерезали веревки своими саблями. И когда монголы опрокинули их шатры, войско келеров дрогнуло и обратилось в бегство. И никто из того войска не уцелел, и те земли тоже были покорены. Это было одним из их величайших подвигов и одной из самых их жестоких битв. <...>

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ <...>

[III]

О Бачмане и его гибели

Когда Каан направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса, и Руса, кифчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении. Тем не менее, одному из вождей поверженных кифчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кифчакских воинов, и к нему присоединились другие беглецы. Не имея никакого убежища или укрытия, он каждый день и каждую ночь отпирался на новое место. И из-за своей собачьей природы он, подобно волку, нападал на всех и каждого и уходил с награбленным. Со временем зло, причиняемое им, росло, и наносимый им вред увеличивался; и каждый раз, когда войско преследовало его, его нельзя было отыскать, поскольку он уходил на новое место и запутывал следы.

Большая часть его укрытий и убежищ находилась на берегах Итиля. Здесь он прятался в лесах, откуда выскакивал подобно шакалу, хватал что-нибудь и вновь скрывался. Князь Менгу-каан приказал построить двести кораблей и в каждый из них посадить сто монголов в полном вооружении. После этого со своим братом Бочеком он устроил *нерге* на обоих берегах реки. Пройдя вдоль Итиля, они подошли к лесу и увидели в нем следы лагеря, который был покинут лишь утром: разбитые повозки и лежащие повсюду испражнения людей и животных. Посреди всего этого они заметили старую больную женщину. Они спросили у нее, что произошло, кто были эти всадники и откуда, и как они выглядели. Они узнали, что Бачман только что покинул свой лагерь и укрылся на

острове посреди реки и что все животные и все награбленное им добро также находились на том острове. У них с собой не было лодок, а река бушевала подобно морю, и по ней нельзя было плыть, не говоря уж о том, чтобы ехать верхом. Неожиданно налетел ветер и отогнал всю воду от подступов к острову, так что показалось дно. Менгу-каан приказал войску немедля войти в реку. Не успел Бачман опомниться, как был захвачен, и его войско было уничтожено всего за час: одних сбросили в воду, других перебили на месте. Монголы захватили в плен их жен и детей, а также забрали множество ценной добычи. После этого они отправились назад. Вода начала прибывать, и когда они достигли берега, она вновь поднялась, не причинив вреда ни одному воину.

Когда Бачман был приведен к Менгу-каану, он умолял, чтобы последний убил его собственными руками. Однако Менгу-каан велел своему младшему брату разрубить его надвое.

Эти знаки указали на причину передачи власти и ключей империи Императору Мира Менгу-каану, которая не требует дальнейших доказательств.

[III]

О восшествии на трон ханства повелителя семи стран, справедливого императора Менгу-каана и о том, как он расстелил ковер справедливости, подобной справедливости Нуширвана, и возродил обычаи верховной власти и заложил основы монархии

<...> Итак ключи царства – *«Ведь земля принадлежит Аллаху: Он дает ее в наследие, кому пожелает из Своих рабов»* – были вложены в могущественную руку Верховного Монарха, Владыки всего человечества, Хана всех ханов, арабских и иных, Менгу-каана (*да продлится его жизнь до скончания века!*); и поверхность лица земли вновь украсилась и похорошела из-за его всеобъемлющей справедливости, и дела всего человечества и в особенности мусульман вновь пришли в порядок и достигли расцвета. Обстоятельства этого проявляются в событиях, которые будут описаны в следующих главах. *«И мы полагаемся на милость Аллаха. Истинно, к Нему мы обращаемся за помощью».*

Бату выступил из своей орды в стране болгар и саксинов, чтобы проследовать ко двору Гуюк-хана, и, прибыв в Алакамак, что в неделе пути от города Каялыка, получил сообщение о смерти Гуюк-хана. Он остался там, где находился, и стал слать одного гонца за другим ко всем своим родственникам, чтобы сообщить о своем прибытии: он просил их прибыть [к нему туда]. Менгу-каан выступил из области Каракорума. А что до Сиремуна и других внуков и жен Каана, которые находились в том краю, они послали своим представителем Конкуртакай-нойона, эмира Каракорума, передав с ним такое письмо: «Бату – *ага* всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово – закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого». А что до других царевичей, [а именно] сыновей Гуюк-хана, то они, поскольку находились уже поблизости, явились к Бату раньше [остальных]. Они пробыли там день или два, а потом, не испросив разрешения, повернулись и отправились в свою собственную орду под тем предлогом, что люди, искусные в науке *кам*, не разрешили им задерживаться на более длительное время. Они оставили у Бату своим представителем Темур-нойона, наказав ему, когда ожерелье собрания будет полностью нанизанным, выразить свое согласие со всем, с чем согласятся *ага* и *ини*.

Вскоре все царевичи собрались. От сыновей Каана прибыл Кадаган-Огул, а от сыновей и внуков Чагатай – Кара-Хулагу и Мочи. [Также прибыл] Менгу-каан со своими братьями Моге и Ариг-боке, а от эмиров – Ухатай и Есу-Бука; и из других земель прибыли эмиры и нойоны и другие царевичи и племянники Бату. Они устроили великое

собрание и после пиршеств, продолжавшихся несколько дней, стали размышлять о том, что управление ханством нужно доверить человеку, который подходил бы для этого и испытал бы добро и зло, горе и радость, и вкусил бы сладость и горечь жизни, и водил бы войско в далекие и близкие земли, и прославился бы на пирах и в бою. Несколько дней и ночей они взвешивали и обсуждали это, то есть кто из царевичей из племени и рода (*urugh*) Чингисхана своим здравым суждением и проницательным умом подходил для того, чтобы управлять землями и охранять дороги; поскольку если бы дела Империи по-прежнему оставались в запустении, сама основа благосостояния оказалась бы опрокинута, а узлы управления ослаблены, так что их нельзя было бы привести в порядок рукой мудрости и благоразумия и немисливо исправить обсуждением.

И ни один господин не будет потерян для нас, но мы взрастим среди нас юношу, чтобы он стал нашим господином.

Наконец после долгих раздумий и размышлений все, кто присутствовал на том собрании, царевичи, эмиры и *нойоны*, пришли к решению, что поскольку Бату был старшим из царевичей и вождем среди них, ему лучше было известно, что хорошо, а что плохо в делах государства и династии (*daulat*). Ему решать, стать ли ему самому ханом или предложить другого. Все присутствующие согласились с этим решением и написали письменные обязательства в том, что они никоим образом не отступят от своего слова и не нарушат приказаний Бату. И, завершив и закончив таким образом обсуждение, они стали пить и веселиться.

На следующий день, когда было развращено знамя дневного света и снято покрывало тьмы, –

Такой день, что ослепил [даже] освещающее мир светило;

Его рассвет поднялся над Раем, а его ветер – дыханье Мессии, –

ожерелье собрания царевичей, как и в предыдущий день, было нанизано, подобно Плеядам. В тот день первым говорил Бату, а поскольку к сказанному им никто не смог ничего добавить, он продолжил: «Управление таким великим государством и решение такого непростого вопроса может быть исполнено только тем человеком, кто сможет найти выход из затруднительного положения, кто знает *ясы* Чингисхана и обычаи Каана и следует им, кто в состязании мудрости и на скачках мужественности перехватил стрелу превосходства у себе равных и лично занимался важными делами, и решал серьезные вопросы, и преодолением трудностей и подавлением мятежников обеспечил тому бесспорные доказательства. И в роду (*urugh*) Чингисхана есть Менгу-каан, знаменитый своей мудростью и храбростью и прославившийся своей дальновидностью и доблестью. Дела ханства должны решаться и управляться его непревзойденными, украшающими мир решениями, и благосостояние земли и людей будет обеспечено удачей, способствующей его ослабляющим узлы решениям и предусмотрительности.

В этом мире всегда найдется человек для любого дела и дело для любого человека.

«Есть люди, способные на любое дело, и все доступно тому, кто создан для этого». Я хочу вложить бразды управления этими делами в руки его умения и надеть печатку империи на палец его решимости и опыта, ибо мир, этот необъезженный жеребец, будет укрощен шпорами его строгости и доблести, а меч, оберегающий государство и защищающий границы, не будет извлечен из ножен его решимости и бесстрашия».

Услышав те слова ухом разума и понимания, все присутствующие уверовали, что выгода и польза от того решения послужит на благо всего человечества, и их благо в особенности, а все, что будет решено сверх того, будет излишним: *«преступная то, что решено, ты поступаешь бесчестно».* И все они воскликнули как один: *«Ты вручил лук тому, кто согнул его, и послел в доме того, кто построил его».* За этим привалом нет

дороги. «За Аббаданом нет другой деревни». И каждый искренне произнес такие имеющие скрытый смысл слова:

*«Если я вырву из твоих рук мое сердце
и заберу у тебя мою любовь, на кого я смогу излить эту любовь
и кому отдать это сердце?».*

И всякий драгоценный камень находит подобающую ему оправу.

Однако Менгу-каан не дал своего согласия и несколько дней продолжал отказываться и не брал на себя эту тяжелую ношу и не принимал эту высокую обязанность. Когда его упорство перешло всякие границы, его брат Мого-Огул, украшенный драгоценными камнями мудрости и влияния, поднялся и сказал: «Все на этом собрании приняли на себя письменные обязательства и все здесь присутствующие пообещали повиноваться приказаниям Бату-каана, и не нарушать их, и не отступать от них, и не желать ничего прибавить к его словам. Но поскольку Менгу-каан теперь стремится уклониться от совета *аги* и от выполнения своего собственного обещания, то пусть тогда потом, когда между *агой* и *уни* возникнут какие-либо разногласия, это не станет причиной для порицания и поводом для упреков».

И он продолжал говорить такие речи и алмазом своих слов пронзил жемчужину этого решения. И это стало убедительным доказательством и наглядным свидетельством, и Бату одобрил эти слова и похвалил Мого. А Менгу-каан наконец дал свое согласие.

И поскольку необычайные и удивительные дела Аллаха придали крепости корням и сделали раскидистой крону растущего у ручья молодого дерева государства, о котором сказано: *«И мы сделали вас царями»*, Бату, по обычаю монголов, встал, и все царевичи вместе с ним преклонили колени. И он взял кубок и отвел ханству подобающее ему место. И все проповедники и новообращенные одобрили его поступок.

*Власть явилась к тебе с покорностью,
волоча полы своей одежды.
Она была создана лишь для него, а он был создан лишь для нее.
И если бы кто-то другой возжелал ее,
земля содрогнулась бы своим содроганием.*

И все, кто был на том собрании, провозгласили [Менгу-каана] своим властелином и договорились провести великий курилтай в Онон-Келурене в следующем году. И с этим намерением каждый вернулся в свой собственный лагерь.

Слухи об этом распространились по всему миру и достигли самых отдаленных его уголков. И Соркотани-беки стала оказывать чужеземцам всевозможные знаки внимания и благоволения и склонять на свою сторону родственников величайшей учтивостью и обходительностью.

А что до тех, кто высказывался уклончиво и откладывал [решение] этого дела, придумывая отговорки и сочиняя небылицы под предлогом, что власть над ханством должна принадлежать роду (*urugh*) Каана или Гуюк-хана, они забыли о смысле слов: *«Ты даруешь власть, кому пожелаешь»*, и потому отправили гонцов во все стороны, а также послали гонца к Бату, чтобы заявить о своем несогласии с этим решением и о неучастии в этом договоре.

Бату отвечал так: «Соглашением между *агой* и *уни* мы решили это дело, и его обсуждение завершено – *«Решено дело, о котором вы спрашиваете»*. Невозможно отступить от него, и если мы не завершим его так, как было установлено, и назначим кого-то другого вместо Менгу-каана, порядок ведения дел будет нарушен, и в законах государства и делах людей воцарится такое смятение, что с этим нельзя будет ничего поделать. И если вы посмотрите на это глазами разума и дальновидности, вам станет ясно, что интересы сыновей и внуков Каана были соблюдены, ибо для управления такой великой

империей, которая простирается от самых дальних земель востока до крайних западных областей, недостаточно детских сил и детского разума».

Так прошли назначенный год и половина следующего, и все еще не видно было никаких признаков решения этого дела. А с каждым годом дела мира приходили во все более отчаянное положение, и с каждым месяцем на одеждах человечества появлялись новые прорехи.

Бату назначил своими представителями своих братьев Берке и Тока-Темур. Выступили также Кадаган и Кара-Хулагу. Отправились в путь и другие царевичи, согласные с общим мнением. Из Улуг-Эфа, орды Чингисхана, прибыли другие царевичи.

Тем временем Менгу-каан и Соркотани-беки послали за теми, кто не был постоянен и откровенен в своем сердце, и ступили на путь увещания и доброго совета – «*нужно приласкать верблюдицу, прежде чем доить ее*». Поскольку их уговоры и предостережения не оказали на них никакого воздействия и ничто не говорило об изменении в их поведении, они посылали к ним одного гонца за другим, то используя лесть, то прибегая к запугиваниям и угрозам; и они усилили свои доводы, надеясь сдержать их добротой и словами примирения и пробудить их души от сна гордыни и пренебрежения. Но дальновидная Мудрость говорит так:

*О ты, упрекающий любящих, оставь тех,
кого Аллах ввел в заблуждение,*

ибо Он вернет их на путь истинный.

*Упреки бессильны, и те, кто ближе всех к тебе,
отдалятся от тебя.*

*Неудачливый человек ничего не сделает по просьбе мудреца;
ничто никогда не сделает неудачника удачливым.*

Когда год подошел к концу и людские сердца возрадовались очередной весне, Повелитель Планет начал постепенно продвигаться от мест своего убывания и ущерба к своему апогею во дворцах чести и славы и отправился в путь к дому своего наивысшего величия. Подобно победоносному Хосрову Парвизу, он обратил свой озаряющий мир лик ко дворцу могущества. И когда он возложил бремя власти на помет Овна, задули ветры плодородия – нежные, как северный зефир, чье дуновение, исходящее из спальни роз, колышет благоуханные травы. И усмиренные озера, скованные холодом Дая, и, подобно Бачману, помещенные в оковы снега и льда (*bahman*), усилиями теплого ветра стали свободны и сбросили поводья.

*Усилием ветра на поверхности воды возникла тысяча волн (chīn),
а на каждой волне – тысяча китайских (Chīn) мускусных мешков.*

И поверхность земли стала веселой и радостной от тепла горячих испарений. Природные силы [живых организмов] пришли в движение с их ростом и развитием, и запели птицы в лугах.

*Теперь мы должны испить сладкого вина,
Ведь запах мускуса поднимается от ручья;
Каждый сад покрылся лепестками цветов;
Каждый холм – тюльпанами и гиацинтами.*

<...> Погода, подобная любви красавицы с родинкой на щеке, была так приятна, как только можно было желать, и болезнь года сменилось его выздоровлением. Мир превратился в розовый сад, и дни поражали великолепием.

*Эта весна и ее свет – прекрасны ее ночи,
и прекрасны ее дни.*

Большинство царевичей уже собралось на Келурене. Они отправили Шилемунатикчи к Огул-Гаймиш и ее сыновьям Ходже и Наку и Алам-Дара-битикчи к Есу-Менгу со следующим посланием: «Большинство членов семьи Чингисхана уже собра-

лось, и дело, из-за которого созван *курултай*, откладывается из-за вас. Нет больше времени для оправданий и отсрочек. Если вы хотите единства и согласия, вы должны как можно скорее прибыть на *курултай*, чтобы единогласно решить дела государства и снять грязный покров отчуждения (*vahshat*) с лица гармонии».

Перед этим Сиремун уже посылал гонцов к Ходже и Наку поскольку между ними возникли отношения любви и дружбы, ибо

во времена бедствия дурные чувства исчезают.

Когда они поняли, что из задержки не выйдет добра, Наку-Огул отправился в путь. Выступили из своих ставок и Кадак-нойон и некоторые эмиры двора Гуюк-хана. И Есун-Тока-Огул, брат Кара-Хулагу, [выступив] из своих владений, прибыл с ними к Сиремуну, так что все они собрались в одном месте; и пошли слухи, что они замыслили недоброе против мусульман.

После этого и Ходжа стал потихоньку собираться, говоря то «сегодня», то «завтра» и оттягивая время своими «может быть» и «возможно». И они все еще рассчитывали, что дело, ради которого был созван *курултай*, не пойдет или не будет иметь успеха без их присутствия и что вопрос [вступления на трон] не будет решен. Поскольку Сиремун и Наку были очень близки, царевичи, эмиры и нойоны, бывшие с Менгу-кааном, отправили им совместное послание, в котором говорилось: «Если вы проявите медлительность и нерасторопность и не придете на собрание, мы [сами] возведем Менгу-каана на трон ханства». Увидав, что промедление и отсрочки не приведут к достижению их целей и желаний, они пообещали прибыть на собрание в такое-то время. И они отправились в путь со скоростью неподвижных звезд, двигаясь медленно с лошадьми, всадниками и войском, с навьюченными верблюдами и бесчисленными повозками.

Как медленна поступь верблюдов, несут ли они камни или железо, или людей, сидящих на них, согнувшись!

Когда назначенное время прошло, а они все еще не торопились появиться и их задержка и опоздание превысило все пределы, несколько присутствовавших там мудрецов и астрологов назначили дату 9 раби II 649 года [1 июля 1251], поскольку по гороскопу в этот день счастливые планеты должны были принести удачу, Юпитер – усилить ее влияние, а Венера – озарить ее своим светом. И одним из признаков возрастающей с каждым днем удачи было то, что за эти несколько дней набежали облака, и хлынули дожди, и солнечный лик был скрыт за покровом дымки и за ширмой тумана; и в назначенный час астрологи делали свои записи, но черные тучи затмили солнечное сияние, и они не могли определить высоту. И вдруг солнце, сбросив чадру, подобно невесте, которую показали жениху после того, как стерегли ее, и скрывали от него, и не позволяли на нее взглянуть, в назначенный час явило свой прекрасный лик, и небо очистилось настолько, что стал виден солнечный шар, и освободилось от плотного тумана; и астрологи стали измерять высоту. Мир украсился светом и блеском, а с лица земли исчезли тень и темнота. Восход дома Великого Покровителя был определен движением небес, была измерена сила угла Восхождения; влияние неблагоприятных планет и Темных Уровней уменьшалось из-за благоприятного Восхождения, Великое Светило находилось в апогее в десятом доме, а Анареты (*qavāti*) – в двенадцатом доме.

Все присутствующие – царевичи, такие как Берке-Огул и его брат Тока-Темур, их дядя Ельчителей-старший, сыновья Отегина, Котяна и Колгена и эмиры, нойоны и старшие чиновники орды Чингисхана, а также другие вожди, которые находились в тех краях, вместе с бесчисленным войском – [все эти] царевичи сняли в орде свои головные уборы, перекинули через плечо пояса и, подняв Менгу усадили его на трон царства и верховной власти. Они стали называть его Менгу-кааном, и со звенящих небес раздался возглас, как предсказание для слуха самой души:

*«О король, оставайся в своем королевстве тысячу лет,
а потом еще тысячу лет гордись своей славой,*

*И пусть в году будет тысяча месяцев, в месяце – сотня дней,
в сутках – тысяча часов, а каждый час – как тысяча лет».*

А что до эмиров и войска, они придвинулись к орде – более тысячи людей, закаленных в боях, знаменитых воинов, которые были истинными львами сражений в моменты возмездия или в минуты отчаяния, –

*Отряд мужей, подобных угрюмой Ночи, с палашами,
сверкающими, как рассвет после темной ночи, –*

и одновременно с царевичами, находившимися внутри орды, трижды преклонили колени. <...>

В первую очередь он назначил войска в земли востока и запада к арабам и другим народам. Восточные земли и провинции Хитай, Маньцзы, Солангай и Тангут он поручил Хубилай-Огулу, отмеченному мудростью и здравомыслием, великим умом и проицательностью. Он назначил в свиту к нему высокопоставленных нойонов и сделал его начальником над всеми эмирами, проживающими в тех областях справа и слева. Западные страны он поручил другому своему брату – Хулагу-Огулу, знаменитому своей твердостью и достоинством, своею бдительностью и осторожностью, своим могуществом и ревностным отношением к долгу; и ему он выделил в два раза большее войско. А Кед-Бука Бавурчи отправился в путь первым в середине месяца джумада I 650 года [июль 1252], чтобы начать расправу с еретиками.

По твоему посланному вперед слову

пусть они спешат день и ночь, из Чина в Рум и из Рума в Чин.

А чтобы определить величину налогов и переписать имена людей, он назначил правителей, *шихне* и писцов. Восточные страны от начала Пятой страны на берегах реки Окс до дальних пределов земель китаев, которые есть Первая страна, он, как и прежде, поручил великому министру (*sāhib-i-mi'azzam*) Махмуду Ялавачи и его достойному наследнику Масуд-беку, отдав Махмуду Ялавачи, который был вознагражден за свою прежнюю службу знаками расположения и прибыл еще до его благословенного восшествия, земли китаев, а Масуд-беку, который явился объятый страхом и трепещущий, испытав вначале ужас и опасности из-за своей преданности и приверженности императору, но в конце концов, избежав той угрозы, стал всемогущим и был удостоен великих почестей, досталась вся Трансоксания, Туркестан, Отрар, страна уйгуров, Хотан, Кашгар, Джанд, Хорезм и Фергана. И поскольку они прибыли еще до курилтая, он отпустил их раньше других, и все, кто его сопровождал, были отмечены всевозможными милостями.

После их отъезда прибыл великий эмир Аргун, преодолевший огромное расстояние [в пути], подвергаясь угрозам и опасностям, и явившийся ко двору 20 сафар 650 года [2 мая 1252], уже после того, как *курултай* был окончен и все царевичи разъехались по домам. И поскольку он всегда пользовался неизменным монаршим покровительством и его всегда отличали незаурядные способности, а также поскольку он уже ранее проявил себя непоколебимой верностью династии и искренней преданностью царствующему дому использованием жестких мер и мудрых решений (*«утром люди возносят благодарность вечеру»*), он был вознагражден исполнением своих желаний и достижением своих целей, и в его руки было передано управление Хорасаном, Мазендераном, Индией, Ираком, Фарсом, Керманом, Луром, Арраном, Азербайджаном, Грузией, Мосулом и Алеппо. И все прибывшие с ним *мелики*, эмиры и *битикчи* были по его просьбе и его ходатайству отмечены наградами и милостями, и 20 рамадана того же года они отправились [в обратный путь]. У некоторых же из их числа оставались еще различные дела, которые нужно было решить; они задержались на несколько дней, а затем, радостные, отправились вслед за ним.

Император назначил *нукеров* к только что названным правителям и приказал им провести в провинциях перепись и определить размер налогов, а когда они покончат с этим, не мешкая вернуться ко двору. И каждому из них даны были указания тщательно рассмотреть и изучить положение, сложившееся в прошлом, и никто из них не должен был уклоняться от трудностей этой задачи. Однако «*Аллах прощает старые грехи*», а император был озабочен облегчением участи людей, а не пополнением своей казны. И он издал ярлык, которым уменьшил взимаемые с людей налоги (*tu'an*), текст которого хранится в архивах и из которого видно, как велико было его внимание и сочувствие к делам человечества и как он заботился об их интересах.

После смерти Гуюк-хана царевичи издали великое множество *ярлыков*; они участвовали в торговых предприятиях и посылали *ельчи* во все части земли. Более того, люди и высокого, и низкого происхождения искали для себя защиты, которую предоставляло звание *ортака*, и их подданные бежали от непосильного бремени. И император приказал, чтобы все *ярлыки* и *пайцзу*, изданные во времена Чингисхана, Каана, Гуюк-хана и других царевичей, находившиеся у кого бы то ни было в провинциях, были возвращены и чтобы впредь царевичи не давали устных и письменных распоряжений ни по каким вопросам, связанным с управлением доходами (*masālih*) провинций, не посоветовавшись предварительно с представителями двора. А что до самых важных *ельчи*, то они не должны были использовать более четырнадцати *улагов*; им следовало продвигаться от яма к яму и не заходить в те деревни и города, в которых у них не было какого-то дела; и они должны были получать не больше провизии (*'ulūfa*), чем прочие люди. Кроме того, поскольку тирания и притеснения перешли все границы, а крестьяне, в особенности, были разорены непомерными налогами (*tu'ūnāt*), размер которых более чем вдвое превышал собираемый ими урожай, он повелел всем *ортакам* и налоговым и управленческим чиновникам (*ashāb-i-'amal va shughl*) вести себя сдержанно по отношению к народу. Каждый должен платить сообразно своему положению и возможностям определенную для него сумму согласно расчету (*bar vajh-i-mi'āmalat*) за исключением тех, которые были освобождены от налоговых (*tu'an*) тягот распоряжением Чингисхана и Каана, т.е. из мусульман это были великие *сейиды* и, превосходные имамы, а из христиан, которых они называли *эркеун*, – монахи и ученые (*ahbār*), а из идолопоклонников – священники, которых они называют *тойин* – знаменитые *тойины*; а также те из представителей всех этих людей, что были в преклонных годах и не могли более зарабатывать на жизнь. Евреи услышали об этом распоряжении и поскольку в нем ничего не говорилось о них, они были сильно раздражены и раздосадованы, и они были смущены и озадачены и запустили в свои бороды руки замешательства. Вот как описывает Захир одного еврейского проповедника:

Рыжебородый муж явился и, выслушав, за бороду схватился.

Сказал он так: «Мы не из их числа.

Нет места нам ни в том, ни в этом мире».

А чтобы каждый чиновник (*sāhib-shughl*) не распределял (*qismat*) [налоги по своему собственному усмотрению], он ввел годичный порядок (*muwāza'a*), согласно которому в землях китаев богатый человек облагался налогом в одиннадцать динаров, и далее налог, соответственно, уменьшался вплоть до бедного человека, который платил всего один динар; и такой же порядок был в Трансоксании; а в Хорасане богатый платил десять динаров, а бедный – один динар. Он также повелел правителям и писцам не оказывать послаблений или снисхождений; им запрещено было брать взятки и скрывать правду или выдавать ложь за истину. А что до налога на скот (*marā'i-yi-chahār-pāi*), который они называют *кунчур*, то если у человека было сто голов животных одного вида, он должен был уплатить один динар, а если меньше – то не платить ничего. А если где были задолженности (*baqāyā*) по налогам, то никто из крестьян, имеющих их,

не должен был выплачивать [эту задолженность], и нельзя было их с них взыскивать. А что до купцов и ортаков, заключивших крупные сделки с Гуюк-ханом, его женой и их детьми, то он приказ заплатит им из новых налоговых доходов (*az māl-i-nau*).

Из всех сект и общин он более всего почитал и уважал мусульман. Именно им он оказывал наибольшие милости и именно они пользовались величайшими привилегиями. Доказательством этому может служить следующее. По случаю праздника *ид-ифитр*, а 650 году [5 декабря 1252] мусульмане явились к императору и расположились у главных ворот его орды вместе с главным кади Джамал ад-Миллой вад-Дином, достойнейшим из улемов, Махмудом из Ходжента (*да сохранил Аллах память о нем навечно!*). Главный кади встал во главе молящихся и прочитал проповедь, украшая *хутбу* упоминаниями об истинных халифах и о Предводителе Правоверных. И когда они закончили праздничную молитву, которая, по словам Пророка, превосходит две тысячи поклонов в Каабе, главный кади вступил в орду и, действуя как *имам*, произнес [в честь императора] следующие слова:

*«Да станет для тебя счастливой восходящая звезда
этого праздника, ибо твой гороскоп несет счастье
всему человечеству.*

*Ряды твоих врагов уменьшаются, как лик луны
во время затмения, а твоя удача, подобно растущему месяцу,
увеличивается день ото дня».*

Император взирал на него милостиво и с одобрением и велел несколько раз повторить молитву. А в качестве праздничного подарка он пожаловал ему несколько телег, нагруженных золотыми и серебряными *балышами* и всевозможные дорогие одежды, и большинство людей также получили свою часть подарков; и его щедрость к мусульманам велика и безгранична не только в праздничные дни.

*Из-за твоих подарков каждый день для нас
стал как праздник,
Как же тогда мы узнаем, когда настанет
настоящий праздник?*

И по всему своему государству каждому узнику или преступнику, которые находились в неволе и унижении заточения, он приказал даровать избавление и освобождение и тем самым спас их от испытаний и оскорблений этого мира. И здесь я привожу следующие строки, которые, хоть это и неподобающее место для них, оценит человек, обладающий вкусом и проницательностью:

*Кто же я для Аллаха, если он не простит мне моих грехов,
когда я грешу?*

*Прощения ждут от сыновей Адама, как же тогда не ждать
его от Аллаха?*

В скольких сердцах пробудилась надежда, когда головы были оставлены на плечах, а дирхамы и динары в кошельках и сумах! И с этим поручением ельчи и посыльные поспешили во все концы его государства.

*Пусть короли, дарующие серебро и золото,
научатся обычаю даровать жизнь у нашего султана Бахрам-шаха.
Подобно солнцу, находящемуся в зените,
чей свет озаряет земли востока и запада.*

Но если начать описывать все события, ежедневно происходящие в жизни и вспоминать все проявившие себя добрые дела, для этого не хватит и целых томов. Лишь малость от многого, каплю от океана и частичку от солнца передал и передаст язык пера уху внимающего. *«Малая часть этого поведаст о большей части».*

И поскольку слава о его доброте и справедливости разлетелась по всему миру, все народы, далекие и близкие, искренне ищут убежища в преданности ему, чтобы тем самым найти защиту под покровом его могущества. Другие, те, кто находится слишком далеко, лелеют ту же мечту, и прибывают послы и *ельчи* из страны франков, и далекой Сирии, и Обители Мира, и султаны привозят и присылают к его двору бесчисленные дары и тяжело груженные повозки с подарками.

*Те, кто живет в этих городах, присылают подарки,
ибо они слабы и не могут воевать с ним.*

И они возвращаются, удовлетворив свои нужды и исполнив свои желания. И обо всех из них будет рассказано в отдельной главе.

*О Хосров, да продлится твое царствование и твоя жизнь,
И да будет румяным лик твоей удачи!*

Твоя удача – середина солнца, да не коснется оно орбиты упадка! <...>».

Текст воспроизведен по изданию: Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. язык Дж. Э. Бойла. Перевод с англ. на русский язык Е.Е.Харитоновой. М., 2004.

Рашид ад-дин. «Сборник летописей»

Краткий рассказ о делах Джучи-хана

Так как Джучи-хан умер раньше [своего] отца, то нельзя вкратце привести рассказ, который относился бы исключительно к нему, поэтому [здесь] приводится краткое описание его деяний, которые [уже] подробно упоминались в повествовании о Чингизхане, и излагаются обстоятельства его болезни и смерти. А это было так:

Так как Джучи-хан по приказу Чингиз-хана постоянно находился в походах и завоевал и покорил много областей и городов, то, когда Чингиз-хан, направляясь в область таджиков, дошел до границы Отрара, он оставил его [Джучи-хана] там, предназначив его для покорения Отрара. Джучи-хан, как [уже] было рассказано в повествовании о Чингизхане, взял Отрар и, овладев его крепостью и разрушив ее, повернул обратно. Области, которые попадались на его пути, он покорял, пока не прибыл к отцу в пределы Самарканда. Оттуда Чингиз-хан снова отправил его с братьями, Чагатаем и Угедеем, [в поход] для покорения Хорезма. Когда они осадили то место, то взять его не удавалось по причине несогласия его [Джучи-хана] с Чагатаем. Чингиз-хан приказал, дабы в той войне предводителем был Угедей. Благодаря своим способностям он установил между братьями согласие, и они сообща взяли Хорезм. Чагатай и Угедей направились к отцу и прибыли к [нему] к крепости Таликан. А Джучи-хан через Хорезм направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости». Джучи же неожиданно заболел и поэтому, когда отец по возвращении из страны таджиков прибыл в свои ставки, не смог приехать к нему, но послал ему несколько харваров добытых на охоте лебедей и рассыпался в извинениях. После этого Чингиз-хан еще несколько раз приказывал вызвать его к себе, но [тот] из-за болезни не приезжал и приносил извинения. Затем [однажды] какой-то человек из племени мангут проезжал через пределы юрта Джучи; а Джучи, перекочевывая, шел от юрта к юрту и таким же

больным достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как сам он был слаб, то послал охотиться охотничьих эмиров. Когда тот человек увидел это сборище охотившихся людей, то подумал, что это [охотится сам] Джучи. Когда он прибыл к Чингиз-хану и тот спросил его о состоянии болезни Джучи, то он сказал: «О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой...». По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что [Джучи], очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца, он сказал: «Джучи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей, и сам собирался выступить в поход вслед за ними. В это время прибыло известие о печальном событии с Джучи в ... году. Чингиз-хан пришел от этого в великую печаль и огорчение, он произвел расследование, выявилась ложь того мангута и было доказано, что Джучи был в то время болен и не был на охоте. [Чингиз-хан] потребовал того человека, чтобы казнить его, но его не нашли. Почтенные эмиры и гонцы, которые в разное время приезжали из улуса Джучи, сказали, что смерть его произошла между тридцатью и сорока [годами его жизни], и эти слова сравнительно близки [к истине]. Другие же говорят, что его не стало в двадцатилетнем возрасте, но это чистое заблуждение. После смерти его и Чингиз-хана, когда на трон воссел Угедей-каан, он на основании ранее изданного Чингиз-ханом неукоснительного указа Джучи-хану о покорении северных областей поручил [это] членам его рода, и они занялись этим [покорением] с помощью других царевичей.

Рассказ о восшествии на престол Бату в качестве преемника отца и памятка об обстоятельствах его [жизни] во время [его] царствования

Когда скончался Джучи-хан, его второй сын, Бату, в качестве преемника отца воссел в своем улусе на ханский престол. Его братья подчинились ему и покорились. В эпоху Угедей-каана, как о том было подробно сказано в повествовании о нем, он назначил его с братьями и другими царевичами, согласно прежнему указу [Чингиз-хана], на покорение северных областей. Все они, собравшись у него, сообща выступили в поход и, как [уже] было изложено, завоевали большую часть тех государств. После возвращения царевичей Менгу-каана и Гуюк-хана [из похода] он [Бату] с братьями, как о том [уже] упоминалось в добавлении к его родословной, занялся завоеванием оставшихся частей тех областей. В начале 639 г.х. [июль 1241 г. н.э.], когда скончался Угедей-каан, Бату, вследствие преклонного возраста, почувствовал упадок сил, и когда его потребовали на курилтае, то он под [предлогом] болезни уклонился от участия [в нем]. Так как он был старший из всех [родичей], то из-за его отсутствия около трех лет не выяснялось дело [о звании] каана. Правила старшая из жен Угедей-каана, Туракина-хатун. В это время разруха проникла на окраины и в центральные части государства. Каан сделал наследником престола своего внука Ширамуна, но Туракина-хатун и некоторые эмиры не согласились и сказали: «Гуюк-хан старше» – и для возведения его на престол опять попросили Бату. Хотя он и был обижен на них и опасался печальных событий из-за прежних отношений, но все же тронулся в путь и двигался медленно. [Еще] до его прибытия и появления родичей они собственной властью утвердили каанство за Гуюк-ханом. Так как Гуюк-каан страдал неизлечимой болезнью, то под предлогом того, что «вода-де и воздух старинного юрта, который дал мне отец, для меня полезнее», со всем войском направился в пределы Эмиль-Куджина. Когда Бату подошел близко к тому месту, он стал немного опасаться. Соркуктани-беги, старшая жена Тулуй-хана, на оснований той дружбы, которая со времен Чингиз-хау установилась и укрепилась между Джучи и Тулуй-ханом и родами обеих сторон, тайно прислала весть, что прибыл Гуюк-хан в те края не без хитрости. В связи с этим подозрения Бату усилились, и он с предосторожностями и осмотрительностью ожидал прибытия Гуюк-хана. Сам же [Гуюк-

хан], когда прибыл в пределы Самарканда, в местность, от которой до Биш-Балыка одна неделя пути, скончался в 640 г. х. [1 июля 1242 – 20 июля 1243 г. н.э.] от болезни, которой страдал. Снова трон долгое время оставался не занятым государем, и опять правила Туракина-хатун.

Соркуктани-беги, когда распространилась молва о болезни Бату, отправила к нему своего сына Менгу-каана под предлогом навестить больного. Бату обрадовался его прибытию и, поскольку он воочию увидел в нем признаки блеска и разума и будучи [кроме того] обижен на детей Угедей-каана, сказал: «Менгу-каан – старший сын Тулуй-хана, который был старшим сыном Чингиз-хана; коренной юрт и место [Чингиз-хана] принадлежат ему. Этот царевич сам по себе очень умен и даровит и подготовлен к царствованию. При наличии его каким образом кааном станет кто-либо другой? Тем более, что дети Угедей-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и, преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех [своих] детей и называл Чаур-сечен. По этой причине каанство им не подобает». Он сам возвел Менгу-каана на каанство и заставил всех своих братьев, родственников и эмиров подчиниться и покориться ему. Он послал вместе с ним своего брата Берке и своего сына Сартака, который был наследником престола, с тремя туманами войска, дабы они в местности Онон и Келурен, которая была коренным юртом Чингиз-хана, посадили его на престол каанства и трон миродержавия и исправили и загладили бы козни детей Угедей-каана, замысливших вероломство.

В общем, передача каанства дому Тулуй-хана и утверждение [ими] прав за собой произошли благодаря способностям и проницательности Соркуктани-беги и помощи и содействию Бату, вследствие дружбы с ним. После этого до конца его жизни, и после его смерти, во времена Сартака и Улагчи, и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана и Бату был проторен путь единения и дружбы.

И еще при жизни Бату Менгу-каан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и определил [выделить] из войск каждого царевича по два человека с десятка, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингкадара сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему. А Бату скончался в 650 г. х. [14 марта 1252 – 2 марта 1253 г. н.э.] в местности ..., на берегу реки Итиль. Жития его было сорок восемь лет. Менгу-каан встретил прибытие его сына Сартака с почетом, утвердил за ним престол и государство и дал [ему] разрешение на отъезд. В пути его [Сартака] также не стало. Менгу-каан послал гонцов, склоняя и располагая [к себе] его жен, сыновей и братьев, и также пожаловал Улагчи [сыну Бату] престол и царство отца и отличил всех разными милостями и ласками. Улагчи также в скором времени скончался и оставил другим престол и царство. Вот и все!

Рассказ о восшествии Берке на престол улуса Джучи-хана и об обстоятельствах [его] жизни

Когда Бату скончался и его сыновья Сартак и Улагчи, которые были назначены ему преемниками, скончались один за другим и [когда] его младший брат Берке в 652 г.х. [21 февраля 1254 – 9 февраля 1255 г. н.э.] воссел на его место, то его повеления стали неукоснительно исполняться в его улусе, и он по обычаю поддерживал с домом Тулуй-хана искреннюю дружбу, идя по пути преданности, благорасположения и единения. В 654 г. х. [30 января – 20 декабря 1265 г. н.э.] Балакан, который был в этом государстве, задумал против Хулагу-хана измену и предательство и прибегнул к колдовст-

ву. Случайно [это] вышло наружу. Учинили о том допрос, он тоже признался. Для того, чтобы не зародилась обида, Хулагу-хан отослал [Балакана] с эмиром Сунджаком к Берке. Когда они туда прибыли, была установлена с несомненностью его вина, Берке отослал его [обратно] к Хулагу-хану: «Он виновен, ты ведаешь этим». Хулагу-хан казнил его. Вскоре после того скончались также Татар и Кули. Заподозрили, что им с умыслом дали зелья. Поэтому у них возникло недовольство [друг на друга], и Берке стал враждовать с Хулагу-ханом, и, как это будет рассказано в повествовании о Хулагу-хане, они сразились в шаввале 660 г. х. [август 1262 г. н.э.]. Войска, прибывшие с Кули и Тутаром в это государство, большей частью разбежались. Некоторые вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура, которые являются границами Хиндустана. Старшим из эмиров, которые были их предводителями, был Никудер, а Ункуджене, из эмиров Хулагу-хана, шел за ними по пятам. Другие через Дербенд добрались до своих жилищ. Эта распря между Берке и Хулагу-ханом оставалась в продолжение [всей их] жизни. Полководцем Берке был Нокай, сын Джарука сына Тумакана сына Кули, царевич очень отважный и удалой. Когда Хулагу-хан в 663 г. х. [24 октября 1264 – 12 октября 1265 г. н.э.] скончался на зимнем стойбище в Чагату и на место его воссел на престол сын его Абага-хан, то между ними и Берке все так же продолжалась вражда. В 663 г. х. [24 октября 1265 – 12 октября 1266 г. н.э.] Берке вернулся в пределы Ширвана с войны с Абага-ханом и, пройдя через Дербенд, умер близ реки Терек, в 664 г. х. [13 октября 1265 – 1 октября 1266 г. н.э.] Вот и все!

Рассказ о восшествии Менгу-Тимура, сына Тукукана, второго сына Бату, на [престол] царствования над своим улусом

Когда Берке скончался, на его место посадили упомянутого Менгу-Тимура. Он тоже долгое время противился Абага-хану, и они несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце концов они в году ... в силу крайней необходимости заключили мир, как о том будет подробно изложено в повествовании об Абага-хане. С той поры они оставили споры до времен Аргун-хана, когда в месяце рамазане 687 г. х. [29 сентября – 28 октября 1288 г. н.э.] опять пришло от них громадное войско, их предводителями [были] Тама-Токта и Бука. Аргун-хан [уже] направлялся из зимних стойбищ в Арране и Мугане на летовку. Когда он услышал весть об их прибытии, то вернулся обратно и в передовой рати отправил старших эмиров Тогачара и Кунджи-бала с войском. Они дали бой и убили Бурултая, [одного] из предводителей их войска и много воинов. Враги, разбитые, повернули обратно. С той поры до сего времени, благословенной эпохи государя ислама Газан-хана, да увековечит Аллах его власть, они больше не принимались за распри и вследствие [своей] слабости предпочли соглашение раздору, ищут дружбы и единодушия и посылают к государю ислама гонцов с извещениями об обстоятельствах [дел] с дарами и подношениями. Вот и все!

Рассказ о восшествии на престол Туда-Менгу, о свержении его сыновьями Менгу-Тимура и Тарбу, о царствовании их сообща, о бегстве от них Токтая, о захвате их хитростью при помощи Нокая и об убийнии [их]

Когда Менгу-Тимур, после того как он процарствовал 16 лет, скончался в 681 г. х. [11 апреля 1282 – 31 марта 1283 г. н.э.], то того же числа воссел [на престол] Туда-Менгу, третий сын Туркукана, и некоторое время был государем. После того сыновья Менгу-Тимура, Алгу и Тогрыл, и сыновья Тарбу, старшего сына Тукукана, Тула-Бука и Кунчек свергли Туда-Менгу с престола под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет. Против Токтая [же], сына Менгу-Тимура, матерью которого была Олджай-хатун, внучка Келмиш-ака-хатун, они стали совместно замышлять, когда увидели в нем признаки храбрости и мужества. Он узнал об этом обстоя-

тельстве, бежал от них, искал защиты у Йылыкчи, сына Беркечара, и послал к Нокаю, который был полководцем Бату и Берке, сообщение: «Двоюродные братья покушаются на мою жизнь, ты же старший, я прибегаю к защите того, кто является старшим, дабы он поддержал меня и прекратил покушение родственников на меня. Пока я жив, я буду подчинен старшему и не нарушу его благоволения». Когда Нокай [об этом] узнал, в нем заговорили ревность и негодование. Притворившись больным, он выступил из областей Урус и Кехреб, которые он сам завоевал и сделал [своим] юртом и местопребыванием, переправился через реку Узи и склонял на свою сторону каждую тысячу и каждого эмира, к которым приходил, и говорил [им]: «Подходит пора старости, я оставил споры, распри и смуты, ни с кем не ссорюсь и не помышляю воевать. Однако есть у меня от Саин-хана указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом». Тысячи и воины, слыша эти наставления и видя с его стороны участие к себе, все покорились и подчинились ему. Когда он приблизился к орде упомянутых царевичей, то притворился больным –пил свежую кровь и остаток изрыгал из горла обратно. Он шел по пути дружбы и приязни, а тайком послал Токтаю весть: «Тебе надо быть готовым и после извещения прибыть [ко мне] с войском, которое [тебе] удастся собрать». Когда мать Тула-Бука услышала об умеренности и бескорыстии Нокая и о том, что он харкает кровью, она обязала сыновей: «Как можно скорее удостойтесь беседы с тем немощным старцем, оставляющим [сей] мир и твердо решившим отправиться в другой мир. Если вы допустите [в этом деле] небрежность и нерадивость, то молоко [ваших] матерей да не будет вам впрок!» Царевичи по совету [своих] матерей неосмотрительно и неблагоприятно прибыли к Нокаю, чтобы навестить его. Он сказал им в виде назидания: «Дети, я служил отцам вашим, и в старину и в недавние времена устанавливал всяческую справедливость, поэтому вам необходимо выслушать мое нелицеприятное слово, дабы я [мог] сменить ваши распри на истинное согласие. Ваше благо – в мире, устройте курилтай, дабы я дал вам мир». И он беспрерывно выплевывал из горла запекшуюся кровь. Известив Токтая [об их прибытии], он таким умасливанием усыплял бдительность царевичей, пока неожиданно не подросел Токтай с несколькими тысячами и захватил тех царевичей и немедленно их умертвил. Нокай сейчас же повернул обратно и, переправившись через реку Итиль, направился к своему постоянному юрту. Вот и все!

Рассказ о восшествии Токтая на престол своего улуса, о появлении разногласий между ним и Нокаем, об их войне друг с другом, о поражении Нокая и об умерщвлении его

После того как Токтай при помощи и содействии Нокая убил упомянутых царевичей, он стал на престоле Джучи самодержавным властелином, неоднократно посылал к Нокаю гонцов и приглашал его к себе, обнадеживая хорошими обещаниями. [Но] Нокай не соглашался. Отец жены Токтая, Салджидай-гургэн из племени кунгират, муж Келмиш-ака-хатун, посватал для своего сына по имени Яйлаг, родившегося от упомянутой хатун, дочь Нокая, некую Кабак, Нокай согласился. Через некоторое время после того, как свадьба была сыграна, Кабак-хатун стала мусульманкой. Яйлаг [с ней] не ладил, так как принадлежал к религиозной общине уйгуров, и между ними из-за религии и убеждений постоянно были ссоры и пререкания. Они презирали Кабак. Она [об этом] сообщила отцу, матери и братьям. Нокай крайне разгневался и послал к Токтаю гонца и сообщил: «Людям известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана, а теперь на этом троне правит карачу Салджидай. Если сын [мой] Токтай хочет, чтобы между нами укрепились отцовско-сыновние отношения, то пусть он Салджидаю отошлет в его юрт, который находится вблизи Хорезма». Токай не согласился. Снова

Нокай послал [к нему] гонцов с просьбою относительно Салджида. Токтай сказал: «Он мне как отец и воспитатель, и [он] старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» И не выдал [его]. У Нокая была жена, крайне умная и способная, по имени Чапай. Это она неоднократно ездила с посольской миссией к Токтаю. Она имела трех сыновей: старший – Джук, средний – Еке и младший – Тури. Они прельстили несколько тысяч, принадлежавших Токтаю, и, подчинив их себе, переправили через [реку] Итиль, простерли руку дерзости и насилия над владениями Токтая и стали [там] самовластно править. Токтай рассердился и потребовал вернуть [те] тысячи. Но Нокай также не согласился и сказал: «Я отошлю их тогда, когда он придет ко мне Салджида, его сына Яйлага и Тама-Токту». По этой причине с обеих сторон запылало пламя смуты и вражды. Токтай собрал войска и в 698 г.х. [9 октября 1298 – 30 августа 1299 г. н.э.] на берегу [реки] Узи сделал смотр приблизительно тридцати туманам войск. Так как в ту зиму [река] Узи полностью не замерзла, то он не смог [через нее] переправиться. Нокай же не трогался с своего места. Весной Токтай повернул обратно и сделал летовку на берегу [реки] Тан. На другой год Нокай переправился с сыновьями и женами через [реку] Тан, снова приступил к уловкам и говорил: «Я имею намерение [устроить] курилтай, чтобы примириться с вами». Так как он знал, что войско Токтая разошлось и при нем [находится] небольшое число, он поспешно двинулся вперед, чтобы внезапно напасть на него. Токтай узнал о его прибытии и собрал войско. В местности Бахтияри, на берегу реки Тан, они сошлись и вступили в бой. Токтай был разбит и, обращенный в бегство, удалился в Сарай. Эмиры Маджи, Сутан и Сангуй отвернулись от Нокая и направились к Токтаю. Токтай потребовал к себе Тома-Токту, сына Елуги, который долгое время был охранителем и защитником Дербенда, опять двинул большое войско и выступил войной на Нокаю. Нокай не имел силы противостоять, уклонился [от сражения] и переправился через реку Узи. Они разграбили город Крым и увели много пленных. Тамошние жители направились ко двору Нокая и умоляли о возвращении пленных. Нокай приказал возвратить пленных. Воины сразу озлобились на Нокаю и послали Токтаю извещение: «Мы рабы и подданные ильхана; если государь простит нас, то мы схватим Нокаю и приведем». Сыновья Нокая узнали о том послании и решились на борьбу с тысячами. Эмиры-тысячники послали человека ко второму сыну Нокая, Теке, [передать]: «Мы все сговорились относительно тебя, если ты поспешишь к нам, то царствование мы передадим тебе». Теке отправился к ним. Они его немедленно заточили. Джук, который был старшим братом, собрал войско и сразился с большими тысячами. Тысячи были разбиты, и один эмир-тысячник попал в его руки. Он послал его голову к другим тысячам, которые захватили Теке. Его стерегли триста человек. Став заодно с ним, они ночью бежали и отправились к Нокаю и [его] сыновьям. Когда Токтай услышал о несогласии их с войском, он переправился с шестьюдесятью туманами войска через реку Узи и расположился на берегу реки Тарку, где был юрт Нокая. А с той стороны [реки] прибыл, сидя в арбе, Нокай с тридцатью туманами [войска] и расположился на берегу [той же] реки. Снова под предлогом болезни он лег в арбе, послал к Токтаю гонцов и передал: «Раб твой не знал, что государь лично благополучно прибывает. [Мое] царство и войско принадлежат рабам ильхана, раб [твой] человек старый, немощный, всю [свою] жизнь провел на службе отцов ваших. Если и произошел какой-нибудь пустяк, то [это] было по вине сыновей. Вся надежда на милость государя, что он соизволит простить эту вину». Тайно же он послал Джук с большим войском, чтобы тот переправился через реку Тарку выше и ударил на Токтая и его войско. Караулы Токтая захватили лазутчика, и он рассказал положение дела. Когда Токтай узнал о его коварстве, он приказал войскам приготовиться и выступить. Войска с обеих сторон завязали бой. Нокаю и его сыновей разбили, и множество народа в том сражении было убито. Нокай бежал с семнадцатью всадниками. Русский всадник из воинов Токтая нанес ему рану.

Нокай сказал: «Я – Нокай, отведи меня к Токтаю, который является ханом». Урус, взяв [коня] его за повод, вел к Токтаю. По дороге он отдал [богу] душу. Токтай же победоносно вернулся в Сарай Бату, который является их столицей. Сыновья Нокая без пользы [для себя] колебались; так как они не видели от своей судьбы ничего хорошего, то Еке, мать его Чуби и Яйлак, мать Тури, сказали Джукке: «Самое лучшее – оставим раздоры и строптивость и отправимся к Токтаю». Джукке испугался этого и убил брата и жену отца, а сам с некоторыми приверженцами стал [бесцельно] бродить и скитаться. Он укрылся в одной крепости, путь к которой узок, как [мост] Сырат, и тесен, как сердце скареда; каков-то будет его конец? Еще до этого Нокай с Абага-ханом и Аргун-ханом положил начало искренней дружбы и единения, в ... году он послал к Абага-хану свою жену с сыном своим Тури и одного эмира и сватал у него двух дочерей. Он [Абага-хан] выдал одну дочь за Тури. Они пробыли там некоторое время, и их отпустили обласканными. Когда между ним [Нокаем] и Токтаем наступили раздор и война, он посылал постоянно к государю ислама [Газан-хану], да увековечит Аллах его власть, почтенных послов, умолял [его] о помощи и хотел стать зависимым от его высочайшей особы. Правда, случай был очень хороший, но государь ислама Газан-хан, да увековечит [Аллах] его царствование, по величину [своих] помыслов не согласился [на это] и не обратил внимания на неблагоприятные обстоятельства [Токтая], изволив сказать: «В настоящее время предательство и нарушение слова далеки от благородства; коварство и обман осуждаются и запрещаются рассудком, божественным законом и ясой; хотя у нас с Нокаем полная дружба, но мы не входим в их споры и ссоры, так как использование во зло удобного случая – качество не похвальное, в особенности у великих государей». Токтай же, поскольку [и сам] боялся и опасался, то для устранения этого обстоятельства [также] отправлял послов с изъявлением дружбы. Государь ислама Газан-хан, да увековечит [Аллах] его власть, вызывал к себе послов обеих сторон и говорил им во время приема: «Я не вхожу в ваши междоусобные дела и не пользуюсь [вашими] неблагоприятными обстоятельствами. Если бы вы еще поладили друг с другом, то было бы хорошо и похвально». И для того, чтобы [устранить] их подозрения и сомнения, он сам своей благословенной особой не ходил на зимовку в Арран, а зимовал в Багдаде и в Диярбекре, дабы души их были спокойны. До сего времени он сохраняет в сердце дружбу и искренность как с Токтаем, так и с сыновьями Нокая. Он неоднократно приказывал и [всегда] приказывает, чтобы никто из родичей не начинал с ними распри и не искал повода к вражде. «Мы никогда не начнем ссоры [говорил он] и не приступим [первыми] к тому, что влечет за собой смуту, дабы вина за разруху, которая постигнет улус, не обратилась на нас». Словно создатель всевышний сотворил его беспорочное существо и лучезарную душу из чистой доброты и безграничной милости. Это государь, одаренный благородством характера, знаменитый во всех концах света [своей] справедливостью и добродетелью. [Это] царь царей, пекущийся о вере, справедливый судья, устроитель войска, ласковый к подданным, [родившийся] под счастливой звездой, избранник молвы. Бог всевышний и всевеликий да дарует ему [быть во главе] народов мира на многие лета и бесконечные века и да даст ему в удел наслаждение жизнью, державой, царством и властью. Клянусь честью лучшего из пророков [Мухаммеда] и его рода праведников! Да помилует Аллах раба [своего], сказавшего «Аминь».

<...>

Текст воспроизведен по изданию: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского. М.; Л. 1960. С. 78–87.

**Послание папы Иоанна XXII христианским венграм, мелькитам
и аланам Чагатайского улуса с рекомендацией нового епископа
Самарканда Томмазо Манказоле³⁷
29 сентября 1329 года**

Johannes Episcopus, Servus Servorum Dei, dilectis filiis Jeretanny³⁸ & universis Christianis Hungaris, Malchaytis, & Alanis, Salutem, & Apostolicam Benedictionem.

Ingentem, nec mirum, materiam gaudiorum suscepimus, quod summus ille celestis agricola, qui omnes quos diligit ad cognitionem sui misericordie semper beneficio evocat, atque trahit, quodque per inenarrabilem gratiam Unigeniti sui, toto orbe diffusam, auget continue familiam christianam, vos vere fidei luce perfusos, & sacri baptismatis fonte renatos, & imbutos, doctrina evangelice & apostolice veritatis in orientalibus partibus in eorum medio, qui nondum gratiam recepere baptismatis, collocavit. In immensum insuper nobis cessit ad gaudium intellecto, quod tu, fili Jeretanny, de stirpe catholicorum Principum Regum Hungarie descendisti; quodque tu, & alii Christiani in dictis partibus commorantes, zelo fidei, & devotionis fervore, succensi, Doctorem catholicum desideratis habere, qui vos in fide catholica verbis salutaribus instruat, & sanctis exemplis informet: propter quod a Nobis humiliter vestris supplicationibus postulastis, ut aliquem Catholicum Antistitem, Sacrarum scripturarum scientia preeditum, vite sanctitate decorum, verbo utilem, & exemplo mirabilem, ad partes ipsas pro institutione vestra in eadem fide Catholica mittere dignaremur. Cupientes igitur, ut Christi familia ubique locorum incrementa suscipiat, sed maxime in ipsis partibus dilatetur, venerabilem Fratrem nostrum Gemiscatensem³⁹ Episcopum, vobis notum, ad partes ipsas cum nostre benedictionis gratia providimus destinandum. Quocirca devotionem vestram monemus, & hortamur in Domino Jesu Christo, quatenus sacris instructionibus, quas idem Thomas⁴⁰, & alii Episcopi Catholici, necnon dilecti filii Fratres, Predicatorum & Minorum Ordinum in ipsis partibus commorantes, in doctrina catholice fidei vobis fecerint, mentales aures devotius adhibentes, animos vestros veritati ejusdem fidei, & Sanctorum Patrum auctoritatibus coaptetis. Benedictionem nostram insuper vobis impendimus, & rogamus humani generis piissimum Redemptorem, ut ipse vos benedictionis sue rore perfundat, ut in vere fidei unitate constantes vos de bono proficiatis in melius, & alios ad familiam gregis dominici fructuosis exemplis & operibus evocetis. Datum Avinione III Kalendas Octobris, Pontificatus nostri Anno Decimo Quarto.

Епископ Иоанн, раб рабов Божий, любезным сыновьям Йеретамиру и всем христианским венграм, мелькитам и аланам, с пожеланием спасения и апостольским благословением.

И неудивительно, что мы получили великий повод для радостей в связи с тем, что тот верховный небесный земледelec, который всех, кого он любит, милостиво призывает и притягивает к познанию своего милосердия и невыразимой благодатью своего

³⁷ По изданию Риполя и Бремона [3, no. lxxi, p. 184], основывавшемуся на ватиканском регистре папы Иоанна XXII (a. 14 t. 93 ep. 65).

³⁸ Более точное прочтение этого имени: *Jeretomir/Jeretamir* [4, p. 445; 5, III, p. 357; 6, p. 118, nota 1].

³⁹ *Semiscatensem* в булле папы Иоанна XXII от 14 февраля 1330 года [3, no. lxxx, p. 190]; *Seniscantem*. – в папском послании Ильчигидею [5, III, p. 355; 1, a. 1329, § 97, p. 432; 2, no. 818, p. 406; 3, no. lxxiv, p. 187].

⁴⁰ *Thomas Mancalosa* в письме понтифика от 22 января 1330 года [1, a. 1330, § 55, p. 460].

Единорожденного, распространившейся по всему миру, постоянно расширяет христианскую семью; вас, залитых светом истинной веры, возрожденных в священной крестильной купели и орошенных доктриной евангелической и апостольской истины, он поместил в восточных краях среди тех, кто еще не получил благодати крещения. Сверх того, неизмеримую радость нам доставило узнать то, что ты, сын Йеретамир, приходишь из рода католических повелителей, королей Венгрии; а также то, что ты и другие христиане, проживающие в упомянутых краях, воспламененные религиозным рвением и набожным пылом, желаете иметь католического учителя, который наставил бы вас в католической вере целительными словами и воспитал бы святыми примерами. По этой причине вы смиренно испрашивали у нас вашими мольбами, дабы мы соизволили направить в эти края для поучения вас в католической вере какого-нибудь католического первосвященника, наделенного знанием Святого писания и украшенного надлежащей святостью образа жизни, действенным словом и чудотворным примером. Итак, желающие, чтобы семья Христа достигла прироста во всех местах, и в особенности чтобы она расширилась в этих краях, мы позаботились направить в эти края преподобного брата нашего, епископа Самарканда, вам знакомого, вместе с милостью нашего благословения. Поэтому мы увещеваем вашу набожность и призываем в Господе Иисусе Христе, дабы вы набожнее обратили слух вашего рассудка к святым поучениям, которые вам преподает в доктрине католической веры этот же Томмазо и другие католические епископы, как и любезные братья Орденов проповедников и миноритов, пребывающие в этих краях, и чтобы ваши души сообразовались с истинностью этой же веры и поучениями Святых отцов. Сверх того, мы прилагаем вам наше благословение и вопрошаем милосерднейшего Избавителя рода человеческого, дабы он сам оросил вас росой своего благословения, чтобы вы неизменно преуспевали в истинной вере от хорошего к лучшему и призывали других в семью стада Господня плодотворными примерами и трудами. Дано в Авиньоне, в третьи календы октября, в четырнадцатый год нашего понтификата.

Список литературы

1. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*. Vol. XXIV. 1313–1333 / Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1880. vi + 540 p.
2. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum: constitutiones, epistolas, ac diplomata continens Tribus Ordinibus Minorum, Clarissarum, et Poenitentium a seraphico patriarcha Sancto Francisco institutis concessa ab illorum exordio ad nostra usque tempora*. Vol. 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta / Eubel K. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p.
3. *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Vol. II. Ab anno 1281 ad 1430 / Ripoll Th., Brémond A. (eds.). Romae: typis & sumtibus H. Mainardus, 1730. xii + 746 p.
4. Eubel K. *Hierarchia catholica medii aevi*. Vol. 1. Ab anno 1198 usque ad annum 1431 perducta. Monasterii: Regensberg, 1913. vi + 558 p.
5. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.
6. Pelliot P. *Recherches sur les chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*. Paris: Imprimerie Nationale, 1973. iv + 307 p.

Утемиш-хаджи. «Чингиз-наме»

Автор «Чингиз-наме» – Утемиш-хаджи, сын маулана Мухаммада Дости; выходец из влиятельной семьи, бывшей в услужении у Ильбарс-хана (918/1512–931/1525). Предки его были подданными Шибанида Йадгар-хана, улус которого в 80-х гг. XV в. располагался в низовьях Сырдарьи. Утемиш-хаджи служил вначале у вышеупомянутого Ильбарса, по-видимому, в должности дворцового писаря.

Большой вклад в изучение «Чингиз-наме» внес видный казахстанский востоковед В.П.Юдин, который подготовил памятник к печати на русском языке, снабдив его содержательными текстологическими примечаниями и транскрипцией оригинального текста. «Чингиз-наме» заняло особое место в источниковедческих изысканиях В.П.Юдина как источник, достоверно и ярко воспроизводящий политическую и социально-экономическую историю Дашт-и Кыпчака XIV в., военное дело, быт, культуру, идеологию и язык его кочевого населения.

Сочинение Утемиша-хаджи охватывает время правления Чингиз-хана и Чингизидов – XIII–XIV вв. и содержит сведения о ханах Золотой Орды, начиная с Бату-хана и кончая приходом к власти Тохтамыш-хана.

«Чингиз-наме» написано в основном на материале преданий и устной информации.

Текст воспроизведен по изданию: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. Комментарии и указатели М.Х.Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С.91–104, 108–118.

«[Глава первая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЧИНГИЗ-ХАНЕ

Когда Чингиз-хан овладел вилайетами¹, одной стороной [которых] был Багдад, другой – Хиндустан, третьей – Дашт-и Кыпчак [и] река ‘Идил’², он пожаловал эти вилайеты своим четырем-пяти сыновьям. Вилайет Ирака он отдал Хулагу-хану³. Угедей-хана поставил в своем вилайете. Тули-хана держал около себя. Чагатай-хану отдал вилайеты Бухары, Самарканда⁴, Хорасана⁵ и Хисара⁶.

Йочи-хан был старшим из его сыновей. Он [Чингиз-хан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага⁷, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кйиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер.

[Глава вторая]

ИДЖАН-ХАН [И] САИН-ХАН

Иджан-хан и Саин-хан известны. Они родились от дочери Турали-хана, его [Йочи-хана] жены. [У него было] еще семнадцать сыновей, которые были от других его жен. Эти Иджан и Саин // уступали друг другу ханствование. Саин-хан был моложе. Сказал он своему старшему брату Иджану: «Ты мой старший брат, [который] заменил мне отца. Значит, ты мне отец. Мы уходим в чужой юрт⁸. Ты будь ханом». Иджан сказал: «Верно, что я старше тебя летами. Но наш отец очень любил тебя и вырастил баловнем. До сих пор я лелеял тебя и покорялся тебе. [Но] может [статься так], что я, если стану ханом, [уже] не смогу по-прежнему покоряться тебе, так что между нами возникнет война [и] ненависть. [Так] будь же ханом ты. Я снесу твоё ханствование, ты же моего

ханствования не перенесешь». Много раз предлагал [Саин] своему старшему брату, говоря: «Что это за слова?! Как подобает мне стать ханом, когда у меня есть старший по йасаку⁹ брат?!» Когда тот не согласился и когда [Саин] сказал: «В таком случае давай что-нибудь предпримем. Давай пойдем к нашему великому деду Чингиз-хану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково бы ни было повеление нашего деду, по тому и поступим», – [тот] одобрил эти слова и принял [их]. Два сына, родившиеся от одной матери, и семнадцать сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на корунуш¹⁰ к великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; // синюю орду¹¹ с серебряным порогом поставил для Иджана; серую орду со стальным порогом поставил для Шайбана¹².

Одним словом, в трех отношениях огланы Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана¹³, Тимур-Кутлы¹⁴ и Урус-хана¹⁵, говоря: «Мы превосходим вас». Во-первых, это – юрта. [Они] говорят: «Когда после смерти нашего отца Йочи-хана наши отцы отправились к нашему великому деду Чингиз-хану, то он после Иджана и Саина поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца [он] не поставил даже и [крытой] телеги. И во-вторых, – говорят [они], – когда Узбек-хан, разгневавшись, проявил милость к Кыйату Исатаю и отдал [ему] в качестве кошуна¹⁶ всех своих огланов вместе с их родами и племенами, он, опять оказав нам почет и уважение, дал нам двусоставный эль¹⁷, сказав: «[Они] – огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты». Один из них – карлык, другой – буйрак. [Мы] взяли те два эля, [и он] предоставил нас самим себе в нашей юрте, определенном [нам] Саин-ханом. Мы, когда [прочие огланы] укладывали камни [и] кирпичи в мавзолей того Джир-Кутлы¹⁸ и когда [они] стояли в кругу перед дверьми [юрты] его сына Тенгиз-Буги¹⁹ [и] преклоняли колена во время [исполнения] гимна в его честь, нас в тех делах не было». Так [было], что, когда при Бердибек-хане²⁰ сгинули огланы Саин-хана, Тай-Дуали-бегим, мать Джанибек-хана, решив, что теперь юрт и ханство достанутся огланам Шайбан-хана, призвала Хызр-хана, сына Мангкутая²¹, [и] сделала [его] ханом в вилайете Сарая²². «После огланов Саин-хана // ханствование на троне того хана досталось нам», – говорят [они]. Рассказ этот приведен здесь в примерной передаче.

Теперь мы опять подошли к началу прежнего предания.

Одним словом, когда они, вернувшись с корунуша у [Чингиз] хана, пришли в вилайеты, назначенные им ханом, Саин-хан, прибыв на берег реки «Идил, снарядил войско и пошел походом на Маскав²³, город вилайета Урус.

Рассказывают. В том походе [Саин-хан] дал Шайбан-хану тридцать тысяч человек и отправил в передовой отряд, [а] сам двигался следом за ним. [Шайбан-хан] шел впереди на расстоянии трехдневного пути. Московский государь получил известие [о движении врага. Он] вышел навстречу со ста пятьюдесятью тысячами человек. Они получили известие о том, что московский государь идет навстречу. Шайбан-хан решил двинуться на него форсированным маршем. Сколько ни отговаривали [его] беки, [он] не согласился. Двинувшись вперед форсированным маршем с расстояния, удаленного [от основных сил] на три дня пути, [он] ворвался в расположение его [русского государя] войска, пребывавшего в неведении. Русский государь не смог разгромить [Шайбан-хана, и тот] схватил его [русского вилайета] государя. Убили из его войска тех, кому суждено было быть убитыми, [а] остальных взяли в полон. Столько досталось [им] имущества и снаряжения, кольчуг [и] панцирей, что не было тому ни числа, ни счета. Однако Шайбан-хан повелел, чтобы ни единая вещь и [предмет] снаряжения, которые попали [в руки] каждому человеку, не были присвоены [и] чтобы их все принесли. Говорят, [что] из каждого рода [вещей] нагромодили груды. Было [этих] груд без счета.

Через два дня прибыл [Саин-] хан, увидел эту победу. Принесли всю эту добычу [и] преподнесли [ее Саин-хану]. Очень был [тот] обрадован [и] очень восхвалял Шайбан-хана. Затем, когда прибыл [Саин-хан и] устраивал корунуши, много различных милостей и благоволение оказал он Шайбан-хану // и сделал [ему] пожалования. Всю попавшую [им в руки] добычу [он] пожаловал Шайбан-хану, [а тот] всю ее подарил своему войску. Наутро [они] двинулись в путь [и затем] пришли в вилайет Маскав. Там они находились несколько месяцев, устроили дела вилайета, взыскали мал [и] харадж²⁴, поставили даруга²⁵ [и] хакимов²⁶ и с победой и одолением вернулись в свой вилайет.

Между тем, до того как они вернулись, нукеры²⁷ Иджан-хана подняли мятеж против своего господина и убили Иджан-хана вместе со всеми его огланами. Когда это известие пришло к Саин-хану, он держал глубокий траур. После того как он прибыл домой и дал поминальное угощение, он снарядил войско и пошел походом на этого врага. А те не были в состоянии оказать сопротивление, и их великие бежали. Все другие роды и племена [Саин-хан] переселил к себе, присоединил к своему элю и каждый аймак²⁸ отдал какому-либо беку в качестве кошуна. По той причине вплоть до настоящего времени остался обычай предавать мечу мятежников и врагов.

И вот, когда Саин-хан овладел [всеми] этими вилайетами и этими элями, то роздал он затем всем своим родственникам роды и племена и назначил [им] земли и юрты. Но, когда он советовался со своими беками в то время, когда давал Шайбан-хану роды и племена и давал вилайеты, беки его сказали: «Этот человек сделал очень большое дело. И теперь он заважничал.

Не подобает, дав ему роды, племена и вилайеты, держать [его] при себе. К тем тридцати тысячам человек, [которых ты] недавно выделил ему, добавь еще войска и пошли того человека в непокоренные вилайеты. Пусть любой вилайет, который он подчинит, будет его». Слова эти понравились [Саин-]хану, добавил он к тем, выделенным [Шайбан-хану] тридцати тысячам человек, еще десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев и отправил [его], назначив в вилайеты Крыма²⁹ [и] Каффы³⁰.

[Глава третья]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ШАЙБАН-//ХАНЕ

Много удивительных и поразительных дел совершил Шайбан-хан. Одно дело из того числа припомнили мы в этом кратком сочинении. Это одно дело его таково.

В вилайете Крыма есть мощная крепость из гранита под названием Кырк-Йер³¹, мощь и неприступность которой известны во [всем] мире. Несколько лет [Шайбан-хан] осаждал [ее и] штурмовал, [но] взять не смог. Наконец он повелел: «С вечера и до зари бейте друг о друга любые предметы, которые издают звон!». [Люди его] взяли [такие вещи] в обе руки и начали бить [ими] одна о другую, и начали бить они в медные котлы, подносы и чаши. Среди войска поднялись такие гвалт и грохот, что задрожали земля [и] небо [и] оглохли уши. Осажденные в страшной панике начали метаться во все стороны, вопрошая, что же случилось. В ту ночь тот гвалт и грохот не стихали до зари, а осажденные не ложились спать. Когда заря занялась, [осаждающие] перестали [шуметь]. Когда опять настал вечер, они опять, как прежде, учинили гвалт и грохот. Неделю [или] около десяти дней поступали они так. От бессонницы осажденные до такой степени изнемогли, [что] начали говорить: «Если бы они намеревались что-то предпринять, [то уже] предприняли бы. Вероятно, есть у них в такое время года такой обряд и [такой] обычай», – и успокоились. Когда Шайбан-хан узнал, что они успокоились, он собрал свое войско. Говорят, что та крепость находилась на голой скале. В эту ночь [осаждающие] шумели и кричали больше [чем обычно]. С четырех сторон крепости заложили подкопы. До зари проложили [такой] подкоп, через который мог бы пройти человек. Осажденные из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок [и] не сумели

обнаружить [подкопа]. Когда подкоп был готов, [осаждающие] бросились на штурм ворот. Осажденные прибежали к воротам. Один отряд бахадуров назначили на тот подкоп. [Бахадур] выбежали из того подкопа, // бросились в крепость и взяли ее. Мы расспрашивали путешественников, видевших ту крепость; они сказали, что [и сейчас] еще сохранились следы того подкопа.

Затем [Шайбан-хан] пошел походом на вилайет Улак³² и захватил его. Затем пошел походом на вилайет Корал. Корал – очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался. И сейчас [еще] есть потомки государя [вилайета] Корал. Шайх-Ахмад-хан несколько лет был там в плену, затем опять благополучно выбрался [оттуда] и пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан³³. Он рассказывал: «Каких бы только омаков ни были эли в нашем узбекском народе, изо всех них есть там [такие же омаки]: ушли вместе с Шайбан-ханом и там остались».

И вот, когда закончили мы рассказ о Шайбан-хане, мы опять подошли к рассказу о Саин-хане. Саин-хан стал великим государем в вилайете Дашт [-и Кыпчака]. Несколько лет он правил в счастье и благополучии. Когда настал смертный час и он ушел из мира, у него было два сына. Имя одного было Сары-Так³⁴, имя другого – Туган³⁵. Сары-Так умер раньше его самого в возрасте восьми лет. Остался [без отца] малолетним также [и] Туган. Беки в согласии послали гонца к Хулагу-хану. Послали ножны без сабли и рубаху без ворота, то есть эль остался – государей у него нет, женщины остались – мужей у них нет.

Когда Хулагу-хан услышал это известие, он выступил в поход, пришел в вилайет Ширвана³⁶ и, снарядив большое войско, послал [его] вместе [с гонцом]. Пока это войско приближается, мы подошли [к рассказу о] Берке-хане³⁷ – да пребудут над ним милость и благоволение [Аллаха]!

[Глава четвертая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БЕРКЕ-ХАНЕ

Упомянутый [Берке-хан] – да будет над ним милость [Аллаха] – знаменит [тем, что] с рождения матерью был мусульманином. Когда он появился на свет, он не сосал молока [ни] своей матери, // [ни] молока других женщин-немусульманок. По этой причине показал [его Йочи] своим колдунам и ведунам. Когда те сказали: «Он – мусульманин. Мусульмане не сосут молока женщин-немусульманок», – то разыскали и доставили женщину-мусульманку. Ее молоко он начал сосать.

Когда через несколько лет после этого события его отец Йочи-хан умер, он пришел в город Сыгнак³⁸, не будучи в состоянии находиться среди неверных. Когда [же] он пришел в этот вилайет, то, прослышав о достохвальных качествах Шайх ал-'алам Шайх Сайф ад-Дина Бахарзи³⁹, который был [одним] из халифа хазрата полюса полюсов Шайх Наджм ад-Дина Кубра⁴⁰, со страстным желанием и любовью прибыл к нему на служение и в течение нескольких лет ревностно стремился овладеть крайней степенью [духовного] совершенства святых. Он все еще находился на служении у шейха в то время, когда умер Саин-хан [и] беки его в согласии послали гонца к Хулагу-хану.

Однажды хазрат шейх сказал Берке-хану: «О, сын [мой]! Такое последовало повеление от Господа Всевышнего: «Отправляйся и правь в юрте отцов [своих]!» [Тот сказал]: «Обрету на службе у вас. Еще отправлюсь и обреку себя на правление этим [тленным] миром и его тяготы». Когда [же] шейх сказал: «Нет спасения от суда Господа Всевышнего, коль попадешь ты в передрагу, коль примешь муки ее», – то упомянутый хан так же оказался в безвыходном положении и согласился. Несколько дней он готовился [и затем] отправился. Хазрат шейх проводил [его] из Бухары до Кара-Куля⁴¹. Хан

пешком шел при поводе [коня] шейха. Из Кара-Куля шейх, благословив [Берке-хана], вернулся, [а] хан // отправился в вилайет Дашта.

Когда вилайет Дашта подчинился Берке-хану, то большую часть неверных он обратил в ислам. Некоторые говорят, что правил он тринадцать лет, а другие – шестнадцать лет. Затем он соединился с милостью бога. Потомства от хазрат хана не осталось. Выше было упомянуто, [что] у Саин-хана было два сына: один был Сары-Таки, другой – Туган. Сары-Таки // умер раньше своего отца в возрасте восьми лет. От Тугана [же] остались два сына: одного звали Туда-Манги⁴², а другого-Мунк-Тимур⁴³. [Когда умер Берке-хан], этот Мунк-Тимур был маленьким. А Туда-Манги, хотя [и] достиг он совершеннолетия, был, однако, слабоумным, очень поврежденным рассудком человеком. Не найдя никого кроме него из потомства Саин-хана, беки, объединившись, сделали ханом упомянутого [Туда-Манги]. Много о нем странных и удивительных преданий и необыкновенных рассказов. Но [лишь] один [или] два рассказа вспомнаны в этом кратком сочинении.

Рассказывают. Прибыли однажды послы от верховного (?) хана. Этому хану [Туда-Манги] беки его все вместе сказали: «Пришел этот посол, приехавший издалека. Не вздумай пороть при нем ерунды. Спроси, здоров ли хан; спроси также, благоденствует ли эль. Больше не спрашивай ничего». Еще сказали: «Вы не вольны поступать по собственному усмотрению. К ногам вам мы привяжем веревку и кто-нибудь заберется под трон и пусть сидит [там] и держит эту веревку. [И] всякий раз как вы, забыв про наши наставления, начнете пороть ерунду, пусть дергает он ту веревку. [И] тогда вы переставайте говорить». Сказали они [так], и он согласился. Говорят, [что] хорошим в нем было то, [что], несмотря на свое помешательство, он соглашался со всем, что беки, объединившись, наказывали ему, и из повиновения им не выходил. Потому правил он в вилайете Дашта восемнадцать лет.

Эдигу-бий – да помилует его Аллах – говаривал: «Если решите вы накликать беду на вашего врага, творите такого рода молитву: «О Боже единый! Лиши разума врага моего. А еще, сделай [так, чтобы] не внимал он и словам разумеющих!». [Такою] молитву творите». // Говаривал он [также]: «Если кто-то сам не разумеет, [но] внемлет словам разумеющих, то он уже и разумеет. Нет в том разницы!»

Одним словом, наутро дали послу аудиенцию. [Туда-Манги-хан] спросил, здоров ли хан. Спросил, благоденствует ли народ. Потом спросил: «Много ли мышей в вашем эле?». [Посол] сказал: «Много». Потом еще спросил: «Много ли дождей бывает в вашем эле?». [Посол] сказал: «Да, много выпадает».

Тот, державший [в руках] веревку, человек увидел, что [хан] начал заговариваться. Он дернул веревку. [Тогда] хан сказал послу: «Спросил бы тебя еще о чем-нибудь, да меня дергают за ноги». Беки тут же забрали посла, удалились с [аудиенции] и проводили [его], преподнеся коня [и] шубу.

Вернувшись, тот посол явился на служение к своему государю. Когда хан тот спросил: «При каких обстоятельствах видел ты нашего брата-хана и что за человек он?», – посол сказал: «Был на аудиенции лишь один раз. Как следует не разобрал. На той аудиенции спросил он о вашем здоровье и спросил о благоденствии народа. Еще спросил: «Много ли мышей в вашем эле?» Я сказал: «Да, много». Еще спросил: «Много ли дождей выпадает в вашем эле?» Я сказал: «Да, [много] выпадает». Еще сказал: «Спросил бы тебя еще о чем-нибудь, да дергают меня за ноги». Потом беки сразу же поднялись и удалились [с аудиенции]. Удалился и я. Вот так я видел хана». Хан этот и беки его поразмыслили над этим рассказом и сказали: «[Это] хорошо, что он спросил, много ли дождей выпадает, потому что всем народам от дождей бывает благо. И не плохо также то, что он спросил про мышей: от них всем бывает вред». Но сколько ни

размышляли они, [так и] не смогли уразуметь его слов: «Дергают веревку». [Так] рассказывают. <...>

Некоторые рассказывают, [что] был он ханом восемнадцать лет, [а] некоторые – [что] ханствовал он восемь лет. Затем, когда возмужал младший брат его Мунк-Тимур, сам он и поступил по справедливости, сказал он: «Сколько времени уже, из-за отсутствия [достойного] человека, признавали вы меня ханом. И вы мучились, мучился и я. Теперь [вот] младший брат мой, слава [Аллаху], вырос. Я доволен вами. Сделайте ханом моего брата», – и сам отказался от ханствования. И беки его обрадовались этим словам [и] подняли ханом младшего брата его Мунк-Тимура.

[Глава пятая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О МУНК-ТИМУР-ХАНЕ

[Мунк-Тимур-хан] был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. Во время Мунк-Тимура народ жил в большом благоденствии. За чрезвычайную доброту его дали [ему] имя Колук-хан. Так [вот и] знаменит [он под именем] Мунк-Тимур-Колук-хан. Рассказывают, [что] ханствовал он тринадцать лет, [а] затем скончался. От него остались два сына. Одному из них именем [было] Токтага⁴⁴, другому – Тогрул⁴⁵. После смерти их отца ханом стал Токтага.

[Глава шестая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ТОКТАГА-ХАНЕ

Этот Токтага-хан был очень великий государь. Среди огланов Саин-хана мало было [таких] государей, которые могли бы сравниться с ним. Рассказывают, [что] у него был такой пышный стол, [что] ежедневно для него, помимо коней, коров, овец и других животных, готовили девяносто кабанов. Был у него сын по имени Эль-Басар. Он [Токтага-хан] истребил своих родственников и свое потомство, всех их, опасаясь, что после его смерти они затеют с ним [Эль-Басаром] свару за ханствование. Убил даже младшего брата своего Тогрула. Некоторые, однако, говорят, [что] Тогрул умер сам от болезни. Была у Тогрула жена по имени Келин-Байалин⁴⁶. Красивая была. Когда умер Тогрул, у нее был сын. Увидела она, что из-за сына избивает Токтага-хан своих родственников. С несколькими человеками отправила [ребенка] в бега, отослала в Черкесские горы. Знаменитый Узбек-хан – да будет над ним милость [Аллаха] – [и] есть тот оглан. Немного спустя взял [Токтага-]хан Келин-Байалин в жены. Очень любил он ее. Прошло несколько лет после этих событий. Рассказывают, [что] хану было девяносто лет: в десять лет стал он ханом, восемьдесят лет ханствовал. Некоторые рассказывают, [что] ханом стал он в двадцать лет, ханствовал семьдесят лет. Когда жизнь его подошла к концу, то, короче говоря, умер раньше него самого сын его, которого оберегал он, чтобы стал он ханом после него. Очень скорбел он, что был [вот] у них сын, а он, опасаясь, что затеют после него свару с ним за ханствование, полностью истребил свой уруг⁴⁷, [а] также [и] из-за того, что когда] и сам он от старости достиг предела жизни своей, [то] и сын этот умер раньше него самого, [и] что за страдание и мука от того. В конце концов от скорби этой заболел он, и болезнь его затянулась.

Однажды лежал он в постели, ворочался с боку на бок и стонал. Келин-Байалин поняла, почему он стонет [и] сказала: «Болели вы постоянно. [Но] почему [же именно] сейчас вы стонете?» Когда хан сказал: «Как же мне не стонать?! Истребил я полностью свой уруг, опасаясь, что затеют свару с моим единственным сыном Эль-Басаром за ханствование. И с сыном моим приключилось то же самое, и меня самого настигает смерть. Уйдет [теперь] юрт мой к чужаку. От того мои страдания», – Келин-Байалин сказала: «Сделала я кое-что вопреки вашему указу. Если простишь ты мой проступок, я расскажу». Хан тут же поднялся, сел и спросил: «Что же ты сделала?» И от радости по-

чувствовал себя [Токтага-] хан так, будто и не болел [он вовсе], когда ответила [ему Келин-Байалин]: «В то время, когда умер ваш младший брат, был от него сын. Опасаясь, что вы убьете, отправила я [его] в бега, отослала в Черкесский вилайет. Теперь ежегодно приходят вести о его благополучии. [Исполнилось] ему в этом году четырнадцать лет. Он приехал бы, наверно, если бы приказали вы и послали [за ним] людей». За радостную весть подарил [Токтага-хан] Келин-Байалин туман⁴⁸ в две тысячи [человек]. Наутро созвал он беков, дал Кыйат Исатаю и Сиджут Алатаю сорок тысяч человек и отправил [их] за Узбек-ханом – да будет над ним милость [Аллаха].

[Однако] до того, как они вернулись, Токтага-хан скончался. Был [некто] по имени Баджир Ток-Буга⁴⁹ из омака уйгур⁵⁰. [А уйгур] был эль с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, и был он также аталыком хана. Шайтан попутал [его] – ведь был он черный человек – провозгласил себя он ханом. И взял также в жены Келин-Байалин и других жен хана. Некоторые [же так] рассказывают. Баджир был уйгур, [а] Ток-Буга-нутин. Похоже, [что] это утверждение ошибочно, так как трудно, чтобы в одном месте из двух [разных] родов два [человека] одновременно были ханами. Вернее, что имя его было Баджир, а прозвище – Ток-Буга.

Словом, этот Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом, женился на женах [Токтага-] хана и подчинил себе весь народ.

В это время те уехавшие беки вместе с хазрат Узбек-ханом пришли к берегу [реки 'Идил?]. Получили известие, что [Токтага-] хан умер и [что] Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом и подчинил себе весь народ. Очень они растерялись и встревожились от этого известия и устроили совет относительно того, что можно бы им было предпринять. Когда Кыйат Исатай⁵¹ сказал: «И прежде он был человеком с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, теперь же его признал весь народ. Не выйдет у нас дело, если мы сейчас, отсюда уже, обнаружим враждебность. Давайте попробуем с помощью какой-нибудь уловки добраться до него, а там что придет нам на ум, [то и] сделаем», – все согласились с этими словами и отправили [к Баджир Ток-Буге] гонца. [Так они] говорили: «Наш господин хан посылал [нас] по своему делу. [Сейчас] мы везем сюда того человека. Этот человек также потомок многих поколений ваших повелителей. Не нужно было вам так поступать. Теперь [же] вы сами в соответствии с вашим достоинством провозгласили себя ханом. Вам покорился и подчинился весь народ. И мы точно так [же] покорились [и] подчинились вам. Мы [и] не помышляем о непокорности. Да если и помыслили бы, то откуда у нас силы?! Этот [человек] – мальчишка. Привезем [его] и передадим вам. Как вам заблагорассудится, так, вероятно, вы и поступите». Отправили [гонца], наказав [ему передать Баджир Ток-Буге]: «Нет у нас потому желания разлучаться с нашим домом и элем».

Когда гонец их прибыл, [Баджир Ток-Буга] чрезвычайно обрадовался, встретил [его] и обласкал. И он тут же отослал его [назад] вместе со [своими] людьми. Отослал [он его], сказав: «Я поступил так потому, что опасался, как бы кто-то другой до их прибытия не поднял головы и не пожелал ханства.

Допустимо ли, чтобы возжелал я стать ханом, когда есть сын моего повелителя? Пусть государь приезжают. Что ханство это, что народ – все их!». Как только слова эти достигли их, так тут же они пустились в путь. [Но] до их приезда Баджир Ток-Буга и беки его устроили совет и договорились: «Когда войдут они в двери вдовьей ставки, изольют они горе [свое в воплях]. Мы нападём после того, как они изольют горе, [вознеся вопль] «чдв-чдв» [лишь] дважды».

Одним словом, такой уж обычай у калмаков. Когда умирает у них государь или [какой-то] великий [человек], то приезжают они толпа за толпой, каждый род их отдельно, и изъясляют скорбь, вознося вопль «чāv-чāv» трижды. И поныне существует еще тот обычай среди них в Улуг-Таге.

В один из дней Узбек-хан и беки его ехали, когда не наступил еще рассвет. На встречу им попался какой-то человек, [который] проехал мимо [с] устрашающим криком: «Скажи «чāv» и скажи «чā». Произнес один раз и проехал. [Те] не придали значения [его словам]. Когда он вновь произнес [свои слова] вторично, Кыйат Исатай спросил: «Что за слова ты говоришь?» Тот человек ответил: «Мое имя – Сангусун. Поймешь ты остальное».

Кыйат Исатай сказал про себя: «[У него] есть что-то сказать», – поехал следом за этим человеком и сказал: «Расскажи мне. Что это за секрет?». Тот сказал: «Баджир Ток-Буга и беки его сговорились, посоветовавшись, напасть и перебить вас после того как вы приедете, войдете в двери ставки и изъявите скорбь, дважды возопя «чāv-чāv». Если вы не ринетесь и не нападете на них, возглася [лишь] один раз «чāv», то конец вам – стигнули все вы. Суть этой тайны моей такова, [как] сказал я тебе». Когда передал Исатай весть эту бекам своим, решили они, что следует им начать действовать, возгласив «чāv» [лишь один раз].

Наутро двинулись они и прибыли к месту, где находилась ставка. Баджир Ток-Буга сидел на троне в ставке, [а] беки его и нукеры стояли на страже перед дверью. Подъехали они, спешили перед дверью и, возопя единожды «чāv-чāv», вскричали «чā» и ринулись на Баджир Ток-Бугу. Не успел он подняться [с трона], как подскочил [к нему] Исатай и рубанул его по шее, [да так, что] голова его отлетела на целый шаг. Алатай насадил [ее] на кинжал, поднял высоко [над собой] и когда закричал: «Вот [она] голова вашего повелителя! Не двигайтесь со своих мест!», – все оторопели [и так и] застыли [на своих местах]. Потом носили эту голову по куреням и возглашали: «Воцарение черных людей с этой поры да прекратится!».

Когда убили Баджир Ток-Бугу, подняли ханом хазрат Узбек-хана, и воссел он на троне. <...>

[Глава девятая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БЕРДИБЕК-ХАНЕ

Стал ханом на троне отца своего сын его [Джанибек-хана] Бердибек. Очень глупым и безрассудным человеком был этот Бердибек. Убивал он своих родственников и огланов своих в страхе, что оспорят они ханство у него.

Говорят, был человек с многочисленными и сильными родичами по имени Канглы Тулубай⁵². Был он аталыком хана. Не преступал [хан] слов его, что бы ни говорил тот. Был у него сын по имени Сумай. Богатырь-стрелок он был. Разбойничал тот Сумай во время Джанибек-хана. Убил его по той причине хан – да пребудет над ним милость [Аллаха]. Тулубай в злобе за этого своего сына подавал [Бердибек-хану] такой совет, внушал: «Ты сейчас – молодой человек. Сыновья, народившиеся у тебя в эту пору, будут расти [с тобой] наравне. Ты будешь стареть ото дня ко дню, они [же] – мужать. Оспорят они и отберут у тебя ханство завтра, когда состаришься ты. [Так] убивай [же] их сейчас. Как начнешь стареть, тогда и оставишь [их в покое]». И тот злосчастный слушался его и убивал [своих сыновей]. Называют его по этой причине Керкин-Кцтдн-хан.

В его время было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы. [Бердибек-] хан со своими внутренними [людьми] находился в Сарае. Три года был он государем в городе Сарай, затем скончался.

Тай-Туглы-бегим, которая была знаменита, жена Узбек-хана [и] мать Джанибек-хана – была жива в то время, [когда] не осталось никого из потомства Саин-хана. Сказала [тогда] упомянутая бегим: «Теперь ханство и юрт достанутся потомству Шайбан-хана».

Был в то время сын Маһгута из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хызроглан. Юрт Маһгута, назначенный [ему] Саин-ханом, находился в [местности] под на-

званием Ак-Куль⁵³. Мы упоминали уже выше, почему [Маһгутай] отделился от прочих огланов [Йочи] и находился в своем юрте. Одним словом, упомянутая бегим призвала Хызр-оглана и сделала [его] ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая. [Но] пусть рассказ этот [пока] прервется на этом месте. <...>

Подошли мы теперь к рассказу о Хызр-хане. Когда Тай-Дуглы-бегим призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет [и] пожелала выйти замуж за [Хызр-]хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у него бек из [племени] найман по имени Кутлуг-Буга, который воспротивился этому. Сказал он: «Она – человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]. Проучи ее. Не женись!» Послушался он его слов и не женился.

Когда почуяла бегим, что не возьмет он ее в жены, начала она оказывать [ему] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками⁵⁴, то прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: «Пусть так не поступают. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] – сокровище. Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не разрушают!» Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала, в свою очередь, злобой на [Хызр-]хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его. Хан ушел назад и снова пришел к Ак-Кулю. Подняла [тогда] ханом та самая бегим кого-то под именем Кельдибека. Другие беки называли его Лже-Кельдибеком. Все говорили: «Кельдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!»

Когда эль не подчинился ему [Лже-Кельдибеку], подняли ханом [человека] по имени Базарчи⁵⁵, который был из потомков Боавула. Был в то время Сиджуд ‘Али-бек, из старших беков. Полагая, что не покорится он этому Базарчи, вызвала его [бегим], привели [его и] убили. У ‘Али-бека был сын по имени Хасан. Когда тот бежал и пришел к сыну Конграта Нагадая Ак-Хусайну, который был хакимом вилайета Хорезма, [а] этот Хасан был ему племянником, [Ак-Хусайн] пришел в ужас от этих непристойных поступков бегим и отрекся от нее.

Направил тогда Ак-Хусайн посла к Хызр-хану, сказал: «Совратилась эта женщина на путь шайтана, такие-то [вог] дела творит. Мы же – отrekliсь от нее. Мы выступим против нее, если проявите вы великодушие и станете во главе!» Он также был человеком мстительным – хвала [ему] великая! Ак-Хусайн собрал воедино войско Хорезма, пришел к Ак-Кулю, упомянутого [Хызр-] хана поднял ханом и пошел походом на вилайет Сарая. Под Сараем произошла битва. Базарчи [и] бегим были схвачены. Посадили бегим в крытые санки, полость крепко завязали и, заложив [в санки] бешеного жеребца, отпустили на все четыре стороны. Этот бешеный конь понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. Узбеки⁵⁶ говорят: «Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан». Обстоятельства этого – таковы.

Когда, убив ее [бегим], Хызр-хан во второй раз стал ханом, то был он государем в течение полутора лет. Был у него дурной сын по имени Бурут⁵⁷. Не стерпел он, что ханом был его отец, внезапно заколол [его и] сам стал ханом. Не прошло двух-трех дней, [как] убили и его. После того случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился. Большая часть эля ушла в вилайет Крыма к Кыйату Мамаю. Повествование это здесь закончилось.

Опять подошли мы к рассказу о Кара-Ногае. Три года был Кара-Ногай государем на берегах Сыра, правил вилайетами Туркестана⁵⁸. Через три года он скончался. Ханом стал младший брат его по имени Туглы-Тимур⁵⁹. В ддфдтре, который находится у гордости султанов хазрат Дост-султана, говорится, [что] Туглы-Тимур этот стал ве-

ликим государем, правил Самаркандом и Бухарой. Срок его правления, однако, не известен.

После него ханом стал Урус, сын Бадык-оглана. Урус-хан этот стал великим государем, правил вилайетами всего Туркестана. Тохтамыш-хану и Тимур-Кутлы-хану в то время ханствования не доставалось. Находились они на служении у этого названного хана. Так как по милости божьей замечен был в особе Тохтамыш-оглана царственный фарт, то нукеры [Урус-]хана и другие люди невольно склонялись к этому названному оглану. По этой причине упомянутый хан люто возненавидел Тохтамыш-оглана и решил погубить [его].

Ту зиму [Тохтамыш-оглан] пробыл на службе [Тимур-] бека. Пришла весна, и [Тимур-] бек дал ему несколько человек. Когда [Урус-хан] шел на летовку, [Тохтамыш-оглан] нагнал его эль и отогнал табун. Погоня настигла их и в бою разбила. Опять возвратился он к [Тимур-] беку. Словом, казаковал [вот так] Тохтамыш-оглан, отгонял от эля [Урус-]хана табуны и совершал набеги на эль.

Ширин, барин⁶⁰, аргун⁶¹ [и] кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш-оглана. [И когда] оглан этот самый, подвизаясь в казаках, начал творить такие [вот] дела, сорви-головы, лихие молодцы из этих элей потянулись к нему в нукеры и начали поддерживать [его]. Начал творить жестокие насилия над этими элями и Урус-хан. В свою очередь, и они послали [тогда] человека с наказом к Тохтамыш-оглану: «Из-за тебя изливает гнев [Урус-] хан на нас и отбирает у нас скот. Беда нависла уже и над нашими головами. Если не сумеешь ты как-то позаботиться о нас, [то] руки наши [вцепятся в] твой ворот, когда грянет день страшного суда!» Расстроился Тохтамыш-оглан, когда услышал эти слова, и сказал посланцу: «Как двинетесь в этом году на летовки, кочуйте позади [всего] эля. На летовку располагайтесь на берегу такой-то реки и готовьтесь. Бог даст, буду жив, проберусь к вам непременно!»

Когда наступила весна, [Урус-] хан отправился на летовки. Следом за [всем] элем перекочевал и этот эль. Когда достигли летних пастбищ, каждый эль ушел на берег [какой-нибудь] речки. Эти эли расположились летним кочевьем на берегу обусловленной речки. Люди пили кумыс и предавались удовольствиям и развлечениям. В это [-то] время Тохтамыш-оглан [и] пробрался [тайно] в этот эль. Поскольку, как было договорено, они заранее подготовились, [то] каждый глава семьи заложил в телегу пару коней, посадил своих детей, и бежали они в направлении реки 'Идил.

[Лишь] через два дня до [Урус-] хана дошло известие, что Тохтамыш-оглан забрал [эли] ширин, барин, аргун, кыпчак, а также и прочие свои эли и ушел к реке 'Идил. Хан немедленно выступил с людьми, что находились при нем, разослал по сторонам гонцов и пустился сам в погоню за этими [бежавшими] элями. Эли [же Урус-] хана [в то время] рассеялись по летовкам. Была пора, когда кони разжирели. [Урус-] хан стремительно продвигался вперед. Войско дальних элей не успело к хану, а у ближних элей кони их также разжирели.

Когда [Урус-] хан почти настиг их [бежавшие эли], при нем осталось мало людей, было их человек двести, самое большее – человек триста. На закате прискакали караульные этого [бежавшего] эля, увидев [вдали облако] пыли, [поднятое отрядом Урус-] хана. Они [беглецы] устроили совет и единодушно решили: «Они подходят на заморенных конях. Скоро ли, нет ли, но как только нагонят, они [тут же] нападут на нас. Мы – смертники. Так умрем же перед нашими семьями. Иначе, да не сгинет наше семья! Отделим Джалал ад-Дин-султана⁶² и Иахшы-Ходжу с привычными уже к жизни в седле мальчиками и выделим им человека, знающего пути-дороги. Пусть ведет [он их] рядом с нашим отрядом на расстоянии голоса. Если врага одолеем мы, они узнают [это] по нашему урану и нагонят нас. Если враг одолеет нас, то это станет ясным из их урана. [И] пусть они попытаются [тогда] без промедления спастись бегством!» Они отделили

Йахшы-Ходжу, а он был старшим сыном Урик-Тимура, и еще несколько привычных уже к жизни в седле мальчиков во главе с Джалал ад-Дин-султаном. Джалал ад-Дин-султану было тогда двенадцать лет. Около того было и Иахшы-Ходже.

Этой ночью они ехали сбоку от основного отряда примерно на расстоянии голоса. Когда минула одна стража ночи, [Урус-] хан нагнал их. Свои повозки они пустили впереди себя, [а сами], приняв боевой порядок, ехали следом. [Урус-] хан сказал: «Этих людей больше, чем нас. Плохо будет, если вдруг светает и они увидят, как нас мало. Так ночью же давайте и нападём [на них] с криком. Они не поймут, сколько нас, и побегут». И они напали с боевым кличем. Когда [люди Урус-хана], атаковав, отошли, под Урик-Тимуром пал конь и он завопил: «Эй, подлый Тохтамыш, такой ли был у нас уговор?! Я [же] остался [без коня], когда они повернули назад!» В тот момент те мальчики стояли в одном месте, натянув поводья своих коней, и вслушивались. Йахшы-Ходжа узнал голос своего отца и сказал Джалал ад-Дин-султану: «Видишь? Это [же] мой отец! Его схватили. Сейчас схватят и твоего отца. Что за жизнь будет у нас, зеленых юнцов, без отцов?! Разве не лучше умереть заодно и нам?!» И тогда Джалал ад-Дин-султан и эти мальчики, при поддержке Аллаха Всевышнего прискакали к основному отряду, каждый из них как отважный витязь выкрикнул боевой клич, [и все они] разом погнали коней в карьер (на врага). Люди [Урус-] хана с перепугу натянули поводья [коней]. Тохтамыш-оглан галопом примчался назад, ринулся [на врага и], подняв к себе на коня [Урик-Тимура], ускакал. Кони под людьми [Урус-] хана были заморенные, [потому] многих из них так-то вот и взяли. Полагая, однако, что позади него [Урус-хана] находится его основной отряд, [люди Тохтамыш-оглана] далеко преследовать [людей Урус-хана] не посмели. Захваченных там [же] побили стрелами, [а сами], захватив их коней и снаряжение, двинулись дальше следом за своими [основными] силами.

Далеко бежали ускользнувшие от плена люди [Урус-] хана, [но, наконец] собрались, смотрят, [а] хана нигде нет. Один из них сказал: «Был я рядом с ханом, видел, как налетели двое и схватили его. А что с ним случилось потом, не знаю». Повернули [все они] назад, приехали на место битвы [и] нашли труп хана. Тотчас же забрали его тело и бежали назад по домам. Также и те [беглецы] в страхе, что [Урус-] хан их настигнет, бежали в другую сторону.

Таковы обстоятельства гибели Урус-хана. Узбеки говорят: «Когда Джалал ад-Дин-хан был мальчиком, он во время боя Урус-хана с его отцом напал сбоку во главе группы мальчиков, разбил и убил Урус-хана». Так это было.

Затем [Тохтамыш-оглан] выступил в путь и пришел к реке 'Идил. В городе Сарае не было ни хана, ни султана. Пришел, взял Сарай и, воспользовавшись случаем, прочитал в пятничной мечети хутбу⁶³ [на свое имя и] стал ханом.

[После этого он] выступил в поход и пошел на Кыйата Мамай. Пришел навстречу с большим войском и Мамай. Произошло жестокое сражение. Войско Мамай было разбито, а сам он был схвачен. Убили [его]. Эль-кун его забрали и привели на берег реки 'Идил. На этот раз в городе Сарае на троне Саин-хана Тохтамыш-хан стал великим государем.

Большая часть элей, оставшихся от Джанибек-хана, была у Мамай. [Тохтамыш-хан] убил Мамай, забрал его эли и нукеров и, когда пришел в вилайет Сарая, то люди, которые повсюду в вилайете Дашт[-и Кыпчака] своевольно подняли головы, волейневолей явились сами и покорно стали нукерами. Пришел и упомянутый Кан-бай. [Тохтамыш-хан] дал ему место в устье Тана, потому что то было место, которое тот сам дал [ему прежде]. Но с 'Араб-огланом он виделся постоянно. Отвел [ему] кочевье на правом крыле, усадил рядом с собой и устроил конные состязания. На том празднестве пели песни джатба⁶⁴:

«На Коксдее стал ты ханом.

Не хвастай, [что] повел [ты людей] за собой.

Раздул [спесиво ты] грудь,
Били мы тебе челом, подолгу стоя кверху задом,
Зачем же ты пришел следом за нашей задницей, Кан-бай!?)»

Одним словом, [Тохтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований ‘Араб-оглану и повелел: «Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака...». <...>

Комментарии к переводу*

¹ Вилайет – административная единица, область в странах Востока – араб., букв, страна, область, провинция (МИКХ. Алма-Ата: Наука, 1969, с.525).

² ‘Идиль (Итиль, Волга) – река вливается в Кулзумское (Каспийское) море. В исторических летописях написано *Атал*, по-могульски ее называют *Идиль* (Тарих-и Рашиди, МИКХ. С.220). «Оставив там обоз и выделив отборное войско, он выступил в набег и отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идила, которую турки называют Туратур...» (СМИЗО. Т.1. СПб., 1884. С.12).

³ Хулагу-хан – сын Тули, внук Чингиз-хана, основатель династии Хулагуидов в Иране; годы правления 1256–1265.

⁴ Самарканд – вилайет, в него входили округа: Бухарский, Кеш, Карши, Хузар, Кермине, Кара-Куль; туманы: Сугудский, Шаурадский (МИКХ. С.537).

⁵ Хорасан – область на северо-востоке Ирана. В то время Хорасан включал в себя северо-восточную часть Ирана, юг современной Туркмении и северо-западную часть современного Афганистана.

⁶ Хисар – область и город в долине к юго-востоку от Гиссарского хребта. При Тимуридах и узбеках был резиденцией фактически независимых правителей. Более прочно власть узбеков установилась здесь со времени Абдаллах-хана II (*Бартольд В.В.* Гисар (Хиссар) // Соч.: в 9 т. М., 1965. Т.3. С.401–402). Сейчас территория Хисара входит в Сурхандарьинскую обл. РУз. и частью, вместе с г. Хисаром, – в Таджикистан.

⁷ Улуг-Таг (Улу-Таг, Улуг-Даг) – часть Алайского горного хребта, массив высоких гор к западу от горного перехода Исфайрам и перевала Кара-Кадык. Протяженность Ала-Тага – 50 км. Горы на западе Карагандинской области, к северу от реки Сарысу.

⁸ Юрт – термин, употребляющийся в источниках в значении «территория», в пределах которой происходило кочевание данной административно-племенной единицы; употребляется также в значении «страна» (МИКХ. С.496).

⁹ Ясак – здесь имеются в виду так называемые «постановления Чингиз-хана» (йаса / йасак. – *Прим. ред.*), т.е. узаконенные им народные воззрения и обычаи, соблюдение которых было обязательно для всех без исключения жителей империи.

¹⁰ Корунуш – церемония представления.

¹¹ Орда – исходное значение слова «орда» – юрта, ханская юрта, дворцовая юрта, парадная юрта, из которого выросло новое значение – «ставка, резиденция хана, правителя» (*Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С.116–117).

¹² Шайбан – сын Джучи-хана, брат Бату.

¹³ Тохтамыш-хан (Токтамыш) – Тукатимурид, который объединил на недолгое время под своей властью левое и правое крылья улуса Джучидов, годы его правления – 1380–1395 гг.

¹⁴ Тимур-Кутлы (Темюр-Кутлуг) – потомок Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Он основал династию астраханских ханов (*Юдин В.П.* Орды... С.123).

¹⁵ Урус-хан (1369–1379) – один из правителей левого крыла Улуса Джучидов.

¹⁶ Кошун – «сотня» – единица в организации войска.

* Текст комментариев значительно сокращен. – *Прим. ред.*

¹⁷ Эль – термин, в источниках и исследователями употребляющийся в различных значениях: племя, племенной союз, народ, государство, держава, страна, орда, объединение аристократии различных племен. Здесь – род, племя.

¹⁸ Джир-Кутлу – личность историческая. По «Чингиз-наме», он также был сыном Кый-ат Исая, а его сын Тенгиз-Буга построил над могилой отца на берегах Сырдарьи мавзолей, в строительстве которого принимал участие отряд Джучидов – «каторжан». Строительство производилось в год смерти Бердибек-хана, т.е. в 1359 г.

¹⁹ Тенгиз-Буга – сын Кыйата Джир-Кутлы, полновластного владельца левого крыла Золотой Орды, который, по сведениям некоторых источников, был убит Урус-ханом. Во время правления Бердибек-хана (1357–1359) Кыйат Мамай увел часть людей Золотой Орды в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга – к низовьям Сырдарьи. Так появилась знаменитая Мамаева Орда и возникла неизвестная еще историкам Орда Тенгиз-Буги на территории Казахстана (Юдин В.П. Орды... С.154).

²⁰ Бердибек-хан (1357–1359 гг.) – сын Джанибек-хана (1341–1357 гг.), имел прозвище Керкин-Котан-хан.

²¹ Мангутай (Мангкутай, Монгатай) – третьим из двенадцати сыновей Шайбан-хана является Кадак-оглан. У него был один сын по имени Тала-Бука. А он, Тала-Бука имел двух сыновей. Их имена Мангутай и Туман-Тимур (СМИЗО. Т.2. М.-Л., 1941. С.55).

²² Сарай – первая столица Золотой Орды, основанная Бату-ханом в начале 50-х гг. XIII в.

²³ Маскав – город Москва.

²⁴ Харадж – термин, относящийся к податной системе, рента продуктами известна, главным образом, под названием «харадж»; синоним этого термина – *маль* (иногда *мал-и харадж* или *хараджи-и маль*, *мал-и галля*) (Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – в первой половине XIX века. Ташкент, 1970. Т.2. С.148).

²⁵ Даруга – монгольский правитель, ханский наместник в городе; в обязанности даруги входило общее управление, наблюдение за правильным поступлением дани, налогов и исполнением повинностей. В XV–XVI вв. термин «даруга» имел более широкое значение – правитель, управляющий, заведующий вообще, начальник над взиманием повинностей в пользу казны, губернатор (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С.471).

²⁶ Хаким – правитель города или области по назначению хана, отправлявший административные и судебные функции.

²⁷ Нукер – монг., букв. друг. Воин, слуга. Термин, обозначавший свободного воина, обязавшегося служить своему вождю. У тюркских народов термином «нукер» обозначался «дружинник», «военный слуга» (МИКХ. С.500).

²⁸ Аймак – равнозначный «омак», «обак», которые означают «племя», «род»; то же и в мусульманских сочинениях XV–XVIII вв. (МИКХ. С.494).

²⁹ Крым – остатки его находятся на месте современного города Старый Крым.

³⁰ Каффы (Кафа) – средневековый город на южном побережье Крымского полуострова в древности, сейчас вновь Феодосия. Во второй половине XIV в. южный берег Крыма был занят генуэзскими городами-колониями, административным центром которых служила Кафа (Феодосия). До 60-х гг. XIII в. представлял собой небольшой поселок.

³¹ Кырк-Йер (Кырк-Ер, Чуфут-Кале) – остатки его в настоящее время известны под названием Чуфут-Кале и находятся неподалеку от Бахчисарая. На протяжении XIII в. город представлял собой автономное феодальное владение, полузависимое от Золотой Орды. В 1299 г. был разрушен войсками Ногай, после чего автономия его была ликвидирована, и он вошел в число золотоордынских городов полуострова. После возникновения Бахчисарая (XVI в.) Кырк-Йер окончательно потерял свое значение (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С.120).

³² Улак – по предположению В.П.Юдина, слово написано так, что его нужно читать как Улак. Однако *харакат* при написании получает вначале утолщение, так что *фатха* ста-

новится похожей на *замма*. Но может быть здесь все-таки фатха, и нужно читать *Авлак*, т.е. *Валах*. См.: Текстологические примечания. Л. 41а, строка 178.

³³ Хаджи-Тархан (Ходжи-Тархан, Азтаракан) – остатками его является городище Шареный бугор, находящееся на правом берегу Волги, несколько выше Астрахани.

³⁴ Сары-Так (Сартак) (1256–1257 гг.) – Сартак, сын Бату-хана правил, вероятно, менее года.

³⁵ Туган (Тукан, Тоган) – сын Саин-хана (СМИЗО. Т.2. С.288).

³⁶ Ширван – располагался между Дербентом и Курой, со столицей в Шемахе.

³⁷ Берке-хан (Беркай, Барка, Барака) – сын Бату (Саин)-хана. По Босворту, Берке-хан правил с 655/1257 г. (*Босворт*, Мусульманские династии. С.203).

³⁸ Сыгнак – район северного и нижнего течения Сырдарьи с городами Отрар, Сайрам, Сыгнак, Дженд – составлял главную часть владений ханов Кок-Орды. Остатки Сыгнака находятся на правом берегу Сырдарьи у г. Яныкурган Кызыл-Ординской области Республики Казахстан.

³⁹ Шайх ал-‘алам Шайх Сайф ад-Дин Бахарзи (1190–1261 гг.) – знаменитый шейх, ученик Надж ад-Дина ал-Кубра, основателя суфийского братства *кубравийя*. Им основана ханака в Соктари под Бухарой (община *кубравийя* при ней активно действовала до конца XVIII в., а ее члены распространили идеи ал-Кубра вплоть до западных границ Китая) (Ислам. Энциклопедический словарь. С.140).

⁴⁰ Наджм ад-Дин ал-Кубра, Шайх Абу-л-Джаннаб Ахмад ибн Умар (1145–1221 гг.) – основатель суфийского братства *кубравийя*, известный персидский теоретик и практик суфизма, поэт. В 618/1221 г. погиб во время взятия монголами Гурганджа, который он защищал со своими учениками с оружием в руках. Его могила находится в поселке Куна-Ургенч. Ал-Кубра создал свою школу мистического пути познания. Он разработал 10 принципов – основ братства *кубравийя* и правила поведения мюрида. Свои взгляды изложил в ряде трактатов на арабском языке (*Бертельс Е.А.* Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. Т.3; *Ислам*. Энциклопедический словарь. С.139).

⁴¹ Кара-Куль – район к западу от Бухары. Город-крепость, расположенный между Бухарой и Чарджоу на Амударье. Сейчас – районный центр Бухарской области РУз.

⁴² Туда-Менгу-сын Тугана, сына Бату. В 681 (11 апреля 1282 – 31 марта 1283 г.) вступил на престол Сарайский после смерти его брата Менгу-Тимура. В 686 (16 февраля 1287 – 5 февраля 1288 г.) Туда-Менгу, царь Татарский в северных областях отрекся от царства (СМИЗО. Т.1. С.122).

⁴³ Менгу-Тимур (1266–1281) – сын Тугана, сына Бату.

⁴⁴ Токтага, Токта – хан Золотой Орды (1290–1312 гг.). Его имя подается в формах Токтай, Токтайга, Тохта, Токтогу, сын Мунка-Тимура, сына Тукукана, 2-го сына Бату.

⁴⁵ Тогрул (Тогрылча, Тоглук, Тулича) – сын Мунг-Тимур-хана, родной брат Токтага (Тохта).

⁴⁶ Келин-Баялии (Баялун) – византийская принцесса, жена Тогрылчи, затем Токты, затем Бачкыр Ток-Буги и, наконец, Узбек-хана. По «Чингиз-наме», она была матерью Узбека. Обращает на себя внимание тот факт, что Узбек, по сообщениям арабских источников, чтобы жениться на Баялун, должен был получить специальное разрешение мусульманских законовевдов, и оно было якобы дано только потому, что его отец был неверным, и брак отца Узбека с Баялун был признан незаконным. Между тем, другие ханы Золотой Орды женились на мачехах по левирату без какого-либо вмешательства мусульманских законовевдов. Факт, естественно, настораживающий. По другим источникам, Баялун не была матерью Узбека.

⁴⁷ Уруг или Урук – имеет значение «семья, потомок, род». Термин в памятниках XV–XVII вв. употреблялся в значении более узком, чем «аймак» или «омак», и обозначал объединение кровных родственников во главе с патриархом, или лицом почему-либо игравшим в объединении главенствующую роль (МИКХ. С.497).

⁴⁸ Туман (Тюмен) – административная единица (феодалное владение), поставляющая тумен войска. Некоторые исследователи считают этот термин в данном случае племенным названием. По-видимому, это не так. Употребление его в восточных сочинениях говорит за

то, что это, скорее, социальный термин, и его обычное значение – десять тысяч, воинское соединение в 10000 чел., район, который мог выставить или содержать 10000 воинов (МИКХ. С.494).

⁴⁹ Ток-Буга (Тула-Бука) (1287–1291 гг.) – Джучид, сын Тукукана, сына Бату-хана.

⁵⁰ Уйгур – одно из крупных племен Дашт-и Кыпчака; уйгуры ушли с Мухаммад Шайбани-ханом в Мавераннахр, позднее расселились в Хорезме.

⁵¹ Кыйат Исатай-бек – могущественный временщик Золотой Орды из племени кыйат, посадивший, по сообщению Кадыр-Али-бий ибн Хушум-бий джалаира, на трон Узбек-хана и возглавлявший в его время, по сообщению Утемиша-хаджи, особый отряд Джучидов. Его потомки пользовались большим политическим влиянием в Восточном Дашт-и Кыпчаке и иногда сосредоточивали в своих руках всю полноту власти (МИКХ. С.493). Кыйат Иса-гуркен, или Иса-курэкан, т.е. Исаханский зять, и Иса-Коркоз, т.е. Иса-Одноглазый, был женат на Иткуджуд-жук, дочери Узбек-хана (СМИЗО. Т.1. С.294). Один из главных вельмож и фаворитов-временщиков Узбека основал линию биев племени кыйат в левом крыле Золотой-Орды, которая после смерти Бердибек-хана (1359 г.) даже узурпировала власть на Сырдарье. Его потомки пользовались широкой известностью в Восточном Дашт-и Кыпчаке и много времени спустя после смерти Узбек-хана (умер в 1341 г.). Например, Бузанджар-бий кыйат действовал в конце XV – начале XVI вв. Был также тестем Узбека – его дочь Ордуга была женой хана (СМИЗО. Т.1. С.295), другая дочь Исатая была замужем за Сиджут Алатаем (Там же).

⁵² Тулубай (Туглы-бий, Тавлубий, Тувлубий) – один из наиболее влиятельных эмиров времени правления Джанибек-хана.

⁵³ Ак-Куль – небольшое озеро на северо-востоке от современного г. Ташауза (Туркмения), озеро, в которое впадает река Желаншик (Джиланчи) (МИКХ. С.543, 546). <...>

⁵⁴ Казаки – как считал В.П.Юдин, слово «казак» появляется в источниках только в послемонгольское время в XIII в. Оно применяется к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений. В тюркских языках слово дало несколько производных: казак – «казак», казаклык кылмак – «казаковать, вести образ жизни казака», казакламак – также «казаковать, вести образ жизни казака». Одним из наиболее ярких свидетелей исходного значения слова казак является известное сообщение Мирза Мухаммад Хайдар доглата о присвоении части узбеков, откочевавших вместе с Гиреем и Джанибеком из Дашт-и Кыпчака в Семиречье, прозвища казак, которое стало затем их народным именем (Юдин В.П. К этимологии этнонима казах (казак) (Рукопись)).

⁵⁵ Базарчи – новый хан Золотой Орды, посаженный на трон Тайдулой. Отдел (потомок. – Прим. ред.) Тангкута, сына Йоджи-хана. У Тангкута было два сына. Их имена – Токуз и Судай. У Токуза было три сына. Их имена – Калмутай, Арслан, Боалкы. И из их потомства Тубай, Базарчи-хан... и сын Базарчи-хана – Тимур-Малик (МИКХ. С.38).

⁵⁶ Узбеки – в XIV и XV столетиях название узбеки употреблялось как собирательное, политическое имя для обозначения местных тюркских и тюркизированных монгольских племен Восточного Дашт-и Кыпчака, а не как этноним (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алма-Ата. Т.2. 1979.С.177; Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С.11–16; Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.547–548).

⁵⁷ Бурут (Мурат, Амурат) – в «Новом Сарая» и «Белад Гюлистане» он чеканил монеты с 762 г. до 764 г. хиджры, который скончался 10 октября 1362/1363 г.

⁵⁸ Туркестан (Яссы, Йассы) – город и вилайет. В конце XIV в. город стал ареной борьбы между Токтамышем и Тимуром. В XVI в. город получил название Туркестан и играл видную роль в истории казахских ханств.

⁵⁹ Туглы-Тимур – о Туглы-Тимуре мы знаем, что он был ханом, но в известных источниках он отождествляется с могулистанским ханом Чагатаидом Туглук-Тимуром.

⁶⁰ Барин – другие варианты этнонима – «байри, барым, бахрим, багрин, баарин». Известное тюрко-монгольское племя, подразделения которого оказались разбросанными по улусу Чагатая. Иль барин отмечен в составе могулов Могулистана для времени Улуг-бека

(Тарих-и Рашиди, Рук. ИВ АН РУз. В 648. С.395). В качестве самостоятельного аймака они упоминаются даже в сер. XVII в. на территории Кашгарии (*Шах Махмуд чорас*, Та'рих, л.74а, 84а; *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Изв. АН КазССР, отделение общественных наук, 1965. Вып.3. С.55).

⁶¹ Аргун – племя, в период правления Абу Саида перекочевавшее из бассейна Сырдарьи в Мавераннахр. Ополчение даштских аргунцев участвовало и во взятии Герата Абу Саидом в 862 г.х. (1457–58). Представители племени Аргун упоминаются также среди савновников Тимурида Ахмад-мирзы (Таварих-и гузидаи нусрат-наме. Рукопись ИВ РАН. С.745; *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья. С.11).

⁶² Джалал ад-Дин, султан (Зелени-султан) – сын Тохтамыш-хана.

⁶³ Хутба – представляет из себя своего рода поучение, которое начинается провозглашением единства Аллаха и призывом к благословию пророка и его семейству; затем следует моление за царствующего повелителя правоверных и в заключение нравственное поучение с цитатами из Корана и изречений Мухаммеда (*Мухаммед Юсуф Муниш*. Мукимханская история. С.239. Прим. 34.).

⁶⁴ Джатба – особый жанр песни.

Из сочинения Ибн Арабшаха

Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад, более известный под именем Ибн Арабшаха, родился в Дамаске в 791/1388 г. Подростком был увезен в плен в Самарканд, где изучил персидский и монгольский языки. Он побывал в Хатайских землях, Хорезме, Сарае, Астрахани, в Крыму и Адрианополе. Вернувшись на родину, вскоре перебрался в Каир, где и умер в раджаве 854 г.х./ август 1450 г. Он составил «Аджа'иб ал-макдур фи нава'иб Тимур» («Чудеса предопределения в судьбах Тимура») – сочинение, написанное рифмованной прозой.

Текст воспроизведен по изданию: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С.455–474; История Казахстана в арабских источниках. I том. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005. С.329–349.

«О возвращении его (Тимура) из Дийар Бакра и Ирака и походе его в степи Кипчакские; описания царей и владений их, да объяснение селений и нутей их...»

Направился он (Тимур) в Дашт-Кипчак, усердствуя по части быстроты и спешности. Он (Дашт-Кипчак) царство обширное, обнимающее степи ужасные; султан его Токтамыш – тот самый, который в войне с Тимуром был во главе султанов мятежных, как знамя: ведь он первый, который выступил против него враждебно, и, противопостав ему в землях Туркестанских, сразился с ним, но был побежден при этом, как сказано выше, Саййидом Барака. Страна Даштская называется Дашт-Кипчак и Дашт-Берке; на персидском языке *дашт* означает «степь», а «*Берке*» – имя приставочное в родительном падеже. Он (Берке) первый султан, который принял ислам и развернул в ней знамена религии мусульманской; (до него) они (Кипчаки) были только идолопоклонниками и многобожниками, не знавшими ни ислама, ни правоверия. Некоторые из них до сих пор еще поклоняются идолам. В этот-то край он (Тимур) двинулся по дороге Дербендской, подвластной Шейху Ибрахиму, султану владений Ширванских... Другая причина похода его (Тимура) в эти владения, хотя в нем и не было надобности, заклю-

чалась в следующем: эмир Идику был у Токтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кунграт. У Тюрков (разные) племена и наречия, как у Арабов. Заметив со стороны своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться за себя, и так как Токтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не застигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. Он стал наблюдать и следить за ним, ухаживать за ним и льстить ему, но в одну из ночей веселья, когда звезды чаш кружились в сферах удовольствия и султан вина уже распоряжался пленником ума, случилось, что Токтамыш сказал Идику – а огонь разума то потухал, то вспыхивал: «(Настанет) для меня и для тебя день, (когда) свергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существования твоего сном от действия гибели». Идику старался обойти его и стал шутить с ним, говоря: «Не дай Бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завянуть деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил». Затем он (Идику) выказал наружно смирение, покорность, убожество и принижение, но, убедившись в действительности того, что он подозревал, он стал изощрять свой ум на счет спасения и употреблять на это в дело проницательность и смелость, понимая, что если оставить без внимания свое дело или отсрочить его, с тем чтобы подождать немного, то (им) займется султан. Он быстро проскользнул между свитой и слугами и вышел в сильном смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, отправился в конюшню Токтамыша в сильном неулегавшемся волнении, устремился на оседланного, породистого, быстроногого коня, стоявшего готовым на всякий случай, и сказал одному из слуг своих, в котором был уверен, что он не выдаст тайны его: «Кто захочет застать меня, тот найдет меня у Тимура; не разглашай этой тайны до тех пор, пока не удостовериться, что я перебрался чрез пустыни». Затем он, оставив его, уехал; хватились его только тогда, когда он уже (далеко) ускакал вперед и верхом постепенно, благодаря милостям пути, успел проехать длиннейшие пространства. Не настигли следов его и не догнали ни его, ни пыли (поднятой им). Он прибыл к Тимуру, облобызал руки его, изложил ему историю свою, поведал ему, что с ним случилось, и сказал: «Ты устремляешься в страны дальние, да в местности дикие и заброшенные, из-за этого подвергаешься опасностям, пересекаешь хребты пустынь и перебираешь книги путешествий, а вот добыча холодная, перед самыми глазами твоими; ты добудешь ее легко и удобно, как тебе будет угодно и приятно. Для чего же мешкать и дремать? Или медлить и отлагать? Поднимись с твердой решимостью, и я тебе порука в том, (что) нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит; нет пресекающего (меча), который отгонит тебя; нет отражателя, который заградит тебе путь; нет супостата, который противостанет тебе, и нет воителя, который сразится с тобой. Там только сброд и сволочь. Богатства же там поддадутся угону, и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!». Он (Идику) не переставал подстрекать его (Тимура) к этому, возбуждать да опутывать его на все лады... Тогда Тимур с величайшей быстротой приготовился к завоеванию Дашт-Берке. Это область исключительно Татарская, переполненная разными животными и Тюркскими племенами, со (всех) сторон огражденная и во (всех) частях возделанная, обширная по объему, здоровая водой и воздухом. Люди ее – мужи (в полном смысле), воины ее – (превосходные) стрелки. По языку это самые красноречивые Тюрки, по жизни – самые праведные, по челу – самые прекрасные, по красоте – самые совершенные. Женщины их – солнца, мужчины их – полнолуния, цари их – (великие) головы, бояре их – (богатырские) груди. Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства. Обычай их – ездить на телегах с уверенностью, не знающей страха. Городов у них мало, и переходы их (от одного привала до

другого) продолжительные. Граница Даштской земли с юга – море Кулзумское (Каспийское), злобное и своенравное, да море Египетское, завернувшее к ним из области Румской. Эти два моря почти что сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними «грань непроходимую». С востока – пределы владений Хорезма, Отрар, Саганак, да другие земли и страны по направлению к Туркестану и землям Джетским, вплоть до границ Китайских, принадлежащих к владениям Монголов и Хатайцев. С севера – Ибир и Сибир, пустыни и степи, да пески (нагроможденные) точно горы. И сколько этой степи, где бродят птицы и звери! Она подобна милости вельмож (нашего) времени: край, до которого не доберешься, и предел, до которого не доплетешься. С запада – окраины земель Русских и Булгарских, да владения христиан-нечестивцев; к этим окраинам прилагают владения Румские, (лежащие) по соседству с землями, подвластными Ибн Осману. Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха и опаски, вдоль до (самого) Крыма, а переход этот (требует) около трех месяцев, в ширину же – море песка, длиною в семь морей, в которых не отыщет пути и вожак и по которому не пройдет самый отважный из сметливых людей. Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника, вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живущих там) людей. Путешествовали они не иначе, как от одного племени до другого, и останавливались только у того, кто (сам) предлагал у себя помещение. Это точно про них говорит стих: «Все они расположились по обе стороны Оказа, а дети их созывают там (друг друга) на игру крича «'ар'ар». Ныне же в тех местах, от Хорезма до Крыма, никто из тех народов и людей не движется и не живет, и нет там другого общества, кроме газелей и верблюдов. Столица Дашта – Сарай. Это город мусульманской постройки, чудная крепость. Описание его будет приведено (ниже). Султан Берке – да помилует его Аллах! – приняв ислам, построил его (Сарай), избрал его столицей (своего) царства и возлюбил его. Он побудил народы Дашта ко вступлению в заповедь и на пастбище ислама, и вот почему он (Дашт) стал (сборным) местом всякого добра и блага, так что к (прежнему) прозвищу «Кипчак» прибавилось (еще) прозвище «Берке». Маула и саййид наш Ходжа Исам ад-Дин, сын покойного муллы и саййида нашего Ходжи Абд ал-Малика, одного из сыновей знаменитого шейха Бурхан ад-Дина ал-Маргинани, – да помилует его Аллах! – возвращавшийся из славного Хиджаза в 814 году (25 апреля 1411–12 апреля 1412 г.), а в наше время, т.е. в 840 году (16 июля 1436–4 июля 1437 г.), сделавшийся начальником в Самарканде, продекларировал мне (следующее) стихотворение свое в Астрахани, одном из Даштских городов, претерпев на пути Даштском разные невзгоды: «Я слышал было, что благо находится в степи, прозванной по своему султану Берке (т.е. степью благодати). Дал я верблюдице моего путешествия остановиться на одной из окраин ее (степи), но не нашел там никакой благодати...».

Когда Берке-хан был пожалован почетной одеждой ислама и водрузил в землях Даштских знамена в честь исповедания ханафитского, то он пригласил к себе ученых из всех краев да шейхов со всех сторон и концов, чтобы они научили людей уставам религии своей и указали им пути своего единобожия и правоверия, раздавал им (за это) богатые подарки и на тех из них (ученых), которые пришли (на его призыв), излил (целые) моря даров. Он оказывал покровительство науке и ученым, уважал законы Аллаха Всевышнего и уставы пророков. Были у него в это время, а после него у Узбека, да у Джанибек-хана, мулла наш Кутб ад-Дин, ученейший ар-Рази, шейх Са'д ад-Дин ат-Тафтазани, саййид Джалал ад-Дин, толкователь «Хаджибийи», и другие знаменитости ханафитские и шафи'итские, а потом, после них, мулла наш Хафиз ад-Дин ал-Баззази и мулла наш Ахмад ал-Худжанди – да помилует их Аллах! При содействии этих саййидов Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в

нем набралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его. Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года. Это был один из величайших городов по положению (своему) и населеннейший по количеству народа. Рассказывают, что у одного из вельмож его сбежал невольник и, поселившись в месте, отдаленном от (большой) дороги, открыл там лавочку и торговал в ней, снискивая себе пропитание. Так прожил этот негодяй около десяти лет, и господин его (ни разу) не встречал его там, не сходил с ним и не видел его, вследствие величины его (города) и многочисленности жителей его. Он (лежит) на берегу реки, отделившейся от реки Итиль, относительно которой путники, летописцы и странствователи (?) согласны, что больше ее нет (ни одной) в числе рек проточных и вод пресных, нарастающих. Выходит она из земли Русских, и нет от нее другой пользы, кроме той, что она радует души. Впадает она в море Кулзумское (Каспийское), подобно Джайхуну и прочим рекам Аджамским, хотя море Кулзумское закрыто и окружено несколькими Персидскими владениями, как то: Гиланом, Мазандараном, Астрабадом и Ширваном. Имя Сарайской реки Сингила; через нее переезжают не иначе, как на (больших) судах; не вступает в нее нога ни пешехода, ни всадника (т.е. не переправляются через нее вброд). Да сколько рукавов отделяется от этой длинной и широкой реки, а каждый рукав больше Евфрата и Нила!

О том, как настал этот потоп (Тимурово нашествие) и смыл народы Даштские после поражения Токтамышева. Прибыл Тимур в этот край (Дашт-Кипчак) с войсками несметными, нет – с морями бурными, с обладателями стрел летучих, мечей секущих, да копий зыбучих, со львами задушающими и тиграми нападающими, со всякого рода настигателями, вымещающими на неприятеле месть свою, защищающими добро свое и соседей своих, логовище свое и убежище свое, добычу свою и род свой, ввергающимися в пучины моря боевого и противоборствующими волнам и потокам его (моря). Тогда Токтамыш послал к старейшинам своих людей и начальникам своих народов, к жителям своих песчаных степей и обитателям окраин своих, к главам своей родни и вождям (собств. «коренным зубам») правой и левой сторон, созывая их и приглашая их к сопротивлению и к бою. Они пришли, влача за собою одежду повинования и устремляясь (к нему) со всех высей, собрались по племенам и родам, конные и пешие, вооруженные мечами и стрелами, надвигающиеся и наступающие, отражающие и поражающие острым мечом и копьем. Эти люди – самые отборные и меткие стрелки; метатели их не дают промахов и стреляют лучше Со'алей. Когда они натянут тетивы, то и попадут в жилы, и когда доискиваются нужного, то и достигают цели, сидит ли она неподвижно или летает. Затем он (Токтамыш) двинулся в бой и приготовился к битве и состязанию с войсками, похожими на песок по многочисленности своей и на горы – по громадности своей.

О раздоре, возникшем в войске Токтамышевом во время сражения. Когда оба строя противостояли друг другу и обе рати вступили в бой, то из войска Токтамышева выступил один из вождей правого крыла, имевший злобу на одного из эмиров, и потребовал (выдачи) его от него (от Токтамышя), прося у него (Токтамышя) разрешения убить его (эмира). Он (Токтамыш) сказал ему: «Да, твое желание будет уважено и твоя просьба будет улажена, но ты видишь, что случилось и приключилось с людьми, так оставь нас в покое, пока мы не управимся и не добьемся того, чего желаем; (тогда) я отдам тебе твоего должника и предоставлю тебе твоего соперника, и ты вымести на нем твою злобу и удовлетвори твои притязания». Но он ответил: «Нет, (мне он нужен) сейчас, а коли нельзя, то нет тебе (от меня) ни послушания ни повинования!». Тот (Токтамыш) возразил: «Мы (находимся) в тяжком горе, которое озабочивает (нас) более твоего желания, и в мрачном положении, которое кручинит (нас) более твоей беды, так по-

терпи и не торопи, да успокойся и не бойся: ни от кого не уйдет то, что (ему) следует, и не пропадет то, на что он имеет право. Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве и не будь из тех, которые чтут Аллаха ради барыша; ты (теперь) точно среди ночи несчастья, уже минувшей, и зари благоденствия, уже занявшейся, так оставайся на своем месте и напускайся на своих противников, наступай и не отставай, да верши, что тебе приказано». Но этот эмир (не послушался и) двинулся с громадной толпой; за ним последовали все изменники и отступники, да все его племя, которому имя Актау. Отправился он, устремляясь во владения Румские, пришел со своими людьми в земли Адрианопольские и поселился в этих местах. Вследствие этого расстроилось войско Токтамышево, и стрелы желания его не попадали в то место, в которое они пускались. Не видя возможности уклониться от стычки и избежать встречи, он подбодрил свой дух и свое войско, отбросил свою спесь и свое легкомыслие, выставил вперед удалцов из своих ратей, выстроил конницу и пехоту, укрепил центр и фланги, да наладил стрелы и мечи. Что же касается войска Тимура, то оно обошлось без этих приготовлений, потому что дело ему было известно, да положение его ясно, и на челе его знамен были начертаны слова победы и власти. Затем обе рати сошлись, ударили друг на друга, смешались и запыхали огнем сражения. Столкнулись враги с врагами, протянулись шеи для нанесения ударов мечом, и выпрямились груди для метания копий; помрачились лица и покрылись пылью; оскалили зубы волки боевые и завывали; ожесточились тигры злобные и выпрямились (для прыжка); сцепились львы полчищ и встали дыбом; покрылись кожи перьями стрел и вздрогнули; опустили чела вождей и головы глав в михрабе битвы (как бы преклоняясь) к молитве и простерлись (на земле); закрутилась пыль, и взвился прах; погрузились в моря крови все – и знатные и простые; во мраке пыли летание стрел стало метанием снарядов в бесовских вождей, и в тучах праха сверкание мечей сделалось блестящим сиянием над царями и султанами. Кони смертей не переставали носиться и крутиться, а львы отрядов нападать и напускаться (на врагов); взвивалась на воздух пыль от копыт, и лилась по степи кровь от мечей, так что земель стало шесть, а небес, как морей, – восемь. Длился этот бой и погром около трех дней; затем явилась пыль от бегства войска Токтамышева, показавшего тыл; рати его разбежались и отступили, а полчища Тимура разбрелись по владениям Даштским, да расположились (в них). Он покориł племена их, и (ему) подчинились последние и первые из них. Завадел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собой, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собой все) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и (все) эти края. Возвысилось положение Идику при нем. Затем он перебрался в Самарканд в сообществе Идику, пожелав от него, чтобы он последовал за ним.

О том, что устроил Идику, и как он обманул Тимура да провел его. Идику послал гонца к своим родичам и соседям, да к племенам левой стороны – все они принадлежали к числу сторонников и друзей его – без ведома о том Тимура, (сказать), чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и множество опасностей; чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня и чтобы они (непременно) поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что им предписал Идику, и шли, не останавливаясь. Узнав, что дружина его ушла и люди его ускользнули от Тимура, Идику сказал ему: «О, владыка наш, эмир, есть у меня громадное множество родичей и домочадцев; они (составляют) мои мышцы и мои руки, и с исправностью их средств пропитания (сопряжено) мое благополучие, но они не безопасны, ибо после меня им приключатся обида и

притеснение от Токтамышша; я не сомневаюсь, что он погубит и истребит их всех до единого. Пока я сам защищен против него по милости вашего величества, он будет вымещать злобу своего характера на моих домочадцах и родичах; ведь я наладил нить этих столкновений и ввергнул его в теснины бедствия и лохмотья поражения. Во всяком случае, мне не весело на душе, что они живут в одном с ним месте, и может ли жизнь мне быть приятной, пока мои друзья – его соседи? Если светлый разум (твой) разрешит послать гонца в те места и к (этим) многочисленным племенам с монаршим указом и высочайшим наказом, чтобы склонить мысли их и умиливать сердца племен и родов их, да приказать им откочевать и улучшить положение свое, то мы все будем (жить) под достославной тенью, в садах благоденствия, покрытых листвою и плодоносных. Мы высвободимся из гладкой степи этого Дашта, завершив минувшие бедствия, и проведем остальное (время) в вертоградах, у подножия которых протекают реки. Но выше всего – разум высочайший, и для рабов первое дело – следовать тому, что он постановляет». Тогда Тимур сказал ему: «Ты пальмочка его (народа) подпертая и столбик его потертый и, несмотря на твой сан, ты (сам) исходил эти дороги». Он (Идику) возразил: «Все люди – рабы твои, следующие твоему желанию, и твои послушники; кого ты признаешь достойным какого-либо дела, для того любой труд легок». Он (Тимур) сказал: «Нет, ты первый затеял это дело, так будь и порукою его; ведь не требует (чужого) решения, кто сам повелитель города». Он (Идику) ответил: «Присоедини ко мне одного из эмиров; пусть он будет мне защитой против них, с указами монаршими относительно того, что порешит разум высочайший». Он (Тимур) согласился с ним, исполнил желание его и придал ему того, кого он пожелал. Покончив свои необходимые дела, оба двинулись и направились к своему месту искомого. По уходе Идику от Тимура, последний захотел исправить свое упущение, поняв, что Идику прельстил его ум и обманул его. Он отправил к нему гонца (с приказанием) вернуться к нему по одному делу, которое случилось, и для совещания, которое подвернулось, но когда гонец предстал пред ним (Идику) и сообщил ему, для чего он прислан, то он (Идику) сказал ему и бывшему при нем эмиру, запретив обоим следовать за ним: «Управьтесь с вашим делом, да отправьтесь к вашему господину, облобызайте его руки и сообщите ему, что сроку нашего общения тут конец и я (далее) непричастен ему, ибо страшусь Аллаха». Им нельзя было грубо отнестись к нему, и в таком критическом положении они могли только ласково обойтись с ним. Поэтому они распростились с ним, повернули назад и уехали, не останавливаясь. Когда это дошло до Тимура, то он огорчился и смутился, встревожился и закручинился, воспылил на него гневом великим и раскаялся, когда (уже) миновало время раскаяния. Со злобы на него он чуть было (сам) не убил себя и испил чаши (сказанного в Коране): «и (настанет) день, (когда) беззаконник станет кусать руки свои». Но не одолела его страсть расправиться с ним и не нашло желание двинуться на него, а отправился он в свои владения, да затем в Самарканд, и оставил его (в покое). Вот чем кончилось дело его с Дашт-Берке, так что говорят: не обманул и не перехитрил Тимура, да не ввел его в заблуждение и в ошибку словом и делом никто, кроме упомянутого Идику и, скажу я (со своей стороны), кроме главного кади, Вали ад-Дина Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна ал-Малики, о котором будет сказано ниже.

О сражениях и боях, происходивших в Северных странах между Токтамышем и Идику до тех пор, пока изменились дела и положение каждого из них. Когда Тимур удалился с тем, что он добыл, и, возвратясь в свои владения, утвердился в них, а Идику присоединился к своим сторонникам и обрадовался своим приятелям и наперсникам, то последний принялся за разведку дел Токтамышша, остерегался и оберегался его, но приготавливался и вооружался к отражению его, не будучи в состоянии зашить то, что разорвал, и починить то, что разломал. Кроме того, он не мог присвоить себе название султана, потому что таким, будь это возможно, (непременно) провозгласил бы себя

Тимур, завладевший (всеми) царствами. Тогда он (Идику) поставил от себя султана и в столице возвел (особого) хана, созвал к нему предводителей левой стороны и начальников племен ее. Они вняли зову его и прибыли к нему, будучи сильнее других и безопасны от злобных действий Джагатайцев и несправедливости их. Вследствие этого султан его усилился, и хан его обогатился (целыми) караванами полчищ; основания его в столице утвердились, и столбы его (власти) возвысились. Что касается Токтамышша, то он – когда страх его отошел и в мозгу его (опять) утвердился разум, а враг его ушел и спокойствие его водворилось – собрал войска свои и призвал на помощь народ свой, который и помог ему. Не прекращались удары боя в ожидании битвы между ним (Токтамышем) и Идику и, глаза покоя, точно веки судьбы, претворяющейся слепой, не переставали смыкаться для примирения их друг с другом. Дошло до того, что они сразились между собой 15 раз, (причем) раз тот одержит верх над этим, а другой раз – этот над тем. Дела племен Даштских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни, тем более, что на них нападали два льва и налегали две беды. Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни счислению и не может быть определена ни диваном (палатой), ни дефтером (списком); она ушла к Румийцам и Русским и по своей злополучной участи и превратной судьбе своей очутилась между христианами многобожниками и мусульманами-пленниками, точно так, как это случилось с Гассанидом Джабала. Имя этому отряду – Карабогдан. По этим причинам жившие в довольстве обитатели Дашта дошли до оскудения и разорения, разъединения и безлюдства, нищеты и совершенного извращения. Они дошли до того, что если бы кто поехал по нему (Дашту) без вожака и руководителя, то он, вследствие опустошения его (края), непременно погиб бы при переездах своих. Летом ветры сдувают пески и скрывают да сметают дорогу путнику, а зимой снег, падающий там, скопляется на ней и покрывает ее, так что вся земля его (Дашта) пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопои покинуты, пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны. Пятнадцатое сражение было не в пользу Идику: он был разбит и рассеян, обращен в бегство и прогнан. И погрузились он да около 500 человек из его приближенных в море песчаное, которого никто не знает. Токтамыш стал единодержавцем в царстве, и очистился для него Дашт-Берке, но при всем том он жаждал известий об Идику и делах его да очень желал собрать сведения о том, как он погиб в песках своих. Так прошло около полугода; исчезли след его из глаз и молва о нем с языков, но Идику был превосходный знаток этих песчаных бугров и холмов и (один) из тех, который поступью ног своих (часто) пересекал поверхность этих бесплодных и диких степей. Он шел, выжидая и высматривая, размышляя и обдумывая смысл того стиха, который я произнес: «Следи за делом и высматривай удобный случай, пользуйся временем, когда оно настало, и соедини терпение с рассудительностью; таким способом лист тутового дерева становится шелком».

Убедившись, что Токтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал «лев смертей», он (Идику) стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Токтамыш) один без войска (находится) в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночной ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей схватили его, и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший

разлуку (с жизнью). Утвердилось дело Даштское за правителем Идику, и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Токтамышша разбрелись в (разные) стороны: Джалал ад-Дин и Каримбирди (ушли) в Россию, а Кубал и остальные братья – в Саганак...

Потом Идику из края Северного поднялся с войсками (многочисленными), как песок, и с решимостью да осмотрительностью двинулся во владения Хорезмские, которыми правил наместник (Тимура), по имени Мусика. Узнав о Татарах, последний убоился гибели своей и ушел, забрав с собою своих людей и приверженцев. Это было после нашествия Татар Румских, которые ушли к Аргуншаху (полководцу Тимурову) и перебрались через Джайхун, в то время замерзший. Вернулся Аргуншах в свое местопребывание, и прибыл Идику в Хорезм да овладел им. Двинулся он (оттуда) с конницей своей к Бухаре, опустошил окрестности ее, но затем вернулся в Хорезм, потому что в Джагатайе уже запылал огонь (брани) и причинил зло. В Хорезме и областях его он поставил со своей стороны человека, по имени Анка...

Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смецал его с него, когда хотел; прикажет – и никто не противится ему, проведет грань – и (никто) не переступит этой черты. К числу тех, которых он поставил, принадлежат Кутлугтимур-хан и брат его Шадибек-хан, затем – Фулад-хан, сын Кутлугтимура, а потом – брат его, Тимур-хан. В его (Тимурханово) время расстроились дела; он не вручил свои бразды (эмиру) Идику, сказав: «Нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран (т.е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому); я бык (вождь), за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим». Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия. В то самое время, когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий, между обеими партиями в сумраках Даштских, вдруг, в полном величии (собств.: «в полнолунии») власти Джелалиевой появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых и поднялся, выступая из стран Русских. Произошло это событие в течение 814 года (25 апреля 1411–12 апреля 1412 г.). Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Тимур(хан) был убит, и продолжались смуты да раздоры между царями владений Кипчакских, пока, (наконец), Идику, раненый, потонув, не умер. Его вытащили из реки Сайхун, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы, да смилуется над ним Аллах Всевышний! О нем (сообщают) удивительные рассказы и былицы, и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, (всегда) попадали в цель, помышления (его были) козни, битвы (его) – западни. В основах управления (государством) у него (обращались) монеты хорошие и дурные, разбор которых выделит (настоящую) цель (его стремлений) от того, что (им) достигнуто. Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутилых намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и сунну, да изречения мудрецов посредниками между собой и Аллахом Всевышним. Было у него около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников. Правил он всеми делами Даштскими около 20 лет. Дни его (царствования) были светлым пятном на челе веков и ночи владычества его – яркой полосой на лице времен.

<...>

Иоганн Шильтбергер. «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г.»

Иоганн Шильтбергер родился в Мюнхене (1380 – не ранее 1438). Он принимал участие в походе 1396 г. венгерского короля Сигизмунда против турок и в первый раз попал в плен в сражении при Никополе. Долгое время он находился на службе при дворе султана Баязида I. В 1402 г. Шильтбергер был взят в плен войсками Тимура в сражении при Ангоре и оставался в плену до 1427 г. За время своего 30-летнего пребывания в плену Иоганн Шильтбергер вместе со своими хозяевами побывал во многих странах Европы, Азии и Африки: Венгрии, Болгарии, Валахии, Молдавии, на Украине, в Турции, Византии, Египте, Палестине, Иордании, Иране, Хорасане, Средней Азии, Азербайджане, Грузии, Дагестане, Черкессии и в других областях Северного Кавказа, Крыму, Астраханском крае и Сибири.

Вернувшись на родину после долгих лет скитаний, неграмотный баварский солдат Иоганн Шильтбергер составил описания своих путешествий, которые, по словам З.М.Бунятова, кажутся иногда фантастическими, преувеличенными и требуют к себе критического отношения.

Текст воспроизведен по изданию: Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонемецкого Ф.К.Бруна; ред. и прим. акад. АН Азерб. ССР З.М.Бунятова. Баку: «Элм», 1984. С. 33–82.

25. О королевском сыне

При Абу-Бакре находился королевский сын из Великой Татарии¹. Этому принцу было предложено возвратиться на родину, чтобы занять там престол. С согласия Абу-Бакра он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе которых находился и я с четырьмя товарищами. <...>

Отсюда королевский сын перешел в Великую Татарию, к вельможе, которого звали Едигей² и который послал ему предложение возвратиться для занятия там престола, Едигей готовился тогда к походу в страну, называемую Сибирь.

Должен заметить, что в Великой Татарии есть сановник, который назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят. Тогда эту высокую должность занимал Едигей.

Татарские владетели имеют также привычку кочевать зимой и летом с женами, детьми и своими стадами. Там, где останавливается король, должны быть построены 100 тысяч юрт.

Вышеупомянутый королевский сын по имени Чакра провожал Едигея в Сибирь. Они двигались два месяца пока не прибыли в эту страну, где есть горы, простирающиеся на 32 дня ходьбы. По рассказам местных жителей, этот горный хребет примыкает к пустыне, доходящей до края света и в которой люди жить не могут из-за водящихся в ней диких животных и змей. В самих же горах отдельными семействами живут дикари, у которых нет постоянных жилищ. Все их тело, кроме лица и рук, покрыто волосами и они, подобно другим животным, скитаются по горам, питаются травой и всем, что попадется им под руки.

Наместник этого края прислал Едигею мужчину и женщину из этих дикарей, которых поймали в горах, где водятся также лошади, ростом не больше ослов. Страна эта изобилует также разными породами животных, которые совсем не встречаются в Германии и которых я не могу даже назвать. Тут водятся также собаки величиной с осла, которых запрягают в повозки и сани и которые также употребляются для перевозки че-

моданов. Замечу также, что местные жители поклоняются Христу, подобно трем царям, пришедшим для принесения ему жертвы в Вифлеем³, где его видели в яслях. Поэтому в их храмах можно видеть изображение Христа, представленного в том виде, в каком его застали три царя, и перед этими образами они молятся.

Приверженцев этого толка называют угинами⁴; они и в Татарии встречаются в большом числе.

В этой стране существует также обычай, при котором в случае смерти молодого неженатого человека на него надевают его лучшие платья и кладут его в гроб, покрытый балдахинном. После этого приходят молодые люди в праздничных нарядах и несут покойника к могиле в сопровождении музыкантов, которые играют и поют веселые песни. За ними следуют родители и близкие усопшего, которые, наоборот, рыдают и жалуется.

После погребения к могиле приносят кушанья и напитки, которыми наслаждаются, веселясь, молодые люди и музыканты. Родители же и приятели их сидят отдельно и продолжают жаловаться. Наконец, всех их провожают домой и этим заканчивается церемония, которая должна представлять собой празднование свадьбы умершего, если бы он не скончался.

В этой стране сеют только просо, и хлеба вовсе не едят. Все это я видел своими глазами, когда находился при упомянутом выше королевском сыне Чакре.

26. Каким образом сменялись владельцы

После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию⁵, которая ими также была завоевана. После этого возвратились восвояси.

Примерно в это же время в Татарии королем был некто по имени Шадибек-хан (слово «хан» по-татарски означает «король»). Когда он узнал, что приближается Едигей, он обратился в бегство и погиб⁶ в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем. Едигей затем возвел на престол короля по имени Пулад, который царствовал полтора года и был⁷ изгнан другим [претендентом] по имени Джалал ад-Дин, который был низвергнут братом Пулада Тимуром⁸. Последний, однако, царствовал не более 14 месяцев и погиб в борьбе с возвратившимся Джалал ад-Дином. Этот последний, царствовавший 14 месяцев, был убит в войне с родным братом Кепеком, который, однако, должен был уступить престол другому брату Керим-Берди. Последний после 5-месячного царствования должен был уступить место брату Джабару. Этот же был изгнан Едигеем⁹ и моим господином Чакрой, который был возведен на престол согласно обещанию Едигея.

Однако уже через девять месяцев им пришлось бороться с новым претендентом на престол по имени Мухаммад. Чакра был вынужден бежать в страну, называемую Дешти-Кыпчак, и Мухаммед воссел на престол¹⁰.

Свергнутый Бараком Мухаммад, собравшись с силами, в свою очередь, изгнал его, однако затем сам был изгнан Девлет-Берди, который после трехдневного царствования был вынужден уступить престол Бараку. Последний затем погиб в борьбе с моим господином Мухаммадом, снова овладевшим престолом. Мой господин Чакра, который хотел низвергнуть Мухаммада, сам погиб в борьбе с ним. <...>

35. О Красной (Золотой) Татарии

Был я также в Золотой Татарии¹¹, где жители из хлебных растений сеют только одно просо. Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим. Они питаются мясом этих животных.

Нужно заметить, что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и своими стадами, перевоза с собой все свое прочее добро и странствуя по этой совершенно ровной стране от одного пастбища к другому. Еще надо сказать,

что при избрании короля они сажают его на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам.

Достоин замечания также, что они, подобно всем язычникам, садятся на пол, когда хотят есть или пить. Нет между язычниками народа столь храброго, как обитатели Золотой Татарии, который мог бы переносить столько лишений в походах и путешествиях, как они. Я сам видел, как они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь [у лошадей] и, собрав ее, варили и ели. Подобным же образом, когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и разрезают его на тонкие полоски, которые кладут под седло. Посолив предварительно это мясо, они едят его, когда голодны, воображая, что они приготовили хорошую пищу, ибо мясо от теплоты лошади высыхает и делается под седлом мягким от езды, во время которой из него вытекает сок. Они прибегают к этому средству, когда у них нет времени готовить себе еду иначе. Еще у них в обычае подносить своему королю, когда он утром просыпается, лошадиное молоко в золотом блюде, и он пьет это молоко натошак.

36. Страны, подвластные Татарии, в которых я был

К числу этих стран принадлежит, во-первых, Хорезм с главным городом Ургендз, лежащий [на острове] на большой реке Итиль¹². Затем страна Бештамак, весьма гористая, с главным городом Джулад¹³. Там же и большой город Астрахань в хорошей стране, и город Сарай¹⁴ – резиденция татарского короля. Есть еще город Болгар¹⁵, богатый разного рода зверьями, а также города Сибир¹⁶ и Азак, называемый христианами Тана¹⁷. Он лежит на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших судах и галерах в Венецию, Геную и острова Архипелага.

Далее, страна, называемая Кипчак, со столицей Солкат¹⁸. В этой стране собирают разного рода хлеба. Есть [в этой стране] город Каффа, на берегу Черного моря¹⁹, окруженный двумя стенами. Во внутреннем городе шесть тысяч домов, населенных итальянцами, греками и армянами. Это один из главных черноморских городов, имеющих по внешней черте до 11 тысяч домов, населенных христианами: латинскими, греческими, армянскими и сирийскими. В этом городе местопребывание трех епископов: римского, греческого и армянского. В городе есть и много язычников, которые имеют в нем свой храм.

От Каффы завязят четыре города, расположенные на берегу моря, где есть два рода евреев, имеющих две синагоги в городе и четыре тысячи домов в предместье.

Далее – город Киркьер²⁰, в хорошей области, именуемой Готфией²¹, но которую язычники называют Тат. Она заселена греческими христианами и в ней производят хорошее вино. В этой стране, лежащей на берегу Черного моря, возле города Сарукерман²² был утоплен св. Климент. Там же страна (земля) черкесов²³, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую веру. Но, тем не менее, они злые люди и продают язычникам своих собственных детей и тех, которых они крадут у других. Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке. У них есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После этого приходят соседи, которые приносят с собой еду и напитки и начинают плясать и веселиться, режут баранов и быков и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, пока трупы совсем не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святым²⁴.

Так же королевство Россия, которая платит дань татарскому королю. Нужно заметить, что между золотыми татарами есть три поколения: кайтаки²⁵, джамболуки²⁶ и монголы²⁷. Их страна имеет протяжение три месяца ходьбы, представляя собой равнину, в которой нет ни леса, ни камней и есть только трава и камыш.

Все отмеченные земли входят в состав Золотой Татарии и во всех этих землях я был. <...>

Примечания

¹ Речь идет о золотоордынском принце Чакре (1414–?) из рода Уруса, сына Орды. Под Великой Татарией подразумевается Белая Орда, или Восточный Кыпчак.

² Это – знаменитый Мурза Едигей, в руках которого много лет была сконцентрирована фактическая власть в Белой Орде. Убит в 1416 г.

³ Вифлеем – город в Палестине, западнее Мертвого моря. В Вифлееме в правление царя Ирода I Великого (37 г. до н.э.) родился Иисус Христос.

⁴ По Ф.Бруну, угины были «последователями ламаизма, т.е. модификации буддизма, введенного Чингиз-ханом из Тибета в Монголию».

⁵ Булгария (Болгария) – область, расположенная в бассейне Средней Волги.

⁶ Шадибек-хан, сын Кутлуг-Буки, внук Урус-хана в 1407 г. пытался освободиться от влияния Едигея, но был разбит, бежал в Астрахань, а оттуда в Шемаху. Едигей потребовал от ширваншаха Шейха Ибрахима выдачи Шадибека, однако ширваншах отказал ему в этом. Шадибек умер в Шемахе в 1408 г.

⁷ Пулад-хан (Хан-Булат Солтан русских хроник) был сыном Шадибека. Умер он в 1410 г.

⁸ После смерти Пулад-хана правителем стал Тимур-хан, сын Тимур-Кутлуга, внук Тимур-Малика и правнук Урус-хана. Чтобы прибрать Тимур-хана к рукам, Едигей выдал за него одну из своих дочерей. Однако через несколько месяцев Тимур-хан выступил против своего тестя, и разбитый Едигей бежал в 1411 г. в Хорезм. Тимур-хан, однако, правил короткое время и был свергнут сыном Тохтамыша Джалал ад-Дином.

⁹ Все эти дворцовые перевороты происходили до 1419 г., когда Едигей был убит сыном Тохтамыша Кадыром-Берди.

¹⁰ Монеты с именем Чакры чеканились до 1414 г. С 1419 г. областях Афьон-Карахисар или Антильи (побережье Средиземного моря).

¹¹ Земли «Золотой Татарии» (Восточной Орды) тянулись от Урала до Сырдарьи и Черноморья.

¹² Хорезм (Хорезм) – область, расположенная между Амударьей и Сырдарьей. Ургандз (Ургенч) был столицей Хорезма. Итиль в данном случае означает Амударью.

¹³ О Джуладе см.: прим. 109. Локализовать «страну Бештамак (Бестан)» не удалось. Возможна идентификация с горой Бештау (Бестак, Бестау, Бешдаг, Бештаг).

¹⁴ По Эвлия Челеби (Книга путешествия, вып. 2, с.136), город Сарай «был крупным поселением на берегу великой реки Волги, на расстоянии двухдневных переходов к северу от побережья Каспийского моря. Этот город Сарай построен так, что он имеет пристань на берегу реки Волги. Она огибает город с севера и с запада, затем течет вниз – на юг».

¹⁵ О городе Булгар (Болгар) и Булгарии см.: прим. 113.

¹⁶ В данном тексте Сибирь неуместна. Шильтбергер мог спутать Сибирь с сабирами, расселенными в Каспийско-Азовском междуморье (см. Артамонов М.И. История Хазар, с.69–78 и карту на с.72).

¹⁷ Тана дошла до нас под именем Азак через арабские и персидские источники. Город был торговым центром Венецианской и Генуэзской республик на левом берегу реки Дон, в его устье. Он регулировал громадный торговый оборот. Был разрушен Тамерланом в 1395 г., но вскоре восстановлен венецианцами.

¹⁸ Солкат (Солхат) – совр. Старый Крым. До середины XV в. был административным и торговым центром Крымских степей. [См. также: Эвлия Челеби. Там же, с.100, 162, 231].

¹⁹ Каффа (Кафа) – совр. Феодосия.

²⁰ Ф.Брун Киркьер (Киркиер) идентифицирует с Чуфут-кале (Крым).

²¹ Готфия – это Таврида. Готы некогда жили между Кафой и Балаклавой (Чембулак).

²² Сарукерман – это Херсон. [Ср.: Гильом де Рубрук. Путешествие, с.88, 89: «Керсона, в котором был замучен святой Климент» и «Керсона, город Климента»].

²³ Черкесы когда-то обитали на с.-з. отрогах Кавказа, по обе стороны реки Кубань, вдоль берега Черного моря.

²⁴ Ср.: Аполлоний Родиос (III в. до н.э.). Аргонавтика, XII, с.200–209: «Покинув корабль они увидели много деревьев с тонкими листьями и с мертвыми телами, привязанными к их верхушкам веревками. До настоящего времени колхи кремацию тел умерших считают тяжким грехом. Они не сжигают покойников и не устанавливают мемориальных памятников на могилах. Они заворачивают тела в сырую кожу и подвешивают их на деревьях вдали от города» (Апполон Родосели. Аргонавтика. Пер. А.Урушадзе, Тбилиси, 1975, с.122).

²⁵ Кайтаки (кайтаги) – небольшая этническая группа даргинцев, живущих в Дагестане и говорящих на кайтагском диалекте даргинского языка. Кайтаки живут на юго-востоке Дагестана.

²⁶ Джамболук – Джамболукская или Эвболукская орда ногайцев, до XVII в. кочевавшая в бассейне реки Эльбы. Затем ногаи перебрались к западным берегам Азовского моря.

²⁷ В данном случае под монголами Шильтбергер подразумевал калмыков, язык которых относится к группе монгольских языков».

Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани

Одним словом, когда жители Старого Булгара избавились от резни, [учиненной] хазрат Аксак-Тимуром, оставшиеся из них собрались. В начале Черная Идиль протекала близ Старого Булгара. Когда прошло великое побоище (*мок̄атале*)⁴¹, увидели, что Черная Идиль отошла [от города] на расстояние трех миль на запад. Поэтому они (жители Старого Булгара. – *И.М.*) сочли нецелесообразным восстанавливать [город]. Посоветовавшись, они построили новый город (*кал 'а*) в стороне летнего заката [солнца]⁴², близ [реки] Черная Идиль (*Идил-и сийāх*)⁴³, на берегу реки Газāнй. [Новому городу] дали название Газāн. Он прозывался также «Новым Булгаром» (*Булгар-и джадй̄д*). В том месте они прекрасно, под знаменем ислама жили некоторое время. Во всех случаях они согласно священному шариату прибегали к [суду] мусульманских кадиев и великих сеидов. Они (кадии и сеиды. – *И.М.*) также, следуя сунне Пророка, занимались прекращением распрей и пресечением вражды. В этом городе прошло царствование шестнадцати ханов. Когда для Старого Булгара (*Булгар-и кадй̄м*) наступили тяжелые времена, его ханом был Габдулла. В то время (букв.: в тот день. – *И.М.*) он стал шахидом. У него осталось два сына: один – Алтун-бик, другой – Галим-бик. Чтобы не допустить пресечения их рода, их увезли в лес и [там] спрятали. Поэтому они спаслись. Когда построили город (букв.: крепость. – *И.М.*) Газāн, по давнему правилу (*кāнун*) первым ханом стал Алтун-бик. Таким [же] образом вторым [ханом] стал Галим-бик, третьим – Мухаммед, четвертым – Мамтяк, пятым – Халиль, шестым – Ибрахим, седьмым – Ильхам, восьмым – Мухаммед-Амин, девятым – Мамук, десятым – Габдул-Латиф, одиннадцатым – Сахиб-Гарай, двенадцатым – Сафа-Гарай, тринадцатым – Гали, четырнадцатым – Утяш, пятнадцатым – Ядигар. Во время [правления] Ядигар-хана, в девятьсот пятидесятом году, произошло затмение солнца. Шестнадцатым [ханом был] Шагали-хан.

Перевел *Ильяс Мустакимов*

⁴¹ В оригинале: *мок̄абале*.

⁴² Т.е. на северо-запад от Булгара.

⁴³ Персидский перевод татарского гидронима «Кара Идел» – обозначение Волги выше впадения в нее Камы (Ак Идел).

«Фи бейан-и тарих»

Источник: Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, ф.18, оп.1, д.6, л.64–66.

В изложении истории. Было даты в 693⁴⁴, было в год коровы, Мир-Тимур⁴⁵ со своим войском осадил город Болгар⁴⁶; до семи лет лежали, окружив [его] кольцом. Еще, было даты в 700 году, месяца зиль-хиджжи двадцатого, [он] взял город Болгар. [Там] были 124 великих, знатных князей, и все они погибли. У каждого из них жены были подобны нанизанному жемчугу, [и] всех их взял в плен Мир-Тимур. Между теми князьями были четыре великих князя, благородные царевичи: имя одного [было] Икбаль-бик, имя другого – Кол-Али-бик, еще одного звали Хуаши-бик, [а] еще одного – Кашы-бик. Город превратился в развалину; много народу погибло. Абдулла-хан сам скончался. Двух сыновей хана сокрыли под лесом⁴⁷. Одному из них было девять лет, а другому – семь лет; имя одного было Алтун-бик, а имя другого – Алим-бик. [Их] хорошо воспитали. Алтун-бика четырнадцать лет возвели на престол. Над Казанкой-рекой воздвигли крепость. 104 года жили там; [потом] оттуда выселились. Город построили на устье реки Казанки. 158 лет пробыли там. Когда же род ханов пресекся и не стало [хана], привели Шах-Али-хана, [который] был пленником в руках русских. 33 года ханствовал [он]. После того, совершив измену, произвел насилие. Много народу [при этом] погибло. Пришел русский хан; [то] было двумя годами раньше (?). Было даты в 959 году, в год мыши, был второй день Скорпиона⁴⁸, русский царь взял город Казань; был воскресный день. Даты в 963, в год барса, в шаввале месяце Шах-Али-хан скончался⁴⁹, [а] бог более знающ! У Алтун-бика, говорят, тамга была этакая × ; называли ее тамгой-воробой. Вышедши⁵⁰ из Золотого трона, пришли в Иске-Казан⁵¹. Золотым тронном называли город Болгар. После того как пришел Мир-Тимур и, взяв город Болгар разорил [его], этот Алтун-бик с остатком своего народа держал юрт⁵² в городе Казани. Когда юрт был в той⁵³ Казани, Алтун-бик, Алим-бик будто сказал (?)⁵⁴. Алим-бик, не возлюбив Казань, ушел в Тобол-Туру. Придя туда, держал [там] юрт. Старая Тобол-Тура построена им⁵⁵. Алтун-бик же пришел в новую Казань. После него Махмуд-хан; [о нем] упомянуто выше. Говорят, что представители рода Алтун-бика [и]⁵⁶ Алим-бика

⁴⁴ 693 г. лунной хиджры приходился на 2.12.1293 – 20.11.1294 г. по юлианскому календарю.

⁴⁵ Сокращенное «эмир Тимур».

⁴⁶ Обращает на себя внимание начертание через «а» – Болгар вместе обычного Болгар.

⁴⁷ Т.е. в лесу.

⁴⁸ 2-й день нахождения Солнца в созвездии Скорпиона 959 г. х. соответствует 2 октября 1552 г.

⁴⁹ 963 г.[х.] = 1555 г. [по юлианскому календарю]; Шах-Али умер в 974 г.[х.] (1567 [г. по юлианскому календарю]) (прим. автора). Шавваль 963 г. лунной хиджры приходился на 8 августа – 5 сентября 1556 г. по юлианскому календарю.

⁵⁰ В оригинале: вышедши.

⁵¹ Старая Казань (прим. автора).

⁵² В смысле: поселился (прим. автора).

⁵³ Т.е. в старой (прим. автора).

⁵⁴ Смысл этой фразы неясен (прим. автора).

⁵⁵ Речь идет о древней татарской крепости на р. Тоболе (прим. автора).

⁵⁶ В документе союз «и» отсутствует.

есть и в Крыму. По той причине всегда, когда нужен бывал хан для Казани, хана брали из Крыма. Кончилось.

Перевел *Али (Гали) Рахим* (1892–1943)

Сообщение сейида Мухаммед-Ризы о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамышша

Когда истекло время правления принадлежащих к Синему шатру, то есть причисляемых к потомкам Бату, великих представителей рода Джучи – ханов [по имени] Токтимур и его брата Токтамышша, являющихся связующим звеном между родом правящих до настоящего времени крымских ханов и Джучи – одним из эмиров Джучиева Улуса, узурпатором⁵⁷ из племени мангуд по имени Идику, [который был] зачинщиком смут и мятежей, на престол [поочередно] были возведены [такие] его протеже из Чингизидов, [как] Кутлуг-Тимур, Шадибек и другой Тимур. Затем на [этот] клонящийся к упадку престол были возводимы – кто споспешествующей силою своего счастья, а кто – силою и старанием сыновей⁵⁸ Идику – султаны по имени Джалал ад-Дин, Худа-Берди, Кучук-Мухаммед, Барак, Улуг-Мухаммед, Чекре, Джаббар-Берди и Дервиш. В это время, когда большинство татарских племен были переселены из Дешт-и Кипчака в пределы Крыма, в упомянутом Деште⁵⁹ и булгарских землях ханы по имени Хызр, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр, Шейх-Хайдар, Баян-Ходжа, Ядгар и Эменек из рода Шибана. Затем власть над теми землями перешла к потомкам Рус-хана. Шейбек из потомков Абу-л-Хайра в Мавераннахре, Ильбарс из потомков Ядгара в Хорезме, потомки Хаджи-Мухаммеда в области Сибирь стали независимыми [правителями]. Когда в области Крым [правом] приказа и повеления [еще] был отмечен один из внуков противоборствовавшего с Тимурленк-гурганом Токтамышша-хана [по имени] *Ахмед Кучук Мухаммед-хан⁶⁰, а Гравер судьбы и предопределения [уже] вырезал печать правления на имя Хаджи-Гирея, в Мавераннахре, Хорезме и Сибири стали правителями три султана-джучида из Шибанидов, в Булгаре – один султан-джучид из Рус[хан]идов, в Дешт-и Итиле, Казани и Крыму – по одному султану-джучиду из рода Токтамышша»⁶¹.

Сообщение Хюрреми-челеби Акай-эфенди о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамышша

По прекращении владычества Тохтамышева возвысился над ханами, по причине многочисленности народа своего и поколения, Идику, один из князей улуса Джуджиева и могущественнейших членов поколения Мангут. Одного после другого сажал он на ханство Тимур-Кутлуга, Шадибека и Тимура. Затем ханствовали друг за другом Джелал-ед-Дин, Керим-Бирди, Кёпек, Чегре, Джеббар-Бирди, Сейид-Ахмед, Дервиш, Хюда-Бирди, Кючук-Мухаммед, Барак и Улуг-Мухаммед, добывая престол кто при помощи детей Идику, кто собственными силами. Ханы эти большую часть татарских поколений, выведя из Дешт-Кипчака, поселили в пределах Крыма; в Деште же и Булгаре ос-

⁵⁷ Букв. «одним из узурпаторов».

⁵⁸ Или «потомков» (أولاد).

⁵⁹ Имеется в виду Дешт-и Кипчак.

⁶⁰ Очевидно, здесь произошла контаминация имен двух разных ханов, правивших в одно время: Сейид-Ахмеда и Кучук-Мухаммеда (см. также: Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. С. 50).

⁶¹ Сеид Мухаммед Риза. Семь планет. Казань, 1832. С. 67–68.

тались властвовать из рода Шейбанова ханы Махмуд-Ходжа, Хизр, Абул-Хайр, Шейх-Гайдер, Баян-Ходжа, Ядигяр и Эминек. После того владычество над помянутыми странами перешло к потомству Рус-хана; сын Абул-Хайров, Шайбек, утвердился в Маверауннагре; сын Ядигяров, Ильбарс – в Хорезме, а сыновья Хаджи-Мухаммед-хана – в Сибири. В Крыму, во время ханствования потомков Тохтамышевых* Сейид-Ахмед-Кючука и Махмуд-хана⁶², престол утвердился за Хаджи-Гераем. В Маверауннагре, Хорезме и Сибири властвовали в это время из рода Шейбанова три хана; в Булгаре, из рода Рус-ханова, один; да в Волжской степи и Казани – по одному из рода Тохтамышева, так что из колена Джуджиева было семь (?) ханов в одно время»⁶³.

**Перевод списка ярлыка, выданного ханом Ибрагимом группе
феодалов, осуществленный абызом Артыком Иманаевым.
(Не ранее 1682 г. июня – не позднее 1685 г. января 19⁶⁴)**

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 196, л. 2. Подлинник.

Перевод ярлыка

(1) Мы, Ибрагим-хан.

(2) Мое жалованное слово [таково]. Во имя благоволения Бога [и] во имя милости Мухаммеда – посланника Божия *сих сирых отроков⁶⁵

(3–4) [и] вдову пожаловали в тарханство. Сих пожалованных⁶⁶ имена⁶⁷: Гульбустан-хатун в головах, ее сын[овья Мухаммед-‘Али и] Мухаммед-‘Азиз, [происходящие] из рода ханов, из рода шахов, [из рода] Джанеке-султан, – эти поименованные [нами] пожалованы⁶⁸.

(5–6) Вместе с ними мы пожаловали [тарханством] и слугу ее (?) по имени Хушкильди. [Вдобавок к тарханству] пожаловав эти две тамги Иректинского леса, что [ранее] были пожалованы отцу Мухаммед-‘Али [и] Мухаммед-‘Азиза, мы пожаловали [их] в числе [прочих] вельмож.

(7) Без ведома вышеозначенных пусть никто в их лес да не ходит; если займутся⁶⁹ хлебопашеством, амбарную пошлину с них

(8) да не взимают. К вышеозначенным гостей на постой силой да не ставят; тарханы и гонцы подвод у них да не берут;

⁶² Очевидно, следует согласиться с замечанием В.В.Трепавлова о том, что в текст хроники или при его переводе вкралась ошибка и данное сочетание имен должно выглядеть так: «Сейид-Ахмеда и Кучук-Мухаммед-хана» (Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. С. 50). При этом потомком Тохтамыша являлся только Сейид-Ахмед.

⁶³ Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: в городской типографии, 1844. Т. 1. С. 380–381.

⁶⁴ За нижнюю дату документа принято восшествие на царский престол Ивана и Петра Алексеевичей, за верхнюю дату – день рассмотрения челобитной Кутлу-Мухаммеда Кутлу-гушева уфимским воеводой.

⁶⁵ В тексте: сего сирого отрока.

⁶⁶ Букв.: отпущенных свободными [от налогов и повинностей].

⁶⁷ В тексте: имя.

⁶⁸ Букв.: отпущены свободными [от налогов и повинностей].

⁶⁹ В тексте: займется.

(9) ни с какой стороны пусть не чинят им насилия. Так сказав, сих пожалованных⁷⁰ Хайдар-‘Али-султаном Гульбустан-

(10) хатун, ее сыновей⁷¹ Мухаммед-‘Али [и Мухаммед-]‘Азиза, [происходящих] из рода ханов, из рода шахов, [из рода] Джанеке-султан, а также ее слугу по имени Хуш-кильди [пожаловал].

(11) Этим вышеозначенным выдан сей ярлык с нишаном. Писано даты в восемь-сот⁷² ... [год], в начале месяца рамазан.

(12) Писал Хаджи-Курбан-хафиз.

Перевод нишана⁷³

* Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад – Пророк Аллаха⁷⁴.

Государь величайший, слава [мира и веры] Ибра[гим] хан – да увековечит Аллах державу его и да укрепит власть его!

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепалов*

Тарханный подтвердительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1)

НМ РТ, редкий фонд, № 5757. Подлинник.

Перевод

[1] ...воителя Сахиб-Гирей [хана слово]

[2] наместникам (*вали*), губернаторам (*хаким*), великим сул[танам, мусульманским кадиям],

[3] почтенным муллам, старейшинам, градоначальникам, представителям [на местах], гонцам, смотрителям ямов,

[4] досмотрщикам судов, стражникам на дорогах, сборщикам дорожной пошлины, сборщикам тамги, всем жителям и всем обитателям

[5] *казанских вилайетов и богохранимых пределов – да будут они хранимы от бед и несчастий! – этот указ,

[6] когда дойдет, слово [наше] таково: этот Шейх-Ахмед сын Мухаммеда, и сын Шейх-Ахмеда Абдал, младший брат Сейид-Ахмеда⁷⁵ Махмутек, его сын Муса,

[7] сын Сейида Якуб, его младший брат Буланс⁷⁶, его [же] младший брат Нур-Сейид, – эти семеро, явившись к нам, били челом

[8] [в том, что они] являются людьми, которые произведены в тарханы нашими старшими братьями ханами. Мы, также пожаловав,

[9] дабы доволен был Господь Всевышний и еще ради заступничества Мухаммада – Посланника Аллаха, этих вышеназванных лиц

⁷⁰ Букв.: отпущенных свободными [от налогов и повинностей].

⁷¹ В тексте: сына.

⁷² После слова «восемьсот» пропущены слова, обозначающие десятилетия.

⁷³ Нишан (также тамга) – большая квадратная печать, в чингизидских актах имевшая удостоверительную функцию.

⁷⁴ Формула повторена дважды.

⁷⁵ Должно быть: Шейх-Ахмеда (?).

⁷⁶ Должно быть: Буляк (?).

- [10] произвели⁷⁷ в тарханы. Отныне сим вышеозначенным на дорогах и тропах,
 [11] в пути и на месте пребывания, при нахождении их [где-либо] и при отбытии, слугам их
 [12] и рабам их, поклажам их и скоту их никто и никоим образом
 [13] вмешательства и притеснений пусть не чинит, ясака, калана и *подушного налога⁷⁸ пусть не накладывают,
 [14] запросы, пошлины и сборы на издержки пусть не требуют, скот их и подводы, воды и земли [по реке] Ик⁷⁹ (?)
 [15] захватывать пусть не покушаются, силой в дома их посланников и гонцов на постой пусть не ставят,
 [16] сельский налог, земельные ссуды (?), подымный налог пусть не берут, провизии и фуража [при постояях] пусть не требуют;
 [17] пусть им ни с чьей стороны не причиняется вред и ущерб. Пребывая в покое,
 [18] вечером и утром, на рассвете и на закате нам и нашему роду молитвы и благословения
 [19] пусть воссылают. И пусть не причиняют [им] никаких насилий и обид. После
 [20] вышесказанного тем, кто, не внимая ярлыку, причинит [им] насилия и обиды,
 [21] самим ничего хорошего не будет. О том выдан ярлык с красной печатью
 [22] в год девятьсот двадцать девятый тринадцатого дня благословенного месяца сафара
 [23] [это] было.

Нишан

Внешний квадрат:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного
 Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад – Пророк Аллаха (трижды)

Внутренний квадрат:

Государь величайший, слава мира и веры, победоносный Сахиб-Гирей бахадур хан – да увековечит Аллах державу его и да укрепит власть его!

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

Московский летописный свод конца XV века о походе великокняжеских сил на Казань в 1469 году

[...] **Послал князь великы судовую рать на Казань.** Тоя же весны по велице дни на другой неделе послал князь великий на Казанские места рать в судех, воевода Костянтин Беззубцев Александрович, а с ним многие дети боярские двор свой также и от всея земли своя дети боярские изо всех градов своих и изо всех отчин братии своею по тому же. А с Москвы послал суружан и суконников и купчих людей и прочих всех Москвич, кои пригоже по их силе [...] И пришед к Вятке и начата Вятчаном глаголати речью великого князя, что бы пошли с ними на Казаньского царя. Они же рекоша к ним: «изневолил нас царь, и право свое дали есмя ему, что не помогати ни

⁷⁷ В тексте: произвел.

⁷⁸ *Салыг мөсәмма*. Букв. 'именуемое «салыг»'.

⁷⁹ Слово «Ик» (?) вписано другими чернилами и другой рукой.

царю на великого князя, ни великому князю на царя». А в ту пору был на Вятке посол Казанского царя, и тот послал весть к Казани, что и отселе идет от Вятки рать великого князя судовая, но не во мнозе. А Костянтин Беззубцев со всеми предписанными вой совокупився стояше в Новгороде в Нижнем, и прислал к нему князь великий грамоту свою, веля ему самому стояти в Новгороде, а которые под ним дети боярские и вси прочие вой всхотят, тех повеле ему отпустить воевати мест Казанских [...] И поидоша вси, а Костянтин остася в Новгороде [...] И того же дни отплывше от Новгорода 60 верст, начевали, а на утрее обедали на Рознежи, а начевали на Чебоксаре, а от Чебоксари шли день весь, да и ночь ту всю шли, и приидоша под Казань на ранней зоре маиа 21, в неделю 50-ю, и вышед из суд поидоша на посад, а Татар начаша сечи и грабити и в полон имати. А что полон был туто на посаде христианской, Московской и Рязаньской, Литовьской, Вязьской, Устюжской и Пермьской и иных прочих градов, тех всех ополониша, а посадки их все со всех сторон зажгоша. Мнози же Бесурмени и Татарове, не хотяще ся дати в руки христианом, а большее, жаляще по мнозем богатстве своем, запирающися над своим добром в храмах своих и с женами и з детми и со всем, что у них есть, и тако изгореша. Погоревшим же посадом, и рать отступи от града, а уже и истомившимся им велми, и вседше в суды своя отъидоша на остров Коровнич и стояша ту седмь дней. И ту прибеже к ним ис Казани полоняник Коломнятин, сказывая им, что допона собрался на них царь Казанской Обреим со всею землею своею, с Камскою и с Сыплиньскою и с Костяцькою и з Беловоложскою и Вотятьскою и з Башкирьскою и быти ему на вас на ранней зоре и судовую ратью, и конною. И то слышавши воеводы великого князя и все вой его и начаша отсылати от себя молодых людей з большими суды, а сами оставшася назади на брези боронити тех, а повелеша им шед стати на Ирыхове острове на Волзе, а на уское место не ходите. Они же не послушав поидоша на уское место, а в больших судех, и ту приидоша на них Татарове на конех и начаша стреляти, хотяще бы бити их, они же противу им стреляюще, отбишася от них. А судовая рать Татарская, лучшие князи и людие поидоша на великого князя рать на судовую же, как пожрети хотяще, немногих бо видяху их оставшихся. Си же не убоявшеся поидоша противу Татар, аще и мнози суть, и много бившеся прогнаша Татар до самого города Казани полоем и под стену, и възвращшеся сташа шед на Ирыхове острове, и совокупишася ту вместо и с большими суды. Стоящим же им на том острове, и ту прииде к ним Костянтин Александрович Беззубцев, воевода их болшей. Пришед же посла к Вятке великого князя словом к Вятчаном, чтобы пошли к Казани ратью, а срок им учинил от того дни полчетверты недели стати под Казанью. Вятчане же отвещаша: «коли пойдут под Казань братия великого князя, тогда поидем и мы». Костянтин же за тот срок со всею силою стоял другую полчетверты недели, а от великого князя воевод и от Вятчан не бывала к ним никакова весть, а у них начат уже корму не ставати, немного бо с собою запасу имали, понеже шли изгоном. И поиде Костянтин со всеми вой со Ирыхова к Новгороду к Нижнему вверх. Гребшим же день той и на утрее до полуутра, и ту сrete их царица Касымова, Казаньского царя мати Обреимова и начат говорити воеводам великого князя: «князь великий отпустил мене к моему сыну со всем добром и с честью, то уже не будет никоегоже лиха межь их, но все добро будет». И поплы мимо их, а си вверх поидоша. [...]

Текст воспроизведен по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 282–283.

М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях (1517 г.)

[...] За Московией на северо-востоке, на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, Башкирия, Черемисса, Югра и Корела...

Другие выше упомянутые области коснеют в язычестве и идолопоклонстве, поклоняются солнцу, луне, звездам, лесным зверям и чему попадетсЯ; имеют свои языки и наречия: в Пермской земле – свое наречие, в земле башкир – свое, в Югре и в Кореле также свое,

В этих областях не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много, а пьют только воду. Живут они в чаще лесов, в шалашах, сделанных из ветвей.

Леса, покрывающие эти страны, сделали людей дикими и звероподобными. Они, как и звери, не имеют разума, не носят шерстяных одежд, покрываются шкурами, грубо и просто сшивая вместе шкуры разных, каких случится, зверей: волчьи, оленьи, медвежьи, собольи, беличьи и другие [117]...

Текст воспроизведен по изданию: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 117.

Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии (1523/1524 г.)

/Народы, обитающие в Московии/ На сем пространстве обитают многие народы, а именно: Югры (Iugri), Карелы (Corelli), Печоране (Pegusrani), Вогуличи (Vahulzrani), Башкиры (Baschirdi) и Черемисы (Czeremissi). [16]...

/Скифские племена, подвластные Московии/ К северовостоку от Московии, за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пяти сот Немецких миль, живут Печоране и Вогуличи, народы племени Скифского. Не за долго перед сим Великий Князь Иоанн, предшественник ныне царствующего Князя Василия, покорив их своему владычеству, принудил креститься и исповедовать Христа, и дал им в духовные наставники Греческого Епископа или Владыку (Vladico). Говорят, что по отбытии Великого Князя, варвары схватили этого Епископа, содрали с него кожу и потом умертвили в жесточайших мучениях. Князь, узнав о сем, поспешно возвратился назад, казнил зачинщиков бунта, и дав им другого Епископа, снова обратил их к вере Христианской. За Печоранами и Вогуличами, по берегу Северного Океана, живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы. Все они находятся под властью Московитян, но доселе еще коснеют в идолопоклонстве. [27]...

Текст воспроизведен по изданию: Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.

Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии

(НГ Орда или) Царство (-, Reich) Казанское, город и крепость того же имени расположены на Волге, на **дальнем** (НГ северном) берегу реки, почти в семидесяти немецких милях ниже Нижнего Новгорода; **с востока и юга по Волге** (НГ вниз по Волге) это царство ограничено пустынными степями; с северо-востока с ними граничат татары, зовущиеся шейбанскими (Schibanski) и кайсацкими (Kosatzki). Царь этой земли может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чувашы (Czubashi, Zuwaschi) – весьма искусные стрелки. Чувашы отличаются также и знанием судоходства... [171]

За казанскими татарами прежде всего встречаем татар, зовущихся ногаями (Nagai) (НГ В произношении это имя звучит «нахай») (Nahai). Они живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской.... [180]

Текст воспроизведен по изданию: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988.

Казанская история о Приуралье

Бысть же черемиса, зовомая остяки. Тое же глаголють ростовскую чернь, забъжавших тако от крещения рускаго и вселившихся в Болгарскую землю и Орду, да царем казаньским обладаютя. Та бо бѣ преже земля болгаровъ малых за Камою, промеж великия рѣки Волги и Бѣлыя рѣки Воложки до великия Орды Нагайския. Болшия болгары – на Дунае...

По 6 месяцах паки учиниша брань сице: воеводы бо казанския послаша воеводу свияжскаго Бориса Салтыкова не с великою силою на нѣкия улусы черемиския, еще не покаряющимъ имъ, яко да и тѣх покорят и смирят. И за тѣх востаха вси людие, и паки возьматся вся земля. И того воеводу жива яша, побивше вои его 20000, и заведоша его в башкирския улусы и в дальнюю черемису, за 700 верстъ за Казань, и умучиша его тамо. И воевахуся пять лѣт не отступаючи от Казани и паки хотяще град свой восприяти, не дадущи гражаном руским на дѣла своя из града изходити. Токмо великою силою прогоняюще их и тако исхожаху на оружия своя, данележе исчезѣ вся черемиса за беззакония своя, якоже и владѣльцы их – уланове и князи и мурзы, остриемъ меча вси поразися.

Текст воспроизведен по изданию: Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 252–509.

Сообщения А.М. Курбского о землях и народах Казанского ханства

[...] И по сем аки по трех днехъ повелѣл царь нашъ итти тому княжати Александру Суздальскому с тѣм же войском на засѣку, яже были бусурманы сооружили стѣну между великими блаты на горѣ единой аки две мили от мѣста. Идѣже паки по разбѣжанию ономъ собращася множество ихъ. И умыслиша оттуду, аки из града единого выѣзжаючи, паки ударяти на войско христианское. И ктому еще, к ойному предреченному гетману придано другаго гетмана, а по-ихъ – великого воеводу, с полки его, именован князя Семена Микулинского, с роду великихъ княжат тверскихъ, мужа зѣло храбраго и в богатырнихъ вещах искуснаго. И дано имъ повелѣние таково: аще имъ бы

Богъ помогль оную стѣну проломити, да идуць всѣм войскомъ аже до Арского города, который лежитъ от Казани дванадесять мил великих. Егда же приидоша ко оной стѣне, опрощася бусурманы и начаша бранитися крѣпце, аки на две години биющеся. Потом за Божию помощию одолѣша ихъ наши яко огненною стрелбою, такъ ручною. И побѣгоша бусурманы, наши же гонили ихъ. Егда же препроводишася все войско великое за оную стѣну, и оттуду цареви нашему с сеунчем послали. А тамо наше воинство об ночь пребыло и обрѣтоша в шатрѣх и в станѣхъ бусурманскихъ немало корыстей. И приидоша аки за два дни до оного предреченного града Арского и обрѣтоша его пусть, покинен, от страха бо избѣжаша из него всѣ страха ради в далѣчайшия лѣсы. И плѣниша тамо в земли оной аки 10 дней, понеже в землѣ той поля великия и зѣло преизобилныя, и гобзующе на всякия плоды, такожде и двory княжат ихъ и велможей зѣло прекрасны и воистинну удивлению достойны. И сѣла часты, хлѣбов же всякихъ такое там множество, воистинну вѣре ко исповѣданію неподобно – аки бы наподобіе множества звѣздъ небесныхъ! Такъже и скотов различныхъ стад безчисленныя множества, и корыстей драгоценныхъ, наипаче от различныхъ зверей, в той земли бывающихъ: бо тамо радятца куны дорогіе и бѣлки, и прочія звѣрие ко одеждам и ко еденію потребны. А мало за тѣм далѣй – соболей множество, такожде и медовъ, не вѣм, гдѣ бы под солнцем болши было! И по десяти днехъ со бесчисленными корыстями и со множеством плѣну бусурманскихъ жен и детей возвратишася к нам здраво. Такожде и своихъ, древле заведенныхъ многихъ от бусурманъ, свободиша от многолѣтня работы. И бысть тогда в воинствѣ христіанском велия радость, и благодарение ко Богу воспѣвали. И такъ было таней в войску нашѣмъ всякия живности, иже краву куповано за десят денегъ московскихъ, а вола великаго за десят аспрь. [...]

[...] Царь же вниде в совѣтъ о устроеніи града нововзятото. И совѣтовавше ему все мудрыя и разумныя, иже бы ту пребыл зиму ажъ до весны со всѣмъ воинством: бо запасовъ было всякихъ множество съ Руския земли кгалиями направажено, якоже и в той землѣ бесчисленное богатство всякихъ достатков. И до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себѣ покоров и усмирил землю навѣки, бо кромѣ татарска языка в том царствѣ пять различныхъ языковъ: мордовскій, чувашскій, черемискій, воитецкій або арски, пятый башкирскій; тѣ живут башкирцы вверхъ великия рѣки Камы в лѣсах, яже в Волгу впадает ниже Казани дванадесять миль. Онъ же совѣта мудрыхъ воевод своихъ не послушал, послушал же совѣта шурыи своихъ, они бо шептаху ему во уши, да споспешитца ко царице своей, сестре ихъ, а и другихъ ласкателей направили съ попами. [...]

[...] И по шестомъ лѣте собра войска немало царь нашъ, вящей нежели от тридесять тысящей, и поставилъ над ними воеводъ трехъ: Иоанна Шеремѣтева, мужа зело мудраго и острозрителнаго и от младости своя во богатырскихъ вещахъ искусстваго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня, и с нами немало стратилатов, свѣтлыхъ и храбрыхъ, и великородныхъ мужей. Мы же, пришедше в Казань и опочинувъ мало воинству, поидохомъ въ предѣлы оныя далеко, идѣже князие казанскіе с воинствы бусурманскими и другими поганскими ополчашеся. И было ихъ во ополченію вящей, нежели пятнадесять тысящей. И поставляху битвы с нами и со предними полки нашими, сражашеся мало не двадесять кратъ, памяти ми ся. Бо имъ удобне бываше яко знаемымъ во своей ихъ землѣ, паче же с лѣсовъ прихождаху, сопротивляющіи же ся намъ крѣпце, и вездѣ, за благодатию Божию, поражаемы были от христіанъ. И ктому погодное время Богъ даль намъ на них, понеже зѣло в тую зиму снеги были великия бѣзъ северов, и того ради мало что ихъ осталось. Понеже хождаху за ними мѣсяць цѣлый, а предние полки наши гоняху за ними аже за Уржумъ и Мѣть-рѣку, за лѣсы великия, и оттуду аже до башкирска языка, яже по Камѣ-рѣке вверхъ ко Сибири протязается. И что ихъ было осталось, тѣ покоришася намъ. И воистинну, было

что писати по ряду о оных сражанияхъ съ бусурманы, да краткости ради оставляется, бо тогда болши десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихом со атаманы ихъ, тогда же славныхъ кровопийцовъ христианскихъ, Янчуру Измаилтянина и Алеку Черемисина, и другихъ князей ихъ немало погубихомъ. И возвратихомся за Божиюю благодатию во отечество со пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстями. И оттуды начало усмирятися и покаратися Казанская земля цареви нашему. [...]

Текст воспроизведен по изданию: Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 310–479.

Духовная царя и великаго князя Иоанна Васильевича, самодержца всероссийскаго. 1572 г.

[...] А что естими, с божиею волею, взял царство Казанское, и аз царством Казанским благословляю сына же своего Ивана, даю ему город Казань с Арскою стороною, и с Побережною стороною, и с Луговою стороною, и со всеми волостями, и с селы, и с чувашею, и с черемисою, и с тарханы, и с башкирдою, и с вотяки, и со всеми их бортными землями с Волскими и с Казанскими, и с рыбными ловлями, и со всеми угоды, и со всеми пошлинами, а как ми бог [дал] Казанскую землю, что было изстари к Казанской земле потягло, при прежных царех. [...]

Текст воспроизведен по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовка к печати Л.В.Черепнина. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 439.

Указная грамота великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, в Слободку на Каму, Якову да Григорью Аникеевым детем Строганова (6 августа 1572 г.)

От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, в Слободку на Каму, Якову да Григорью Аникеевым детем Строганова.

В нынешнем в 80 году писал к нам с Перми воевода наш князь Иван Юрьевич Булгаков, с своим человеком с Иваном с Борисовым, о вестех про Черемиской приход на торговых людей, суды, на Каме; да князь Иван же писал к нам, что писал к нему с Устья человек ваш Третьячко июля в 15 день, что приходили де наши изменники черемиса на Каму сорок человек, да с ними де остяки и башкирцы и буинцы, войною, и побили деи на Каме пермич торговых людей и ваташиков восемьдесят семь человек. – И как к вам ся наша грамота придет, и вы б жили с великим береженьем, а выбрав у себя голову добра да с ним охочих казаков, сколко приберетца, со всяким оружьем с рушницами и с саадаки, да и остяков и вогулич, которые нам прямят, с охочими казаки, которые от нас не отложились, велели прибрать, а женам их и детем велели быть в остроге, как голову выберете, да и охочих людей, стрелцов и казаков, велели написати на список; а сколко остяков и вогулич охочих людей сберетца, и вы б то велели ж писати на список же, по имяном, и розобрав их по статьям, кто с коим оружьем и сколко тех охочих людей, и остяков и вогулич, всех на наших изменников в собранье будет, да оставя у собя противень, а с того имянного списка списав, прислали за своею печатью, с кем будет пригоже, к нам на Москву в Приказ Казанского Дворца, к диаком нашим Ондрею Щелкалову да к Кирею Горину, чтоб нам про тот их сбор было ведомо;

да те бы есте головы с охочими людми, с стрелцы и с казаки и с остяки и с вогуличи, посылали войною ходити и воевать наших изменников, на черемису и на остяков и на вотяков и на ногаи, которые нам изменили, от нас отложились; а которые наши изменники учнут приходити на слободцкие места войною, и те б охочие люди на тех черемиских людей приходили, чтобы их повоевати, а себя от них уберегати, и от них отходить самим бережно и усторожливо.

Источники: РГАДА, ф. 1278, оп. 2, ед. хр. 5; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846.

О убииении Русских торговых людей и ватащиков от Черемисы и Башкирцов

В лето 7080 (1572) году, июля в 15 день, Божиим попущением прииде на реку Каму Черемиса, и с собою подговориша Остяков, и Башкирцов и Буинцов множество, и окол преж реченных городков Канкора и Кергедана побиша Русских торговых людей 87 человек; и об том благочестивый Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Русии послал грамоту свою Царскую, за приписью Дьяка Кирея Горина к Якову да к Григорью Строгановым, а указал, чтобы им за его Государевыми изменники, за Черемисою, и Остяки, и за Башкирцы и за Буинцы, из городков людей своих собрав послати.

О приходе Сибирских людей Пелымскаго князя под Пермские города, и под Канкор, и под Кергедан и под Чусовские городки, и под Сылвянской и Яйвинской острожки

В та же времена девять десятыя години (1581 г. – А.А.) и в число днєви, на память Преподобнаго отца нашего Семиона Столпника, злочестивый и безбожный князь Пелымский ярости многи наполнися, но и паки зверострашием объят бысть, и умысли злохитрое коварство в сердцы своем и начат лєсть с лукавством сшивати, и бысть ему безбожному ко своей погибели; тогда он злочестивый собра воя своя, число же их седьмь сот человек, и подозва с собою буйственных, и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирския же земли со множеством вои; он же злый по неволи взя с собою Сылвянских, и Косвинских, и Иренских, и Ивинских и Обвинских Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и Башкирцов множество, и прииде с вои своими, яряся, на Пермския города на Чердынь, и те места поплениша и пожгоша, дондеже и к стенам града сурово и люто зело приближишася ко граду, едва не взяту бывшу. Но всемогий Бог не попусти окаянных; и вскоре от того места поидоша под Кай городок и ту велию пакость учиниша, и оттоле окаяннии приидоша под Камское усолье, и ту села и посады пожгоша, и людей поплениша; и приидоша под Канкор и под Кергедан городки, а оттоле поидоша под Чусовские городки и под Сылвянской и Яйвинской острожки, и внезапно окаяннии нападоша на Чусовские городки, и около ту живущих крестьян множество посекоша и села их и жилища пожгоша, и немилостиво православных пленяху, и полону многу взяту бывшу.

Тексты воспроизводятся по изданию: Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 5, 11–12.

Статья из Соликамской летописи о нападении пелымского князя Кихека в 1581 году

1581. Сентября 1-го числа Божиим попущением грех наших ради, злочестивой и безбожной Князь Пелымский Кихек, собрав вой числом 700 человек и подзав с собой Мурзы Ула Сибирской земли со множеством вой. Да он же злый по неволе взял с собою Сылвенских и Иренских Татар, Остяков, Вогулов и Башкирцов, и вниде с войски своими в Пермские грады на Чердынь и Соль-камскую. Град Чердынь едва не взял, но всемогущий Бог попусти город Солькамскую посад взяша и пожгоша, и людей множество побиша, и селы разориша и поплениша. А побитыя люди погребены близ града на песку.

Текст воспроизведен по изданию: Соликамская летопись // Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 204–205.

Описание Сылвенского уезда из Писцовой книги И. Яхонтова 1579 года

[...] А по государеве цареве и великого князя Михаила Феодо ровича всеа России жалованной грамоте и прежних государей грамотам и по сотной с книг письма и меры Ивана Яхонтова да подъячаго Третьяка Карпова 87 году к Сылвенскому острожку уезду написано: от реки Чусовые рекою Сылвою вверх до острожку 20 верст, а от острожку рекою ж Сылвою вверх до деревни Верхолузья 10 верст, а от деревни Верхолузья Сылвою ж вверх до Остяцких улусов и в той меже по обе стороны Сылвы реки земли и береги и острова пустые и речки, которые впали в Сылву от устей и до вершин, и озера лешие с истоки и леса дикие Андреевы да Петровы. [...]

Источник: 1623–1624 г., Пермь, перепись Кайсарова. Сылвенский острожек (<http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/344-sylvenskij-ostrozhek>).

Перепись Яхонтова 1579 г. – Чердынского же уезду погосты и деревни и починки отоже ее в Косе

Деревня Нижняя Коса Иванко Семенов, да дети его Гриша да Олеша, Кондратко Вотин, дети его Фетко да Иванко, Юшко Семенов да сын его Олешка, Трейко да Васюк Остафьевы, Малец Григорьев, Демка Уфимов. Пашни 29 чети, перелогу 14 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа, лесу пашенного 10 десятин; сена на реке на Косе 120 копен. Тоеж деревни у крестьян рыбная ловля в реке в Косе, да в речке в Булаче, да у них же мельница колотовка на истоке, а оброку им с тое мельницы и с рек давати 10 алтын, да пошлин 3 денги. Деревня Ныров погост на реке Колве Иванко да Останя Петровы, Петрушка Михайлов да сын его Микулка, Степанко Михайлов. Костка Михайлов да сын его Микулка, Тимошка Федоров, Иванко Полушкин, Сенка Федоров, да сын его Ондрюшка. Софронко Дорофеев, Костка Федоров, Бак Архипов, Елизарко Бабин, Степко Федоров, Федко Афонасьев, Ромашко Петров. Пашни 55 чети, перелогу 14 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 11 десятин; сена на реке на Косе и по заполью 140 копен. Да у них же рыбная ловля в реке Косе, да в речке Булаче, а оброку им с тех речек, давати 2 гривны, да пошлин 2 денги. Тоеж деревни у крестьян на роднике мельница колотовка; а оброку им с тое мельницы давати гривна да пошлин 2 денги. Деревня Нестерово вверх Косы реки на Нылве. Лунешко Нестеров.

Максимко Семенов, Еремко Семенов. Васюк Еремеев, Офонка Яковлев. Федко Тимофеев, Рака Григорьев. Никитка Чюгайнов, Ивашко Чудов, Васка Бабин, Исайко Тимофеев, Шадко Черемной Тиханов, Васюк Лукьянов. Пашни 58 чети, перелогу 16 чети с осьминою в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 12 десятин; сена на реке на Нылве 107 копен. Да у них же рыбная ловля в реке Косе, а obroку им с тое реки давати 2 гривны, да пошлин 2 денги. Тоеж деревни у крестьян Лунеге с товарищи на Нылве мельница колотовка; а obroку им с тое мельницы давати гривна да пошлин 2 денги. Погост Гайна на реке на Колве. А в нем двory крестьяне пашенные: Иванко Иванов, Харя Игнатъев, Клишко Кузмин, Ивашко Филипов, Ондрюшка да Павлик Михайловы, Фролко Харитонов, Осипко Никитин, Тимошка Никитин, Ондрюшка Мартьянов, Микитка Федоров, Патракейко Харитонов, Васюк Никитин, Ивашко Никитин, Сенка Тимофеев, Гришка Михайлов. Да 4 двора пусты. Пашни 64 чети, да перелогу 22 чети с осьминою в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 16 десятин; сена на Каме на реке по наволокам и по заполью 250 копен. Да у них же рыбная ловля в реке Косе, да в речке в Уле, а obroку давати с тех речек 2 гривны, да пошлин 2 денги. Деревня Данилово. Одинец да Никитка Федоровы, Никитка да Сухой Васильевы, Офонка да Сенка Анфимовы, Петрушка да Куземка Ивановы, Конша да Могош Ивановы. Доронка Дементьев Волег Шудов Пашни 33 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 2 десятины; сена по реке по Каме и по наволокам 70 копен. Тоеж деревни у крестьян у Одинца Васильева с товарищи рыбная ловля в речке Сулоге, а obroку им давати с тех речек 2 гривны, да пошлин 2 денги. Деревня Чежегово на роднике Мишка Павлов, Гришка да Иванко Васильевы, Сенка Огашин, Трейка да Юшко Поздеевы, Оброско Поздеев. Пашни 25 чети, перелогу 10 чети с осьминою в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 8 десятин; сена 30 копен. Деревня Имас Петрушка да Овдокимко Яковлевы, Вилеско да Васка Игнатъевы, Данко Григорьев. Пашни 19 чети, перелогу 7 чети с осьминою в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 5 десятин; сена 20 копен. Да у них же рыбная ловля в реке Лиме. а obroку им с тое речки давати гривна, да пошлин денга. Деревня Земское на реке Каме. Истомка Ракин, Куземка Федотов, Михалко Борисов, дети его Петрушка да Юшко. Пашни 11 чети, перелогу 4 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 5 десятин; сена на реке на Каме 35 копен. Деревня Лупье на реке на Лупье. Ермолка Леонтъев, Сидорко Леонтъев. Пашни 10 чети, перелогу 4 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 5 десятин; сена на реке на Каме 35 копен. Починок Тошуб. Евсюк Иванов да брат его Якуш. Пашни 3 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 5 десятин; сена 15 копен. Деревня Очга на реке на Лупье Гришка Ильин, Степко Ильин. Сергейко Ильин, Бориско Ильин Утин, Никитка Иванов, Васка Федоров Васка да Онко Евдокимовы. Пашни 33 чети, да перелогу 10 чети в поле, а в дву потомуж; земля худа; лесу пашенного 7 десятин; сена на реке на Лупье 45 копен. Да у них же рыбная ловля в реке в Лупье, да в речке в Вогде. а obroку им с тех речек давати 2 гривны, да пошлин 2 денги. Починок Чазев на речке Киве. Гриша да Петруша Чазевы. Пашни 3 чети в поле в дву потому ж, земля худа, лесу пашенного 10 десятин, сена по заполью 15 копен. Деревня Юксеевых на роднике. Андрейка Иванов да сын его Ондрюшко, Илейка Иванов да сын его Васюк, Кондратко да Юшко Ивановы, Тимоха Андреев. Пашни 22 чети в поле в дву потому ж; земля худа; лесу пашенного 15 десятин, сена по заполью на 50 копен. Деревня Купрос на реке на Инве. Ромашко Микитин да сын его Ондрюшка, Ивашко Никитин, Нестерко да Юшко Ужеговы Пашни 10 чети в поле в дву потому ж; земля средняя; лесу пашенного 10 десятин, сена на реке на Инве 40 копен. У них же рыбная ловля в речке Инве, а obroку им с тое речки давати гривна, да пошлин денга. Деревня на реке на Юсьве. Тулук Васильев, Юда Явор Никитин, Ондрюшко да Кагиль Козьмины,

Игнашко Искарעד да дети его Истомка да Вилес. Пашни 11 чети в поле в дву потому ж; земля средняя; лесу пашенного 5 десятин, сена на реке на Сюзве 20 копен. Деревня Кудымкор на речке на Инве. Ивашко Лазга да сын его Паршук, Рака да Чаз Дмитриевы, Илейка Обаев – Данных, Сенко Данилов, Петрушко Евфимьев, Бориско Гилев, Утка Ивашко, вдова Онисьица Базова да сын ее Степко. Пашни 28 чети, да перелогу 3 чети в поле в дву потому ж; земля середняя; сена на реке на Инве 40 копен. Да у них же рыбная ловля в речке в Инве, а оброку им с тое речки, давати гривна, да пошлин денга. Деревня Кува на речке на Куве Тимошка Земской, Усть Степанов, Некраско Мосеев, Сергейко Малафиев, Мерко Росой. Пашни 15 чети в поле, а в дву потомуж; земля середняя; лесу пашенного 9 десятин, сена на речке на Куве 20 копен. Деревня Верх – Уролки Ивашко да Юшко да Ондрюшка Варачевы, Степка Иванов, Иванко Кабанов, Гриша Меншой да сын его Иванко, Тимошка Иванов да Якуш Варачев, Ерофейко Озеров да брат его Фадейко, Савка Иванов, Максимко Тулуков, Шамга Яковлев, Фарафонко Иванов, Ивашко Жебегов Куземка Федоров, Петрушка Кондратов, Тимошка Иванов, Кибанов, Митка Иванов Офонка Григорьев, Петрушка Кибанов. Пашни 70 чети, перелогу 40 чети в поле, а в дву потомуж; земля средняя; лесу пашенного 30 десятин; сена на реке на Усолке и по заполью, 76 копен.

Источник: Книги письма и меры И. Яхонтова. 1579 г. (<http://zz-project.ru/1579-g-perepisi-solikamska-i-cherdyni/329-cherdynskogo-zhe-uezdu-pogosty-i-derevni-i-pochinki-tozh-ee-v-kose>).

Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132-го (1623 и 1624) годов

Погост Гайна на реке на Каме, а на погосте крестьянских дворов: Ивашко Васильев сын Смолев с сыном с Федкою. Худячко Фролов. Тимоха Трофимов. Первушка Васильев. Климко Алексеев. Патракейко Васильев. Стефанко Алексеев. Ивашко Ондреев. Гришка Иванов. Васка Ондреев Пятунка Алексеев. Якушка Ондреев сын Лодыгин. Петрушка Иванов сын Булатова, да дети ево Стенка да Дружинка. Гришка Клементьев. Алешка Харитонов з братом с Пронкою. Семейко Клементьев сын Огев. Гришка да Якушко Булатовы. Бобыль Савка Степанов. Бобыль Ивко Фролов. Федка Иванов Тиунов бобыль. Да пустых дворов: Кондрашка Приходце, сшел безвестно. Васки Сафронова. Пахомка Иванова. Семейка Иванова, сошли безвестно. Ивашка Булатова, сшел безвестно во 1623 году... Да в погосте кузница Первушки Васильева да у них же рыбная ловля в реке в Косе, да в речке Дуле...

Источник: <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/120-spisok-s-perepisnykh-knig-gorodov-solikamska-i-cherdyni>

1582 г. ноября 16. – Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Тимофеева с товарищами

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в Чусовую Максиму Яковлеву сыну да Миките Григорьеву сыну Строгановым, Писал к нам ис Перми Василей Пелепелицын, что послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевати вотяки и вогуличи и Пельнские и Сибирские места

сентября в 1 день, а в тот же день собрався Пелынской князь с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места, и к городу к Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки нашим людям починили. И то зделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцов от нашего жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов, к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указа. А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили; и им было вины свои покрыти тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они зделали с вами вместе по тому ж, как на Волге чинили и воровали: в которой день к Перми к Чердыни приходили вогуличи сентября в 1 день, а в тот же день от тебя из острогов Ермак с товарищи пошли воевать вогуличь, а Перми ничем не пособили. И то все сталося вашим воровством и изменою. А только бы вы нам служили, и вы б тех казаков в те поры в войну не посылали, а послали их и своих людей из своих острогов наши земли Пермские оберегать. И мы послали в Пермь Воина Оничкова, а велели тех казаков Ермака с товарищи взять отвести в Пермь и в усолье в Камское, и туто им стоять велели, разделяся, и из тех мест на Пелынского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмь тем всем казаком и пермичам и вятчаном с своими посланники с Воином с Оничковым да с Ъваном с Глуховым, чтоб вперед воинские люди, пелынцы, и отяки, и вогуличи с сибирскими людьми, на наши земли войною не пришли и наши земли не извоевали; а велели есмь тем казаком быти в Перми до весны, и на отяки и на вогуличи ходити с Воином воевать и их в нашу волю приводить по нашему указу. А вы б, обсылася в Чердынь с Васильем с Пелепелицыным и с Воином с Оничковым, посылали от себя воевать вогуличь и отяков. А однолично б естя, по сей нашей грамоте, казаков всех, только к вам из войны пришли, послали их в Чердынь тотчас и у себя их не держали. А будет для приходу вам в остроге быти нельзя, и вы б у себя оставили немногих людей, человек до 100, с которым атаманом, а достальных всех выслали в Чердынь однолично тотчас. А не вышлете из острогов своих в Пермь волских казаков атамана Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держати у себя и Пермских мест не учнете оберегати, и такую вашу изменою что над Пермскими месты учинитца от вогуличь, и от пелынцов, и от Сибирскаго салтана людей вперед, и нам в том на вас опала своя положить большая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати. И вы б тех казаков однолично отпустили от себя в Пермь, и нашим делом над пелынцы и над вогуличи и над отяки промышляли по нашему указу, ссылался о том с Васильем с Пелепелицыным и с Воином Оничковым, чтоб дал бог их извоевать и в нашу волю привести, а Пермской земли и ваших острогов уберечи. Писан на Москве лета 7091-го ноября в 16 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии. – Диак Андрей Щелкалов.

К грамоте на обороте приложена черная восковая печать.

Источники: ГАФКЭ, ф. 12; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1. СПб., 1846. С. 184–185; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 2005. С. 335.

**1593–94 г. – Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами,
отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре,
с приложением описи посланного с ними**

...Итти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльные, чтоб пашню завести, и Кучюма царя истеснить, и соль устроить, и тех бы волостей, которые бол... по сю сторону Тобольскаго п Тобольскаго уезду отвести оку... и привести к государю и укрепить и р... [355] как приговорит князь Ондрей со князем Федором, но тому и итти, чтоб пр[итти] на то место, и судовой и копной р[ати], чтоб, город заняв на Таре реке, город зде[лать], высмотри место, ниже ли того, выше ли того, где пригоже, чтоб город зделать и укрепить. А запасы хлебные, и деньги на запас, и всякой наряд вести в судах. А наперед себя послать из Тобольскаго детей боярских, и татар, и казаков по воло[стем], которые по Иртышу, ясашных т[атар] собрать конных по росписи, какова с ни[м] роспись послана, которые ясашные живут по Иртышу вверх, и приказывать к ним государево жалованное слово, что государь их пожалует и в ясаках полегчит. А ныне б они, собрався все, шли конные и пешие с государевыми воеводами на Кучюма царя и на государевых изменников на мурзу и на нагайских людей. И которые государю ясашные люди ясаков не дают, и... о[строг] ставити им всем вместе, чтоб и[м] и вперед государевым ясашным людям жить по Иртышу от Кучюма царя и от нагайских людей безстрашно. А идучи из Тобольскаго, воеводе князю Андрею с товарищи про Кучюма царя и про нагайских людей проводить, где /152 об./ ныне Кучюм царь [кочует], и сторожи наперед себя конные по[сылать], чтоб Кучюм царь, собрався с нагайскими людьми, пришед над воеводами и над хлебными запасы безвесно порухи некоторой не учинил. А конным людям по тому ж итти бережно, чтоб им от Кучюма царя итти с великим береженьем, и от него беречись, чтоб на них не пришел. А буде[т] ясашные люди и князьки, которые живут по Иртышу, с воеводою со князем [Ондреем] на Кучюма царя и на нагайских людей [и город] ставить не пойдут и не послушают, и во[еводе] князю Андрею Васильевичю, идучи Иртышем, те волости воевать, и посылки конные на них посылать, и изменников сыскивать, винных казнить, а черных людей к [шерти] приводить, а у иных заклады пои[мать], и ясак и прошлой и нынешней сполн[а с] волостей збирать, которые не почнут слуша[ться]. А которые волости сберутся вскоре, и будут послушны, и пойдут вскоре, собрався со князем Ондреем, и на тех ныне имать легкой ясак; а с которых будет и не взять, и то, посмотря по тамошнему делу, промышлять, как бы государеву делу было прибыльнее. А тех бы, кто не почнет слуш[ать], тех и извовать, и привести во всем в государеву волю, и заклады у них поимати. И что будет ходу от Тобольскаго города до Тары, и что будет от Тары до Тобольскаю города, и что будет полем от новаго города от Тарскаго на Уфу... чтоб и вперед от них было безстрашно. А пришед на Тару реку, присмотрить под город место, где пригоже быти новому, городу, туто и место очистить и город поставить. А делать город и лес возить всюю ратью, всеми людьми и конными и пешими, и зделать бы /153/ город во всех стенах, и в башнях и в городи... сажен около в полтретьяста или в [три]ста, то по месту смотря, да острог де[лати] сажен в 300, и в 400, и..., смотря по людям, и до 500 сажен... острог, то посмотря по людям, по там[ошнему делу]. А в городе быти самому князю Андрею, да Бо[рису] д[а] Григорью, тому и у казны, и у збору, и у житниц быть, а хлебу быть в житницах в городе» ... да попам, да пушкарям, да стрельцам, утех быв городе дворцы были. [356] А в остроге места наогороды дать и где им в лете есть варить; а опроче воеводы да голо[в] ести ни у кого не варить; а воеводе и го[ловам] поварни в земле зделать, как бы бере... а в остроге казаком конным и татарам служилым Тобольским и тутошним и Тюменским, чтоб быть безстрашным. А подлинно то в росп[иси] написано, которым людям с которого

числа быти отпущеным и которым зимовать, и на те лошади сена изготовить. А отпущать конных, посмотри по Кучюму царю: будет царь не побежит и добывать челом не почнет, и людей с коньми больше оставить к зиме, а будет добьет челом и договор станет, и сына царевича даст в заклад, и отпустит ко государю к Москве, ино [тех] конных поменьше оставить к зиме. А [как] пойдет князь Ондрей из Тобольска и вм[есте] судовая рать с конной ратью пойдет, и о том к государю отписать, и как на новое место придет и город зделает и укрепит, и о том к государю подлинно отписать. И городовые места, и город, и острог на чертеж начертить, и всякие крепости выписать /153 об./, где ст[анет] город, да с тем отписать ко государю подлинно, чтоб государю о всем было известно. А вск[инуть] город делать на всю рать: на детей боярских, и на литву, и на казаков на Тобольских и на Тюменских, и на новоприборных на жилецких людей, [и] на татар. А лес на город велети ронить легкой, чтоб вскоре город зделать. И житницы на государев запас велети поставить, и государев запас ве[с]ь в житницах устроить. А делати город всеми ратными людьми и татары тутошними волостями, сколько тутошних людей зберется к городовому делу, которые туто близко подошли. А сперва их б[ере]чись, велети и лес ронить и привозить под город; а стояли бы под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепитя, чтоб и [м] людей государевых не смечать. А которые не учнут слушать и лесу к городовому [делу] возить, и их велеть воеваг и пои[мав] укро[щ]ать. А устроя город и наряд по горо[ду], всякие пушечные запасы устроить в казне по росписи, какова роспись послана. И быти в новом городе по сему государеву наказу. И государев запас в житницах держать за своею печатью. А при[го]род строить и быть в городничих и у вся[кого] дела и у житниц Григорью Елизарову [да ему] же со князем Ондреем и с Борисом во всяких делех быть и писать то[варищем], и ведать всякой збор и ясашн[ых] ведать ему ж. А велети жит[ница] делать плотником в ту ж пору, то[лько] как город почнут делать. А Кучюму царю сперва приказывать глад... и его оплашивать, покаместа [го]род укрепитя; а приказывать, [буд]то что государь Кучюма царя хочет держать под своею /154/ царскою рукою, и сына к нему Облагаира и людей [его], вперед пожаловав своим царским жалованьем, отпустит; а ныне бы жил вверх нового города, в которых городках пригоже, чтоб ему не приходит тех волостей, которые за новым городом будут к Тобольскому городу. А прислал Кучюм царь сына своего... царевича, чт[об] было не безчестно царю прислать к государю сына своего и с ним лутчих людей двутрех, а государь царь и великий князь тотчас пришлет ко царю к Кучюму сына его царевича Облагаира и людей его с ним, которого из Тобольскаго прислали. А промышлять князю Ондрею, чтоб Кучюм царь прислал к государю... ших царевичей лутчего, [357]которой бы... человекнее. А котораго человека от царевича пошлет государь, и о том подлинно ко [князю] Ондрею отпишет государь, как ему быть вмесно. А будет оплоша мочно над царем промышлять, и посылка больш[ая] с татарскими людьми послати, чтоб над Кучюмом и над его женами и над детьми промыслить и извovati их накрепко. А береженье накрепко от Кучюма паря держати. А которые ево волости по Иртышу про[меж] Тобольского и меж нового города, [и в те] бы он волости царь однолично не вступался, и их от Кучюма царя беречи накрепко. А будет Кучюм царь учнет приходит, собрався со многими людьми, на государевых воевод и города ставить не даст, и учнет тесноту чинить, [и вое]воде князю Ондрею Васильевичю с товарищи от Кучюма царя беречись, чтоб пришед Кучюм царь которые порухи не учинил. И город однолично присмотреть на Таре реке и поставить ранее, в котором месте пригоже. А в кою пору /154 об./ учнут город делать и лес на город возить, и в то бы время было береженье от Кучюма царя великое, и быть в городе с великим береженьем и над Кучюмом царем промышлять. А как город поукрепят, и князю Ондрею с товарищи над Кучюмом царем промышлять большими посылками, чтоб над

ним поиск учинить, а себя от него уберечь. И проведав про него подлинно, послать на него посылку большую конных Казанских всех и из Тобол[ьск]а с огне[нным] боем: Тобольских и Тюменских литв[у], и атаманов, и казаков, и служивых татар, и башкирцов, и тутошних ясашных татар, перебрав лутчих; Мамлея Мальцева с Казанскими людьми, а с Тобольскими и с Тюменскими голову Своитина Рупосова и атамана Черкаса и всяких лутчих людей. А будет над Кучюмом промыслу не начаят, а люди будет от него не поедут на государево имя, и над Кучюмом царем посылки большой, не разведав накрепко, вскоре не посылать, и к нему приказывать, и его оплашивать, и житье ему освобождать в верхних городех. А промьгшляти над нагайским мурзою над Алеем, чтоб над тем [про]мыслить большою посылкою. А от Кучюма царя лутчих людей отговаривать, чтоб ехали к государю служить; а ссылались бы с ними Тобольские служивые татарове. А которые от царя придут, и тех жаловать, и сукна давать, и хлеба н[е]велика давать. А лутчих самых два[-три] к государю отпустить, а государево им жалованье великое будет. А как над Кучюмом царем промышлят и его извоюют, и их изтеснят, и воеводе князю Ондрею с товарищи отпустить Казанских и Свияжских и башкирцов назад /155/ к себе, чтоб им поспеть к себе до заморозов и с голоду б им не помереть; а Тобольских людей в Тобольской, а Тюменских в Тюмень, а с собою в новом городе оставить людей по росписи, смотря по делу. А будет только ныне летом над Кучюмом царем промысл не иметь, и помыслить над ним будет не мочно, а правды в нем вперед не почаят, и воеводе князю Ондрею Васильевичю промышлять над ними с Тобольскими и с Тюменскими людьми зимним путем, где учнет кочевать, чтоб над ними промыслить и его извовать. А будет у Тобольских и у Тюменских казаков и у Московских стрельцов запасу годо[вого] не станет и будут добре запасом нужны, и воеводе князю Ондрею Васильевичю им для их нужи из государева запасу, которой с ним [358] послал на запас, по осмине [муки] человеку, а иным по полуосмине, да по четверику круп, по четверику толокна, смотря по их нуже, как что пригоже, чтоб их с голоду не поморить. А как воевода князь Ондрей с товарищи пришед город поставят и как над Кучюмом промышлят, и им отписати к государю к Москве подлинно в приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову, чтоб было государю ведомо. А волости все, которые пошли по Иртышу в верхнюю землю, выведати в тот в новой город, и ясак с них имати, и велети приходить к [ним] и ясак платить по прежнему, почему они платили в Тобольской город. А ясашные книги тем всем волостям взяти в Тобольске у воеводы князя Федора Лобанова, по чему с них ясаку в Тобольской имано. И береженье к тем волостям держать /155 об./ великое, о всем ссылался со князем Федором с Лобановым. А собрав ясак, посылать... на Тобольской город. А что к государю пошлет какого ясаку, и в Тобольской про то вес[т]ь посылать, чтоб князю Федору было в ведомо, чтоб князю Федору с тех волостей с верховых в другой ряд не имать, с которых волостей князь Ондрей возьмет. А что с тех волостей в тот в новой город ясаку соберется, и сколько с которой волости и с кого именем ясаков взято будет, и тот ясак записывать к книги однолично порознь по статьям, и держать тот ясашной збор в государевой казне за своею печатью. А взяти воеводе князю Ондрею с собою в повой город для письма подьячего Крянка Иванова, которой с ним с Москвы послан; а хлебнова ему жалованья дать 4 четверти муки, осмину круп, осмину толокна; и велеть ему быть у государевых у всяких дел в подьячих, и государевы всякие дела писать. А которые не почнут слушать и в город [при]ходить, и на те волости посылать во[йною] воевать [и] их голов и князьков их побивать, а животы их в роздел им: лошади, и животину, и всякую рухлядь имать в роздел ратным людем, а соболи и лисицы черные все на государя, а куница, и белка, и лисицы красные и бобры, то ратным людем в роздел.

Да память воеводе князю Ондрею Васильевичю Елецкому с товарищи. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, послано к вам с Москвы с Микитою с Ушаковым 700 рублей, да с Уланом с Оничковым послано к вам в новой город на Иртиш 35 котлов /156/ медяных, а в них весу 9 пуд с четвертью, да в новой город вверх по Оби послано 356 котлов, а в них 9 пуд с четвертью ж. И как Микита и Улан с деньгами и с котлами на Лозву придут, и воеводе князю Ондрею Васильевичю с товарищи те деньги у Микиты Ушакова и котлы у Улана взять сполна, и дати из тех денег на Лозве: в Пелымской город Василью Толстому служивым людем на жалованье 100 рублей, в Березов город Офонасью Благому 200 рублей, в Сургут Володимеру Оничкову 100 рублей, в Тюмень князю Петру Борятинскому 100 рублей, а к ним о тех деньгах от государя писано. Да с собою взять в новой город на Иртиш 200 рублей на запас. Да Володимеру ж Оничкову дати половину 35 котлов, а другую половину взять с собою на Иртиш, и променити тамошним людем на соболи и на лисицы черные и на шубы на собольи, гривенку по 2 гривны, а пуд променити в 8 [359] рублей; а что на те котлы соболей и лисиц и шуб собольих вымените, и в колько пуд по цене промените, и воеводе князю Ондрею Васильевичю с товарищи держать тое ружья в государеве казне у Григорья Елизарова за своею печатью и прислать к государю к Москве с ясашною казною вместе; да о том отписать к государю подлинно в приказ к дяку к Ондрею Щелкалову.

Роспись, что послано с воеводою со князем Ондреем Васильевичем с Елецким с товарищи в новой город на Тар реку ратных людей, и хлебных запасов, и наряду, и зелья, и свинцу /156 об./. С сотником стрелецким с Самойлом с Лодыженским Московских стрельцов 100 человек; с другим сотником с Замятнею Шокуровым 47 человек; и обоего с двема сотниками послано Московских стрельцов 147 человек; а хлебное жалованье дано стрельцам на 102-й год сполна, да им же дано в дорогу по четверти сухарей человеку, а деньги им даны большое жалованье; да в Перми, взяв с Пермские земли, дать им по четверти муки человеку; а как придут в новой город на Тар реку, и им дати из запаснова хлеба по четверти муки человеку, да по осмине круп, по полусмине толокна человеку, итого 147 четвертей муки ржаной, 73 четверти круп, 37 четвертей без полуосмины толокна. Да из Казани и с Уфы послано полем в Тобольской город, а из Тобольского города итти им с воеводою с князем Ондреем с Васильевичем с товарищи для Кучюма царя с головою с Мамлеем с Мальцовым татар Казанских и Свияжских 100 человек, башкирцов 300 человек, да к ним 4 человека детей боярских, ко сту по человеку. Да с сотником из Казани 50 человек стрельцов конных, да из Лаишева с тем же сотником 50 человек с пищальми полонеников, да из Тетюш с сотником с Микитою с Корякиным 50 человек казаков польских; и всего из понизовых городов велено послать с Мамлеем 554 человека конных. Да из тобольского города взять в тот в новой город выбрав литвы, и черкас, и казаков добрых конных с вогненным боем с головою с Своитином с Рупосовым 100 человек /157/ да татар Тобольских служивых конных с атаманом с Черкасом с Александровым да с головами с Баисеитом да с Байбахтою 100 человек, а быти литве и казакам конным и татарам с головою с Своитином с Рупосовым и с Черкасом вместе; и обоего из Тобольского велено послать конных 200 человек. Да к тому собрати из волостей, которые волости пошли вверх по Иртышу, татар ясашных добрых конных 300 человек, а быть им с головами с татарскими. Да пеших татар прибрать в судех с пищальми 150 человек, а суды под них со князем Ондреем готовы, а быть им вместе с стрельцы с Московскими. Да из Тюмени велено послать выбрав литвы, и черкас, и казаков конных 40 человек; да татар Тюменских, Верхотурских, Ондреевских, и беляковцов, и зырянцов, у которых заклады пойманы в Тобольской и в Тюмень и измены от них не почаеть, выбрать велено добрых 50 человек конных; а государева им жалованья послало по 2 рубли

человеку, итого 100 рублей; и обоего из Тюмени велено послать 90 человек конных. Да из Таборов князю Ондрею взять 30 человек татар конных, да из Кошуков взять 20 человек конных; и обоего с Таборов и с Кошуков 50 человек. Да пермичь плотников взять из Тобольскаго 30 человек пеших, да в новой город [360] со князем Федором с Борятинским послать пермичь 20 человек /157 об./ плотников, а велено им послать с Перми хлеба по 3 четверти муки человеку, по осмине круп, по осмине толокна да по 3 рубли денег человеку. И всего в новой город велено послати с воеводою со князем Ондреем Елецким с товарищи всяких служивых людей конных из Понизовных городов, и из Тобольскаго, и из Тюмени, и из волостей из Тобольских и из Тюменских конных 1194 человека, а пеших 347 человек; и обоего 1641 человек конных и пеших ратных людей. А как город укрепят и поставят, и отпустить воеводе князю Андрею Васильевичу с товарищи Казанских конных с детьми боярскими 550 человек. А после того к зиме отпустить конных татар Тобольских с Баисеитом 50 человек. А оставить с Байбахтою лутчих к зиме 50 человек. Да отпустить по волостям 300 человек конных да пеших отпустить 150 человек. А но вестям смотря, опять их конных собрать 300 человек. Да Тюменских татар копытых отпустить к [зиме] 50 человек. А оставить зимовать с собою князю Ондрею с товарищи стрельцов Московских 100 человек. А отпустить в Тобольской к женам зимовать 47 человек; а от того 100 человек отпустить, укрепя город, до 10 человек для береженья, любо им с ними жити, или в новой город с ними приехати, как вместно будет, по тому и привести жены их и дети к зиме или на весне к лету. А стрельцы бы себе избы полепили /158/. Да с собою ж оставить в новом городе зимовать конных 100 человек литвы и казаков Тобольских. Да Тюменских литвы и казаков конных оставить 40 человек. А Тоборинских и Кошуцких татар 50 человек конных отпустить к себе. Да с собою ж оставить 30 человек плотников. А по вестям смотря, будет к зиме надобна прибавка, и из Тобольскаго бы ко князю Ондрею князю Федору послать 50 человек татар конных, перемена жалованных. И из Тюмени татар конных перемена ж 50 человек. А хлеба в тот в новой город взять с Лозвы из Устюжскаго запасу 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей круп, 100 четвертей толокна. Да денег на запас послано 200 рублей. Да на расход на татарской два постава настрафильных, да 10 половинок ярославских, и из того числа дать Володимеру Оничкову 3 половинки в новой город. А наряду в тот в новой город послано с Москвы с воеводами: пицаль в 4 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; пицаль девятипядная, 2 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; 10 пицалей затинных, а к ним по 200 ядер к пицали, итого 2000 ядер; 10 пицалей долгих, а к ним по 200 ядер свинчатых, итого 2000 ядер. Да с Пельми взяти у князя Петра Горчакова пицаль девятипядная, а к ней 200 ядр /158 об./. Да в тот же в новой город послано 50 пуд зелья, 50 пуд свинцу. Да в тот же в новой город взять с Лозвы у Ивана Нагово 10 пуд железа для городского дела. Да с Лозвы ж взять на расход розным людем 70 пуд соли, и к тому в прибавку послать из нового города татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругах, и давать в расход служивым людем. А от Тобольскаго города пошли волости вверх по Иртышу в верхнюю землю к тому к новому городу ко Ялом, где поставлен будет город государев на Тар реке: волость Курдак, а в ней князь Канкул, а в пей 350 человек, по Иртышу езде [361] от Тобольскаго города 4 дни; волость Соргач, а в ней князь Янбыш, а людей в ней 80 человек, от Тобольскаго 8 днищ; волость Отуз, а людей в пей 15 человек, ходу до нее 2 днища; волость Таву, а в вей лутчей человек Ангильдей, а людей у него 10 человек, ходу до тое волости 2 днища; волость Урус, а людей в ней 6 человек; волость Токуз, а в ней лутчей человек Баишеп, а в ней 3 человека; волость Супра; волость Аялы, а в ней ясаул Мамык, а другой Ямдильдей, а людей у них 500 человек, а от Тобольскаго города до той волости в судех вверх Иртышом ходу 15 днищ /159/. А ясак с тех волостей дают половину на государя,

а другую половину дают царю Кучюму, блюдяся от него войны. И только в той в волосте во Ялах станет город государев, ино с тех волостей ясак учнет сходитца сполна. И Мерзлой городок, и Тураш, и Кирпики, и Малогородцы, что ныне за нагайским мурзою за Алеем, все будут к тому городу. А мочно из того из нового города полем и в Пегую орду по ясак посылать, и посылки конные и пешие для войны. А которые будет волости и городки есть, а туто не написаны, и про тех сыскать и с них ясак имати, а об них об новых ко государю отписать.

Источник: ААН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 7–8.

1596 г. марта 16. – Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому с товарищами о разных местных делах

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Григорию Ивановичу Долгорукому с това-рыщи. Писали есте к нам, что велено быть по нашей грамоте ис Тобольска на Тюмени атаману Дружине Юрьеву у конных казаков; а дали вы атаману Дружине нашего денежного жалованья к московской даче к трем рублем 10 рублей, а хлебново жалованья дали 10 чети муки, да четь круп, четь толокна, да два пуда соли; а дали вы ему на все денежное жалованье по тобольской росписи, а у вас в тюменской росписи не написано, что ему нашего денежново и хлебново жалованья давать; и нам бы вам об нем велети указ свой учинити, почему ему нашего денежново и хлебново жалованья давать. Да на Тюмени подьячего не было, кому наши дела писать; и вы выбрали ис конных казаков казака Безсонка Иванова и велели ему быть у наших дел писать; а нашево ему денежново жалованья дали 7 рублей да на полгода дали 4 чети муки, осьмину круп; и впредь бы вам об нем велети указ свой учинить. Да на Тюмени ж на городе и на остроге наряду мало: одна пищаль медяная сороковая, да 11 пищалей затинных: на городе 9 пищалей, а на остроге две пищали. Да был на Москве казачей челобитчик Иванко Онто-нов, а дано ему на Москве на казачью покупку 70 рублей, и с Москвы послан с казачьею покупкою, и тот Иванко до Тюмени не доехал, збежал с Лозвы, а покупочная рухлядь на Тюмень привезена, и по росписи не с полна. Да в городе Тюмени три престолы: Пречистые Богородицы, да Николы Чудотворца, да Федора Стратилата, а нашего указу нет, почему давать на просвиры хлеба, ржи и пшаницы, и что давать руги пономарю и просвирице; и нам бы о том велети указ свой учинить. Да вы к нам писали, что велено вам по нашему указу промышленять пашнею, чтоб вперед пашни распахать больни преждево, а пашенных людей на Тюмени 26-ть человек, а пашут наши пашни по две десятины под рожь, по две десятины под ярь, а сеют ржи по 2 чети, а овса по 4 чети, опричь своей пашни, а больни того им пашни пахать немочно. Да вы ж к нам писали, что побежали из города с Тюмени 50 человек татар, и вы за теми татары посылали Семейка Вязьмина да с ним служилых татар Какшару, да Майтмаса, да Бахту-раска, а велели им за теми беглыми татары ехать по сакме, а доведатца подлинно тово, куда те люди пойдут; и на Тюмень Семейка Вязьмин с товарищи пришли пеши переграблены июня в 25 день, а в распросе сказали, что сошли они по сакме на Исете на реке на острове Килдемана с товарищи, со с Килдеманом их со-бралося киньрцов и башкирцов человек с 30, а стали де они у Килдемана лошадей просить, и те де татаровя их Семейку да Кокшару с товарищи переимали и перевезали, и держали их у себя 4 дня и хотели их побить; и Семейка им говорил, про что они изменили и из города побежали, и от которые нужи и хотят их побить; и те де татарове сказали им, что им нужи некоторые не было, а побежали они из города для того, что слышали они от толмача от Мити от Токманаева,

сказывал им, что приедут в Сибирь ныне воеводы новые, а с ними де наш указ, что велено из них из киньрцев и из башкирцев, выбрав лутчих людей 12 человек, побить, а иных сослать на Тару и с женами и с детьми, а которые худые останутца, и на тех велено положить пашня, по 5 чети ржи сеять; и Семейка им говорил: некто сказывал вам воровски, затеяв такое бездельное слово, и вы тому бездельному слову не верьте, тому и статци не мочно, и сами вы ведаете, как вас воеводы любили и берегли; и те де татарове отказали ему Семейке, чтобы де мы то слово слышали не от толмача, и мы бы де и веры тому не поняли; да башкирец же да татарин Елтура говорил: приказывал де к нему толмач грозами: пришли де конь мой, а не пришлешь коня, и я де у тебя отоиму жену; а он де Елтура у того толмача коня не имывал. И вы того толмача велели дать за пристава до нашего указа; а достальных татар осталось на Тюмени 20 человек; а закладчиков тех волостей вы посадили в тюрьму до нашего ж указа. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б казачью атаману Дружине Юрьеву и подьячему Безсонку наше денежное и хлебное жалованье давали по нашему указу по росписи, какова к вам роспись послана. А наряду к вам на Тюмень впредь пришлем. А о тюменском казаке о Иванке к вам писано преж сего, по тому б есте по прежнему нашему указу и сделали. А пономарю б есте и проскурнице давали руги по 4 чети муки, по осьмине круп, по осьмине толокна. А толмача Митю Токманаева за воровство, что он воровал, смуту и ссору сделал в волостях в ясашных и в служилых людех великую, велели ево бита кнутом по торгом передо всеми служилыми и ясашными татары и посадили его в тюрьму до нашего указа, чтоб неповадно было впредь иным вором так воровать, смуты и ссоры в волостях в ясашных людех и в служилых татарех делать. А татаром бы есте служилым и ясашным сказали наше жаловальное слово, что мы их пожаловали своим великими жалованьем, и они б нам служили и жили по своим юртом и по волостям попрежнему; а что толмач Митя своровал, смуту и ссору в служилых людех и в ясашных татарех учинил, и за то мы ево велели кнутом бить и посадить в тюрьму. А которые ясашные люди и служилые татарове от Митина воровства побежали и нам изменили, и вы б, про них проведав, к ним послали, чтоб они ехали на Тюмень и жили по своим юртом и по волостям попрежнему, и нашу службу служивые татарове служили, а ясашные люди ясак с себя платили по-прежнему, и велим им дата вперед наше денежное жалованье; а которой толмач им такое бездельное слово затеяв сказал, того толмача велели бить кнутом за его воровство, и велели его посадить в тюрьму до нашего указа. А только они не пойдут на Тюмень и не учнут жити по своим юртом и по волостям попрежнему, и то они готово своровали, нам изменили, и на толмача такое слово вздели не по делу; и вы б велели им сказати, что мы пошлем на них рать свою, а велим их повоевать; а которые заклады у них в городе сидят, и мы и тех велим побить для их измены; а только они придут жити на Тюмень, и мы их пожалуем лутче прежнему. А как у вас наше дело учнут [делати], и вы бы к нам к Москве писали в приказ печатника нашего и посольского дьяка Василия Яковлевича Щелкалова. Писан на Москве лета 7104-го марта в 16 день.

На обороте: Подьячий Тимошка Осипов.

Источник: ААН, ф. 21, оп. 4. № 8, л. 1–3 об., № 1. Напеч. в РИБ, II, стб. 51–56, № 42.

**1600 г. не ранее июня 15. – Отписка тюменского воеводы кн. Л.О. Щербатого
голове Туринского острога Ф.О. Янову о враждебных намерениях
уфимских и сибирских татар и ногайцев**

Господину Федору Осиповичю Лука Щербатой челом биет. Нынешнего, господине, 108-го году июня в пятый на десять день писал ко мне из Тобольска окольничей и воевода Семен Федорович Сабуров с казанским татаринном с Кебяком с Шакеевым, что сказывал ему июня в 3-м числе тобольской юртовской тотарин Елбахта Бигичеев: ходил деи тот Елбахта с товарищи с тотары ж сам-четверт вверх по реке по Ишиму для бобровые ловли, и нашли де они на реке на Ишиме 4 лотки, делали наново; и приехали де на них 3 человека тотар на конех, и он[и]де с теми тотары билися и убили де дву тотариннов, а третьево взяли жива ранена и его розпрашивали, что оне за тотарове и откуда пришли; и тотарин де им сказал, что они тобынцы, а ходят деи вместе с сырянцы, а сырянцов деи и тобынцов бойца человек с полтретьяста, а з женами и з детьми человек с 300, да у них же де Кучумовых детей 4 царевичи – Каней царевич, а иных де и имян не сказал. Да Елбахта ж деи с товарищи того раненого тотарина роспрашивали, не приходит ли им на государевы волости сего лета войною, и он де им сказал, что у тобынцов и у сырянцов ныне лошади худы, а как де у них лошади отъедятца, и он деи слышал у тотар, что и приходит для добычи на Тобольские да на Тюменские волости. И тот де у них раненой человек тотарин умер, а как деи они с того места, где тех тотар побили, поехали в Тобольск и ехали день, и за ними деи приехали похонею татар 7 человек, люди нарядные и лошади все и платье на них добро; и они деи от тех тотар бежали и переплыли Ишим реку, а те деи тотарове, гонив за ними, у Ишима стали, за ними за Ишим не поплыли. Да ездил, господине, с Тюмени в Тюменской уезд в Ба[ш]курскую волость ко племяни тюменской юртовской служивой тотарин Устимир Канчюрин; июня, господине, в 12 день приехал Устимир на Тюмень сказал мне: ездил деи он из Башкурские волости в Уфинской уезд в Чилчеуцкую волость вестей проводывать и слышал деи он Устемир у терзяцково тотарина у Менлы-бая у Бекбулатова, а Менглы-бай деи слышал у Араскула айсково тотарина, видел деи тот Ураскул на сей весне в Уфинком уезде на Белом озере Кучумовых детей дву царевичев, а с ними деи людей их бойца человек со 100; а прежде ездил на то на Белое озеро к царевичем Уфинского уезду государевы Тобанские волости ясачной тотарин Утемыш, а отцу деи его имяни не ведает, и мысль деи тот Утемыш вся у царевичев ведает, а государевым руским людем не скажет, а ясак деи тот Утемыш платит на Уфу, а государю ни в чем не прямит и ни доброхотает. И на Уфу деи тот Ураскул был, и воеводе Михаилу Нагому про того Утемыша и про царевичи то все сказал, // и людей Ураскул у Михаила Нагово на царевичев прошал, а сам де хотел на то на Белое озеро на царевичев вожевать; и Михайло де людей ему не дал, отказал, у меня де о том государева указу нет, что посылать за царевичи войною. Да Устемир же, господине, мне сказал в роспросе: слышал деи он в Уфинском уезде в Челчеуцкой деревни у башкирца у тотарина у Кобдевлета у Конкозова, приехал деи к тому х Кобдевлету в Челчеускую деревню 6 человек нагайских людей и взяли у него ястреба; а говорили деи те нагайские тотарове Кобдевлету, чтоб они у себя в деревнях жили бережно и промышляли бы деи собою из деревни куда лутче, идут деи на ваши волости и на деревни нагайские люди многие войною, а будут деи на сем месяце на исходе. И теб[е] б, господине, те вести были ведомы.

Источник: ААН, ф. 21, оп. 4, д. 5, л. 8–9. Фамилия и должность головы Туринского острога Ф.О. Янова восстановлены на основании грамот из Приказа Казанского и

Мещерского Дворца от 30 янв., 20 сент. и 12 окт. 1600 г. и 28 янв. 1601 г. (Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1787. С. 283–290).

**Отписка тюменского воеводы князя Луки Щербатова уфимскому воеводе
Михаилу Нагово о произведенном им сыске по поведи нападений
тюменских татар на башкирские волости, с просьбой произвести сыск
о том же среди башкир, и об отпуске на Тюмень бухарцев
для сыску о погромных лошадях и рухляди (28 августа 1600 г.)**

Господину Михаилу Александровичу Лука Щербатой челом бьет. Нынешнего, господине, 108-го года августа в 17 числе писал еси мне с уфимским новокрещеном с Рудаком с Федоровым, что били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси Уфинского уезду Каратабынской волости ясашные башкирцы Мангутай да Утемышь Канбаровы да Якшагул Кобеляков и в товарищов своих мест Каратабынские волости ясашных башкирцев да Кипчанские волости деревни Телевая ясашной же башкирец Канай Кудабердеев, что, – Далее повторнется текст, поставленный в № 14 между знаками * и **; после того следует: и для, господине, того прислал ты с Уфы на Тюмень государю бить челом о сыску башкирцев Якшагула Кобелякова да Бекбердея Утемышева брата, и мне, господине, по государеву указу, сыскав достальной им полон и живот велети им отдати и вперед бы им войною тюменским людям грозити не велети, чтоб им впредь в своих волостях жити безстрашно. А того еси, господине, ко мне именно не описал, кто именем тюменские люди или Тюменского уезда которых волостей волостные татарове войной приходили и ныне войной грозят. И я, господине, противу твоего письма спрашивал тюменских юртовских служивых и волостных татар про войну, и про полон и про нынешнюю угрозу, у кого именем ныне есть башкирский полон, и кто ворует, грозит башкирцам войной, чтоб вперед меж башкирцы и тюменскими людьми и волостными татарами воровства и смуты не было. И в роспросе, господине, тюменские юртовские служивые татарове, лучшие люди Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгилбеев, Устемир Канчюрин с товарищи 50 человек да Тюменского уезда Верхотурские и Киньрские волости ясашные татарове лучшие люди есаул Сарагул Бегов, Катаргуль Девлетев, Кобельдяш Казыев, Обух Бездергенов, Сальнян Келментаев, Беляк Амандынов, Буланча Киньрев да Башкурские волости татаре Токмам Кенетманов с товарищи сказали по своей вере, по шерти, что они с уфинскими башкирцы нигде ни с кем не саживались и никаких речей с ними не говорили, и войной никому николи не граживали, и полону у себя башкирского не сказали; а говорят тюменские юртовские служивые и волостные татарове: то деи на нас и на наших товарищей башкирцы взводят мнением, а нам де как сделать, что башкирцов воевать: все де мы люди государевы. Да били челом государю противу о сыску, чтоб государь их пожаловал, в том простил, кто меж ними смуту чинил. И я, господине, про полон и про угрозу при тюменских и при волостных татаров спрашивал уфинских башкирцев Якшагула и Бекбердея, у кого именем у тюменских людей или и у волостных татар им башкирской полон и кто и с кем войной грозил. И они, господине, именно ни на кого про угрозу и про полон не сказали, а били челом, чтобы мне их с Тюмени отпустить назад на Уфу. И я, господине, башкирцев Якшагула та Бекбердея и слободского татарина Кальфу и новокрещена Рудака с Тюмени отпустил к тебе на Уфу августа 28 числа. И тебе бы, господине, велети про то сыскать у себя во всех башкирцах подлинно, от кого такое воровское смутное слово пронеслось, да по сыску

над вором учинить по государеву указу. А будет, господине, в сыску хто из башкирцев скажет про угрозу именно на тюменских людей или на волостных на ясашных татар, и тебе бы, господине, о том подлинно ко мне отписати, и того человека, хто на кого именно скажет, прислати на Тюмень-для подлинного сыску, чтоб смуту и воровство вывести. И велети бы уфинским башкирцам в тех волостях жить без всякого сумнения и без боязни, и со всякими товары и с лошадьми на Тюмень торговати ездить безстрашно. А путь, господине, от Уфы на Тюмень ближний сухой. А я, господине, тюменским служивым и волостным татарам по государеву указу поволит ездить на Уфу и в Уфимский уезд в волости со всяким товаром. А которые, господине, здешние тюменские [160] люди учнут ездить для торгов на Уфу, и я, господине, тем людям для десятинные пошлины учну к тебе давать грамоты проезжие. Да били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси бухарцы торговые и служивые люди служивой Енбай Кишташов да бухарцы Дакуплан да Еушов да Муромы Амалыковы и в товарищев своих место 13-ти человек Уфимского уезду на башкирских татар Минские волости на Мангутуя да Куденские волости на Толонгозю да на Токбая на Тулубаева с товарищи о погромных лошадей же об рухляди, чтобы их государь пожаловал, велел их отпустить бить челом к тебе б на Уфу о сыску; и подали челобитную. И я, господине, ту их челобитную под сею грамотой послал, и Енбая да Мурому отпустил к тебе на Уфу с новокрещеном с Рудаком вместе. И тебе б, господине, Енбаю и Муроме на башкирцев на Машугая с товарищи по их челобитной велети дати суд и управу по государеву указу. А как, господине, те бухарцы на Уфе отделаются, и тебе бы их отпустить на Тюмень не задержав; а в котором числе их отпустишь, и тебе бы, господине, о том велети ко мне отписать.

Такова послана к Михаилу августа в 28 день с уфинским новокрещеном с Рудаком Федоровым.

Источник: ААН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 23–26 об.

Описание сылвенских земель М. Кайсарова (1623–1624 гг.)

[...] Сылвенскому острожку по всему дозору и по сыску и по чертежу между учинили от реки от Чусовые Сылвою вверх до деревни до Вороновы 10 верст, а от деревни Вороновы до речки Быковки 2 версты, а от речки Быковки до деревни Быковки верста, а от деревни Быкова до починка Гущина 2 версты, а от починка Гущина до речки Юрмана 4 версты, а на усть Юрмана Строгановых бывала мельница, а ныне тое мельницы и плотины нет, да по Юрману ж вверх Строгановых же до починка Гилева верста, а от Гилева до починка Усова 2 версты, а от Усова до деревни до Кочаловой верста, а от Кочаловой речкою Юрманом вверх до Татарских юртов верста, а в тех юртех на речке на Юрмане живут Татарове на Строгановых земле, которые сходя с Юрмана пожилы на речке на Насадке Чураш да Коробай Акдамовы с детьми и с племянники, а вотчина тех Юрманских Татар по реке по Сылве да по Тазу да по Бабе да по Шакве по дозору писцов и по их татарской сказке выше Рожина улусу; а от усть Юрмана речки Сылвою вверх до Строгановых острожку верста, а от Чусовые Сылвою рекою вверх до тово острожку всего 20 верст, от острожку Сылвою вверх до деревни до Кондаковой верста, а от Кондаковой до починка Быкова верста, а от починка Быкова до мельниц, что на речке на Бродовой, и до деревни Симановой верста, а от мельниц и от деревни Симановой до деревни Верхолузья 7 верст, а от Верхолузья до деревни Микулина Лугу, что поселились после Иванова письма Яхонтова, 2 версты, а от

Микулина Лугу до речки до Насадки Сылвою ж рекою вверх 4 версты, а сухим путем горою до тое речки Насадки от острожку 8 верст, а на той речке Насадки на Строгановых же земле пожилы пришед на время Татаровя Чураш да Рабай Акдаловы с детьми и с племянники, а пожив сошли опять на Юрман же да и ныне живут на Юрмане, а на той речке на Насадке на усть делают Строгановых суды соляные, да выше тое речки Насадки две версты на реке на Сылве у Гагина озера Строгановых деревня Мальцева стала после прежних писцов, да выше тое деревни Мальцовы на реке на Сылве ж на усть речки Сыры стал ново ж Строгановых починок Роспопова, а от деревни Мальцева до того починка рекою Сылвою вверх 4 версты, а от починка Роспопова до речки до Серги Сылвою вверх 13 верст, что было бил челом государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея России о той земле, что по речке по Серге, Уsoleц Русин Елисеев ложно, а называл тое речку Сергу и по той речке земли Пермскою землею не правдою; а от тое речки Серги до истоку, что впал в реку в Сылву из озера из Вяцково, и до озера Вяцково б верст, а тем озером и истоком владеют Строгановы, а от озера Вяцково и от истоку рекою Сылвою вверх до врагу и до татарских кладбищ и до озера до Прорывново с истоком 4 версты, а в том Прорывном озере рыбу ловят Строгановы, а от Прорывнова озера Сылвою ж вверх до Остяцково до Рожина улусу верста и всего от Сылвенского острожку до того Остяцково до Рожина улусу Сылвою рекою вверх 45 верст, а опричь тово Остяцково Рожина улусу к Строгановых вотчине к Сылвенскому острожку с деревнями вверх рекою Сылвою иных Остяцких улусов по Сылве рек ближе нет; и в той меже по обе стороны реки Сылвы острова пустые и земли и речки, которые впали в реку в Сылву от устей и до вершин, и озера и истоки и леса дикие Андреевы да Петровы, а Пермских городов города Чердыни и Соли Камской Кайгородских земель и никаких угодей на реке на Сылве и по малым речкам с теми Остяцкими улусы, опричь Строгановых земель нет, и в сотной прежних писцов тех Пермских городов земель и никаких угодей по Сылве и по малым речкам меж Строгановых и Остяцких улусов не написано ж; а от Пермского рубежа от деревни Мошевы до речки Серги, что впала в реку в Сылву, 230 верст, а Сылвинских Татар и Остяков по реке по Сылве и по малым речкам, которые впали в реку в Сылву выше и ниже Строгановых Сылвенского Острожку и деревень, на Строгановых землях только бортные ухोजей и зверинные ловли и они Тотарове и Остяки теми своими бортными ухोजей и зверинными ловлями владеют; и с того они Остяки и Тотарове государев ясак платят куницами. А где те Остяцкие и Татарские верховые бортные ухожьи и зверинные ловли и в тех местех по реке по Сылве и по малым речкам землями и санными покосы и лесами и рыбными ловлями и всякими угоды по государевым жалованным грамотам и по сотной с книг письма и меры Ивана Яхонтова владеют изстари Андрей да Петр Строгановы, и потому Андрееву и Петрову Строгановых вотчине Сылвенскому острожку землям и водам и всяким угодыям межа учинена до Остяцково до Рожина улусу, что к их Строгановых Сылвенскому острожку и к деревням иных Остяцких улусов опричь Рожина улусу ближе нет [...]

Текст воспроизведен по изданию: 1623–1624 гг., Пермь, перепись Кайсарова. Сылвенский острожек (<http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/344-sylvenskij-ostrozhek>).

**Деревня Гайва на усть речки Гайвы на реке на Каме
(из книги М. Кайсарова)**

Деревня Гайва на усть речки Гайвы на реке на Каме, а в ней двор прикащиком на приезд, двор Ивашко Борисов с. Вологженин с зятем с Васьюкою Дмитриевым с. Зашихиным, двор Костька да Семейка да Омельяно Кондратьевы дети Рожковы, и всего 2 двора крестьянских, а людей в них 5 человек; пашни паханые середние земли 3 чети да перелогом 5 чети с осминою в поле, а в дву по тому ж; сена по речке по Гайве 35 копен.

Источник: 1623–1624 гг., Пермь, перепись Кайсарова ([http://zz-project.ru/1623–1624-cherdynskij-uezd/345-chusovskoj-verkhnij-gorodok](http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/345-chusovskoj-verkhnij-gorodok)).

**Кунгурския писцовыя книги татар, письма
и меры Михаила Кайсарова 1623–1624 гг.**

Из пермских писцовых книг и письма и меры Михаила Кайсарова, дьяка Марка Мартемьянова, да подьячих Исака Леонтьева, да Афанасия Бреева 131 и 132 годов написано:

Ниже Перми Великой по реке по Сылве, вверх, выше Андреевых да Петровых Строгановых, Сылвенскаго острожку деревень и починков остояткие улусы, которые остояки, платят в государеву цареву и Великаго князя Михаила Федоровича всея России казну куничной ясак.

А в тех остоятких улусех улус Рожин, а в нем юрты остоятские:

1. Юрт сотника Якшеита Кульшева, ясаку платить шесть куниц; да с ним же в юрте живет сын его Кошектайко, холост; ясаку с него три куницы; пашни пахотные добрыя земли две четверти с осьминою в поле, а в дву по тому же.

2. Юрт Тагобердея Якшеитова; ясаку платить 6 куниц; пашни пахотные добрыя земли осмина в поле, а в дву по тому же.

3. Юрт Килде Ишкулышева; ясаку платить шесть куниц; пашни пахотныя добрыя земли три осьмины в поле, а в дву по тому же.

4. Юрт Кашкенья Шаколызбаева; ясаку платить шесть куниц; пашни пахотныя добрыя земли осьмина.

5. Юрт Болонты Сагазякова; ясаку шесть куниц; пашни пахотныя добрыя земли осьмина.

6. Юрт Баранчи Сагазякова; ясаку платить шесть куниц; пашни пахотные три полуосьмины.

7. Юрт Тоголбая Мурзакулдина; ясаку шесть куниц; да у него живут в юрте Мурзакулдейко Тулубаев да Байтугуш ясаку платить по три куницы, оба холосты; пашни пахотные полосьмины.

8. Юрт же беспашенных остояков:

9. Юрт Байсары Бокшейшева, женат; ясаку шесть куниц.

10. Юрт Юсупа Оныкагузина; ясаку платить 6 куниц; да с ним же в юрте живет пасынок ево Паиш Аликулин; женат, ясаку платить шесть куниц.

11. Юрт Атламышя Рожина; ясаку шесть куниц.

А вотчина у них у всех Рожинских остояков река Шаква от вершины и до устья реки до Сылвы, по обе стороны, на сто пятьдесят верст с бортные ухожеи, и звериными и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны.

Да за ним же речка Малая Кисмыш, да речка Садей с звериными же ловлями; да с ними же в той вотчине Хотяш Судырев в остятских угодьях Шаквинские остяки и татарови – Танайко Ябалаков с товарищи, да за ним же Яболаковым, за братом ево за Черепаном вобче с юрманскими татаровя с Корбайком Акдаловым с товарищи речка Кылтам от вершины и до устья до речки до Шаквы по обе стороны на двадцать на пять верст со всеми угодьи; да за Рожинским же остяки оприч Шаквинских и Юрманских татар по речке по Сыре да по речке Серге, от реки Сыры по Сылве реке вверх до Молебново до остятского камня – верховые бортные ужожи и бобровые гоны и звериные ловли; а рыбные ловли в тех речках в Сыре, и в Серге, и в Сылве, и в озере Вятском рожинские остяки ловят с Андреем да Петром Строгановыми по старине вместе; да за Рожинским же остяком за Атламышем Рожиным речка Бим от вершины до устья до реки до Ирени по обе стороны на сорок верст, со всеми угодьи; да речка Асов от вершины же до устья до Бим речки по обе стороны на десять верст со всеми угодьи.

Да за Рожинским и за Шаквинскими остяки речка Аргана от реки Сылвы по Аргане озера до вершины по обе стороны на двадцетъ верст со всеми угодьи.

А знамена бортовые в тех вотчинах Рожинских и Шаквинских и Юрманских остяков:

- Знамя Якшеита Кульшева.
- Знамя Тагробердея Якшаитова.
- Знамя Паиша Аклиуллина.
- Знамя Атламышя Рожина.
- Знамя Кульшя Байбарева.
- Знамя Кашкеня Шоколызбаева.
- Знамя Болонтая Сагизякова.
- Знамя Борончи Сагизякова.
- Знамя Тугулбая Мурзакилдина.
- Знамя Аллагозина.

Знамя Шаквинских татар и остяков:

- Знамя Тоная Яболакова.
- Знамя Икбердея Баишова.
- Знамя Безыргана Баишева.
- Знамя Ярмунчя Ербулдина.
- Знамя Бектулы Елбулдина.
- Знамя Багиша Ярыгина.
- Знамя Сатламышя.
- Знамя Ишея Сатлымышева.
- Знамя Козембахты Керьева.
- Знамя Акшебая Акбашева.
- Знамя Елкибая Янобаева.
- Знамя Токбая Янбаева.

Знамя Юрманских татар и остяков:

- Знамя Чураша Акдалова.
- Знамя Коробая Акдалова.
- Знамя Ичелбая Карабаева.
- Знамя Сугулбая Карабаева.
- Знамя Черепана Яболакова.

Юрты татарскаго на речке Юрмане:

1. Юрт Чураша Байсанова да сына его Батырбака; ясаку платить двенадцать куниц; пашни пахотныя добрыя земли четверть в поле, а в дву по тому же.

2. Юрт Ичебая Чурашева; ясаку платить шесть куниц; пашни пахотныя добрыя земли осьмина.

3. Юрт Карабая Акдалова; ясаку платить 6 куниц; да у него же сына Тугусубайка, холост, ясаку платить три куницы; пашни пахотные четь.

4. Юрт Сугунбаева Карабаева, ясаку шесть куниц; пашни пахотныя осьмина.

А вотчина их старинная, обща с сылвенскими остяками с Танайком Ебалаковым, да Сыгбирдейком Баишевым, да с Аламашом Сеплюковым да з Бердыганком Баишевым, да с Черепаном Ябалаковым, да с Конаком Ебалаковым по реке по Сылве вверх от остяцкого от Молебного Камени до Частова острова, по обе стороны реки Сылвы на пятнатцеть верст со всеми угоды; да река Сылва же от Малыя речки до речки Тару; да речка Таз от вершины до устья до реки до Сылвы по обе стороны на пятнадцеть верст; а знамена их писаны выше сего – с Рожинским и Шаквинскими знамены вместе. Рожина же улусы юрты стоят врозни по реке по Сылве и по малым речкам.

1. Юрт Алабаша Нагаева да с ним же сын Енболгозя, холост; ясаку с них девять куниц, а знамя ево, а сына ево .

2. Юрт Актая Олобашева, ясаку шесть куниц; пашни пахотныя добрыя земли осьмина в поле, а в дву потому же; а знамя ево .

3. Юрт Шарнамаметя Сарамешева, ясаку шесть куниц; а знамя ево .

4. Юрт Токмаметя Торгаева, ясаку шесть куниц; а знамя ево .

5. Юрт Токмамешя Торгаева, ясаку шесть куниц; пашни пахотные добрыя земли осьмина; а знамя ево .

6. Юрт Суярка Торгаева, ясаку шесть куниц; а знамя ево .

7. Юрт Бигины Нагаева, ясаку шесть куниц; да у него три сына, холосты: Шадебайко, да Актолда, да Идебробайко; ясаку 9 куниц; пашни пахотные две четверти с осьминою; а знамя ево

8. Юрт Байбалка Елгина, ясаку 6 куниц; а знамя ево .

А вотчина тех Юрманских остяков по реке по Сылве вверх от озера Акзибая выше Органы речки до Сухова врагу, по правой стороны Сылве, со всеми угоды; а по левую сторону реки Сылвы до речки до Скупани Шаквинских да Юрманских татар берег сухой; а река Сылва по тем урощищам вся остякая – Алабаша Ногаева с товарищи, да за остяки же речка Лек, впала в Сылву. А по той речке от верха воды остякия до татарскова молбища, а сухие берега Рожинских, и Шаквинских, и Тулвинских татар и остяков бортные ухожей и звериные ловли; да за ними же остяки, речка Шоя, впала в речку в Леку и вверх по тое речке по обе стороны до вершины на пятнатцеть верст остякая со всеми угоды.

Рожина же улусы юрты:

1. Юрт Бердыкая Кобенякова, да с ним же в юрте брат ево Ишанбай, холост; ясаку с них 9 куниц; пашни пахотные 2 четверти в поле, а в дву по тому же; а знамя ево

2. Юрт Янаруша Кулышева, да с ним же сын ево Айтуган, холост, ясаку 9 куниц; а знамя ево .

3. Юрт Меллалогузы Кулышева, ясаку шесть куниц; да с ним же ходит Рожинский остяк Багиш Алешин; а знамя ево.

А вотчина их речка Сикть от вершины до устья до реки до Сылвы, едучи от устья вверх, левая сторона, со всеми угоды на 10 верст; да речка Утка впала в Сылву, а Уткою вверх до вершины по обе стороны, на 30 верст; да за ними же речка другая Утка от вершины до Плетешова врага по обе стороны на сорок верст.

Рожина же улусы остяки юрты врозни:

1. Юрт Чоклабая Байберина, да с ним же брат ево Кобяк, холост; ясаку 9 куниц; пашни пахотные осьмина в поле, а в дву по тому же; а знамя ево знамя Кобякова
  2. Юрт Остая Аскилдина, да с ним же зять его Чокчур Яболаков, женат; ясаку 12 куниц; пашни пахотные четверть; а знамя ево .
  3. Юрт новоприходца черемисина Тебеняка Одышева, холост; ясаку три куницы.
  4. Юрт Козебая Байберина да брата ево Ишмаметя, ясаку 12 куниц, а знамя ево .
- Вотчина их по реке по Сылве вверх от врага до Городища до речки до Асунова по обе стороны Сылвы реки на сорок верст со всеми угоды.

Рожина же улусу юрты стоят врозни:

1. Юрт Козембердея Колманова, ясаку 6 куниц; а знамя ево .
2. Юрт Киябердея Колманова, ясаку 6 куниц; а знамя ево .
3. Юрт Кодыбердея Колманова, ясаку 6 куниц; пашни пахотные добрыя земли полосьмины.
4. Юрт Турчебая Терегулова, да с ним же сын ево Розмердяйко, холост; ясаку с них 9 куниц; пашни пахотные добрыя земли полосьмины в поле, а в дву по тому же; а знамя ево.

Вотчина их реке по Сылве вверх от Частых островов до врага до Кошелги правая сторона со всеми угоды; да за ним же речка Кошерт впала в реку в Сылву, а речкою Кошертью вверх до вершин по обе стороны на 15 верст со всеми угоды.

На речке на Тазе юрт Черепана Еболакова, да с ним же сын ево Кунайко, холост; ясаку с них 9 куниц; пашни пахотные осьмина в поле, а в дву по тому же.

На речке на Шакве юрт Давлеткилдея Ярыгина, да с ним сын ево Илбай, холост; ясаку 9 куниц; пашни пахотные добрыя земли четверть в поле, а в дву по тому же.

Юрт Багиша Ярыгина, шесть куниц; пашни осьмина. Да тех же татар на речке на Шакве мельница мутовка.

Юрты же вверх речки Шаквы:

1. Юрт Тонайка Яболакова, да с ним живет сын ево Сурдяйко, холост; платить ясаку 9 куниц; пашни пахотные добрыя земли четверть в поле, а дву по тому же.
2. Юрт Икбердея Багишева, ясаку шесть куниц.
3. Юрт Байназара Багишева, да с ним же брат ево, холост; Тойсар, ясаку 9 куниц.
4. Юрт Ярминтая Елболдина, ясаку 6 куниц.
5. Юрт Бектулы Елбулдина, ясаку 6 куниц; пашни пахотные добрыя земли четверть.
6. На речке на Бабье юрт Сатламышша Сеплюкова, да с ним же сын ево Ижболда, холост; ясаку девять куниц; пашни пахотные четверть.
7. На сылвенской перерве юрт Козебахты Карьева, да с ним же сын ево Иванко, женат, ясаку 12 куниц; пашни пахотные две четверти без полуосьмины.

А вверх по речке Бабье юрты:

1. Юрт Елкабая Янобаева, ясаку шесть куниц; пашни пахотные осьмина.
2. Юрт Токбая Янабаева, ясаку шесть куниц; пашни пахотные осьмина.
3. Юрт Илбая Арыкова, ясаку 6 куниц; пашни пахотные по осьмине.
4. Юрт черемисина Худея Рачетаева, новоприходца, ясаку три куницы.
5. Юрт Якшебая Акбашева, ясаку шесть куниц.

А вотчина их речка Бабья от вершины до устья до реки Сылвы по обе стороны на сорок верст; да речка Юмыш от вершины до речки до Бабьи по обе стороны на 20 верст; да речка Юг от вершин до устья до Бабьи же речки по обе стороны на 40 верст с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны, и з бортными ужожей со всеми угоды; да в их

же вотчине впала в реку Ирень речки малая: речка Тарт, да речка Яс и по тем // речкам и до вершин всякие угоды – их же. Да у них же бортные ужожи, и рыбные ловли, и бобровые гоны до вершин речки Тулвы вниз на десять верст; по речке по Чирю же по меже уфимских татар, а бортные их ужожи и звериные и рыбные ловли, едучи Тулвою вверх по правую сторону, а Камою рекою вниз, выше реки Осы; в Тулвинской вершины межа речка Чавчил, а знамя их писан с Рожинскими знаменами выше сего. На Ирени же юрты:

- Юрт Байсы Акбашева, ясаку 6 куниц, а знамя ево.
- Юрт Урмамета Атайсина да брата ево Батыря; ясаку 9 куниц, а знамя их

А вотчина тех остяков с устья Ирень реки, вверх до Байтерьяковы межи – Карьева до улуса врагу по обе стороны Ирени реки бортные ужожи, и звериные, и рыбные ловли, и бобровые гоны на дватцеть верст.

На Ирени же юрты:

1. Юрт Байсары Тарасова, да с ним же в юрте сын ево Акназарко, холост, ясаку с них 9 куниц; а знамя ево.
2. Юрт Епарка, да Кошназарка Байсариных детей Тарасова; ясаку с них 12 куниц.
3. Юрт Беккени Янзекшина, ясаку 6 куниц.
4. Юрт Крымсарая Боюрганова, да с ним же в юрте племянник ево Нагайбак Чепкунов, холост; ясаку с них 9 куниц; пашни пахотныя добрыя земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому же, а знамя ево.
5. Юрт Акгигита Боюрганова, да с ним же в юрте сын ево, холост, Исенбайко, ясаку с них 9 куниц; да с ним же племянник ево Акгигитов Салымбирдейко Мусин; ясаку с него 6 куниц, пахотные 3 осьмины; а знамя его.

Вверх реки Ирени:

1. Юрт Кутлука да Септюка Олепаевых; ясаку с них 12 куниц; да с ним же живет брат их Чюпчик, холост; ясаку 3 куницы; пашни пахотные три осьмины.
2. Юрт Беляка Яушева, ясаку платить 6 куниц; а знамя ево.
3. Юрт Бирея Казимова, ясаку шесть куниц; а знамя ево.
4. Юрт Тогызбая Коробаева, ясаку с него шесть куниц; пашни пахотные всех трех юртов три осьмины, а знамя.

Да под уфинским волоком, на речке на Сарсе юрт Ишдеветка да Кашкилдейка Коробаевых; ясаку с них 12 куниц; пашни пахотные осьмина.

А вотчина их от Аккилдина рубежа Андреева, от Белова Камени от гранныя сосны вверх по Ирени до Сухова врагу, по обе стороны реки Ирени, да той же их вотчине в реку Ирень впала речка Тарт, да речка Яс и по тем речкам до вершин, да их же в вершине речки Тулвы на 10-ти верст, по речку по Чирев по уфинских татар межа едучи вниз по Каме выше реки Осы, а в вершине межа – речка Чевчавил, едучи Тулвою вверх по обе стороны Тулвы; да за ним же речка Шуртан от вершины до устья по речку по Игину по обе стороны тех речек – бортные их ужожи, и рыбные, и звериные ловли, и бобровые гоны, да в той вотчине ходит Судерев Бехтелибех Темиров.

На реке на Ирени же юрты и в Карьева улусе:

1. Юрт Тойгилды Терегулова, ясаку 6 куниц; пашни пахотные три осьмины.
2. Юрт Тоголчи Терегулова, ясаку 6 куниц; да с ним же в юрте черемисин Акбайтан Бехтерев, холост, ясаку с него три куницы.
3. Юрт черемисина Бошкианлды Башкизова, ясаку с него три куницы.
4. Юрт Бахтерьяка Карьева, ясаку шесть куниц; да с ним же черемисин Кудайбахты, холост, ясаку три куницы; пашни шесть четвертей с осьминою.

5. Юрт Ишдевлета Карьева, ясаку 6 куниц; да у него же казак Ялбокты, ясаку 3 куницы; пашни пахотные добрыя земли четверть.

6. Юрт черемисина Якушки Нечина, ясаку три куницы.

7. Юрт Елбая Карьева, да у него же черемисин Андругаш, ясаку с них 9 куниц; пашни 6 четвертей бес полуосьмины.

8. Юрт Колкобая Елбаева, ясаку 6 куниц, пашни четверть.

9. Юрт Якшидевлета Карьева, ясаку 6 куниц, пашни четверть с полуосьминою.

10. Юрт Тойбахты Терегулова, ясаку 6 куниц; пашни четверть

11. Юрт Илбохты Терегулова, ясаку 6 куниц. Да тех же Карьевских остяков на роднике на Одышеве мельница мутовка.

А вотчина их речка Камгур от вершины до речки до Ирени по обе стороны на 10 верст, да от речки Камгура вниз по Ирени до Сухова врагу; да речка Турка от вершины до реки до Ирени же по обе стороны на дватцать верст; да речка Бошаб от вершины до устья до реки до Ирени по обе стороны на десять верст; да вверх по Ирени от Сухова врагу до Пальных речки до Акилдины межи Андреева, по обе стороны реки Ирени з бортными ужожи, и с рыбными и звериными ловлями, и з бобровыми гоны, и всякими угоды.

А знамена Карьевских татара в вотчине их:

- Знамя Тойгилды Терегулова.
- Знамя Байтерьяка Карьева.
- Знамя Идугидевлетья Карьева.
- Знамя Колкобая Ебаева.
- Знамя Янбая Карьева.
- Знамя Якшидевлетья Терегулова
- Знамя Тойбахты Терегулова.
- Знамя Илбохты Терегулова.

На Ирени же юрты:

1. Юрт Акилдея Андреева, стар; ясаку с него нет; да с ним же в юрте сын ево Тойгелда, да внук ево Тигуш, ясаку с них 12 куниц; да ево же Акилдеева два сына, холосты, Каракыш да Кучим, ясаку шесть куниц; пашни пахотные две четверти бес полуосьмины.

2. Юрт Бектелы Бектемирова, да с ним же племянник ево Контка Бектемиров, да брат Кошкилдайка Бехтемиров; ясаку 18 куниц; пашни пахотные 4 четверти бесполоуосьмины.

3. Юрт мордвина Тойсары Кичемисова, ясаку 3 куницы.

Да тех же Акилдеевых юртов Андреева, на речке на Суде мельница мутовка.

А вотчина Акилдеева з детьми, что была в споре Егитом Боурчаковымсыном Хозяшевым от Ирени вверх по речке по Телесу по правую сторону, до Аркуш, а по левую сторону и до вершины и речка Телес Большой, ево же Акилдина, да речка Малой Телес до вершины со всеми угоды Янгигитова з братью, а от Ирени прямо по логу до ямы сосна, а повыше ямы межевая сосна без вершины Акилдеева, а знамя на ней бортевое Акилдеева, а на другой стороне стоит сосна с вершиною Янгигитова, а знамя на ней Янгигитова и от тех гранных сосен на тесовую сосну, березу; от березы до глубокие ямы; в яме береза тесовая на три грани, а от глубокия ямы на малые на три ямы, а от ямы в левую сторону, на две тесовые сосны, а на соснах по три рубежа, а от сосен прямо до соснового столба; а от столба на две ямы, а от ямы на глубокие курганы, а от курганов до борти до Янгигитов, что стоит на меже, а от борти прямо на тесовую сосну, а у тое сосны борти Янгигитова, а от борти до Верхиренскова Волочку на верх врагу, которой враг пониже Янгигитовых юртов; а того врагу верхняя сторона Янгигитова, а знамя на ево стороне – сосна тесовая; а на другой стороне две сосны

тесовых Акилдеевы; а на тех соснах знамя ево бортевое; на усть врагу на Акилдеевой стороне камень белой, а от того камени прямо по логу на Ирень реку – на лог, а от логу прямо до черного лесу; а вниз по реке Ирени по обе стороны вотчина Килдеева до Карьевских вотчин и Сарсинская вотчина – вся Акилдеева же со всеми угоды; да ево же Акилдеева вотчина по реке по Язве от вершины до устья до реки до Ирени, да речка Сып, что впала в реку Ирень от устья и до вершины со всеми же угоды; а знамя Акилдеева(в той вотчине знамя Бектели Бектимирова.

А всего Сылвенских и Иренских остяков и татар шездесят семь юртов, два четыре юрта черемисских, да юрт мордовской; а людей в них остяков и татар 81 человек, да четыре человека черемисина, да мордвин; пашни пахотные добрыя земли около юртов 55 четвертей в поле, а в дву по тому же.

А по государеву цареву великаго князя Михаила Федоровича всея России указу с тех юртов, остяком и татаром платить в государеву казну по четырнадцать сороков по двадцати по пяти куниц на год; да с тех же юртов положена вновь за пашню, и за верховые оброки, и за рыбные и звериные ловли, и за бобровые гоны, и за всякие угоды семьдесят з дву юртов семдесят две куницы, по кунице с юрта.

А всего Сылвенским и Иренским татаром и остяком впредь платить в государеву казну в Новгородскую четверть по шестнатцети сороков и по семнатцети куниц на год; да пошлин с куниц по деньге; итого три рубля девять алтын три деньги.

А прибыло сверх окладной росписи Сылвенскаго и Иренскаго ясаку пять сороков и семнатцет куниц, да пошлин прибыло три рубля 9 алтын три деньги.

Источник: 1623–1624 гг., Пермь, перепись Кайсарова. Кунгурския писцовыя книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова 1623–1624 гг. (<http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/398-kungurskiya-pistsovyua-knigi-tatar-pisma-i-mery-mikhaila-kajsarova-1623-1624-g>).

1628 г. июля 18. – Грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину о принятии мер против калмыков, в случае если они прикочуют ближе к ясачным волостям Тюменского уезда

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Петру Тимофеевичу Пушкину. Писал еси к нам и прислал под отпискою Тюменсково уезду Кынырские, и Бачкурские, и Терсяцкие волости ясачных татар Ясаула Мурзагелдея Енабекова с товарищи челобитную, а в челобитной их написано: платят де они нам наш ясак по вся годы бобрами, и лисицами, и белками, с женатых в цену против 3 рублей 10 алтын, а с холостых в полы; и нынешней де на 136-й год наш ясак платили с великою нужою, что прикочевали под Тюмень многие колмацкие люди и их ясачных людей вотчинные речки, и угоды у них у ясачных людей отняли, и многих ясачных татар на промыслех всех побивают, и мяхкую рухлядь у них отнимают, а кочуют от города от Тюмени за три днища и ближе; и вперед де им нашего ясаку нам платить будет не мочно, потому что они ясачные люди от колмацких людей в обиде живут по вся годы; и нам бы их пожаловати, велети их от колмацких людей оборонить тюменскими служилыми людьми, чтобы им от колмацких людей утеснения и войны не было и нашего б ясаку вперед им не отбыть. И мы указали: как при-кочуют колмаки блиско их волостей, и к ним посылать говорить, чтоб они откочевали в дальные места, а тюменским ясачным татаром насильства и налоги никакие не чинили; а будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут и тюменским ясачным людям тесноту и налогу учнут чинити, вотчинные их угоды

пустошити и их учнут грабить и побивать, и на них посылать тюменских служилых людей, а татар и ясачных людей оберегати и повоевати не давати и от колмаков их обороняти, а самим наперед задору с колмаки отнюдь не чинити. И как к вам ся наша грамота придет, а как колмацкие будут люди прикочнуют блиско ясачных волостей, и вы б х колмацким людям посылали говорить, кого буде пригоже, чтоб они колмацкие люди блиско тюменских ясачных волостей на реках и на угодьях ясачных людей не побивали и тюменским ясачным татаром насильства и налоги никакие не чинили, и откочевали бы от тюменских волостей в дальние места. А будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут, и тюменским ясачным людям тесноту и налоги чинить и вотчинные угодья пусто-шить и ясачных людей учнут грабить и побивати, и ты б на них посылал тюменских служилых людей и тотар, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, и велел бы еси ясачных людей оберегати и воевати б ясачных людей и на угодьях их стояти калмыцким людям не дати и велел ясачных людей от колмаков обороняти. А самим наперед задору с калмаками отнюдь чинити не велел. Писан на Москве лета 7136-го июля в 18 день.

Источники: ААН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 96–97; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1937. С. 187.

**Царская грамота Уфимскому воеводе И.Г. Желябовскому
и подьячему И. Латкину Об ограждении земельных прав башкир
Шигира Култаева с товарищами, нарушаемых приказчиками
и крестьянами Строгановых от 27 февраля 1632 г.**

От Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всея России на Уфу воеводе нашему Ивану Григорьевичу Желябовскому да подьячему Ивану Латкину. Бил нам челом Уфимскаго уезда Тайнинской волости башкирец Шигирко Култаев и вотчин товарищей своих башкирцем место на Ивановых, да на Андреевых, да на Петровых прикащиков Строгановых на Захарка, да на Гришку, а отцам их имен не ведаю и на крестьян их, а сказали вотчины за нами за башкирцы старинные в Уфимском уезде речка Мулин, да речка Юг, да речка Нытва, да речка Отчера со всеми угодья, а те же Ивановы и Андреевы и Петровы прикащики и крестьяна в тех их вотчинах сено косить и пашню пахать и куницы и рыбы ловить и ходить не велять и всяким угодьем им башкирцам владеть не дадут и от того де их насильства они башкирцы оскудали и нашего ясаку им платить нечем, а нам бы их пожаловати, велети от Строгановых прикащиков и от крестьян в вотчинном владении беречи, чтоб в их вотчины насильственно не ходили и башкирцам в их старинные вотчины ходить не запрещали, а будет так, как нам Уфимскаго уезду Тайнинской волости башкирец Шигирко Култаев и вотчин товарищей своих башкирцев место бил челом и как к вам сия Наша грамота придет и вы бы Уфимскаго уезду башкирцев Шигирка Култаева с товарищи от Строгановых прикащиков и от крестьян велели беречи, а чтоб они в их башкирския вотчины насильством не ходили и всяким угодьем не владели, а башкирцам в свои башкирския вотчины ходить не запрещали и без суда и без сыску никакова насильства не чинили. Писан на Москве 71... году февраля 27 дня.

Помета на челобитной дьяка Федора Панова. У подлинным Великаго Государя грамоты пишет тако: на Уфу воеводе нашему Ивану Григорьевичу Желябовскому да подьячему Ивану Латкину, да в той же Великаго Государя грамоте по серетке пишет дьяк Иван Переносов. Справил Ивашко Маслов 141 году сентября в 6-й день подал

Тайнинской волости башкирец Анеуба Инбахин. Князь Юрья Мещерский. Михаила Демряков, секретарь Семен Зубов. С подлинною читал канцелярист Даниил Малеев.

Источник: Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 81–82.

От (Казанлы?) Рахман кулу (крымскому муфтию?)

Дата: 1635 (1045 по хиджре) ?
Дрезден, Landesbibliothek, Eb 361.

Положение несчастных на тот момент, когда мы предстали перед достопочтенным, добродетельным и милосердным к бедным господином таково: мой достопочтенный султан, знает Господь, что лекарство победы над кызылбашами – это покорение Казани и Астрахани, так как место, где может расслабиться и обжиться этот проклятый шах, – это побережье моря Калзем. Решено, что на берегу Волги (в том месте, где произойдет взятие Казани и Астрахани) будут построены галеры и чайки, а вилайеты, расположенные на берегу Каспийского моря, подвергнутся огню и разрушению. Так как он находится в дружественных отношениях с московским князем. Узнав о положении дел после взятия Казани и Астрахани, этот негодяй Кызылбаш, решил подвести их в подданство к крымским ханам. Основной же причиной его противостояния счастливому падишаху явился московский князь. Хотя презренный шах и говорит Падишаху, что «Наша дружба с вами крепка, ваши враги – наши враги», и не посылает военных в укрытие, но отправляет ружья и порох, серу, стрелы, железо, пули, медь, и здесь год за годом молятся за загробную жизнь. Когда Казань и Астрахань будут захвачены, они потеряют пункт пребывания, так как этим пресекутся для них въезды и выезды. Падишах окажет милость, если одержит победу над Казанью и Астраханью.

Казанский вилайет принял ислам во времена халифа Умара, и население его обладает искренней верой, исправно совершают пятикратный намаз, в своих молитвах постоянно повторяя: «Господь, сделай так, чтобы падишах всегда действовал по исламу». Этой же зимой прибыли для разгрома расположенных на реке Дон отрядов донских казаков бейлербей Кафы счастливый господин Ибрахим паша вместе с крымским ханом величественным Джанибеком: уважаемый хан Джанибек оказал сопротивление в Темрюке на месте под названием Кабан, бейлербей Кафы Ибрахим паша, прибыв в Азовскую крепость, полностью подчинил территорию исламскому государству и падишаху, из-за чего несчастными русскими разбойниками овладел дикий страх. Если узнают, что крымский хан идет на захват Казани с пушками, ружьями и войском, даст Бог, никто не окажет ему сопротивления. Господа и старики, объединившись, отправили Вашего презренного раба для предложения союза; наказали изъяснить наше положение, положение военных и благоустройство, обратиться за помощью к счастливому крымскому хану, убедить его направиться к нам, чтобы оказать помощь улемам (ученым), праведным людям и великим шейхам, спасти умму Мухаммада от рук неверных. Исправно молясь, они умоляют, говоря, что «Если не сделает то, о чем мы просим, наши руки вцепятся за их воротники в загробном мире». Говорят, их благоустройство таково, что они могут выпустить сто тысяч солдат два-три раза, и если в течение трех лет они не смогут посеять одну ладонь зерна, а солдат у них будет около ста тысяч, то и этого будет достаточно. Наследство и рыба никогда не пресекутся. Есть такой народ, их называют чыршы черемисы, их сорок тысяч дворов, каждый двор обложен налогом, кто-то дает 10 батманов меда в зависимости от имущества отцов и дедов,

некоторые – пять батманов меда, а некоторые один батман меда. Другой народ, их называют горные чуваша, в двадцать тысяч дворов, все они обложены налогом, также дают деньги и зерзават (?) (наследство?), меха белок, лисиц и горностаев. У Эштек-Башкурт десять тысяч дворов, они платят ясак из этого количества. И вилает Тура состоит из семи городов, он дает восемь раз тысячу соболей и столько же черных лисиц. Еще Ары составляют пятнадцать тысяч дворов, все обложены ясаком, они также дают деньги и мед, и соболей и белок, бобров, горностаев, речную рыбу и ясак за землю. Черемисы, чуваша, эштек-башкурты, ары – все конные, вооружены.

Расстояние между Казанью и Астраханью составляет тридцать дней; одна часть того места – белый песок, когда из Казани прибываешь в Астрахань продается в аршинах, дается рыбакам. Также Казань и Астрахань, являются портами; каждый год от Кызылбаша и Бухары и Ургенча и Ташкента, и Туркестана, и Кашгара, Хатая и Хотана и Индии приезжают караваны; прибывают налоги и дань и *çehl-i yeki, deh-i yeki, repç-i yeki*.

Счастливому крымскому хану в открытом усердии на пути веры и исполнении дела пророков это будет вознаграждением, не скрытым наилучшим и необходимым священным знанием. Вы знаете, какое вознаграждение полагается за спасение уммы Мухаммада от рук проклятых неверных.

Если отсюда в Казань направится войско ислама, то немислимо, чтобы такому количеству войска ислама кто-то противостоял и воевал. Отправившие сюда вашего презренного раба с вопросом «Когда же придет войско ислама?» мусульмане ждут возвращения этого презренного.

Просьба к моему султану следующая: подробно расписав наше состояние, попросить хана не отказать в великой помощи освобождения уммы Мухаммада от рук проклятых неверных. Что сказать, если я имею ограниченное знание.

Мин эль-Хакир Рахман кулу
(Я презренный Рахман кулу)

Текст воспроизведен по изданию: Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 3. Турция и Поволжье (1569 – Поход на Астрахань, Волго-Донской канал и османско-российские взаимоотношения в XVI–XVII вв.) / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева, Ю.Н. Каримова; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 240 с.

О башкирах из сочинения Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии» (1692 г.)

[...] Земли башкир, иначе называемая Башкирия, расположена на 56°. На востоке ее лежит южная часть реки Тобол, на западе – черемисские народы, на севере – город Усолье, на юге – нагайские тартары. Река Кама протекает через нее и впадает в Волгу около казанского царства и городка Тетус. [...]

[...] От устья этой реки Синара до устья речки Каменки – 12 миль, где тоже собирались построить маленькое укрепление, в котором могут быть расположены 2 роты солдат, потому что там узкий проход для нападения врагов.

Отсюда до озера Изетил – 12 миль, где тоже можно бы построить острог или крепость для роты солдат.

От этого озера до того места, где начинается река Чусовая, по каменным горам 6 миль пути. На этом месте собираются строить острог, как говорят, и гарнизон которого

будет состоять из двух рот солдат. Эти земли раньше были заселены башкирскими племенами*. По последним сведениям, эти племена опять покорены. Их орды были подчинены Его Царскому Величеству, но они стали неверными мятежниками и обратились к другому покровителю в глубине страны. [...]

[...] Матеус Миху сообщает, что в области Перми башкиры и черемисы поклонялись в прошлом столетии идолам. Многие из них, говорит он, поклонялись солнцу и луне, созвездиям и диким зверям, а также той вещи, с которой утром встречались первой. Там не обрабатывали земли, так что они не знали хлеба. Они жили в густых чащах, в хижинах из веток, одевались в шкуры животных и не употребляли шерстяной ткани. У них нет металлов, поэтому они платят дань пушниной. Здесь кончается сообщение Миху. [...]

[...] Сольвычегодская расположена на реке Вымь, которая впадает в Вычегду, а эта, в свою очередь, в Двину. Это закрытый город. Это место построено, как место отдыха для путешественников, заселено русскими и тартарами. В окрестностях много деревень. Зимой дороги здесь, из-за снега, негодны, если их не проложить, как часто делают на полпути жители этого места и в Верхотурии, которые пролагают дорогу навстречу друг другу. Летом там ездят только на лошадях.

В этом городе, который довольно большой, живут много богатых купцов, а также ремесленников, обрабатывающих серебро, медь и кость. Там имеется и много солеварен. Там царит постоянный мир, и Их Царские Величества владеют этой страной в полном покое. Киргизы и башкиры находятся несколько отдельно и не так покорны, как остальные. Иногда, частично добровольно, а частично вынужденно, они посылают вспомогательные отряды. Многие из туземцев в Сибири и здесь подвергаются крещению [...]

[...] В 1573 г. Его Царское Величество собрал большое войско, сухопутное и речное, и отправил со всякими военными припасами, против этих казаков. Но, когда последние об этом узнали, они, не дожидаясь войска, отправились вверх по большой реке Каме, на 60 верст выше города Казани. Они покорили бывших подданных казанского царя Симиона – черемисов, мордву, вотяков, башкирцев и других тартар, живущих по этой реке, и по реке Вятке. Так как это очень отсталый народ, который не знает огнестрельного оружия, то он [Ермак] легко их покорил.

Земли Перми, иначе называемые Пермь Великая, имеет соседями с юга башкир, а с севера зырян, на западе Вятку, а на востоке область вогуличей и Сибирь. Эта область получила название от города Пермь, расположенного около реки Вишеры, которая является притоком Камы.

От Далматова монастыря до Катиского острога – 15 верст.

Оттуда до устья реки Синари в Увале, 7 верст.

От устья реки Синари до устья верхней реки Каменки – 60 верст.

Оттуда до болота Изетил, вдоль или через скалы до истоков реки Сова – 30 верст.

Эти места граничат с башкирскими тартарами. Они укреплены и снабжены гарнизоном, из опасения, что они [башкиры] начнут войну с ними. [...]

[...] Каждый из перечисленных народов имеет своего собственного властителя. Но некий повелитель в Сибири* *Говорят, он происходит из древних сибирских князей.* кочует то с калмаками, то с другими, то в одно, то в другое место, и то, что таким образом захватывает, тем и живет. Он ведет большую войну с москвитями, то в Астракани, то в Казани, то в Тобольске, то в Томске. Людей, которые находятся с этим князем, называют башкиры. Здесь заканчивается это краткое описание. [...]

Текст воспроизведен по изданию: Витсен Н. «Северная и Восточная Тартария» (<http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya?start=31>).

Абдулгаффар Кырыми о племенах «башкурт» и «тюмен»

[...] И племена, называемые «башкурт» и «тюмен», многочисленны. Они покорны хану хытаев. И их сторона – та же самая. И они мусульмане. Воюют с калмуками. Также они воюют с неверными татарами, живущими на горе Ималус. Это записано в «Джихан-нюма». [...]

Текст воспроизведен по изданию: Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар // Золотордынское обозрение. 2015. №. 4. С. 212.

П.И. Рычков о дорусской истории башкир и Уфы

[...] В бытность при Оренбургской экспедиции командиром статского советника Кириллова, один из знатнейших башкирских старшин Алдар (о коем ниже упомянется) объявил, якобы башкирский народ исстари был одним с ногайцами и жил около сибирских границ, где они принуждены и оттого, наконец, из тех мест, под предводительством одного своего хана именем Тюрея удалились и пришли в рассеяние, так что некоторые за Яик, а другие за Волгу в степи перешед, там жилища свои основали. Нынешние же башкирцы, еще будучи под именем ногайцев, отделясь от прочих, возымели намерение в прежних своих местах остаться, но за то от своих владельцев совсем были разграблены и разорены, и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы, и тогда якобы от удалившихся от них ногайцев ругательным именем «башкурт», то есть «главный волк», или «вор», именованы. В таком бедном состоянии достались они сперва казанским и сибирским ханам, которые их еще в большее разорение привели и неносными податями обложили. Как царь Иван Васильевич в лето 7061 (1553) Казанское царство взял и оным совершенно овладел, то спустя года с три, оные башкирцы, видя с казанскими татарами добропорядочные поступки и не возмогли более терпеть чиненных им от сибирских ханов и от кайсак угнетений, в российское подданство пришли и за то им не токмо те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще в малолюдстве и в крайнем убожестве, жили, а именно: за Камою рекою и около Белой Воложки (коя после Белою рекою названа), им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы [...]

[...] О звании города Уфы можно догадываться, что оно не вновь ему придано, но паче возобновлено прежнее, и сущее то, которым Нагайские Ханы, изстари живучи в здешних местах, город свой именовали; ибо никакого резону не видно, чтоб городу построенному над самою рекою Белою, коя величиною против реки Уфы вдвое больше, именоваться по реке Уфе, которая в реку Белую впадает с правой же стороны по течению ея, версты с три выше города, где никакого городского строения нет. Ктому же над самою рекою Уфою от города верстах в пяти, на весьма высоком и прекрасном месте, поныне видно Татарское городище, где как сказывают, Нагайские Ханы живали. И так могло быть, что оное городище по реке Уфе, текущей подле его, прежде нынешнего города Уфы, Уфою именовано: а тому последую и Российскаго построения город Уфа ж названа. Башкирцы реку Уфу называют Уфа Идель, что значит Уфа река, а белую Ак-Идель, то есть Белая река. Знатной Башкирской Старшина Нагайской дороги Каратабынской волости Кедряс Муллакаев во изъяснение сего объявил, аки бы за долго до покорения российскому скипетру Казанского царства и башкирцев на самом том месте, где ныне город Уфа, был великий город, который простирался вверх по реке

Белой до устья реки Уфы, и до Уфимских, то есть при реке находящихся, гор, так что жительство его распространялось по длине верст на десять. [...]

Текст воспроизведен по изданию: Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. 1–2. СПб.: При Императорской академии наук, 1762. 595 с.

Из сочинения П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи»

[...] Жители сего города [6] только тем и кормятся, что ездят за самыми простейшими товарами в *Казань*, и оные приезжающим в *Уфу* для торговли или по тяжёлым делам Башкирцам весьма дорогою перепродают ценою. Но со всем тем они столь мало о поправлении своего состояния стараются, что немаловажный промысл, который бы они из собственного своего уезда медом и воском иметь могли, чем Башкирцы изобилуют; от части ж пушным товаром, в числе коего славные *Уфимские* куницы и по *Уралу* многочисленные медведи немалую часть оного составляют; а от части лошадами и другим скотом, прилежные Казанские Татара по Башкирским жителям прибыточно торгующие совсем в свою только обратили пользу. Сие нерадение тем больше сожальительно, что Уфа в рассуждении своего положения сборищем всех Оренбургской губернии произведений, весьма умножиться могущих, быть бы могла, если бы в таком городе обитали люди к торговле склоннейшие. Ибо и самые большие купеческая суда тут же ниже Уфы по реке Белой, где немалая река *Диома* с оною соединяется, без всякого затруднения удобный ход иметь могли б, чрез что перевоз водою по *Каме* и *Волге* во все внутренния государства части, и до самых морских пристаней весьма бы легким и спокойным сделался. Таковым вод совкуплением, которое *Белая* соединяясь с другими из Уральских гор произтекающими речками составляет, уже и теперь с великою для [7] общества выгодой облегчается не только в рассуждении важного промысла и перевоза *Илецкие каменные соли*, которую прежде сего только при речке *Ашкадаре* сваливали и брали, а ныне и при Уфе. В такоеж сделали учреждение, но так же и в рассуждении отвоза железа, которое с заводов при *Белой*, *Уфе*, *Симе*, *Юрьюzene* и *Ае* грузят на суда. При первом вскрытии рек видно множество судов, которые на вышепомянутых реках для свозу строятся, во время высокой воды отваливают, и к Уфе пристав свой бег в *Каму* направляют.

На западной, южной и северозападной сторонах *Уфы* жительствоуют так нарицаемые *Уфимские* Татара, свойственники Казанских, но давно уже в сих странах поселившиеся. Они составляют особливо в околотках между реками *Белою* и *Иком*, многочисленные жилища. Сии Татара из всех Уфимских селенников бесспорно самые прилежнейшие земледельцы, и по большей части люди небогие. Да и как можно им не иметь довольствуя и счастливого успеху при порядочном хозяйстве, кое между их видно, в стране, которая плодоносною и никогда еще непаханною землею, тучною паствою и древесными местами изобилует; где как к содержанию пчел, так к звериным промыслам и рыболовству много удобства открывается. Уфимские Татара приобькли пахотные поля заводить по близу своих деревень, разделяя оные обыкновенно на три поля, из которых одно каждой год для парового остается: сии нивы огораживают они [8] жердями; но на то поле, которое не пишется и для пару остается, гоняют свой скот, что вместо унавоживанья служит; а сим образом тамошние пахотные поля весьма долго плодоносны бывають, и для сеянья пшеницы, о которой здесь так же радеют, способны. Если на конец плодоносие уменьшится и по близу к оранью свойственной не найдется

степи, то не редко случается, что целая деревня рушится, и жители сломав свои деревянные домишки перебираются на другое место. Вообще ж, а отчасти и по причине своего частого переселения не делают они заборов около своих жилищ. Скот содержат зимою в загородах нарочно для сего близь деревни выстроенных, в коих они летом, когда скот выгонят в поле, пеньку сеют. Хотя для начального вспахивания новины степных мест они и употребляют Татарской плуг *сабан*, однакож обыкновенное орание, как и в России, у них производится *сохою*, которая плуга дешевле, легче и меньше на упряжку лошадей требует. От Российских хлебопашцев тем они отличаются, что одоньи свои ставят на столбах, дабы полевые мыши оной не портили, и снопы не в порядочных сушат овинах, но в открытой яме, над которою поставлены в виде пирамиды колья, и где разводят огонь. В доме наблюдают они чистоту, и люди достаточные имеют обыкновение возле своей жилой избы еще особливую для гостей, и для летнего пребывания комнату с [9] Башкирским камином и широкою скамьею, при чем от одной хижины до другой намощеной, а иногда и покрытой бывает ход. По большей части всяк имеет одну жену, редко две, а больше почти никогда. Во всех деревнях есть по крайней мере духовные наставники или *Абыссы*, которые юношество наставляют и молитвам учат. Женское здешних одеяние от Казанских гораздо отменно. Буднишное домашнее платье как Чуваши и Башкирцы делают обыкновенно из толстого холста и вышивают по краям на шее и рукавах. Замужних и девиц редко увидеть можно, чтоб оне не имели на себе самого лучшего убранства. Замужния носят на голове покрывало называемое *Тастар*, которым оне свои волосы укрывают так, что вышитые оного концы на спине висят. Терем надет крепко на голову, и с переди по мере лица вырезан, а под бороною застегивается пряшкою. Большая часть оных густо осажена старыми серебрянными колечками, или жестяными бляшками, вырезанными на подобие копеек; а напереди противу лица край обнизан пальца на два алыми кораллами, которые чем ближе к завязке, тем уже; сверх того унизывают иногда еще один ряд от верхушки до завязки, и при том попускают два узкие копейками вынизанные ремешки от шапки в низ до кушака, и привязаны к оному своими распущенными концами. Сзади пришит к шапке ремень шириною более нежели на три пальца, который проходит сквозь пояс, и унизан малыми [10] монетами или бляхами, а с низу украшен корольками и бахрамою, и висит до самых колен; другие два узкие ремня унизаны также мелкими серебряными деньгами и висят с головы до пояса, к коему прикрепляются вышитыми концами. За ушами прикрепляется к шапке унизанный серебряными копейками нагрудник (сакал), которой, смотря по достатку, бывает более или менее велик или широк и висит на грудях. Шапки у девок делаются совсем круглы и без вырезки на лбу; нагрудники у оных весьма малы и узки, и висящей на зади широкой лопасти со всем не бывает, но только две узкие, но и те не у всех. Волосы завязывают в два пучка как и бабы, которые скрывают под верхнею рубахою, и навешивают на оные также малую бляху, украшенную бахрамою и монетами. Обыкновенной их головной убор состоит из корольков, понеже женской убор покупается уже из калыма получаемого от жениха. Однакож зажиточные девки носят также унизанные маленькими серебряными деньгами шапки. У некоторых из сих приметил я весьма длинные из дерева сделанные острые верхушки на шапках. Я видел также одну девку, у которой голова убрана была двумя треугольными серебряными деньгами унизанными, и с низу круглыми клапанами, которые на лбу с зади и под щеками были сшиты, так что голова по сторонам только была покрыта, а затылок со всем гол. Кроме сей малой разности в платье, другой ни в языке, ни в обыкновениях, между Уфимскими и Казанскими Татарами, [11] которых в Уфимской провинции великое множество живут перемешавшись, приметить не можно.

Земля около *Уфы*, как уже упомянуто, возвышенная становится мало по малу гористою и покрыта в некотором расстоянии от города разным мелким черным лесом, которой по реке Уфе далее простирается. Противолежащий берег реки Белой зарос по близости весь таким же лесом и так низок, что на несколько верст весною его вода понимает. Далее лес прерывается открытыми степями и пригорками, которые для лучшего произрастения травы по окончании зимы выжигают. Горы идущие по реке Белой, и делающие правую сторону реки Уфы гористою же, состоят из известного слонца и гипсового камня, между которым во многих местах находят простой Алабастр и также лучистой гипс, которой тамошние жители толкут и присыпают к ранам, что называется *сыпь*. Знатная часть холмов состоит из одного известкового мергеля и глины, где весенняя вода прорывает глубокие протоки, а не редко делает и провалы. Чтобы в сих местах были какие руды, со всем не можно думать, хотя пониже Уфы и попадаются некоторые не много меди содержащее известные слои, но они выплавливания не заслуживают. Окаменелостей в здешних слоях весьма мало попадает, однакож на берегу Уфы нашел я несколько Мадрепоритов. Мне показывали в Уфе весьма великую слоновую кость, которая с другими частями костяка по сбытии воды [12] найдена была на берегу реки Белой и сохранена в целости. Такие непостижимые остатки во многих также местах и около реки Диомы, впадающей ниже Уфы в Белую, примечены, а может быть во многих других местах еще лежат сокровенны.

Другого рода достопамятность есть различные на простирающихся к западной стороне от города пригорках крепкие, но уже и совсем заросшие и давно изрытые *могилы*, из коих особливо три большие, лежащие на самых высоких местах, представляются взору. По скаскам жителей сделаны оные прежде нежели Российское владение сюда простерлося, от некоторых владельцев, живших где теперь город Уфа построен, коим и окрест жившие Башкирцы якобы дань платили. Да и в самом деле находятся в окружности Уфы многие монументы, доказывающие жительство здесь некогда от башкирцев со всем особенного народа. Ибо две по ту сторону реки Диомы при отстоящих в 40 почти верстах от города Уфы Татарских деревнях *Тирме* и *Калмаше* находящиеся из кирпичу строенные мечети, и многия при них надгробные камни от части с Арабскими, а от части с коптическими надписями не Башкирского суть происхождения. Также и находящиеся между Уфою и Бирским по обеим сторонам реки Белой укрепленные места доказывают, что они строены не Башкирцами. Такоеж укрепленное место находится еще от города *Уфы* по прямой линии к восточной [13] стороне, почти в четырех верстах, и лежит на правом горном берегу реки сего названия. Простирающиеся по сей реке горы пресекаются глубокими ключевыми и снежными притоками, а к поемным местам кончатся крутояром. На одной такой преглубокой и крутой деревьями заросшей ямине, чрез которую не большой ручей в *Уфу* впадает, находится высокой от реки к югу сделанной каменной утес, которой как вдоль по упомянутой ямине и к *Уфе*, так и к востоку у лесистого берега имеет крутые уступы, и почти неудобовосходим. С верьху сей утес нарочито плоск, и к северу, где оный между помянутыми крутизнами имеет отлогой вход, видны развалины проведенного почти на 20 сажен вала и рва с проездом, а сверх того вдоль начала вышепомянутой ямины идет сажен на 30 сделанной парапет; по причине коего укрепления сие место должноствовало быть со всем не преступно. Окруженная сим укреплением середина имеет в окружности около двух сот сажен, где кроме Сибирского гороху *Robinia frutex* ни какого дерева не растет, и видны выкопанные в каменистой земле многия ямы, кои или от погребов осталась, или от того происходят, что в новейшие времена думали здесь найти клад. В прочем с высокого места сия страна дает чрез лес и разные деревни весьма приятной проспект, и сказывают, что таковых укреплений вверх по реке Уфе еще есть два, кои однакож осмотреть я не почел за [14] нужное. Хотя нынешняя зима и не имела жестоких

морозов, однакож была весьма не приятна по причине пасмурной погоды и ветров. По выпадшем еще в сентябре снеге последовала в Октябре настоящая зима. Наисильнейший мороз был в последней половине Ноября, а при том с 23 числа оногo месяца поднялися ужасные ветры, которые многих по *Оренбургским* степям ехавших жизни лишили. Сия непогода продолжалась почти беспрерывно во весь Декабрь месяц, но с меньшею стужею, и по большой части ветер дул с Северозапада. В Генваре было умеренно, а в Феврале весьма тихо. Но Март окончил зиму продолжавшимся почти до половины сильным морозом и глубоко повсюду выпавшим снегом, который после главного причиною был великой водополи. После того стало таять и от изрядной погоды наставшей в Апреле река *Белая* прошла еще 9 числа, а в следующей день и со всем очистилась. По том немедленно выступившая вода из берегов начала ровные места покрывать. Всякой ездил тогда на лодках на происшедшие от наводнения острова и ловил зайцов, коих здесь великое множество, и кои уже тогда сереть начали. [...]

[...] Отъехавши от города *Уфы*, увидишь высокой прекрасной березовой лес, которой имеет весьма плодоносную черную землю, а по некоторым местам травкою обросшие поля. Здесь начал процветать пригрид, *trollius Europaeus*, [21] которой почти в начал Июня месяца по всей горе в лесистых и тенистых местах во множестве видеть можно, а по безлесным тучным полям попадается отменность оногo с большими оранжевыми и весьма благовонными цветками. Также и малого вишенного кустарника со цветами находилось в сих прекрасных полях великое множество. Дорога идет чрез две малые господская деревни заселенных Российскими крестьянами, и переходит у одной чрез речку *Шахшу*, которая весьма чистую воду имеет, а у другой чрез большую речку *Тагуш*, кои обе в Уфу впадают. В сумерки приехал я в одну Татарскую деревню *Белекес* среди березняку, и от реки Уфы по прямой линии почти в 10 верстах лежащую при речке того же имени, которая также в Уфу течет, где я переночевал. Она деревня состоит из 10 токмо домов, и жители ея принадлежат к числу так называемым Тептерей, которые платят малой подушной оклад, и для того должны иметь повозки для перевозу каменной Илецкой соли, и коих число в Уфимской провинции, т. е. Татар, Чуваш и Черемисов вместе, простирается более нежели до 30 тысяч душ. Здешные Татары производят от Казанских, и отличаются еще все от прямых Уфимских Татар. Я нашел и в других местах Уфимской провинции такие деревни, которых жители Казанского происхождения. Жены их имеют великую отмену в своем домашнем уборе, и носят обыкновенно рубахи из крашеного холста, [22] или бумажные, а на голове одну токмо фату с красною около головы голубою или зеленою на подобие венка, повязкою (*Башкершаф*), которую также носят бабы и у Казанских Татар, а богатой надевают на голову убор (*Чажбав*) только в праздничные дни. [...]

Текст воспроизведен по изданию: Петра Симона Палласа, медицины доктора, естественной истории профессора, российской императорской Академии Наук, Вольного Экономического Санктпетербургского общества, Римской императорской естествоиспытательной Академии и королевских английского, шведского и геттингского собраниев члена, путешествие по разным местам Российского государства по велению Санктпетербургской Императорской Академии Наук. Часть вторая. Книга первая. 1770 год. СПб., 1786.

**Из сочиния П.-Ш. Левека «История народов,
подвластных России» (1783 г.)**

[...] Сами отяки называют себя иначе. Татары, покоря Сибирь под свое иго, называли природных тамошних жителей ругательным словом уштяки, сиречь «дикари». Название сие превртли русские в слово отяк [...]

Текст воспроизведен по изданию: Левек П.-Ш. История народов, подвластных России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 478 с. (С. 189).

**О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских биев
из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян**

Марсель Ахметзянов, Ильнур Миргалеев

Найденная Марселем Ахметзяновым во время его археографической экспедиции в Азнакаевском районе Республики Татарстана грамота русской администрации Казани ногайским беям родов усерген, кыпчак, бурджан и тамьян, которая находилась среди других татароязычных документов и татарских шеджере, позволяет проследить историю заселения Южного Урала ногайскими татарами и поступление их на службу московскому царю. Как известно, позже эти роды были включены в сословие башкир-вотчинников (асаба башкорт).

Эта грамота, написанная на татарском языке и сохранившаяся в копии от 1838 года, созвучна и с некоторыми данными башкирских шеджере, опубликованных Р.Г. Кузеевым. Ногайские татары активно заселяли Волго-Уральский регион⁸⁰ и, скорее всего, эта грамота могла принадлежать той части ногайских татар, которые заселили юго-восток современного Татарстана, а часть их родственников получила от русской администрации в Казани земли на Южном Урале. В документе перечисляется, что «некоторые» из этих приглашенных получили земли, людей, а «некоторые» получили и тарханство. Здесь налицо тот факт, что эти племена были расселены по завоеванным Москвой татарским землям Казанского ханства, западным территориям Сибирского ханства и землям Ногайской Орды на Южном Урале. Перед Москвой стояла задача как можно быстрее заселить эти территории и организовать охрану новой границы. На наш взгляд, именно эти племена в 1630 году и разгромили калмыков [2, с. 27].

Причем эти роды еще не названы башкирами, что свидетельствует о том, что описываемые события происходили после падения Казанского ханства и до вытеснения из Приуралья Кучум-хана и его сыновей. На наш взгляд, речь идет о рубеже XVI–XVII веков.

Часть этих ногайских племен получила земли на Южном Урале с условием, что будет нести военную службу. Этот надел назван в источнике «особой землей Бурджан», что в оригинале звучит как «Бөржанның асабуй йирирдүр» и отражает процесс формирования асаба-башкорт – термина, которым обозначали башкир-вотчинников. За эти пожалованные «особые земли» они и должны были нести охрану юго-восточных границ Московского государства.

---

⁸⁰ Продвижение ногайских татар достигло до реки Вятки, например известно, что некий Ханмирза бей со своими людьми заселил бассейн реки Вятка [Булатов, 1974, с. 188].

Эта же грамота показывает процесс вхождения четырех ногайских родов в сословие «башкорт», в последующем именно эти четыре племени стали самой многочисленной частью современного башкирского народа.

В конце документа указаны пять подписантов грамоты, однако вызывает недоумение, что в тексте написано «Тэхкыйк илә ул олугъ император хэзрэтлэринен олуг убли кул куймадылар» (Перевод: с подтверждением слов великого императора *не подписали* документ следующие люди). Скорее всего переписчик здесь вместо «куйдылар» по не внимательности (?) или же в силу ветхости оригинала написал «куймадылар», добавив лишний «мим». Это подтверждает и то, что из пяти подписантов двое: Алхасов Степан и Пиркутов Михаил не одобрили документ, что тоже трудно себе представить., Просто, из-за не читабельности оригинала переписчик после их имен не дописал слово «хуп», что дословно с татарского переводится как одобряю.

Документның тексты⁸¹

«961 нче йылда гакрәбнең 6 нчы көнендә Русийә җәмәгатъләре Казан шәһрине йавлаб алды. Шул шәһәрдә йортлар бина кыйлыб, моның бәгъдендә түрт оругы хан – Үсәргәндән Бикбау кенәз, Кыбчакдан Мишәүле Каракужак кенәз, Бөрҗандан Ички би кенәз, икенчесене Бурансы би кенәз, Тамъйандан Шыгалы Шакман би-кенәз чакыруы буйынча Казан шәһәрине бардыйлар.

Олуг император кенәз сар Иван Василич үзләренә табигъ рәгайәнә⁸² идүб, йирләрене һәм суларыны үлчәб бирүргә грамота кыйлдылар. Кайуларының илтимаслары буйынча ул олуг шаһымыз фәрманы куәтенчә анлауны табигъ рәгайәтлүлеккә алыб – кайуларга тархан исеме куйылыб, мәрхәмәт идүб һәм йирләруга, суларуга үлчәмәк өчүн Нугай, Себер йулларында йазулар жиберүб, кайу йазуында караб биләнә торган чакра (сәхра. – М.Ә.) йирүләрүн һәм урманларун, акар суларун мөшавәрә идүб үлчәтдиләр.

Кайуының өчүн төлке йасагын түләдиләр. Шул мөшавәрә⁸³ иткән йирләрин мондыйн түбән мәгълүм улынур. Йазылмышы урынларындан – ул Йайык сувы буйлаб, түбәнге чиге Сарайчык, йаки Йайык буйлаб үрге чиге Бүзҗавыйл, Сакмар су исемле... Иш... ике сузым... башындин айкаынача Сайулмышның башындин Каравылның ташындин... Малык йылгасындан Йалгыз Өйәнкегәчә, Нугай Кичүендән үтә Иртөбәкдән Үксез Түбәгәчә сулык Каракашлы, Өвөлгәш Карагайдан, Күр Йувардан Калмаш Башындин Су Тавынача, Сакмарның Алты тотыр ташындин Кийембирде Түбәгәчә, Таналыйкның Тугайынача, Йайыкның Бүзтирәккәчә йараклы Хан Кара Урманы аркылы Камышлауның Куш Убадан Уйрук Тавдан Жим суынача Үсәргән илә Кыбчак, Тамъян, Бөрҗандур. Андыйн Чыгыр этрафы бүлгән чиге Сарайышкулын, Өч үзәннең сувы агышы илә өч сазының тараулары илән Үрге чиге Түлән килгәч, Бөрҗанның асабуи йиридүр.

Өвәл Үсәргәннең Бикбау кенәз Мишәүле Карый кенәз. Әмма ушбу Кыбчак кенәз Бөрҗанның искечә икенче исеме Борынчы би кенәз. Тамъяанның Шыгалы Шыкмай.

Әмма ушбу мөшавәрәт улмаклар Казан шәһәренә кинәгәсинә йазылмышдыр һәм төлке йасаганы түләгәнләр һәм төлке табулмаган хәлдә, шул вакытта төлке йитмеш бишәр акча түләдиләр.

⁸¹ Мирасханә, ИЯЛИ АН РТ. Коллекция 39, шифр 470. Транскрипция М.И.Ахметзянова.

⁸² Рәгайәнә – бер дөләт халыклары.

⁸³ Мөшавәрә идүб – кинәшәп.

Тэхкыйк илә ул олугъ император хэзрэтлэринен олуг убши кул куймадылар:

Ибан Бабилов – хуб

Эчтапан Чискалов – хуб

Алхасов Чтапан...

Пиркутов Михаил

Бильский хуб

Кубийә күчүредди 1838 нче гыйнварның 2 нче көнендә.

Русский перевод⁸⁴

В 961 году, шестого октября, русский народ завоевал город Казань. Построили в этом городе дома, после этого четыре хана племен (оруг) – князь Бикбау из рода Усерген, князь Мишауле Каракуджак из рода Кыпчак, князь Ички би из рода Бурджан, второй князь Бурансы би, князь Шыгалы Шакман би из рода Тамьян, по приглашению поехали в город Казань.

Великий император князь-царь Иван Васильевич присоединил им народ и велел измерив поделить земли и воды и дал об этом грамоту. По просьбе некоторых с помощью приказа нашего великого царя (шаха) они взяли с собой народ, некоторым дав названия тарханы, оказав милость с целью измерения и раздела дарованных земель и вод были разосланы письма в Ногайские и Сибирские дороги, чтобы согласно этим письмам земли которые были отданы им для владения были измерены и обсуждены и эти пустынные земли, леса и воды были поделены.

Для некоторых определили платить лисий ясак. По этим территориям поделенных земель было известно следующее; написано об этих местах – по реке Яик, нижняя граница которой Сарайчык, или по Яику верхняя граница Бузжавыл, река называется Сакмар. Иш... с начала да конца два протяжения... с начала до конца Сайулмыша, начало с камней Каравыла... с реки Малык до Ялгыз Уянке; с Ногай Кичу (ногайского перехода) до Укsez Тубе в землях Иртубека; водоем Каракашлы; с Эувалгы Карагая, с Кур Йувара, с вершины Калмыш до Водяного холма; с камней Алты тотыр Сакмара до Киёмбирде Тубе, до долины Таналыка, до местности Бузтирек в Яике; через лес Хан Кара в местности Камышлау с Куш Уба, с холма Уйрук до реки Джим – усергену и кыбчак, тамьян, бурджан. Местность Чыгыр, границей разделения которой является Сарашкул, верхней границей Тулен, русло трех рек и трех болотистых мест является особой землей бурджан.

Сначала из усерген Бикбау князь, Мишауле Карый князь, который кыпчак князь, по старому другое название Бурынчы би князь из бурджан. Шыгалы Шыкмай из тамьян.

Все это написано в документах города Казани. Платили лисий ясак. Если лис не находили, платили по 75 акче.

С подтверждением слов великого императора не подписали (?) документ следующие люди:

Иван Бабилов – одобряю

Степан Чискалов – одобряю

Алхасов Степан

Пиркутов Михаил

Бильский – одобряю

Переписан 2 января 1838 года.

⁸⁴ Перевод на русский язык: З.Т. Хафизов, И.М. Миргалеев.

«Последний из Сартаева рода»

По рассказу видно, что герой все это поведал уже в старости. Жил он около высокого холма Чиялы-Туб («Чияле тубэ») (Будзякский район РБ), по определению И.М.Миргалеева). Из рассказа понятно, что Джалык вел войну против армии Аксак Тимура и был активным сторонником Токтамышша.

«Последний из Сартаева рода»

Моя голова горит, когда я вспоминаю все это! Но я заставлю свой язык рассказать вам все, что было.

Слушайте все!

Имя мое – Джалык. Я – сын Бурнака, сына Ташкая, из Сартаева рода. Моя тамга – хвост лисицы. И я был когда-то не последним яу⁸⁵. Айе⁸⁶. Меня называли прежде и аксакалом⁸⁷ и биём⁸⁸. И я когда-то жил хорошо. Кибитка моя стояла близ высокого холма Чиялы-Туб. Стада мои паслись под надзором одного главного кытучи⁸⁹, которого я поставил башлыком⁹⁰ над остальными. Он был из народа джунгар и мог хорошо видеть ночью, потому что не клал в шурпу⁹¹ соль. Он был взят мною в ясыр⁹². Он попробовал бежать – я поймал его. Я прибил его ухо к деревянной колоде, из которой поят лошадей. Я сделал его своим рабом. Бу яхши⁹³!

Я был молодым и сильным. Я мог легко носить в руках двухлетнего жеребенка. Когда родился мой первый сын, мне было столько лет, сколько будет восемь раз по четыре и еще один год⁹⁴.

Я имел трех жен. Они стлали для меня мягкий палас, когда я, опьянев от выпитого кумыса, ложился отдыхать.

Я выезжал со своим соколом на охоту. Я пил кумыс. Я веселился. Айе. Я жил.

Когда Тура-Мянгу послал мне свою басму⁹⁵ – я отослал ее обратно. И еще прибавил к этому надломленную стрелу и мертвую мышь. Я смеялся над ним. Я сам имел свой пернач и тамгу⁹⁶. Я сам ими мог распоряжаться, как мне было угодно. Я был и аксакалом и биём.

Хха! Тура-Мянгу наелся грязи!

Для того, чтобы отомстить, он собрал своих сарбазов и пошел на меня войной. Джумран⁹⁷! Он остановился на правом берегу Ак-Су и приказал своим глупым сарбазам кричать: «Ур! ур!». Мои люди много смеялись и свистели им в ответ, прижимая к губам пальцы.

Потом:

Моя стрела скоро нашла горло Тура-Мянгу, и он утонул в реке.

---

⁸⁵ Здесь в смысле воин, профессиональный походный воин.

⁸⁶ Да.

⁸⁷ Старейшина рода, племени; старший уважаемый человек. Дословный перевод: «белобородый».

⁸⁸ Глава рода, клана.

⁸⁹ Пастух.

⁹⁰ Руководителем, головой над остальными.

⁹¹ Суп.

⁹² В плен.

⁹³ Это хорошо.

⁹⁴ 33 года.

⁹⁵ Печать.

⁹⁶ Родовой знак. Метка.

⁹⁷ Суслик.

Так было.

Вот как я жил, пока не пришел Темир со своими мурзами и атабеками.

х

х х

Тынлагыз барыгызда⁹⁸!

Я расскажу вам о своих детях.

Их было двое. Это были два сына.

Когда родился первый, я дал ему имя – Кармасан. Второго же я назвал Чермасаном – в память брата моего отца.

Их нет теперь. Они ушли от силы света. Но имена их огнем выжжены в моем сердце!

Смерть есть чаша, из которой все живущее вынуждено пить!

Иляги! Аларнын каберэ рахматын иля тутыр!⁹⁹

Я скажу:

Они нисколько не походили друг на друга, хотя и были дети одной матери, имя которой было Улькун¹⁰⁰.

Старший был выше брата на полголовы и имел такие глаза, как хорошо созревшие ягоды карагата¹⁰¹ после дождя. Он всегда смел и отважен, как раненый беркут.

Я видел: барласы Темира убили под ним коня. Уже аркан мурзы Кутлубека готовился опуститься на его шею. Но он вскочил, он схватил Кутлубека, он прыгнул с ним вниз со скалы в воду.

Его кистян¹⁰² разбивал одетые в железо головы атабеков точно спелые орехи. За всю жизнь он видел только шесть промахов своей стрелы. Он был джигит.

Еще – Чермасан.

Эй, агайлярым!¹⁰³ Видели ли вы когда-нибудь молодую надречную осокорь? Она стоит прямо потому, что она стройная. Айе. И если ее качает ветром, она качается мягко. Она – всегда красивая. Шулай¹⁰⁴.

Вот такой же был и мой Чермасан. Он улаждал мой слух своими песнями, он хорошо умел играть на курае. Он был и певцом и храбрым яу. И это было хорошо. Я любил его. Я любил их обоих. Они были мои дети, они были славные батыри, имена их остались навечно.

Я, Худай! Ниспошли на них милость твою!

Слушайте:

Аксакал Кара-Абыз имел дочь, которая затмевала своей красотой даже летнюю луну. Ее волосы были много чернее, чем крыло кузгуна¹⁰⁵. Но цвет ее лица был не желтее, чем свежий курт¹⁰⁶ из овечьего молока. И когда смотрела она, то жар светился в глазах ее.

⁹⁸ Слушайте все.

⁹⁹ О Всевышний! Наполни их могилы своей милостью.

¹⁰⁰ Возможно, здесь Улькун не имя, а обозначение старшей жены – Өлкэн – старшая жена?

¹⁰¹ Смородина.

¹⁰² Палица.

¹⁰³ О, мои братцы.

¹⁰⁴ Так.

¹⁰⁵ Ворон.

¹⁰⁶ Здесь чье-то рукой исправлено и добавлена буква «у» и получилось курут (на русский манер). Однако вернее все же будет курт (корт) – название разновидности твердого творога.

Хур-кызы!¹⁰⁷

Ее имя было – Айбикэ. Она не красила брови и ногти в черное и красное. Она была молода и красива.

И вот:

Я увидел ее; я сказал своему сыну Кармасану:

– Улым¹⁰⁸! Твой брат еще молод. А ты знаешь, что по ту сторону Ак-Су живет аксакал Кара-Абыз. У него есть кыз¹⁰⁹ – Айбикэ. Рожденный женщиной ищет женщину, чтобы дать себе подобных!

Такие слова я сказал Кармасану. И он понял меня. Он не сказал «бельмэйм»¹¹⁰. Он не сказал также и «не хочу». Он был мне сын.

И я послал Кара-Абызу три табуна овец и полтабуна кобылиц. Я дал жену Кармасану.

И я устроил большой туй¹¹¹. Мои гости пили бал¹¹², пили кумыс. Они пели разные песни, пока не явился хабарчи¹¹³.

х

х х

Я, Худай! Сабырлык бир!¹¹⁴

Мысли мои путаются, как мокрые волосы в хвосте паршивого коня. Но я буду терпелив, я буду говорить до конца.

Итак:

Мы сидели, мы пили бал, мы пили кумыс, мы пировали. Все было хорошо. Настал вечер.

Когда затихли песни, я слышал: где-то звонко доили кобылиц и трещали в траве зеленые чикьртя¹¹⁵. Я встал. Я пошел. Все было спокойно, как нужно. Я взглянул на небо: там не было туч. В вышине сверкал Джиды-Юлдуз¹¹⁶, который так походит на опрокинутый черпак для кумыса. Все звезды его горели точно дорогие асыл-таш¹¹⁷, что так искусно направляют в рукоятки клычей¹¹⁸ черкесские мастера. Айе, все было спокойно вокруг, но я чего-то ждал, чего-то боялся.

И вот явился он: первый хабарчи. Я помню: под ним был усталый айгыр¹¹⁹. С боков его бежала горько пахнувшая пена на землю.

Вот что говорил хабарчи. Он сказал мне:

– Тюра! Я еду из Баракова аймака, что лежит подле большого сырта¹²⁰ Джабык-Карагая¹²¹. Я принес весть. Абау¹²²! Хан Темир¹²³ – да ослепнут его глаза! – идет сюда с

¹⁰⁷ Гурий.

¹⁰⁸ Сын мой.

¹⁰⁹ Дочь.

¹¹⁰ Не знаю.

¹¹¹ Свадьбу.

¹¹² Мед. Возможно, имеется в виду медовка или медовая вода, также распространенная у татар.

¹¹³ Вестник.

¹¹⁴ О, Бог мой! Дай терпения!

¹¹⁵ Кузнечик.

¹¹⁶ Семь звезд. Созвездие Большая Медведица.

¹¹⁷ Драгоценный камень.

¹¹⁸ Меч.

¹¹⁹ Конь. Жеребец.

¹²⁰ Хребет.

¹²¹ Название хребта горы. Буквально, «закрытый соснами».

¹²² Восклицание.

полуденной стороны¹²⁴. Он ведет с собою много сарбазов¹²⁵ и барласов¹²⁶. Айе. Их столько, сколько может быть дурных мух в сухое жаркое лето. И с ним его мурзы и атабеки. Они идут сюда через горы¹²⁷. Их зеленые байраки¹²⁸ уже видны по эту сторону Джаика¹²⁹.

Вот какие вести услышал я от него. И я не сделал в своих глазах огонь, я не рассердился на этого бедного хабарчи. Я не приказал отрезать ему язык и повесить на шею за его худые вести.

Йук!?!¹³⁰ Я ввел его в свою кибитку, я накормил его. Он был моим гостем. Я постыпил хорошо.

х

х х

Дырыст¹³¹! Хабарчи принес не ложные вести. Так и было. Они пришли. Это случилось в ту пору, когда перестает куковать в урмане¹³² бессемейный якук¹³³.

Этляр¹³⁴! Они были тьма и двигались как тьма. Их было много. Мой раб-джунгар – да будет имя его вонючим! – убежал к ним, чтобы показать брод через Ак-Су. Тогда они взяли кожаные турсуки¹³⁵, они наполнили их воздухом, они привязали их к своим седлам по одному с каждого бока. Они перешли Ак-Су.

Я увидел их скрипучие арбы¹³⁶ впервые за ближним тюбяком¹³⁷, что находится вправо от Чиялы-Туб. Они были от меня на расстоянии трех полетов стрелы¹³⁸, но я видел их лица. Я понял:

Они несли смерть и рабство. (Я знал)¹³⁹: Их лошади и верблюды выпьют и загрязнят нашу воду, потопчут наши степи.

¹²³ Аксак Тимур.

¹²⁴ Т.е. со стороны, когда солнце проходит первую половину дня. Получается юго-восточная часть, что соответствует действительности и доказывает, что Джалык жил именно в бассейне рек Чермасан и Кармасан. Использована древняя форма обозначения направления, характерная и для других татарских источников, где она называлась «тошлек як».

¹²⁵ Сарбаз – воин, боец (перс.).

¹²⁶ Барласы – родное племя Тимура. Обозначение войска Тимура как войско барласов характерно и для других средневековых тюркских источников.

¹²⁷ Южный Урал.

¹²⁸ Знамена. Хотя знамена Тимура были голубого цвета, однако в татарских источниках его знамена называются зелеными. Возможно, Тимур пользовался и зелеными знаменами. Особенно для показания своей принадлежности к исламу.

¹²⁹ Яик, река Урал.

¹³⁰ Нет.

¹³¹ Правда. Использована древняя форма этого слова – «дорест», с окончанием «т», позднее данное слово писалось и говорилось уже без окончания «т», просто «дорес».

¹³² В лесу.

¹³³ Кукушка.

¹³⁴ Собаки.

¹³⁵ Кожаные мешки.

¹³⁶ Телеги.

¹³⁷ Вершина небольшой горы.

¹³⁸ Вопрос о дальности полета стрел достаточно сложен. Все зависело от индивидуального мастерства лучника, качества изготовления лука и материала, а также техники стрельбы. В упор стреляли на расстоянии 30–60 метров. По разным мнениям дальность стрелы (дистанция поражения) – это от 30 до 300 метров. В Золотой Орде использовали луки, как монгольского типа, так и тюркские. В ходу имелись самые разнообразные луки: от простых до сложносоставных. Здесь хочу поблагодарить моего казахстанского коллегу А.К. Кушкумбаева за консультацию по данному вопросу. Возможно, три полета стрелы – это 600 метров.

¹³⁹ Вставка в текст чье-то рукой.

Я ушел. Я молился святому Хусейн-Беку из земли Туркестан, но он не слышал меня. Я обратился к Кадыр-эль-Исламу, но он не явился, чтобы защитить наши кибитки. Мы были одни.

Тогда я встал, тогда я воскликнул:

– Улюм душманга¹⁴⁰!

Я увидел перед собой Кармасана и Чермасана. Они оба дышали горячо. Их глаза говорили:

Алга¹⁴¹!

И мы пошли. Мы отправили далеко на полночь от места Чиялы-Туб наши кибитки и угнали стада. Мы кликнули всех мужчин, которые могли владеть буздыканом¹⁴² и клычем. Мы составили алай¹⁴³. Нас собралось не так много, как барласов Темира, но каждый из нас был храбрым яу.

Мин блям¹⁴⁴:

В сердце каждого из нас тогда кипела отвага и ненависть. Мы шли защищать свои леса, защищать свои степи. Мы не хотели рабства. И когда явился к нам баскак Темира и потребовал от нас «землю и воду» – я не отпустил его обратно. Нет. Я приказал его вымазать медом и посадить в муравейник. Ха! Как он визжал тогда! Точно кучук¹⁴⁵, когда ударят его палкой!

А как мы дрались!

Я не раз ломал свой сунгю¹⁴⁶ о крепкие щиты атабеков. Я не раз заставлял их грызть землю и царапать ее ногтями. Остроту своей сабли я испытал о головы и юзбаши¹⁴⁷ и темников и простых сарбазов.

Сам Темир – да жалит его змея! – слышал свист моей стрелы. Ах-гай! Я знал, что такое решимость и верный удар с левого плеча!

Я видел Кармасана: он голыми руками изорвал бехтерь¹⁴⁸ Тургут-бея, как будто бы это был ветхий кульяк¹⁴⁹ из верблюжьей шерсти. Айе. Его рука была тяжелее и крепче, чем копыто лося. Кулаки его сжимались только для того, чтобы душить. Он заставил умереть многих батырей Темира.

Чермасан! Он был со мной, я видел: его сабля резво порхала среди вражеских клинков. Конь его часто вздымался на дыбы, чтобы кусать лицо врага ....

Мы дрались.

Мы были все выносливы, мы были храбры, мы были яу. О нас пели песни. Но нас было мало и мы отступали.

Нет! Нет! Мы не бежали!

---

¹⁴⁰ Смерть врагу. Нехарактерное для тюркских средневековых источников выражение, возможно, влияние 30-х годов, когда жил информатор.

¹⁴¹ Вперед.

¹⁴² Буздыкан, боздуган – татарская булава, имеющая шипы, была распространена в татарских ханствах и в Восточной Европе.

¹⁴³ Отряд.

¹⁴⁴ Я знаю.

¹⁴⁵ Щенок.

¹⁴⁶ Копьё.

¹⁴⁷ Сотник.

¹⁴⁸ Бехтерь, бехтерец (от персидского – панцирь) – железный доспех. Появилась в XV веке на Востоке. В XV–XVII веках была распространена в татарских ханствах. См.: Татарская энциклопедия: в 5 т. Т. I. Казань, 2002. С. 366.

¹⁴⁹ Рубашка.

х
х х

Я вам скажу:

Когда рана в живот или грудь /это/ – смерть. Будь то конь или воин.

Кармасан и Чермасан!!

Зачем я буду говорить о том, что вы умерли!

Знайте: я сделал людям о вас хорошую память. Ваши имена остались навечно! Там, за Ак-Су, текут две елги¹⁵⁰, которые извиваются, как серебряная надпись из Аль-Корана над преддверием Газиевой мечети.

У них тогда еще не было имен, мы их никак не называли. И вот я дал ваши имена, я похоронил вас там!

Балаларым¹⁵¹!

Да будет над вами милость пророка!

А потом:

Я ушел. Я отомстил за вас! Айе. Я не брал никого в ясыр¹⁵². Я только убивал.

Стоны поверженного врага приятны воину. Мольбы о пощаде – веселят его сердце. Кто скажет, что это не так!?

Но я заткнул свои уши перстами ненависти и в глазах своих носил только месть и огонь. Да, да! Я не брал никого в ясыр, я только убивал. Я вырывал всем глаза, я клал туда соль, я зарывал в землю. И это было хорошо.

За это враги мои прозвали меня: «Юлбасар»¹⁵³.

Ай-гай! Как я мстил!

Знайте все: это я с Тятигачем¹⁵⁴ переплыл темной ночью Дим в весенний разлив и убил Улукая! Он лежал у костра, окруженный своими батырами. Но наши руки были достаточно крепки еще в то время, чтобы заставить их умереть. А их было в пять раз больше, чем нас. Нас же было только двое и ночь.

Ха! Как нам было тогда весело!

Мы убили их всех, мы обрезали им уши и бросили в горячую золу костра. Мы были победителями.

Помню:

Я встретил Тугай-бея. Он ехал куда-то один, лишь в сопровождении молодого джуры¹⁵⁵. Кагар¹⁵⁶! Он осмелился еще кричать мне худые слова, ядовитые, как корень аксыргака¹⁵⁷. И я сделал то, что нужно было сделать. Я погнал своего коня. Я настиг его. Я отрезал ему голову! ... А потом, – белегыз, кышылярым¹⁵⁸! – я отослал эту голову самому Темиру, – да спалит его огонь! – которого за хроющую ногу прозвали «Аксаком».

Вот что я сделал.

Я мстил.

Враги мои боялись меня больше, чем уркуян¹⁵⁹ карагуша¹⁶⁰. Они поворачивали мне свою спину еще прежде, чем я успевал взмахнуть своим буздыханом. Уже при од-

¹⁵⁰ Реки.

¹⁵¹ Дети мои.

¹⁵² Плен.

¹⁵³ Разбойник.

¹⁵⁴ Имя Тятигач встречается и в других преданиях, это имя было достаточно распространенное.

¹⁵⁵ Джуры, чуры – раб.

¹⁵⁶ Кагар, кахэр – проклятье.

¹⁵⁷ Чемерица.

¹⁵⁸ Знайте, мои люди.

¹⁵⁹ Заяц-русак.

ном упоминании моего имени они начинали дрожать, как дрожат глупые маленькие ребята, когда слышат голос волка.

Ха-ха! Они меня назвали: юлбасар!

Куркаклар¹⁶¹!? Поганая базы¹⁶² вам могила!

х

х х

Судьба родившегося в год Барса¹⁶³ подобна весеннему ветру, изменчивому как женщина, которая есть тепло и холод. Это – так.

Но я скажу:

Горькое и сладкое узнает только отведавший.

Вот: дорога моей судьбы привела меня, наконец, уже к закату солнца, и мне ничего не нужно. Для меня все прошло. Я лишился своей кибитки, лишился своих стад, лишился всего. Теперь я бездомная собака, подбирающая обглоданные кости. Я – как барсук, потерявший свою нору.

Я брожу теперь из коша в кош¹⁶⁴ и греюсь подле чужого огня. Мне дают только одну баранью лопатку за чужим котлом. Я ношу также чужой халат и спать ложусь на чужой кииз¹⁶⁵.

Миным бер намэ да йук¹⁶⁶!

Я – байгуш¹⁶⁷.

Где мои друзья, руки которых когда-то лежали в моих руках!?

Их нет.

Где батыр Сарым? Где Тятигач? Где Хани-Углан?

Они ушли. Их глаза уже давно протекли в землю.

Я – один. Я – последний из Сартаева рода...

... Но знайте:

Я был не последним яу!

Меня прежде называли и аксакалом и биём!

Айе.

А теперь я стар. Я умру.

Булсун шулай¹⁶⁸.

Текст воспроизведен по: Миргалеев И.М. Рассказ о Чермасане и Кармасане: легенда «Последний из Сартаева рода» // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 3. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. С. 97–109.

¹⁶⁰ Стервятник.

¹⁶¹ Труссы.

¹⁶² Подпол, здесь в значении яма.

¹⁶³ По мнению Марселя Ахметзянова, характерное для средневековых татар поверье (юрау), связанное с теми, кто родился в год барса.

¹⁶⁴ Кош, куыш – шалаш, здесь в смысле дом, очаг.

¹⁶⁵ Войлок.

¹⁶⁶ У меня ничего нет.

¹⁶⁷ Сова.

¹⁶⁸ Пусть будет так.

Татарские этнонимы по данным татарских шеджере

Марсель Ахметзянов

Проблема определения времени появления золотоордынских татарских племен между Волгой и Уралом и распространение их этнонима в данном регионе пока в исторической науке не достаточно изучена.

Есть одно любопытное упоминание в татарских преданиях, что после установления над Золотой Ордой власти Токтамыш-хана, в 1381 году на земли Булгарского улуса для защиты страны от нападений ушкуйников из Крыма и Причерноморья Токтамыш переселил 17 тысяч семей татар. Эта информация в татарских генеалогиях, записанных уже много лет спустя, хотя и несколько запутанны, но все же вызывает интерес. Историческая память татар зафиксировала переселение татар в Волго-Уральский регион именно во времена золотоордынских ханов.

Судя по многочисленным татарским шеджере Кара-бека, выходец из Крыма, сперва овладел городом Булгар и далее Билярмом, потом в 1395 году погиб во время нашествия армии Аксак Тимура на Среднее Поволжье. Однако, история его оседания в Булгарском улусе оставила следы в топонимах и в записях татарских родословных. Например, сохранились на территории бывших его владений (совр. Татарстан) – топонимы Суыксу, Бакчасарай, Салтык, Туксаба, Ташкирмен, Кирмени (Средние Кирмени, Русские Кирмени, Малые Кирмени), Сараш, Качи, Актуба, Сарайлы, Чатыртау, Оры (Служилая Ура, Ура), Иске йорт, Кизләү, Базарлы Матак и др.

Несколько татарских письменных родословных прямо связывают свое происхождение с Крымом. Например, родословная Ширинских, Чанышевых, Габдулла хана (Кара-бека), Кара-гузы, Апаковых, Буркут-бия, Надира Уразметова, Див-Мангуба, Шакуловых, родословная Нур-Давлета и др. Возможно, их появление в Волго-Уральском регионе связана с Улуг Мухаммадом или же Гиреидами, которые сидели на казанском престоле. Здесь мы хотели бы опираясь на татарские родословия – шеджере – перечислить некоторые татарские рода, которые проживают в Волго-Уральском регионе.

Племя кыргыз

Племя кыргыз занимал земли до низовьев реки Белой, до впадения ее в Каму. Эти роды, судя по этно-топониму «Киргиз Мияка» на р. Деме, проникли в земли среднего течения р. Демы и реки Ик. Их можно связать с кыргызами в войске Батыя.

Племя Минг (Меңнәр)

В Атнинском р-не Татарстана есть два селения, основанные представителями племени Менг – Старые Менгеры и Большие Менгеры (а был еще и третий – Новые Менгеры, который прекратил свое существование в 1990-х годах), Мендюш. В Сабинском р-не Татарстана известно с. Менгер, основанное выходцами из Б.Менгеры.

Племя Менгер представлено своими выходцами в большом родословном сборнике с. Большие Менгеры и т.д.

Племя Гираев

Племя Гираев представлено татарскими родословными восточных районов Татарстана Актанышском, Сармановском, Мензелинском. Возможно этот татарский род также связан с Крымом. История племени освещается в семи родословных списках, выявленных и опубликованных автором этих строк.

Племя Кираетов (Гираетов)

Племя кираетов составляло часть населения Ногайской Орды. Их прямые потомки живут в Азнакаевском р-не Татарстана. Во время археографических экспедиций нам

удалось обнаружить и записать здесь интересные исторические легенды о происхождении рода. В настоящее время история рода киратов известна по двадцати спискам его родословных.

Племя Юрматы

Племя Юрматы, как видно из родословного текста, начинает свою историю с территории современного Тюлячинского р-на Татарстана. Имеются более трех списков родословия вождя Юрматынцев – Шейха Дервиша.

Племя Каракалпак

История каракалпаков кратко, но интересно представлена во втором списке «Шеджере Юрматы». Каракалпаки проживали на территории Булгарского улуса. Их хан – Агат Самат считался даже правителем Булгарского улуса и сидел в Билярах. Имеется также и татарский эпос «Агат Самат».

Племя Кунграт

История племени Кунграт освещается в списках трех татарских родословных. Имеют золотоордынское происхождение.

Племя Катай

Судя по родословным спискам, среди татар также распространённое племя. Нами обнаружено два списка их родословных.

Племя Буляр

Племя свое название получило от названия города Биляр. По их преданиям, после нашествия Аксак Тимура, оставшееся население города Биляра, бросив развалины города, вышло на берега устья р. Белой и Ик. Там они основали несколько деревень, например Татар Буляр. Известны списки двух версий истории оставления своих очагов населения города и их бегство от родных земель.

Племя Уран

Нам известны сведения о двух списках родословной татарского племени Уран. Один список опубликован, другой список, наиболее полный, находится на стадии публикации.

Племя Уйшин Майкы-би

Среди покоренных племен Чингиз-ханом было и племя Уйшинов. Главным предком которых определили легендарного Майкы-бия, сподвижника Чингиз-хана. Майкы-би – это историческая личность, впервые о нем упоминает персидский историк Рашид ад-дин. Во время археографических экспедиций, нам удалось выявить несколько рукописных списков родословной Майкы-бия.

Племя Табын

Этот этноним сохранился в шеджере, также в топонимических названиях, эпитафийных исторических текстах. Например, на эпитафийном тексте умершего в 1551/1552 г. пишется что в д. Джаки умер «покойный из рода Два Табын...». Также, упоминание топонима Табын (Ак Табын) сохранился в эпитафийном памятнике селения Большая Агтя 1524 года. В Муслимовском р-не Татарстана есть два татарских селения, называемые Нижний Табын и Верхний Табын. У татар сохранились несколько родословной рода Табын. В основном у татар представлены две версии этого родословия. Как известно, племя табын также известно и среди сибирских татар и башкир.

Племя Тазлар

Этноним сохранился в названиях сел Арского р-на Яңа Тазлар, Иске Тазлар. В местных исторических преданиях жители д. Иске Тазлар связывают свое происхождение с родом Тазлар.

Племя Ширин

Данный этноним в качестве фамилии известен у касимовских татар в форме Ширинские. Топоним Шырын-Касимовский р-н Рязанской обл. и др. Один из основных правящих родов в татарских ханствах.

Племя Кыпчак

Довольно распространенный топоним и известен по многочисленным преданиям среди татар.

Племя Нугай

Данный этноним сохранился во многих татарских названиях и даже в фамилиях в форме *нугай* в текстах татарских родословных (например в тексте «Шеджере кираете» из Азнакаевского района РТ).

Племя Балыклы

Данный этнический термин сохранился в названиях татарских сел и деревень. Например с. Балыклы – Кукморский р-н; Балыклы-Чукаево – Рыбно-Слободский р-н, Балыклы – Тюлячинский р-н; Булун Балукчы – Апастовский р-н Республики Татарстан. Известен также в Крыму татарский город Балыклы.

Племя Каргалы

Село Каргалы Чистопольского р-на РТ; Каргалы – Сеитов Посад в Оренбургской обл.; Каргалы – Мамадышский р-н РТ; Каргалы – Больше-подберезинский с/с. Республики Татарстан.

Племя Кырык Садак

Данный этноним сохранился в названии с. Кырык Саадак Буинского р-на Татарстана.

Племя Кият (Кыят)

Племенной этноним татар сохранился в названии деревни Кият Буинского р-на Республики Татарстан.

Племя Куюки

Сохранился в названиях татарских сел и деревень: Новый Куюк, Старый Куюк. Куюк – Балтасинский, Елабужский, Сабирский р-ны РТ; Куюк баш – Балтасинский р-н РТ, Большой Куюк – Высокогорский р-н РТ.

Племя Урум

Племя Урум – Тетюшский р-н РТ; с. Урум Ширма – Тюлячинский р-н РТ.

Племя Багъдан

Выходец из рода с. Багъдан (татарский мурза) в Темниковском уезде. Представители данного рода Багъдан известны широко под фамилией – Богданов.

Племя Барын

Один из знаменитых татарских этнонимов Средневековья – Баргын (по-русски Барын), также один из основных правящих родов в татарских ханствах.

Племя Аргын

Древний тюрко-татарский этноним, один из основных правящих родов в татарских ханствах.

Племя Кара Джийын

Известно в д. Сасна Малмыжского уезда. Небольшое татарское племя.

Племя Илек

Племя Илек известно из Камско-Устиньского р-на Татарстан. Небольшое татарское племя.

Племя Бикчуры хана

Их представители живут поблизости реки Урал, по местным татарским преданиям, Бикчура-хан – главный предок татар.

Племя Адай

Сохранилось в топонимах и татарских фамилиях. Село Адаево – Актанышский р-н РТ, с. Адаево – Кукморский р-н Татарстана.

Племя Тамьян

Данный этноним сохранился в топонимах Татарстана и Башкортостана. Связан с ногайскими татарами. Название татарской деревни Тамьян Чекмагушевского р-на РБ и др.

Племя Черки

Этноним Черки-Бибкеево, Черки-Гришина, Черки-Дюртиле, Черки-Шумякова, Черки-Кильдураза – топонимы Буинского р-на Татарстана.

Племя Буртас

Большие Буртасы, Малые Буртасы – топонимы Рыбно-Слободского р-на РТ. Буртасы – древнее поволжское племя, известно с X–XI веков.

Племя Сюндюково

Село Сюндюкова Буинского р-на Татарстана. По происхождению связывают с ногайскими татарами.

Тарханы

Многочисленные названия деревень как Большие Тарханы, Верхние Тарханы, Нижние Тарханы. Происхождение этнонима тарханы некоторые исследователи связывают с хазарами.

Племя Сугуты

Сугуты, Татарские Сугуты – топоним. Это малый топоним позднего происхождения.

Каракитаны

Каракитаны – топоним Дрожжановского р-на Татарстана. Древний этноним, связанный с тюркским каганатом.

Список литературы

1. Әхмәтжанов М. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.
2. Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. 1 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012.
3. Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: «Мәгариф» нәшр., 2002.

4. Әхмәтжанов М. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан, 2011.
5. История Татарии в материалах и документах. М.: Гос. Соц.-эконом. изд-во, 1937. С.168–173, 194–199.
6. Источники по истории Татарстана. Казань, 1993. С.8–10.
7. Рахим Али. Татарские эпиграфические памятники XV века. // Труды Общества изучения Татарстана. I том. Казань, 1930. С.152.
8. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

К вопросу о «башкирских шеджере»

Марсель Ахметзянов

Вопрос использования так называемых «башкирских шеджере» в исторических исследованиях вызывает неоднозначную реакцию у специалистов, так как они не являются историчными. Но необходимо отметить, что в издании Р.Г. Кузеева они прочно вошли в исследования особенно уфимских коллег, порой, являясь основным источником в их реконструкциях даже древней и средневековой истории. Однако источниковедческого анализа с публикацией оригиналов не существует. Все ссылаются на сборник Р.Г. Кузеева. Необходимо отметить, что все эти предания поздние, написанные на татарском языке и отражают реалии XVIII–XIX вв., когда шли судебные разбирательства с землями Приуралья. Налицо факт того, что это не совсем шеджере, а исторические предания. Но именно исторические сюжеты в них взяты из известного татарского исторического сочинения XVII века «Дәфтэре Чингиз-наме», широко распространенного в Волго-Уральском регионе.

Видно, что авторами этих шеджере был ограниченный круг людей, и в принципе они не только по стилю похожи, но и по содержанию. Здесь же хотелось бы отметить и отсутствие публикаций шеджере именно в таком виде до Р.Г. Кузеева и то, что после него опубликованные шеджере, которые находили в Волго-Уральском регионе не содержат таких больших заимствований из «Дәфтэре Чингиз-наме». В отличие от шеджере, изданных в сборнике Р.Г. Кузеева, в других шеджере, опубликованных будь то в дореволюционных изданиях, таких как журнал «Шура», или после Р.Г. Кузеева, дается краткая справка о родоначальнике рода (который обязательно является ханом, беём, мурзой), откуда он родом, и откуда прибыл на территорию последнего проживания потомков, а далее идет перечисление имен.

Мы решили включить в Приложение нашего издания несколько шеджере-преданий, не принимая их за исторические источники и не ставя в основу исторической реконструкции, используя только те сведения, которые подтверждаются синхронными аутентичными источниками. Все же отметим, если они и вправду оригинальные и созданы по исторической памяти, то они как раз отражают процесс вхождения этих родов в состав башкир. Симптоматично, что в этих легендах юрматинцы названы сначала ногайцами, а потом – иштяками, и только после их присоединения к России – башкирами-вотчинниками. Это, скорее всего, как раз является отражением исторической памяти южной группы башкир, которые действительно, происходят от ногайских татар. Но могло быть и так, что в состав юрматинцев вошли (особенно в качестве элиты рода) и ногайские роды, что отражено в эти преданиях.

Примечательно, что в кара-табынском и гайнинском преданиях-родословных четко прослеживается миграционный путь этих племен. По этим источникам, выходит, что кара-табынцы прибыли из Зауралья в верховья Камы (Чулман), а потом переселились к югу в бассейн р. Ик. Подобно им и Гайнинцы жили «в верховьях Камы близ Атчара», «потихоньку двигаясь, пришли на реку Тул, а потом дошли до устья Ак-

Идели». То есть они переселились на земли современной Башкирии с севера, с верховьев Камы. Причем в эпических преданиях, одно из которых публикуется ниже, говорится о том, что причиной переселения стал небывалый холод, возникший из-за исчезновения солнца. Все эти данные о переселении с севера и похолодании, несмотря на их эпическое происхождение, можно принять к сведению, поскольку они находят подтверждение в синхронных аутентичных источниках.

Шежере племени Юрматы

Да будут известны ханы, оставшиеся от времени Чингис-хана! Сыновья истинных юрматы с рождения были рода Шагали-бия и многочисленны, поэтому главу его люди называют бием. В древние времена на этой земле были ногаи. На земли <по долинам рек>, называемым Зай и Шешма, они приходили кочевать со всех сторон до тех пор, пока в том месте вдруг не появился какой-то змей-дракон. Он достигал <всего> на расстоянии одного дня и одной ночи <пути>. Так прошло много лет. С ним <долго> сражались. Много людей погибло, после этого тот змей исчез. Люди остались в покое. В то время они жили под властью хана, называемого Амаг Хамат. Затем <один> хан стал завидовать <другому> хану. Друг другу они стали врагами и начали рубиться на саблях. В то же самое время вместе с Джанибек-ханом ханом был Аксак Тимур. От них юрту было великое разорение, во все стороны совершались набеги. Юрт Амаг Хамат-хана был разрушен. С немногими людьми он бежал. Они переправились на другой берег большой реки и стали высматривать место для юрта.

Остановились по течению источника, называемого Кара Елга <Черная речка>. Хан сказал: «Здесь произошло что-то неладное! Тут, оказывается, много мертвецов!». Хан сказал: «Среди этих мертвецов должен быть какой-нибудь святой. Разыщите его могилу!». Только он это сказал, тот же час <начали> искать и увидели надмогильный камень. На камне было написано «Чюлькя-ата». Хан сказал: «Очевидно, это и есть их святой!». В ту пору <год> был восемьсот одиннадцатый. Хан приказал: «Вырыйте и осмотрите могилу!». И когда осмотрели могилу, <увидели>, что она выложена кирпичом. И вот что удивительно: черноволосый краснощекий молодой человек лежит <в ней>, как живой. Хан сказал: «О Шагали-бий! Среди всех людей мудрее тебя <человека> нет! Все это вокруг пусть будет твоим! И за этим святым ты ухаживай!» Когда <хан> сказал так, Шагали-бий с удовольствием согласился. И по течению реки, называемой Шаддык, поставили юрты. А над этим святым <Шагали-бий> поставил ограду. И каждый год, собираясь <у нее>, устраивали поминки.

Долго они <там> жили, и Шагали-бий покинул <этот> мир. Похоронили его рядом с Чечелькя-ата. Шейх, сын Гюджлюка, называемый Шейх-дервиш, стал великим бием. Юрт пребывал в покое. Когда бием стал Шейх-дервиш, они откочевали в юрт своих предков, на Зай и Шешму. Во все стороны они ходили кочевать и пребывали в радости и удовольствиях. Вскоре, когда Шейх-дервиш покинул <этот> мир, после него бийство перешло к сыну бия, Чачлы-дервишу, и на бийство <его> было дано согласие. Стал он великим бием. И жили они, пребывая в радости и удовольствиях. У ногаев существовал такой обычай: бия своего они называли мирзой и ставили его <своим> главой.

Перекочевывая с места на место, они достигли берегов Сакмары, Джайка <Урал> и Идели. Неисчислимы ногаи сии места сделали своим жилищем. И вот жизни Чачлы-дервиш-бия наступил конец, а сына у него не было, и братьев, и близких <родственников> не было. Была только одна дочь. Дочь свою он отдал в <жены> ногаю, бывшему под его властью. И вот от той дочери было два сына. Один назывался Бурнак, а один – Ядкар. И вот Бурнак назывался так потому, что за неимением <рядом> других детей положили его перед лошадью с белым храпом и дали это имя. Отец их, ногай, умер молодым, и росли они на руках Чачлы-дервиш-бия. <Когда> Чачлы-дервиш-бий покинул

<этот> мир, старший сын его <дочери> Бурнак стал бием, а Ядкар стал мирзой. И все его родичи стали мирзами, а род у него был большой. И вот в те времена ханом был Таукай. Таукаю <на ханство его> было дано согласие. Таукай стал главою тысячи восьмидесяти пяти казахов. Во все стороны они ходили кочевать, пребывали в радости и удовольствиях, по справедливости управляли в юрте.

Однажды выдался голодный год. Зима стояла долго. В течение трех лет лошадей и овец не стало, хлеба совсем не всходили. Многие люди остались без средств к существованию, многие оказались голодными и нагими. Ногаи собрались и держали совет. «Наши предки пришли сюда с Кубани из-за земли и воды, пришли искать прохладного места и прохладной воды. И вот оказалось, что зимняя стужа хуже полуденного зноя. И вот <оказалось>, что хуже испытания стужей – приход с полуночной стороны неверных русских. В этих землях русских, должно быть, будет много. Нам эта земля не подойдет», – говорили они. И неисчислимые ногаи решили бежать. И вот бедные и отошавшие <люди> пришли к Бурнак-бию и сказали: «В хорошую пору мы жили вместе, а ныне, в лихое время, бросая нас, куда ты уходишь? Куда нам теперь деться?». Они так слезно умоляли, что Бурнак-бий решил не уходить. А младший брат его, Ядкар-мирза, во главе неисчислимых ногаев откочевал на Кубань. И вот был в ту пору <год> девятьсот пятьдесят третий. По течению Ак Идели верхняя межа – Нугуш, нижняя межа – Кукуш, со всеми вытекающими оттуда речками и лугами, – все это было их владением. Триста ногаев с родами их, оставшись без Ядкара, также бежали на Кубань. Оставшиеся с Бурнак-бием <люди> назвались иштяк. На оставшихся от сих ногаев пустых землях они наслаждались жизнью. По течению Идели и в лесах они <промышляли> медовой пчелой, в водах – бобром, в степях – куницей и лисой, и, промышляя <таким образом, иштяки> стали богатыми. И был в ту пору <год> девятьсот пятьдесят четвертый.

Все иштяки жили повелениями Бурнак-бия. Когда Бурнак-бий скончался, бийство поручили Татигачу. После того, как Татигач стал бием, <в год> девятьсот пятьдесят девятый, в год Мыши, во второй день <созвездия> Скорпиона, Казань-город взяли русские. После этого Белый бий стал падишахом. После этого во все стороны он направил посланцев с грамотами и тогда стало известно, а был в ту пору <год> девятьсот шестьдесят первый: «Кто бы то ни был пусть не бежит, каждый в своей вере пусть остается и следует своему закону». Когда эти посланцы ходили и объявляли <это> был <год> девятьсот шестьдесят первый.

И вот я, Татигач-бий, ничего другого придумать не имея случая, от народа трех туобь взял трех человек: первый – Азнай-баба, второй – Ильчиктимер-баба, третий – Кармыш-баба, и вместе вчетвером, взяв друзей-спутников, направились в Казань-город и покорились Белому бию-падишаху. Получили <за это> высочайшую награду и атлас. «Мы люди с тремястами домами», – известили мы шаха. От бежавших ногаев оставшиеся земли мы нижайше просили <дать нам> и получили <их>. Верхняя межа – Нугуш, нижняя межа – Кукуш, по обе стороны от них вытекающие реки, и степи, и горы, и скалы он дал <нам>. Согласившись платить ясак куницей, мы присягнули на верноподданство. После этого Белый бий-падишах мне, Татигачу, милостиво даровал чин мирзы. Азнаю даровал <должность> старосты.

После этого мы вернулись в свой юрт. Я собрал людей и сказал: «О сотоварищи мои! Мы ходили к Белому бию-падишаху. И покорились <ему>. И стали <его> рабами. Мне, Татигачу, падишах милостиво даровал чин мирзы, Азнаю даровал <должность> старосты. И у падишаха бежавших ногаев земли мы нижайше просили <дать нам> и получили <их>. Мы согласились платить ясак сто куниц. А вы ныне примете ли <все это>?». Все эти люди <сказали>: «Все мы душой и сердцем согласны!». И вот я сказал: «А падишах сказал, что на мне, мирзе, ясака не будет». Они сказали: «Хорошо, быть <по сему>!». И вот люди сказали: «Ныне на этой земле есть место для зимнего юрта,

есть вода для питья, есть гнездящийся беркут, орел-могильник, в воде есть бобер, в лесу есть прыткая лисица, и куница, и выдра. <Этому всему> мы рады. Ныне вот эти земли ты раздели по тюбям: и ясак, и землю». «И чтобы каждому из нас, родам, родичам нашим быть мирного нрава, давайте вместе напишем письменные условия», – сказали они. И вот я, Татигач-мирза, сказал: «<Это> будет очень хорошо! Но падишах даровал мне достоинство мирзы, а на мирзе ясака нет!». Когда я сказал <так>, люди сказали: «Повеление падишаха одобряем!». И мне, Татигачу, ясака не поло жили. Сто куниц ясака уплатили податные люди.

После этого, уплатив ясак, мы разделили землю на четыре тюби. Сначала <земли> от верховья Ашкадара до низовья его с вытекающими с обеих сторон речками, с лугами, камышами и степями, от речек Угуя и Мекатевли до низовья Нугуша с впадающими в них речками, сделали одной долей. И еще <земли> от низовья Нугуша с вытекающими с обеих сторон Идели речками, с их деревьями, лугами, с истоком <речки> Тор и истоком <речки> Селеук, от дерева со сломаной вершиной и от седловины Туратау сделали одной долей. И <земли> Туратау, и Шахтау, и Куштау от устья Стерли и от верховья Куганак с Уршаком, с возвышенностями между ними и стекающими с них <речками>, и впадающими в Асаву. И <земли> от устья Уршака, Асавы, от лесочка Маленький буляк, Бурсык, затем от горы Юрактау с долиной Каратугай по Идели от Кукуша, Зигана, с впадающими в них речками и потоками, от верховья Каламана, от верховья Тора и Шинеш мы сделали одной долей. После того бросили четыре жребия. Первый: по исполнению жеребьевки первый жребий -<земли> с их водами и степями, простирающимся до Ашкадара – достался мне, Татигачу; второй жребий – Тяйрюк с описанными <выше> их водами, и степями, и лесами – достался старосте Азнаю; третий жребий – (реки) Стерля, Куганак, Селеук с описанными <выше> их водами, полями, лесами – достался Ильчиктимеру; четвертый жребий – <реки> Зиган, Каламан, Шишеняк с описанными <выше> их водами, и степями, и лесами – достался Кармышу. Разделив эти земли, после жеребьевки мы <договорились> слова не нарушать, силу не применять и полюбовно сообща записали (это).

Когда мы вступили в <девятьсот> шестьдесят второй <год>, от Белого бия-падишаха пришел купец. Меня, Татигача, старосту Азняя, после этого Ильчиктимера с Кармышем известили <о нем>. Сто куниц ясака мы взвесили на его безмене и доставили в Москву, падишаху, уплатив <ясак>. О нашем разделе сих земель мы написали и закрепили в московской книге. И вот по этой самой книге каждый год мы платили ясак. И вот, видя, как тяжело платить <ясак>, доставляя его в Москву, просили <позволения> платить ясак в Казани. Доставив книгу в Казань, платили <ясак там>.

После этого много дней прошло, силы ушли, мы состарились. Подошел я к концу жизни и понял, что этот мир не вечен. Тогда призвал я родичей-сородичей, своих друзей и близких и сказал: «Моя жизнь подошла к концу! После меня что вы будете делать, как жить в этом мире?». Они сказали: «Ты еще будешь здоровым!». После этого я сказал: «Увы! Как прежде предки <наши> богатели, я рассказал. Так же и вы будете жить!», – пожелал я. Рассказы и прошлое <наших> предков мулле Бакыю я велел записать и передал Ильчиктимеру и Кармышу. В девятьсот семьдесят втором <году хиджры> Священного рамазана 8-го дня скончался Татигач-баба. Говорят: «Истинно, Аллаху мы принадлежим и к Нему мы возвратимся».

И вот имена ханов после Чингис-хана: Аамат Хамат стал ханом. Был в ту пору <год> восемьсот одиннадцатый. И еще Джанибек-хан, и еще Аксак Тимур-хан, и еще Шагали-хан, и еще – Шейх-дервиш-хан, и еще Чачлы-дервиш стал бием, и еще Бурнак стал бием, и еще Ядкар стал мирзой.

Много времени прожили. В <год> девятьсот пятьдесят четвертый бийство перешло к Татигачу. В <год> <девять>сот <пятьдесят> девятый в Казани Белый бий стал

падишахом. Татигач-бий ходил <к нему>, покорился <ему>, присягнул на верно подданство, сии земли наши нижайше просил и получил. Башкир-вотчинник по сему стал многоземельным. Так и знайте!

Текст воспроизведен по изданию: Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 31–35.

Кара-Табынское шежере племени Ирэкте

Род Кара-Табын идёт от Майкы-бия. Во времена Чингисхана Майкы-бий, живя в местности Миадяк в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингисхану возил подарки; став его спутником, ездил вместе с Чингисханом на одной повозке; дали ему имя Уйшин Майкы-бий. Сын Майкы-бия – Илек-бий, его сын Алчэ-бий, его сын Булгаир-бий, его сын Кара-Табын-бий. Ему дали имя Кара Газиз. Кара-Табын-бий бросил старые земли и переселился в долину реки Чулман. Его сын Чулман-бий родился, когда [Кара-Табын-бий] переселился сюда.

Сын Чулмана Кулман, сын Кулмана – Дурмэн, сын Дурмэна – Бибэн, сын Бибэна – Худайгул, его сын Худояр, его сын Давлетъяр, его сын Давлетбай, его сын Исэн-хан. Исэн-хан подчинился Чуртмак-хану, который был из казанских ханов. Его [Чуртмак-хана] владением была деревня Джирем. Сейчас оно известно как село Чукур. Около Чукур находится всем известная местность «озеро Сырган», где Исэн-хан с Чуртмак-ханом состязались в стрельбе из лука по цели. В цель попала стрела Исэн-хана. Честь Чуртмак-хана была задета и между ними произошла ссора. Чуртмак хан сказал: «приведу на тебя войско». Исэн-хан и его люди испугались; пока он [Чуртмак-хан] не привёл войска, убьём его самого – решили они и тогда же Чуртмак-хана убили. Позднее Исэн-хан, опасаясь мести Казанцев, подчинился Русскому государству, став подвластным [России]. А то место, которое сегодня известно как «озеро Сырган», называют «Земля, куда упала стрела Исэн-хана».

Сын Исэн-хана – Бырак, сын Бырака – Киик, сын Кика – Шариф, сын Шарифа – Габдулла, сын Габдуллы – Салих, сын Салиха – Гали. Гали есть сам Киков.

Текст воспроизведен по изданию: Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 165.

Шежере Хуббихужи Тюмисева (шежере гайнинцев)

Я составил одну часть этого родословного дерева, состоящего из шести частей. Если кому-то будут нужны оставшиеся – попросите и мы их немедленно передадим. В сокращенном виде, пишете вы, соблюдется порядок, по этой причине не было выслано написанное в подробном виде.

Составив промеж себя бумагу на землю, подаренную падишахом, 14 человек отправились в Москву и записали в книгу. Будучи в количестве 14 человек, завладели они землею от верховьев Чулмана до устья Ак-Идели и от верховьев Ак-Идели поделили земли по рекам Дим и Кармасан. Конец написанного: подать, которую мы платили великому падишаху, составляла 161 куница и 8 батманов меда – так было записано в Москве 9-го февраля 1567 года.

Указ, изданный нашим милостивым падишахом летом-осенью, «устроил пудчас» Иван Яков [сын]. 20 мая 1567 года плательщик подати башкирский князь Янбакты Кадаш-улы, Уразлы Урман-улы, Махмуд Дистин-улы, Камачан Яиксабы-улы с товарищами. Князь Янбакты Кадаш-улы с товарищами и Джавыш-бий – прямые предки Гайны.

Инсан-бий жил в верховьях Камы близ Атчара. Его сыновья, потихоньку двигаясь, пришли на реку Тул, а потом дошли до устья Ак-Идели. Сделали своей собственностью оба берега Идели. Эту приобретенную землю затем им пожаловал падишах. Урак-бай вышел из подчинения Ногай-хану, по причине того, что начальники Ногай-хана при сборе подати совершили над женщинами надругательство. Урак-бай в зимнее время на лыжах пошел вверх по Идели в Чердынь к падишаху Ивану Васильевичу. Бил челом, обаяясь давать с каждого дома по одной кунице, и попросил жалованную грамоту. Падишах, обрадовавшись, дал жалованную грамоту и землю-воду в подтверждение того, о чем они вместе объявили.

После этого Урак-бай вместе с Али и сыном Али, Тарбирде, договорились, поскольку кунных шкурок добыть не удалось, попросить у царя: «Раз в нашей земле куниц нет, то, если заплатим деньгами, не согласишься ли на это?». И падишах согласился. После того, как московский падишах Иван Васильевич взял у болгарского хана Казань, Инсан-бий бил челом московскому падишаху. Инсан-бий пришел из Булгара в Чердынь и там жил.

Условия были записаны в 1581 году.

Наш род – кукушка
Наш уран – «Бурух!»
Наша птица – угод
Наше древо – удмуртский клён
Наша тамга – [буква] хамза

Текст воспроизведен по изданию: История башкирских родов. Т. 11: Гайна / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов и др. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. С. 450–451.

Гайнинцы (народное предание)

Записано в д. Удик Осинского (ныне Бардымского) района Пермского края Киреем Мэргэном от Х. Ибрагимова.

Опубликовано в: Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды / Перевод с башкирского. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 117.

Жил когда-то на свете Гайна-батыр. В пермский край он приехал на олене. В те времена земля была очень холодной. Спросите, почему? Да потому что солнца тогда не было. Было оно во власти аждахи, что жил за Толтау, Пришел Гайна-батыр, убил аждаху и вызволил солнце из подземелья. Повесив его на рога оленя, перенес на эту сторону реки Тол. «Каждый день жди меня в это время», – сказала солнце и поднялось в небо. Гайна ждал солнце, и оно каждый день в одно и то же время восходило над землей. Так, ежедневно ожидая Солнце, Гайна незаметно для себя привязался к этим местам. Решил не покидать их, там и обосновался. Отсюда распространился род гайнинцев. Гайнинцы – самые первые башкиры.

Список сокращений

- ААН – Архив Академии наук
а.к. – археологическая культура
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
а.о. – археологическая общность
ВДИ – Вестник древней истории
ГАФКЭ – Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИЭО – историко-этнографическая область
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории (искусства)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ АН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИКХ – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ПА – Поволжская археология
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РИБ – Русская историческая библиотека
СА – Советская археология
СамГПу – Самарский государственный педагогический университет
СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук
УОП ИЭиА РАН – участок оперативной печати Института этнологии и антропологии РАН
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЭКА – этнокультурный ареал
FU – Finno-Ugrica

Сведения об авторах

Аксанов Анвар Васильевич – к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань).

Ахметзянов Марсель Ибрагимович – д.филол.н., главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань).

Белавин Андрей Михайлович – д.и.н., профессор, заведующий отделом истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, проректор по научной работе и внешним связям ПГГПУ (Пермь).

Гарустович Геннадий Николаевич – к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа).

Иванов Владимир Александрович – д.и.н., профессор, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа).

Исхаков Дамир Мавляевевич – д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань).

Казаков Евгений Петрович – д.и.н., главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань).

Крадин Николай Николаевич – д.и.н., профессор, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток).

Крыласова Наталья Борисовна – д.и.н., профессор ПГГПУ (Пермь).

Кумеков Булат Ешимхамбетович – д.и.н., академик Национальной Академии наук Республики Казахстан (Алмата, Казахстан).

Любчанский Илья Эдуардович – к.и.н., доцент кафедры истории России и зарубежных стран Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск).

Маслюженко Денис Николаевич – к.и.н., декан исторического факультета Курганского государственного университета (Курган).

Миннегулов Хатип Юсупович – д.филол.н., профессор Казанского федерального университета (Казань).

Миргалеев Ильнур Мидхатович – к.и.н., заведующий Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань).

Нуриева Фануза Шакуровна – д.филол.н., профессор Казанского федерального университета (Казань).

Почекаев Роман Юлианович – к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

Расторопов Александр Васильевич – к.и.н., Самарское областное археологическое общество (Самара).

Самигулов Гаяз Хамитович – к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

Трепавлов Вадим Винцерович – д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва).

Хакимов Рафаэль Сибгатович – д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань).

Хаутала Роман – доктор наук (PhD), исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу (Оулу, Финляндия).

Содержание

Предисловие (<i>Рафаэль Хакимов</i>)	3
Введение (<i>Ильнур Миргалеев, Анвар Аксанов</i>)	6
Глава I. Древние кочевники и Приуралье	16
§ 1. Кочевники Евразии (<i>Николай Крадин</i>)	16
§ 2. «Ранние государства» и их аналоги Урало-Казахстанских степей в эпоху великого переселения народов (<i>Илья Любчанский</i>)	21
§ 3. Волго-Уральский регион в эпоху Тюркских каганатов (<i>Владимир Иванов</i>)	33
§ 4. Кимакский каганат (<i>Булат Кумеков</i>)	39
§ 5. Финно-угры в Приуралье (<i>Андрей Белавин, Наталья Крыласова</i>)	51
§ 6. Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр (<i>Александр Расторопов</i>)	63
Глава II. Волжско-Камская Булгария и политические объединения тюрков-кочевников	72
§ 1. Западное Приуралье в составе Булгарского государства (<i>Андрей Белавин</i>)	72
§ 2. Огузы и печенеги в степях Заволжья и Приуралья (<i>Владимир Иванов</i>)	85
§ 3. Кыпчаки в Приуралье (<i>Владимир Иванов</i>)	94
§ 4. О религиозных верованиях тюркских племен и распространении ислама у огузов и кыпчаков (<i>Геннадий Гарустович</i>)	105
§ 5. О средневековом угорском компоненте в формировании этноса и культуры тюркоязычного населения Волго-Уралья (<i>Евгений Казаков</i>)	114
§ 6. Население Западного Приуралья в X–XIV вв. (<i>Андрей Белавин, Владимир Иванов</i>)	118
Глава III. Золотая Орда и становление татарского народа	128
§ 1. Образование Золотой Орды (<i>Вадим Трепавлов</i>)	128
§ 2. Приуралье в составе Золотой Орды (<i>Владимир Иванов</i>)	144
§ 3. Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XV веков (<i>Роман Хаутала</i>)	156
§ 4. Мусульманские мавзолеи золотоордынского периода (<i>Геннадий Гарустович</i>)	177
§ 5. Язык письменных памятников золотоордынского периода (<i>Фануза Нуриева</i>)	184
§ 6. Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии (<i>Рафаэль Хакимов</i>)	198
§ 7. Трансформация Золотой Орды в татарские юрты (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	220
Глава IV. Татарские ханства (Казанский и Сибирские юрты, Ногайская Орда)	225
§ 1. Восточные улусы Казанского ханства (<i>Анвар Аксанов</i>)	225
§ 2. Земли Приуралья в составе Тюменского и Сибирского ханств (<i>Денис Маслюженко, Гаяз Самигулов</i>)	250
§ 3. Южное Приуралье в составе Ногайской Орды (<i>Вадим Трепавлов</i>)	263
§ 4. Иштякская общность Приуралья в средневековье (<i>Дамир Исхаков</i>)	278
§ 5. Правовое развитие тюрко-татарских государств XV–XVII вв.: основные тенденции (<i>Роман Почекаев</i>)	295
§ 6. Татарская литература периода Казанского ханства (<i>Хатип Миннегулов</i>)	312
Заключение (<i>Рафаэль Хакимов</i>)	317

Приложения. Источники по истории татар Западного Приуралья

<i>(Анвар Аксанов, Марсель Ахметзянов, Ильнур Миргалеев, Роман Хаутала)</i>	318
Из сочинений Мухаммада ал-Идриси о Восточной Европе	318
Мухаммад ал-Идриси. VII климат, 7-я секция	329
Запись брата Рикардуса об открытии Великой Венгрии (начало 1236 года)	330
Письмо брата Иоганки венгра	340
Гильом де Рубрук о реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране	343
Из сочинения Ала ад-Дина Ата-Мелик Джувейни «История завоевателя мира»	344
Рашид ад-дин. «Сборник летописей»	359
Послание папы Иоанна XXII христианским венграм, мелькитам и аланам Чагатайского улуса с рекомендацией нового епископа Самарканда Томмазо Манказоле. 29 сентября 1329 года	366
Утемиш-хаджи. «Чингиз-наме»	368
Из сочинения Ибн Арабшаха	383
Иоганн Шильтбергер. «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г.»	391
Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани	395
«Фи бейан-и тарих»	396
Сообщение сейида Мухаммед-Ризы о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамыша	397
Сообщение Хюрреми-челеби Акай-эфенди о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамыша	397
Перевод списка ярлыка, выданного ханом Ибрагимом группе феодалов, осуществленный абызом Артыком Иманаевым. (Не ранее 1682 г. июня – не позднее 1685 г. января 19)	398
Тарханный подтверждающий ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1)	399
Московский летописный свод конца XV века о походе великокняжеских сил на Казань в 1469 году	400
М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях (1517 г.)	402
Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии (1523/1524 г.)	402
Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии	403
Казанская история о Приуралье	403
Сообщения А.М. Курбского о землях и народах Казанского ханства	403
Духовная царя и великаго князя Иоанна Васильевича, самодержца всероссийскаго. 1572 г.	405
Указная грамота великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, в Слободку на Каму, Якову да Григорью Аникеевым детем Строганова (6 августа 1572 г.)	405
О убиении Русских торговых людей и ваташиков от Черемисы и Башкирцов	406
О приходе Сибирских людей Пелымскаго князя под Пермские городы, и под Канкор, и под Кергедан и под Чусовские городки, и под Сылвянской и Яйвинской острожки	406
Статья из Соликамской летописи о нападении пелымского князя Кихека в 1581 году	407
Описание Сылвенского уезда из Писцовой книги И. Яхонтова 1579 года	407
Перепись Яхонтова 1579 г. – Чердынского же уезду погосты и деревни и починки отоже ее в Косе	407

Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132-го (1623 и 1624) годов	409
1582 г. ноября 16. – Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Тимофеева с товарищами	409
1593–94 г. – Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ним	411
1596 г. марта 16. – Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому с товарищами о разных местных делах	416
1600 г. не ранее июня 15. – Отписка тюменского воеводы кн. Л.О. Щербатого голове Туринского острога Ф. О. Янову о враждебных намерениях уфимских и сибирских татар и ногайцев	418
Отписка тюменского воеводы князя Луки Щербатова уфимскому воеводе Михаилу Нагово о произведенном им сыске по поведению нападений тюменских татар на башкирские волости, с просьбой произвести сыск о том же среди башкир, и об отпуске на Тюмень бухарцев для сыску о погромных лошадях и рухляди (28 августа 1600 г.)	419
Описание сылвенских земель М. Кайсарова (1623–1624 гг.)	420
Деревня Гайва на устьи речки Гайвы на реке на Каме (из книги М. Кайсарова)	422
Кунгурския писцовыя книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова 1623–1624 гг.	422
1628 г. июля 18. – Грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину о принятии мер против калмыков, в случае если они прикочуют ближе к ясачным волостям Тюменского уезда	428
Царская грамота Уфимскому воеводе И.Г. Желябовскому и подьячему И. Латкину Об ограждении земельных прав башкир Шигира Кулгаева с товарищами, нарушаемых приказчиками и крестьянами Строгановых от 27 февраля 1632 г.	429
От (Казанлы?) Рахман кулу (крымскому муфтию?)	430
О башкирах из сочинения Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии» (1692 г.)	431
Абдулгаффар Кырыми о племенах «башкурт» и «тюмен»	433
П.И. Рычков о дорусской истории башкир и Уфы	433
Из сочинения П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи»	434
Из сочинения П.-Ш. Левека «История народов, подвластных России» (1783 г.)	438
О наделении <i>народом, землей, лесами и водами</i> ногайских биев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян	438
«Последний из Сартаева рода»	441
Татарские этнонимы по данным татарских шеджере	448
К вопросу о «башкирских шеджере»	452
Шеджере племени Юрматы	453
Кара-Табынское шеджере племени Ирэкте	456
Шеджере Хуббихужи Тюмисева (шежере гайнинцев)	456
Гайнинцы (народное предание)	457
Список сокращений	458
Сведения об авторах	459

ИСТОРИЯ ТАТАР ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ
Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье.
Татарские средневековые государства

Коллективная монография

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 30.08.2016 г.
Формат 84x108 ¹/₁₆ Бумага ВХИ. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печатных листов 29,0. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Центр инновационных технологий»
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231–05–46, 231–08–71
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф